

Чародей в ярости
Чародей-странник

Кристофер
Шташеш

Чародей в ярости
Чародей-странник

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Кристофер
Шташеш

Чародей
в ярости

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

CHRISTOPHER
STASHEFF

The Warlock Enraged
The Warlock Wandering

КРИСТОФЕР

СТАШЕФ

Чародей в ярости

Чародей-странник

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Coe)-44

C11

Серия основана в 1999 году

Christopher Stasheff
THE WARLOCK ENRAGED
THE WARLOCK WANDERING
1986

Перевод с английского Н.А. Сосновской

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник М.Н. Калинин

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Spectrum и Nova Littera Ltd.

Подписано в печать 10.12.02. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 9000 экз. Заказ № 2466.

Сташеф К.

C11 Чародей в ярости. Чародей-странник: Фантаст. романы /
К. Сташеф; Пер. с англ. Н.А. Сосновской. — М.: ООО «Издатель-
ство АСТ», 2003. — 621, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-015006-7

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное — слово там, где сделать это было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В мире высоких замков, сильно нуждающихся в ремонте, прекрасных принцесс, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, обольстительных и веселых ведьмочек, гнусных до неправдоподобия монстров и — ЧАРОДЕЕВ ПОНЕВОЛЕ. Чародеев, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор и еще раз юмор!

Мы росли на саге о невероятных приключениях достопочтенного сэра Рода Гэллоугласса.

Мы — выросли. Приключения — остались.

Мы никогда не сумеем вырасти из этих приключений!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Christopher Stasheff, 1986
© Перевод. Н.А. Сосновская, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Чародей в ярости

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В последнее время меня стало тревожить постоянное увеличение числа историков на острове Грамерай. В то время как я впервые прибыл сюда, здесь никаких историков не было — по крайней мере насколько мне известно. Потом брат Чильде начал составлять летопись, а вскоре появилось еще пятеро летописцев. Не то чтобы это было плохо само по себе — Грамераю совсем бы не повредило, если бы эта страна обзавелась собственной, точно описанной историей. Тревожит меня то, что каждый из этих юных Фукидидов ловко обходит те события, на фоне которых представляемая им сторона смотрится плоховато, и, наоборот, в ярких красках расписывает те происшествия, которые рисуют его сторону наивыгоднейшим образом. Говоря так, я прежде всего имею в виду монахов и Церковь, но есть и другие примеры. Мне известен один юный чародей, который пристрастился к ведению дневника, а также младший сын одного мелкопоместного дворянина, также посвятивший себя этому занятию. В общем, в целях соблюдения объективности я решил изложить свою версию событий, имевших место в Грамереае. Несомненно, и мой труд также не будет лишен субъективной точки зрения, но хотя бы это будет взгляд со сто...

— Это мое место, Делия!

— А вот и нет, Джеффри, ты сам знаешь, что нет! Эта половина полки — моя, тут должны лежать мои куклы!

— Вот еще! Здесь уже несколько недель подряд стоит мой замок!

Род раздраженно бросил на стол перо. Он уже три недели пытался засесть за работу и вот наконец начал свой труд по истории Грамерая, и именно этот момент детишки выбрали для того, чтобы начать ссориться! Род уставился на начатую страницу...

И увидел, что по ней расплывается огромная клякса — попали чернила с брошенного пера.

Отчаяние Рода переросло в гнев. Он вскочил со стула:

— Делия! Джефф! Нашли тоже о чем спорить! Гвен, ты что, не можешь...

— Нет, не могу! — донесся с кухни усталый голос жены. — Иначе на ужин у вас будут головешки вместо... Ой! — Послышался звон металла. Жена Рода отчаянно прокричала: — Магнус! Сколько раз тебе говорить: не трогай ничего на кухне, когда я готовлю!

— Дети! — сердито возгласил Род, войдя в детскую. — И зачем только я их породил!

— А нас не ты породил, папуля, — заметил трехлетний Грегори, выглянув из-за кресла. — Нас мамуля родила.

— Ну да, а я так просто рядышком стоял. Джеффри! Корделия! Прекратите немедленно!

Перед Родом предстал суший кавардак: уйма недоделанных глиняных фигурок, игрушек, обрывков древесной коры, к которым были привязаны сучки, палочки и солома. Такие «сокровища» имеют ценность только для тех, кому еще не исполнилось тринадцати лет.

— Что за беспорядок? (На самом деле такой беспорядок царил в детской каждый день.) Неужели вы успели забыть, что эта комната была безукоризненно чистой, когда вы проснулись нынче утром?

Дети испуганно обернулись к отцу. Корделия возразила:

— Но это же было... четыре часа назад, папа.

— Вот-вот, и вы, как видно, очень сильно постарались, чтобы всего за четыре часа тут все так испоганить! — Род топнул ногой и, угодив в лужицу разлитой на полу охры, поскользнулся. Долю секунды он провел в подвешенном состоянии, беспомощно размахивая руками, словно дрон, пытающийся

впервые в жизни взлететь, а потом шлепнулся на спину. От удара диафрагму Рода свело спазмом, он пытался вдохнуть, но не мог. Корделия и Джеффри в испуге попятились к стене.

Наконец Род хрипло, судорожно втянул в легкие воздух и в ярости завопил:

— Ах вы, негодные поросята! Неужели так трудно прибрать за собой?!

Дети, вытаращив глаза, прижались к стене.

Род, побагровев от злости, поднялся на ноги.

— Намусорили, набросали всякой гадости, перессорились из-за какого-то идиотского места на полке, но что самое мерзкое — вы имеете наглость огрызаться!

— Мы не огрызались... Мы...

— Вот! Опять огрызаетесь! — Род наставил на детей указательный палец. — Запомните, вы не имеете права спорить со мной! Если я говорю, что вы это делали, значит, вы это делали! И не вздумайте говорить, что не делали!

Род гневно взирал на детей сверху вниз.

— Несносные, глупые, ослиные отродья!

Дети, выпучив от страха глаза, прижались друг к дружке.

Род размахнулся, готовясь отшлепать их.

Но тут послышался щелчок, похожий на пистолетный выстрел, и между Родом и младшими братом и сестрой возник старший — Магнус. Магнус раскинул руки в стороны, защищая Джеффри и Корделию:

— Папа! Они не хотели! Они...

— Не рассказывай мне, чего они хотели! — прокричал Род.

Одиннадцатилетний Магнус побледнел, но с места не тронулся. Род из-за этого только еще сильнее распалился:

— Да как ты смеешь вмешиваться! Маленький наглец...

— Род! — В комнату, вытирая руки фартуком, вбежала Гвен. — Да что с тобой?

Род развернулся и грозно покачал указательным пальцем:

— Не вздумай их оправдывать! Если бы ты приучала детей к порядку, такого бы не случилось! Но нет, как же! Ты их выпустила, они делают что хотят. Ты их только поругиваешь порой — и то только тогда, когда их поведение становится уж вовсе невыносимым!

Гвен строптиво вздернула подбородок:

— А по-моему, ты не соображаешь, что говоришь! Ведь это ты вечно просишь пожалеть их, когда я намереваюсь их наказать...

— Вот-вот, «когда»! — Сверкнув глазами, Род шагнул к жене. — А сколько раз так бывало, что они заслуживали порки, а ты только отчитывала их и этим все заканчивалось? Подумала бы головой, женщина, — если умеешь думать!

Род окинул жену взглядом с головы до ног и презрительно скривился.

Глаза Гвен гневно полыхнули.

— Довольно, муж мой! Даже у твоей злости должны быть границы!

— Границы! Пределы! Только про это ты и горазда болтать! — разбушевался Род. — «Делай то!», «Не делай это!», «То нельзя!», «Это нельзя!». Семейная жизнь — сплошные препоны! Да ты когда-нибудь...

— Пожалуйста, тише! — вскрикнул Магнус и встал между родителями, протянув руки к матери и отцу. — Умоляю вас! — Он был бледен и весь дрожал. — Мама! Папа! Ну пожалуйста!

Род ослабил и снова размахнулся.

Магнус сжал кулаки, стиснул зубы.

Род ударил изо всех сил...

...Но его рука рассекла воздух, а его по инерции понесло к стене. Пребольно стукнувшись, Род рухнул на пол. Медленно поднявшись, бледный, дрожащий от злости, он прорычал:

— Я тебе запрещал применять ко мне твое колдовство, мальчишка! Я тебе говорил почему!

Он выпрямился во весь рост. Ярость закипала в его груди.

Джеффри и Корделия поспешили спрятаться за широкой юбкой матери. Гвен прижала к себе Магнуса, но тот развернулся к отцу лицом. Мальчик дрожал, но был готов защитить и мать, и младших братишку с сестренкой.

Род гневно смотрел на семейство, объединившееся против него, готовое обрушить на него колдовские силы, свести его в могилу. Род прищурился и вперил злобный взор в своих домашних, но через несколько мгновений взгляд его стал отстраненным — он устремил его внутрь себя, глубоко-глубоко, в ту

мрачную бездну, где дремали его сверхъестественные силы, пробужденные проективной телепатией лорда Керна в другом мире, где также действовала магия. Роду не так легко было воспользоваться своим магическим даром, как прочим членам его семейства. Он не умел колдовать по желанию, для него это было не то же самое, что образ мысли, но стоило ему выпустить свои магические силы на волю — и он мог сразиться с женой и детьми наравне. Вот и теперь он воззвал к этим силам и ощутил, как они копятя внутри него.

— Мама! — услышал Род голос Магнуса, который, как ему показалось, донесся из другой вселенной. — Мы должны...

— Нет! — пылко возразила Гвен. — Он твой отец, и ты должен любить его — когда на него не нападает эта лихоманка!

Что это значило? Процесс накопления магических сил приостановился.

На затуманенном поле зрения Рода возникла маленькая фигурка — сбоку и чуть впереди от жены и других детей. Малыш, покачивая головкой, смотрел на отца. Это был трехлетний Грегори.

— Папочки тут нет, — заявил он.

Это заявление подействовало на Рода так, словно его окатили из ведра ледяной водой. Малыш произнес эту фразу уверенно, открыто, на удивление разумно, но при этом смысл ее был каким-то странным, чужим. Род смотрел в глаза младшего сына, и им все сильнее овладевал страх — страх и новый гнев. Теперь Род злился на футурианцев, которые в свое время похитили его, а потом увели всех остальных членов его семейства от Грегори, когда тот был грудным малюткой. Род всегда опасался того, что это скажется на психике ребенка. Грегори рос тихим, задумчивым, рассеянным мальчиком, порой даже диковатым. Род не отрывал взгляда от Грегори. Страх за малыша пересилил злость на остальных домашних. Злоба утихла, и вскорее пропала вовсе.

— Кого здесь нет? — шепотом спросил Род.

— Лорда Керна, — ответил Грегори. — Того папочки, что был похож на тебя — в том, другом Грамерае, про который ты рассказываешь сказки.

Род, не мигая, глядел на сына.

Наконец, овладев собой, он подошел ближе к Грегори. Магнус рванулся было к малышу, но Род нетерпеливо отмахнулся. Опустившись на одно колено, он еще более пристально заглянул в глаза трехлетнего продиджи мальчугана.

— Нет, нет, лорда Керна тут нет. Его нет нигде — кроме, пожалуй, того мира, где он живет, — сказочного Грамерая. Но почему ты решил, что он здесь был?

Грегори склонил головку набок:

— А разве ты только что не попробовал потрогать его ум своим умом, чтобы взять его силу?

Род от изумления вытаращил глаза. Дар речи покинул его.

— Грегори! — в тревоге воскликнула Гвен и порывисто шагнула к малышу, но тут же отступила. Род, сильно побледнев, не спускал глаз с мальчугана.

В конце концов он, обиженно нахмурившись, перевел взгляд на жену.

— Да что я — медведь какой-нибудь? Или волк? — Он обвел взглядом детей. — Дикий зверь, да?

Дети, сбившись в кучку, смотрели на отца широко раскрытыми глазами.

Взгляд Рода стал потерянным.

— Вы так думаете. Вы правда так думаете? Да?

Дети молча, не мигая, глядели на него.

Род не в силах был пошевелиться.

Но вот он вскочил, резко развернулся и стремительно зашагал к двери.

Корделия бросилась следом за ним, но Гвен успела ухватить ее за руку.

Род вышел из дому. День выдался пасмурный, небо заволочло унылыми тучами. Налетел холодный ветер, но Род этого даже не заметил.

Наконец Род остановился на вершине холма в миле от дома. Там он долго простоял, глядя на простирающуюся внизу широкую равнину, но почти не видя ее. Наконец он устало уселся на высохшую траву. Пока он шел сюда, коловращение его мыслей успело уняться, и вот теперь разум его почти совсем опустел. В ту пустоту пытались пробраться мучительные сомнения. Род негромко спросил:

— Что случилось, Векс?

Конь-робот отозвался, хотя и находился в миле от холма — в стойле возле дома. Род услышал его голос с помощью миниатюрного динамика, имплантированного в черепную кость за ухом.

— Ты вышел из себя, Род.

Род раздраженно скривился. Да, тело коня-робота могло находиться как угодно далеко от него, и все же эта древняя семейная реликвия видела его насквозь, как будто их разделял фут, не более.

— Это я понимаю, — отозвался Род. Микрофон, имплантированный в верхнем нёбе, чуть повыше зубов, уловил его голос и перенес к Вексу. — Но ведь это была не просто злость, правда?

— Это была ярость, — согласился Векс. — Открытая, настоящая, откровенная ярость, беспредельная, не ведающая границ.

Немного помолчав, Род спросил:

— А что могло случиться, если бы жена и дети не смогли защититься?

Векс ответил не сразу. Медленно выговаривая слова, он рассудительно произнес:

— Я смею надеяться на то, что твоя врожденная порядочность и чувство чести стали бы для них достойной защитой.

— Да, — пробормотал Род. — Я тоже надеюсь на это.

Он долго сидел — молча, погруженный в ощущение вины, охваченный угрызениями совести. Даже ветер обходил его стороной.

Прошло еще какое-то время, и рядом с ним послышалось шуршание ткани. Род не подал виду, что услышал этот звук, но тело его инстинктивно напряглось. Он ждал, но несколько минут царил безмолвие. В конце концов Род не выдержал и проговорил:

— Я опять сорвался.

— Да, — тихо отозвалась Гвен.

В ее голосе не было осуждения, но и утешения тоже не было.

Что-то шевельнулось в душе у Рода. Это «что-то» могло бы взречь и превратиться в гнев, но теперь вся его злость словно выгорела.

— В последнее время это со мной стало слишком часто случаться, верно?

Гвен, помолчав пару секунд, проговорила:

— За последний год — пожалуй, десяток раз.

Род кивнул:

— И столько же раз в прошлом году, а в позапрошлом году — полдесятка раз, причем два раза я сорвался на аббата, когда он пытался затеять раскол.

— А третий — на то чудовище, что пришло с болот...

Род раздраженно покачал головой:

— Не пытайся меня оправдать. В конце концов я всегда срываюсь на тебя и детей — чаще, чем на кого бы то ни было. В последние три месяца я выходил из себя каждые две недели, верно?

Гвен растерялась, немного помедлила и ответила:

— Но еще ни разу ты не гневался так сильно, как сегодня, господин мой.

— Верно, так плохо еще ни разу не было. И вообще мне кажется, что с каждым разом становится все хуже.

Гвен нерешительно проговорила:

— Ты и прежде угрожал нам побоями...

— Да, но ведь на самом деле я ни разу этого не делал, правда? — От неприятных воспоминаний Род поежился и сжал голову в ладонях. — Поначалу я просто швырялся чем попало. Потом я начал швыряться чем попало без помощи рук. А сегодня я набросился бы на Магнуса, если бы вовремя не появился Грегори. — Он в отчаянии посмотрел на жену. — И откуда он только взялся, этот мальчишка?

Гвен едва заметно улыбнулась:

— Неужто ты забыл? Может быть, мы его из Тир-Хлиса принесли, господин мой.

— Ах да. — Род отвернулся и снова обвел взглядом равнину. — Тир-Хлис... Чудесная, волшебная страна, где так много всевозможных фэйри и волшебников. И еще там... лорд Керн.

— Вот-вот, — тихо проговорила Гвен.

— Мое второе «я», — с горечью произнес Род. — Мой двойник в параллельной вселенной, чей дар волшебства несравним с моим и чей буйный нрав под стать его могуществу чародея.

— Вы во многом похожи, — сказала Гвен. — Но только не нравом.

— Это верно, и в способности к волшебству нас также сравнивать нельзя. Но я научился «заимствовать» его дар волшебства и за счет этого смог раскрывать собственные силы, так долго дремавшие во мне.

— Но это случается тогда, когда ты позволяешь его гневливости наполнять тебя, — мягко напомнила Гвен.

— Верно. Кроме того, в такие мгновения и моя собственная несдержанность вырывается наружу, круша все препоны.

— И все же... Есть и другое, что ты перестал скрывать и сдерживать, — осторожно проговорила Гвен и коснулась руки мужа.

Род не ответил на ее прикосновение.

— Думаешь, игра стоила свеч? Ну, допустим. Раньше я был телепатически невидим, никто не мог прочесть моих мыслей. Разве это было не лучше, чем эти приступы ярости?

— Знаешь, я бы сказала, что соединение наших с тобой сознаний искупает твои вспышки гнева, — медленно проговорила Гвен, — если бы не...

Род терпеливо ждал.

— Но твои мысли снова тускнеют, господин мой.

Род промолчал. Он сидел, понуро склонив голову.

— Что, — спросил он через некоторое время, — я снова прячусь от тебя?

— А ты сам этого не чувствуешь?

Род посмотрел в глаза жены и кивнул:

— Но разве это так удивительно — при том, что я не могу доверять самому себе и не знаю, когда меня в следующий раз охватит вспышка ярости? Когда я уже начинаю казаться себе каким-то зверем? Это ведь так стыдно!

— Ты нужен мне, господин мой, — негромко, но решительно отозвалась Гвен и нежно, но твердо сжала руку мужа. — Ты нужен мне и моим детям. Нам воистину повезло, что у нас есть ты. — Голос ее дрогнул. — Благословенна судьба наша!

— Спасибо. — Род ласково погладил руку жены. — Как приятно это слышать... Ну а теперь убеди меня в том, что это действительно так.

— Нет, — смущенно пробормотала Гвен. — Я не смогу этого сделать, да ты и не поверишь тому, что я тебе скажу.

— И даже тому, что ты сделаешь. — Род склонил голову и крепче сжал ее руку. — Будь терпелива, милая. Запасись терпением.

Они еще долго сидели, овеваемые ветром, не глядя друг на друга, — двое любящих друг друга людей, но при этом пребывающих в разлуке, двое людей, в отчаянии держащихся за тонкую нить, соединявшую их. Они сидели и молча смотрели на раскинувшуюся под холмом равнину.

Магнус отвернулся от окна и облегченно вздохнул.

— Идут, — сообщил он. — И за руки держатся.

— Дай посмотреть! Дай посмотреть! — Двое его братьев и сестренка бросились к окну, притиснулись друг к другу, прижали носы к стеклу.

— Они не смотрят друг на друга, — с сомнением проговорила Корделия.

— А за руки держатся, — напомнил ей Магнус.

— А о чем думают, — встревоженно добавила Корделия, — не разглядеть.

— Но все же они держатся за руки, — упорствовал Магнус. — А если ты не можешь разглядеть, о чем они думают, это значит, что ими владеют спокойные мысли.

— Да, — добавил Грегори. — Не все мысли у них разные.

— Не все. Не совсем разные, — согласилась Корделия, но это было сказано с откровенным скепсисом, свойственным восьмилетним девочкам.

— Ну, будет вам, детки, — окликнул кто-то ребятишек негромким раскатистым баском. — Отошли бы вы от окна, что ли. Да смотрите не наскакивайте на них, когда они войдут. Сомнительно мне, что им сейчас понравится, ежели их будут тискать да за руки тянуть.

Дети проворно обернулись и увидели перед собой эльфа ростом в полтора фута, широкоплечего, смуглого, с носом-«картошкой». Эльф был облачен в штаны и куртку, какие носят лесничие, а на голове у него красовался остроконечный колпак с завернутыми кверху полями и пером.

— Джеффри, — предупреждающе проговорил эльф.

Шестилетний мальчуган с явным недовольством отошел от окна.

— Но Робин, — обиженно протянул он, — я же только смотрел на них, и все.

— Верно. И я знаю, что ты переживаешь за мать с отцом. Только сдается мне, что родителям вашим чуть поболее свободы надо, чем вы им даете.

Корделия сердито плюхнулась на трехногий табурет:

— Но папа был такой злой, Пак!

— Ну да, вы мне так и сказали, — поджав губы, кивнул эльф. — Только ведь вы знаете, что он любит вас.

— Я и не думаю, что не любит, — нахмурившись, возразила Корделия.

Пак вздохнул и уселся на пол напротив девочки, скрестив ноги.

— А могла бы и помыслить такое, если он и вправду так раскипятился, как ты говоришь. — Пак обвел всех четверых детей взглядом. — Не переживайте, детки, он поправится.

Похоже, это его заявление детей не убедило.

— Ну, тогда называйте Пака вруном! — торжественно возгласил эльф.

Тут открылась дверь, и все дети разом вскочили и попятись было, но Пак прошептал:

— Не бойтесь.

Дети не тронулись с места, хотя явно побаивались.

Но их отец, вошедший в дом, вовсе не показался им великаном-людоедом. Он был всего-навсего высоким, темноволосым, худощавым мужчиной средних лет с грубо вылепленным лицом. Рядом с рыжеволосой женой он выглядел далеко не красавцем, а та... та просто светилась, а уж сколько ей было лет — это не имело никакого значения. Словом, если бы дети хоть раз задумались об этом, они бы заметили, как их родители прекрасно смотрятся рядом.

Но дети, естественно, на это внимания не обращали. Они видели только, что взгляд их отца снова полон заботы и теплоты, и бросились к нему обниматься.

— Папа! — воскликнул Магнус.

— Папуля! — уткнувшись носом в руку Рода, протянул Джеффри.

Корделия прижалась к отцу и тихонько всхлипывала. Грегори ухватил его за другую руку и очень серьезно проговорил:

— Папочка, ты снова вернулся.

Род заглянул в глаза младшего сына. Почему-то ему показалось, что тот говорит не только о том, что он только что переступил порог собственного дома.

— О папа, — всхлинула Корделия. — Я тебя так сильно люблю, когда ты папа, а не лорд Керн!

По спине у Рода побежали мурашки. Он обнял дочку за плечико и прижал к себе:

— Я не в обиде на тебя, детка. Думаю, его детям тоже знакомы такие чувства. — Род отвел взгляд от детей и посмотрел на Пака. — Спасибо, Робин.

— Ну, давно бы так! — ухмыльнулся Пак. — А то дождешься от тебя доброго слова, как же! Ну, гостю своему ты, знамо, уж точно ничего хорошего не скажешь.

Пак кивком указал в сторону кухни.

— Гонец? — недовольно нахмурился Род. — Гонец вошел в дом без приглашения? Тоби!

В комнату, приглаживая аккуратные усики, вошел худощавый молодой человек лет двадцати пяти. Его штаны в обтяжку были заправлены в сапоги недурной выделки, а камзол покрывала роскошная вышивка.

— Привет тебе, лорд чародей!

Гвен так и расцвела в улыбке. Даже Род с трудом удержался от усмешки, но разыграл неудовольствие.

— И тебе привет, бедоносец! Ну, что стряслось? Очередная катастрофа?

— О нет, на сей раз король призывает тебя по не столь уж серьезному делу.

— «По не столь уж серьезному»... — с насмешкой проговорил Род. Было видно, что он не очень-то этому верит. Поглядев на Гвен, он добавил: — Как думаешь, милая, почему это пугает меня сильнее, нежели если бы он сказал: «по делу чрезвычайной важности», а?

— Наверное, ты судишь по опыту, — улыбнулась Гвен. — Не стоит ли мне сопровождать тебя?

— Был бы очень тебе признателен, — со вздохом ответил Род. — Если и вправду дело, как утверждает Тоби, не слишком важное, значит, сначала предстоит светское общение. Ну а ты же знаешь, как мы ладим с Катариной.

— Еще бы не знать, — довольно улыбнулась Гвен.

В свое время королева Катарина расставила сети, чтобы поймать в них Рода, но поймала его Гвен.

Но не сказать, чтобы Катарине так уж не повезло. В ту пору нынешний король Туан Логир был самым завидным женихом в королевстве, а Род — неизвестно кем, загадкой.

В некотором роде он и продолжал оставаться загадкой. Почему бы еще Гвендилон, самая могущественная из грамерайских волшебниц, продолжала проявлять к нему интерес?

Род посмотрел на Пака:

— Не обидишься, Веселый Бродяжка?

Эльф вздохнул и развел руками:

— Что такое время для бессмертного? Ступай, ступай, раз король зовет!

— Спасибо, добрый проказник. — Род обернулся к жене. — На твоей метле полетим или на моей?

Гвен склонилась к колыбели, окутанной многими ярдами парчи, и лицо ее озарилось нежной улыбкой.

— Ой, какой милашка!

Королева Катарина с восторгом и лаской смотрела на свое дитя. Она была стройной блондинкой с большими голубыми глазами и совсем маленьким подбородком.

— Благодарю тебя за эту похвалу. Я горжусь своим чадом.

— Вам и следует им гордиться.

Гвен выпрямилась и задумчиво посмотрела на мужа.

Род огляделся по сторонам — в надежде на то, что взгляд Гвен предназначен кому-то еще. Но нет, вряд ли...

Катарина прижала палец к губам и сделала шаг к двери. Род и Гвен пошли за ней. Младенец остался на попечении няньки, двух горничных и двоих стражников.

Еще двое стражников стерегли дверь со стороны коридора. Гордый отец не спускал с них орлиного взора. Один из стражников осторожно, бесшумно прикрыл дверь, как только все вышли из детской. Род встретился взглядом с королем Туаном и кивнул:

— Теперь вам нет нужды переживать из-за отсутствия наследников.

— О да, — подхватила Гвен и лучисто улыбнулась. — Двое принцев — это такое счастье!

— Ну... Пожалуй, мне знакомы несколько королев, которые поспорили бы с таким утверждением, — усмехнулся Род. — Но все же королев, которые радовались помощи и поддержке своих младших братьев, я смогу насчитать намного больше.

— Надеюсь, у нашего Алана будет именно такая судьба, — сказал Туан и отвел взгляд. — Пройдемте в солярий, — предложил он и зашагал по коридору к соседней комнате — просторному залу со стрельчатыми окнами. Род последовал за королем, королева и Гвен шли за ними, оживленно переговариваясь. Род не забывал о том, что им с женой оказана большая честь: более никто из придворных в личные покои королевской четы не допускался.

Но если бы Гвен была болтушкой и кому-нибудь похвасталась оказанной ей честью, то, пожалуй, их с Родом перестали бы приглашать.

Кроме того, конечно, во внутренние покои допускался старый герцог Логир. Но это было другое дело. Теперь он носил почетный титул деда. А еще — Бром О'Берин, но ему, как лорду-канцлеру, личному советнику короля и королевы, допуск во внутренние покои был положен по штату.

Род на самом деле старался поменьше думать об оказываемой ему и Гвен чести. В конце концов с Туаном он познакомился в ту пору, когда будущий юный король был отверженным и считался государственным преступником, отправленным в ссылку за то, что он дерзнул ухаживать за Катариной. В то время Туан скрывался в трущобах столицы Грамерая и именовался «Королем Нищих». Он и не ведал того, что возглавляемая им беднота используется кое-кем как движущая сила для свержения королевы и разжигания гражданской войны.

— Если они вырастут друзьями, — сказал Род королю. — То есть настолько, насколько двое братьев могут быть друзьями.

— О да, и если их дружба выдержит все испытания.

По лицу Туана пробежала тень. Род догадался, что король вспомнил о своем старшем брате, Ансельме, восставшем против отца и королевы Катарины.

— Если так, то мы должны будем приложить большие усилия и постараться сделать так, чтобы они дружили, — заявила Катарина и взяла Туана под руку. — Однако я сомневаюсь, сударь мой, что наши гости прибыли к нам для того, чтобы говорить лишь только о детях.

— Кому-то эта тема, быть может, более приятна, нежели другая, — поспешно вставил Род, испытующе глянув на короля.

— Думаю, ты не ошибаешься, супруг мой, — добавила Гвен.

Катарина рассмеялась. Ее смех был подобен звону серебряного колокольчика.

— Для нас с тобой это так и есть, — сказала она. — Но сомневаюсь, чтобы такой разговор мог надолго занять наших супругов.

— Не суди о нас так строго, — возразил Туан. — Но все же я должен признать: нам и вправду следует обсудить дела политические. — Он вздохнул и отошел к письменному столу, стоявшему между двух широких и высоких окон. Рядом со столом на подставке висела карта. — Подойди сюда, лорд чародей. Поговорим о вещах менее приятных.

Род без особых опасений подошел к королю. Судя по тону Туана, того вряд ли что-то так уж сильно тревожило.

Молодой король встал возле карты и постучал кончиком пальца по тому месту, где располагалось княжество Романовых.

— Вот здесь в сей час сходятся наши интересы.

— Я не против, если они и вправду сойдутся только на час, — улыбнулся Род. — Ну, что затеял наш медведь, князь Романов?

— Дело не в его высочестве.

Род насторожился. Ситуация становилась более интересной.

— Это что-то новенькое, и я был бы этому рад. Немного устал, признаться, от занудных мятежей ваших двенадцати великих лордов.

— Вот как? — вздернул брови Туан. — А мне скучать не приходилось, когда лорды бунтовали.

— Ну, так что же стряслось в таком случае? Кто-то из его вассалов, какой-нибудь баронишка решил пойти против него?

— Если бы так... — вздохнул Туан. — В таких делах у меня есть кое-какой опыт. О нет, все совсем иначе. Ходят слухи о злом колдовстве.

— Слухи? — Род отвел взгляд от карты. — А не донесения от разведчиков?

— На севере у меня имеется несколько лазутчиков, — признался Туан. — Но и они говорят только о слухах, а не событиях, свидетелями которых стали самолично.

Род нахмурился:

— И никто из них не попытался добраться до источника слухов?

Туан пожал плечами:

— Никто — никто из тех, кто принес мне эти вести. Однако есть и другие — те, что давно молчат и не приносят мне вестей, а посланные мною гонцы не смогли их отыскать.

— Это дурной знак, — хмуро проговорил Род. — Быть может, эти лазутчики отправились на разведку и их поймали и пленили.

— Или того хуже, — подхватил Туан. — Ибо слухи говорят о злом колдуне, чья магия темна и зловеща. Он якобы рассылает своих приспешников по всему северу страны.

— Согласен, это веский повод для тревоги, но покуда его приспешники только шпионят, вреда от них немного. Но насколько я понимаю, они шпионажем не ограничиваются.

— Не ограничиваются, если верить слухам. Видишь ли, эти прислужники злого колдуна и сами колдуны. Они, пользуясь своими чарами и теми силами, которыми их наделяет их злобный повелитель, одолевают рыцарей-северян, стоит им сойтись в бою. Тогда колдуны берут в плен и самих рыцарей, и их жен и детей и начинают править всеми сервами и крестьянами, которые прежде принадлежали рыцарям.

— Да, беда рыцарям и их семействам, — покачал головой Род. — А вот сервам с крестьянами, пожалуй, все равно кому служить. Им-то какая разница, кто ими повелевает.

— Разница велика, — возразил Туан, — если прежний господин был добр, а новый суров. — Молодой король помрачнел. — А согласно получаемым мною вестям эти новые господа не просто суровы. Эти злые колдуны свирепы, как дикие звери.

— А что могут поделывать простые крестьяне против злого колдовства, — кивнул Род и нахмурился. — Сражаться с колдунами у них нет никакой возможности.

Туан поежился:

— И думать об этом нечего! Разве крестьянин вправе противиться приказанию господина? О нет, он обязан повиноваться. Это роль, отведенная ему Господом.

Роду стало не по себе. Эти слова были произнесены Туаном не сурово, не насмешливо и даже не напыщенно и не с набожным самооправданием. Сказано это было обыденно — как если бы король говорил о камнях, деревьях или ручьях, и вдобавок тоном, не допускающим возражений. Разве кому-то пришло бы в голову оспаривать существование камня? Особенно если этот камень пребольно стукнул вас по ноге...

Вот в чем состояла истинная опасность: не в воззрениях людей, а в тех понятиях, которые они считали истинными — особенно тогда, когда эти понятия были порочны по природе своей.

Род постарался отвлечься от этой мысли.

— Итак... Главный колдун занимается свержением местных князьков и захватом их владений. Намного ли он продвинулся в своих завоеваниях?

— Согласно слухам, его жертвами уже стали несколько баронетов, — угрюмо ответил Туан. — И даже сам князь Романов.

— Романов?! — Род в изумлении вытаращил глаза. — Один из двенадцати великих лордов. Как же он мог стать жертвой колдуна — и чтобы весть об этом не достигла столицы?

— Я понимаю как, хотя я и не чародей, — пожал плечами Туан. — Все просто. К примеру, его замок мог быть взят в осаду под покровом ночи и окружен железным кольцом. Затем к подъемному мосту было брошено немалое войско, к стенам приставлены осадные машины. После того как замок был за-

хвачен, враги могли позаботиться о том, чтобы оттуда не ускользнула ни одна живая душа.

Род мысленно содрогнулся от того, насколько равнодушно Туан изложил план осады.

— Но у Романова жили двое эсп... волшебниц! Я точно знаю — они гостили в одной из башен его замка!

— Насколько мне известно, более чем гостили, — с невеселой улыбкой отозвался Туан. — Они были преданны его высочеству князю — ведь он спас их от сожжения на костре. Они так старались — помогали больным и раненым. Кроме того, я нисколько не сомневаюсь, они собирали нужные вести для князя.

Род сдвинул брови:

— Если так, то они были весьма и весьма скрытными особами. К примеру, среди королевского сонма волшебниц не принято заглядывать в чужие мысли — кроме мыслей наших врагов.

— Либо тех, кто способен стать нашими врагами, — добавил Туан. — А кто говорит, что его волшебницы вели себя иначе? Думаю, они не позволяли себе большего. Все волшебницы исполняют повеления Катарины и советы твоей доброй супруги. Точно так же ведут себя и великие лорды — зная о том, какое могучее оружие являет собою чтение мыслей.

— И все же волшебницы, жившие у Романова, не смогли их предупредить? — Род недоверчиво поджал губы. — Этот колдун и впрямь силен. Но — кстати о чтении мыслей. Таким образом можно было бы проверить кое-какие слухи. Не просили ли вы, ваше величество, кого-либо из королевских волшебниц прочесть мысли князя Романова?

— Просил. Они не смогли разыскать его.

— Вот как... — Род поджал губы. — И чьи же умы из северян они смогли разглядеть?

Туан пожал плечами:

— Ничего особенного они не увидели. Пахаря, идущего за плугом, крестьянку, выгонявшую корову на пастбище, — ничего такого, что могло бы вызвать тревогу. Тревогу вызывало другое: то, что наш волшебник не мог мысленно разыскать ни рыцарей, ни баронов.

— Ну а как насчет черных мыслей злобных колдунов?

Туан медленно повел головой из стороны в сторону.

— Понятно, — проговорил Род и устремил взгляд к карте. — А внешне все спокойно. Впечатление такое, словно князь Романов вместе со своими благородными вассалами отправился в путешествие в неведомые края.

— Теперь ты понимаешь, почему я так взволнован происходящим?

Род кивнул:

— Мне это тоже не нравится... хотя в принципе — почему бы князю и вправду не уехать на какое-то время? Я вот, к примеру, в последнее время очень перенапряг нервную систему. Стресс за стрессом, ваше величество, стресс за стрессом... Гвен? — Род обернулся. Рядом стояла его жена. — Ты все слышала?

— Да, — улыбнулась Гвен. — И мне кажется, что слишком много шума из ничего.

— А я бы не стал утверждать, что мы так-таки делаем из мухи слона, — покачал головой Род и посмотрел в глаза Туана. — И все же, насколько я понимаю, на севере никто не стонет и не рыдает, не рвет на себе волосы.

— Все воистину так, — кивнул Туан и посмотрел на Гвен. — Я не вижу здесь великой опасности, леди Гвендилон. Вижу же я лишь избыток злого колдовства, направленного против тех, кто не владеет им.

— А также старания колдунов взять верх над обычными людьми, — добавил Род. — Но эту проблему можно решить просто: выставить против колдунов войско добрых волшебников, которые превзошли их числом. Помимо всего прочего, для нас крайне важно, что думают в народе о волшебниках, милая.

— Это верно, — решительно кивнула Гвен. — Нельзя, чтобы люди думали, будто бы все волшебники горазды прибегать к колдовству ради того, чтобы захватить власть.

— Вот-вот, — с усмешкой пробормотал Род, — особенно потому, что всякий мыслящий человек отлично знает, что власть захватывают с помощью оружия.

Туан нахмурился:

— Что ты сказал?

— Да так, ничего, — покачал головой Род и обратился к жене: — Ну, что скажешь, дорогая, насчет семейного отдыха. Попутешествуем по северу, а? — Заметив, что Гвен растерялась, он добавил: — Не думаю, что там и в самом деле слишком опасно. По крайней мере уж мы-то с тобой сумеем за себя постоять.

— О, конечно, — кивнула Гвен, но было видно, что это ее не утешило.

— Что же тогда тебя пугает? Боишься за детей? А я думаю — они не станут возражать.

— Несомненно, не станут. Но подумал ли ты о том, супруг мой, как мы управимся с ними в дороге, со всеми четырьмя?

— Естественно, — непонимающе сдвинул брови Род. — Управлялись же мы как-то с ними в Тир-Хлисе, помнишь?

— Помню, — вздохнула Гвен. — Что ж, муж мой, если ты думаешь, что так будет лучше, будь по-твоему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Род повернул ключ в замке, вынул, положил на ладонь Гвен и накрыл ее пальцами.

— Держи, о Хранительница Очага. — Пару мгновений он не спускал глаз с жены и нежно проговорил: — Не бойся, милая. Дом будет на этом же месте, когда ты вернешься.

— Понимаю, — горько вздохнула Гвен, — и все же всегда так нелегко покидать его.

— Знаю, — кивнул Род и оглянулся на дом. — Я точно знаю: пройду полдороги, а потом начну переживать — точно ли я погасил огонь в очаге.

— Ежели уж слишком сильно распереживаешься, позови любого эльфа, а тот скажет мне, — проворчал Бром О'Берин, стоявший рядом с супругами. — Минует пара-тройка минут — и другой эльф выскочит из дымохода и погасит твой очаг — ежели потребуется, само собой.

— Спасибо тебе, Бром, — ласково улыбнулась Гвен.

Гном что-то буркнул и стал еще более угрюмым.

— Так что за дом за свой не бойтесь. Эльфы его стеречь будут днем и ночью. И плохо придется тому, кто пожелает переступить порог.

Род пожал плечами:

— Да уж! Пак себе точно мозоли натрет! Ну, пошли, милая. Волноваться не о чем. Пора в дорогу.

Он обнял жену за талию и помог вспрыгнуть на спину оседланного Векса.

— А нам нельзя полететь, пап? — капризно спросила Корделия. Она сцепила руки за спиной, а из-за ее плеча выглядывала рукоятка метлы.

Род улыбнулся и посмотрел на Гвен. Та кивнула — едва заметно. Род обернулся к дочери:

— Только если будете держаться рядом со мной и с мамой.

Корделия радостно взвизгнула и оседлала свою метлу. Братья ответили ей радостным криком и взмыли в воздух.

— Ну, вперед, Старая Жестянка, — пробормотал Род, и величественный вороной конь-робот зашагал к дороге. Род шел рядом с ним, держа его под уздцы. Отойдя подальше от дома, он обернулся и помахал рукой Брому.

— Путешествие! Ура! — воскликнул Джеффри, подлетев к отцу. — Сто лет уже мы не путешествовали!

— Ну да, примерно — почти год, — согласился Род. Он весело усмехнулся. Ему казалось, будто у него гора упала с плеч. Он взял Гвен за руку и заглянул ей в глаза. — Признайся, милая, разве ты не чувствуешь себя хоть немножко более свободной?

— Чувствую, сударь мой, — радостно улыбнулась в ответ Гвен. — Хотя все мои ключи и замки при мне.

— Они же — мои кандалы, — усмехнулся Род. — Не спускай глаз с цепей, ладно? Главное, чтобы все звенья были целы... Магнус! Когда я говорил: «держаться рядом», я имел в виду и высоту! А ну, немедленно снижайся!

Семейство медника-лудильщика шагало вдоль деревни — веселое, беззаботное, перепачканное копотью. Одежда странников пестрела заплатами, горшки и сковородки, наваленные на спину коня, оглушительно звенели и клацали.

— Мне кажется, это не очень убедительно, Род, — негромко проговорил Векс. — К тому же, согласно моим наблюдениям, семейство *настоящего* лудильщика вряд ли может иметь собственную лошадь.

— А уж особенно — коня, который бы не посрамил и рыцаря. Все знаю, — отозвался Род. — Будут вопросы — скажу, что последнюю остановку мы сделали в замке и что его хозяин расплатился с нами конем.

— Род, у тебя совершенно неадекватное представление о стоимости боевой лошади в Средние века.

— Зато я точно знаю, что горшков, кастрюлек и сковородок в Средние века была просто уйма, — возразил Род и с любовной улыбкой обозрел своих «рекламных агентов», нещадно барабанивших по всей утвари на спине Векса. — Ну все, ребята, хватит. Думаю, вы уже всех оповестили о нашем прибытии.

Четверо маленьких Гэллоуглассов прекратили свою развеселую пляску и в последний раз ударили по горшкам и сковородам деревянными ложками.

— Так было весело, пап, а ты все испортил, — упрекнула отца Корделия и отдала отцу ложку.

— Ну, не все, конечно, — только большую часть, — уточнил Род. — Магнус? Джефф? Сдать оружие, ребята. Грегори, и ты тоже... Ага, а вот и клиент!

— Не мог ли бы ты залатать этот котелок, парень? — обратилась к Роду пухлая розовощекая крестьянка.

Род взял у нее небольшой котелок и присвистнул: котелок был чугунный, и его бок рассекала здоровенная трещина.

— Как же это вы его так раскололи?

— Да мой младшенький уронил, — нетерпеливо объяснила женщина. — Ну так что? Залатаешь или как?

— А то как же, — ухмыльнулся Род. — Работенка моя обойдется тебе вполпенни.

Круглое лицо крестьянки так и расцвело улыбкой.

— А я уж целый пенни припасла. Так и быть, заплачу тебе побольше, а уж работа твоя того стоит. Спаси тебя Господь, парень.

Роду не очень понравилось обращение «парень». В этих краях оно считалось полупрезрительным. Но все же он извлек

из мешка молоток и немного древесного угля, развел костерок и принялся за лужение. Магнус и Грегори уселись на корточки по обе стороны от отца и стали внимательно наблюдать за его работой.

— Вот так это делается, Магнус, — объяснял старший младшему. — Следи за моими мыслями. Металл состоит из крошечных зернышек — таких малюсеньких, что глазами их не увидишь...

— Они называются молекулами, — подсказал Род.

— Ага. А теперь я заставлю эти молекулы двигаться так быстро, что они начнут склеиваться друг с другом. Но я должен разгонять их так быстро, чтобы их жар при разогреве не успел распространиться по остальному металлу и не обжег папины руки, которыми он сжимает края вот здесь, где котелок треснул.

— Да уж, обжечься не хотелось бы, — пробормотал Род.

Грегори не спускал глаз с отца, брата и котелка.

Род — тоже. Он с трудом верил в то, что видел. А видел он, как металл вдоль краев трещины разогрелся докрасна и тут же стал оранжевым, а потом почти белым и начал плавиться.

— А теперь побыстрее охлади его! — прошептал Магнус. Лоб его покрылся капельками испарины. — Скорее, а то папа обожжется!

Свечение металла быстро угасло. Грегори напрягся, сдвинул брови, но было видно, что и трехлетнему малышу такая работа не слишком трудна.

Не слишком трудна! И это при том, что телекинезом, по идее, владели только женщины, и даже самые лучшие из волшебниц могли передвигать предметы, а уж никак не молекулы.

И вот котелок стал как новенький! Род вздохнул и несколько раз легонько стукнул по нему — просто так, для блезира, подальше от того места, где была трещина.

— Спасибо, Магнус, — сказал Род. — Вот уж помог так помог!

— Да чего там, пап, — улыбнулся старший сын и отер пот со лба.

— Папуль, — проворковал Грегори. — А ты знаешь, что с нами эльфы идут?

— Знаю, — усмехнулся Род. — Приятно знать, что мы не одни.

— Правда, — кивнул Грегори. — А вот я подумал, не попросить ли их, чтоб они порасспрашивали своих друзей на севере, как там дела. И попросил.

— Ты их попросил, вот как? — Род изумился, но постарался этого не показывать. Малышу было всего-то три годика, а он додумался до того, что не пришло в голову ни самому Роду, ни королю Туану. — Ну и что они тебе рассказали?

— Тетеньки теперь ничего не говорят волшебному народу, когда выбрасывают мусор на улицу, — вытаращив глазенки, сообщил Грегори. — Они не оставляют за порогом миски с молоком для эльфов. На дверях всех домов приколочено холодное железо — где подкова, где еще что-то, а в равноденствие никто не чистит очаги.

Рода зазнобило. Он покосился на ближайшее дерево, но его листва не пошевелилась.

— Что ж, теперь никто из тетенок не найдет шестипенсовой монетки в башмаке, — заключил Род. — И что же эльфы собираются делать?

— Ничего. На всю вспаханную землю здесь наложены злые чары, которые отталкивают волшебство эльфов. Эльфы рассердились, отвернулись от людей и разбежались по лесам.

Род несколько раз молча стукнул молотком по котелку.

— Пап, а на севере и вправду не так опасно, как ты нам говорил? — поковыряв в носу, осведомился Грегори.

«Уж слишком он сообразителен для своих лет», — с горечью подумал Род, отложил молоток и посмотрел малышу прямо в глаза.

— Пока я не вижу ничего страшного.

— Но знаки-то есть... — еле слышно пробормотал Магнус.

— Знаки — не доказательства, — покачал головой Род. — Вернее — не окончательные доказательства. Тем не менее я настороже. Именно поэтому мы путешествуем переодетыми — чтобы слушать, о чем говорят люди в округе, но чтобы они при этом не догадались, что беседуют с придворным чародеем и его супругой.

— Ты не хочешь, чтобы про нас узнали злые колдуны? Боишься, что они все попрячутся? — спросил Магнус.

— Не поэтому. Не хочу угодить в засаду. Нет-нет, я вовсе не думаю, что они устроили нам засаду, — просто не желаю рисковать. — Он в последний раз стукнул молотком по котелку и, держа его на вытянутой руке, залюбовался. — Славно потрудились, ребятаки.

— Для тебя мы всегда рады постараться, — заверил его старший сын, немного помолчал и спросил: — Пап, а если ты найдешь эти точные доказательства, про которые ты говоришь... тогда что?

Род пожал плечами:

— По-разному может получиться. Если ничего страшного не встретим, так и будем ходить по деревням, лудить и паять посуду, и в конце концов доберемся до северного побережья, а там покупаемся, порыбачим. Ведь вы никогда еще не плавали в океане, мальчики. Вы уж мне поверьте, океан — это не то же самое, что маленькое озерцо неподалеку от нашего дома.

— Вот бы поскорее туда добраться... — мечтательно проговорил Грегори. — Пап, а что, если все окажется плохо?

— Тогда вы, ребята, развернетесь кругом и проводите маму и сестренку домой, — решительно заявил Род.

— А ты?

— Я — верховный чародей, не забыли? — подмигнул детям Род. — Я не сам взял себе это звание, но должен ему соответствовать...

Грегори и Магнус переглянулись.

— Умоляю тебя, сударь мой, успокойся! — встревоженно поглядывая на мужа, проговорила Гвен. Она разжигала костер. — Лесничий не виноват в том, что в этом лесу нельзя охотиться.

— Не спорю, но он... он схватил Магнуса и выволок его из леса, словно мы разбойники какие-нибудь! — Род обхватил сжатую в кулак руку другой рукой. — Знал бы этот лесничий, что ему грозило! Хорошо еще, что Магнус вспомнил о том, что он играет роль сына лудильщика!

— А я испугалась не за то, сумеет ли мальчик сдержать себя, — покачала головой Гвен. — Боже, муж мой, видел бы ты свое лицо!

— Понимаю, понимаю, — махнул рукой Род и отвел взгляд. — Неудивительно, что лесничий потянулся за ножом. Но уж если бы он его выхватил...

— Он бы погиб, — безыскусно проговорила Гвен, — а завтра поутру нас бы схватили солдаты.

— Ну, уж это вряд ли, — засомневался Род. — Не посмели бы солдаты схватить верховного чародея!

— Ну да, — вздохнула Гвен. — Зато тогда весть о том, что мы идем на север, облетела бы всю округу. Так что я очень рада, что ты сдержал свой буйный нор.

— Да ничего я не сдержал, и ты это прекрасно знаешь! Если бы не вмешалась, не залепетала, не стала бы осыпать этого подонка лесничего благодарностями... ну прямо не женщина — а словесный водопад!

Гвен пожала плечами:

— Он заслужил благодарность. Будь он злой человек — он бы поколотил мальчика, а то еще отвел бы в замок к рыцарю да посадил в темницу.

Род возмущенно вытарашил глаза.

Гвен кивнула:

— О да, так бывает, сударь мой. Закон позволяет такое наказание. Я тебе даже больше скажу: доброго лесничего, поймавшего в лесу нашего сыночка, могут наказать за то, что он его отпустил, если кто-то проведаст об этом.

Род зябко поежился:

— Ну, тогда я рад, что отпустил его с миром. Но... Господи! Можно подумать, мальчик пытался оленя пристрелить! Он всего лишь крался за кроликом!

— Верно, но по законам о лесах и это — кража, — напомнила мужу Гвен. — Кролики, гуси, даже мышки и воробышки — все принадлежит владельцу окрестных земель. Охотиться на них — значит красть у него!

— Но как же тут живут люди? — Род сложил ладонь «ковшиком». — Вот мы, к примеру, сегодня недурно подзаработали — полтора пенни! Но нам пришлось истратить пенни на курицу и

полпенни — на хлеб! На что нам было бы жить, если бы ни у кого не билась посуда?

— Закон есть закон... — снова вздохнула Гвен.

— Нет, долго так продолжаться не может. — Род сжал пальцы в кулак. — Вернемся в Раннимед — непременно поговорю с Туаном!

— Поговори, — решительно кивнула Гвен. — И можем считать, что мы не зря отправились в это странствие — даже если по пути к океану не найдем более ничего дурного.

— Сомневаюсь, что так-таки не найдем, — печально покачал головой Род и проследил за взглядом жены. Та пристально смотрела на растопку. Щепочки разгорелись, Род вздохнул. — Пойду погляжу, как там ребятишки. — Неожиданно он нахмурился. — Ягоды тут хоть можно собирать или тоже нельзя?

Род рывком сел. С присвистом дыша и широко открыв глаза, он огляделся по сторонам.

Вокруг царил мирная ночь. Вдалеке слышалось стрекотание сверчков и кваканье лягушек, выводивших немислимые рулады. Эта «музыка» чудесным образом гармонировала с мириадами звезд на ночном небе.

Род улегся, подпер щеку рукой, согнутой в локте. Картина ночного мира успокоила его. Концентрация выброшенного в кровь адреналина понизилась, бешено застучавшее сердце забилося медленнее. Он уже даже не мог отчетливо представить приснившийся ему страшный сон — только смутно припоминал лицо лорда Керна.

Этому пора было положить конец. Он должен был каким-то образом развеять эти чары. Кто-то застонал. При том, как чувствовал себя Род, это его вовсе не удивило.

Но в следующее же мгновение он вздрогнул и прислушался. Кто бы ни застонал, это был не он сам.

Кто же тогда?

Звук послышался вновь — на этот раз ближе и громче. Это был не стон — скорее скрежет. Не пошевелившись, Род прошептал:

— Векс?

— Это я, Род.

Будучи роботом, конь Рода никогда не спал. Даже запас энергии у него заканчивался крайне редко.

— Услышал что-нибудь необычное?

— Да, Род. Данный звук возникает при трении камней друг о друга. Когда частота трения возрастает, возникает эффект Доплера.

— Что бы это ни было — оно приближается или удаляется?

— Приближается, и притом очень быстро, должен тебя...

Деревья на краю поляны затрепетали, на их фоне возник огромный черный силуэт. Его очертания смутно напоминали фигуру человека.

Род мигом вскочил на ноги и бросился к Вексу. Выхватив из мешка фонарик, он направил его на страшилище и нажал кнопку.

— Гвен! — крикнул он.

Гвен проснулась и приподняла голову как раз в то мгновение, когда луч света выхватил из мрака огромное чудище.

Если оно и имело некое отношение к женскому полу, то внешне представляло собой карикатуру на настоящую женщину. У этой чудовишной «дамы» имелись груди, но имелись и плечи, как у атлета, и ручищи, которые по мускулистости сделали бы честь лапам крупной гориллы. При этом пальцы чудовища заканчивались длинными ногтями, которые зловеще поблескивали в отсветах сверкающих глаз. Физиономия у этой жуткой дамочки была синяя. От яркого света чудовище зажмурилось и оскалилось, обнажив весьма выразительного вида клыки.

— Черная Аннис! — в ужасе выдохнула Гвен.

Страшилище на миг замерло, испуганное светом. Род крикнул:

— Магнус! Корделия! Разбудите малышей и взлетайте!

Старшие дети проснулись, словно их укололи чем-то острым, но на самом деле пробудила их тревога матери, которую они ощутили телепатически. Джеффри, свернувшийся клубочком, сел, протер глаза и капризно пробормотал:

— Я не малыш! Мне уже шесть!

А Грегори свечкой взмыл в небо, не сказав ни слова.

Тут чудовище взревело, бросилось вперед и успело обхватить Джеффри крепкой ручищей. Мальчик вскрикнул — но не

от страха, а от возмущения, и выхватил из ножен кинжал. Но в этот миг гневно вскричал Род — и чудовище поднялось в воздух и тут же камнем рухнуло вниз. Все бы хорошо, но при этом Черная Аннис ухитрилась заехать ногой Роду по спине. Джеффри размахнулся и ударил кинжалом по лапище великанши. Черная Аннис взвыла от боли и отпустила мальчика. Он взмыл ввысь, а Род стал подкрадываться к упавшему чудовищу. Глаза его были застланы кровавой дымкой. Он уже слышал знакомый гневный рык, чудовищная сила наполняла каждую его жилку. Лишь одна-единственная мысль воцарилась в его разуме: он желал увидеть чудовище разорванным на куски.

Он не видел, что Гвен отступает, отлетает назад, держа за руки Корделию и Магнуса.

А великанша вскочила на ноги и развернулась к Роду. Ее физиономия была перекошена от злости. Она подняла руки и уже была готова кинуться на Рода, но Род тоже не дремал: он наставил на страшилище указательный палец, и к нему устремилась вся сконцентрированная в его теле энергия.

Гвен прищурилась. Дети закрыли глаза.

Черная Аннис взорвалась и разлетелась на сотню кусков.

Род яростно взревел, мстительно радуясь одержанной победе, но Гвен крикнула младшим детям:

— Взлетайте выше!

Она не зря предупредила малышей: куски, на которые разлетелось чудовище, коснувшись земли, запрыгали, обзавелись длинными ушами и пушистыми хвостами и усаkali в лес.

Род стиснул зубы и кинулся следом за ними.

Но Гвен, оседлавшая метлу, догнала мужа, схватила за руку и попыталась докричаться до него, ослепленного яростью:

— Родни! Муж мой! Она была ненастоящая! Это был призрак, сотворенный из ведьминоho мха!

Эта мысль стрелой пробила мглу ярости Рода. Ведьмин мох — так называлось грибоподобное растение — эндемик этой планеты. Это растение обладало чувствительностью к телепатии. Если, глядя на скопление этого грибка, проективный эспер достаточно сильно концентрировал мысль, ведьмин мох мог превратиться во что угодно по желанию эспера.

А уж это означало, что где-то поблизости находится этот самый проективный эспер.

Гвен тянула Рода за руку:

— Успокойся, супруг мой! Остановись, погоди! Если это чудовище было сотворено нарочно, значит, тот, кто сотворил его, хочет, чтобы эти ожившие куски разбежались. Но если злодей заметит тебя, он покажется нам на глаза, и тогда мы сумеем схватить его!

— Да я его в пепел обращаю! — процедил сквозь зубы Род. Однако здравый смысл уже пробил брешь в его ярости.

— Горстка пепла не расскажет нам о том, что нам нужно узнать, — возразила Гвен.

Род наконец внял ее увещаниям и остановился. Не важно, кто сотворил это чудовище. Намного важнее было другое: кто им управлял. Именно этот злодей вздумал напугать детей Рода.

— Черная Аннис пожирает детишек, — пробормотал Род, и ярость снова заклокотала у него в груди.

— Черная Аннис — из старушечьих сказок! — сердито проговорила Гвен. Ее голос прорвался сквозь пелену злости. — Быть может, в Тир-Хлисе она и вправду живет, но только не в Грамере! Здесь ее можно было только сотворить из ведьмино-го мха! И сделал это колдун, который ненавидит детей!

Род, охваченный дрожью, остановился и кивнул.

— И мы должны изловить этого колдуна! Но для того, чтобы сделать это, для начала нам нужно схватить его приспешника, который натравил на нас это чудище! — Род поджал губы. — И я предвкушаю миг нашей встречи!

Гвен поежилась и умоляюще проговорила:

— Держи себя в руках, заклиная тебя! Мы здесь для того, чтобы узнать правду о злодеяниях врагов королевства, а не для того, чтобы черпать радость в жестокости.

— Нет, мне бы только знать, где он, этот подонок... Чей это голос? Ага... Это дети. Они его ищут. — Род застыл на месте и прислушался к телепатическому зову детей. — Векс, ко мне. Как только скажу — поскачешь во весь опор.

Черный жеребец, прогрохотав копытами по поляне, встал рядом с Родом, и тут послышался голос Корделии:

— Вот он!

Род взлетел в седло. Конь сорвался с места и галопом поскакал во тьму. Радар робота сканировал окрестности, и потому Векс ловко обходил буреломы и лесные речки. Гвен летела над верхушками деревьев, а как только она пошла на снижение, Векс поскакал по прямой, не пытаясь прятаться.

Цель, к которой спикировала Гвен, представляла собой закрытый фургон. Его дверца была открыта. Внутри горела свеча, а на пороге стояла женщина. Завидев Гвен, она вздрогнула, завертела головой. С севера подлетала Корделия, с востока — Грегори, с запада — Джеффри, с юга — Магнус. Женщина вбежала в фургон, но тут же выскочила с другой стороны, уселась на сиденье и схватила вожжи. Ее кони вздернули головы, сорвались с места и развернули фургон... А женщина в страхе смотрела на огромную стаю кроликов, заполонивших луг чуть не до самого горизонта, на огромного черного коня, скакавшего следом за ними.

Но вот она раскинула руки в стороны, расставила пальцы... Кролики как бы слиплись, смешались воедино, сплывались... а в следующее мгновение они превратились в льва, медведя и волка, и все три злобных зверя бросились к Роду.

Род издал яростно-ликующий вопль. Кроважидная ярость снова охватила его. Он перестал видеть что-либо, кроме сотворенных колдуньей чудовищ. Они стали для него оправданием возможности выпустить на волю переполнявшую его силу. Род был готов испепелить врагов и расчистить тем самым себе дорогу к женщине-колдунье.

Волк был невероятно огромный, тощий, с горящими глазами. У медведя, шагавшего на задних лапах, было человеческое лицо. Грива льва пылала огнем, зубы и когти его сверкали вороненой сталью.

Род натянул поводья, Векс взрыл землю копытами, поднялся на дыбы. Род привстал в стременах, вытянул руку...

Волк взорвался.

Род медленно повернул голову.

Пламенная грива льва разгорелась жарче, огонь поглотил зверя целиком, но тот, словно бы не замечая этого, продолжал бежать к Роду, оглушительно рыча.

Род нахмурил брови и вперил во льва свирепый взор.

Голова льва повернулась на сто восемьдесят градусов, оторвалась от тела и улетела прочь. Векс отступил в сторону — и мимо пронеслось обезглавленное тело льва. Еще мгновение — и оно рухнуло наземь и замерло в неподвижности.

Род развернулся к медведю и выхватил из ножен меч. Чудище было совсем близко. Оно размахнулось огромной лапищей, ударило и задело скулу Рода. На миг Род утратил равновесие, из глаз у него посыпались искры, а потом он упал и ударился спиной о землю. Ему показалось, что все внутренности у него скрутило и перевернуло. Несколько мгновений он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. И все же кровавая пелена ярости по-прежнему застилала его глаза. Он видел, как поднимающийся на дыбы Векс вонзил передние копыта в плечи медведя. Чудище пошатнулось, но устояло. На его человеческом лице играла зловещая ухмылка.

Род стиснул зубы, отдышался и пристально уставился на лезвие своего меча. Его кончик озарился пламенем, огонь рванулся вперед с такой силой, будто меч превратился в паяльную лампу с мощнейшей горелкой.

Медведь попятился от трехфутового языка пламени, мстительно скалясь.

Наконец диафрагма Рода сжалась над ним и сократилась. Он благодарно вдохнул, вскочил на ноги и бросился на медведя.

Медведь в свою очередь с ревом кинулся к Роду.

Род увернулся. Морщась от боли, он не спускал глаз с чудища. Неожиданно страшный зверь вспыхнул. Пламя охватило его с головы до задних лап. Он даже не успел издать предсмертного вопля — и обратился в горстку пепла.

Род стоял один в темноте, с трудом держась на ногах. Туман ярости, переполнявшей его, из кроваво-красного стал черным, затем начал таять... Род ощутил порывы ветра...

Огонь. Пожарище!

Он забыл погасить горящий труп льва! Ветром огонь могло пронести по лугу, он добрался бы до леса, и тогда...

Род резко обернулся — и увидел, что к горящему трупу льва подлетает Грегори. Малыш пристально смотрел на обуг-

ленную тушу. На глазах у Рода она распалась на части, черные куски раскатились по траве. Род оглянулся назад и увидел, что Джеффри успел превратить прах медведя в стадо игрушечных лошадок, которые тут же галопом поскакали к лесу.

— Нельзя оставлять целыми такие большие заросли ведьминога мха, — объяснила Гвен, встав рядом с мужем, — иначе любая бабушка, которая примется рассказывать внуку страшную сказку, невольно оживит мох и превратит его в какое-нибудь страшилище.

— Это верно, — проговорил Род. — Последние остатки гнева испарились, их сменили угрызения совести. Борясь с ними, Род сурово проговорил: — Все правильно. А что случилось с ведьмой?

— Она убежала, — просто ответила Гвен.

Род кивнул:

— Ты не могла преследовать ее.

— Мы не могли бросить тебя здесь одного, — заявила Корделия. Она приземлилась рядом с матерью и смотрела на отца широко раскрытыми глазами.

— Не могли, — механически повторил Род и обернулся, чтобы посмотреть, как его младшие сыновья расправляются с последними остатками колдовских страшилищ. — Но вот если бы я не стал с ними сражаться, вы бы могли сами с ними разделаться, и у вас еще было бы время в запасе, чтобы броситься в погоню за злой колдуньей.

Гвен ничего не ответила.

— Где Магнус? — со вздохом спросил Род.

— Он полетел следом за ведьмой, — ответила Корделия.

Тут послышался хлопок — будто лопнул воздушный шарик. Рядом с Родом оказался Магнус. Рода всегда заставляли нервничать внезапные появления и исчезновения старшего сына, но сейчас он почему-то воспринял телепортацию Магнуса спокойно, даже отстраненно.

— Она скрылась?

Магнус склонил голову:

— Она погнала лошадей в лес, и я больше не смог гнаться за ней. Сверху ее не было видно.

Род понимающе кивнул:

— С твоей стороны было бы большой глупостью снижаться. Она могла бы поймать тебя. А если бы я погнался за ней верхом на Вексе — это было бы совсем другое дело.

Все молчали.

Род вздохнул:

— Ладно. Что скажешь насчет ее мыслей?

— Они... прекратились.

Гвен недоуменно посмотрела на Магнуса:

— Прекратились? — Она отвела взгляд, задумалась. Затем ее взгляд прояснился, и она утвердительно кивнула. — Так и есть. Но как?..

— Что тут необыкновенного? — пожал плечами Род. — Я много лет был телепатически невидим, не забывай. Рано или поздно кто-то мог научиться делать это по собственному желанию.

— Сударь мой, — негромко проговорила Гвен, — я так думаю, что эти северные колдуны более опасны, чем мы предполагали.

Род кивнул:

— И чужие мысли умеют читать не хуже нас. Они определенно знали о нашем походе.

Гвен промолчала.

Род нетерпеливо пожал плечами:

— Ну, конечно, а как же еще? Иначе остается только предположить, что некий колдун до смерти ненавидит всех лудильщиков на свете — особенно тех, которые странствуют в поисках работы всем семейством. Но почему-то я в этом сильно сомневаюсь. Вряд ли бы кто-то стал творить Черную Аннис ради какого-то случайного прохожего. Нет-нет, они нас выследили.

Род расправил плечи и хлопнул в ладоши:

— Так! Хватит с нас на эту ночь приключений! Всем спать! Дети в изумлении вытаращили глаза.

— Не переживайте — мама усыпит вас сонным заклинанием.

Колыбельные песенки Гвен обладали мощным телепатическим действием. Стоило ей спеть: «Баю-бай, детка», — как дети послушно засыпали.

— Супруг мой, — негромко проговорила Гвен, — но если эти колдуны знают о нас...

— Надо будет устроить ночной дозор, — кивнул Род и уселся на траву, скрестив ноги. — Первым дежурить буду я. Мне вообще в последнее время не спится.

А когда стали слышны только обычные звуки ночи да ровное дыхание детей и жены, Род негромко сказал:

— Они такие молодцы. А я все испортил.

— Род, вероятность того, что тебе удалось бы поймать проактивную телепатку, ничтожно мала, — утешил его Векс. — Ты мог бы прогнать ее, мог бы даже, пожалуй, уничтожить, но, на мой взгляд, это было бы крайне опасно. Однако попытка пленить эспершу, не убивая ее, была бы в десять раз опаснее.

Род нахмурился:

— Между прочим, удивительно, если задуматься — почему она просто-напросто не улетела на помеле?

На миг он представил себе воздушный бой между злой колдуньей и Гвен и мысленно содрогнулся.

— А зачем ей было бросать фургон, если в этом не было нужды? — возразил Векс.

Род прищурился:

— Это ты здорово подметил. Я был настолько разгневан, что ей даже не пришлось сильно напрягаться.

— Между тем переживать тебе особенно не стоит, — заметил Векс. — Ты всего-навсего получил удар по самолюбию. А в принципе задача была решена — опасность была ликвидирована.

— Она ликвидирована только на время, — сокрушенно вздохнул Род. — В следующий раз, если я опять позволю ярости затуманить мой разум, она сможет разделаться с нами.

— Это не исключено, — признал Векс. — И тогда опасность будет сильнее. Теперь можно не сомневаться в том, что врагам известны ваши намерения и то, куда вы направляетесь.

— И даже главная цель нашего похода, — добавил Род. — Да, я уверен в том, что они снова попытаются напасть на нас, и притом — как можно скорее... Векс?

— Да, Род?

— Тебе не кажется, что пора отправить Гвен и детей домой?

Робот помолчал пару секунд и ответил:

— Результаты анализа имеющихся в моем распоряжении данных не указывают на степень опасности, с которой не в состоянии справиться ваше семейство.

— Слава богу, — облегченно вздохнул Род. — Потому что я знаю, как это было бы трудно — отправить их сейчас домой.

— Твои дети проявляют большой интерес к происходящему.

— О боже! О чем ты говоришь! Я гораздо больше переживаю за Гвен!

Векс молчал.

Род недовольно нахмурился — его это насторожило. Поджав губы, он спросил:

— Я чего-то не понимаю, да?

Робот еще немного помедлил и осторожно отозвался:

— Думаю, они побоятся оставить тебя одного, Род.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Мы ведь уже совсем недалеко от границы княжества Романова?

— Верно, сударь мой. Осталось не более дня пути.

Гвен старалась бодриться, хотя было видно, как она устала.

Род сдвинул брови:

— Послушай... Враги знают о нашем приближении. Нет смысла и дальше скрывать наше истинное обличье. Почему же мы до сих пор передвигаемся пешком?

— Чтобы никого не пугать зря, папуля, — ответил ему Грегори, устроившийся на тюках с поклажей, уложенных на спину Векса. — Если крестьяне увидят, как мы летим на север, они сильно растревожатся и поднимут переполох.

Род на миг задержал взгляд на мордашке младшего сына и снова обернулся к Гвен.

— Сколько ему лет, а? Три — это я помню, а какой год пошел — это вопрос.

Гвен неожиданно нахмурилась и подняла руку:

— Тс-с-с!

— Не шикай на меня!

— Нет-нет, сударь мой, не кипятись попусту! Скоро здесь будут добрые люди. Они от кого-то в страхе бегут.

Род тут же деловито поинтересовался:

— Кто их преследует?

Гвен покачала головой:

— Не могу сказать. Какие-то люди, ибо я ощущаю их присутствие, однако там, где я должна была бы почувствовать их разум, нет ничего — там пустота.

Род обратил внимание на то, что Гвен говорит не об одном преследователе, а о нескольких.

— Ладно. Давайте подготовимся к худшему.

Он сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

Из ниоткуда вынырнули Магнус и Джеффри, с небес спикировала Корделия.

— Почему ты не позвал нас мысленно, пап? — не слишком довольно спросил Магнус.

— Потому что мы имеем дело с врагами, которые слышат мысли гораздо лучше, чем свист. Слушайте меня внимательно, ребята. Мы должны устроить засаду. Каждый из вас должен забраться на верхушку дерева и постараться притвориться куском коры или сучком. Мы с мамой останемся внизу. Когда появятся враги, швыряйте в них чем попало.

— А какие враги, пап?

— А вы сами прислушайтесь. Мама говорит, что это люди, но больше она ничего не знает.

Дети Гэллоуглассов на несколько мгновений сосредоточились, уставились в пространство. Из состояния транса все четверо вышли одновременно, и все четверо поежились.

— Жуть такая, — призналась Корделия. — Они и есть — и их нет.

— Все поймете, когда глазами увидите, — мрачно буркнул Род. — А если не увидите, я вам мысленно крикну «Тревога!» — как можно громче. А теперь — по местам!

Послышалось три хлопка и негромкий шелест — и дети исчезли.

Задрав голову, Род увидел, как раскачались верхушки трех деревьев. На четвертое дерево спикировала Корделия.

— По какую сторону от дороги ты желала бы спрятаться, милая? — спросил Род у жены.

Гвен пожала плечами:

— Мне все равно, муж мой. Они для меня выглядят одинаково.

— Гвен, мы не на выборах, — проворчал Род. — Ладно, ты бери на себя восточную сторону, а я засяду с запада. Постарайся затаиться получше.

Гвен кивнула, сжала на прощание руку мужа и стремительно убежала. Листва сомкнулась у нее за спиной. Род немного задержался на дороге, посмотрел на север, подумал, затем свернул с дороги в подлесок и негромко проговорил:

— Десять ярдов к северу, Векс.

Робот припустил галопом и, проскакав положенное расстояние, тоже свернул в лес.

Когда и за конем сомкнулась листва, Род повернулся к дороге и раздвинул ветки кустов. Он опустился на колени, заставил себя успокоиться, добился того, что его дыхание стало равномерным. Пыль на дороге, поднятая Вексом, мало-помалу оседала.

И вот наконец они появились из-за поворота — с десятков крестьян в запыленной одежде, с небольшими заплечными мешками. Взгляды у всех были затравленные, и все время от времени оглядывались назад через плечо. Тот из них, что был самого высокого роста, вдруг вскрикнул и резко остановился. Остальные бегом догнали его и стали кричать своим женам:

— Бегите! Скорее!

Но женщины растерялись. Они сначала с тоской посмотрели на юг, потом — на своих мужей. А мужчины развернулись лицом к северу, к врагам, и взяли на изготровку куотерстафы. Женщины в страхе глядели на них.

А потом... потом одна молодая женщина вдруг дико вскричала, развернувшись, прижала к груди младенца и со всех ног побежала к югу. Остальные какое-то время провожали ее взглядом, а затем стали прогонять с дороги детей.

И вот на дороге показались солдаты.

Род напрягся и сосредоточился на одной мысли: «Внимание!»

Солдаты были одеты в коричневые кожаные штаны, темно-зеленые камзолы длиной до середины бедра. На голове у них были стальные шлемы. Вооружены они были пиками. На груди у всех пламенели нашивки шафранового цвета. Судя по всему, это была военная форма, вот только такой формы Род прежде ни на ком не видел.

Солдаты заметили крестьян, их командир зычно гаркнул, и они взяли пики на изготовку.

Род снова сосредоточился и пробормотал:

— Тревога!

Вслух он произнес это слово для Векса. Для остальных оно прозвучало мысленно.

Лучше подгадать было бы трудно. Как только мимо него прошагали последние солдаты, Векс выскочил из кустов, встал на дыбы и душераздирающе заржал. Солдаты обернулись — в том числе и те, что уже ушли вперед. Тут на дорогу выбежал Род и, встав между солдатами и крестьянами, заработал мечом. Одного солдата он уколол в плечо, отскочил назад, а когда тот скривился от боли и зажал рану рукой, Род набросился на второго. В это время двое воинов с воплями ужаса взлетели ввысь, а неизвестно откуда посыпались камни — довольно тяжелые, надо сказать. Получив удар по шлему, солдаты, пошатнувшись, падали наземь без чувств.

Род поднял меч над головой, размахнулся и ранил третьего воина в бедро, а крестьянам крикнул:

— Вперед! Не теряйте времени! Нападайте на них и задайте им перцу!

Но тут кто-то стукнул его в подбородок рукояткой пика, и он отлетел назад. В глазах у него потемнело, но все же он слышал гневный рев, а когда зрение прояснилось, увидел, что крестьяне набросились на солдат и дружно заорудовали дубинками.

Род отдышался и, пошатываясь, вернулся на поле боя. Нужно было вмешаться — он не хотел никого убивать!

У него был совершенно иной замысел: нужно было взять солдат в плен и побольше выпытать у них. Род протиснулся между крестьянами, оценил обстановку и прокричал:

— Хватит! Не надо... Они не заслуживают...

— А ты не видал... что они творили! — выкрикнул один из крестьян.

— Не видал, но хочу узнать! Сами посмотрите! Они уже все валяются на земле, а некоторые из них уже, может быть, мертвы! Отойдите, я сам с ними разберусь!

Чья-то грубая ручища ухватила его за плечо и развернула.

— Да ну? А кто ты такой, чтобы тут распоряжаться? Твоей крови, поди, эти волки не пили!

Род прищурился, медленно расправил плечи и, резко ударив по руке крестьянина, освободился. В каком-то смысле это было нелепо — для самого Рода сейчас самым главным было обретение союзников в лице этих крестьян, но все же он сказал:

— Я — придворный чародей, Род Гэллоугласс, и только благодаря моему волшебству и волшебству моей супруги и детей вы одержали эту победу и не превратились в куски мяса!

Более ему ничего добавлять не пришлось. Крестьянин-здоровяк выпучил глаза и опустился на одно колено:

— Прощения просим, господин! Я... я не хотел...

— Понимаю. Да и как ты мог признать меня, когда я нарядился лудильщиком? — Род огляделся по сторонам и увидел, что все крестьяне встали на колени. — Ну ладно, будет вам! Кто вы — люди или зверушки? Разве вы должны так унижаться? Встаньте и свяжите этих скотов!

— Как скажете, господин!

Крестьяне повскакали на ноги и принялись связывать солдат по рукам и ногам ремнями и подвязками. Здоровяка Род задержал — положил ему руку на плечо и спросил:

— Как тебя звать?

Крестьянин смутился, стал теревить в пальцах длинный чуб.

— Гратум, ежели вам так угодно, господин.

Род пожал плечами:

— Главное, чтобы было угодно тебе. Гратум, догони женщин и сообщи им радостную весть, ладно?

Крестьянин пару мгновений постоял тараща глаза, но, поняв, чего именно от него хочет Род, воскликнул:

— Сию минуту, господин!

С этими словами он развернулся и убежал прочь.

Род обозрел «бригаду» крестьян, занятую связыванием пленных, и убедился в том, что все идет как надо и ненужной жестокости крестьяне не проявляют. Тогда он задрал голову, обвел взглядом верхушки деревьев и мысленно проговорил: «Молодцы ребята! Я вами горжусь!»

В ответ едва заметно шелохнулись ветки. Род мог бы сосредоточиться и прочитать мысли детей, но это по-прежнему давалось ему нелегко, а сейчас не время было отвлекаться. Но он устремил взгляд к кустам по другую сторону от дороги и подумал: «Спасибо, моя милая. Забавно было наблюдать, как ты укладывала этих солдат на землю».

— А не тебя, господин мой? Я бы предпочла уложить тебя!

Род вздрогнул от неожиданности, услышав не мысли, а голос жены. Гвен шла по дороге в сопровождении крестьянок и их детей. Впереди них бежал Гратум, судя по всему, чувствующий себя виноватым.

— Я не успел их догнать, господин. Ваша жена им все сказала, вот они и вернулись.

Гвен наверняка догнала женщин, пустившись в полет на метле. Крестьянки опасливо поглядывали на нее и молча прижимали к себе детишек. А детишки испуганно тарашили глаза.

Род повернул голову к Гратуму:

— Больше никто из этих бестий не гонится за вами?

Гратум покачал головой:

— Нет, милорд. Мы других видали, но они гнались за иными крестьянами. А по большой дороге за нами только эти увязались, когда нам удалось оторваться и когда нас осталось мало.

— Говоришь, кроме вас и другие бежали? — Род нахмурился, подбоченился. — Давай-ка с самого начала. Что случилось, Гратум? Начни с тех времен, когда все было хорошо.

— Когда хорошо было? — вытаращил глаза крестьянин. — Так то аж несколько месяцев назад было!

— Время у нас есть. — Род кивком указал на север. — А если ты волнуешься, так у меня дозорные выставлены.

Гратум быстро огляделся по сторонам и повернулся к Роду. Во взгляде его был страх. Не сказать, чтобы Рода радовало подобное отношение к нему и его домашним, но сейчас такое положение вещей его устраивало.

— Ну, давай, — поторопил он крестьянина. — Значит, говоришь, несколько месяцев назад все было хорошо. А потом...

— Ладно, господин, — скорчив кислую мину, кивнул Гратум, горько вздохнул и приступил к повествованию. — Так вот... Апрель тогда был. Запрягли мы волов и стали землю пахать. Вдруг меня с дороги какой-то малый окликнул. С виду он мне не понравился — бледный какой-то, глазки бегают. Да только не станешь же вот так просто человека прогонять или не говорить с ним — ну, я волов остановил и пошел к изгороди, чтобы спросить, чего ему надо. «Чья это земля?» — он спрашивает. «Как это чья, — я ему, — само собой, князя Романова, а мой господин, сэр Эвинг, его вассал, ее ленный владделец». — «Ну уж нет, — этот бледный тут говорит, — уже больше не его эта земля, а теперь она принадлежит колдуну Альфару, а я его вассал, а стало быть, теперь это будет мое ленное владение». Ну, тут уж я не на шутку разозлился. «Это уж дудки! — Я на него гаркнул. — Я такие пакостные речи слушать не желаю!» И как размахнусь кулаком! А кто бы меня осудил?

Род поджал губы. Такое поведение было вполне в духе Гратума.

— Ну а он что?

— Он-то? Он исчез — я и стукнуть его не успел. Испарился, как не было! И тут же появился футах в десяти от того места, по мою сторону изгороди! Ну, тут у меня аж кишки скрутило со страху, только я все равно завопил и кинулся к нему. А он... он вверх взлетел — хотите верьте, хотите — нет, а потом выхватил из-под плаща толстенную дубину и огрел меня ею. Я и так и сяк все пытался ухватиться за эту дубину, а он словно мысли мои угадывал. Я справа нацелюсь — ан дубина уж слева. Словом, отмолотил он меня и по башке, и по плечам знатно, и повалился я наземь. А как прочухался, вижу: стоит он надо мной, гад этот, и скалится. «Радуйся, — говорит, — что пощадил я тебя, что деревянной дубиной тебя отколотил, а не метнул в тебя огненный шар и не запустил ежа тебе в брюхо!» А мог он так сделать, господин?

— Сильно сомневаюсь, — сухогато усмехнувшись, ответил Род. — Ну а дальше что было?

Гратум пожал плечами:

— Да ничего такого. «Смотри же, — так он мне сказал, — впредь будешь служить мне, а не этому слизняку сэру Эвингу». Как услышал я, что он вот так о моем господине говорит, у меня прямо кровью глаза налились. А этот злыдень увидел это и снова меня глубиной огреть вздумал. Я увернулся, но он тут же оказался позади меня и стукнул, и уж тут я ничего поделаться не мог. «Смотри же, — он опять говорит, — слушайся меня, а что сэр Эвинг тебя накажет — не бойся. Как созреет урожай — он тебя уж более не побеспокоит». Потом оскалился он жутко — зубищи прямо как две пилы, а потом будто бы гром грянул — и исчез он, как и не было его.

Род обратил внимание на то, что этот молодой колдун не только умел телепортироваться и левитировать — он воспользовался и тем и другим для обретения преимущества в драке.

— Этот колдун не имел ни чести, ни совести, — сердито проворчала Гвен, взяв мужа под руку.

— Верно, о порядочности говорить не приходится, — согласился Род, — и потому такое поведение чревато неприязнью окружающих. Если бы все колдуны и волшебницы стали так себя вести, народ очень скоро ополчился бы против них. И сколько времени им бы тогда удалось продержаться?

— Сколько хочешь, — проворно откликнулся Гратум. — То бишь так они говорят — этот самый колдун верховный и рыцари, его приспешники. Они никого не боятся, господин, — ни крестьян, ни наших рыцарей.

То, с каким страхом это было сказано, насторожило Рода. Он нахмурился:

— Послушать тебя — так ты вроде бы сам пробовал с ними драться. Ну-ка, выкладывай. — Но Род тут же передумал и не стал выпытывать у Гратума подробности. Вполне можно было себе представить, как он вел себя с самозванцами. — А о том происшествии на поле ты, конечно, рассказал сэру Эвингу?

— Рассказал, — кивнул Гратум и прикусил губу. — Только лучше бы не рассказывал — хотя это было все равно. Ведь все крестьяне в округе сэру Эвингу одно и то же твердили.

— Что, ко всем являлся один и тот же колдун?

— Ага. Звать его Мелькант — так он говорил. В других владениях про него ничего не слыхали, а вот другие колдуны

или ведьмы туда тоже наведывались. Да только бучу поднял лишь сэр Эвинг. Собрал он дюжину воинов, и поскакали они на север, чтобы отыскать этого Мельканта.

Род стиснул зубы:

— Насколько я понимаю, сэр Эвинг нашел его.

Гратум развел руками:

— Иначе не подумаешь — он ведь назад не вернулся. А вот воины его вернулись, вот только обряжены они были в эту самую форму, что на этих солдатах. — Он указал через плечо на связанных пленников. — Так вот. Вернулись они — а мы ж их знали сызмальства — и говорят: «Нету больше сэра Эвинга, а служим мы теперь колдуну Мелькantu».

Род, не мигая, смотрел на Гратума. Гвен крепче сжала его руку. Ее прикосновение вернуло Рода к реальности. Он кашлянул и спросил:

— А странного ничего в них не было? В том, как они выглядели?

— Было, — кивнул Гратум и указал на свой глаз. — Вот тут, господин. Смотрели они не так как-то. Не то чтобы странно...

— Но необычно, — понимающе проговорил Род. — Ну и как же они себя повели, эти воины? Остались и стали приглядывать за вами?

— Нет. Они только сказали, что теперь мы работаем на Мельканта, и велели никому про это не рассказывать — ни одному рыцарю или господину. А вот чтобы крестьянам другим мы ничего не говорили — такого они нам не сказали.

— Ясно. Значит, поползли слухи.

— Вот-вот. Один другому рассказал, другой третьему, и докатились вести до нашего господина, что поважнее сэра Эвинга — до графа Новгора.

Род еще сильнее сдвинул брови:

— Насколько я понимаю — он вассал князя Романова.

— Так и есть, милорд. Граф стал сзывать своих подданных, да только отозвались немногие. С десятка рыцарей, не более. Другие уже отправились воевать с теми колдунами, что хотели захватить их владения.

— Вот как? Видимо, слухи распространились очень быстро.

Гратум пожал плечами:

— Похоже, что так, господин. И эти вести сильно разозлили наших рыцарей. Каждый из них поскакал разыскивать того колдуна, что заявлял права на его земли, и все думали, что у них достанет сил справиться с врагом.

— А сил не хватило, — кивнул Род и поджал губы. — А все потому, что они действовали поодиночке. И наверняка каждый из них в итоге сталкивался с объединенным войском верховного колдуна.

Гратум помрачнел:

— А так могло быть?

Род нетерпеливо вздернул подбородок:

— Вам, Гратум, пора перестать верить во все, что вам говорят. Пришло время самим во всем убеждаться!.. Ой, только не гляди на меня так — я еще в здравом уме, как и ты. Ну, так что случилось с графом Новгородом и его могучим войском?

Гратум покачал головой:

— Этого мы не ведаем, господин. Великий страх объял нас. Мы так рассудили: ежели колдун победит графа, тогда он возьмет нас в полон своими злыми чарами, а вместе с нами — наших жен и детей. Словом, собрали мы пожитки и побежали по пастбищам к проселку, а оттуда выбрались на большую дорогу.

— Стало быть, кто победил, вы не знаете?

— Не знаем, но на следующее утро, когда мы снова пустились в путь, услышали мы новую весть. По дороге-то на ту пору уже много крестьян бежало — не только мы, сервы сэра Эвинга решили бежать, чтобы не попасть в рабство к колдунам. А весть такая была, что по пятам за теми, кто в хвосте тянулся, скачут солдаты в зеленых камзолах. Тогда мы побежали еще быстрее, да только вскоре узнали про то, что тех крестьян, которых солдаты изловили, они тут же в цепи заковали и увели. Как прослышали про это многие из крестьян, так сразу с дороги свернули и разбежались по окрестным деревням. Ну а мы, как взобрались на холм, оглянулись назад и видим: солдаты тоже рассыпаются, разъезжаются в разные стороны по проселкам. Тогда мы повернули на юг и побежали что есть мочи. Слышно было, будто тех, кто смеет им противиться, солдаты забивают насмерть. Через какое-то время и мы ушли с дороги,

но спрятались и детям рты руками прикрыли, чтобы те не пикнули. Солдаты мимо нас проскакали, из глаз скрылись. Тогда мы снова вышли на большую дорогу и опять побежали к югу. Шли всю ночь, усталых несли на носилках — надеялись мы, что, покуда мы идем, солдаты спать будут. Вот так и шли мы до нынешнего утра.

Род взглянул на небо:

— Так... Сейчас прикинем... Сегодня, вчера... Значит, сегодня — третий день после битвы.

— Получается, что так, господин.

— И вы — единственные, кому удалось уйти так далеко на юг? Вы ведь даже границу владений князя Романова пересекли.

Гратум развел руками:

— На большой дороге мы больше никого не встретили, господин. Были другие или нет — этого мы не знаем. А ежели бы не вы да не ваша родня — и нам бы тут не стоять. — Он зябко поежился. — Бедняга граф наш Новгор! Только и остается молиться за то, чтобы он в живых остался!

В это мгновение послышался негромкий хлопок, и рядом с Родом возник Грегори. Малыш обнял отца за плечо пухлой ручонкой.

Крестьяне вытаращили глаза и, испуганно ропща, попятись.

— Не бойтесь, — сказал Род и поднял руку. — Этот малыш помог нам спасти вас от воинов колдуна. — Он повернул голову к Грегори и ласково спросил: — Что такое, сынок? Не самое удачное время ты выбрал...

— Папуля, — широко раскрыв глаза, проговорил мальчик, — я подслушал и...

Род пожал плечами:

— Я тебя не виню. Наша беседа не была тайной. Ну и?..

— Если бы этот граф Новгор победил, то эти солдаты из войска колдуна не гонялись бы за крестьянами.

Крестьяне, о которых шла речь, так и ахнули, а одна женщина вскрикнула:

— Разве можно верить ребенку?

Род обернулся. Он не смог сдержать гордой усмешки.

— Вы бы послушали, какие он придумывает штуки, чтобы не кушать кашу. Но боюсь, он прав. Я бы не стал возлагать больших надежд на то, что князь Новгород победил.

Крестьяне сразу приуныли.

— Но есть возможность получить точный ответ на этот вопрос, — решительно проговорил Род и шагнул вперед.

Крестьяне расступились.

Род подошел к связанным солдатам. Двое-трое пытались сбросить путы.

— Они начинают приходить в себя, — заключил Род. — Думаю, они знают, кто победил. — Он наклонился, рывком поднял одного из воинов на ноги и спросил у крестьян: — Кто-нибудь узнает его?

Крестьяне пригляделись и один за другим покачали головами. Но все же одна из женщин решилась сделать шаг вперед и указала на другого солдата:

— Вот этот, помоложе, — Гевин Арлинсон, он поскакал на битву следом за сэром Эвингом! Как же он теперь может сражаться на стороне его врага?

— И не только он — любой из эти людей, если на то пошло, — добавил Род. — Однако побеседовать с ним не мешает, — заключил он, легонько толкнул поднятого им воина, и тот, покачнувшись, стал падать. В последнее мгновение Род подхватил его и более или менее бережно уложил на землю. Затем он поднял с земли Гевина Арлинсона и осторожно похлопал его по щекам, дабы привести в чувство. Как только его веки затрепетали, Род крикнул:

— Магнус! Принеси бренди. Фляга в седельной сумке.

Старший сын Рода почти сразу протиснулся к отцу, сжимая в руках флягу. Род взял у него бренди и отметил, что никто вроде бы не задумался о том, откуда взялся мальчик и где был раньше. Гэллоугласс-старший прижал горлышко фляги к губам Арлинсона, наклонил ее и быстро отодвинул. Солдат закашлялся, вытаращил глаза, захрипел и сглотнул. Затем он, прищурившись, уставился на Рода.

От одного его взгляда Роду стало зябко. Глаза Арлинсона казались стеклянными. Конечно, это могло быть вызвано и

ударом дубинкой по голове, но все же холодность этого пристального, немигающего взгляда пугала, пробирала до костей.

Род собрался с силами и спросил:

— Что стряслось с сэром Эвингом?

— Он умер, — равнодушно отозвался солдат. — Подох, как подох бы всякий, кто дерзает поспорить с могуществом верховного колдуна Альфара.

Род слышал, как позади ахают и возмущенно переговариваются крестьяне, но он не стал оборачиваться.

— Расскажи нам, как это было.

— Очень просто, — брезгливо скривившись, отвечал солдат. — Он со своими людьми отправился на поиски колдуна Мельканта. Они пошли по старой тропе через лес, вышли на луг и встретили его. Но не одного Мельканта встретили они, а также его братьев и сестер — колдунов и ведьм. Вместе их было четверо, а возглавлял их наш почтенный повелитель, верховный колдун Альфар. Потом колдуны и ведьмы сотворили страшных чудовищ, и те набросились на сэра Эвинга и его людей, а ведьмы вдобавок стали швыряться огненными шарами. Один колдун явился из воздуха прямо рядом с сэром Эвингом, разбил забрало на его шлеме и сбросил его с коня. Его оруженосцы и воины были готовы разбежаться, но тут господин наш Альфар выкрикнул заклинание, и все они обернулись к нему. Он же удержал их одним своим взглядом, а потом поведал им, кто он такой и почему явился сюда.

— Ну-ну, — кисло усмехнулся Род. — И кто он такой?

— Он человек, который, родившись, получил великий дар и потому сразу стал благородной особой, — строптиво отвечал солдат. — Он явился, дабы освободить всех нас от оков, в коих держат нас двенадцать великих лордов и их прислужники.

— Что это за оковы такие? — прищурился Род. — И зачем вас понадобилось освобождать?

Солдат презрительно скривился.

— «Зачем» — это не так важно. Главное — освобождение от рабства.

— Рабство имеет место быть — тут я с тобой согласен, хотя и понимаю его не совсем так, как ты, — сказал Род и обернул-

ся к жене. — Я бы назвал это гипнозом — моментальной разновидностью гипноза. А ты что скажешь?

— То же самое, супруг мой, — медленно проговорила Гвен. — Это похоже на «Око Зла», с которым мы сражались десять лет назад.

Род вздрогнул:

— Прошу тебя! Не напоминай мне о том, сколько лет прошло. — Его вдруг охватила ностальгия по тем временам, когда у них с Гвен был всего один ребенок-чародей. Но он тут же вспомнил об ордах звероловцев с остекленевшими глазами...

Род безжалостно прогнал эти воспоминания.

— Сможешь что-нибудь сделать? — спросил он у Гвен.

— Ну... конечно, господин мой. — Гвен подошла к нему, встала рядом, заглянула в глаза. — А ты сам не желаешь попробовать?

Род покачал головой, стиснул зубы:

— Нет уж, спасибо. Мне удалось за все время потасовки ни разу не выйти из себя — как это вышло, я сам пока не понимаю, так что уж лучше не испытывать судьбу. А ты посмотри, можно ли с ним что-то сделать.

— С радостью, — кивнула Гвен, развернулась и в упор уставилась на солдата.

Прошла минута — и строптиво поджатые губы Арлинсона разжались. Род не без испуга взглянул на веревки и ремни, которыми был связан солдат. Все тело Арлинсона напряглось, кожаные ремешки врезались в кожу, но порваться вроде бы были не должны. Род перевел взгляд на лицо воина. Арлинсон побледнел, на его лбу выступили бусинки испарины.

Но вдруг он дернулся, выпучил глаза, его тело сотряслось в таком жутком спазме, что казалось, готово разлететься на куски. А в следующее мгновение он обмяк и задышал так тяжело, словно без остановки пробежал не меньше мили.

— Как... Кто... — сорвалось с его губ.

Гвен закрыла глаза ладонями и отвернулась. Род смотрел то на нее, то на Арлинсона. Наконец он позвал Гратума и буквально швырнул Арлинсона в его объятия.

— Держи его крепче! — крикнул Род, а сам обнял Гвен. — Все прошло, милая. Больше этого нет.

— Нет-нет... Со мной все в порядке, муж мой, — пробормотала Гвен, уткнувшись носом в куртку Рода. — Но было... неприятно.

— Что? То, что ты ощутила, коснувшись его разума?

Гвен молча кивнула.

— Что ты почувствовала? — стал расспрашивать ее Род. — Что-то показалось тебе неправильным? Или ты ощутила извращенность того ума, что загипнотизировал его?

— Нет. Этого ума я вообще не почувствовала.

— Совсем?

— Да. — Гвен, встревоженно сдвинув брови, посмотрела в глаза мужа. — Не было и следа другого разума в его уме, господин мой. Даже у звероловцев с «Оком Зла» можно было хоть как-то ощутить этот чужой ум, но здесь нет ничего, совсем ничего.

Род озадаченно нахмурился:

— Значит, ты думаешь, что его не только загипнотизировали, а что ему еще промыли мозги, но тот, кто это сделал, настолько искусен, что от его работы следов не осталось?

Гвен подумала и пожала плечами:

— Думаю, так. А как иначе?

— И верно — зачем рисковать, — кивнул Род. — В том смысле, что любая волшебница, владеющая азами своего ремесла, смогла бы сразу распознать такое заклинание.

Гвен покачала головой и отстранилась:

— Тут какая-то тайна. Пока придется забыть об этом. Сейчас начнут приходить в себя другие. Корделия! Джеффри! Магнус, Грегори! Послушайте мои мысли и посмотрите, чем я занимаюсь!

С этими словами она опустилась на колени около связанного по рукам и ногам солдата. Дети собрались вокруг нее.

Род окинул их взглядом и обернулся к Арлинсону. Покачивая головой, он посмотрел в глаза воина и увидел, что они полны страха.

Арлинсон не выдержал и отвел взгляд.

— Не вини себя, — тихо сказал ему Род. — Ты был под действием злых чар, твой разум тебе не принадлежал.

Солдат пылливо посмотрел на него.

— Это чистая правда. — Род пристально смотрел в глаза Арлинсона — словно старался своим взглядом убедить его в правоте своих слов. — Расскажи мне — многое ли ты запомнил?

Арлинсон поежился:

— Все помню, милорд. Помню гибель графа Новгора. Помню, как нас впервые опутали злыми чарами, как мы пошли походом на замок, как чары стали сильнее...

Род ждал продолжения, но солдат только запрокинул голову и содрогнулся.

— Ну, говори же, — поторопил его Род. — Что случилось после того, как чары стали крепче?

Арлинсон вскинул голову, широко раскрыл глаза:

— Разве было что-то еще?

Род еще немного поглядел на него и печально покачал головой:

— Ничего. Ничего ты не мог с этим поделать, солдат. И потому пощади свое сердце, не рви его на части. — Он заметил, что глаза Арлинсона снова наполняются страхом, и добавил: — Давай-ка немного вернемся назад. Они — эти колдуны — погнали вас всех к замку, верно?

Арлинсон кивнул:

— То был замок барона Строголя, милорд. — Его снова передернуло. — Вот только никто бы не признал этого замка — такая там теперь сырость и грязь. Циновки в передней не меняли с месяц, поди, а ежели вернее — то с самой осени. Окна и бойницы ставнями закрыты, дневной свет туда не проходит.

Род на всякий случай запомнил эти ценные сведения и спросил:

— А что с графом?

Арлинсон только медленно покачал головой, не спуская глаз с Рода. Род уселся поудобнее, повертел в пальцах кинжал.

— Ты говорил — чары стали крепче. Как это произошло?

Арлинсон вздрогнул, поежился и отвел глаза.

— Понимаю, вспоминать больно, — сочувственно проговорил Род. — Но мы не сможем одолеть этого колдуна, если не будем ничего знать о нем. Попробуй, ладно?

Арлинсон резко повернул голову к Роду:

— Так ты думаешь, что его можно одолеть, да?

Род нетерпеливо пожал плечами:

— Конечно, мы сможем помериться с ним силами, да и победить его, думаю, можно. Ты мне расскажи, как эти колдуньи сделали свои чары более крепкими.

С полминуты солдат только молча смотрел на него. Потом медленно кивнул:

— Вот как было дело... Нас заперли в темнице, а потом уводили оттуда по одному. Когда меня взяли, то потом провели в комнату, где было так темно, что я даже не понял — большая она или маленькая. На столе горела свеча. Меня усадили на стул и велели пялиться на пламя. — Арлинсон скривился. — А что мне было делать?

Род кивнул:

— Стало быть, ты сидел и смотрел на огонь. Еще что-нибудь помнишь?

— Помню. Музыка была. Музыкантов я не видал, они где-то прятались в темноте. А музыки такой я прежде никогда не слышал. Занудная такая — ну вроде как на волынке играют, а звуком больше на виолу смахивало. Ну и в барабан еще кто-то бил...

— Попробуй вспомнить ритм, — тихонько попросил Род.

Арлинсон удивленно уставился на него, но все же послушался и принялся постукивать ладонью по бедру.

Род все понял: это был ритм биения сердца.

— Что-нибудь еще?

— Потом тот, что сидел напротив меня — видеть я его не видел, темно было, только голос слышал, — стал что-то бормотать про усталость, про то, как мне спать охота. Веки у меня будто свинцом налились, начали слипаться. Я изо всех старался не закрывать глаза, но потом не выдержал — уснул и спал... до сих пор. — Он осмотрел себя. Казалось, он впервые видит свою одежду. — Что это за форма такая?

— Скажем, когда ты снимешь ее, — пообещал Род и похлопал Арлинсона по плечу. — Мужайся, солдат. Тебе потребуется вся твоя отвага, когда ты узнаешь, что происходило, куда ты был... куда ты «спал». — Род обернулся и нашел взглядом

Гратума. — Развяжите его. Теперь он на нашей стороне. — Затем Род обернулся и увидел, что дети заканчивают процедуру пробуждения последнего солдата, а Гвен бдительно за ними присматривает и старательно руководит их действиями.

— Тише, Магнус, осторожнее — его разум спит. Джеффри, не так быстро... нет, назад! Отступи! Если ты разбудишь его слишком резко, ты можешь швырнуть его в пучину его собственного разума, и тогда он ужасно испугается того, что проснулся так далеко от своей кровати.

Солдат, о котором шла речь, болезненно заморгал и приподнялся на локте. Оглядевшись по сторонам, он заметил, что связан. Тут его взгляд заметался, он попытался сбросить путы, но уже в эти мгновения взгляд его обрел ясность. Через несколько секунд он откинулся на спину и глубоко задышал.

— Умница, доченька, — похвалила Гвен Корделию. — Ты его превосходно успокоила.

Род смотрел за тем, как солдат приходит в себя. Наконец он огляделся по сторонам, задержал взгляд на Гвен, на детях, перевел на Рода.

— Теперь все пробуждены, супруг мой, и готовы выслушать тебя, — негромко проговорила Гвен. — Скажи им, кто ты такой и как тебя зовут.

— Мое имя — Род Гэллоугласс. Я — верховный чародей Грамерая, — произнес Род, стараясь подражать интонации Гвен. — Рядом со мной — моя супруга, леди Гвендилон, и мои дети. Они только что разрушили злые чары, которыми вы были окованы. — Он немного помолчал, обвел солдат взглядом, дал им время привыкнуть к услышанному и только затем продолжал: — Вы «проспали» три дня, и все эти дни вы сражались в войске верховного колдуна Альфара.

Солдаты в ужасе уставились на него. А в следующий миг они разом заговорили, принялись осыпать Рода вопросами и требованиями. Некоторые не желали верить, что все так и было, и возмущенно вопили.

Еще чуть-чуть — и у них могла бы начаться истерика. Этому пора было положить конец.

Род поднял руки и проревел:

— Ти-хо! — Солдаты разом смолкли — сработала привычка к воинской дисциплине, впитанная в плоть и кровь. Род, не мешкая, заговорил: — Все, что вы натворили за эти дни, делали не вы сами — то были деяния верховного колдуна и его прихвостней. Они использовали ваши тела и отчасти — ваш разум. — Он заметил реакцию солдат и добавил: — Да. Это было безобразно. Но не забывайте: все эти преступления совершили они, а не вы. Вы ни в чем не повинны. — Род видел, что солдаты насторожены. Он решил, что это неплохо — по крайней мере более спокойно выслушают все, что им расскажут Гратум и другие крестьяне. Он снова обвел взглядом воинов и произнес: — Но вы можете добиться справедливости.

Солдаты в упор уставились на него.

— Вы преследовали этих добрых людей, — Род указал на крестьян, — когда они бежали на юг. Вы пересекли границу владения князя Романова и теперь находитесь на земле герцога Тюдора. Ступайте же далее на юг с теми людьми, за которыми вы гнались, и станьте их защитниками.

По глазам солдат было видно, что они так и поступят.

Род довольно кивнул:

— Пойдете на юг и все, как один, явитесь к королю Туану в Раннимеде. Поклонитесь ему и скажите, что верховный чародей велел вам прийти к нему. Потом поведайте ему все от начала до конца — как мне рассказал Гевин Арлинсон. Король выслушает вас и даст вам приют. Если вы пожелаете — Туан вас возьмет в свое войско, и когда он тронется на север, чтобы сразиться со злобным колдуном, вы пойдете с ним и поможете ему в битве.

Род снова обвел взглядом солдат. Он ни словом не обмолвился ни о вине, ни о мести, но увидел, как угрызения совести во взглядах воинов уступили место фанатизму. Род обернулся и посмотрел на Гратума:

— Им можно верить. Развяжите их.

Гратум, похоже, не был так уж уверен в том, что это стоит делать, но послушно отправился выполнять распоряжение Рода.

А Рода кто-то потянул за ремень. Обернувшись, он увидел Грегори.

— Папуля, — сказал малыш, — а стражники во дворце пустят их к королю?

— Сынок, мне придется взять тебя на работу — будешь служить в должности моей памяти, — улыбнулся Род, подошел к Вексу и стал рыться в седельной сумке, бормоча: — Ведь мы брали с собой перо и бумагу, правда?

— Брали, — подтвердил робот, — но они лежат на самом дне, под сухарями.

— Ну конечно! Я же никак не предполагал, что так скоро придется писать письма! — Род сунул руку глубже в мешок, выудил со дна письменные принадлежности и набросал весьма произвольной формы рекомендательную записку, в которой просил позволить ее подателю переговорить с королем и королевой. Затем Род сложил лист бумаги, убрал перо в мешок и обратился к Корделии:

— Будь добра, запечатай.

Маленькая волшебница сдвинула брови, сосредоточилась, а потом радостно улыбнулась и кивнула.

— Все в порядке? — Род осмотрел сложенную бумагу. Ее края были надежно склеены — молекулы с одной стороны перешли на другую. — Род усмехнулся. — Спасибо, кочанчик. — Он обернулся и подал письмо Гратуму. — Отдашь это любому стражнику. Они читать не умеют, потому позовут сэра Мариса, начальника караула; а тот скорее всего позволит тебе и еще кому-то пройти к королю и королеве — в сопровождении десятих личных телохранителей ее величества. Их не бойтесь — они служат больше для красоты. — Он поджал губы. — Но все-таки на вашем месте в тронном зале я бы резких движений не делал...

Гратум вытаращил глаза, склонил голову.

— Будь по-вашему, милорд. Только... — Он нерешительно нахмурился. — Милорд...

— Давай говори, — махнул рукой Род.

Гратум, с трудом поборов рассеянность, выпалил:

— Почему вы дочку свою «кочанчиком» назвали?

— Потому что у нее голова на плечах имеется, — объяснил Род. — А теперь — в путь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Семейство Гэллоуглассов проводило взглядом небольшой отряд, сопровождавший крестьян. Как только последний солдат скрылся за деревьями, Род обернулся к своим домашним:

— Спасибо, детки. Я вами очень горжусь.

Дети так и расцвели от отцовской похвалы. Корделия взяла Рода за руку и проворковала:

— А я тобой горжусь, папочка, — ты ни разу не вышел из себя!

Род с трудом удержался от улыбки.

— Да, — только и сказал он. — Стоит радоваться даже маленьким победам над собой, верно? — Он отошел назад и уселся на более или менее удобный камень. — Можно немного передохнуть после такой передряги.

— И поесть! — Джеффри плюхнулся на траву перед отцом. — Можно я поохочусь, пап?

— Нет, — покачал головой Род. — Тут действуют законы против охоты в частных владениях, а нам пока имеет смысл сохранить обличье семейства жестянщика.

— Но это не обмануло верховного колдуна и его приспешников, — возразил Магнус и уселся на траву рядом с Джеффри.

— Это верно, и все же, пока мы так одеты, встречные скорее разговоятся с нами. Гратум много наговорил бы жестянщику такого, что утаил бы от верховного чародея, лорда Гэллоугласса.

— Точно, — подтвердила Гвен. — Его чувства стали почти не видны, как только он узнал, что ты — благородный господин.

— Во что сам я по сей день не верю, — заметил Род, — а он поверил, что и было важно. Так что пока внешне мы останемся семейством лудильщика.

— Значит, охотиться нельзя? — надул губы Джеффри.

— Значит, нельзя, — кивнул Род.

— Но мы же голодные! — жалобно протянула Корделия.

— У нас есть еда, — возразила Гвен и развязала узелок. — Бисквиты, сыр, яблоки и чистая родниковая вода... которую принесет Магнус.

Магнус испустил вздох великомученика и отправился за ведерком.

— Понимаю, — сочувственно проговорил Род. — Трудно быть старшим.

Магнус поставил ведро в середине усевшихся кружком родичей и уставился на него в упор. Послышался плеск... и ведро до краев наполнилось водой.

Род, не мигая, глядел на воду.

— Ты... — пробормотал он, устремив взгляд на старшего сына, — ты запомнил последний ручей, мимо которого мы проходили?

Магнус кивнул и уселся по-турецки.

— Правда, молоко было бы лучше.

— Ну, уж молоко-то ты не сумеешь телепортировать, — решительно мотнул головой Род. — Что бы тогда пришлось пережить бедной корове? Да и потом ждать пришлось бы долго после того, как мама пастеризует молоко.

— А она могла бы его прямо внутри коровы подогреть, — предложила Корделия.

— Может, хватит уже издеваться над несчастным животным?

— А я бы лучше кролика поймал, — проворчал Джеффри.

Гвен покачала головой:

— У нас нет времени его жарить. Сегодня мы должны еще идти на север, дети.

Джеффри горько вздохнул и уложил кусок сыра поверх бисквита.

— А мы ночью пересечем границу владений Романова, пап? — поинтересовался Магнус.

— Нет — если это будет в моей власти. Эту границу лучше пересечь при свете дня.

— Тут даже когда светло, неприятностей хватает, — согласилась Гвен. — А уж в темноте нам неожиданности совсем не нужны.

Корделия пожала плечами:

— Мы знаем обо всем, на что способны ведьмы и колдуны. Чем они могут нас удивить?

— Будем знать чем — и неожиданностей не будет, — ласково сказала дочери Гвен.

— Кроме того, — добавил Род, — мне совсем не понравилось то, что ваша мама рассказала мне о глубоком гипнозе, при котором не видны следы того, кто его создал.

Дети дружно уставились на него. Магнус высказался за всех сразу:

— И как ты думаешь, пап, что это может быть?

Род покачал головой:

— Еще слишком много пока такого, о чем мы не знаем.

— Мы знаем, что главный колдун старенький, — тоненьким голоском заявил Грегори.

Остальные вытаращили глаза.

— С чего это ты взял? — воскликнула Корделия.

— Услышал. Так сказал солдат, который рассказывал папуге про бой с графом Новгородом.

— И верно, — ошеломленно вымолвил Род, после того как обшарил память в поисках того, о чем сказал Грегори. Правда, о возрасте Альфара Арлинсон сказал вскользь, да и слово «почтенный» не обязательно означало «старый». Род взглянул на Гвен, а она, оказывается, не спускала глаз с него. Он повернул голову к Грегори:

— Ты молодец, сынок. А что еще нам известно?

— Что он собрал вокруг себя других колдунов и ведьм! — проворно выпалила Корделия.

— И что они моложе него, — добавил Магнус. — Потому что когда Гратум говорил про колдуна Мельканта, он вообще не говорил о том, какого тот был возраста.

— Но и что Мелькант молодой, он тоже не говорил, — возразил Грегори. — Ни он, ни солдат ничего такого не говорили про других колдунов и колдуний.

Магнус закрыл рот и покраснел.

— Да, ничего, кроме того, что их было немало, и достаточно для того, чтобы одолеть дюжину вооруженных мужчин!

— Верно, Арлинсон говорил о колдунах во множественном числе, — рассудительно проговорил Род. — А если бы те были стариками и старухами, и Гратум и Арлинсон, пожалуй, упомянули бы об этом.

Магнус бросил на отца благодарный взгляд.

— И все же, — Род посмотрел на Грегори, тот упрямо насупился, — мы только догадываемся об этом, а точно не знаем. И быть может, нам еще придется передумать.

Грегори сразу повеселел.

— Мы знаем, что среди этих колдунов и колдуний кто-то владеет искусством творения чудовищ из ведьминого мха, — задумчиво произнесла Гвен, — и думаю, это та женщина, которую мы встретили позавчерашней ночью.

— Очень может быть, — согласно кивнул Род. — Кроме того, как минимум одна из колдуний неплохо владеет телекинезом — умеет швыряться шаровыми молниями.

— Да, это требует определенных навыков, — сказала Гвен, которая умела зажечь как спичку, так и целый амбар в миле от того места, где находилась.

— Также среди них имеется проективный телепат, способный быстро ввести в гипнотический транс дюжину деморализованных солдат, — добавил Род. — Не исключено, что это и есть колдун-диктатор.

— Но ты только догадываешься, папуля, а точно не знаешь, — вставил Грегори.

Род усмехнулся:

— Молодчина! До чего смекалистый малыш!

— А кто-то из них, может быть, придумывает, как использовать все эти таланты таким образом, чтобы легко одолеть целое войско, — предположил Джеффри.

Род кивнул:

— Хорошо подмечено — и легко упустить такую подробность, между прочим. Ну и какие у тебя мысли насчет их стратегии?

— Наверное, они решили сначала покорить крестьян, а потом — рыцарей, — начал рассуждать Джеффри. Его глаза засверкали. — Начали с малого — собрали несколько отрядов и стали ими пользоваться для достижения новой цели. Значит, потом они должны напасть на князя Романова, а после него на кого-то еще из великих лордов — на Габсбурга или Тюдора скорее всего, потому что их владения соседствуют с этим княжеством. Потом они могут напасть и на короля с королевой, потому что успеют взять в кольцо королевские земли. Ну а

если будут сомневаться в своих силах, нападут для начала на Бурбона, Медичи и Глостера, а уж потом пойдут войной на короля Туана.

Все молчали и не сводили глаз с шестилетнего Джеффри. Род помнил о том, что Джеффри — ребенок, который ни за что не желал учиться читать, пока он не сказал ему, что буквы... маршируют!

— Неплохо, — тихо пробормотал Род. — Совсем не плохо — тем более что точных сведений у нас так мало. А я сказал «стратегия», хотя на самом деле хотел спросить, каково твое мнение об их тактике.

— А, ты хочешь узнать, как именно они выиграли то сражение? — пожал плечами Джеффри. — Они сотворили чудовищ из ведьминого мха, натравили их на отряд графа Новгора, чтобы отвлечь и напугать его воинов. А потом, откуда чудовища их отвлекали, другие колдуны и колдуньи напали на них со всех сторон. Все просто, но этого вполне хватило.

— Гм-м-м... — Род заглянул в глаза сына. — Стало быть, ты не слишком высокого мнения о том, кто у них заведует военной тактикой?

— Нет, папа, я такого не говорил! Он все сделал как раз так, как надо, — силу применил, какую нужно и где нужно. Я не сомневаюсь — если бы граф Новгор оказался сильнее, чем предполагали его враги, они бы изыскали магические резервы. — Джеффри покачал головой. — Нет, их тактика ни в чем упрекнуть нельзя. Может, и впрямь его план был слишком прост, но, наверное, он способен строить и планы посложнее для более трудных сражений. — Он пожал плечами. — Пока сказать трудно.

Род медленно кивнул:

— Звучит логично. А сколько всего на службе у верховного колдуна состоит чародеев и колдуний, можешь предположить?

— Не меньше четырех. Одна колдунья творит чудищ из ведьминого мха и управляет своими созданиями, одна летает над полем боя и швыряет камни, по меньшей мере два колдуна появляются и исчезают, перемещаются во время сражения с места на место и создают замешательство и панику. Может быть, есть и кто-то пятый — кто бросает огненные шары, да и шестой — кто напустил сонные чары.

— Гипноз, — поправил сына Род.

— Гип-ноз, — старательно повторил Джеффри и кивнул. — Пусть будет гипноз. Ну и еще, конечно, есть сам колдун-тиран, этот Альфар. Может быть, сонные чары — ой, то есть гипноз напустил он сам, и тогда колдунов и ведьм на одного меньше. Тогда их всего пять.

Род кивнул:

— Итак... Мы можем не сомневаться: есть Альфар и не менее четырех его подручных, а может быть, и больше.

Род стал старательно вспоминать все, о чем ему рассказал Гвен Арлинсон, но тут слово снова взял Грегори.

— Джеффри все правильно говорит, — заявил он. — Он их точно сосчитал.

Джеффри бросил на младшего брата раздраженный взгляд:

— А тебя кто спрашивал, малявка?

Грегори надулся.

— Дети! — вмешалась Гвен. — Ну почему вы все так любите тянуть одеяло на себя?

Корделия расправила плечики, всем своим видом показывая, что она ни в чем не виновата.

Род оперся ладонями о землю и запрокинул голову:

— Отлично! Я и не предполагал, что нам столь многое известно! Ну конечно, детишки, я рассчитывал на вашу помощь по мелочам, но такого никак не ожидал! — Он обвел свое потомство довольным взглядом. — Но... если у этих молодцов все так здорово продумано — зачем же им переживать из-за каких-то беглых крестьян? Почему они отправили своих новых воинов в погоню за ними?

— Ну, уж это совсем просто! — воскликнул Джеффри. — Это было сделано, чтобы они не смогли ни о чем рассказать герцогу Габсбургу или графу Тюдору, и уж тем более — королю и королеве.

Все снова умолкли и уставились на Джеффри.

Джеффри недоуменно обвел все семейство взглядом:

— Но это же... это же так просто! Разве нет?

— Да, просто — теперь, когда ты нам сказал, и вправду все кажется просто. Меня смущает другое: почему Альфар не желает, чтобы другие узнали о том, чем он занят.

— А это еще проще! Он хочет покорить князя Романова и не желает, чтобы кто-то из других лордов пришел ему на помощь!

Братья и сестра не спускали глаз с Джеффри.

Род медленно кивнул:

— Да. Я боялся, что ты скажешь именно об этом.

Виконт и виконтесса Друлейн встали из-за стола, стоявшего на возвышении, поднялись и все их домашние, а следом за ними и гости. Усаженные в дальнем конце, поднялись и жестянщик с женой и детьми. Правда, сначала Гвен пришлось уговорить Джеффри вспомнить о хороших манерах и поставить на стол тарелку, на которой еще оставалась еда.

— Доброй ночи всем вам, — нараспев проговорил виконт. — Приятных сновидений до самого утра.

Привычные пожелания прозвучали мрачно, учитывая тональность застольных бесед. Вероятно, виконт понял это и с очевидной поспешностью покинул главный зал замка вместе с супругой.

Гвен склонила голову к Роду и прошептала:

— Неужели такой страх способно породить отсутствие вестей?

Род пожал плечами:

— Ты же слышала, о чем они говорили: здешние крестьяне привыкли встречать крестьян Романова на ярмарках, и вдруг они перестали там появляться. Виконт с виконтессой привыкли к тому, что время от времени кто-нибудь навещается к ним с визитом, но уже две недели их никто не навещал. А те, кто побывал у них в последний раз, привезли слухи про то, что крестьянам Романова докучают злые колдуньи.

— И я бы испугался, — заметил Магнус, — если бы после таких вестей ко мне никто не стал ездить в гости.

— В особенности если у тебя во владениях Романова проживают родичи, — согласился Род, — а похоже, для многих здешних жителей оно так и есть. Ну, за кого еще выйти замуж дочерям рыцарей? — Род положил руку на плечо Магнуса. — Ну, сынок, давай-ка поможем прибрать со стола.

— Джеффри, нет! — решительно заявила Гвен, но шестилетний мальчишка все же ухитрился схватить со стола послед-

ний ломоть хлеба и свою деревянную миску. В следующее мгновение Род и Магнус сняли со стола крышку, перевернули ее, и все обеды посыпались на пол.

— Не очень-то это чисто плотно, папа, — наморщила нос Корделия.

— Понимаю, детка, но когда ты в гостях, приходится вести себя так, как принято у хозяев. Кроме того, виконт и виконтесса были очень добры, позволив какому-то бродячему жестянщику с семейством заночевать у себя в замке.

— Тем более что всю посуду в замке чинит их собственный кузнец, — добавил Магнус, развернулся и потащил крышку стола к стене. Род пошел за ним. Им пришлось подождать, пока придет их очередь уложить доску — около стены уже вырос внушительный штабель.

— Это все ведьмы наделали, поди, — сказал один серв другому. — Я когда Хорта видал в последний раз... помнишь того? Он из людей сэра Орлана. Ну, так он мне и сказал, что промеж крестьянами ходил какой-то злой колдун и велел им платить ему по пенни каждый Иванов день.

— А Иванов-то день уже миновал, — покачав головой, отозвался другой крестьянин. — Уж чего могли колдуны за это время понатворить...

Когда Магнус и Род уложили доску поверх других, сын посмотрел на отца и сказал:

— Такие слова порождают страх посильнее того, что породило бы неведение, папа.

— Это верно, — согласился Род, — потому что разговор идет об опасности, которая грозит лично каждому. А опасность существует, и грозит она не только нам. — Он обнял Магнуса за плечо, и они вернулись к Гвен и остальным детям. — Так всегда думали об эсперах крестьяне. Мы с мамой и королева Катарина не без помощи Туана уже начали понемногу прививать простому народу мысль о том, что те, кого они зовут колдунами и ведьмами, могут быть неплохими людьми... Но достаточно того, чтобы кто-то один из них возжаждал власти — и в народе снова вспыхнет охота на ведьм... — Род умолк — не смог удержаться от улыбки при виде Корделии и Джеффри, которые, пыхтя, волокли по полу козлы. — Полегче! — крик-

нул им Род. — Вам еще рано таскать такие тяжести — в смысле, руками!

Корделия оторвала руки от своего края козел, подбоченилась и сердито заявила:

— Я уже большая девочка, папа!

— Нет, Делия, еще нет, и не будешь большой еще лет пять, — строго ответил Род и мысленно добавил: «Дай бог». — Но ты такая молодчина, что взялась помогать. Только лучше ступай к маме, она готовит место, где мы расстелим наши одеяла.

Корделия засомневалась, а Джеффри предложил:

— Можно я пойду, пап? Мне охота на воздух.

— Мы тут не для того, чтобы делать, что нам хочется, а для того, чтобы слушать, что люди говорят, — заметил Род, но сыну удалиться разрешил. — Иди помоги маме. Ей нужно, чтобы кто-нибудь уговорил кошку не уходить от нас всю ночь.

Джеффри хихикнул:

— Кошки нужны для того, чтобы отгонять крыс.

Глаза Джеффри сверкнули, и он поспешил к матери.

Род ухватился за край козел:

— Поднимаем!

Магнус ухватился за свой край и развернулся к стене.

— Пап, но даже если бы злые колдуны и колдуньи захватили весь Грамерай, они не смогли бы удержать власть — при том, как сильно ненавидят их крестьяне. — Он пожал плечами. — Нас слишком мало.

— Ты поосторожнее, — предупредил его Род и огляделся по сторонам. — Тоже мне — «нас»! — На счастье, поблизости в это мгновение никого не оказалось. — Нет, сынок, злобный эспер — такой, как Альфар, смог бы удержать власть. Но только за счет жестокого правления, абсолютной диктатуры.

Магнус скорчил недовольную гримасу:

— Это так же мерзко, как охота на ведьм.

— На мой взгляд — еще хуже, поскольку тогда у этой планеты не останется никаких шансов на развитие демократии. А мне бы хотелось, чтобы грамерайские телепаты когда-нибудь стали основой системы связи межзвездной демократии. — Род выпрямился, широко раскрыл глаза. — Так вот оно что!!!

Магнус испуганно уставился на отца:

— Что, пап?

— Помнишь про футурианцев — это те злодеи, что всех нас перебросили с Тир-Хлис?

Магнус помрачнел:

— Еще бы мне их не помнить. Они нам столько бед причинили. Но они здесь при чем, пап? Тут никого нет, кроме какого-то престарелого колдуна, который под конец жизни решил отомстить за причиненные ему обиды.

— Это они хотят, чтобы мы так думали. Ладно, сынок. Раз два, взяли! — Род и Магнус водрузили козлы поверх других, которые уже успели образовать горку, и отправились за следующим. — Но здесь я вижу признаки формирования репрессивной формы правления, и потому высока вероятность действия футурианцев-тоталитаристов.

Тут послышался занудный голосок у него за ухом:

— Предположение основано на недостаточном объеме сведений...

— Но наверняка доказательств их присутствия здесь слишком мало, — заспорил Магнус. — Неужели ты готов сделать такой вывод только из-за того, что Альфар слишком властен и жесток!

— Ты, как я вижу, опять разговаривал с Вексом, — упрекнул сына Род. — Советую тебе присмотреться внимательнее, и тогда ты увидишь намного больше признаков деятельности футурианцев за спиной Альфара. Я как раз размышляю над тем, о чем говорила твоя мама, — а она сказала, что тот, кто загипнотизировал солдат, не оставил в их разуме никаких следов.

Магнус ошеломленно уставился на отца:

— Но... папа... как же это могло...

— Хватайся покрепче, — напомнил ему отец, и они потащили к стене очередные козлы. — Ты подумай, сынок. Так могло сработать только то, что не думает. А что умеет работать, а думать не умеет?

Магнус молчал, пока они устанавливали козлы поверх «горки».

— Машина? — сказал он наугад, когда они пошли к выходу из зала.

— Ну, значит, ты точно разговаривали с Вексом. — За ухом у Рода послышалось весьма неприятное жужжание. — Догадка недурна.

— Но это только догадка, — напомнил ему Магнус.

— Конечно, — кивнул его отец, и они поспешили к Гвен. Та стояла на коленях и расстилала одеяла поверх циновок. — Тебе удалось прогнать всех жучков, дорогая?

— Еще как удалось, — улыбнулась Гвен. — Мы с Корделией набрали свежего тростника по пути сюда, так что спать будем сладко.

Что-то в том, как это было сказано, привлекло внимание Рода. Он отвел взгляд от одеяла и заглянул в глаза жены.

А Гвен вздернула подбородок и обратилась к сыновьям:

— Не забывайте о том, как следует себя вести. Мы не одни тут ночуем.

Дети усталились на мать, озадаченно переглянулись и снова вопросительно посмотрели на нее.

— А с чего ты взяла, что мы будем безобразничать, мам? — спросил Магнус, а Джеффри обиженно пробасил:

— Мы хорошие мальчики, мама!

— Верно, — кивнула Гвен и, оглянувшись, посмотрела на Рода. — Здесь все должны быть хорошими мальчиками.

Посреди ночи послышался негромкий вой. Через какое-то время он стал громче. Звук метался от стены к стене и в конце концов заполнил собой весь большой зал.

Род рывком сел. Страх скрутил его по рукам и ногам, в ответ проснулась ярость.

Зал наполнился бело-голубым свечением. Все слуги повскакали и в ужасе вытаращили глаза. Корделия вскрикнула и уткнулась головой Роду в живот. Грегори зарылся в юбках Гвен.

Магнус и Джеффри, хоть и попятнулись к стене, храбро смотрели на свечение.

Под стропилами зала парила стая светящихся привидений в древних одеждах, с древним оружием. Призраки испускали бело-голубое сияние.

И все они в упор смотрели на семейство Гэллоуглассов.

Призрак-мужчина, нависший прямо над ними, поднял руку, отягощенную весом столетий, и прогрохотал:

— Ты! Это ты нарушил наш покой! Ты и твои отродья! Назови себя и яви свое истинное обличье!

Гвен взяла Рода за руку. Но ярость уже переполняла его, и он отбросил руку жены, возмущенный тем, что она вознамерилась удерживать его. Род встал во весь рост, расправил плечи и, отчетливо выговаривая каждое слово, ответил:

— Я — Родни, лорд Гэллоугласс, верховный чародей Грамерая! А ты кто такой, что смеешь так обращаться ко мне?

— Я — Арендель, первый виконт Друлейн! — проревел призрак. — Ты стоишь в зале моего замка! Откуда ты явился и зачем нарушил мой покой — мой покой и покой всех моих потомков? Отвечай, презренный!

Ярость распирала грудь Рода.

— Говори с почтением с теми, кто выше тебя, ничтожный призрак! Иначе я изгоню тебя отсюда, и ты будешь трепыхаться и стелать в пространстве между мирами!

Призрак пару мгновений не спускал с Рода взгляда своих черных глазниц. Но вот его страшная физиономия сморщилась, провал рта стал шире, и он расхохотался — хрипло, надменно. Другие призраки подхватили его хохот, и вскоре зал наполнился жуткими звуками, напоминавшими дребезжание ржавых гонгов. Все призраки, как один, наставили свои костлявые указательные пальцы на Рода.

Ярость, наполнявшая его, была готова выплеснуться через край, но он удержался и, в последней попытке избежать вспышки гнева, прокричал:

— Векс! Ко мне! В главный зал!

— Ну, давай же, человечешко, исполни свою угрозу! — хохотал и ухмылялся призрак. — Попробуй схватить меня! Покажи, какие чудеса ты умеешь творить! Покажи, хватит ли у тебя силенок сразиться с призраками!

Но тут послышался звонкий стук копыт по камням, и в зал вбежал огромный черный жеребец. Он остановился в нескольких дюймах от супружеской четы крестьян, и те в страхе попятись в сторону.

Арендель устремил гневный взгляд на Векса:

— Что это за зверь, коего ты призвал сюда? Неужто ты начисто лишен воспитания, что позволил себе впустить коня в пиршественный зал?

— Векс! — проревел Род. — Кто они такие?

— Р-р... Ррррод... о-о-он-и-и-и насто...

Неожиданно все могучее тело Векса сотрясло спазмом, шея его поникла, голова повисла между передними ногами. Конь замер, расставив негнувшиеся ноги.

— Припадок, — процедил сквозь зубы Род. — Они настоящие!

Арендель еще пару мгновений молчал, не в силах поверить собственным глазам, а потом запрокинул голову и разразился очередным приступом хохота.

— Сражен! Сражен магическими чарами! Ха-ха! Он повелел, чтобы ему на помощь явился тот, кого он почитает воплощением могущества и совершенства, и вот теперь он сражен!

Призраки снова расхохотались хором. У Рода заболели барабанные перепонки.

И тут наружу прорвалась собственная злость Рода, его возмущение тем, что кто-то смел смеяться над слабым — тем более над его верным товарищем, которого он знал так давно. Злость и возмущение, словно притоки, влились в реку ярости, готовую выйти из берегов. Глаза Рода застлала красная пелена, мысли обрели ледяную, безумную ясность. «Призраков можно изгнать», — только об этом он и мог думать сейчас. Род наступил, прищурился... и в зале прозвучал раскат грома. Неведомо откуда появился невысокий лысоватый мужчина в очках и белой сутане, поверх которой была надета зеленая епитрахиль. Он изумленно моргал и оглядывался по сторонам:

— Я же был... Как же... Что же...

— Добро пожаловать, святой отец, — негромко поприветствовал его Род.

Священник наконец проморгался и посмотрел на Рода глазами, полными слез:

— Но ведь я еще заутреню не отслужил в монастырской часовне! Как же я здесь оказался?

— С помощью моего волшебства, — объяснил Род, — кое я применил в ответ на непотребное поведение этого, давно по-

чившего господина. Изгони его дух, святой отец, пусть он окончательно покинет тело и обрящет Царство Небесное!

Призрак злобно взвыл, его спутники подхватили его вой. Священник зажмурился и вскрикнул:

— Так вопят только в преисподней!

— Изгони их, — крикнул Род, — иначе они обречены на вечное проклятие!

Взгляд священника приобрел решительность.

— Будь по-твоему, — сказал он, наставил на призраков руку, развернув ее ладонью к ним, а другой рукой стал шарить в кармане, произнося при этом звучную молитву на латыни.

Лорд Арендель взвизгнул и исчез.

Отчаянно стеная, и другие призраки начали таять и блекнуть.

В наступившей тишине и темноте послышался крик Магнуса:

— Вон там! У восточной стены! Остановите ее, хватайте ее! Мама, посвети, прошу тебя!

Неожиданный свет засиял во мраке — теплое, желтоватое свечение исходило от огромного шара, повисшего прямо под потолком. Магнус и Джеффри бросились за женщиной в синем плаще с капюшоном. Та схватила метлу, уселась на нее верхом и взмыла ввысь, одарив мальчиков на прощание издевательским смехом. Магнус сердито вскричал и взмыл ввысь следом за ней, но она уже вылетела в окно, распахнутое настежь в эту теплую летнюю ночь. Смеясь, женщина крикнула:

— Глупцы! Разве вы не знаете, что ведьмы теперь повсюду? Вам не уйти от власти Альфара, и не надейтесь свергнуть его! Поклонитесь верховному колдуну, как своему господину, пока он не изничтожил вас, ибо он будет править всеми!

Но тут послышался треск, подобный тому, что издает огниво при ударе о камень, и рядом с колдуньей возник Грегори и швырнул палку прямо ей в лицо. Палка на конце воспламенилась. Колдунья взвизгнула и отпрянула в сторону, но Корделия уже оседлала свою метлу, загородила колдунью дорогу к отступлению и выплеснула на нее воду из ведра. Вода преобразовалась в длинную стрелу и ударила колдунью в лицо. Та взвыла от злости и завертелась в воздухе, пытаясь протереть глаза.

Магнус и Джеффри устремились за ней с разных сторон. В последнюю секунду колдунья сжала в руке крупный амулет в виде витка спирали, висевший у нее на шее, и вскричала:

— Славсья, Альфар!

Раздался удар грома, и колдунья исчезла.

Тут же послышался низкий стон. Этот звук вышел за пределы зала, раскатился по округе, сменился воем.

Магнус повис в воздухе в самом центре зала, чуть ниже огромного огненного шара. Взгляд его был подобен стали. Он медленно разжал губы...

Послышался голос Гвен.

— Нет, Магнус! — вскричала Гвен, и голос ее прозвучал остро, словно бы кто-то раскроил воздух острым ножом. — Здесь нельзя произносить такие слова, их не пристало говорить благородным людям.

На миг в зале снова воцарилась сдавленная тишина. Потом одна из женщин вдруг начала безотчетно хихикать. За ней рассмеялась другая, потом — третья, и еще одна, и еще, и еще... Вскоре уже все в зале, не стесняясь, хохотали в голос — пусть и немного истерично.

Затем на возвышении появился виконт Друлейн, а рядом с ним его дрожащая от испуга жена. И он и она молча обводили глазами зал. Наконец слуги заметили своего господина и один за другим перестали смеяться.

Когда в зале снова стало тихо, виконт обратился к священнику:

— Я должен поблагодарить вас, преподобный отец за то, что исполнили свой долг.

Священник склонил голову:

— То и вправду был мой долг, и благодарить меня не за что.

— И все же я благодарен вам. И все же, отче, я весьма обеспокоен, ибо то были души моих предков. Теперь их души уничтожены?

— О нет, милорд, — покачал головой священник и улыбнулся. — Честно говоря, я сильно сомневаюсь в том, что душа может быть истреблена безвозвратно. И даже если бы такое было возможно, теперь этого не случилось, ибо я счел, что нет нужды для экзорсизма. Я всего лишь освятил этот зал и помо-

лился за души всех, кто обитал здесь прежде, и пожелал им упокоиться в мире — что они и сделали.

— А я боялась, что ты обрушишь на них свой гнев, — негромко сказала мужу Гвен. — И как только ты додумался призвать священника?

Приступ ярости миновал. Род был полон покаяния. Он растерянно пожал плечами:

— Сам не знаю. Так получилось. Странно, да?

— Да, странно, потому что ты никогда не был особо набожным. И откуда ты знаешь, что так было нужно сделать?

Вопрос показался Роду неуместным. Он нахмурился. Откуда он знал, что священники изгоняют злых духов, и в том числе призраков?

— Но это же всем известно, правда? — Он непонимающе уставился на жену. — Ну, вот и я об этом вспомнил — просто так.

— Не-а, — мурлыкнул Грегори и схватил отца за руку. — Не просто так.

— А тебя кто спрашивал? — Грегори в испуге попятился. Роду стало стыдно. Он обнял малыша за плечи и прижал к себе. — Прости, сынок! Зря я так...

Священник тем временем продолжал успокаивать виконта:

— Они ушли в свои могилы, милорд. Они давным-давно заслужили загробную жизнь.

— Для некоторых из них это поистине благодать, — негромко пробормотал виконт.

Род наконец сумел отряхнуться от пепла, которым успел себя посыпать, предаваясь угрызениям совести.

— Не отправить ли вас домой, святой отец?

Священник устремил на него взгляд, полный возмущения. Виконт поспешил вмешаться:

— О, если вы пожелаете, отче, мы готовы предложить вам наше гостеприимство. А когда вы отдохнете, мы дадим вам коня и охрану, и мои воины сопроводят вас на юг, до вашего монастыря.

— Благодарю вас, милорд, — ответил священник. Он даже не сумел скрыть охватившего его облегчения.

Виконт поклонился священнику и медленно развернулся к Роду. Негромко, но гневно он произнес:

— С вашей стороны было бесчестно являться в мой дом, лорд чародей, переодетым и не назвавшим своего истинного имени.

Род не отвел глаз, хотя стыд переполнял его. От страха и стыда он потерял голову и грубо заговорил со священником. Кроме того, виконт был прав.

Но как он смел быть прав?

Род овладел собой и сумел возмутиться достаточно для того, чтобы горделиво вздернуть подбородок.

— Я глубоко сожалею о том, что мне пришлось прибегнуть к маскировке, милорд виконт. Однако в том была необходимость.

— В чем? — свирепо сдвинул брови виконт. — В том, чтобы пробудить от смертного сна моих предков?

Род также нахмурился:

— Не забывайте, милорд, не мы их пробудили. Это сделала ведьма... злая колдунья.

— Верно, — кивнул виконт и смущенно проговорил: — Так и было, милорд. Я забыл.

— Но вот только ведьма не прилетела бы сюда, если бы нас тут не было, — прошептал Джеффри.

— Тихо, малыш, — процедил сквозь зубы Род.

— Молю вас, не судите обо всех ведьмах по этой, — обратилась к виконту Гвен. — Таких злодеек совсем немного. И как вы видели, им трудно устоять против тех волшебников, что служат королю и королеве.

Похоже, присутствующих в зале крестьян это не убедило.

— Не заблуждайтесь, — посоветовал им Род. — Колдун-диктатор, Альфар, рассылает повсюду своих лазутчиков, дабы они готовили почву для его завоеваний. Как видите, он успел далеко продвинуться на юг. — Он обернулся к виконту Друлейну. — Вот потому мы и пришли переодетыми — чтобы узнать все возможное о деяниях Альфара.

Виконт несколько секунд не спускал с него глаз, затем медленно кивнул:

— Это я могу понять.

— Благодарю вас за понимание, — слегка поклонился ему Род. — Однако нынче ночью мы более не имеем права беспоко-

ить вас. Ведьма улетела, а мы узнали все, что нам нужно было узнать. — «Тем более что теперь мы узнаны», — подумал он. — Благодарим вас за гостеприимство и имеем честь откланяться.

Виконт ответил на его поклон, с трудом скрывая облегчение.

Род улыбнулся, развернулся и зашагал к дверям.

Магнус чуть помедлил, спрыгнул на пол и последовал за отцом, расправив плечи и горделиво вздернув подбородок.

Его братья и сестра взволнованно огляделись по сторонам и бросились за Магнусом. Гвен замыкала процессию.

Крестьяне расступались, давая дорогу семейству Гэллоуг-лассов.

Род остановился рядом с Вексом, пошарил под седлом и нащупал кнопку перезагрузки. Как только он нажал на кнопку, конь медленно поднял голову. Род взял черного жеребца под уздцы и повел к двери.

Когда все оказались на воздухе, Джеффри облегченно вздохнул.

— Наконец-то! — выдохнула Корделия.

Род немного помолчал и кивнул:

— Кто-то очень хотел поспать на свежем воздухе?

— Под пение сверчков засыпать приятнее, чем под чей-нибудь храп, — попытался утешить отца Магнус.

— А уж если поблизости окажутся животные, так пусть их хотя бы можно будет разглядеть! — фыркнула Гвен и отряхнула юбки.

— Целиком и полностью согласен, — сказал Род. — Предлагаю далеко не уходить. Уйдем на четверть мили от ворот замка и устроимся на ночлег.

Гэллоуглассы прошагали под надвратной башней, потом по перекидному мосту и углубились в ночную тьму.

Сделав несколько шагов, Род шумно выдохнул:

— Ну, вот... Послушай, Грегори, когда ты в следующий раз захочешь со мной поспорить, подожди, пока мы не останемся наедине! А вдруг прав окажусь я?

— Ладно, папочка, — откликнулся малыш.

Род нахмурился:

— Я не сержусь, сынок, но ведь запросто могло случиться так, что эта колдунья специально была послана туда для того,

чтобы выманить нас, а кроме нее, там мог находиться и другой лазутчик Альфара, который занимается тем, что распространяет слухи и пугает народ. Нет, я не спору: застольный разговор был вполне искренним, но ведь такие настроения как нельзя лучше устраивают Альфара, правда?

Грегори промолчал.

Пытаясь избавиться от ощущения вины, Род потрепал шею Векса и негромко спросил:

— Ну, прочухался, кибер-скакун?

— Почти, — раздался у Рода за ухом голос робота. — До этой ночи мне ни разу не доводилось встречаться с убедительными доказательствами существования медиумов.

— Может быть, ты пока и не встретился с ними, — проворчал Род.

— Кто не встретился? С кем? — с любопытством поинтересовался Магнус. — А-а-а! Понятно. Ты разговаривал с Вексом.

Мальчик довольно кивнул. Дети уже давно усвоили, что мысли Векса для них не слышны — он мог только сам их озвучить при желании.

— Может быть, он пока не встретился с кем? — спросила Корделия?

— С медиумом, — ответил Род. — С человеком, который умеет разговаривать с духами, с призраками и вызывать их.

— А-а-а... — понимающе кивнула Корделия. — Это ты правильно сказал, папа. Векс действительно никакого медиума не видел.

— Что ты говоришь? А мне призраки показались вполне натуральными.

— Вовсе нет, — заверил его Магнус. — Мыслей у них было не больше, чем у зеркала.

Род нахмурился:

— Странное сравнение.

— Но точное, — заметила Гвен. — Собственных мыслей у них не было, они лишь изображали то, что для них было придумано.

— Придумано? — настороженно переспросил Род. — Но кем?

— Колдуньей, — пояснил Магнус. — Она пробудила воспоминания, впитанные камнями, и натравила их на нас.

Род вытаращил глаза. Промолчав несколько секунд, он выдал:

— Что ты сказал?

— Бывают такие колдуньи, супруг мой, — объяснила Гвен, — которые могут коснуться, к примеру, кольца и целиком познать того человека, который его носил, — вплоть до его мыслей.

Род задумчиво уставился в пространство:

— Да-да... Пожалуй, я слышал о чем-то подобном. Помому, это называется «психометрией».

Гвен пожала плечами:

— Как это называется, я не знаю, супруг мой. Такими словами говорит твой народ, а не мой.

— А это все равно, — вставила Корделия.

— Спасибо, надоумила, а то бы я не понял, — кисло усмехнулся Род. — Но ты-то как об этом узнал, Магнус?

Мальчик покраснел:

— Не хотелось волновать тебя, пап...

— Неужто? — Род вопросительно глянул на Гвен. Та покачала головой. — Маму тебе тоже, как я понимаю, волновать не хотелось. И это замечательно, но только теперь мы все время будем волноваться, потому что ты обнаружил новый способ применения своего таланта и проводишь опасные опыты без нашего ведома.

Магнус оправдывающимся тоном проговорил:

— Но я не хотел...

— Понимаю. Так что уж лучше я поволнуюсь, сынок. Для того я здесь и нахожусь.

Сказав это, Род задумался: а не было ли в его словах больше правды, чем он сам в них вложил?

Магнус вздохнул:

— Ну ладно... Я нашел мысли в вещах, которыми пользовались люди, пап.

Род кивнул:

— В следующий раз, когда будешь подобным образом экспериментировать, пусть с тобой рядом будет мама, хорошо? Насчет «вызывания» теперь все ясно. Насколько я понимаю, «натравливание» связано с проективной телепатией?

— Этими словами, — объяснила Гвен детям, — ваш папа называет дар волшебника или волшебницы навязывать свои мысли людям, лишенным магического таланта.

— О! — воскликнула Корделия и кивнула. — Она была такая, пап. Она могла заставить других видеть то, что она видела в своем разуме.

— Значит, мы видели не настоящих призраков, — заключил Род, — а всего лишь отражения воспоминаний, запечатленных в камнях, из которых сложены стены и пол зала... Послушай, Гвен!

— Да, супруг мой?

— Помнишь тех призраков, с которыми нам довелось познакомиться в замке Логира?

— Помню, сударь мой. Быть может, и они поначалу были сотворены так же.

— Почему «поначалу»?

— Потому, что когда-то, давным-давно, их сотворила колдунья.

— И точно, — кивнул Род. — Все правильно: считалось, что привидения обитают в этом замке пару столетий. — Он взглянул на Магнуса, заметив, как сверкнули у сына глаза. — Даже не думай наведываться туда без приглашения. Те призраки были совершенно безвредны.

— Для всех, кроме твоего отца, — не удержалась и вставила Гвен.

Род обиженно зыркнул на нее:

— Я там дипломатией занимался, а не некромантией. И между прочим, эта колдунья, приспешница Альфара, тоже работала весьма убедительно.

— Верно, — согласилась Гвен. — Когда мы обличили ее, ее слова были предназначены для виконта Друлейна и его приближенных, а не для нас.

— Она пыталась пробудить в людях старые страхи перед ведьмами, — проворчал Род. — Не хотелось бы даже думать о том, что начнут делать с ведьмами крестьяне в других частях королевства.

— Нет, давай лучше подумаем об этом! — воскликнул Грегори. — Если ведьмы напугаются, они могут разозлиться, ста-

нут ненавидеть людей и убегут к Альфару, и тогда его войско станет еще сильнее!

Род задумчиво кивнул:

— Не хочется признаваться, сынок, но ты прав.

Он печально посмотрел на Гвен, обвел взглядом детей.

— Что за мысль овладела тобой, супруг мой? — негромко спросила Гвен.

Род вернулся к ней взглядом:

— Наше путешествие становится по-настоящему опасным, милая. Тебе с детьми пора возвращаться домой.

Пару мгновений царило безмолвие. Его нарушила Корделия.

— Это нечестно! — воскликнула она.

— Только-только стало интересно! — возмутился Грегори.

— Как бы то ни было... — решительно начал Род.

— Пап, тут такая колдовская тактика! Неужели ты мне не дашь посмотреть и поучиться! — вскричал Джеффри.

— Вы можете пострадать! — крикнул Род. — Я не могу этого допустить! Для меня нет ничего важнее в жизни!

— Но как же тебе будет без нас? — встревоженно спросил Магнус и схватил отца за рукав.

— Одиноко, — буркнул Род. — Но я буду свободен и сделать смогу намного больше, если не буду переживать за вас в разгар боя!

— Но тебе не нужно бояться за нас! — возразила Корделия.

— Выстави против нас хоть целое войско! — задиристо выкрикнул Джеффри.

— Вот-вот. — Род стиснул зубы. — Тебе войско подавай, никак не меньше. Но увы, войско может оказаться сильнее вас, и тогда...

— Муж мой, — голос Гвен прорвался сквозь плену зарождавшегося гнева, — ты сам только что сказал, что твой долг — защищать наших детей.

Род вскинул голову, одарил жену сердитым взглядом:

— Ты хочешь сказать...

Но Гвен уже заговорила с детьми.

— Ваш отец, — взволнованно начала она, — сказал, что тут опасно, и если вы думаете, что вы такие смелые и сильные,

постарайтесь вообразить, как бы вы повели себя, если бы каждый из вас один на один столкнулся со взрослым чародеем, который в совершенстве владеет своим искусством. Если бы с вами рядом не было братьев и сестры — каково бы вам пришлось?

Джеффри открыл рот и был готов ответить.

Гвен прикрыла его губы ладонью:

— Нет-нет, сначала подумайте хорошенько, а уж потом отвечайте! Наверное, это покажется вам забавным приключением, но лишь до тех пор, пока не станет по-настоящему страшно! А тогда ничего веселого не останется. — Она встретила взглядом с Родом. — Ваш отец прекрасно знает, как это бывает, потому что ему не раз грозила опасность. И если он говорит, что здесь опасно, стало быть, эта опасность страшна для вас, она способна вас погубить.

Дети присмирели. Судя по тому, как они смотрели на мать, было похоже, что они поняли ее.

— А ты, муж мой, будь рассудителен, — сказала Гвен и посмотрела на Рода в упор. — Те противники, которых Альфар посылал против нас до сих пор, вряд ли могли помериться с нами силами. Вот если бы Альфар обрушил на нас всю свою силу — это, пожалуй, могло бы стать опасно, однако я сомневаюсь, что он рискнет и поступит так. Он не ведает, какова истинная сила нашего семейства, и потому будет выставять против нас лишь часть своего войска. Если бы он и вправду вздумал бросить против нас всю армию, нам бы следовало спастись бегством, но покуда он натравливает на нас одних только ведьм, верховному чародею и его семье бояться нечего.

— Ну да, это просто детские игры, верно? — хмыкнул Род.

— Не могу поспорить с тобой, — кивнула Гвен. — Для наших детей это неплохая учеба.

— Так-так... — нахмурился Род. — Он нас проверяет, испытывает, верно?

Джеффри вытарашил глаза:

— Папа! Ну ты даешь! Как же я раньше не додумался до этого?

— Все дело в жизненном опыте, — объяснил Род. — Однако это означает, что всякий раз против нас будут обращены

более серьезные силы, и так будет происходить до тех пор, пока Альфар не решит, что досконально изучил наши возможности. Вот тогда-то он направит против нас войско, вдвое превосходящее нас по силе — так, для верности.

Джеффри задумался:

— Если так... то нам следует драться с нашими противниками вполсилы, а то и слабее.

Род кивнул:

— А пока мы вели себя не совсем так.

— Значит, нам можно остаться? — воскликнула Корделия и от радости запрыгала на месте.

Род свирепо сдвинул брови и устремил на детей строгий-престрогий взгляд.

Они выстроились в ряд, смиренно сложили ладони перед грудью, чуть склонили головы.

— Вы даете мне честное слово, что когда в следующий раз я велю вам отправляться домой, вы так и сделаете?

— О да, папочка, да, да! — вразнобой воскликнули дети.

— Улетим, умчимся, как птички! — пропела Корделия.

— Пап, если бы этот колдун был такой уж страшный, мы бы сами не захотели оставаться, — заверил Рода Магнус.

— А ты, стало быть, считаешь, что он не страшный? — сверля старшего сына взглядом, спросил Род.

— Ну...

— Ладно, не надо. — Род предостерегающе поднял руку. — Вы мне пообещали. Считайте, что вы остаетесь на борту — по крайней мере до следующего нападения врагов. Но если появится хоть малейшая опасность, вы немедленно отправитесь домой!

— Домой! — хором повторили дети.

— Похоже, вы мне не больно-то верите, — хмыкнул Род и обернулся к Гвен. — Ну а ты? Ты обещаешь вернуться?

— Я буду заботиться о тебе, как заботилась всегда, господин мой, — решительно заявила Гвен.

— Вот этого я и боялся, — вздохнул Род. — Ну что ж, боюсь, что мне придется этим удовлетвориться. Пошли, ребята, разобьем лагерь.

* * *

Гвен, довольно вздохнув, запрокинула голову назад:

— Ах, как приятно снова полетать!

— Рад за тебя, — процедил сквозь зубы Род, крепче сжал рукоятку метлы и сглотнул подступивший к горлу ком. Он предпочитал летать внутри симпатичного, теплого и удобного звездолета, где имелись мягкое кресло и автоматический бар. — Верхом на помеле — это хорошо для птичек. А вообще-то... вряд ли бы и птички согласились на него садиться.

— Еще как согласились бы, папочка! — С ними поравнялась Корделия. На рукоятке ее метлы сидела малиновка и весело щебетала.

Род завистливо глянул на птичку.

— Станных подружек ты заводишь, — буркнул он.

Мимо пролетел Грегори, сделал сальто-мортале, оглянулся и помахал рукой на прощание.

— Выпендрейник, — проворчал Род, но сердце его запело при виде улыбки на мордашке обычно серьезного младшего сына. Так приятно было видеть его таким, каким положено быть ребенку трех лет от роду.

— Будь осторожен, сынок! — крикнула вслед Грегори Гвен. Грегори с готовностью кивнул и сделал еще один кувырок.

Следующим мимо пронесся Магнус:

— Спасибо, пап! Мы снова на воле!

— Я в восторге, — отозвался Род, изо всех сил постаравшись, чтобы это прозвучало убедительно. — Теперь Альфар точно знает, кто мы такие, так что следует радоваться свободе.

— Глянь-ка вон туда, — сказал Магнус и указал вперед. Приглядевшись, Род увидел впереди гряду холмов, подернутых синеватой дымкой. Магнус сообщил: — Это горы Титанов.

— Граница княжества Романова, — кивнул Род и почувствовал, как засосало под ложечкой. — Почему-то мне вдруг не так уж сильно хочется пересекать ее.

— Но ведь будет так весело, пап! — воскликнул Джеффри, подлетевший к отцу и матери слева.

— Я бы без такого веселья запросто обошелся, — буркнул Род. — Кроме того, я проголодался. Милая, не найти ли нам какой-нибудь городок с кабачком по эту сторону границы?

— Вряд ли в кабачок пустят так бедно одетых людей, сударь мой.

— Не пустят, но мы сможем устроиться на постоялом дворе и купить еду, уплатив самым настоящим серебром!

— Горячих колбасок! — облизнулся Джеффри.

— Жаркого! — простонал Магнус.

— Поджаренного сыра! — проворковала Корделия.

— Дети голодны, — вздохнула Гвен. — Что ж, супруг мой, будь по-твоему.

— Отлично. Приземлимся где-нибудь в рощице, в полумиле от городка, ладно? Пожалуй, семейство лудильщика впустят на постоянный двор, но не в том случае, если оно туда спикирует. — Род с жадностью всмотрелся в даль. — *Terra firma**! По-скорее бы!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда семейство Гэллоуглассов вошло в город, Корделия радостно вздохнула:

— Как это здорово, что этот противный старикашка колдун знает, что мы идем к нему!

— Да уж, — пробурчал Род. — Потому нас всюду ожидают с распростертыми объятиями. Но тебе-то почему все так нравится, детка? Потому что можно летать?

— Ага!

— А я терпеть не могу маскировку, пап, — признался Джеффри.

Род смерил сына взглядом:

— Ясное дело. Но бывают случаи, когда камуфляж необходим из тактических соображений, не забывай.

— Это я понимаю, — вздохнул Джеффри. — Только меня это все равно смущает, — вздохнул мальчик.

— А меня смущает другое: я все думаю, как Альфар нас вычислил, несмотря на маскировку.

* Твердая земля (лат.). — Примеч. пер.

Несколько секунд все молчали, а потом Гвен сказала:

— Всем известно, что у верховного чародея есть жена и четверо детей — девочка и трое мальчиков.

Род скривился:

— Что же, ты думаешь, колдуны и ведьмы устраивают свои спектакли для каждого семейства, идущего на север? — Он задумался, уставился в одну точку. — Хотя, пожалуй, не так много семей, которые сейчас идут на север... Но возраст детей не может быть всем известен... Тогда мы должны были бы услышать о чем-то подобном, верно? Ну, о чудовищах, нападающих на путешествующие семейства?

— Не обязательно, — возразил Джеффри, — если ведьмы и творимые ими чудовища их побеждали.

— Но ведьмы бы не стали нападать, если бы видели, что в семье никто не владеет магическим даром! — пылко воскликнула Корделия. — Если бы они ошиблись, они бы позвали чудовищ обратно!

Джеффри покачал головой:

— Ни одна ведьма не стала бы звать чудовищ обратно — если, конечно, она не захотела бы, чтобы весть о ее проделках долетела от короля.

— Верно, с их точки зрения такая стратегия была бы более верной, — согласился Род.

— Но... неужто они способны убивать невинных детей! — воскликнула Корделия.

— Детка, они недобрые, — процедил сквозь зубы Род.

Несколько минут дети молчали, переваривая эти неприятные слова отца. Наконец Грегори высказался:

— Мы этого точно не знаем, папочка.

— Не знаем, но я не стал бы питать больших надежд на то, что это не так. И все равно все происходящее кажется мне несколько странным.

— Может быть, они выставили дозорных? — предположил Джеффри.

Род кивнул:

— Вот это мысль. Очень вероятно. Но что это за дозорные? Я это в том смысле говорю, что мы нигде не заметили часовых в форме войска Альфара. Так что если у него и есть дозорные,

они замаскированы и переодеты. Кроме того, у них должны быть сведения о том, как выглядим мы...

— Да нет же! — вскричал Магнус и схватил отца за руку. — Им всего лишь надо быть...

— Телепатами! — воскликнул Род и стукнул себя по лбу тыльной стороной ладони. — Ну конечно! Надо было всего-навсего расставить тех, кто умеет читать мысли, на главных дорогах, а может быть, даже на пастбищах, если ты уж слишком подозрителен. Попробуй, отличи их от прохожих или крестьян, от купцов или зеленщиков...

Дети насторожились.

— Короче говоря, понять, что перед тобой дозорный-телепат, невозможно, — закончил Род, — потому что им ничего делать не надо, а надо только прислушиваться к чужим мыслям.

— А мы могли бы закрыть наш разум, — задумчиво проговорил Джеффри.

— Могли бы, да не закрыли, — сокрушенно покачал головой Род. — Кроме того, это не так легко, как кажется, но вы делаете в этом деле кое-какие успехи. — Он переглянулся с Гвен. — Особенно хорошо это вам удастся, когда вы вытвораете что-то такое, что вам хочется скрыть от мамы.

Дети виновато-переглянулись.

— Но конечно же, мы с мамой понемногу учимся заглядывать за ширмы, которыми вы закрываете ваши мысли, — продолжал Род, — и потому это неплохая тренировка для всех нас. И между прочим... это очень недурная мысль. — Он подмигнул детям. — С этих пор я разрешаю вам время от времени заглядывать в чужие мысли, детки.

Все четверо детей тут же устались в одну точку.

— Нет, нет! Не сейчас! Я же не то хотел сказать! Если эти дозорные существуют и если они на самом деле прислушиваются к чужим мыслям и слышали то, о чем мы сейчас говорили, то теперь они, безусловно, стерли все воспоминания и их мысли фальшивы. Я хотел попросить вас настраиваться на прослушивание их мыслей время от времени — когда в голову придет.

— Но разве они не могут все время закрываться от нас, папочка? — возразила Корделия.

— Не тогда, когда будут пытаться слушать ваши мысли. — объяснил Род. — Делать то и другое одновременно они не смогут. Вы же сами пробовали и должны знать, что это невероятно.

На этот раз дети обменялись взволнованными и чуть испуганными взглядами, которые яснее ясного говорили: «Много ли знает отец такого, о чем, как им кажется, он не знает?»

— Старайтесь заставить их врасплох, — настоятельно посоветовал Род.

Дети философски вздохнули.

— Знаю я, о чем вы сейчас думаете, — проворчал Род. — «Ох уж этот папа! Сначала говорит: «Сделайте это», потом говорит: «Нет, не надо!» Так что давайте договоримся так: вы будете делать это время от времени. — Он огляделся по сторонам. — Поглядите-ка! Вон там пасется славная лошадка! Пожалуй, стоит ее украсть.

Дети ахнули от изумления, обернулись... и одарили отца взглядом, полным искреннего презрения.

— Тебе не надо красть эту лошадку, папа, — решительно объявил Грегори. — Она уже твоя.

— Моя-то моя, но лучше поводить врагов за нос, — сказал Род и еле слышно добавил: — Ты молодчина, что дождался нас, Старая Железяка. Не откажешься ли подвезти меня немного?

— Ты утомился, Род?

Но верхом поехали Гвен и Корделия и ехали до постоянного двора. Как только Роду удалось завладеть вниманием хозяина, тот проявил чудеса услужливости.

Но привлечь его внимание оказалось нелегко. Род оставил жену с детьми у дверей и вошел в кабачок, заранее подготовив себя к не слишком приятному зрелищу. Он увидел высокого крепкого мужчину в заляпанном фартуке, который только что поставил на стол дюжину кружек с пивом и теперь получал от посетителей медяки. Как только он отвернулся от стола, взгляд его сразу упал на Рода.

— Убирайся, — распорядился он, — мы тут милостыню не подаем.

С этими словами он развернулся к кухне.

— У меня есть деньги! — крикнул ему вслед Род.

Хозяин и не подумал оборачиваться.

Род обогнал его, загородил ему дорогу и помахал перед его носом кошельком. Хозяин сердито нахмурился. Наконец его взгляд остановился на кошельке.

Род вынул оттуда несколько монет и сунул хозяину:

— Видишь? Серебро. Настоящее.

Хозяин смотрел на монеты так, словно то были ядовитые змеи. Но мало-помалу во взгляде его появилась рассудительность, и он осторожно взял одну монетку, сначала поднес к носу и понюхал, а потом аккуратно сжал зубами и прикусил.

Род не удержался:

— Подзакусить решили?

— И вправду серебришко, — изумился хозяин.

— Настоящее, — кивнул Род.

Хозяин уставился на него в упор:

— Ну и что?

Род пожал плечами:

— Нам поесть хотелось бы.

— Вам? — Хозяин обшарил взглядом все углы.

— Моей жене и детям, — объяснил Род. — Они снаружи ждут. Я побоялся, что всех нас внутрь не пустят.

Кабатчик немного подумал, сдвинул брови и кивнул. Род гадал, как при таком гостеприимстве тот до сих пор не обанкротился. Наконец он проговорил:

— Это ты правильно подумал. — Он еще раз кивнул. — Очень даже правильно. — Он снова вперил взгляд Рода. — Ну и чего вы бы желали покушать?

— О, мы непривередливы. Большое блюдо жаркого, тарелку жареных колбасок, пару караваев хлеба, кувшин молока и кувшин пива — и все. Ну и шесть мисок еще и шесть ложек.

Кабатчик понимающе закивал.

— Жаркое, колбаски, хлеб, молоко и пиво. — Он отвернулся, продолжая кивать. — Жаркое, колбаски, хлеб, молоко и пиво. — Он заторопился к кухне, продолжая бормотать: — Жаркое, колбаски...

Род проводил его взглядом и покачал головой, потом развернулся и пошел за Гвен и детьми.

Он нашел их под старым раскидистым дубом.

— Нам дадут еды, муж мой? — не слишком взволнованно поинтересовалась Гвен.

— Да, конечно. — Род подогнул ногу и, усевшись рядом с ней, прижался спиной к стволу дуба. — Как только хозяин увидел наше серебро и понял, что оно не фальшивое, он сразу стал очень добр.

— Так что же тогда тревожит тебя?

— Честно говоря, милая, ему было напле... — Род обвел взглядом детей, которые застыли в ожидании. — Ему было безразлично. Повышенного внимания к своей персоне я не заметил.

— Уж конечно, чего-чего, а щедрости Тюдору недостает, — проговорил крупный, высокорослый мужчина, входя в кабачок со своим спутником.

— Это верно. И хоть мне неприятно говорить об этом, наш благородный герцог завсегда был порядочным жмотом, — подхватил его спутник. — А вот колдун этот, Альфар, — так про него говорят, будто он жуть какой щедрый.

С этими словами они переступили порог кабачка. Род замер и уставился в одну точку.

За него его мысль выразил Магнус:

— Это они так о своем господине говорят?

— Да, — прошептала Гвен, широко открыв глаза.

— Да еще и прилюдно! — ошеломленно покачал головой Род. — Нет, конечно, крестьяне и прежде были склонны поругивать своих господ, но все же они никогда не говорили такого открыто, не боясь, что кто-то их подслушает. Мало ли кто мы такие...

— И чтобы люди вот так говорили о своем господине, он должен быть очень плохим! — воскликнула Корделия. — Неужели они так быстро отвернулись от него?

— Трудно сказать, — угрюмо проговорил Род. — Выглядит это странно, но ведь мы и пришли сюда именно потому, что дела здесь пошли не так, как надо.

Вскоре к ним подошла девушка-подавальщица и принесла поднос с едой. Лицо у нее было испачкано сажей, фартук — весь в жирных пятнах. Смотреть на нее было неприятно, но Род взял себя в руки и вспомнил о том, с каким снисхождени-

ем на него и его семейство глядят крестьяне. Видимо, каждому человеку нужен кто-то, на кого он мог бы смотреть сверху вниз. «Может быть, для этого как раз и нужны лудильщики?» — подумал Род.

Девушка поставила поднос на землю, покачала головой и удивленно проговорила:

— Лудильщики! И как только хозяин для этих бродяг еды не пожалел!

Род опасливо взял блюдо с подноса и, понюхав жаркое, довольно улыбнулся:

— Ого! Пахнет отлично!

— Можно? — спросил Магнус, сложив руки на коленях.

Так же смирно сидели и другие дети, хотя и пожирали еду глазами.

— А-а-а... конечно. — Девушку, похоже, изумила их воспитанность.

Магнус взял с подноса миску.

— Можно? — спросила Корделия.

— Можно? — повторили за ней Джеффри и Грегори.

— Берите, берите, — озадаченно моргая, промямлила подавальщица, и три маленькие ручонки потянулись за мисками.

Род подал миску Гвен, затем поставил на землю блюдо с жарким и кувшины.

— Разбирайте чашки, дети, — сказала Гвен и взяла с подноса две последние миски и ложки.

Подавальщица забрала поднос и выпрямилась. Между ее бровей залегла морщинка.

— Странные вы какие-то лудильщики...

Она пыталась думать — так понял Род, она бы старалась думать изо всех сил, если бы ее разум не пребывал в состоянии мыслительной летаргии.

— Что, все еще гадаешь, почему твой хозяин не объедками нас накормил?

Девушка-замарашка просияла:

— Ну да! Про это самое я и думала!

— Не ломай голову понапрасну, — успокоил ее Род. — Мы серебром заплатили.

Девушка медленно подняла голову, широко открыла рот:

— О... А... Ну да... Понятно...

Непрестанно кивая, она попятилась к кабачку.

— А почему она не спросила, откуда у простых лудильщиков серебряные монеты, пап? — провожая девушку взглядом, осведомился Магнус.

— Думаю, эта мысль посетит ее, когда она доберется до кухни...

— А почему она такая несообразительная, папочка? — озабоченно поинтересовалась Корделия.

Род покачал головой:

— Не только она, детка. Кабатчик тоже показался мне тугодумом.

Род проводил подававшую хмурым взглядом.

Мимо семейства Гэллоуглассов поспешно прошли двое пожилых мужчин с проседью на висках, в вышитых кафтанах.

— Да и я говорю: герцог наш желает всю нашу торговлю к рукам прибрать, — недовольно проговорил один из них. — Попомни мои слова: не пройдет много времени, и он скажет нам, чем нельзя торговать, а на какие товары он будет давать разрешение тем купцам, что пресмыкаются перед ним.

— Вот-вот, и еще половину нашей прибыли станет отбирать, — согласно кивнул второй. Однако сказано это было без эмоций, почти равнодушно.

Они вошли в кабачок, а Род ошеломленно пробормотал:

— Более наглой лжи я не слышал с тех пор, как оказался в Грамерае! Герцог Тюдор — на редкость легкомысленный и рассеянный человек. Порой кажется, что ему все безразлично!

— Люди поверят любому слуху, — вздохнула Гвен.

— Верно, но деловые люди должны проверять, верны ли слухи, а эти двое — купцы. Если они будут пользоваться непроверенными фактами, они могут и разориться.

Тут на постоялый двор вошел обоз. Нагруженные поклажей ослы еле двигали ногами и шли, низко опустив головы. Возницы что-то крикнули животным и спрыгнули с козел, а к осликам поспешили конюшие.

— Говорят, этот Альфар — человек справедливый, — сказал один из них.

— Ага, и не скупердйй вдобавок, — отозвался другой. — Я слышал, что у тех, кто служит ему, нет недостатка ни в чем.

Первый печально покачал головой:

— А нашему герцогу Тюдору нет дела до бедняков.

— Да что они, с ума посходили, что ли? — прошептал Род. — Герцогство Тюдорское — почти процветающее государство!

— Так и есть, — горестно отозвался второй конюх. — Но уж хотя бы у нашего-то герцога крестьяне не ходят в лохмотьях и не живут на хлебе и воде из-за того, что слишком высоки подати, как у князя Романова.

— Ну и ну! — вспыхнул Род. — Нет, конечно, никто никогда не называл Романова ходячей благотворительностью, но уж по крайней мере он всегда понимал, что если крестьяне голодны, толку от них никакого.

Грегори уставился в одну точку.

— Папуля, — сказал он серьезно, — мне не нравится, какие у них умы.

Гвен, раскладываявшая по мискам жаркое, замерла и сосредоточилась. В следующее мгновение она медленно кивнула.

— Там что-то такое... — Вдруг она вытаращила глаза. — Муж мой, это... оно давит на меня, оно внутри моей головы!

Все дети, как по команде, не мигая, уставились в пространство.

— Эй! Эй! — в тревоге воскликнул Род. — Перестаньте! Если тут кто-то промывает местным жителям мозги, это может быть опасно!

Дети заморгали и перевели взгляд на отца.

— Мама все правильно сказала, — сообщил Магнус. — Что-то давит на разум всех, кто здесь живет, — и на наш разум тоже. Только в наш разум это не может проникнуть.

— В таком случае тому, кто этим занимается, известно о нас все, что нужно, не правда ли? — проворчал Род, сдвинул брови и пожал плечами. — С другой стороны, он и так все знает. Ага, вот и я почувствовал...

С экстрасенсорной перцепцией у Рода было не так легко и просто, как у Гвен и их детей. Они родились и выросли с этими способностями, для них читать чужие мысли было так же естественно, как петь песенки. А продремавшие всю жизнь та-

ланты Рода были пробуждены всего три года назад. Для того чтобы настроиться на прием чужих мыслей, ему нужно было закрыть глаза, представить себе ровную серую стену и самому ни о чем не думать. Потом, когда он уже начинал слышать мысли других людей, он мог открыть глаза и смотреть вокруг, в то время как его разум работал на прием.

Но на этот раз Роду не было нужды открывать глаза. Странное ощущение возникло у него еще до того, как он прочел чьи-то мысли. А когда прочел, то понял, что мысли находятся в точном резонансе с ощущением давления. Это были мягкие, приятные, баюкающие волны, нагоняющие на разум летаргический сон. И все же в их накате слышались едва уловимая подозрительность и тревога. Главной же тональностью волнообразного массажа разума звучала мысль о том, что колдун Альфар способен позаботиться обо всем и сделать так, что всем будет хорошо.

Род открыл глаза и обнаружил, что все его семейство тарашится на него. Впервые за все время с тех пор, как Гэллоутгласы тронулись в путь, во взглядах детей был страх.

Ярость — жаркая, всепобеждающая — охватила Рода. Нервы Рода словно пламенем обожгло, его руки задрожали, он возжаждал сжать глотку того негодяя, который угрожал его детям.

— Нет, супруг мой, — тихо проговорила Гвен и взяла Рода за руку. — Нам нужна твоя мудрость, а не твоя злоба.

Род был готов отбросить руку жены — ее прикосновение только еще больше подогрело закипевшую ярость. Но он ухватился, как за соломинку, за ее слова и мало-помалу стал ощущать иные чувства... Рука Гвен — нежная, теплая... Сколько раз она ласкала его, утешала, дарила радость... Род держался за это чувство, как за якорь, и вспоминал, как, бывало, в припадках дикого, необузданного гнева он творил страшные глупости, как, случалось, попадал в руки врага. Он постарался дышать медленнее и думать о том, что он намного опаснее для врагов, когда спокоен, и попытался привести все свои эмоции в гармонию. Род медленно, старательно расправил плечи, спину, размял предплечья, запястья. Злость никому не могла сейчас помочь, гнев был способен только на разрушения, на уничтожения, а уничтожить он мог все, что угодно, только не глав-

ного врага. Род почувствовал, что гнев отступает и тает. Он сглотнул подступивший к горлу ком, прикрыл глаза и кивнул:

— Я... Со мной уже все хорошо. Спасибо, милая. Только... будь осторожна впредь и не хватай меня за руку, когда я... такой, ладно?

— Хорошо, сударь мой, — улыbnулась Гвен, глядя в глаза мужа.

— Договорились. — Род глубоко вздохнул и обвел взглядом детей. — Вы все знаете, что такое гипноз.

— Да, папа, — дружно ответили дети, глядя на отца широко открытыми глазами.

— Ну так вот: здесь мы имеем дело именно с гипнозом, — поджав губы, сказал Род. — Кто-то распространяет телепатические волны, из-за которых разум всех в округе засыпает. Весь этот городок находится в ранней стадии массового гипноза.

Дети еще шире раскрыли глаза.

Род кивнул:

— Здесь поселился кто-то или работает какое-то устройство, превосходящее по силе любого из проективных телепатов, каких мы с вами когда-либо встречали.

— Непохоже, чтобы на умы людей давил другой человек, муж мой! — подхватила Гвен. — Мысли человеческие, я согласна, но этот накат, это давление, способное довести до забытья... это просто какая-то сила, за которой не стоит ничей разум!

Род на миг ярко вспомнил о том, как несколько лет назад ему пришлось сражаться с генетически изуродованным шимпанзе. Тогда пришлось воевать именно с силой, стоявшей за этим экспериментом, поскольку несчастное животное собственного разума не имело. Футурианцы, не оставлявшие попыток завладеть Грамераем, использовали обезьяну в качестве своеобразного конвертера. Электрический ток невысокого напряжения преобразовывался во вспышки псионной энергии, за счет которых можно было парализовать целое войско. И когда наконец медиум был обнаружен, он оказался самым отвратительным созданием на свете и одновременно самым достойным сожаления. Род поежился и посмотрел на жену:

— Пока я не знаю, что это такое, но обстановка здесь мне совсем не нравится. Давайте-ка ешьте, да пойдем отсюда.

Все с явным облегчением принялись за еду, но, съев несколько кусочков жаркого, Корделия сказала:

— Что-то расхотелось, папочка.

— Понимаю, — вздохнул Род. — Но поесть надо. Хотя бы то, что у тебя в миске, доешь. — Он предложил Гвен: — Давай колбаски и хлеб заберем с собой.

Гвен кивнула и, разложив носовой платок, стала складывать на него еду.

Род взглянул на детей и недовольно нахмурился. Как-то не так они выглядели...

Но вот Род догадался, в чем дело.

— Не забудьте немножко перепачкаться, ребятки. Трудно поверить, чтобы дети лудильщика так аккуратно кушали.

Семейство Гэллоуглассов миновало последний дом на окраине городка. Род пробормотал:

— Еще рано, дети. Пройдем еще ярдов сто, тогда будет можно.

Джеффри, похоже, был готов заспорить, но сдержался, расправил плечи, как Магнус, и смиренно прошагал еще три сотни футов. Только тогда Род остановился.

— Вот теперь можно, — сказал он.

Все хором испустили вздох облегчения. Корделия задрожала:

— Папочка... это ужасно!

Гвен наклонилась, чтобы взять дочку на руки, но Род опередил ее, поднял девочку, прижал к груди:

— Понимаю, малышка. Но ты должна быть храброй. Пока мы не расправимся с Альфаром, нам доведется встретиться со многим, что будет страшнее. — «Или пока он не расправится с нами», — мрачно подумал Род, но заикливаться на этой мысли не стал. Будучи отцом детей-телепатов, он не мог позволять себе такого. «Хотел бы я поглядеть на тех умников, что толкуют про управление собственными мыслями...» Род умоляюще посмотрел на Гвен. — Может быть, теперь вам все-таки пора домой, а?

Гвен решительно вздернула подбородок. Дети последовали ее примеру.

— Нет, сударь мой, — твердо заявила Гвен. — Мы все целы и невредимы, а то, что было, — наваждение. Пока нам не грозило ничего страшнее того, что мы пережили прошлой ночью, а тебе еще может понадобиться наше искусство.

— С последним не поспоришь, — вздохнул Род. — Я думаю, ты права: в этом городке было на редкость неприятно, но не более опасно, чем прошлой ночью в замке. Решено: мы продолжаем путь все вместе.

Мальчики разулыбались, а Корделия, сидя на руках у отца, хлопала в ладоши. Род опустил ее на землю, подбоченился и обвел детей нарочито суровым взглядом:

— Вы понимаете, что тут происходит, или нет?

Все дружно кивнули, а Магнус сказал:

— Да, пап.

Джеффри был более многословен:

— Альфар готовит этот городок к завоеванию.

Род кивнул и задержал взгляд на среднем сыне:

— И как он его завоюет?

Мальчик пожал плечами:

— Без боя. Войдет в город, и все объявят его другом и повелителем и поклонятся ему. И капли крови не будет пролито.

Заметив в тоне сына неподдельное восхищение, Род покачал головой:

— Анализ недурен, но будь осторожен, сынок. Постарайся не думать о том, что сила — это всегда добро.

— О нет, папа! Я никогда так не думал! Он — достойный противник, но он не был бы нашим врагом, если бы не был злым.

Род сделал глубокий вдох и замер с открытым ртом. Подумав пару секунд, он сказал:

— Ну... Бывают порой враги, которые не обязательно злобны — просто они хотят завладеть тем же самым, чем хочешь завладеть ты.

Но Джеффри решительно покачал головой:

— Нет, пап. Это не враги. Это соперники.

Род опять оторопел. Придя в себя, он пожал плечами:

— Ну ладно... Назвать-то можно как угодно. — Он обвел взглядом свое семейство. — Ну что ж, пожалуй, теперь мы луч-

ше понимаем, как действует Альфар. Сначала он отправляет своих прихвостней, чтобы они находили тех, кто плохо поддается гипнозу.

— А такие бывают, папочка? — удивленно спросила Корделия.

Род кивнул:

— Бывают, детка. Это колдовство не дает полной гарантии. Всегда найдется несколько человек, которые не пожелают никого допускать в свой разум, — надеюсь, что такие есть и в этих краях.

— Найдутся и такие, которые не пожелают из страха поклониться Альфару, — предположил Джеффри.

— Верно. А если среди этих людей окажутся рыцари или лорды и если они пойдут против Альфара во главе вооруженных отрядов, то к тому времени, как они до него доберутся, большинство воинов уже будет думать о том, что победа над колдуном им совсем не нужна.

— Точно. Вот так оно и есть, — энергично кивнул Джеффри и устремил на отца взгляд, полный искренней гордости.

— Спасибо, сынок. — Род растроганно улыбнулся. — Это я так, добавил кое-что по мелочи. — Однако улыбка тут же покинула его лицо. — Но что же за телепат работает на Альфара? Какой силой телепатии надо обладать для того, чтобы загипнотизировать целую деревню, находясь за сто миль от нее?

Ближе к ночи устроили привал. Наломали сосновых лап, накрыли их одеялами. Дети сразу свернулись калачиками и уснули — по крайней мере так показалось Роду.

В этом смысле он детям не доверял.

— Что это за ребенок, — проговорил он негромко, обратившись к Гвен, — который сразу засыпает, как только ляжет в постель?

Гвен мысленно прислушалась, глядя в одну точку. Род решил и сам попытаться сделать то же самое — закрыл глаза, опустошил разум, завидуя той легкости, с которой эта процедура удавалась жене. Через несколько секунд он услышал негромкий взволнованный мысленный разговор детей. Род в отча-

янии покачал головой и был готов встать, но Гвен взяла его за руку:

— Не надо, супруг мой. Пусть поговорят, умоляю тебя. Они так скорее успокоятся и слаще уснут.

— Но... — Род искося глянул на жену.

— А нас с тобой что успокоит? — проворковала Гвен.

Род залюбовался ею. Ее красота подействовала на него магнетически, и он улегся рядом с Гвен и обнял ее.

— Уверен, я что-нибудь придумаю, дорогая, но придется помыслить творчески — при том, что дети не спят.

Гвен одарила мужа кокетливым взглядом:

— Их веки смежены, глаза закрыты.

— Чего не скажешь об их умах, — прошептал Род и прижал палец к губам. — Замолчи, змея-искусительница, иначе я загоню тебя обратно в кувшин!

— И что же ты будешь со мной делать, когда я там окажусь? — проворковала Гвен, прижимаясь к нему.

Рода словно током ударило.

— Ну, погоди хотя бы, пока они уснут, — прошептал он на уху Гвен.

— О, горе мне! — Гвен устремила на Рода взгляд полный желания. — Но даже просто лежа рядом с тобой, муж мой, я так спокойна...

— Отлично! Добилась того, что я теперь не усну!

— Но разве муж не должен всегда быть начеку?

— О да! Должен! Чтобы дожидаться своего часа! — Он прижался щекой к волосам Гвен. — Теперь я точно знаю, почему тебя прозвали колдуньей...

— Па-а-па-а-а!

Род мгновенно проснулся, услышав плаксивый голосок. Открыв глаза, он увидел Грегори. Малыш сжимал его руку:

— Папочка, папуля!

По щекам мальчика текли слезы. Род обнял его, притянул к себе, уложил рядом. Малыш весь дрожал. Род ласково спросил:

— Ну что такое, маленький? Плохой сон приснился?

Грегори хныкнул и кивнул.

— Что за сон?

— Про плохого дядьку, — всхлипнув, ответил Грегори.

— Плохого? — Род сразу насторожился. — А что он делал?

— Он к нам подкрадывался. — Грегори взглянул на отца. — Подкрадывался, чтобы потом швырять в нас всякие пакости.

Род секунду не сводил глаз с малыша, а потом стал нежно гладить его по спине:

— Не бойся. Даже если бы плохой дядька подкрался к нам, твои братья и сестренка набросились бы на него и не дали бы ему сделать нам ничего плохого. — Род улыбнулся, заметив, как едва заметно дрогнули уголки губ Грегори. Он взъерошил волосы сына и обернулся, чтобы посмотреть, не проснулась ли жена. Гвен лежала с широко открытыми глазами. — Я так и думал, что ты проснешься.

— Я услышала, — тихо проговорила Гвен. — Я видела его сон. И... муж мой...

Род не мог избавиться от мысли о том, что начеку он должен был быть именно для такого случая.

— И что, Гвен?

— Разум Грегори не мог породить такой страшной фантазии.

Роду стало не по себе. Заклокотал, начав закипать гнев. Род постарался унять его, напоминая себе о том, что они с Гвен способны постоять за детей. Но одна лишь мысль о том, что кто-то посмел угрожать им, насылать страшные сны...

Магнус, Корделия и Джеффри вдруг разом проснулись и сели.

— Папочка, — ахнула Корделия, — ты что делаешь?

— Что, уже так плохо? Я же стараюсь держать себя в руках?

— У тебя здорово получается. — Магнус, часто моргая спроне, встал на четвереньки и более пристально взгляделся в лицо отца. — Очень здорово. Я бы и не догадался, что ты разозлился. Пап, а что...

Но тут ночная тьма в нескольких футах от детей как бы сгустилась. Возникло нечто туманное, расплывчатое, быстро уплотнилось, приобрело вес и ударилось оземь в паре футов от руки Магнуса. Магнус резко обернулся. На земле лежал увесистый камень. Корделия тоже в испуге посмотрела на него, а Джеффри вскочил на ноги:

— Засада!

И снова мрак сгустился — на этот раз прямо над головой Магнуса. Появилось что-то туманное...

...и начало уплотняться...

— Смотрите вверх! — крикнул Род и бросился к сыну. Он задел Магнуса плечом, они оба повалились на землю, а еще более увесистый камень рухнул на землю, задев бедро Рода. Тот взревел от боли и злобы на подонка, который посмел напасть на его детей. Ярость, успевшая наполнить его сердце, вырвалась наружу.

— Осторожно! — крикнул Магнус.

Все дети уже смотрели вверх, как им велел отец, и потому видели материализующиеся камни. Один, второй, третий... все они, обретая вес, стремились к земле.

— Разбегайся, ребята! — прокричал Магнус.

В следующее мгновение началось нечто невообразимое. Мальчики и Корделия разлетелись в разные стороны, а затем Магнус, Джеффри и Грегори начали то исчезать, то появляться в самых неожиданных местах. Их сестра исполняла замысловатый танец в воздухе. Магнус, возникнув на фоне темноты в очередной раз, заботливо поинтересовался:

— Тебе больно, пап?

— Потерплю! — крикнул Род. — Мне бы только прикончить этого мерзавца — и у меня все пройдет! Дети! Найти и уничтожить!

Дети продолжили игру в прятки, но теперь они действовали более четко и, появляясь, дольше оставались видимыми.

Гвен вскочила и замерла, в тревоге всматриваясь в ночное небо.

И тут Джеффри отпрянул влево, а небольшой булыжник материализовался на том месте, где только что находилась грудная клетка мальчика.

Род застыл на месте от ужаса. Ведь если бы Джеффри не отскочил в сторону, в это самое мгновение...

— Кто-то пытается телепортировать камни прямо в тела детей!

— Это грозит им мгновенной смертью! — побледнев, проговорила Гвен. Она, конечно, была напугана, но готова защищать своих отпрысков от кого бы то ни было.

Род не трогался с места, он словно врос в землю. Ночной мрак вокруг него расплылся, превратился в бесформенное пятно, а его разум открылся и начал поиск...

Корделия схватила метлу и взмыла в небо. На миг исчезли и все трое мальчиков. Затем Магнус появился вновь — над дальним краем луга. Его было едва видно при свете луны. Он снова исчез — как раз в то мгновение, когда футах в десяти от него и в двадцати футах над землей возник Джеффри. Послышался хлопок, похожий на пистолетный выстрел и щелчок — вроде стука кремня об огниво. По лугу разнеслось эхо этих звуков. Затем Джеффри появился снова, и его появление сопровождалось глухим взрывом. Верхушка дерева неподалеку закачалась, слышался звук, как будто кто-то щелкнул кнутом, и на верхних ветках очутился Грегори.

На луг продолжали сыпаться камни.

— Муж мой! — испуганно проговорила Гвен. — Скоро этот злодей и нас с тобой начнет осыпать камнями!

Голос жены отрезвил Рода.

— Не исключено — если только он не настроен против детишек. Нам лучше разойтись!

Гвен схватила метлу и взмыла в ночное небо.

Род остался внизу. Он сам себе казался уткой, насиживающей яйца. «Наверное, — думал он, — я бы тоже мог летать, если бы хорошенько сосредоточился на мысли об этом. — Но он этого никогда не делал и теперь не желал отвлекаться ни на что, кроме поисков и уничтожения врага. — Но лучше взять его в плен, — напоминал себе Род, — это намного лучше».

Но он подспудно надеялся на то, что брать врага в плен ему не придется.

Неподалеку от Рода из темноты вынырнул Магнус. Мальчик сокрушенно покачал головой:

— Он старательно прячет свои мысли, пап. Я не могу...

Вдруг его взгляд стал рассеянным. Над лугом пронесся смех Джеффри — задиристый, веселый. Магнус тут же пропал, сопроводив свое исчезновение подобием пистолетного выстрела. Род вскочил верхом на Векса и понесся по лугу — ни дать ни взять живая ракета с двумя боеголовками.

Он поспел как раз вовремя: Джеффри и Магнус отделились от деревьев на опушке. Они держали за руки какого-то незнакомца. Тот вырывался и чертыхался, болтал ногами, но мальчишки крепко сжимали его руки и радостно хохотали.

Молодой злодей наконец закрыл рот и вперил злобный взгляд в Магнуса.

Род испугался за сына и, на скаку прыгнув с Векса, рухнул прямо на ноги незнакомца. Молодой колдун взвыл от боли.

А в следующее мгновение ночная тьма рассеялась и стало светло как днем. От яркого света Род зажмурился. Он видел над собой густые перья папоротников. Примерно в пяти футах от него из зарослей выглядывала какая-то зеленая тварь вроде крупной ящерицы. Раскрыв пасть, полную острых, как иглы, зубов, чудище устремилось к Роду и его сыновьям с необыкновенной скоростью. От страха у Рода перехватило дух. Он уже был готов выхватить кинжал, но вражеский колдун запаниковал первым.

Снова сгустилась тьма и наступила ночь — темная, безлунная. Или луна все же была? Но откуда здесь взялась вода? Откуда эти бесконечные волны, вздымавшиеся и опадавшие вниз? Одна волна гребнем задела ступню Рода, и все его тело сковало могильным холодом. Ему показалось, что сейчас он упадет, сгинет между этих водяных гор, будет в страхе метаться между ними, стремясь выплыть к суше или к чему угодно, что способно держаться на воде... Род инстинктивно крепче сжал лодыжки колдуна.

В глаза ему ударили лучи рассветного солнца, легкие обожгло морозным воздухом. Внизу распростерся мир, словно на карте. Ощетинились острые скалы, и их вершины были совсем рядом — всего в несколько ярдах. Видимо, это были какие-то высокие горы на материке.

А потом — снова тьма, чернота... и лунный свет, проникающий сквозь высокое стрельчатое окно. Род разглядел гранитную стену, покрытую каплями влаги, паутину по углам под низким потолком. К стене ржавыми скобами были прикреплены тяжелые цепи. Пара цепей заканчивалась кандалами, и эти кандалы смыкались на запястьях... скелета! Неподалеку от скелета на полу сидел закованный в цепи толстяк с черной кусти-

стой бородой. Его вышитый камзол был изодран и заляпан запекшейся кровью, лоб был повязан грязной тряпкой. Род в изумлении смотрел на него. Но вот он ощутил облегчение, разжал губы...

И все пропало, сменилось пустотой.

Не осталось никакого света, но и тьмы тоже не осталось — только серая бесформенная пустота. Род вдруг понял, что все, что он видит, он видит не глазами. Еще более он убедился в этом тогда, когда серую пустоту испещрили извилистые полосы всевозможных цветов, а издалека донеслось нечто наподобие радиопомех. Цветные ленты пометались немного, но вскоре их движение стало более плавным и медленным... а потом Род почувствовал, как пытается вырваться из его рук молодой колдун.

— Ах вы, ублюдки! — гнусавым голосом кричал он. — Да я вас изничтожу! Я вас сгною! Скоты, извращенцы!

— Изыди! — строго приказал колдуну Джеффри.

Вдруг пальцы Рода перестали сжимать что-либо материальное. Он поднял голову и увидел, что колдун исчез. Роду стало страшно, он начал инстинктивно искать, за что бы схватиться, из боязни упасть в пропасть.

Но тут его руку сжала маленькая ручонка, послышался голос Джеффри:

— Грегори! Ты где? Хватайся, тяни!

Нежный ветерок погладил щеку Рода, он ощутил прекрасные запахи. Пахло сосной и луговыми травами. Луна озаряла место ночной стоянки. Гвен бросилась к Роду и крепко обняла его, сыновья держали его за руки.

— О муж мой! Дети мои! Ах вы, негодники, разве можно было подвергать себя такой опасности! Слава богу, вы все целы!

Корделия так крепко обхватила шею Рода, что едва не задушила его. Она прижалась щекой к его щеке и, всхлипывая, пробормотала:

— Папочка! Я боялась, что мы тебя потеряем!

Род обнял дочку. Он так радовался тому, что руки его обнимают что-то теплое, родное, настоящее. Джеффри выглядывал из-за плеча Гвен. Род кивнул сыну:

— Не знаю, как ты это сделал, сынок, но у тебя все получилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— Не так уж было трудно.

Дети сидели, закутавшись в одеяла, около маленького костра. Корделия время от времени поворачивала вертел, на котором к завтраку жарился неудачливый кролик.

— Не так уж трудно? — Род, сдвинув брови, глянул на Джеффри. — Не может этого быть! Этот молодой злодей — наверняка один из лучших телепортаторов в этой стране! Это я к тому говорю, что кроме вас, ребята, до сих пор единственным, кто умел телепортировать что-либо, кроме себя самого, был старик Гален. А он никому не показывается на глаза.

— Кроме старушки Агаты, — напомнила Гвен.

— А она тоже никому на глаза не показывается, — добавил Род.

— Кроме старика Галена, — возразила Гвен.

— И со временем он это заметит и оценит, — согласился Род и обвел взглядом детей. — Тоби — лучший из наших молодых волшебников, но и он только-только начинает обучаться тому, как телепортировать другие объекты. А ему уже скоро тридцать. Значит, приспешник Альфара обошел Тоби.

— Не думаю, — покачал головой Магнус. — Да и снайпер из него никудышный.

— Хвала Небесам за то, что это так, — проворчал Род и зябко поежился. — Но с телепортацией собственной персоны у него все в порядке — даже со скидкой на массу тела! Я даже не успел толком распознать те места, куда он нас перебрасывал!

— Да это каждый ребенок может! — небрежно бросил Магнус.

— А я тебе еще раз повторю: не суди о других по себе, сынок. А кстати, почему он просто не исчез?

— Он не мог исчезнуть, — ухмыльнулся Джеффри. — Мы бы сразу поняли, куда он сиганул, и мигом отправились бы за ним следом.

— Как же, интересно, вы бы могли определить, куда он отправился?

— Они же его за руки держали, — объяснила Гвен. — За счет прикосновения мысли передаются лучше.

Магнус кивнул:

— Мы через его кожу могли почувствовать, куда он собирается переместиться.

Род ошарашенно посмотрел на старшего сына пару секунд, потом откинулся назад и покачал головой:

— Мне этого не понять. Чтобы мысли передавались быстрее за счет прикосновения... Неужели так бывает?

— Нет, — слышался голос Векса из миниатюрного динамика за ухом у Рода. — Однако при этом потеря силы сигнала ниже, нежели при волновой передаче.

Корделия вздохнула. Она явно переживала из-за того, что ее отец так непонятлив.

— Не то чтобы чужие мысли читались быстрее, папуля, — просто слышишь лучше. Когда к кому-то прикасаешься, слышишь даже обрывки мыслей.

— Хотелось бы послушать постороннего эксперта, — проговорил Род, постаравшись придать этому высказыванию должную абстрактность.

Векс его понял.

— По всей вероятности, нейроны из руки колдуна передавали сигналы непосредственно в нейроны в руках мальчиков.

— Значит, он не мог спрятать от вас ход своих мыслей, — кивнул Род и задержал взгляд на Джеффри. — И вы все время понимали, куда он переместится. Но меня вы как перемещали?

Грегори, вытаращив глаза, покачал головой:

— Вот этого мы, папа, не знаем.

— Мы думали, ты знаешь, как это выходило, — заметил Магнус.

— Нет, — с сожалением отозвался Род. — Боюсь, что и я понятия не имею, как это получалось. Просто я решил, что ни за что на свете не выпущу его, вот и все.

Дети переглянулись, посмотрели на мать.

— Что такое? — требовательно спросил Род. — Я что — чудовище?

— Нет, папочка, — тихонько вымолвила Корделия. — Ты — чародей, и притом очень могущественный.

— Хотите сказать, что одной моей решительности хватило для того, чтобы и перемещался туда же, куда колдун?

Магнус кивнул:

— Твое волшебство делало все остальное.

Род замер и несколько минут, не мигая, смотрел на огонь костра. Он пытался осмыслить происшедшее. Осознание того, что он стал способен к волшебству наравне с женой и детьми, давалось ему нелегко. И вот теперь выходило, что какой-нибудь прохожий мог спросить у него: «Что скажете про нынешнюю погоду, господин чародей?» А он мог бы ответить: «По правде говоря, кажется, дождь собирается». А в следующий миг, по идее, должен был хлынуть ливень, и тогда и сам Род, и прохожий, заинтересовавшийся погодой, промокли бы до нитки.

Род помотал головой, чтобы отвлечься от таких мыслей, и обнаружил, что дети не сводят с него глаз. Взгляды у них были встревоженные.

— Итак, — более или менее спокойно изрек Род. — В конце концов этот мерзавец притащил нас в темницу.

— Это было подземелье колдуна Альфара, — пояснил Джефффри, и Корделия в ужасе ахнула.

Род кивнул:

— На редкость рационально. Если бы он придумал, как от нас отделаться, мы бы, как миленькие, попали в лапы тюремщиков. Но почему он рассчитывал на то, что ему удастся удержать вас там? Как он мог помешать вам телепортироваться?

— Наверное, он об этом не задумывался, — пожал плечами Магнус.

Род понимающе кивнул:

— Похоже на то. Я бы то же вряд ли продумывал всякие мелочи, если бы враг гнался за мной по пятам.

— Ему было не до мелочей, — убежденно заявил Джефффри. — Он просто хотел перенести нас в такое место, где бы нам не захотелось оставаться.

Род медленно улыбнулся:

— Умница. И под конец он выбрал самое славное местечко, верно?

— Угу, — кивнул Магнус и поежился. — Я уж не чаял, как отсюда поскорее смыться.

— Но все-таки почему ты в этом так уверен? — спросил Род у Джефффри.

— Потому, что мы пытались вытащить его оттуда, а он не поддавался.

Род вытарашил глаза, вдохнул поглубже и осторожно проговорил:

— А вам не кажется, что это было немного рискованно?

— Не-а. Мы хотели притащить его к маме.

Глаза Гвен сверкнули. Род обернулся, посмотрел на жену. Ему стало не по себе, и он снова перевел взгляд на сыновей.

— И тогда мы попали в лимб?

— Куда-куда? — нахмурился Магнус. — А-а-а! Это ты про промежуточное пространство говоришь!

Роду не понравилось то, с какой небрежностью это было сказано.

— А ты там и раньше бывал?

Магнус прочел тревогу во взгляде отца.

— Да нет... Не слишком часто... Я просто...

— Иногда заклинания не получаются, пап, — объяснил Джеффри. — Ты же понимаешь.

— Вот поэтому, — строго проговорил Род, — вы должны ждать, пока мама все не проверит.

— В первый раз она все проверила.

— В *первый*... раз?

— Успокойся, муж мой, — коснувшись руки Рода, сказала Гвен. — Все не так опасно.

— Ага, точно, — подхватил Магнус. — Когда попадаешь в это место, которое как бы и не место, нужно просто подумать о том, где бы тебе хотелось оказаться, и... оп! Сразу попадаешь, куда надо!

— Постараюсь запомнить, — мрачно буркнул Род. Он заметил, что Корделия с трудом сдерживается, чтобы не сказать мальчишкам какую-то колкость, но было видно, что ей ужасно завидно. Род взял дочку за руку, но она выдернула ее.

— Ну, — сказал Род, глядя на Джеффри, — и каким же образом мы оказались в лимбе на этот раз?

— Да таким, что мы хотели притащить этого колдуна к маме, а он упирался.

— Его трудно винить. Стало быть, вы пытались переместиться, а он старался остаться, и поэтому...

— Поэтому мы попали в никуда, — кивнул Джеффри. — Тогда я понял, что нам его не одолеть, и стал думать, как нам спастись.

— Ну а в этом-то что было такого трудного? — непонимающе сдвинул брови Род. — Я думал, что вам стоит только подумать о том, что вы хотите куда-то попасть, и...

— Нам была нужна помощь, — признался Джеффри, наклонился и потрепал по плечу трехлетнего братишку. — А он следовал за нами своим разумом, куда бы мы ни перемещались. Мне пришлось позвать его, и тогда он помог нам выбраться и показал обратную дорогу.

— Вот так, значит... — не веря собственным ушам, проговорил Род. — А ведь и верно — у него есть опыт в этом деле.

Вид у Грегори был такой, словно говорили не о нем.

— Он вряд ли об этом помнит, — объяснил Род. — Он тогда был совсем маленький — ему исполнилось всего одиннадцать месяцев. Но! Вы все здесь, живы, целы и невредимы! Слава богу! — Род обнял всех четверых и прижал к себе. Дети притворно завизжали. Род успокоился и заглянул им в глаза. — Ну а теперь вы можете отправиться домой.

Тут дети издали вопль, от которого могли бы проснуться жители деревень на многие мили в округе.

— Нет, папочка! Не сейчас!

— Только-только стало интересно!

— Мы еще не готовы, пап!

— У мальчишек все так здорово получается, — капризно надув губы, сказала Корделия.

Джеффри в упор уставился на отца:

— Никакой опасности нет, папа.

— Нет опасности! — взорвался Род. — Какой-то колдун забрасывает вас камнями весом с пушечные ядра, а вы мне говорите, что опасности нет?! Какой-то маг-мерзавец пытается засунуть внутрь вас обломки камней, а вы говорите мне, что все просто замечательно?

— Но мы невредимы, — возразил Магнус и развел руками. — Ну подумаешь, пара синяков!

— Это случайность! Чистой воды случайность! Просто вам повезло, что колдун оказался мазилой!

— Но нас много, а он один, папа!

— Но он сильнее вас физически! И это уже не магическая, а обычная опасность! Что случится в следующий раз, когда вы попытаете потянуть за руки кого-нибудь из колдунов рангом повыше? Да вы так и застрянете в этом промежуточном пространстве и не сможете вернуться назад!

— Да нет же, пап, — заспорил Джеффри. — Ведь я сказал тебе: надо только подумать про...

— Это я помню, но чтобы это произошло, нужно, чтобы кто-то был настроен на ваши мысли!

— Но Грегори...

— Грегори может оказаться рядом с вами! — рявкнул Род.

— Ну а мне не страшно, папуля! — воскликнул трехлетний карапуз. — Мне в этом сером месте очень нравится! Там спокойно и...

— Ты там как дома, да? — Род почувствовал утрызения совести. — Еще бы, малыш. Ведь твой разум столько времени странствовал там, когда ты был совсем крошкой, и все искал, куда подевались мы с мамой.

— Правильно, папуля. Поэтому я знаю, как туда ходить. И это точно не опас...

— А я говорю — НЕТ! — проревел Род и стукнул кулаком по земле. Руку свело от боли, но в гневе он боли не почувствовал. — Да что вы такое себе позволяете! Сколько можно возражать отцу! — Он ухватил Магнуса за ворот и рванул к себе. — Что, большой вырос, да? Так вот что я тебе скажу: ты никогда не будешь таким большим, чтобы сметь спорить со мной! — Отшвырнув от себя Магнуса, Род уставился на Джеффри и приготовился схватить его. Мальчик увернулся и автоматически закрылся рукой. Ему удалось отбить руку отца.

Род замер. Он смотрел на сына, выпучив глаза. Гнев распалил его до белого каления, он часто и хрипло дышал.

Джеффри попятился:

— Пап... я не хотел...

— Знаю я, чего ты хотел! — крикнул Род и метнулся к сыну. — Отлично я знаю, чего ты хотел!

Но в следующий миг он словно бы налетел на что-то и увидел устремленные на него глаза Гвен. Ее ровный, спокойный голос проник сквозь кровавую пелену ярости.

— Очнись! Я знаю тебя, Род Гэллоугласс, урожденный Родни д'Арман! Ты мой возлюбленный, ты мой муж. Я узнаю тебя под этой личиной дикого зверя. Очнись, Род Гэллоугласс! Не позволяй этой оболочке гнева одолеть и преобразить тебя! Ты всегда был любящим мужем и заботливым отцом моих детей. Ты из Грамерая, а не из Тир-Хлиса! Ты — мое сокровище, а мои дети — твои жемчужины! Муж мой, вернись! Вернись ко мне, Род Гэллоугласс!

Род смотрел на жену. Ярость полыхала в его сердце, однако ее сдерживала справедливость всего того, о чем говорила Гвен. Злые чары... Род содрогнулся, его ярость словно бы рассыпалась на части и исчезла. Он обмяк, колени у него на миг подогнулись, он зашатался, но рядом тут же оказался Магнус. Он подставил отцу плечо и устремил на него взгляд полный страха и заботы.

Мальчик тревожился за него — и это после того, что Род был так груб с ним, так жесток! Он не только умел прощать, он еще и пришел ему на помощь! Стыд охватил Рода, но ему было неприятно признаваться в собственной слабости. Он встал ровнее и сдержанно проговорил:

— Спасибо.

Однако руку с плеча сына не убрал.

Магнус поморщился, но с места не сошел.

Род обнял мальчика, не спуская глаз с Гвен.

— Пойми, это было очень глупо. Очень рискованно. Я мог ударить тебя.

Глаза Гвен гневно полыхнули, но взгляд ее тут же смягчился.

— Мне было из-за чего рисковать, супруг мой.

Род скованно кивнул:

— Да. Спасибо тебе. Большое спасибо. — Он покачал головой. — Но больше так не делай. Вряд ли у тебя получится. Когда со мной опять произойдет такое, лучше... уходи. Забирай детей, и бегите куда угодно, и как можно скорее.

— Это тоже будет глупо! — в отчаянии воскликнула Гвен. — Если мы побежим, ты бросишься за нами и слушать меня не станешь, как бы я тебя ни молила!

Род смотрел на жену, не в силах пошевелиться. Наконец он закрыл глаза и так крепко сжал кулаки, что ему стало боль-

но, трижды глубоко вдохнул и выдохнул, открыл глаза, встретился взглядом с Гвен и сказал:

— И все же ты должна уйти. Ты права, уходить, когда я в гневе, опасно. — Он немного помедлил и не без труда добавил: — Для нас обоих. Вы должны уйти сейчас. Здесь становится страшно. Альфар и его подручные не в игрушки играют. Они слишком опасны. И если не я накажу детей, их накажет он.

Гвен долго не спускала глаз с мужа. Дети примолкли.

В конце концов Гвен медленно проговорила:

— Если ты того хочешь, сударь мой, мы уйдем. И все же я молю тебя: подумай хорошенько. И нам безопаснее рядом с тобой, и тебе — рядом с нами. Тогда мы можем защитить друг друга. Но если мы уйдем от тебя и вернемся в Раннимед, тогда твои враги могут попытаться навредить тебе, причинив зло нам. А тебя не будет рядом с нами, и ты не сможешь нас защитить.

Это была уловка. Род это прекрасно понимал.

Но ему было страшно. Он страшился того, что могло снова зародиться в его душе, если бы он начал спорить с Гвен. Он боялся за нее, боялся за детей.

Но он боялся за них еще и потому, что опасался того, что в самом скором времени Альфар поймет, что никому из его подручных не справиться с семейством Гэллоуглассов в одиночку. Поняв это, он вполне мог поступить рационально, а именно — обрушить на семью верховного чародея объединенную колдовскую мощь. Пусть дети Рода и Гвен уже были неплохими эсперами — они все равно оставались детьми.

Но гораздо более сильно Рода пугало то, что может случиться с женой и ребятишками, если он снова станет жертвой припадка необузданной ярости.

Он резко кивнул:

— Ладно. Оставайтесь.

Ликованию детей не было предела.

У Рода от их веселых криков чуть барабанные перепонки не лопнули. Он стоял, окруженный всеобщей радостью, и мысленно клялся, что больше никогда не позволит себе обрушить на детей свой гнев.

На следующий день он продолжал мысленно повторять эту клятву и отчаянно думал о том, как бы обеспечить безопас-

ность своих домашних при том, что они останутся с ним. Он отказался от мысли убеждать их в необходимости отправиться домой, поскольку споры были для Рода чреваты припадками ярости.

— Не желаешь ли сесть на коня, сударь мой? — спросила Гвен, которая ехала на Вексе вместе с Корделией, сидевшей впереди нее.

Род молча покачал головой и продолжил путь пешком.

Мальчики глянули на мать, на отца и без слов зашагали дальше.

Из-за поворота дороги появился рослый крестьянин с женой, которая почти не уступала ему ростом, и пятью детьми. Они устало брели по проселку — устало, хотя было раннее утро. Отец семейства толкал перед собой тележку, нагруженную домашним скарбом.

— Еще беженцы, — проворчал Род. — Сколько их уже мы встретили, Делия?

— Четырнадцать, папочка.

Род кивнул:

— Четырнадцать... за какое время?

— За полтора часа, папуля, — сообщил Грегори, посмотрев на солнце.

Род покачал головой:

— Злые дела здесь творятся, ребята. Люди не покидают свои дома просто так — если им что-то вдруг не понравилось или даже если им что-то ненавистно. Так бегут, когда страшно.

— Нам не страшно, папа, — задиристо проговорил Магнус.

— Знаю, — вздохнул Род. — Это меня и тревожит.

Через некоторое время Джеффри набрался смелости и заявил:

— Пап, а лазутчики колдуна теряют бдительность, между прочим.

— С чего ты взял? — сдвинув брови, спросил Род. — С того, что этим людям позволили уйти? — Он мотнул головой. — Нет. Дело не в этом. Сами увидите.

С этими словами Род увел Векса в сторону и уступил дорогу крестьянину с семейством. Мужчина одарил Рода изумленным взглядом и ругнулся. Но тут усталость взяла свое, он оста-

новился и снизошел до разговора с тем, кто стоял ниже его на социальной лестнице.

— Здорово, лудильщик! На север топаешь, значит?

— Ага, — ответил Род. — Надо же где-то бедняку на пропитание зарабатывать. Ну и как оно там, на севере?

Крестьянин покачал головой:

— Мы только слухи знаем. Сами не видали.

Род нахмурился:

— А что за слухи-то?

— А такие слухи, что появился в нашем княжестве злой колдун, — отвечал крестьянин, — и что одолел он и виконта Маладруа, и барона Гратесье, и даже самого графа Лагорма.

Род изобразил искреннее недоверие:

— Это как же? Кто же такое говорит?

У Джеффри тоже был очень недоверчивый вид. Мальчик явно не верил, что Альфар способен отпустить кого-то, владеющего стратегическими сведениями такой важности.

Крестьянин-здоровяк устало пожал плечами:

— Да все говорят, лудильщик. Тебе ли этого не знать. Выто, бродячие мастеровые, слухи по земле и носите.

— Так вот оно как, выходит! — воскликнул Род, удивленно вздернув брови. — Стало быть, чья-то двоюродная сестрица шепнула на ухо соседке, а та проболталась сплетнику, а тот рассказал своему дядьке, а тот...

— Ну, вроде того, — пожал плечами крестьянин. — Мне-то ведомо только то, что мне рассказал кум мой, Хью, сын Марля, когда пожитки в дорогу собирал да на телегу укладывал. Ну я возьми да и спроси у него: «А ты откуда знаешь?» А он мне и говорит: «От Пирса Тэтчера»...

Род прервал крестьянина:

— А тот небось живет на графских землях?

Крестьянин покачал головой:

— Да нет, и не на земле Гратесье он живет, и не на земле Маладруа. У него, у Пирса этого, есть сеструха двоюродная, а у сеструхи — кума, а у кумы — племянник, а у того племянника — шурин имеется, а у того шурина есть братец двоюродный, а уж у него — племянница, так та живет рядышком с особняком почтенного графа. Вот от нее-то слух и пошел.

— Вот как? — Род переглянулся с Джеффри и перевел взгляд на крестьянина. Он склонил голову набок и стал теревить в пальцах прядь волос. — Ну, спасибо тебе, добрый человек. Пройдемся мы еще маленько к северу, но твоих слов не забудем.

— Во-во, — кивнул крестьянин. — Да поскорее на юг вертайтесь.

— Но ведь может быть, что это все неправда, — возразила Гвен.

— Может, и неправда, — вздохнула жена крестьянина. — Да только мы такие слухи то и дело слышали, как весна началась. Сначала про виконта, потом про барона, а теперь вот — про графа. А мы и подумали: ежели уж про князя такое болтать начнут, так нам тогда уж не убежать будет. — Она сокрушенно покачала головой. — Когда за детишек боишься, уж лучше не проверять, верны слухи или нет.

— Может, ты и права, — встревоженно нахмурившись, сказала Гвен. — Спасибо. Счастливого вам пути.

— Бог тебе в помощь, добрый человек, — рассеянно потеребив прядь волос, упавшую на лоб, попрощался с крестьянином Род.

— И ты ступай с Богом, — отозвался крестьянин и ухватился за ручки своей тележки.

Крестьянское семейство продолжило свой путь к югу, а Джеффри развернулся к отцу и ожесточенно зашептал:

— Как же все просто, пап! Неужто труд такого числа дозорных и лазутчиков может быть уничтожен одними лишь сплетнями?

— Еще как может, — невесело отозвался Род. — Помни об этом, когда станешь большим военачальником. Нет ограды, которая преградила бы путь слухам.

Джеффри в отчаянии развел руками:

— Но тогда зачем вообще выставлять дозорных?

— Для верности, — усмехнулся Род. — Если никто из лордов не получит убедительных доказательств, они не станут посылать свои войска на север. Если на то пошло, как поступил сам король, когда получил неподтвержденные сведения? Отправил нас, чтобы мы их проверили!

— И все это для того, чтобы скрыть правду?

Род кивнул:

— А без этого любой, кто пожелает поверить, что слухи лживы, волен верить в это.

— И будет верить, пока колдун со своими приспешниками не покорит его.

— Вот-вот, — едва заметно усмехнувшись, подтвердил Род. — Неплохая стратегия, верно?

— Папочка, — призналась Корделия. — Мне становится страшно.

— Хорошо, — кивнул Род. — Это хорошо.

Через полчаса Гэллоуглассы увидели на горизонте небольшую карету. Когда расстояние между ними и каретой уменьшилось, стало видно, что лошади взмылены и измождены. Но женщина, сидевшая на месте кучера, нещадно погоняла их и то и дело в страхе оглядывалась через плечо. За ней гнались воины, сидевшие верхом на невысоких крепких северных пони. Возглавлял воинов рыцарь на здоровенном боевом коне темной масти.

— Что же это такое? — вскричала Гвен. — Как могут эти воины преследовать беззащитную женщину?

— Не суди их слишком строго, — посоветовал жене Род. — Я не думаю, что они хорошо понимают, что делают.

— Ты должен помочь ей, муж мой!

— Конечно — согласился Род. — Понять, кто такие эти мерзавцы, нетрудно, правда? Тем более что такую форму мы уже кое на ком видели. Устроим им засаду. По местам, ребятаки.

— Магнус и Грегори, зайдете слева, — распорядилась Гвен. — Корделия и Джеффри — справа. Подберетесь к ним как можно ближе. — Она обернулась к Роду. — Как они должны напасть на врагов?

— Поочередно. Нужно сбросить их с лошадей.

У Рода потеплело на сердце. Жена явно старалась поддержать его авторитет.

Корделия, радостно смеясь, схватила свою метлу.

— А как мы атакуем их, мама? — спросил Джеффри. — Будем швырять в них камни?

Гвен кивнула:

— Да. Но захватите также свои веревочные пояса и подумайте, как можно их использовать.

Дети проворно развязали пояса.

— Мам, — сказал Магнус, — пожалуй, я смог бы сделать так, чтобы у лошадей из подков гвозди повылетали.

Род не слишком охотно кивнул:

— Жалко бедных лошадок. Надеюсь, им это не повредит. По идее, это должно их остановить.

— А вот против рыцаря это все не годится, — рассудительно заметил Грегори.

Род ухмыльнулся:

— Его я возьму на себя.

— А теперь быстро прячьтесь! — приказала Гвен и хлопнула в ладоши.

Дети убежали с дороги в придорожные кусты и вскоре скрылись с глаз.

Гвен прыгнула на землю со спины Векса и взяла свою метлу, притороченную к седлу.

— Тебе понадобится твой конь, муж мой?

— Боюсь, что так, дорогая. Ты сможешь обойтись без него?

— О, конечно. — Гвен отступила в сторону и слегка поклонилась мужу. — Да поможет тебе Бог, супруг мой.

С этими словами она отвернулась и поспешила к подлеску.

Род вздохнул и поставил ногу в стремя.

— Ну и женушка у меня, Векс.

— Порой я задумываюсь, знаешь ли ты ей истинную цену, Род.

— О, думаю, что да. — Род вскочил в седло и натянул поводья. — Нам бы лучше последовать их примеру. Давай-ка уйдем с дороги, Стальной Скакун.

Векс сошел с обочины и углубился в подлесок.

— А что ты припас для рыцаря, Род?

— Около ста двадцати вольт. У тебя найдется лишняя батарейка?

Ответ Векса потонул в топоте копыт. Мимо промчалась повозка.

Род выглянул из-за кустов:

— До солдат — сто ярдов. А немного провода имеется?

— В переднем боковом ящичке, Род.

Рядом с передней ногой, спружинив, открылась маленькая дверца.

Род сунул за нее руку и вынул моток провода. Достав кинжал, он быстро снял с провода изоляцию.

— Куда подсоединить?

Конь-робот повернул голову и посмотрел на хозяина.

— Сунь этот провод мне в рот. Я дам ток. Но уверен ли ты, что это этично?

— А его меч этичен? — Род пожал плечами. — Оружие есть оружие, Векс. Убить-то мы его не убьем — надеюсь. Ну, давай!

Векс выскочил на дорогу из кустов как раз в то мгновение, когда мимо поскакал вооруженный отряд. Род погнал своего коня рядом с конем рыцаря. Рыцарь слегка повернул голову в сторону неожиданного спутника, но не поднял ни меча, ни щита. Видимо, ничего, кроме презрения, не испытал он к лудильщику, который скакал рядом с ним на коне, который, впрочем, не посрамил бы и лорда. Да и от чего было защищаться рыцарю? От мотка веревки?

Род нацелил на рыцаря конец провода. Здоровенная голубая искра сверкнула в промежутке между двумя лошадьми. А в следующее мгновение конец провода коснулся доспехов рыцаря. Тот вскинул руки вверх и застыл в таком положении. Род ткнул его кулаком, и рыцарь, свалившись с лошади, упал на пыльную дорогу.

Позади кто-то испуганно закричал. Род развернул Гекса и поскорее съехал на обочину, пока скакавший следом за рыцарем солдат не решил отомстить за командира.

Вдоль обочины с промежутками футов в сто лежали трое солдат. Еще четверо лежали подобным образом вдоль дальней обочины. Некоторые пони с превеликим удовольствием паслись рядом со своими поверженными седоками. Другие — по всей вероятности, более сообразительные — успели ускакать довольно далеко.

На глазах у Рода прямо перед одним из целевших всадников возникла маленькая фигурка. Всадник в ужасе откинулся назад, а его лошадь встала на дыбы и дико заржала. Джеффри изо всех сил ударил солдата в плечо, тот закачался в седле,

опрокинулся навзничь и упал на землю. Мальчик шлепнул лошадь по крупу, та развернулась и, издавая громкое ржание, усакала прочь.

По другую сторону от дороги по воздуху вдруг пролетела веревка — ни дать ни взять летучая змея — и захлестнулась вокруг шеи второго всадника. Тот вцепился в веревку обеими руками, откинулся назад и, рухнув на дорогу, продолжил попытки освободиться от удавки. Раздался звук, похожий на выстрел из пистолета, и рядом с солдатом появился Магнус с палкой в руке. Один удар — и солдат замер без движения. Вербка развернулась и повисла в воздухе, выискивая новую жертву. Послышался негромкий раскат грома, и Магнус исчез.

Род поежился:

— И детишки у меня кровожадные, как на подбор.

— Они делают, что ты им велел, Род, и то, чему ты их научил.

— Может быть, стоит пересмотреть программу обучения.

— Я бы не советовал тебе делать поспешных выводов, — пробормотал робот. — Вон тот солдат еще дышит.

— Надеюсь, и все остальные тоже не мертвы. Так, давай-ка продолжим. — Род развернул Векса и обнаружил, что все солдаты валяются без чувств на дороге. Гвен уже стояла на коленях возле одного из них и пристально смотрела на него. Корделия спикировала вниз и опустилась рядом с матерью. В сопровождении мини-раскатов грома начали возникать из воздуха мальчики.

— И работают быстро, — пробормотал Род, подъехал к тому месту, где собралась вся семья, склонился и коснулся плеча Магнуса.

Мальчик вздрогнул и обернулся. Увидев отца, он облегченно вздохнул.

— Вы такие молодцы, — сияя от гордости, сказал Род. — Все молодцы. Но с солдат глаз не спускайте, сынок. Некоторые из них могут прийти в себя раньше, чем вы снимете чары с их разума.

Магнус кивнул. Он просто светился радостью от похвалы отца.

— Я буду начеку, папа.

— Умница. Я вернусь до того, как они очнутся, — но все же на всякий случай предупреждаю вас: будьте внимательны.

Он выпрямился в седле и повернул Векса к югу.

— А ты куда, пап?

— Догоню эту даму и скажу ей, что ей больше нечего бояться. — Род вогнал каблуки в бока Векса. — Давай-ка, дружище, гони за этой каретой.

Конь-робот взял с места в карьер.

— На самом деле от того, что ты колотишь каблуками мне по бокам, Род, толку никакого, — сообщил он.

— Как это — никакого? А видимость натуральности? Не хочешь же ты, чтобы люди догадались о том, что ты не настоящий конь?

— Несомненно, перед детьми и женой ты мог бы и не устраивать показуху, Род. Они-то знают, какой я на самом деле.

— Знают, но мне нельзя терять навыки, Векс. Если я только тем и буду заниматься, что стану стараться не забыть, кто знает правду про тебя, а кто — нет, я начну совершать промахи, и тогда...

— Понимаю, — вздохнул робот. — Карета приближается, Род.

— Вернее было бы сказать, что мы ее нагоняем.

— А мне казалось, что ты стал грамерайцем. Оказывается, ты стал грамматистом.

Род поморщился:

— Ну, ладно, хватит! Главное — содержание, а не форма.

— В таком случае из тебя не получится хорошего критика...

— Все, Векс! Заткнись и обгоняй карету.

Векс карету обогнал и, развернувшись, встал поперек дороги. Лошади встали на дыбы и в страхе заржали. Женщина изо всех сил натянула поводья и замахнулась на Рода плетью.

— Да вы что! — крикнул он и пригнулся, но опоздал: плеть хлестнула его по щеке. В глазах у Рода помутилось. Он смутно слышал, как плеть ударила раз, и еще раз, и еще. Но вот зрение вернулось к нему, и он ясно разглядел женщину. Знакомая ярость шевельнулась у него в груди, но он старательно напомнил себе о том, что женщина сильно напугана. Она стояла на козлах и собиралась в очередной раз замахнуться плетью.

Род поднял руку:

— Послушайте! Не надо! Я на вашей стороне! — Он ткнул себе большим пальцем в грудь. — Видите? На мне нет военной формы!

Женщина растерялась, но гнев и страх по-прежнему наполняли ее глаза.

Роду и самому было очень трудно сдержать злость — голова у него болела ужасно.

— Не станете же вы еще колотить несчастного бродячего лудильщика, а?

— Стану, если он будет мне угрожать, — процедила сквозь зубы женщина. Но видимо, здравый смысл начал понемногу возвращаться к ней. — А зачем бы бедному бродячему лудильщику останавливать благородную даму, как не за тем, чтобы сделать ей что-нибудь нехоршее?

— Да за тем, чтобы сказать вам, что вы можете ехать дальше! — крикнул Род. — Мы уложили всех ваших врагов!

Женщина застыла как статуя. В ее глазах вспыхнули искорки надежды.

Род указал на север:

— Посмотрите сами, если не верите мне!

Женщина проворно оглянулась, не поверила своим глазам, пригляделась, потом обернулась к Роду. В ее взгляде появилась робкая радость. Но тут колени у нее подкосились, и она бессильно опустилась на козлы.

— Хвала Небесам! Но как же ты...

— Мне немножко помогли, — объяснил Род.

Женщина тут же насторожилась снова:

— Кто помог?

— Моя жена, — ответил Род, — и мои дети.

Женщина от удивления широко раскрыла глаза и снова оглянулась.

— Я вижу их, — сказала она. — Они грабят убитых солдат. Только не лги мне. Как это лудильщик с женой и детишками мог выстоять против вооруженного рыцаря и десятка воинов?

Она снова подняла плетель для удара.

— Не надо! — вскрикнул Род. Еще немного — и он бы взорвался от гнева. Он вдохнул поглубже и напомнил себе о

том, что эта несчастная женщина скорее всего всю ночь напролет спасалась от погони. — Мои дети и жена не грабят солдат. Они пытаются разрушить чары, которыми околдован их разум — разум живых людей. Они без чувств, но живы. Надеюсь, что живы все. Понимаете... мы — не совсем такие, какими кажемся.

— Вот именно, — прошептала женщина, не без труда встала на ноги и размахнулась плетью. — Я так и думала!

— Да не в том смысле! Мы просто нарядились, как семейство лудильщика! — Род расправил плечи, сел прямее в седле. — Я — Родни Гэллоутласс, лорд и верховный чародей Грамерая, а эта женщина — моя жена, леди Гвендилон.

Женщина замерла с поднятой рукой и с полминуты, не мигая, смотрела на Рода. Потом ее губы разжались, и она прошептала:

— Докажите мне это.

— Доказать?

Род сдержал охватившее его возмущение и заставил себя представить, а каким бы параноиком он чувствовал сейчас себя на месте этой женщины. Он снова вдохнул поглубже и медленно выдохнул, закрыл глаза, постарался отвлечься и сосредоточиться. Все тяготы, все заботы отступили, развеялись, и наконец он услышал голоса детей — так, словно они были где-то совсем рядом. Выбрав из детей того, кто был менее других способен напугать незнакомого человека, Род мысленно позвал его:

— Грегори! Грегори! Иди сюда!

Раздался негромкий хлопок воздуха, и над плечом отца появился Грегори.

— Я здесь, папуля.

Женщина вытаращила глаза.

Тут колени у нее снова подкосились, она села на сиденье и облегченно опустила голову:

— Так и есть. Вы — верховный чародей.

— Папуля! — Грегори склонил головку набок и непонимающе поглядел на отца. — Ты меня для чего звал?

— Для того, что ты только что сделал, сынок.

Малыш явно не понял ответа отца.

— А что я такого сделал?

— Ты доказал, что я тот, кем я себя назвал. — Род посмотрел на женщину. — Но с кем я имею счастье беседовать?

Теперь настала очередь женщины приосаниться и вспомнить о гордости и благородстве происхождения.

— Я — Елена, княгиня Романова, — ответила она.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Род поворотил взмыленных лошадей с дороги на луг и, поддерживая княгиню левой рукой, повел карету к Гвен. Княгиня Елена обернулась, огляделась по сторонам и теснее прижалась к Роду.

— Солдаты... — вырвалось у нее.

Род оглянулся и увидел, что все воины собрались под высоким деревом. Большинство стояли сжав головы в ладонях. Некоторые оторопело озирались по сторонам. Рядом с воинами лежал рыцарь. Шлем с него был снят, Гвен стояла около него на коленях.

— Не бойтесь, — постарался успокоить княгиню Род. — Сейчас они чувствуют себя так, словно очнулись после дурного сна. Но теперь они снова на вашей стороне. — Он спрыгнул с сиденья на землю. — Побудьте пока здесь.

Княгиня боязливо поежилась. Было видно, что Род ее совсем не убедил.

Он вздохнул и мысленно окликнул дочку:

— Корделия!

Девочка услышала его зов и, вскочив, завертелась на месте. Найдя взглядом отца, она оседлала метлу и проворно подлетела к нему:

— Что, папа?

Род заметил, как округлились глаза княгини, и порадовался хотя бы тому, что та отвлеклась.

— Корделия, этой женщине нужно...

Но Корделия смотрела не на него, а на карету. Губы ее тронула радостная улыбка.

— Дети!

Род в изумлении обернулся.

Из окошка в дверце высунулись две любопытные детские мордашки. Корделия проскользнула мимо Рода, сложив руки за спиной.

— Меня зовут Корделия, — важно сообщила она.

Мальчики не ответили ей. Они только молча смотрели на нее.

Род ласково положил ей руку на плечо:

— Детка, они очень напуганы.

— Ничего мы не боялись! — выкрикнул мальчик, который был постарше.

— Ну конечно, вас разве напугаешь? Но ты все-таки помягче, детка.

— Ой, папочка! — недовольно нахмурилась Корделия. — Неужели они не видят, что я не желаю им зла? — Не дав отцу ответить, девочка повернулась к княгине. — Можно мне с ними поиграть?

Княгиня оторопела и несколько секунд молчала, а потом медленно проговорила:

— Ну... если они захотят... конечно.

В том, что они захотят, у Рода никаких сомнений не было — он знал свою дочь. Мальчишки уже смотрели на нее с неподдельным интересом.

— Ой, здорово! — воскликнула Корделия и развернулась к мальчикам. — У меня есть братья. Можете и с ними поиграть, если захотите.

Мальчики пока смотрели на нее неуверенно, но ее дружелюбие было таким заразительным, что они в конце концов не выдержали.

Младший брат открыл дверцу кареты и прыгнул на землю.

— Меня, — сообщил он, — зовут Гастон.

Род отвернулся, совершенно уверенный в том, что теперь герцогиня на некоторое время отвлечется от своих страхов, и направился к Гвен.

Гвен сидела около лежащего на земле рыцаря. Когда Род подошел, она в отчаянии покачала головой. Род встревожился:

— Что случилось? Неужто гипноз настолько силен?

Гвен устремила на него беспомощный взгляд:

— Я сняла с него чары, сударь мой. Но более ничего я сделать не в силах.

Род нахмурился и внимательно осмотрел рыцаря. Лицо у того стало землистого цвета и покрылось каплями испарины. Рыцарь был немолод — волос на голове у него почти не осталось, да и те были седыми. Роду стало не по себе от чувства вины перед этим человеком.

— Но ведь... всего-то сто двадцать вольт! И только пятнадцать ампер! — воскликнул он, опустившись на колени рядом с женой. — И проводом я к нему прикоснулся лишь на несколько секунд!

Гвен снова покачала головой:

— Не ругай себя, муж мой. Он мог пострадать и из-за падения с лошади. Сердце у него остановилось, и я много сил потратила, для того чтобы заставить его забиться вновь.

— Сердечный приступ? Инфаркт? — Род еще более пристально всмотрелся в лицо рыцаря. — Он немолод и явно изможден. — Род глянул на жену. — Но ведь я этого никак не мог предвидеть. У него на голове был шлем с опущенным забралом.

— Конечно, ты не мог такого предугадать, — согласилась Гвен. — Что бы ты ни сделал для того, чтобы остановить его, его кончина могла бы стать такой же. — Она посмотрела Роду в глаза. — И все же, муж мой, я сомневаюсь, что он погиб из-за тебя. Он слишком много миль проскакал не снимая доспехов.

Род медленно кивнул:

— Кто бы ни назначил его командиром этого отряда, кто бы ни повелел ему облачиться в латы в его возрасте, смотрел на него как на вещь, а не как на человека. Но кто?.. Да что я спрашиваю... Кто же еще? Альфар, естественно.

— Мы позаботимся о нем, миледи.

Гвен обернулась и увидела, что рядом с ней опустился на колени сержант.

— Сэр Верин стар, но мы его очень любим, — объяснил сержант. — Ума не приложу, как с ним такое стряслось. Но мы позаботимся о нем и выходим его. — Он робко, испуганно

посмотрел на Гвен. — Леди, а что натворили наши тела, покуда наши души спали?

— Ничего такого, в чем можно было бы вас винить, — нежно улыбнувшись, ответила Гвен и коснулась руки сержанта. — Не терзайте свое сердце.

К ней стремительно подбежал Джеффри:

— Мама! Там дети! Можно нам поиграть с ними?

Гвен изумленно огляделась по сторонам.

— У нас гости, — объяснил Род.

Вскоре родители уже сидели около наспех разведенного костра, а дети резвились неподалеку. Княгиня вся дрожала, невзирая на тепло полуденного солнца. Гвен вытащила из седельной сумки одеяло и укутала им Елену, однако озноб у той не унялся. Она смотрела на детей, игравших в салки.

— Господи, благослови их! Бедняжки! — Слезы набежали ей на глаза. — Они не понимают, что случилось.

— Так стало быть, вы им ничего не рассказывали? — негромко спросила Гвен.

Княгиня покачала головой:

— Они знают лишь о том, что видели сами, но не более того. — Она в отчаянии посмотрела на Рода. — Я ничего не скажу им, пока сама не буду твердо верить...

Род понимающе кивнул, выдержав взгляд княгини. Она уронила голову на грудь.

Дети устроили кучу малу.

— Ну скажите, скажите! — потребовала Корделия. — Вы правда видели злого колдуна?

— Нет, — помотал головой младший Романов.

— Не видели, — добавил старший. — Мы в замке сидели. Мама велела нам никуда не выходить, даже к окну не подпускала.

— Но вы же в карете ехали, — напомнил Магнус. — И тогда вы тоже ничего не видели?

Мальчики дружно покачали головами, а младший сказал:

— Мама велела нам выйти вместе с ней во двор и усадила в карету. Мы слышали, что где-то далеко, за воротами, идет сражение, но мама задернула шторы и строго-настрого запретила их открывать.

Старший брат кивнул:

— Мы слышали, как грохотали по камням колеса. Поняли, что проехали под надвратной башней. Потом скрипнула и стукнула опускная решетка, и звуки боя стали слышнее.

Глаза Джеффри сверкнули.

— Потом эти звуки стали стихать, а потом их не стало слышно вовсе, — продолжал старший брат. — И мы больше ничего не слышали, кроме скрипа колес.

Младший кивнул:

— А когда наконец мы раздернули шторы, вокруг не было видно ничего, кроме полей и рощ.

Княгиня закрыла лицо руками. Ее плечи сотрясались от рыданий. Гвен плотнее закутала ее в одеяло, стала ласково утешать. Выразительно посмотрев на Рода, она кивком указала на детей.

Род намек понял.

— Гм-м-м... детки, — кашлянув, проговорил он. — Вы бы не могли поговорить о чем-нибудь другом?

— А? — Корделия обернулась и сразу верно оценила ситуацию. — Ой! — смущенно воскликнула она. — Прости, папочка. — Она тут же взяла за руки сыновей княгини. — Пойдемте-ка, поиграем в прятки.

Мальчики просто пожирали ее глазами. Род вздохнул, представив, какие отцовские муки ему суждены впереди. Дети, весело перекликаясь, отбежали от костра. Магнус прижался лицом к коре большого дерева и начал считать.

Княгиня проводила детей изумленным взглядом и покачала головой:

— Как быстро они забывают обо всем дурном!

— Это верно, но самого страшного вы им не рассказывали, — рассудительно заметил Род. — Они наверняка полагают, что их отец вот-вот победит в бою. А вы-то точно знаете, что это не так?

— Нет, — произнесла княгиня так, словно этот ответ из нее вытянули щипцами. — Но я бежала из замка только тогда, когда увидела с крепостной стены, что все пошло именно так, как мы боялись — войско пошло против него... — Она закрыла лицо ладонями, плечи ее снова затряслись от горьких рыданий. Гвен заботливо склонилась к Елене, а у Рода хватило

тактичности помолчать до тех пор, пока княгиня не нашла силы совладать с собой. Она подняла голову и уставилась прямо перед собой невидящим взором. — Когда шерифы начали приносить нам вести о покоренных деревнях, мы не верили им и смеялись. Кто мог захватить деревню, которую охраняет рыцарь? Но за первым таким рассказом последовал второй, за вторым — третий, потом — четвертый и пятый, и все время мы слышали об одном и том же: о том, что колдун заставил людей поклониться ему. Потом заговорили и о том, что такое могут проделать и ведьма, и чародей.

— И как же они это проделывали? — спросил Род. — Шерифы знали об этом?

Княгиня покачала головой:

— Они слышали только слухи. Вроде бы поначалу были угрозы, а потом горели амбары и начинался падеж скота. Но чаще всего все начиналось со смуты и жалоб крестьян. Потом среди них вдруг появлялись чародей или ведьма, и крестьяне с превеликой охотой поклонялись ему или ей, а также колдуну, чья власть стояла за всем этим. Мой супруг велел одному из своих рыцарей объехать его владения и самолично посмотреть, что творится в деревнях. Рыцарь вернулся и рассказал о толпах разъяренных крестьян, которые размахивали серпами и мотыгами и швыряли в него камнями. Стоило ему взмахнуть мечом, как крестьяне разбежались, но когда он поворотил коня, они снова ополчились против него. — Княгиня поджала губы. — Им велели так себя вести, в том нет никаких сомнений.

— Уж больно быстро они стали верны новым хозяевам, — покачал головой Род и взглянул на Гвен. — Как думаешь, дорогая? Вероятно, они были не властны над собой, эти крестьяне?

— О, конечно же нет! — поежившись, воскликнула княгиня. — Они были настолько же непохожи на наших прежних крестьян, как май не похож на зиму! Рассказ рыцаря огорчил князя, но не слишком сильно. Зато очень разгневался его вассал, барон де Гратесье. Понимаете... Подати для князя собирают графы, а им платят бароны, а уж бароны собирают дань с рыцарей.

Род кивнул:

— Следовательно, отказывающаяся от уплаты дани деревня, жители которой взбунтовались против рыцаря, для барона немножко важнее, чем для князя.

Княгиня кивнула в ответ:

— Барон де Гратесье упросил князя дать ему оружие и людей, и мой супруг с радостью согласился. И тогда барон поскакал на поиски злого колдуна, чтобы сразиться с ним.

Она умолкла. Род ждал.

— Что случилось потом? — осторожно спросил он, когда пауза слишком затянулась.

Герцогиня зябко поежилась:

— Вести были ужасны, просто ужасны! Войско барона окружили колдовские силы. На него и на его людей нападали жуткие твари, возникавшие прямо из воздуха, сыпались камни и пушечные ядра, летели стрелы, хотя нигде не было видно лучников, били боевые топоры и палицы, хотя нигде не было видно воинов... А потом на них набросились толпы крестьян. Крестьяне вопили и размахивали серпами. Но страшнее всего был ползучий страх, чувство ужаса, охватившее воинов барона. Этот страх так одолел их, что они побросали оружие и бросились наутек, громко крича.

Род встретился взглядом с Гвен и услышал ее мысленный ответ: «Там была колдунья, способная творить что угодно из ведьмина мха, там был тот самый чародей, что швырял в нас камни, и там были ведьмы, заставлявшие оружие летать по воздуху. Но что это за ползучий страх?»

Род только покачал головой и снова устремил взгляд на княгиню:

— И что же случилось с бароном?

Елена вздрогнула:

— Он не вернулся домой. Но потом его видели во время сражений — он вел в бой таких же воинов, как эти, что гнались за мной, и бился против врагов колдуна.

Род взглянул на Гвен. Та кивнула. Что тут было говорить? Им уже случалось видеть последствия массового гипноза.

— Многие ли из воинов барона остались в живых?

— На бой ушли десятков шесть, а назад вернулись шестеро.

Род негромко присвистнул:

— Всего шестеро? Колдун даром времени не теряет. А сколько из тех, что были побеждены, затем сражались вместе с бароном де Гратесье на стороне колдуна?

Княгиня пожала плечами:

— Если верить слухам — десятка четыре.

— Сорок из шестидесяти попали в плен и подверглись промыванию мозгов? — Род поежился. — Но некоторым все же удалось уйти — тем шестерым, которых вы упомянули.

— Верно. Но за ними погнался чародей. Вести нам принес один воин, а что стало с пятью, мы так и не узнали.

— Угадать нетрудно, — нахмурился Род. — Итак, с самого начала Альфар всеми силами старался предотвратить утечку достоверных сведений. — Роду показалось, что это не очень характерно для сознания человека Средневековья. — Вы говорите, что узнали о случившемся по прошествии времени?

Княгиня кивнула:

— Этот воин, единственный, кому удалось уцелеть, добрался до нас неделю и один день.

— За неделю много всякого может произойти.

— И произошло. Колдун и его колдовская рать пошли походом на замок Гратесье, и большая часть жителей присягнула на верность Альфару. Баронесса и несколько верных слуг отказались сделать это и пытались закрыть ворота. Но им не было дано победить: те, кто провозгласил колдуна своим сюзереном, отперли ворота, опустили мостик и подняли решетку.

Род пожал плечами:

— Что ж... если им удавалось без боя покорять целые деревни, не вижу ничего удивительного в том, что и замок сдался.

— А как колдун поступил с баронессой? — широко открыв глаза, спросила Гвен.

Княгиня зажмурилась:

— Она в темнице вместе со своими детьми. Старшего ранили в сражении.

Гвен помрачнела.

— Как вы узнали об этом? — осторожно поинтересовался Род.

— У слуг из замка Гратесье есть родня среди моих кухарок.

— Один из надежнейших видов связи, — понимающе кивнул Род. — Итак, Альфар только захватил замок, а остальные владения не тронул.

— Не тронул те деревни, которые еще не покорились ему. Это верно. Но их жители сами просятся под его покровительство, одна деревня за другой! Наконец и другие бароны подняли тревогу и объединились и объявили Альфару войну.

— Плохая тактика, — покачал головой Род. — Не надо было ничего объявлять. Могли бы просто напасть на него без предупреждения.

Княгиня устремила на него возмущенный взгляд.

— Это всего лишь мысль, — поспешно оправдался Род.

Княгиня покачала головой:

— Им бы это не помогло. Они сражались с колдуном.

Род медленно поднял голову. Его глаза сверкали, краешки ноздрей покраснели. Он сказал, глядя на Гвен:

— Так вот чего он добивается... Люди начинают думать, что его победить невозможно, — причем эти мысли посещают их еще до того, как они выступают в поход против Альфара! И получается, что они наполовину побеждены — даже не вступив в бой.

— Как бы то ни было, — невесело продолжала свой рассказ княгиня, — колдун одолел баронов с превеликой легкостью. Два десятка воинов колдуна напали из засады на конников на левом фланге. Разведчики стали звать на помощь, и к конникам на выручку поспешили пехотинцы. Люди колдуна отступили, но стоило им только исчезнуть в лесу, как на авангард с правого фланга напал другой вражеский отряд. И снова пехотинцы бросились на выручку, и снова отступили солдаты колдуна, после чего войско баронов с еще большей уверенностью продолжало поход.

Род слушал рассказ княгини и чувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

Елена кивнула и прикусила губу.

— Когда бароны со своими воинами вышли к замку Гратесе, на них напало множество вражеских солдат, выбежавших из леса. В то же время по другую сторону от дороги прямо из воздуха начали возникать скалы. Слышались звуки, похожие

на раскаты грома. Потом на войско посыпались острые камни. Воины сначала пригибались и уворачивались, но потом стали пытаться отбить камни. Увы, они гибли один за другим. Трое из пяти баронов до самого конца бились рука об руку со своими людьми и пали в том бою. Двое баронов с парой десятков воинов отступили. Солдаты колдуна преследовали их, но те отчаянно оборонялись. И все же половина людей погибла, а также один из баронов. Другая половина отступила к Большой дороге, а оттуда они бросились наутек, да так быстро, что солдаты колдуна не могли за ними угнаться. Но за ними последовал летающий чародей, и вскоре у них на пути стали возникать острые скалы и огромные камни. Однако через какое-то время чародей зазевался. Лучник прицелился и выпустил в него стрелу. Стрела пронзила чародея, и он, крича, упал наземь. Тогда барон и те немногие, которым удалось уцелеть, продолжили бегство. Вот так вести о случившемся достигли нас. Мой супруг оказал почести тому лучнику и наградил его.

— Он был достоин награды, — кивнул Род. — Ведь это так важно — показать, что врага можно одолеть. Но до тех пор ваш муж к слухам серьезно не относился?

— Нет, он не придавал им большого значения. Он никак не мог поверить, что горстка крестьян может стать опасна для вооруженных рыцарей и воинов — даже если бы среди этих крестьян находились ведьмы. Но когда перед князем предстал барон Мароль и поведал ему о последнем сражении, мой супруг пришел в ярость. Он собрал своих рыцарей и пехотинцев, послал самого быстрого гонца, дабы тот рассказал обо всем, что творится в княжестве, их королевским величествам.

Род нахмурился:

— Он послал гонца? Давно ли?

Княгиня рассеянно пожала плечами:

— Пять дней назад.

Род покачал головой:

— Он должен был добраться до Раннимеда до того, как мы покинули столицу.

Княгиня долго не отводила взгляд от Рода. В ее глазах появился страх.

— Он не добрался туда.

— Нет, — ответил Род. — Не добрался.

Княгиня опустила глаза:

— Увы, его постигла страшная участь!

— Да, тут и гадать нечего, — проговорил Род и посмотрел в сторону дороги. — На самом деле он мог даже нарядиться крестьянином в надежде, что на него не обратят внимания. Как бы то ни было, видимо, именно из-за этого гонца Альфар послал отряды своих новообращенных воинов и дал им задание хватать всех беженцев.

— Беженцев? — Княгиня непонимающе нахмурилась. — Это кто такие?

— Это бедолаги, которые спасаются от ужасов войны, — объяснила Гвен.

Род кивнул:

— Как правило, люди бегут с насиженных мест тогда, когда их жилища разрушены. Но сейчас на юг бегут те, кто боится за свою жизнь и безопасность.

— Так стало быть, вы встречали таких людей?

Род кивнул:

— Довелось повстречать. Нам попадался примерно один беженец на каждую милу пути.

Княгиня Романова медленно повела головой из стороны в сторону:

— Я дивлюсь тому, что этим людям удалось уйти от солдат колдуна!

— Думаю, они довольно рано покинули родные края. Но скорее всего других беженцев солдатам задержать удалось. Однажды нам довелось помочь крестьянам из одной деревни отбиться от солдат.

Княгиня устремила на его пытливый взгляд:

— И что же видели эти люди?

— Ничего, — ответил Род. — Они только слышали слухи.

— И у них хватило ума поверить им. — Княгиня сурово сжала губы. — Но разве их королевские величества пошлют войско на север, поверив слухам?

Род покачал головой:

— Ни за что на свете.

Княгиня Романова нахмурилась:

— Но как же тогда вышло, что вы... — Она не договорила, широко раскрыла глаза, полные удивления, которое тут же сменилось надеждой. — Но вы же пришли!

Род ответил ей невеселой усмешкой:

— Вы догадливы. Верно, нас послал король — чтобы мы проверили, верны ли слухи.

— И вы взяли с собой жену и детей туда, где столько зла и страха? — вскричала княгиня и обернулась к Гвен. — О леди, нет! Если вы любите своих детей, не подвергайте их такому риску!

Гвен в испуге посмотрела на Рода.

Будучи джентльменом, Род не стал пользоваться неожиданным преимуществом. Он только сказал:

— Но... видите ли, моя супруга и дети несколько лучше подготовлены к сражениям со злыми колдуньями и колдунами, чем большинство людей, и потому риск для них не так уж велик.

Он заработал от Гвен теплый, благодарный взгляд, но княгиня воскликнула:

— Риск ужасен! Лорд чародей, не позволяйте им следовать далее с вами! Вы не знаете, каково могущество этого злобного колдуна!

— Кое-что о нем нам известно, а кое-что довелось испытывать на себе.

— Так пусть же это поможет вам утратить аппетит, чтобы вы более не пробовали! Его чары способны убить души людей! Одно дело — увидеть небольшой отряд его жертв, таких, как эти бедолаги... — Елена махнула рукой в сторону солдат. — Но когда на вас пойдут сотни таких воинов, ваше сердце сожмется от ужаса! Не столь страшно колдовство Альфара, сколь черная злоба его души!

Глаза Рода заблестели.

— Так вы его видели?

Княгиня опустила глаза:

— Видела, но лишь издалека. Мне этого хватило. — Она поежилась. — Я почувствовала, как меня словно грязной ледяной водой окатило его ненавистью. Мне тогда показалось, что теперь мне вовек не отмыться!

— Но как же князь позволил вам приблизиться к полю сражения?

— Он был против, уверяю вас. Сражение приблизилось ко мне. Когда мой супруг послал гонца в столицу, когда все его рыцари явились к нему и привели своих воинов, он облачился в латы и, возглавив войско, поскакал биться с колдуном.

Род кивнул:

— Это похоже на него. В чем, в чем, а в трусости князя Романова никогда нельзя было упрекнуть, как и в неуверенности.

— Но в ошибках — можно? — невесело усмехнулась княгиня. — Я знаю моего мужа, лорд чародей. Как ни сильно я люблю его, я не могу не видеть его горячности. И все же, я так думаю, даже если бы он проявил величайшую осторожность, ему бы все равно пришлось сразиться с колдуном. В противном случае оставалось спасаться бегством. А он, будучи князем, бежать не мог, ибо дал клятву оберегать своих подданных и считал своим долгом вступить в бой с врагами. Лучше всего было учинить сражение именно тогда, не дав солдатам колдуна отдохнуть после боя с воинами баронов.

— Но войско Альфара получило новое подкрепление, — нахмурился Род. — Или вы тогда не понимали...

Он посмотрел на княгиню и умолк, не в силах вымолвить ни слова.

— Чего не понимала? — сдвинув брови, спросила Романова.

Род кашлянул и смущенно проговорил:

— Ну... откуда он набирает солдат в свое войско.

— Ах, вы об этом... — Княгиня горько усмехнулась. — Хотите сказать, что его армию составляли побежденные воины? О да, весть об этом дошла до нас после битвы, проигранной бароном Гратесье. Вернувшийся солдат поведал нам о том, что видел кое-кого из своих старых товарищей. Они, по его словам, сражались на стороне колдуна под командованием одного из рыцарей, вассалов Гратесье.

— Ну что ж, хотя бы это не стало для вас сюрпризом, — со вздохом проговорил Род. — Думаю, какое-то время у Альфара ушло на обработку новых рекрутов.

— Чтобы он одурманил их своими чарами? — Княгиня покачала головой. — Не знаю. Знаю лишь, что супруг мой пошел

походом на тот замок, что прежде принадлежал Гратесье, а я поднялась на самую высокую башню, чтобы проводить его взглядом.

Род не без удивления поинтересовался:

— С башни был виден и замок Гратесье?

— О да. Башни этого замка даже выше, чем у замка короля и королевы. От нас видны, правда, только стены, но мне и это не понадобилось.

Род нахмурился:

— Князь дотуда не добрался?

Княгиня кивнула:

— Колдун выехал ему навстречу. На самом деле уже тогда, когда мой супруг выезжал из замка, войско колдуна уже выстроилось в низине на полпути до замка Гратесье. Как будто Альфар заранее знал о том, что замыслил мой супруг.

— Конечно, знал, — проворчал Род. — Все колдуны умеют читать чужие мысли.

Княгиня широко открыла глаза и сокрушенно кивнула:

— Ведь я знала об этом. Нужно было просто вспомнить — а я забыла.

— Это не имело значения, — вмешалась Гвен.

— Верно. Чем я могла помочь? — Княгиня беспомощно развела руками. — Мне оставалось только смотреть вслед мужу и его людям. О да, колдун умел напускать чары, но зато мой супруг превосходил его в военной смекалке.

— Правда? Хотите сказать, что он избежал засады?

— Да. И вдобавок заманил врагов туда, где ему было удобнее сражаться. Они поджидали его на дороге. Слева от них поднимался лесистый склон холма, а по правую руку — берег ручья, усеянный валунами.

Род кивнул:

— Неплохое местечко. Ну и как же ваш муж обманул врагов?

— Он заметил засаду издали и заранее увел свое войско с дороги там, где его не было видно за холмами. Они вышли на равнину и продолжили путь к замку Гратесье.

— Отлично, — довольно улыбнулся Род. — Это называется постучать в дверь в то время, когда армия ушла тебя встречать.

Его мнение о князе Романове стало еще более уважительным.

— Колдун не оценил мудрости моего мужа, — покачала головой княгиня. — Он поспешно приказал своим людям перейти на равнину, чтобы они снова перегородили дорогу войску князя. Множество солдат выбежало из леса и из-за скал.

— Понятно. Ваш муж отлично разбирается в тактике засад. Так приятно время от времени оказываться правым, верно?

Княгиня и Гвен обменялись понимающими взглядами двух опытных женщин.

Род поспешил добавить:

— Насколько я понял, врагам все же удалось отрезать князю путь к замку Гратесье?

— Удалось, однако воины моего мужа были свежи и готовы к бою, а солдаты колдуна запыхались от быстрого бега. Но вот они сошлись, забряцала сталь, и даже мне были слышны ее звон и крики на поле сражения. Поначалу войско моего мужа потеснило армию колдуна. С башни я не так хорошо видела, что там творилось, но поняла, что враги отступают.

— Превосходно! Но верно ли я понимаю, что долго это не продлилось?

— Нет. — Княгиня развела руками. — Не могу сказать, почему так случилось, что переломило ход сражения. Знаю только, что вскоре войско моего мужа обратилось в бегство. Более я смотреть не стала. Я сбежала вниз, позвала детей и усадила их в карету. Велела им задернуть шторы и улечься на пол. Потом я нашла старика Питера, нашего грума, и сказала ему: «Кучер ушел сражаться вместе с моим мужем! Питер, помоги нам бежать!» Но он не пошевелился, он только злобно зыркнул на меня и плюнул мне под ноги. «Ну уж нет, — сердито проговорил он. — Больше я господам служить не стану!»

Род молчал, но глаза его сверкнули.

Гвен заметила это и кивнула:

— Вот оно как получилось. Чары колдуна добрались и до его разума.

— И что же вы сделали? — спросил Род у княгини.

— Я бежала, — просто ответила Елена. — Я не стала задерживаться и искать другого кучера, не стала уговаривать непорочного Питера, боясь, что он может распалиться не на шутку. Я боялась, что на замок, того и гляди, обрушатся сотворенные

злыми чародеями твари. Я сама забралась на козлы и схватила плетъ. Попыталась щелкнуть ею над головами у лошадей, но вышло у меня неловко. И все же, услышав свист плети, лошади сорвались с места и пошли рысью. Карета выехала за ворота, проехала по мосту. Сердце у меня было готово выскочить из груди — я боялась, что лошади порвут постромки и ускачут прочь. Но они послушно бежали рысью, и я поняла, что покинула замок вовремя. Колеса кареты еще грохотали, когда мы ехали по мосту, а решетка уже с грохотом опустилась, и мост задрожал. Как только мы съехали с него, я обернулась... мост начали поднимать.

— Но вы-то уже были свободны! — воскликнула Гвен.

Княгиня покачала головой:

— Нет. Я еще не была свободна. Я уводила карету от замка и видела, как навстречу мне бегут воины моего мужа, за которыми гонятся солдаты колдуна. Я понимала, что должна промчаться совсем рядом с ними для того, чтобы выехать к дороге, ведущей на юг. Я молилась о том, чтобы верные воины князя, завидев меня, стали бы сражаться и помогли бы мне с детьми выиграть столь нужные для спасения мгновения. Но моим надеждам не суждено было сбыться: когда карета поравнялась с бежавшими воинами, глаза их полыхнули злобным огнем, и с десяток из них бросились ко мне. Они пытались вырвать у меня из рук поводья, они жаждали моей крови, они кричали, что моим детям надо отрубить головы, — они, которые еще несколько минут назад сражались, чтобы защитить нас!

Княгиня Романова закрыла лицо руками и разрыдалась.

Гвен обняла ее и негромко сказала:

— Они ничего не понимали. Я сняла чары с десятирех воинов и теперь могу сказать, как это бывает: их разум заставляет уснуть, а те мысли, что парят поверх сонной глади разума, не принадлежат им. Но те люди, что давали вам клятву верности, не изменили ей! Если их пробудить и сказать им о том, что творили их тела, пока разум спал, они могут погибнуть от разрыва сердца.

Гвен кивком указала на солдат, собравшихся под деревом возле лежавшего на земле рыцаря.

— У меня тоже сердце может разорваться! — всхлипнув, проговорила княгиня. — Что я скажу им, когда они очнутся? «Этот шрам у тебя на щеке — от моей руки, но я не хотела бить тебя?» Ведь когда они бросились ко мне и стали пытаться выхватить у меня из рук поводья, я стала размахивать плетью как попало, бить их по рукам, по груди и... по лицам тоже! И они отступили... отступили...

Она снова расплакалась.

— У вас не было иного выбора, — хриплым от волнения голосом проговорил Род.

— Выбора не было, это верно! — воскликнула Гвен. — А что еще оставалось? Позволить им остановить карету, забрать детей и увести их к Альфару?

Герцогиня поежилась:

— Так думала и я. — Она отдышалась, сглотнула подступивший к горлу ком и кивнула. — Так я и думала. Я не могла сдаться. Я не могла допустить, чтобы они одержали победу.

— Зато Альфар думал иначе.

— Как еще мог думать этот мерзавец! Мой супруг теперь спит мертвым сном! Либо... если Бог милостив ко мне... быть может, он все же жив, но избит и ранен и томится в темнице. О, как я взгляну ему в глаза, если ему дано будет обрести свободу, если мы когда-нибудь еще свидимся? Дай бог, чтобы так случилось! Но что я скажу ему? Как объясню, почему не сбегла замок к его возвращению?

— Думаю, его успели заковать в цепи задолго до того, как он оказался поблизости от собственного замка, — осторожно высказал предположение Род. — Насколько я знаю князя Романова, он бы вообще не стал отступать.

Гвен кивнула:

— Всей стране известно, что ваш супруг скорее погибнет, нежели убежит с поля боя, миледи. Скорее всего его схватили в разгар боя и посадили за решетку.

— Да... — Княгиня вдохнула поглубже и расправила плечи. — Да, наверное, так и было. Быть может, он даже не узнал о том, что его люди бежали от врагов. И конечно, колдун мечтал пленить его. Пленный князь — сильное оружие! А я бежала.

— Но он бы умолял вас бежать! — вскричала Гвен.

Род кивнул:

— Да, несомненно. Если бы он подумал о том, что вы могли остаться и биться с *такими* врагами, он бы просто впал в панику, и тогда его страх за вас сковал бы его руку, сжимавшую меч. — Он покачал головой. — Нет, князь мог сражаться с врагами только с мыслью о том, что вы сделаете все возможное для спасения детей в том случае, если он будет разгромлен.

Княгиня сидела неподвижно, склонив голову.

— Все так, как говорит мой супруг, — негромко проговорила Гвен. — И вы понимаете, что это правда. Ведь вы также дочь особ благородной крови.

Княгиня наконец медленно кивнула:

— О да, это так. Я только исполнила свой долг.

— И ваш супруг гордился бы вами, — заверил ее Род. — Вы можете оплакивать его поражение, но не стыдитесь того, как повели себя вы. Вы понимаете, что все сделали только так, как должны были сделать.

Княгиня вздохнула, выпрямилась и горделиво подняла голову:

— Все так и есть. Просто... мне так нужно было, чтобы кто-то сказал мне об этом. Благодарю вас, леди Гэллоугласс, и вас, лорд чародей.

Не спуская глаз с Гвен, Елена Романова наконец робко улыбнулась.

Род испустил вздох облегчения:

— Насколько я понял, затем вы погоняли лошадей и ехали без остановки.

— О да! Бедные, бедные лошади! Время от времени я пускала их шагом, но все же они едва выдержали эту бешеную гонку.

— Но выдержали. — Род бросил взгляд на мирно пасущихся лошадей. Две из них уже задремали. — Хотя это удивительно — ведь вы ехали круглые сутки.

Княгиня кивнула:

— Чуть меньше. Мы выехали из замка вечером.

Гвен поймала взгляд Рода и едва заметно улыбнулась ему. Ее мыслей Род не услышал, но это и не было нужно. Он и так понял, что хотела сказать супруга о его методах сбора информации.

— Папа! Пап! Па-а-а-а-апа!

Род оглянулся и встал, радуясь тому, что дети прервали беседу взрослых.

Дети бежали по лугу — вернее говоря, бежали дети Романовых, а дети Гэллоутглассов летели над травой наподобие брошенных копий.

— Пап! — Копье по имени Джеффри налетело на Рода и прижалось к нему.

Род охнул, отступил на шаг и, отдышавшись, сказал:

— Ну, что такого важного случилось, что нельзя было подождать и секунды?

— Папа Илларена! — выпалил Джеффри. — Мы его видели.

Илларен, старший из детей княгини, энергично кивнул.

Его мать застыла словно загипнотизированная.

— Что ты сказал? — Род подхватил Джеффри под мышки и поднял. — Только будь осторожен, сынок. Если ты ошибаешься, ты можешь очень огорчить наших гостей... Итак. Ты же не хотел сказать мне, что только что видел князя Романова где-то здесь?

— Да нет же, пап! — возмущенно вскричал Джеффри.

Тут уж и Магнус не выдержал:

— Это прошлой ночью было, папа, когда мы преследовали чародея!

— Того противного, который камнями кидался, — провоцировал Грегори. — Или ты забыл, папуля, как мы затащили тебя в темницу?

— Да нет, почему же? Отчетливо помню. — И тут мысленное зрение ярко нарисовало Роду мужчину, прикованного цепями к стене. — Вы хотите... сказать про того человека, закованного?..

— Ну да! Неужели, папа, ты не узнал его? — Сосредоточенно наморщив нос, Джеффри обернулся к Илларену. — Как, ты сказал, выглядит твой отец?

— Он такой... на медведя похож.

— Вот! — Джеффри устремил на Рода торжествующий взгляд. — Волосы у него темные, почти черные, и одет он богато, и доспехи у него золоченые!

Род кивнул раз, потом еще и еще...

— Верно... верно... И доспехи — вернее, то, что от них осталось.

— Но это наш папочка! — воскликнул младший Романов, Гастон.

— Вы... вы уверены? — Княгиня вскочила на ноги и тут же пошатнулась от слабости.

Джеффри замер, пару мгновений посмотрел на нее, не мигая, широко раскрытыми глазами.

— Мы уверены, — решительно объявил он.

— Неужели вы правда...

— Они правы, — твердо проговорил Род. — Я тогда не узнал его, хотя должен был бы узнать. Это был ваш муж, миледи княгиня. Я в этом не сомневаюсь.

Княгиня стояла, не в силах пошевелиться, и ошеломленно смотрела на Рода.

А в следующее мгновение глаза у нее закатились, и она стала клониться к земле.

Гвен успела подхватить ее и удержать.

— Не пугайтесь, — успокоила она мальчиков. — Ваша мама лишилась чувств — но от радости, а не от горя.

— Но отец Илларена сильно ранен, папа! — напомнил Роду Магнус.

— Да. — Род в упор уставился на старшего сына. — Ранен и пленен. Не забывайте об этом.

Магнус ответил отцу непроницаемым взглядом.

— Князь Романов, — холодно, неторопливо проговорил Род, — был тяжело ранен в бою, захвачен в плен и брошен в темницу. Также были ранены и пленены его соратники. — Род медленно обвел взглядом детей. — И что же против мощи, которая была способна сотворить такое, могут поделаться четверо детей? Что может случиться с ними?

— Но я — ведьма! — вскричала Корделия.

— А мы — чародеи! — вздернул подбородок Джеффри.

— Они тоже, — непоколебимо заявил Род.

— Они нападали на нас, — воскликнул Джеффри, — а мы их побеждали!

— Верно. Когда сражались вшестером против одной ведьмы или одного чародея. А что будет, если мы встретимся со

всеми ними сразу? — Он посмотрел прямо в глаза Джеффри. — Так, как довелось князю.

— Мы не вернемся домой! — Корделия топнула ножкой.

Род вздрогнул, напрягся, его лицо побелело.

— Вы... сделаете... так... как... я... вам... велю!

Магнус помрачнел и разжал губы, но Гвен торопливо сжала его руку.

— Дети, — сказала она едва слышно, но все четверо замерли и притихли. Гвен встретила взглядом с мужем. — Я дала обещание вашему отцу.

— Какое такое обещание? — капризно выкрикнула Корделия.

— Я пообещала ему, что, если он будет настаивать на том, мы отправимся домой. — Гвен предупреждающе подняла руку. — И вот теперь он на этом настаивает.

Род медленно кивнул. Взгляд его немного потеплел.

— Но... мамочка!

— Тихо! — скомандовала Гвен. — Я верю княгине, верю ее рассказу о тех ужасах, которые она видела своими глазами. Нет, дети, все будет так, как сказал отец. На севере поселилась страшная, ужасная опасность, и детям там не место.

Корделия развернулась к матери:

— А ты, ты, мамочка?

— Я должна уйти вместе с вами, чтобы благополучно довести вас до дому, — ответила Гвен голосом, полным стальной решимости. — Неужели вы думаете, что я скажу вам: «Ступайте!» — и поверю, что вы немедленно отправитесь в Раннимед и не станете невидимо следовать за мной и вашим отцом?

Корделия сжала кулачки и снова топнула ногой. Она была готова испепелить мать взглядом, но все же промолчала.

— Я так и думала, — довольно проговорила Гвен и переглянулась с Родом. — Кроме того, я не думаю, что княгине и ее детям уже больше ничто не грозит.

Род кивнул:

— Ты совершенно права.

Гвен улыбнулась и снова посмотрела на детей:

— Мы должны будем охранять их.

— Но солдаты...

— Они совсем недавно нападали на них, — напомнила Гвен. — Кто знает? Вдруг могущества колдуна достаточно для того, чтобы снова пленить этих несчастных своими чарами и натравить на княгиню и мальчиков?

Илларен и Гастон обменялись испуганными взглядами.

— Но... мам! — умоляюще воскликнул Джеффри.

— Все будет так, как я сказала, — тоном, не допускающим возражений, заявила Гвен. — А теперь послушай меня. Ты мечтаешь стать полководцем и руководить ходом сражений. Неужели ты станешь спорить с тем, что сейчас наиболее мудро поступить именно так: взять это семейство под нашу охрану и доставить их в Раннимед к королю Туану как свидетелей?

Джеффри сердито сдвинул брови и неохотно проговорил:

— Не стану я спорить, мам. Ты права.

— Как всегда, между прочим, — пробормотал Род, но его, похоже, никто не услышал.

— Но тогда папочке будет грозить опасность! — горячо возразила Корделия и порывисто обняла отца.

Род прижал дочку к себе, но покачал головой:

— Мне приходилось сталкиваться с опасностью и тогда, когда вас еще не было на свете, дети. Было и такое время, когда рядом со мной еще не было вашей мамы.

Магнус покачал головой. Глаза его были полны тревоги.

— Такая опасность тебе еще ни разу не грозила, папа. Жестокий злобный колдун с целой армией ведьм и чародеев!

— Мне случалось биться и с целым войском. У меня был только кинжал против мечей моих врагов. Бывало и хуже. Намного хуже.

— Но тут-то не просто воины, а ведьмы и чародеи!

— Верно, и для борьбы против них я вооружен не только кинжалом моего разума. — Род очень серьезно посмотрел на Магнуса. — Думаю, я смогу сразиться с их предводителем. У меня в запасе есть пара-тройка приемчиков, которые ему и привидеться не могли за всю его жизнь. — Он обнял и прижал к себе старшего сына. — Нет-нет, на этот раз за меня не бойтесь. Быть может, настанет день, когда мне встретится соперник, который окажется намного сильнее меня, но это не Альфар. Как ни могуч он, как ни страшен, меня он не слишком пугает.

— И правильно, папуля.

Род перевел взгляд на младшего сына, который сидел на траве по-турецки чуть в стороне от остальных.

— Ты, наверное, правильно думаешь, папуля, — добавил Грегори с удивительной серьезностью. — Мне тоже кажется, что главное оружие этого колдуна — страх, а не сила.

— А если это так, — вставил Джеффри, — то ты должен сравняться с ним и... даже превзойти его, пап.

— Что ж... — Род торжественно склонил голову. — Спасибо вам, сыны мои. Рад был услышать все, что вы мне сказали. Теперь мне намного легче.

Как ни странно, это так и было — и не только потому, что дети подбодрили его на прощание. Род почему-то проникся странным уважением к своим младшим сыновьям и теперь гадал, хорошо это или плохо.

Вероятно, Корделия и Магнус почувствовали то же самое. Они оторвались от отца. Магнус кивнул:

— Если уж Грегори не предсказывает опасности, папа, значит — так оно и есть.

— Угу, — кивнул Род. — Альфар — не моя Немезида. — Он обернулся к Грегори. — А кто?

Малыш пару секунд смотрел в пространство. А когда он перевел взгляд на отца, то с непоколебимой уверенностью ответил:

— Мечты.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Княгиня хлестнула лошадей вожжами, карета тронулась с места. Лошади пошли рысью, колеса завертелись. Гвен, усевшаяся рядом с княгиней на козлах, обернулась и помахала рукой. Из окошек в дверцах высунулись четыре отчаянно размахивающих детских руки.

Род стоял и тоже махал рукой, пока карета не скрылась из виду. Он чувствовал, как в его груди образуется пустота. Потом

он медленно повернулся лицом к северу и проводил взглядом солдат, увозивших рыцаря на носилках, уложенных на спину лошади. Они решили вернуться в войско колдуна под видом верных ему людей-манекенов. Гвен рассказала им, как прятать истинные мысли под покровом фальшивого гипноза. Для этого солдатам следовало мыслить стандартно, как мыслили все в войске Альфара. Гвен не стала скрывать от солдат, как это было опасно — Альфар не пожалел бы изменников. Солдаты хорошо поняли ее, но ими двигало чувство вины, и потому грозящую им опасность они восприняли как возможность искупления этой вины. Род смотрел им вслед и надеялся на то, что ему не придется встретиться ни с кем из них до того, как мятеж под руководством Альфара будет подавлен окончательно.

Почему-то Род не сомневался в том, что так и случится. Конечно, полагаться на пророчества трехлетнего ребенка было бы чистым безумием, но малыш Грегори был сверхъестественно прозорлив. Вести себя в соответствии с пророчеством трехлетнего ребенка было бы полным идиотизмом, но все же Роду стало спокойнее. В конце концов Грегори нельзя было сравнить со средним ребенком дошкольного возраста.

Но с другой стороны, не стоило и обольщаться: то, что Грегори разговаривал как десятилетний, вовсе не означало, что он способен оценить ситуацию в целом. К мнению своего младшего сына Род относился примерно так же, как к хиромантии: с эмоциональной точки зрения и то и другое его устраивало, но никак не помогало решить, что же делать дальше. Род подошел к Вексу, вставил ногу в стремя и вспрыгнул в седло.

— Ну, в путь, Стальной Скакун! Вперед, на север!

Векс зашагал вслед за уходившим отрядом:

— Куда мы направляемся, Род?

— К Альфару, естественно. Но для начала найди какую-нибудь большую крестьянскую усадьбу. Ладно?

— Зачем тебе потребовалась ферма, Род?

— Нужно довести до окончательного блеска нашу маскировку, — механически отозвался Род. Он думал о другом.

Его пугало чувство одиночества. Впервые за двенадцать лет он остался совсем один. О, ему случалось и в эти годы оставаться одному, но ненадолго — на день-другой, и тогда он бы-

вал настолько занят, что у него не хватало времени подумать об одиночестве. Теперь время было, и то, насколько он, оказывается, стал зависеть от присутствия своей семьи, поразило Рода. Он казался себе веткой дерева, отпиленной от ствола и корней. В груди у него словно бы появился тяжелый камень, окружающий мир казался пугающим. Впервые за двенадцать лет Род остался с миром один на один, без горячей поддержки Гвен, без веселых голосов детей — не говоря уже о той помощи, которую все они оказывали ему благодаря своим магическим способностям.

Будущее представлялось Роду весьма туманно.

Он постарался отвлечься от этого настроения — расправил плечи, вздернул подбородок.

— А ведь это странно, Векс. Я — одинокий волк. Я — человек, который, словно хакер, забирался в систему Благоразумия и укладывал на лопатки тамошних дозорных! Я — кинжал во мраке, я — свирепый тайный агент, способный победить целые империи!

— Если ты так говоришь, Род, то, наверное, оно так и есть, — уклончиво отозвался робот.

— Да, я так говорю, проклятие! Я — это я, Род Гэллоугласс, а не только отец семейства и муж!.. Нет, даже не так: я — Родни д'Арман! Гэллоугласс — это всего лишь прозвище, псевдоним, который я себе взял, прибыв на эту планету, чтобы больше походить на местного жителя! А Родни д'Арман прекрасно обходился без Гвен и детей целых двадцать девять лет!

— Верно, — согласился Векс. — Правда, девятнадцать из них ты прожил в доме своего отца.

— Ну ладно, значит, сам по себе я жил десять лет! Но это почти столько, сколько времени я женат, не так ли?

— Точно.

— Точно, — повторил Род и нахмурился. — Но с другой стороны... это всего лишь столько же — так, что ли?

— И это верно.

— Вот-вот. — Род усмехнулся и вздохнул. — А к ним привыкаешь, к этим маленьким созданиям, правда?

— Пожалуй, ты уловил самую суть, — согласился робот. — Большинство людей проживает жизнь по тем или иным схемам привычек, Род.

— Конечно, но тогда это всего лишь привычки, не более. — Род снова расправил плечи. — И от привычек всегда можно избавиться.

— Ты действительно этого хочешь, Род?

— Хочу, но лишь для того, чтобы, вернувшись домой, снова обрести эти привычки! Сейчас же я не могу таскать их всюду с собой. Могу обойтись без них — и обойдусь.

— Несомненно, Род.

Роду показалось, что в голосе робота прозвучала насмешка. Он сердито уставился на стальную макушку Векса, для натуральности покрытую синтетической шерстью.

— Почему мне показалось, что ты хотел сказать «но», Векс?

— Исключительно потому, что такая жизнь не принесет тебе счастья, Род.

— Род, нет! Это невыносимо!

— Слушай, заткнись и дай задний ход.

Робот испустил мученические радиопомехи и отступил на пару шагов. Род снял часть поклажи с повозки и переложил в мешки, которые разместил на спине Векса вместо седла.

— Это серьезнейшее нарушение правил моей эксплуатации, Род.

— Да ладно тебе! — Род уселся на сиденье и взял в руки вожжи. — Ты, было дело, звездолетом управлял, Векс. А это в принципе то же самое, что тащить повозку.

— Нет, не так: это *аналогично* тасканию повозки. В противном случае твое утверждение можно приравнять к утверждению о том, что алмаз устроен по тем же принципам, что кусок пластика.

— Умереть — не встать, — усмехнулся Род и ударил Векса вожжами.

Робот поплелся вперед, тяжело вздыхая:

— Меня произвели не для того, чтобы я изображал тягловую лошадь.

— Да брось ты! В то время как мои предки познакомились с тобой, ты пилотировал задрипанный буровой катер в районе пояса астероидов неподалеку от Солнца! Уж я-то помню семейные предания!

— Конечно, я сам тебе их и рассказывал, — со вздохом проговорил Векс. — Но тот эпизод, о котором ты упомянул, — всего лишь поэтическая картинка. Ну что, Род, на север?

— На север, — отозвался Род. — К Большой Королевской дороге. Н-но! — Он снова стегнул своего стального коня вожжами по бокам, покрытым синтетической шкурой. Послышался негромкий звон, и Векс пошел рысью. Довольно скоро он вывез двухколесную повозку с проселка на большую дорогу, оставив позади недоумевающего крестьянина. Тот пожирал глазами золотые монеты, лежавшие у него на ладони, и качал головой, поражаясь глупости лудильщика, который, заработав деньги, так глупо их истратил.

Продвигаясь рысью к северу, Векс задумчиво проговорил:

— Насчет твоего разговора с женой, Род...

— Великая женщина. — Род восхищенно покачал головой. — Всегда правильно оценивает реальную обстановку.

— Как мы точнее определим слово «реальную» в данном контексте, Род?

— Мы ничего определять не будем, потому что реальность в данном контексте определяет нас. Но ты намекаешь на то, что она просто-напросто позволила мне поступить так, как я пожелал?

— Не только, — глубокомысленно изрек Векс. — Вернее, она позволяет тебе поступать по-своему тогда, когда речь идет не о самых важных вещах.

— Хочешь сказать, что обычно она добивается, чтобы я вел себя так, как нужно ей? — Род сел прямее, сдвинул брови. — Минутку, минутку! Не хочешь же ты сказать, что и на этот раз она этого добилась?

— Нет. Просто я подумал о том, что ты добился ее согласия с удивительной легкостью.

— Знаешь, Векс, когда произносишь слишком много длинных слов, я подозреваю, что ты пытаешься сказать мне что-то неприятное. Намечаешь, что получилось *слишком* легко?

— На уме было примерно нечто в этом роде. Да.

— Ну, если так, то ты сильно не переживай, — посоветовал роботу Род и уперся локтями в колени. — Получилось быстро,

но не легко. Не так уж легко, если учесть все предыдущие перебранки.

— Может быть, и так... Но все-таки на нее непохоже...

— Нет... Когда она думает, что я, того и гляди, выйду из себя, она все равно сохраняет непреклонность — если только не видит веской причины изменить свою точку зрения. Полагая, то, что она дала мне обещание, — это вполне веская причина. Но если честно, Векс, то я думаю, что убедил Гвен не я.

— Хочешь сказать, что ее убедила княгиня.

Род кивнул:

— Две матери всегда лучше поймут друг друга, чем жена — мужа.

— Будет тебе, Род! Наверняка ты не считаешь, что не способен убедить собственную супругу в своей точке зрения!

— По-твоему, я думаю, что она вообще не станет меня слушать? — Род кивнул. — Не станет. Если, конечно, не выйдет так, что я окажусь прав.

Определить момент пересечения границы княжества оказалось несложно: там разместился патруль.

— Стой! — приказал командир, и двое воинов, скрестив пики, перегородили дорогу.

Род натянул вожжи и изо всех сил постарался разыграть роль сварливого крестьянина.

— Ну все, все, будет вам! Не видите, что ли, — уже стоим!

— Попробовал бы ты не остановиться! — проворчал командир и дал знак двоим подчиненным. — Обыскать его.

Те кивнули, подошли к повозке и принялись перекладывать кочаны капусты и мешки с отрубями.

— Эй! Эй! Вы что делаете? Не троньте мою капусту! — возмущенно завопил Род.

— Таков приказ, — строго проговорил командир и, подболевшись, встал рядом с Родом. — Наш господин, князь Альфар, требует, чтобы мы обыскивали каждого, кто пытается пересечь границу княжества.

Род изумленно вытаращил глаза, причем получилось это у него весьма натурально. Так, стало быть, Альфар повысил себя в должности!

— Князь Альфар? Что за дребедень? Тут князь Иван правит!

— Измена! — прошипел один из солдат и перехватил пику на изготовку.

Роду нестерпимо захотелось броситься на него и схватить за горло, но он унял свои бойцовские инстинкты и повел себя так, как повел бы на его месте бедный крестьянин: отступил на шаг, но в бегство не обратился. Он смотрел в глаза юноши и видел, как пристально тот глядит на него, — пристально и вместе с тем равнодушно. Казалось, что юноша присутствует здесь лишь отчасти.

Он был гипнозом доведен до фанатизма.

Командир ухмыльнулся. Его взгляд также показался Роду неестественным, опустошенным.

— Да ты где был, чурбан? Закопался на поле на своем, что ли? В навоз по уши влез? Иван разбит наголову, в темнице сидит. Теперь Альфар. — князь Романов!

— Да не может такого быть! — вскричал Род и обвел испуганным взглядом солдат, одетых в «незнакомую» форму.

Сержант заметил его взгляд и довольно хохотнул:

— Может, может. Это форма войска Альфара. — Он перевел взгляд на своих подчиненных. — Ну, все или нет? Что вы копаетесь? Это ведь тележка, а не фургон!

Род обернулся, и глаза его округлились от ужаса.

— Все проглядели, — доложили командиру солдаты. — Ничего нету.

— Нету, как же, — обиженно буркнул Род. — Пару турнепсов оставили. И кто мне за остальное заплатит, что вы перепортили?

— Не болтай много, — пробурчал командир. — Подумаешь, пары кочанов капусты лишился. Еще есть у тебя чем торговать на рынке в Корастешеве.

— А зачем ты на север подался? — требовательно спросил тот солдат, что раньше наставил на Рода пику.

Род обернулся к нему, кожей почувствовав опасность. Он пристально уставился на солдата, его разум приготовился к принятию информации. Что на самом деле происходило с солдатом, кто им руководил?

Род ощутил давление — ну, как будто кто-то физически надавил пальцем на его мозг. Он мысленно замер, отрешился абсолютно от всего и ощутил различия в мышлении окружающих его людей. Это было похоже на ощущение запахов — словно у каждого разума имелся собственный аромат.

У четверых Род прочел одну и ту же мысль: «Останавливайте тех, кто спасается бегством, чтобы Альфар стал сильнее и могущественнее!» При этом любой, кто пытался войти в княжество, представлялся солдатам персоной, особого интереса не вызывающей. Такой человек не представлял собой угрозы — он был всего-навсего носителем еще одного разума, который мог внести свою лепту в возвышение Альфара.

А вот сознание пятого солдата было живо и не затуманено гипнозом. В этом разуме шевелились сомнения. К поверхности стремились десятки вопросов, и каждый из них настоятельно требовал, чтобы его задали. Чуть ниже располагалось подозрение в том, что этот крестьянин может быть шпионом, и даже хуже того — убийцей-асассином. А на самом дне разума бурлил водоворот невнятных мыслей, продиктованных смесью чувств: амбициями, подозрительностью, стыдом, гневом, ненавистью. Род сдержал дрожь и всеми силами постарался мыслить, как простой крестьянин. Он был всего-навсего грубым, неотесанным, необразованным деревенщиной, работавшим по двенадцать часов в день на полях своего господина, а потом еще четыре часа — на своем собственном поле. Четыре часа каждый день... И в итоге он выращивал урожай, который целиком помещался на этой повозке. Конечно, он старался продать выращенные овощи как можно дороже, чтобы более или менее сносно пережить зиму и прокормить семейство. Какое же право эти солдаты имели не пускать его на богатый рынок в Корастешеве? И с чего это они вдруг так расхрабрились и разважничались? Только оттого, что нацепили на себя кожаные нагрудники и вооружились пиками? Всякий бы понял, если бы пригляделся получше: на самом-то деле они никакие не воины, а такие же простые крестьяне, как он сам, — а может, и еще проще. Сервы небось, да и папаши их тоже, поди, сервами были.

Солдат нервно переступил с ноги на ногу:

— Отвечай, деревенщина! Зачем ты едешь...

— Так зачем же еще? Капусту да турнепсы продать, — отвечал Род. — Неужто вы думаете, что я стал бы просто так конягу гонять туда да обратно?

Вопрос Рода стражник оставил без внимания.

— Ты — подданный герцога Тюдора, — проворчал он. — Так что ж ты не поехал в Карнарвон? Зачем тебе понадобилось тащиться на север, в Корастешев?

— Да не так уж далеко я и протащился, — фыркнул Род. — Всего-то лиги три от силы. — Он кивком указал назад. — Мне до Корастешева ближе.

Род одарил солдата неприязненным взглядом, но при этом постарался думать о том, какие деньги он мог выручить на рынке в Корастешеве. Все знали про то, что бароны князя Романова дерутся между собой, — и очень глупо было, между прочим, со стороны князя, позволять им такое! Каждый крестьянин отлично знал, что во время войн погибает урожай. Нет, в Корастешеве за капусту выложат побольше, чем в мирном Карнарвоне, в вотчине герцога Тюдора!

По лицу солдата стало видно, что он успокоился. Наверняка он думал примерно так: «Ах, так этот старый козел жаден до денег? Вот и славно. Знаем мы, как обходиться с алчными типами...»

Род еле сдержался. «Старый?» Ну, козел, это еще ладно, можно пережить, но «старый»?! Совладав с эмоциями, Род погружился в раздумья. Да кто он такой, этот выскочка-молокосос? Почему он задает ему вопросы?

Заметив, что юнец слегка покраснел, Род мстительно порадовался. Но подозрительность пока не окончательно оставила солдата. Он обвел Векса оценивающим взглядом:

— Откуда у бедного грязного крестьянина такая прекрасная лошадь?

Паника! Волнение! Те самые чувства, которые и должен был испытать Род. Он был пойман, застигнут врасплох. За этими эмоциями последовали смущение и стыд. Он взглянул на Векса и сотворил мысль: «Десять лет тому назад моя жена была красавицей! Не диво, что на нее положил глаз сэр Эвинг...»

Он перевел взгляд на неумного юнца:

— Сэр Эвинг подарил мне этого коня. Сказал, что он уже слишком стар, чтобы возить рыцаря в доспехах.

Юноша все еще не желал окончательно расставаться с подозрениями, он предпринял новую попытку найти промах в «легенде» Рода:

— Да с чего бы это рыцарю отдавать коня, пусть и старую клячу, какому-то деревенщине?

Род снова старательно взрастил в сознании чувство стыда, дал ему накалиться докрасна.

— Ну... С того, что кое-что хорошее сделали мы для него... я и половина моя. — Род отчетливо представил немолодого, лысеющего мужчину в постели с прекрасной русоволосой шатенкой... Видение пропало, а стыд и позор остались и пробудили гнев. — Кое-что хорошее, — повторил Род с каменным лицом. — Да только это не твое дело.

— Да ну? — осклабился солдат. — Да уж, а тебе теперь одно дело осталось — капустой торговать. — Он обернулся к командиру. — Что мы тянем? Зачем время теряем с этим оборванцем?

— Да давно пора ему проваливать отсюда, — проворчал командир. — Давай, малый, трогай! Убирайся с нашей заставы вместе со своей повозкой, поезжай на рынок.

— Премного благодарны, — буркнул Род, отвернулся, уселся на повозку и стегнул Векса вожжами — правда, легонько, чтобы не зазвенели металлические бока. Векс послушно зашагал по дороге.

Роду пришлось держать свои мысли в узде. Он, конечно, ощущал сильнейшее искушение предаться раздумьям, но делать это было опасно, поскольку пока он еще находился в пределах досягаемости для молодого телепата. Даже если этот юнец был не слишком силен в этом ремесле, нужно было проехать еще несколько миль для того, чтобы освободиться от его слежки. Ну а если он, напротив, обладал недюжинными способностями... Как бы то ни было, Род всеми силами старался не давать волю своим мыслям и эмоциям, а излучал исключительно злость и смущение. И как только этот молодой ублюдок имел право задавать ему такие откровенные вопросы? Это надо же — чтобы какой-то серв, сын серва, задавал вопросы ему, Оуэну, хозяину и отцу семейства!

Под этим прочным слоем мыслей, не оформленных в слова, бушевал водоворот вопросов. Интересно: вопросы задавал простой солдат, а командир вроде бы и не заметил, что имеет место узурпирование власти. В том, что любопытный юноша был чародеем, который вызвался перейти на сторону Альфара, Род не сомневался. Наверняка юнец страдал комплексом неполноценности и паранойей, вполне естественными для амбициозного человека, которого с раннего детства все сторонились из-за его сверхъестественных способностей. Род мысленно содрогнулся: на месте Альфара он бы не смог спокойно спать, зная, что его подручный с радостью раскроил бы его на кусочки и занял бы его место.

Пока Род совсем не был уверен в том, что Альфар либо на редкость могущественный пожилой эспер, либо окружен верными и преданными приспешниками, либо и то и другое.

При всем том вероятность того, что телепаты осуществляли постоянный мониторинг княжества, была слишком высока, и рисковать не стоило. Его запросто могли «засечь» в тот миг, когда он позволил бы себе расслабиться. Следовало принять еще более суровые меры ментальной предосторожности.

Поэтому он постарался постепенно свести на нет раздражение и злобу, охватившие его после перепалки на границе. Род начал успокаиваться — то есть не Род, конечно, а «старина Оуэн». «Какое мне дело до того, что мне наговорил этот желторотый нахалюга? Я — в княжестве Романова, и я смогу продать мои овощи подороже! Вот только долгий же выдался денек!» Он встал до зари — Оуэн всегда поднимался до света, — но дорога оказалась куда более утомительной, чем работа на поле. Его веки слипались. Как славно было бы немного вздремнуть — ну, совсем немножечко! Хотя бы полчасика! Он уже начал клевать носом. Опасно было править конем, когда так сильно хотелось спать. Нет, уж лучше поспать.

Род свернул с дороги, остановил коня, обмотал вожжи вокруг перекладкины на передке повозки и удобно устроился между корзин с овощами. Доски оказались ненамного жестче, чем его лежанка дома.

Он закрыл глаза, старательно изобразил дремоту, погружение в глубокий сон...

— Род.

Род рывком сел. Часто моргая, он пытался стряхнуть дремоту, которая получилась вполне натуральной.

— А? Что? Что такое?

— Ты собрался поспать, Род?

— Кто, я? Что за чушь? — фыркнул Род. — Просто хорошо притворился. Ну... может быть, я немного увлекся...

— Как пожелаешь, Род.

Векс мирно пасся, пощипывал придорожную траву. Род дал себе мысленное задание: не забыть очистить роботское ведро для отходов. Сейчас натуральность поведения Векса была не менее важна, чем натуральность поведения самого Рода.

Надо было продолжать спектакль. Род прижался спиной к мешку с отрубями, снова закрыл глаза. Дремота опять завладела им. Лишь на поверхности сознания поблескивали воспоминания «Оуэна» о том, как прошел для него этот день.

А на самом деле Род пытался вспомнить свои ощущения в то время, когда он впервые оказался в Грамерае.

Он вспомнил о том, какой шок пережил, узнав о том, что кто-то читает его мысли. Он смотрел на одну из молоденьких волшебниц с восхищением и размышлял о красоте ее форм, когда она вдруг ахнула, обернулась и одарила его возмущенным взглядом. Род не забыл, как он тогда смутился, как ему стало страшно из-за того, что кто-то способен видеть его разум насквозь. Нет, не «кто-то»! Гораздо хуже! Его мысли могли читать все без исключения волшебницы в Грамерае, а их было несколько десятков!

Но к тому времени, когда он встретил Гвен, прошло чуть более недели, а Гвен его мысли прочесть не смогла. Девять лет этот факт омрачал их счастливое во всех отношениях супружество. Конечно, случались ссоры, и, конечно, имело место напряжение, которое всегда бывает, когда двое людей притираются друг к другу. Как славно было бы, если бы Гвен могла читать в сознании Рода любовную поддержку, как она мечтала соединить свой разум с разумом любимого супруга... Именно это осложняло их брак. Гвен старалась скрыть обиду — нет, не на Рода, а на судьбу, а Род еще менее успешно пытался скрывать комплекс неполноценности.

Но потом, когда семейство Гэллоуглассов было обманом перенесено в Тир-Хлис — страну в параллельной вселенной, Род встретил там своего двойника, тамошнего верховного чародея, лорда Керна. Но как ни был лорд Керн похож на Рода внешне, он разительно отличался от него по нескольким параметрам, и, в частности, буйным нравом и могучим магическим даром. Лорд Керн был способен соединить свое сознание с сознанием Рода и дать ему свой дар, так сказать, напрокат. За счет этого проснулись собственные латентные эсперские способности Рода, но, увы, он приобрел «в нагрузку» склонность лорда Керна к вспышкам необузданного гнева. Кроме того, Гвен обрела возможность читать его мысли. Он перестал быть телепатически непроницаемым.

Следовательно, если его сознание было поначалу открытым для телепатов, но ко времени знакомства с Гвен закрылось, то произошло это скорее всего в первое же мгновение паники и замешательства, из-за сильнейшего нежелания выставлять свои мысли напоказ.

Правда, потом, когда возмущение той девушки отхлынуло, вид у нее стал вполне довольный...

Род старался вспомнить, какие именно чувства владели им в те мгновения, и вспомнил: он ощущал себя незащищенным, уязвимым. Это казалось невыносимым, он никак не мог позволить кому-то столько узнать о нем. Ведь они, воспользовавшись этим, могли сделать ему больно. Кроме того, он не мог допустить, чтобы кто-то знал наперед о его замыслах.

Затем ему припомнились другие ощущения... Он словно бы отступал, пятился, втягивался внутрь, вежливо, но решительно закрывал дверь и отгораживался от мира. Он готов был улыбаться и разговаривать со всеми, кто его окружал, но не желал никого допускать к своему внутреннему «я».

Род мысленно содрогнулся и прогнал воспоминания. Странно было представить, как при таком отношении к окружающим его брак продержался первые девять лет. Но с другой стороны, тот, кто знал Гвен, мог бы понять, как и почему. Род надеялся, что станет достоин ее.

Да? И каким же образом он намеревался этого достичь? Уж не превращением ли в рычащего демона всякий раз, когда что-то было ему не по нраву?

«Будь честен сам с собой, — сурово подумал Род. — Если Гвен предпочитает, чтобы мои эмоции и мысли были ей открыты, она должна быть готова смириться со всеми вытекающими отсюда последствиями». А что он мог бы поделаться, если бы, сняв маску, оказался совсем не таким уж славным парнем?

Ну а вот теперь-то уж он был несправедлив к себе. Разве он не был славным парнем? И наверняка был какой-то способ обрести открытость, не уподобляясь то и дело берсеркеру.

Способ должен был существовать, и Род намеревался посвятить его поискам все свои усилия — как только покончит с нынешним грамерайским кризисом.

Род сидел неподвижно. Он вдруг вспомнил о том, что тот метод, который он избрал для самообороны на этот раз, мог и не сработать. Вероятно, ему не удалось добиться телепатической непроницаемости и он оставался уязвимым для телепатов, осуществлявших прочесывание княжества.

Он не шевелился. Он осторожно приоткрыл свое сознание, но при этом закрыл глаза и притворился спящим. Мысли свои он тоже «усыпил», преобразил их в сны, а разум распахнул для поглощения информации.

Он не услышал ни единой мысли.

Род ни за что бы не поверил в то, что на сто миль вокруг нет ни одного мыслящего существа. Отсутствовали не только человеческие мысли. Когда Род вот так настраивался, он всегда ощущал непрерывное бормотание сознаний животных, их несложные, но яркие эмоции — голод, злость, желание. Даже дождевые черви — и те излучали острые, сильные волны удовлетворения, радостно пробираясь сквозь комочки земли.

Но теперь ничего подобного не было. То ли черви зарылись в песок, то ли разум Рода стал бездействовать в обоих направлениях. Он не слышал ничего — ни фонового шума, ни радости парящего над полем жаворонка... Ничего. Ему казалось, будто бы у него отняли некую очень важную составную часть, что он стал меньше и слабее, чем был раньше. После трехлетней практики телепата это ощущалось как тяжелая болезнь.

Но это было необходимо. Будь все иначе, его бы быстро выследили, а потом убили.

Стоило Роду осознать это — и ему сразу стало легче. «Нет, — подумал он, — уж лучше ментальная глухота, чем вечный сон. К тому же «глухота» временная, она пройдет».

Он надеялся на это.

Он встряхнулся и чуть-чуть приоткрыл глаза. На дороге, насколько хватало глаз, не было видно ни души. Но кто-то мог следовать за ним, поэтому Род продолжил старательно играть избранную роль. Он медленно поднялся, проморгался — как бы спросонья, словно не сразу понял, где находится. Потом запрокинул голову — как бы вспомнил, где он, улыбнулся, зевнул и потянулся. Наклонился вперед, упер локти в колени и некоторое время просидел так, озирая окрестности. Наконец «Оуэн» отвязал вожжи от перекладины, расправил плечи, цокнул языком и слегка ударил коня вожжами. Конь поднял голову, оглянулся, удостоверился в том, что его хозяин проснулся, повернул голову и зашагал по траве. Повозка закрипела, застонала и поехала к большой дороге.

Как только деревянные колеса застучали по булыжникам, Род вступил в сражение с охватившим его страхом. Он вдруг испугался того, что после окончания сражения с эсперами-отступниками может остаться ментальным калеккой. Тогда он ни за что не смог бы вновь полностью воссоединиться с семьей.

— Все в порядке, Векс. Я закрыл мое сознание. Теперь весь мир для меня телепатически невидим.

— А ты невидим для мира? — удивленно спросил Векс. — Не перестарался ли ты, Род?

— Может, и перестарался, но в стране враждебных телепатов это было, на мой взгляд, необходимо.

Робот немного помолчал и медленно кивнул:

— Это мудрая мысль, Род. Если бы спросил у меня совета, я бы тебе порекомендовал поступить именно так.

Род почувствовал в этой фразе скрытый упрек.

— Я не мог обратиться к тебе за советом, Векс. Ведь вражеский телепат мог прочесть мои мысли. — После непродолжительной паузы Род добавил: — Это очень страшно, Векс.

— Догадываюсь, Род. Наверное, это непросто — после того, как ты три года был телепатом. Но думаю, Альфар все-таки пострашнее.

— Кто? Он-то? — Род пожал плечами. — Не думаю. Это я в том смысле говорю, что, если случится самое плохое и я не вернусь, в поход выступит Туан.

— Очень мрачный прогноз. А чего же ты боишься, Род?

— Боюсь, что так и останусь запертым внутри себя, — признался Род и зябко поежился. — Боюсь, что так и не сумею снова раскрыть свой разум.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Солнце клонилось к закату впереди, слева от дороги, и заливало и ее, и листву деревьев оранжевым светом. Мир от этого казался немножко лучше, чем был на самом деле, и Род, глядя на него, стал успокаиваться. Эта дорога стала казаться ему волшебной, ведущей посреди деревьев с золочеными листьями к чему-то непредсказуемому, какому-то прекрасному царству.

Но вот из-за поворота послышался испуганный вскрик и тут же — целый хор сердитых голосов. Дубинки ударились о дубинки, дерево сошлось со сталью.

Род очнулся от забытья и насторожился. В следующий миг он прокричал:

— Вперед!

И Векс рванул с места в карьер. Повозка подпрыгивала и скрипела, дыни и кочаны капусты сыпались на дорогу. На повороте повозка накренилась так, что преодолела его на одном колесе. Род увидел пожилого седоватого мужчину, который, размахивая во все стороны куотерстафом, отражал яростные удары троих косматых верзил с бородками пятидневной выдержки. У двоих на головах красовались стальные шлемы, но при этом с палками они управлялись кое-как. Прямо на глазах у Рода мужчина ухитрился треснуть одному из здоровяков дубинкой по макушке. Тот взвыл от боли и зажал голову рукой, но, убедившись в том, что не ранен, взревел и снова бросился в драку. Он так размахнулся своим куотерстафом, что казалось, готов смести все на своем пути.

Но старик успел выставить свою дубинку под таким углом, что это помогло ему закрыться от удара. Но куотерстаф верзины заскользил вдоль гладко обтесанной поверхности дерева прямо к костяшкам пальцев руки странника. Однако тот еще сильнее надавил на свою дубинку, крутанулся на месте — и куотерстаф верзины упал на землю. В следующий миг странник проворно развернулся и защитился от короткого, предательского удара второго хулигана.

Рода охватило возмущение. Он терпеть не мог несправедливости.

— Кто бы это ни был, он достоин того, чтобы ему помогли! — выкрикнул Род. — Нельзя позволить, чтобы он погиб только из-за того, что он один, а их — трое!

Векс поскакал со скоростью, недоступной для обычной лошади.

Из подлеска показалось несколько конных солдат.

Род щелкнул вожжами. Нет, не потому, что Векс нуждался в попукивании — просто это помогло Роду немного сбросить злость.

— Давай, Векс! У нас гости! Может быть, будет лучше бросить этого путника на произвол судьбы.

Капрал, командир небольшого отряда заметил потасовку, указал своим подчиненным в ту сторону, прокричал приказ и, пришпорив лошадь, пустил ее галопом. Солдаты ответили ему боевым кличем и также пришпорили своих коней.

Трое верзил производили слишком много шума. Конский топот они слышали только тогда, когда солдаты подъехали к ним на тридцать футов. Один из разбойников обернулся и закричал. Двое других тоже оглянулись, на миг остолбенели, развернулись и опрометью бросились в кусты.

Капрал остановил лошадь прямо рядом с пожилым странником.

— Благодарствую, ваше благородие, — с поклоном проговорил странник. — Они бы меня до нитки раздели и бросили на съедение волкам!

— А как же! Ну а мы же такого допустить никак не можем — верно я говорю? — Капрал подмигнул своим молодцам, те ответили ему одобрительным ревом. — Все, что несут стран-

нички, принадлежит нам. — Он склонился в седле и протянул руку. — Твой кошелек, смерд!

Странник в ужасе смотрел на него пару мгновений, а потом вздохнул и, отвязав от пояса кошель, положил его на ладонь капрала:

— Что ж, забирайте. Уж конечно, я вам кое-что должен за спасение.

— Да ну? — Капрал ухмыльнулся и развязал кошель. Довольная ухмылка, правда, тут же растаяла, когда он заглянул внутрь. — Эй! — возмущенно вскричал он. — Это еще что за шуточки!

— Почему шуточки? — пожал плечами странник. — Там все, что у меня есть — немного монет.

— Немного — это точно, — кивнул капрал, перевернул кошель, и на его ладонь легли пять медяков. Он проворчал и швырнул их в дорожную пыль. — Только не ври! Никто не отправляется в путь хотя бы без нескольких шиллингов на черный день.

Странник покачал головой:

— У меня больше ничего не было, а дочь моя вот-вот должна родить первенца. Я должен успеть к ней, ей понадобится моя помощь.

— Еще как понадобится, — прорычал капрал и дал приказ солдатам: — Разденьте его и обыщите одежду. Мы найдем шиллинги, даже если он их проглотил!

Странник в страхе отшатнулся. Солдаты, злорадно хохоча, обступили его. Но вот взгляд его наполнился решимостью, и он поднял свою дубинку.

— Взять его! — крикнул капрал.

— Думаю, произвола судьбы вполне достаточно, — скрипнул зубами Род. Его гневу уже не было предела. — Давай, Векс! Огромный черный жеребец еще быстрее понесся вперед.

Один из солдат замахнулся на странника пикой, но тот стукнул по рукоятке пики дубинкой. Рука солдата дрогнула, и пика ударила по шиту другого воина.

— Ага, ты так? — взревел тот и замахнулся топориком.

— Нет, нет! — в отвращении выкрикнул капрал. — Стоит ли оружие марать из-за какого-то...

Но тут у него кровь в жилах похолодела от ужаса. Послышался яростный рев. Глаза у капрала выпучились: вокруг его шеи захлестнулся кнут Рода. Поравнявшись с лошадью капрала, Род откинулся назад, и капрал выпал из седла. Векс при этом ударил боком лошадь одного из солдат. Тот в страхе закричал, его лошадь сорвалась с места и поскакала прочь. Векс налетел на другую лошадь и потянулся стальными зубами к ее всаднику. Род проворно наклонился, нащупал дубинку, спрятанную между мешков с зерном, схватил и врезал ею сплеча по шлему третьего солдата, сопроводив удар яростным воплем. Шлем зазвенел, словно сельский колокол в день церковного праздника, и солдат рухнул наземь. Его шлем откатился в сторону. Векс потряхнул головой — и второй всадник, вылетев из седла, ударился о дерево. Когда Род обернулся, на землю как раз упал четвертый солдат. Немолодой странник поднял и опустил дубинку с глухим стуком. Род вздрогнул. Гнев угас столь же внезапно, как вспыхнул, и сменился тоской и угрызениями совести. Род обвел взглядом поле боя, стараясь избавиться от чувства вины. Он был прав, проклятие! К тому же все солдаты были живы...

Но тут Род оглянулся и увидел, что незнакомец смотрит на него, тяжело дыша, и уже приготовил свою дубинку для обороны.

Род бросил вожжи и поднял руки вверх:

— Не бойся, дед! Я хочу только помочь тебе!

Руки странника дрожали от усталости и напряжения. Наконец он все же решился опустить дубинку:

— Ну, спасибо, коли так, только я пока еще не дед,

— Ну, так скоро станешь дедом, — устало улыбнулся Род. — Извини, подслушал.

— Да я не против. Я тебе так благодарен. — Странник оперся на дубинку и протянул Роду правую руку. — Меня звать Саймон, я из деревни Верскло.

— А меня... — Род склонился и пожал руку Саймона. Он отчаянно пытался вспомнить имя, избранное для роли «старого крестьянина». — Зови меня Оуэном. Я — Оуэн. Из Армана.

— Оуэн из Армана? — Саймон удивленно вздернул брови. — Не слышал про такую деревню.

— Это далеко отсюда. На юге.

«Не так уж я погрешил против правды, — подумал Род. — Ведь это действительно на юге Галактики».

— Спасибо тебе за выручку, Оуэн из Армана, — тепло и крепко пожав руку Рода, проговорил Саймон. — Если бы не ты...

Он вдруг умолк и вытаращил глаза.

Род сдвинул брови.

Саймон резко вскинул голову и покачал ею:

— Ой, прости. Задумался вдруг. Если бы не ты, так эти разбойники в военной форме ограбили бы меня, догола бы раздели, а уж как не нашли бы никаких шиллингов...

Род поджал губы.

— То схватили бы ножи, — закончил он за старика, — и принялись бы искать карманы под твоей кожей.

— Так и было бы, — кивнул Саймон, обернулся и посмотрел на лежавших на земле солдат. — Но только они сами ни в чем не повинны. Они злыми чарами околдованы. Надо бы поглядеть, как они...

С этими словами старик опустил на колени около капрала. Род не спускал с него изумленного взгляда. Саймон слишком резко прервал разговор — явно хотел сменить тему. Что же он такого заметил в Роде, что его смутило?

— Странная, однако, перед нами жертва нападения, — еле слышно пробормотал Род.

— Очень странная, — согласился Векс. — Судя по его речи и поведению, он слишком умен и силен для обычного странника.

Род медленно поднял голову:

— Интересное замечание... Ладно. Надо бы помочь ему.

Он обмотал вожжи вокруг оглобли и прыгнул на землю.

Саймон стоял на коленях около капрала. В одной руке он сжимал дубинку, а вторую положил на плечо раненого и смотрел в его лицо, склонив голову набок — словно бы прислушивался к чему-то. Род хотел было кое о чем спросить Саймона, но заметил, каким отсутствующим стал его взгляд, и счел за лучшее промолчать. Слишком часто Род видел такой же взгляд у Гвен и не мог ошибиться — тем более что время от времени замечал, как становились такими же отрешенными глаза его

детей. Что именно происходило — этого Род не знал, но происходило нечто из области псионики.

Глаза капрала открылись. Он заморгал, скривился от боли, с трудом сел, стал потирать шею.

— Что ты... — Глаза его тут же округлились от ужаса. — Нет, что я... Что я сделал тебе, старик?

Род облегченно вздохнул. К капралу вернулось его собственное сознание, а вместе с ним — совесть.

Капрал задумался, пытаясь что-то припомнить.

— Я... о господи... я унижал... издевался... я убивал! О, сколько несчастных... — Он зажмурился, лицо его исказила гримаса боли. — Вот эти руки закалывали намертво крестьян-беженцев, а потом забирали их жалкие монеты! Я видел это! Я ругал, проклинал крестьян на чем свет стоит, я гнал их сыновей на службу в войске колдуна! Я...

— Ничего этого не было, — проговорил Саймон твердо, но беззлобно. — Перестань убиваться, служивый. Все, что ты совершил, ты совершил под действием злых чар. Покуда твой ум спал колдовским сном, твое тело двигалось по чужим приказам, по приказам злобного колдуна. Что бы ты ни помнил о деяниях рук своих, о звуке голоса своего, все это делал и говорил не ты, а Альфар.

Капрал с надеждой воззрился на старика.

Род постарался сохранить бесстрастное выражение лица. Интересно. Это было очень интересно — то, что Саймон знал о природе действия гипнотических чар. Что было еще более интересно — то, что он был способен эти чары снимать.

Это, естественно, означало, что он — телепат. А это, в свою очередь, объясняло то, почему он так изумился и даже немного испугался, попытавшись заглянуть в разум Рода. Род его очень хорошо понимал: ему и самому случалось испытать нечто подобное.

Кроме того, возникал законный вопрос: каким образом Саймону удалось избежать сетей Альфара. А может быть, колдун просто-напросто не препятствовал тому, чтобы чародеи и ведьмы разгуливали по княжеству даже в том случае, если они не состояли у него на службе? Почему-то в этом Род сильно сомневался.

Капрал в отчаянии посмотрел на Саймона:

— Что за чепуха такая? Кто это мог меня околдовать? Что за чары такие?

— Этого я не знаю, — ответил Саймон. — Меня там не было. Ты сам постарайся вспомнить. Это наверняка случилось вскоре после битвы, когда тебя взяли в плен.

Капрал широко открыл глаза и отвернулся, но смотрел он не на дорогу и не на деревню.

— Ну да, битва... Наш храбрый князь повел нас в бой против войска колдуна. Вражеские воины вели себя непонятно. Они шли на нас, опустив пики, и смотрели в одну точку, не моргая. Жутковато было смотреть — пики они держали неподвижно, шагали в ногу. И наш князь крикнул: «Да они — куклы! Они способны делать только то, что им велит их хозяин, когда дергает за ниточки! Вперед, мои отважные воины! Не сможет же этот кукловод управлять тысячей схваток сразу!» А потом князь опустил копье и поскакал на врагов. Мы издали боевой клич и бросились за ним. И все было так, как он сказал: нам нужно было только уворачиваться от пик. Державшие их воины пробовали настигать нас, но мы двигались быстрее и легко наносили им удары. Вскоре войско колдуна начало сдавать свои позиции.

И тут с неба с жутким воплем обрушилось какое-то гигантское страшилище. Полотнища огня охватили наши ряды, мы в страхе вскричали и отступили, а воины колдуна стали нас преследовать.

А потом вдруг один солдат, что был впереди меня, вдруг развернулся и странно так на меня глядит — остекленели глаза у него. «Развернись, парень! — крикнул я ему и уколол пикой врага, который иначе прикончил бы этого солдата. — Развернись и сражайся за князя!» А он мне отвечает: «Не буду! Что хорошего нам сделал князь? Он только много отбирал у нас, а давал слишком мало! Теперь я буду сражаться за колдуна!» С этими словами он поднял пику и пошел на меня. Пикой-то я отбил, но повсюду вокруг меня воины князя, шедшие в бой в первых рядах, стали разворачиваться и нападать на своих соратников! Через мгновение мне пришлось обороняться, и от кого — от тех, кто носил такую же форму, как та, что была на

мне! Далеко впереди я разглядел князя — верхом на своем могучем боевом коне он отбивался от пик окруживших его солдат, солдат его собственного войска! Он развернулся, яростно крича, его меч описал дугу и срезал наконечники пик, как стебли пшеницы. Однако место каждого павшего воина занимали десятеро.

А потом неожиданно в небе над князем появился летучий человек. Он набросил на нашего господина сеть, а потом принялся обматывать его веревкой. Князь гневно кричал, но чародей отлетел в сторону и сорвал князя с коня, и он рухнул вниз, на острия копий. Я вскричал в отчаянии, заработал пикой, стал расшвыривать солдат вокруг меня, но странная тяжесть навалилась на меня. Я боролся с нею, как мог. Слава богу, гнев мой был велик и двигал мною, но все сильнее охватывала меня тяжесть. Руки и ноги наливались свинцом, я уже пику почти не чувствовал. А потом в глазах у меня потемнело — ну как будто я уснул. — Он поднял голову и посмотрел на Саймона. — Больше ничего не помню про эту битву.

Саймон кивнул:

— Быть может, и ты в свою очередь обратился против своих товарищей. И все же ободрись, ибо и они, надо думать, попали под действие злых чар. Что еще тебе вспоминается?

— Еще... — Воин отвернулся, уставился в пространство. — Какие-то обрывки. Помню, что шагал я вроде бы посреди войска и было в том войске не меньше тысячи солдат. По краям шли воины колдуна — по форме видно было, что это они, а мы, одетые в форму княжеского войска, шагали под их охраной. В самой середине ехал князь — без шлема, и голова его была обмотана окровавленной тряпкой, а руки связаны за спиной. — Он зажмурился и помотал головой. — Увы, о мой благородный господин!

— Не горюй так! — не выдержал Род, наклонился и положил руку на плечо капрала. — Он жив.

— Хотелось бы верить! Ох, хоть бы так и было! Но тогда он гневно озирался по сторонам и ругался на чем свет стоит. — Глаза воина сверкнули. — О отважный князь! Чары не опутали его!

— Он человек с сильной волей, — согласился Род. — Что-нибудь еще помнишь?

— Помню... как вернулся домой, — отозвался бывший командир карательного отряда и сжал губы. — Но разве то было возвращение домой? Ведь я видел, как вооруженный отряд отвел милорда князя в его же собственное подземелье. А потом все солдаты, дико вопя, повернулись, чтобы приветствовать колдуна Альфара, который въехал в ворота замка в золоченой карете... и я, я был одним из тех, кто приветствовал его!

— Каков он собой? — требовательно спросил Род.

Капрал покачал головой:

— И не скажешь. Мельком я видел его в окошке кареты. Тощий, с длинной бородой, в бархатной шляпе. Больше ничего сказать не могу.

Саймон кивнул:

— А потом?

— Потом? Потом помню караульную комнату. У тех, на ком пока была форма княжеского войска, оружие отобрали. Мы играли в кости, пили вино, а воины Альфара уводили нас по одному, а возвращались мы уже в новой форме.

Он с отвращением сплюнул.

— Что было с тобой, когда тебя увели? — негромко спросил Род.

Капрал пожал плечами:

— Я пошел с охотой, а почему нет? Думал: колдун мудрый и добрый и никто из его людей меня не обидит! — Он поджал губы и скривился, словно съел что-то горькое. — Уводили меня двое, у обоих — пики, хотя к чему были пики — ума не приложу.

— И куда отвели тебя эти двое?

— В комнату начальника караула. Вот только не он меня там ждал. Я бы вообще не узнал этой комнаты — там было темно и пахло на диво сладко. На столе горела свеча. Меня усадили на стул перед нею. Дверь закрылась. Стало совсем темно, я не мог разглядеть того, кто сидел передо мною. «Спи, — велел он мне, — спи крепко. Ты тяжело сражался и устал, и тебе нужно поспать».

Вот так он говорил — и верно, глаза у меня закрылись, меня объял мрак, стало тепло и уютно. — Солдат, часто моргая, посмотрел на Рода. — Ну а про остальное вы знаете. Толь-

ко что я очнулся от этого сна. И все прочее помнится, словно оно мне приснилось.

— И что тебе снилось? — спросил, сдвинув брови, Род. — Что происходило после гип... после того, как твой разум усыпили?

Капрал пожал плечами:

— Ничего. День-другой мы валяли дурака в караульной, и все разговоры крутились вокруг того, какой, дескать, колдун Альфар великий и могучий и как здорово он будет править княжеством.

А потом вдруг командир прокричал: «По коням!» — и мы похватали оружие. «Крестьяне бегут! — кричал командир. — Они вышли на дороги, идут на юг, изменники, чтобы все рассказать герцогу Тюдору и королю Логиру. Надо остановить их, brave ребята! Хватайте их и либо убивайте на месте, либо отводите домой!» Мы вскочили на коней и погнали их галопом на юг и стали выискивать по дорогам тех бедолаг, что надеялись уйти из княжества. — Он снова зажмурился, закрыл глаза ладонями. — Увы, несчастные люди! В чем была их вина? Лишь в том, что они хотели увести своих жен и детишек подальше от зла и войны? Разве за это можно было их так сурово наказывать? — Он поднял голову, взглянул на Саймона. В его широко открытых глазах появился страх. — И мы нашли их... мы нагнали целое семейство — человек десять, и всех убили — одного за другим. Наши мечи не ведали пощады, и кровь лилась рекой. А когда вокруг лежали только трупы, залитые кровью, мы спешили, распоролы кошель этих несчастных и забрали те жалкие монеты, которые эти бедолаги берегли на черный день, чтобы отвезти свою добычу колдуну Альфару. — Он опять закрыл лицо руками. — О, горе мне! Как же я смогу жить, когда в разуме моем запечатлены такие страшные картины? — Он перевел взгляд на Рода. — Но добыча у нас теперь имеется. Мы сказочно разбогатели! По монетке-другой с каждого крестьянского семейства — и вот теперь у нас тридцать шиллингов! Это ведь полтора фунта! Такое богатство надо вести Альфару... — Он запрокинул голову и провыл: — Будь проклят и он, и все его прихвостни! Будь проклят тот, кто мог сотворить такое со своими согражданами! Будь прокляты ведьмы и чародеи, что

служат этому злодею, да и все прочие в придачу, ибо их сердца полны зла!

— О нет, это не так! — решительно покачал головой Саймон. — Такова лишь горстка мерзавцев, примкнувшая к Альфару! Думаю, потому они способны делать зло своим ближним, что не смогли ни с кем подружиться, и готовы винить весь свет в своем одиночестве. Не сомневаюсь: они уверяют себя в том, что простой народ завидует их колдовскому дару и что именно поэтому люди не желают с ними знаться. Этим они и оправдывают свои злые дела — думают, что им положено править другими.

Род не на шутку удивился. Он никак не ожидал таких философских рассуждений от простого крестьянина.

Не ожидал и капрал. Он смотрел на Саймона широко открытыми глазами:

— Однако ты хорошо знаком с их повадками!

— Знаком, конечно, — поджав губы, отвечал Саймон. — Ведь я и сам чародей. Но! — Он предостерегающе поднял палец, не дав капралу вскрикнуть от ужаса. — Но, как большинство моих собратьев, я научился тому, как скрывать свой дар и ладить с другими людьми. Я женился на простой женщине, и у нас родились дети. Они обладали кое-какими магическими способностями, но мы их научили скрывать это, и они росли в мире и ладу со своими сверстниками. Нам не нужна власть, мы не ищем богатства. Мы уже имеем то, что для нас дороже всего — доброе отношение ближних.

Капрал скривился:

— Если вы так хорошо относитесь к простому народу, почему же вы тогда не можете защитить нас от злобных ведьм и колдунов?

— Почему же не можем? Многие могут, и многие защищают, — возразил Саймон. — Я был знаком с одной старушкой, она была целительницей. У многих она исцелила и тело, и душу. Ведомы мне и чародеи, добрые и ласковые люди, которые были готовы поговорить с теми, чей разум помутился. После таких бесед к людям возвращался здравый смысл. А я сам? — Он пожал плечами. — Я особой силой никогда не отличался. Знаю я чародеев, которые умеют исчезать, а потом появляться за

много миль, в другом месте. Слышал я и про таких, которые умеют другим передавать свои мысли — да-да, кому хочешь, не только другим чародеям и ведьмам. Ну а я... — Он покачал головой и печально улыбнулся. — Я не из таких. Есть у меня кое-какие способности, но слабые. Я не такой, как все, но для других чародеев я, считай, не чародей. Ни рыба, как говорится, ни мясо. Верно, я слышу, о чем думают другие, когда они рядом со мной, — вот и все. Я и не ведал, что умею что-то еще, покуда Альфар не опутал своими чарами парней из нашей деревни. Они побросали мотыги и пошли к его замку — думаю, чтобы наняться в его войско. Я за одним побежал, за руку схватил. «Куда идешь?» — спрашиваю. А он повернулся и кулаком на меня замахнулся и злобно оскалился. Ну а я, — Саймон едва заметно улыбнулся, — кое-что в драке понимаю. Я отразил его удар и сам его стукнул хорошенько — так, что он отлетел и навзничь рухнул на дорогу. Ну а я присел рядом с ним и кричу ему: «Очнись! Неужто ты не видишь, что тебя околдовали?!» Ведь это был сын моих соседей, понимаете? Он с моими детишками вырос. Не мог я стоять в стороне и смотреть на то, как колдун его к себе забирает. Все свои колдовские силы я собрал и попробовал докричаться до его спящего разума, окутанного чарами Альфара.

Капрал смотрел на Саймона широко открытыми глазами:
— И он... очнулся?

Саймон кивнул и закрыл глаза:

— Очнулся. Хвала Небесам, очнулся. Сел, ошарашенно огляделся по сторонам — понять не мог, как он на дороге оказался, в полумиле от дома. Я отвел его к отцу, а потом подумал, что мог бы и для других сделать то, что сделал для него. И когда еще у одного парня из нашей деревни вот так же остекленели глаза и он направился к большой дороге, я пошел за ним, стукнул его хорошенько, а потом пробудил его разум. Когда же чары начали опутывать и умы моих соседей, я стал дожидаться ночи, а потом ходил от дома к дому. Вставал под окнами и все пытался пробудить людей от колдовского сна. К концу ночи я с ног валялся от усталости, но зато наша деревня продержалась — только мы и устояли против злых чар.

А потом, дня два назад, к нам явился чародей — тощий такой, прыщавый малый, и с ним солдаты пришли. Тут уж я ничего поделывать не мог. Увели наших парней, но уж хотя бы родители их поняли, что тех околдовали.

— А чародей тебя не выследил?

Саймон пожал плечами:

— Попытался. Уж конечно, он сообразил, что ежели вся деревня такая, вольнодумная, так наверняка тут проживает ведьма или чародей и чары с людей снимают. Ну, я же вам говорил уже, дар у меня слабенький — я только мысли чужие слышу да способности свои от других прятать могу. Так что старался я совсем не думать ни про колдовские силы, ни про снятие чар. Думал только про то, как мне ненавистно правление Альфара. — Он медленно покачал головой. — Чародей не смог меня найти. У нас в деревне все так думали, как я.

— И это было всего два дня назад? — вскричал капрал.

— Два дня, — подтвердил Саймон.

— Стало быть, ты несколько месяцев кряду защищал умы своих соседей от чар Альфара!

— Точно. И только теперь у Альфара стало столько воинов, что он может рассылать их по мятежным деревням.

— Верно, — кивнул капрал. — Но он держит в плену князя и думает, что бояться ему нечего.

— Само собой. И все же, поверь мне, у меня словно гора с плеч упала, когда тот чародей убрался из нашей деревни. Тогда я подумал о том, что уже слишком долго играю в прятки со смертью, и решил, что дело свое сделал и что жив остался не потому, что так ловок и искусен, а просто потому, что повезло мне. И вправду, дочери моей скоро родить. Вот я и решил поискать лучшей доли и направил стопы свои к югу, в вотчину герцога Тюдора. — Он обернулся к Роду. — И ведь почти добрался дотуда! Всего-то полдня пути осталось, верно?

Род кивнул:

— Вот только застава на границе стоит. Просто так не выбраться.

Саймон хитро улыбнулся:

— Я-то выберусь.

— Ты-то выберешься, — кивнул капрал и окинул Саймона оценивающим взглядом. — Не всякий на тебя напасть решится. Ты мог бы пробраться по лесным тропам, где нет дозорных.

— Это верно. Вот только сдается мне, что не должен я уходить.

— Нет! — Капрал привстал и взволнованно воскликнул: — Уходи! Уходи как можно скорее!

— А ты пойдешь со мной?

Капрал опустил голову:

— Я должен вернуться. Кровь на моих руках, и я должен искупить мои грехи.

— Чушь, чепуха! — вскричал Саймон. — Не ты повинен во всех убийствах, а Альфар! Беги, вступи в войско короля Туана, вернись и отомсти колдуну!

Капрал покачал головой:

— Нет. Слишком долго получится. А вот если... вот если мы снова пойдем на север — я и мои ребята, и вступим в войско колдуна, притворившись, будто мы такие же, какими были прежде, тогда мы сумеем спасти жизнь хоть кому-то из крестьян — ведь нас снова отправят останавливать, грабить и убивать их. А когда придет король Туан, в рядах войска Альфара найдутся те, кто перейдет на его сторону.

— Что ж, это достойно, — задумчиво проговорил Саймон.

— И глупо! — фыркнул Род. — Первый же чародей, вознамерившийся учинить проверку в рядах войска на предмет наличия изменнических настроений, обнаружит вас. Вы добьетесь только того, что вас казнят.

Капрал гневно зыркнул на него, перевел взгляд на Саймона.

— А не мог бы ты обучить нас тому, как прятать наши мысли?

— Я могу сказать тебе, как это делается, — покачал головой Саймон, — но научиться этому нелегко. Нужно все время упражняться и не давать себе отдыха. Это почти невозможно для того, кто в этом деле новичок. Все равно тебя будет легко выследить.

— Но хотя бы пусть у моих ребят появится выбор, — умоляюще проговорил капрал. — Пробуди их так, как пробудил меня, и скажи им то же самое, что мне сказал. Не сомневаюсь,

все они выберут то же самое, что я, и пожелают вернуться на север.

Саймон улыбнулся и пожал плечами:

— Разве могу я отказать тебе? Я умею это делать, и сделаю. И еще вот что я тебе скажу: я пойду за вами и буду вас прикрывать. Отстану от вас на полдня езды на коне.

— Это, — заметил Род, — равноценно самоубийству. Единственное, в чем можно сомневаться, — так это в том, когда именно вас убьют.

Саймон изумленно взглянул на него:

— Но сам-то ты на север едешь!

— Это так, — кивнул Род. — Но я повинуюсь чувству долга. Только не расспрашивайте меня почему. Это значения не имеет.

— Вот и для меня тоже не имеет, — сардонически улыбнулся Саймон и, поднявшись, показался Роду стройнее и выше ростом. — И как только я мог решить спастись бегством? Ведь я своего дела не сделал. Я должен вернуться, пойти на север и попытаться помочь тем несчастным, что живут в колдовском сне.

— Не надо! Не ходи! — встревоженно проговорил капрал. — Ты и так уже сделал все, что мог!

— Спасибо тебе за эти слова, — тепло улыбнулся Саймон. — Но сделал я еще не все. Пойми, это мои сограждане, мои соседи. Они всегда помогали мне во всем, что может стрястись с бедняком — в нужде, в болезни, в горе. А я отвечал им тем же. Такую дружбу не разрывают просто так, и я — единственный, кто сейчас способен помочь моим землякам. Подло я поступил, когда решил бежать.

— Да нет же, — заверил его капрал. — Что толку твоим землякам от того, что ты вернешься? Ну снимешь с них чары — так к вам в деревню снова пожалует чародей. Найдет тебя — и тогда уж все твои соседи так и останутся заколдованными.

Саймон покачал головой:

— Я смогу затаиться, как в прошлый раз. Он не найдет меня. Но больше я не струшу.

— Да пойми ты, — не унимался капрал, — никакой нету подлости в том, что ты испугался, — ведь есть чего бояться! Но если ты пробудишь моих ребят от колдовского сна, мы пойдем с тобой.

— Чтобы всем вам стало еще опаснее? — Род не выдержал и шагнул ближе к капралу и Саймону. — Как думаешь, капрал, выстоите ли вы против двадцати воинов Альфара?

Капрал растерялся, нахмурился.

Род стал развивать свою мысль:

— Подумайте хорошенько, представьте себе эту картину: крестьянин идет на север в сопровождении пятерых вооруженных солдат. Боюсь, что ведьмы и чародей, стоящие в дозоре, такую жирную крысу учуяли бы, даже если бы у них носов не было.

— А ты о другом подумай, почтенный! Они ведь могут сказать, что я их пленник!

Род пытливо глянул на капрала:

— Что скажешь? Есть у тебя приказ брать пленных?

— Нет такого приказа, — признался капрал. — Велено было только грабить и убивать.

— Так что будете вы торчать словно последний стог посреди скошенного поля, — заключил Род и покачал головой. — Не дурак он, Альфар этот, верно? Скотина редкостная, но не дурак.

— Да нет же, он просто злодей, — возразил капрал.

— Верно, но нельзя же сражаться со злом, выйдя в одиночку против целого войска!

Саймон печально кивнул, не спуская глаз с капрала:

— Все так и есть, служивый. Тебе и твоим людям лучше бы идти на юг.

Капрал скрипнул зубами и помотал головой:

— Ни за что. И ребята мои, я так думаю, откажутся.

— Ну, уж если ты так твердо решил возвращаться, — вздохнул Род, — то советую вам продать свою жизнь подороже. Порой и горстка людей способна наделать немало вреда.

— Правда? — Капрал умоляюще посмотрел на него. — Это как?

— Вы можете стать партизанами, — объяснил Род. — Это означает, что вы будете вести свою собственную, маленькую войну с Альфаром. С виду будете продолжать играть роль его верных слуг, но при первой возможности превращаться в благородных разбойников.

Сержант скривился и в отчаянии отвел глаза:

— Что толку? Что может горстка разбойников против целого войска?

— Очень многое, если верно выбрать цели. К примеру, можно прокрасться в арсенал и утащить оттуда все стрелы для арбалетов, а можно и переломать их...

Капрал поднял голову, глаза его сверкнули.

— А ведь верно... Ведь тогда войско Альфара не сможет хорошо драться, правда?

— Да, их боеспособность снизится, — согласился Род. — Но остаются еще копья, пики и мечи. Такое оружие повредить труднее. Я подумал еще вот о чем: вы могли бы пробраться на кухню и насыпать в еду побольше соли.

Капрал медленно ухмыльнулся.

— Все пойдет намного лучше, если вы объединитесь с другими отрядами, с которых также будут сняты чары, — заметил Род.

Капрал вытаращил глаза:

— А-а-а... будут и другие?

— Будут, — сверкнув глазами, уверенно проговорил Саймон.

Род взглянул на него, с трудом сдерживая улыбку, и перевел взгляд на капрала.

— Будут непременно. Тут... одна южная волшебница вчера... сняла чары еще с одного отряда. Они тоже ушли на север.

— Союзники! — радостно воскликнул капрал, но тут же в сомнении сдвинул брови. — Вот только как же мы их признаем, а? Не станем же мы спрашивать у каждого солдата в войске Альфара: «Не из тех ли ты, с кого сняты чары?»

— Само собой, не станете, — кивнул Род. — Но с этих пор всем отрядам, которые Саймон освободит от чар, можно давать тайные названия. Их можно без опаски произносить вслух, но узнавать их будут только те, с кого сняты чары. Ну, к примеру, ваш отряд можно назвать... «Вальтасар». — Род посмотрел на Саймона. — А следующие пару отрядов — «Мельхиор» и «Каспер».

— Это зачем? — нахмурился капрал.

— Ну вот представь: приходит к тебе солдат и говорит, что у него весточка для тебя от капрала «Мельхиора». Ты и от него вести примешь, и ему передашь, потому что будешь знать, что он

с тобой заодно. Но встречаться вам не стоит, и уж тем более — объединяться. Тогда вас легче будет выследить.

— А зачем же тогда вестями обмениваться?

— Затем, что вы сможете договориться между собой и одновременно нанести удар по одной и той же цели. Ну, к примеру, совершить набег на какой-нибудь замок и захватить его. Ну и конечно же, когда войско короля Туана пойдет на север, вы все сможете встретиться в тылу войска Альфара и напасть на него, когда король даст ему сражение.

— Так он придет? — просияв, спросил капрал.

— Придет непременно, — ответил Род с гораздо большей уверенностью, нежели та, которую он испытывал на самом деле. — Вчера весть для него была отправлена на юг.

Саймон и капрал, не мигая, смотрели на него.

С упавшим сердцем Род осознал, что проговорился.

— Я случайно подслушал, так получилось, — соврал он.

— Еще бы такое не подслушать, — пробормотал Саймон. — Вот только сдается мне, что ты вовсе не простой крестьянин, коим представляешься.

— И мне тоже так кажется, — подхватил капрал. — Ты — человек военный, это сразу видно. Какого ты звания? Где твой гарнизон стоит?

— На Проксиме Центавра, — не моргнув глазом ответил Род. — Что же до моего звания... Поверьте на слово: я знаю, о чем говорю. А зовут меня... Зовите меня Керном.

Сказал — и тут же понял, что выбрал имя на редкость неправильно. «Если люди станут называть тебя Керном, — забормotal внутренний голос, — ты забудешь о том, кто ты такой на самом деле. Начнешь думать, что ты — Керн, и его личность поглотит твою собственную». — «Ерунда, — ответило внутреннему голосу «эго» Рода. — Воля Керна не в силах переместиться в этот мир. А имя — это всего лишь слово, а не угроза для личности».

В конце концов внутренний голос и «эго» договорились между собой и решили пойти на компромисс.

Род сглотнул подступивший к горлу ком.

— Меня зовут Керн, — повторил он. — И хватит с вас. Запомни мое имя, служивый.

— Запомнить — это можно. Только почему бы не поинтересоваться, кто же это взялся мной командовать?

— Не командовать, — покачал головой Род. — Просто я даю тебе советы. На север-то сам податься решил. Если бы дело до приказов дошло, то я бы тебе приказал на юг идти.

— Не надо, — поспешно проговорил капрал. — А за советы спасибо.

— Не за что. Но учти, если случится самое плохое... если ты попадешь в плен...

— Я тебя не выдам, — решительно заверил его капрал, — пусть хоть каленым железом пытаются, пусть гвозди под ногти загоняют. Ни словечка не скажу.

— И не придется, — печально усмехнулся Род. — Им достаточно будет прочесть твои мысли. Можно все вытерпеть, не произнести ни слова, но нельзя же перестать думать.

Капрал явно засомневался.

Род кивнул:

— Так что лучше не знать более того, что необходимо, вот и все. Но все-таки — на всякий случай... Вдруг нам все же удастся чего-то добиться...

— Да!

— Имей в виду: если кто-то к тебе придет и скажет, что Керн велит атаковать такое-то место в такое-то время, то ты поймешь, что делать.

Капрал понимающе улыбнулся и расправил плечи:

— Как не понять? И клянусь, все сделаю, как ты скажешь.

— Молодчина! — Род хлопнул капрала по плечу. — А теперь пора бы пробудить твоих товарищей. — Он обратился к Саймону: — Не возражаете, мастер Саймон? Чем скорее мы разойдемся в разные стороны, тем лучше.

Саймон кивнул, улыбнулся и поспешил к лежащим без чувств солдатам.

— Отличная работа, — послышался за ухом у Рода голос Векса. — Ты делаешь большие успехи в роли подстрекателя, Род.

— Ты же знаешь, первый кирпич я всегда кладу удачно, — пробормотал в ответ Род. — Беда в том, что на этот раз надо возвести стену целиком.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

В вышине, расправив крылья, в восходящем потоке воздуха парила скопа. Род глянул на нее, сдвинув брови, и задумался — уж не зеленые ли у нее, часом, глаза, как у Гвен?

— Саймон, далеко ли до побережья?

— С день будет, если на лошади, — ответил Саймон и проследил за взглядом Рода. — А-а-а, вон оно что! Это же ястреб-рыболов, да?

— Вроде бы да. Но если до океана всего двадцать миль, он, пожалуй, настоящий. — Род обернулся к своему спутнику. — Я думал, ты пахарь. Откуда ты знаешь, как выглядит ястреб-рыболов?

Саймон пожал плечами:

— Я же сказал: до океана недалеко.

Это так и было, и, по идее, волноваться Роду было не о чем. Но на вражеской территории он не мог избавиться от подозрительности. Еще немного — и он начал бы видеть в каждом придорожном валуне преобразившуюся ведьму.

— Кроме того, — добавил Саймон весело, — я и не говорил, что я крестьянин.

Род бросил на него удивленный взгляд.

— Верно, — кивнул он. — Я такого тоже про себя не говорил. Но с другой стороны, чем еще можно заниматься в небольшой деревушке?

— Деревня наша стоит недалеко от Большой Королевской дороги, — объяснил Саймон. — И я содержу постоялый двор.

Род открыл Род, но пару мгновений не мог вымолвить ни слова.

— О, — сказал он затем и медленно кивнул. — Ясно. И там частенько бывают высокородные постояльцы?

— Раза два за месяц бывают. Покуда все было в порядке, то и дело кто-нибудь ездил к милорду князю в замок и от него. Вот я и прислушивался к тому, как господа разговаривают, и старался, елико возможно, их манеру перенимать.

Род подумал о том, что на самом деле Саймон прислушивался, конечно, не только к речи аристократов. Узнай те, что

хозяин постоянного двора читает их мысли, они пришли бы в ярость. Ну, у Саймона наверняка почти не осталось иллюзий насчет особ благородного происхождения.

Но почему же тогда он остался верен князю Романову?

Может быть, потому что альтернатива была намного хуже.

— Вряд ли твои постояльцы выучили тебя читать?

— Нет, не они. Мой отец отправил меня в науку к викарию. Отец владел постоянным двором до меня и знал, как полезно хозяину уметь читать, писать и считать.

Вот оно как вышло. Не желая того, Род столкнулся с одним из местных общественных деятелей.

— Он был образованным человеком, — заметил Род.

— Верно. Ну а ты кто такой?

Сработала ментальная сигнализация. Что делать? Надо было как-то выкручиваться... Да, он позволил себе серьезную оговорку, но может быть, все же Саймон не был настолько внимателен?

— Да кто же еще? Крестьянин. Неужто я так на рыцаря смахиваю? Или на герцога? — Но вот его лицо озарилось хитрой усмешкой, и он покачал указательным пальцем. — Знаю! Ты принял меня за золотых дел мастера!

Саймон удержался от того, чтобы расхохотаться в голос — он лишь негромко рассмеялся и покачал головой:

— Да нет, приятель. Я не про занятие твоё спросил, а про то, кто ты такой. Ты ведь и здесь, и нет тебя.

Род вытарашил глаза, потрясенный до глубины души:

— Как это — нет меня?

— В мыслях, — ответил Саймон и для убедительности постучал пальцем по лбу. — Говорил же я тебе, что умею чужие мысли читать, а вот твоих не слышу.

— О... — Род отвел взгляд, уставился вперед, на дорогу. На самом деле он испытывал необычайное, ни с чем не сравнимое облегчение. — Ну да... Мне такое и раньше говорили... — Он мысленно добавил: «Какое счастье, что это у меня получается».

Саймон, продолжая хмуриться, улыбнулся:

— Понимаешь, дело ведь не только в том, что я твоих мыслей прочесть не могу. Я как бы прислушиваюсь, но не слышу ничего — так, словно тебя вообще нет. Как же такое может быть?

Род пожал плечами:

— Могу только догадаться.

— Ну и какова твоя догадка?

— Те, кто умеет читать мысли, тревожат меня больше, чем здешних крестьян.

Саймон покачал головой:

— Нет, не в этом дело. Знал я таких людей, что до смерти боялись, как бы кто-то не узнал их мыслей, — и наверное, были у них на то причины. Я их стороной обходил, но знаю: ежели бы было у меня такое желание, то и их мысли я бы мог услышать. Уж по крайней мере убедился в том, что мысли у них есть. А вот с тобой — ни то, ни другое не получается. Сдается мне, приятель, что имеется и у тебя самого колдовской дар и способен ты усилием воли заслониться от того, кто хочет твои мысли прочитать.

— Хочешь сказать мне, что я — колдун? — спросил Род, весьма натурально разыграв изумление.

Саймон только печально улыбнулся:

— Еще слабее меня. Мне тебя бояться нечего. Ты ведь мысли чужие читать не умеешь?

— Нет, — ответил Род честно. В принципе сейчас это было правдой.

Саймон улыбнулся:

— Ну, тогда ты и не колдун никакой. А скажи-ка мне, зачем ты на север идешь? Должен же ты понимать, что там опасно.

— Теперь понимаю, после всего, что вы с капралом наговорили. — Род ссутулился. — Что же до опасности — рискну. В Корастешеве я свой урожай дороже продам, чем в герцогстве Тюдорском! Моя семья почти всегда голодает.

— Еще горше твоя семья голодать будет, если ты назад не вернешься. — Саймон заговорил тише, сочувственно: — Уходи назад, друг.

— Что такое? Тебя моя компания не устраивает?

Саймон улыбнулся:

— Да нет, спутник ты хоть куда.

Род решил, что Саймон ему польстил. Но тот не унимался.

— Но ради твоего же блага очень тебе советую, — возвращайся ты на юг. Чародеи, что на службе у Альфара, не пожалуют человека, чьих мыслей они не смогут прочесть.

— Чародеи и смотреть не станут на какого-то крестьянина, что на рынок едет.

Роду хотелось верить, что все выйдет именно так.

— Не может быть, чтобы цены на рынке в нашем княжестве были так уж лучше, чем у вас в герцогстве, — сказал Саймон, не спуская с Рода пристального взгляда. Казалось, этот взгляд был способен прожечь сетчатку и добраться до самого мозга. — Больше тебе нечего мне сказать?

— Есть, — неохотно отозвался Род, — но не скажу.

Саймон еще целую минуту молча смотрел на него, потом вздохнул и отвел глаза:

— Что ж, это твоя доля, тебе и выбирать. Только не забывай, друг: от тебя зависят твоя жена и детишки.

Об этом Род забывать не собирался. На краткое, болезненное мгновение он ясно увидел Гвен и детей, ожидающих его и неделями не имеющих от него вестей. Но эту мысль он безжалостно отбросил прочь и постарался представить себе лица детей, их глаза, глядящие на него — вернувшегося домой ради того, чтобы сбересть свою шкуру.

— У тебя есть долг перед жителями своей деревни, Саймон. У меня тоже есть долг.

— Перед кем же? Перед жителями твоего городка?

— Ну, перед народом моим хотя бы. — Говоря так, Род имел в виду весь Грамерай, не говоря уже о Децентрализованном Демократическом Трибунале. — А когда есть такой долг, то не станешь от него отмахиваться только из-за того, что стало опасно.

— Это верно, — сдвинув брови, кивнул Саймон. — Я и сам это не так давно понял.

Род, нахмурившись, повернул голову к своему спутнику:

— Но ведь ты уже многое сделал, ты уже рисковал. Никто бы не назвал тебя трусом из-за того, что ты решил уйти на юг!

— Я бы назвал, — бесхитростно проговорил Саймон.

Род пару мгновений смотрел ему прямо в глаза, а потом со вздохом отвернулся.

— Ну, что тут скажешь?

— Да ничего. Скажи своему коняге «н-но!»

— Толку-то, — кисло отозвался Род. — Был бы конь — как конь, а то, считай, пара мулов.

Закат солнца застал их в дороге, по обе стороны от которой тянулись пшеничные поля.

— Нет, — заверил Рода Саймон. — Городка тут поблизости нет.

— Этого я и боялся, — вздохнул Род. — Ну да ладно. Случалось мне и прежде в чистом поле ночь коротать.

С этими словами он съехал с дороги и остановил Векса посреди кустиков и травы, между обочиной и краем поля. Не успел Саймон и рта открыть, как Род уже принялся за приготовление ужина — начал резать овощи и укладывать их в небольшой котелок.

Хозяин постоялого двора, прилегший у костра, озадаченно поглядел на него и поинтересовался:

— Ты что же, всегда котелок с собой берешь?

— Да был я лудильщиком когда-то, вот и привык.

Саймон улыбнулся, покачал головой:

— Выходит, тебе такие странствия не в новинку.

— Мы квиты, — буркнул Род. — Сдается мне, что и ты не в первый раз с людей злые чары снимал.

Саймон на миг замер. Глаза его засверкали.

— Еще бы чуть-чуть — и я бы поверил, что ты умеешь читать мысли.

— Умел бы, так чтобы твои понять, мне бы толмач поладился. Ну и когда же ты занялся снятием чар?

Саймон сел, обвил колени руками.

— Жители деревни частенько заглядывали ко мне выпить пивка — порой я с ними пивом расплачивался за провизию, что они мне приносили. Бывало, что зайдет кто-то, у кого на сердце тяжело, мысли в смятении — зайдет, чтобы выпить да помолчать. Наверное, такие люди надеются, что выпьют пивка — да и успокоятся.

Род кивнул:

— И ведь что удивительно — почти все пробуют таким способом избавиться от бед. Хоть и не помогает никогда.

— Не помогает, это ты верно заметил. А вот если с кем поделишься бедой своей, так на сердце легче станет. Мне многие про свои беды рассказывали, а я слушал и утешал их, как мог. Но вот как-то раз пожаловал ко мне один, и показался он мне похожим на плохо сложенную стенку посреди зимы — ну, того и гляди потрескается, как только морозец ударит. Он молчал — слова из него было не выдавить — и только прихлебывал из кружки. А от мыслей у него такая боль исходила, и словами не передать. И захоти я — я бы не смог свой разум закрыть от этих мыслей. И все мне почему-то петля мерещилась...

Род резко взглянул на Саймона.

— Этот парень собрался свести счеты с жизнью?

— Да. Только это не парень был — уж за тридцать ему было. Нам ведь худо особо бывает тогда, когда к одному привыкнешь — а его уж нет, и другая жизнь начинается. Ну а у него уж все дети взрослые стали.

Эта проблема Роду была непонятна — но его женой была Гвен.

— Ну а ты тут что мог поделаться?

— Я ему еще кружку налил, и себе тоже, и подсел к нему. Заговорили о том о сем — вернее, говорил я, а он больше помалкивал. А я говорил и к мыслям его приглядывался — что там и как. И в конце концов увидел, откуда у него боль и стыд, а потом вслух спросил у него кое о чем, чтобы он сам выговорился. Говорить-то ему нелегко было — ну а я ему помогал, как мог, и он наконец решился. Мне-то это только за тем было нужно, чтобы он заговорил со мной о своих потаенных страхах и чтобы я ему потом сказал, что бояться ему на самом-то деле нечего. И понял я тогда, что как только он сказал о своих страхах вслух, так они сразу же наполовину перестали над ним владствовать. А потом я смог задать ему такой вопрос, что он, ответив на него, смог бы найти внутри себя силу, способную победить любые страхи. Словом, когда мы наш разговор закончили, он порядком подуспокоился.

— Ты ему жизнь спас, — заметил Род.

Саймон польщенно улыбнулся:

— Может, и так. С тех пор и стал я вот так помогать беднякам, что ко мне в кабачок заглядывали. И даже тех находил, что не заходили ко мне.

— А между прочим, это опасно, — заметил Род. — При том, скольких людей ты, можно сказать, из петли вынул, твои соседи запросто могли счесть тебя колдуном. Тем более что всем этим ты занимался под боком у приходского священника.

Саймон покачал головой:

— А кто про это знал? Даже те не знали, кому я помогал. Ведь им даже советов не давал, и уж тем более не изгонял из них злых духов. И потом — мы же в деревеньке живем. Все друг с другом знакомы, так что же удивительного в том, что с кем-то повстречаешься да перекинешься словом? Правда, вскоре все-таки пошли разговоры про то, что тем, у кого на душе нелегко, всегда найдется приют у меня в кабачке.

— А уж это — явная узурпация прав приходского священника, — еле слышно пробормотал Род. — Но ведь ты нагружал себя чужой тоской, чужим горем.

Саймон раздраженно пожал плечами:

— То были мои земляки, Оуэн. Да и не были, а есть. И потом, не более троих за год я вот так исцелял.

Рода это заявление не слишком убедило.

Саймон перевел взгляд на костер.

— Ну а потом как-то раз с Томом Шеппердом удар случился — так все подумали, что то удар был. Его братья привели его ко мне в пивную. Вернее говоря — принесли: он уж и на ногах стоять не мог. — Саймон покачал головой. — Это был мой старый друг, сосед.

— И что же с ним стряслось?

Саймон медленно повел головой из стороны в сторону:

— Взгляд у него остановился, сам он не мог ни рукой, ни ногой пошевелить. Только сидел как пень и молчал. Я сел рядом с ним, поглядел ему в глаза, стал расспрашивать — он молчит. А я все старался хоть какую-то мысль его услышать...

— Если у него и вправду удар приключился, — заметил Род, — то мысли услышать было бы затруднительно.

— Нет, одна была — но только одна. Она наполняла его разум целиком, она лежала на его сердце подобно могильной плите.

— Что, и этот думал покончить с собой?

Саймон покачал головой:

— Нет. То не было желание умереть, понимаешь... То была уверенность в том, что он непременно умрет. Он уже и в те самые мгновения умирал — но медленно.

Род замер.

— Я все силы вложил, чтобы прогнать эту мысль. Но вслух я мог только задавать ему вопросы, чтобы он вспоминал про то, ради чего стоит жить, — про жену, про детей, про добрых соседей. Но ничего не помогало. — Он покачал головой. — Можно было подумать, будто он меня не слышит. Он словно весь был наполнен звоном погребального колокола. — Саймон вздохнул. — В конце концов я сказал его братьям, чтобы они отвели его к священнику, но наш святой отец преуспел не более меня. — Он пожал плечами. — Я не смог вложить в разум Тома мысль о борьбе с этим пакостным наваждением. Не умею я такого делать.

Род понимающе кивнул. Саймон был только телепатом, а не гипнотизером.

Саймон поднял с земли палочку, поворошил угли в костре.

— Потом он умер. Он не ел, не пил, он высох, как листок к ноябрю. У меня сердце за него болело, и все голову ломал: откуда же взялась эта лихоманка? Ведь он был таким веселым малым! И решил я, что кто-то его околдовал, но никак не мог представить, кто же мог на Тома обозлиться, чтобы так его наказать.

Потом я стал время от времени ходить по округе и в конце концов наткнулся на такое же наваждение. Вот только на этот раз не один разум был им опутан, а десятка два. Я в деревню одну зашел, а там половина людей околдована. Правда, они ходили и разговаривали, как все, вот только мысль у них на уме была лишь одна.

— Смерть? — осторожно спросил Род, чувствуя, как волосы у него на затылке встают дыбом.

— Нет, — покачал головой Саймон. — Прославление Альфара.

— О-о-ох, — простонал Род. — Приспешники колдуна взялись за работу.

— Верно. Я понял это и вернулся поскорее в свою деревню. А когда заговаривал с одним, с другим, стал потихоньку кое о

чем расспрашивать, и мало-помалу понял, что же с Томом Шеппердом приключилось. Он в поле работал и наткнулся на чародея, который велел ему поклониться Альфару. Том плюнул чародею под ноги и заявил, что Альфар этот — просто-напросто разбойник и что ему бы надо присягнуть на верность князю Романову. Тогда чародей велел ему присягнуть на верность Альфару, а не то его ожидает смерть. Но Том рассмеялся чародею в лицо и сказал — пусть тот только попробует его хоть пальцем тронуть.

— И тот тронул?

— Ну да, и еще как! Узнав об этом, я снова пошел в ту деревню, где у половины жителей на уме была одна и та же мысль, да и та принадлежала Альфару. На этот раз только десятеро из ста тамошних жителей думали по-своему, да и они мучились страхами. С некоторыми из них я поговорил, а из их мыслей узнал о том, что кое-кому из их деревни тоже довелось поругаться с чародеями и они умерли точно так же, как умер Том Шепперд. Прямо у меня на глазах один мужчина не выдержал бремени навалившегося на него страха и безмолвно поклялся в верности Альфару. — Саймон поежился. — Поверь, я постарался уйти из этой деревни как можно скорее.

Саймон посмотрел Роду прямо в глаза. Казалось, его взгляд может добраться до самого мозга.

— Я не могу сидеть сложа руки и смотреть, как творятся такие страшные вещи. — Он медленно покачал головой. — Как только я мог струсить и уйти...

— Не мог, — кивнул Род. — Конечно, не мог. Ушел бы — перестал бы быть тем, кто ты есть.

Саймон нахмурился:

— Это ты, конечно, завернул... Но наверное, так и есть.

Несколько минут царил безмолвие. Спутники сидели у костра и смотрели на пламя, и каждый был погружен в собственные мысли. А когда Род повернул голову, оказалось, что Саймон смотрит на него.

— Ну, — сказал хозяин постоялого двора, — теперь твоя очередь, верно?

— Очередь — для чего?

— Для честности. Зачем ты идешь на север?

Род несколько мгновений молча смотрел на Саймона, потом медленно проговорил:

— Да за тем же, за чем и ты на самом деле — или почти за тем же. Я своими глазами поглядел на некоторые деяния Альфара, и мне стало не по себе. Я себя перестану называть мужчиной, если не попытаюсь побороться с этим злом. Уж хотя бы я должен постараться что-то сделать для того, чтобы эта зараза не полезла во все стороны. Либо добьюсь этого, либо погибну.

— Да, ты можешь погибнуть, — выдохнул Саймон. — Но ты опять мне не все сказал, да?

— Не все, но больше ничего не скажу.

Пару мгновений они только смотрели друг на друга. Лезвие взгляда Рода со звоном отскочило от покрытой бархатом стены дружелюбия Саймона. Наконец Саймон кивнул:

— Дело твое, кто спорит. — Сказано это было, похоже, от души. Саймон повернулся к костру и добавил: — Пока ты мой союзник. Мне важно знать одно: что колдун и твой враг тоже.

— Угу. Это знать очень важно. А еще то, что похлебка готова. — Род наклонился над котелком и понюхал ароматный пар. — Недурно для походного варева. Отведаешь?

Саймон завернулся в плащ и улегся спать, а Род пошел почистить Векса. На самом деле эта процедура вовсе не была показной. Шкура у Векса была синтетическая, но и в ней периодически застревали репы и колючки.

— Итак, — глубокомысленно изрек Род, проводя скребницей по боку Векса, — Альфар начал всего-навсего с комплекса неполноценности и обиды на весь свет.

— Обычный параноидальный склад личности, — отметил Векс.

— Ну да, кроме того, что этот параноик — эспер. А потом, по прошествии какого-то времени, он вдруг становится намного могущественнее среднестатистического чародея. — Род посмотрел на Векса. — Может быть, из-за того, что ему удалось уговорить других ведьм и чародеев объединиться с ним?

— Может быть, — довольно скептически отозвался робот. — Но я не могу избавиться от мысли о том, что было что-то еще.

— Вероятно, ты прав... Итак. Альфар неожиданно стал намного сильнее и собрал вокруг себя шайку единомышленников. Потом начал опираться на местное население, как и положено порядочному гангстеру.

— У меня такое впечатление, что начал он все же с запугивания, — заметил Векс.

Рука Рода со скребницей застыла.

— Пожалуй... Даже солдатам, идущим в бой против Альфара, было страшно... — Он пожал плечами. — Трудно сказать. Как бы то ни было, в итоге он подверг массовому гипнозу целые деревни. Хотя... судя по рассказу капрала, гипноз был глубоким и индивидуальным.

— Род, массовое гипнотизирование солдат происходило в разгар сражения, и притом очень быстро. В деревнях, если верить рассказу Саймона, этот процесс шел медленнее — несколько дней, а может, и недель.

— Верно. Значит, все делалось более тщательно. И все же, по всей вероятности, кого-то загипнотизировать легче, а кого-то — труднее. — Он снова бросил взгляд на Векса. — А эсперы, похоже, вообще обладают иммунитетом к гипнозу.

— Да, судя по Саймону, это так и есть.

— Да... — Род задумался, пожал плечами. — Ну, допустим... Ну а когда Альфар упрочил свои силовые позиции, один из местных рыцарей забеспокоился и попытался уничтожить его, пока он не зарвался окончательно. Но к тому времени он уже зарвался окончательно и вдобавок действительно стал слишком силен.

— Верно, — согласился Векс. — Ему уже ничего не стоило одолеть какого-то рыцаря во главе деревенского войска.

Род кивнул:

— А по прошествии некоторого времени, заполучив отряды нескольких рыцарей, он смог легко противостоять войску местного барона. И началась цепная реакция. Барон, потом граф и, наконец, сам князь. Но ведь этим все не закончится, правда?

— Конечно, не закончится, Род. Теперь он владеет всеми ресурсами княжества.

— Вот-вот. Теперь понятно, каков будет его следующий шаг.

— Род, но Гвендилон с детьми уже наверняка передали вести Туану и Катарине. Кроме того, личный рассказ княгини наверняка прозвучал очень убедительно. Не сомневаюсь: Туан уже собирает войско.

— Собирает — вот именно. А на север тронется не раньше чем через неделю, а то и через две.

— Но Альфар наверняка не успеет сплотить своих новобранцев в достаточной мере для того, чтобы они могли противостоять регулярной армии Туана!

— Не думаю, что Альфар вообще станет этим заниматься, — покачал головой Род и взглянул в пластиковые глаза Векса. — Вся княжеская конница и вся княжеская рать не сможет войско Туана подмять.

— Верно, — не стал спорить робот. — Поэтому Альфар нападет на герцога Тюдора.

— Ты действительно считаешь, что он нанесет удар по этому герцогству? Так близко к столице?

— Может быть, он поступит иначе. Вероятно, для начала он нападет на Габсбурга.

— Гениально. Но если он сумеет проглотить Габсбургское графство, ему придется его переварить, а уж потом покушаться на герцогство Тюдорское.

— Сомневаюсь, что он станет задерживаться. Графа он, пожалуй, сможет одолеть быстро, а вот на гипнотизирование захваченных в плен воинов ему понадобится неделя-другая.

— Ну, значит, пока он будет этим заниматься, он параллельно нападет на Туана. Он попытается пройти маршем через герцогство Тюдорское и сразу пойти в атаку на короля. Это означает, что наша задача такова: мы не должны позволить Альфару напасть на очередного барона до того, как Туан даст ему бой.

— Какие методы для достижения этой цели ты предлагаешь, Род?

Род пожал плечами:

— Обычные. Стукнуть и отбежать, время от времени проносить полезные для дела шуточки и распускать столь же полезные слухи. Ничего сверхвыдающегося, но все ради того,

чтобы выбить у Альфара почву из-под ног. Не думаю, чтобы это было особенно сложно. Именно сейчас он должен чувствовать себя не слишком уверенно.

— Согласен. Будучи параноиком, он будет стараться избавиться от кого угодно, кто кажется ему врагом, и только потом станет думать о дальнейших завоеваниях.

— Может быть. Но и законченный параноик способен принять решение атаковать соседнего барона до того, как тот атакует его, поручив при этом поиск внутренних врагов тайной сыскной полиции. — Род в отчаянии сжал кулаки. — Проклятие! Если бы была возможность предсказывать действия конкретного человека!

— Радуйся тому, что это невозможно, — посоветовал ему Векс. — В противном случае ВЕТО и входящие в эту организацию тоталитаристы легко одержали бы победу.

— Справедливо подмечено, — проворчал Род. — Намного более справедливо, чем мне хотелось бы. Ну а как тебе кажется, наши приятели-пролетаристы ко всему, что здесь творится, руку не приложили?

— Должен заметить, что методы Альфара сходны с теми, которыми пользуются они.

— Сходны? Не выдавай желаемое за действительное! Альфар имеет власть, о какой мечтают пролетаристы — массовое дистанционное промывание мозгов! Чего бы за это не отдал любой диктатор средней руки?

— Быть может, душу?

— Шутишь? Тоталитаристы действуют иначе. Все остальные отдают свои души диктатору!

— Звучит неприятно, но, думаю, близко к истине. Однако активностью футурианцев тут, похоже, не пахнет.

— Так же как активностью анархистов и тоталитаристов?

— Определенно, Род.

— Что, даже внезапный скачок могущества Альфара не наводит тебя на такую мысль?

— Его способности вызывают у меня беспокойство, — признался Векс. — Проективный телепат, способный одновременно обработать целый церковный приход... И все же, пожалуй, нет причин верить в то, что за этим стоят тоталитаристы.

— Есть причины, — возразил Род. — Я сужу по тому, о чем мне рассказал Саймон, а его рассказы только подтверждают все, о чем говорила Гвен. Транс, которому подвержены здесь все люди, напрочь обезличен.

— Ты хотел сказать — «почти обезличен», Род? Это состояние мне знакомо.

— Вот-вот. В нем есть что-то механическое, верно?

— Верно. Тем не менее это не может служить неопровержимым доказательством вмешательства футурианцев.

— Не может. Но заставляет задуматься. — Род в последний раз прошелся скребницей по синтетической шкуре своего скакуна. — Ну вот! Чистенький — будто бы только что с конвейера сошел. Не возражаешь, если я тебя привяжу — так, для пушей убедительности?

— Я бы возразил, если бы ты мне не предложил этого. Это крайне необходимо, Род.

— Надо быть начеку, Желязяка, да? — Род взял с повозки моток веревки и привязал один ее конец к уздечке Векса, а другой — к ветке дерева. — Ну а не понравится — всегда можешь порвать эту веревку.

— Надо будет — порву, — заверил его Векс. — Спи, покуда у тебя есть такая возможность. Тебе надо отдохнуть.

— Какой же ты у меня оптимист, — хмыкнул Род, взял с повозки плащ и вернулся к костру. — Что-то нет у меня настроения отрешаться от дневных забот.

— А ты постарайся, — посоветовал робот.

— Если я буду стараться уснуть, у меня ни за что не получится, — отозвался Род, улегся и завернулся в плащ. — Может быть, лучше, наоборот, стараться не спать?

— Если на самом деле хочешь спать, лучше этого не делать, Род. Я мог бы включить негромкую приятную музыку.

— Спасибо, уж лучше я послушаю ночных птиц.

— Как пожелаешь. Доброй ночи, Род.

— Надеюсь, — вздохнул Род. — Тебе того же, Векс.

С этими словами он перекатился поближе к догорающему костру...

...И обнаружил, что Саймон смотрит на него широко открытыми, спокойными и задумчивыми глазами.

— А-а-а... ты не спишь, — вымученно усмехнулся Род. — Гадаешь небось, с чего это я... с конем своим разболтался?

— Да не то чтобы... — уклончиво ответил Саймон. — Но разговор у вас довольно интересный вышел.

— Ну... да. — У Рода противно засосало под ложечкой. — Ну и что, тебе не по себе стало, что я с конем разговариваю?

— Да нет же, говорю тебе, — с некоторым удивлением возразил Саймон. — Это лучше будет, чем с самим собой толковать.

— Это верно...

— И удивительного тут точно ничего нет, — едва заметно улыбнулся Саймон. — Ты не забывай: я хозяин постоянного двора. Сколько у меня возниц ни останавливалось — все со своими клячами по душам толкуют.

— А, вот оно что! — облегченно вздохнул Род. — Значит, я не такой уж особенный?

— Только в этом ты и не особенный. В первый раз слышу, чтобы в разговоре человека с лошастью какой-то смысл был.

Род задумался — а комплимент ли это?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Встали, как только начало светать, а к восходу солнца уже были в пути. Не затрагивая болезненных тем, «Оуэн-крестьянин» и Саймон — хозяин постоянного двора весело болтали. А если ближе к полудню рассказы Оуэна о его детях стали сильно смахивать на рассказы Рода Гэллоутгласса, то в этом не было ничего удивительного. Правда, Род ни словом не обмолвился о магических способностях своих отпрысков — в этом смысле он был начеку.

А это было не так легко. У Рода с Саймоном оказалось много общего: оба женаты, у обоих — дети. Кроме того, Саймон был на редкость веселым рассказчиком. Вместо того чтобы пугать Рода прогнозами бесчинств детишек по достижении ими подросткового возраста, он ограничился анекдотами

про проделки своих потомков. Затем он признался, что дети у него все взрослые и что рассказ про дочку на сносках — чистая правда. Узнав об этом, Род снова принялся уговаривать Саймона уйти на юг, к дочери — тем более чуть-чуть раньше Саймон упомянул о том, что жена его несколько лет назад умерла. Однако Саймон объяснил Роду, что на самом-то деле дочь его живет к северу от его родной деревни и потому с его стороны было бы вдвойне подло бежать на юг. На это Роду возразить было нечего, потому он расслабился и стал наслаждаться обществом Саймона. В общем, к тому времени, как они въехали в первую деревню, попавшуюся на пути, Род был в отличном расположении духа, а это было не лишнее, поскольку навстречу им выбежала толпа.

Крестьяне кричали, швыряли камни и потрясали вилами — но грозили они не Роду и не Саймону, а щуплому мужчине невысокого роста, который улепетывал от них на полной скорости, стараясь выдерживать дистанцию в десяток ярдов.

— Прикончим чародея! — кричали крестьяне. — Забросаем его камнями! Заколем его! Пустим ему кровь! Сожжем его! Сожжем его! Со-жжем! Со-жжем!

Саймон и Род испуганно переглянулись, и Саймон скороговоркой выпалил:

— Он явно не из прихвостней Альфара, а не то солдаты бы уже разделялись с этими крестьянами! Быстрее, Оуэн!

— Ты все слышал! — крикнул Род и шелкнул плетью над головой Векса. — Гони!

Векс припустил галопом. Повозка понеслась, громяхая колесами.

Поравнявшись с бегущим от крестьян чародеем, Род резко натянул поводья, а Саймон прокричал:

— Забирайся в повозку, парень! Лучше будет, а не то с жизнью простишься!

Бегущий человек в страхе оглянулся, оценил ситуацию и проворно забрался в повозку. Саймон вскочил и закричал, перекрыв вопли толпы крестьян:

— Я тоже чародей! Теперь нас двое против вас! Вы все еще хотите запалить костер?

Толпа остановилась. Злые, мстительные слова утикли.

Саймон стоял спокойно, но лицо его уподобилось граниту. Он медленно обвел взглядом толпу, выхватывая из нее отдельные лица. Однако при этом он не произнес ни слова.

Наконец вперед вышел невысокий толстяк и замахнулся дубинкой на Саймона:

— Эй ты, поди прочь! Уведи свою колымагу и коня! Мы повздорили с этим злым чародеем, а не с тобой!

— Ну уж нет, — покачал головой Саймон. — Чародеи друг дружку в обиду не дают. Не так нас много. И нам всегда есть дело друг до друга.

— Друг до друга, говоришь? — возмущенно, брызжа слюной, проговорил толстяк. — А до Альфара вам тоже дело есть?

Этот вопрос породил у толпы неприязненный ропот.

— Есть ли нам дело до Альфара? — изумленно вытаращил глаза Саймон. — А почему бы и нет?

Толпа умолкла. Все крестьяне застыли как каменные.

Через пару мгновений они начали переговариваться между собой — взволнованно и немного испуганно. Одно дело — когда чародей один-одинешенек, но когда их двое, да когда они оба вдобавок люди Альфара...

Голос Саймона прозвучал громче ропота.

— Вам лучше вернуться и разойтись по домам.

— Что ты такое говоришь! — вскричал коротышка. — По домам? Да ни за что! Мы должны его наказать! Что ты себе вообра...

Вдруг он умолк, не договорив, остановленный суровым взглядом Саймона. Люди в толпе вытаращили глаза и снова начали перешептываться. До Рода долетали обрывки фраз, в которых то и дело слышалось: «Око Зла!», «Око Зла!» Род постарался сделать все, что было в его силах, для того, чтобы укоренить эту идею в умах крестьян, и воззрился на толстяка предводителя, слегка прищурившись и обнажив зубы в волчьем оскале.

— Вы вернетесь по домам, — заявил Саймон голосом, холодом подобным льдине.

Роду с трудом верилось в эту метаморфозу. Он был готов поклясться, что Саймон стал на пару дюймов выше ростом и

двойма на четыре шире в плечах. Его глаза сверкали, лицо стало оживленным, ярким. Он просто излучал силу.

Крестьяне испуганно вжали головы в плечи и загомонили. Саймон снова сумел перекричать их.

— Мы вам ясно показали, в чьих руках на самом деле власть в этой стране, но не надо, чтобы она обратилась против вас. Ступайте, идите по домам. — Он неожиданно улыбнулся и сразу стал мягче и добрее. — Идите, — поторопил он, — скорее.

Толпа была потрясена этим преобразованием. Чувства крестьян пришли в смятение. Люди не понимали: то ли противиться Саймону, то ли благодарить его. Несколько мгновений они простояли в неуверенности. Но вот наконец один из них медленно развернулся. Другой последовал его примеру, потом третий, четвертый. Вскоре вся толпа уже шагала в сторону деревни.

Невысокий толстяк проводил своих земляков оторопелым взглядом и развернулся к Саймону.

— Возмездие настигнет вас! — вскричал он, однако в его голосе был слышен страх. — Все чародеи сгорят на кострах!

Род прищурился еще сильнее. Он еле сдерживался, но Саймон положил руку ему на плечо и негромко проговорил:

— Ты бы лучше шел домой, а не то возмездие и вправду грянет, а уж тогда я пальцем не пошевелю; чтобы тебе помочь.

Толстяк в страхе взглянул на Рода, развернулся и бросился вдогонку за остальными крестьянами.

Род, Саймон и спасенный ими незнакомец замерли и провожали толстяка взглядом, пока тот не скрылся за домами. Тогда Саймон испустил долгий вздох облегчения и устало опустил плечи.

— Понимаю, — сочувственно проговорил Род. — И часто ты проделываешь такое?

— Нет, — помотал головой Саймон и рухнул на козлы. — Впервые в жизни.

— Ну, тогда, считай, ты малый даровитый.

На самом деле у Рода было сильное подозрение, что Саймон обладает хотя бы слабовыраженными проективно-телепатическими способностями, но сам об этом не подозревает.

Немного оправившись, Саймон вспомнил о беглеце, обернулся и спросил:

— Ну, как ты там, дружище?

— Хорошо, — хрипло отозвался незнакомец, — благодаря вам, добрые люди. Если бы вы тут не оказались, от меня бы кусок мяса остался. Я и теперь еще весь дрожу, как вспомню про эту разъяренную толпу! Благодарю вас, всей душой благодарю! Буду молиться за вас каждой звездочке на небе! Буду...

— Жить ты будешь, — закончил за него Род и не смог удержаться от усмешки. — И мы тому очень рады. Но если ты — чародей, что же ты не исчез, не стал невидимкой? — Тут у Рода мелькнула неожиданная мысль, и он спросил у Саймона: — А он — чародей?

— Да, — кивнул Саймон, не спуская глаз с незнакомца. — Прежде у меня дважды бывало такое чувство, когда доводилось мне встречаться с другим чародеем и слышать его мысли. Я словно бы попадал в такой... увеличенный разум и в увеличенную душу.

Роду это чувство было знакомо, он и сам его не раз испытывал. В каком-то смысле это было подарком судьбы для человека, женатого на другом эспере, и одно из проклятий для того, кто и сам был эспером, и оказывался рядом с телепатом, который был ему не по душе. Некоторое время назад Род решил, что это явление можно сравнить с ментальной обратной связью или с отдачей при выстреле, но отдача при этом поддавалась контролю. Не будь контроля — оба разума из-за отдачи могло бы разнести в клочья. Тому, кто родился эспером, так думал Род, следовало еще в детстве обзаводиться ментальной ширмой, каким-то блокирующим механизмом, который бы сводил к минимуму отработанную ментальную энергию.

— Он чародей, — повторил Саймон. — Ну, так почему же ты тогда не исчез, любезный?

— Да не мог я! — Незнакомец смущенно улыбнулся, развел руками, склонил голову набок. — Что тут скажешь? Чародей я — так себе, могу только слушать чужие мысли, да и то когда человек рядом со мною. И тогда слышу не больно разборчиво.

— Вот и я тоже, — с печальной улыбкой кивнул Саймон. — Я слышу мысли только у того, кто со мной в одном доме.

— А я — лишь тогда, когда человек от меня в несколько ярдах, — кивнул в ответ незнакомец. — Но и этого хватает, вы уж

мне поверьте. Чужие мысли прямо сами ко мне в голову лезут — дескать, такой-то влюблен в такую-то, а такой-то такому-то смерти желает. Ну и бывает, обмолвишься ненароком, а тот, с кем говоришь, уставится на тебя в ужасе и как гаркнет: «Откуда тебе это известно? Я про это никому не говорил!»

— Стало быть, твои односельчане догадались, кто ты такой, — понимающе склонил голову Род.

— Ага. И от меня отвернулись те немногие друзья, что у меня были с самого детства. Врагов я, правда, не нажил. Я ведь говорил, что чародей я слабенький, ну и все понимали, что зла я никому не желаю.

В это Род склонен был поверить. Незнакомец был невысокого роста, узкоплечий, сутулый, с впалой грудью, полноватый, с наметившимся брюшком. Глаза у него были большие и какие-то выцветшие, волосы тусклые, нос курносый. В общем и целом обликом он напоминал старую дворнягу. Наверняка ему было не больше тридцати, но щеки у него уже обвисли. Через год-два он запросто мог обзавестись вторым подбородком. «Шлемель, — подумал Род, — бедолага, который сам никогда никого не обидит, пальцем не тронет, но который всем отвратителен и физически и социально».

— Никто не желал с тобой знаться, да? Но и гнать никто не гнал?

— Так и было, — с печальной улыбкой подтвердил незнакомец.

— Ох, как мне это знакомо, — вздохнул Саймон. — И у нас в деревне такой парень был.

— Такие есть всегда, — сказал Род. — Без них вроде как не обойтись. Всякому нужен кто-то, чье имя он не в силах вспомнить.

— Хорошо сказано, — улыбнулся Саймон. — А я-то, бессовестный... Как тебя звать, любезный?

— Фларан, — с улыбкой ответил мужчина.

— Фларан, — задумчиво повторил Саймон. — А скажи-ка мне, Фларан, не думали ли твои земляки, что ты встанешь на сторону колдуна Альфара, когда тот начал набирать силу?

— Думали, — тепло улыбнулся Саймону Фларан. — Ты и сам, видно, такое пережил, да? — Когда Саймон кивнул, Фла-

ран прищелкнул языком. — Так я и думал. Много ты сказал такого, что мне самому довелось пережить. И верно: многие мои соседи так и подумали, что только из-за того, что есть во мне искра магического дара, я тут же примусь кричать про то, какой Альфар великий и могучий, что в нем — вся надежда нашего княжества. А я молчал. Даже не так: я сказал, что не верю этому человеку.

Саймон кивнул:

— А земляки подумали, что ты им врешь.

— Так и было, — подтвердил Фларан. — И тогда все мои старые товарищи и даже просто соседи начали меня сторониться. На самом деле чем больше слухов ходило про Альфара, чем сильнее возрастало его могущество, тем меньше доверяли мне мои земляки.

— И все же ты здесь родился и вырос, — нахмурившись, проговорил Саймон. — Не поверишь, что они бы стали забрасывать тебя камнями.

— И я бы не поверил. До сих пор не верю, что они так на меня озлились. Понимаете... Через нашу деревню народ начал валом валить — с тележками, с мешками заплечными. Больших запасов пива и еды у нас не имеется, но все-таки мы их звали остаться, погостить. А они говорили: «Нет, ни за что не останемся, потому что войско колдуна наступает, а мы бежим от него. Мы боимся задерживаться, потому что скоро и вашу деревню околдуют». Никто не задерживался, все спешили на юг.

Род и Саймон коротко переглянулись. Саймон многозначительно кивнул. Род понял: он был одним из тех, кто миновал эту деревню и не стал в ней задерживаться.

— Ну а этот пузырь, что горазд рот раскрывать? — поинтересовался Саймон, переведя взгляд на Фларана. — Он-то из вашей деревни или пришлый?

— Пришлый, — ответил Фларан. — Пришел к нам и принялся проклинать всех, кто наделен магическим даром. «Никому из них веры нет, — так он разглагольствовал, — они все простых людей ненавидят, их надо бить и убивать, все они — Альфаровы прихвостни».

Саймон сверкнул глазами:

— Вот как? Пожалуй, стоило с ним разобраться. Жаль, что я его так легко отпустил!

— Не надо, друг. Не жалею. Ты только укрепил бы моих соседей в их ненависти ко мне. Он-то ведь их на меня и натравил. Правду сказать, вести с севера были такие жуткие, что и стараться особо не пришлось. Зашел я в кабачок, чтобы кружечку пива пропустить, и когда к хозяину подошел, его мысли услышал. Ух, как же он меня ненавидел, как не доверял мне. Почувствовал я его страх и веру в то, что пришлый толстяк прав, — в то, что всех чародеев надо камнями побить. Так что я кружку на стол поставил и дал деру.

— Ну а все, само собой, бросились за тобой.

Род решил, что в данном случае сработал стадный инстинкт.

Фларан поежился:

— Так все и вышло. Еще часа на прошло, как все это случилось. Я вилял из стороны в сторону, прятался, выскакивал, бежал. Но под конец они выследили меня, и прятаться уже стало негде. Тогда я выбежал на дорогу, но уже успел так вымотаться, что еще чуток — и пришлось бы с ними драться. Хвала Небесам, что вы мне на пути попались, а не то осталось бы от меня мокрое место!

Саймон протянул руку и похлопал Фларана по плечу:

— Не бойся, дружище. Все пройдет, как и раньше бывало. Люди то и дело охотятся на ведьм, а потом забывают про это. И теперь забудут.

Фларан вымученно улыбнулся, но, похоже, Саймон его не убедил.

Не убедил он и Рода: ситуация представлялась ему слишком нарочитой. В ней проглядывало заранее спланированное, хорошо организованное подстегивание эмоций. Лишь одна-единственная группа была настолько хорошо организована, что могла этим заняться. Но зачем Альфару понадобилось культивировать антиэсперские настроения?

Ответ был подобен удару грома. «Охоту на ведьм» Альфар затеял для того, чтобы убрать конкурентов. В конце концов единственной силой в княжестве, способной противостоять ему, были ведьмы и чародеи, не пожелавшие встать на его сторону. Будучи в течение достаточно долгого времени предоставлен-

ными самим себе, они могли бы объединиться для самообороны — вот как, скажем, сейчас Саймон и Фларан. А если бы они собрали довольно многочисленный отряд, то появился бы повод для серьезного беспокойства. Ну а какой был самый лучший способ уничтожить этих независимых конкурентов? Естественно, старая, испытанная веками «охота на ведьм».

При таком взгляде на развитие событий картина обретала ясный смысл — тем более что эсперы, противостоящие Альфару, более кого бы то ни было, пожалуй, сопротивлялись бы его гипнотической тирании.

— Скажите-ка... А вы не чувствовали что-нибудь такое... Ну, не пытался ли кто-то из людей Альфара завладеть вашим разумом?

Саймон и Фларан испуганно переглянулись. Саймон кивнул:

— Было дело. Это... — он поежился, — едва заметно было, друг Оуэн. Но не слишком приятно.

— Я-то еле-еле почувствовал, — добавил Фларан. — И то у меня чуть желудок наизнанку не вывернуло. И страшно так стало, будто сейчас на куски меня разорвет. Словно кто-то пальцами у меня в мозгу ковырялся... — Он испуганно умолк.

— Постарайся не вспоминать об этом, — посоветовал Род, проклиная свою несдержанность. — Простите, что спросил.

Насколько понял Род, эти двое были ребята мягкохарактерные. А что, если бы люди Альфара попытались справиться с чародеем более свирепого нрава? Ну или просто с любителем подраться? Такой бы взбеленился и отправился бы на поиски Альфара.

И Род не стал бы его винить. Стоило ему задуматься о том, что кто-то копается в *его* мыслях — и он сразу почувствовал прилив ярости. Это чувство напугало Рода, он постарался унять его, отвлечься... но воображение нарисовало ему Гвен и детей и то, как какой-нибудь наглый молодой чародей пытается покопаться в разуме у *них*! Ярость вспыхнула столь неожиданно, что Род оказался беззащитен перед ней. Его затрясло как в лихорадке, а злость искала цель — любую цель, она пыталась целиком завладеть Родом, сделать его своим орудием. Он сдерживался изо всех сил, пытаясь удержать гнев внутри себя, не дать ему обрушиться ни на кого.

Но оба чародея не спускали с него глаз.

— Друг мой, — вытаращив глаза, спросил Саймон, — тебе нехорошо?

Такой простой вопрос, заданный с самыми добрыми намерениями! Но он пробил брешь в ментальной обороне Рода.

Он спрыгнул с повозки и, размашисто прошагав по дороге, свернул на поле и припустил бегом. «Не трогай их, — твердил он себе, — делай что хочешь, но их не трогай!». Ему нужно было каким-то образом разрядиться, а бег был не самым плохим средством для этого.

Вскоре он увидел впереди большой валун, вокруг которого валялись камни поменьше. Род остановился, поднял один из них — с фут в поперечнике — и поднял над головой, свирепо зарывчав. Пару мгновений он стоял, вперив взгляд в валун, а потом запустил в него камень и прокричал:

— Будь ты проклят! — Камень врезался в валун, издав подобие ружейного выстрела. Во все стороны брызнули острые осколки. — Сгори в своем колдовском пламени! Провались в крысиную нору и забудь про то, что умел телепортироваться! Улети в небо, а назад не спускайся!

Еще минут пять он так бушевал, изрыгая одно бессмысленное проклятие за другим.

В конце концов ярость пошла на убыль. Род опустил на одно колено, не спуская глаз с ненавистного валуна, постоял немного, а потом понурил голову и, тяжело дыша, стал ждать, когда уймется дрожь.

Вскоре сердце его забилось ровнее, он встал и едва заметно покачнулся. Потом он заставил себя развернуться лицом к дороге. Возле повозки стоял Фларан и смотрел на него.

А вот Саймон стоял совсем близко. Опираясь на посох, он не сводил с Рода сочувственного взгляда.

Вот это-то и было самым болезненным — сочувствие. Род поежился, ему стало еще хуже и тоскливее.

— Прощу прощения, — пробормотал он и отвел взгляд. — Со мной такое нечасто приключается.

— Да ты не переживай. Я бы на твоем месте так же сделал, — заверил его Саймон.

— Ну... спасибо, — не слишком обрадованно отозвался Род. — Просто меня возмутила мысль о том, что кто-то посягает на свободу других людей, не дав себе труда даже подумать о них!

Саймон кивнул:

— А когда того, на кого злишься, рядом нет, еще труднее бывает. И ты правильно сделал, что нашел этот камень, — он ведь ничего не почувствовал, а ты злость свою на нем выместил.

— И силы израсходовал — ты это хотел сказать? Но зачем, зачем тратить столько сил, когда тому, на кого я зол, от этого не жарко и не холодно?

Саймон нахмурился:

— Вот об этом я не подумал. Вообще-то лучше приберегать свою злость, чтобы потом обрушить ее в полной мере на того, кто ее заслужил.

— Сказать легко, — невесело улыбнулся Род. — Но как сдержишь гнев? Понимаю, звучит просто, но ты сам когда-нибудь возьми да попробуй! Да ты... — Он умолк, уставился на Саймона и медленно проговорил: — Ты пробовал, да? Вижу, — кивнул Род, — пробовал.

— Так и есть, — признался Саймон.

— Ты выходил из себя? Ты гневался? Ты?! Ты, кому на грудь можно повесить табличку «Славный Малый»? Само спокойствие? Ты?!

— Я самый, — подтвердил Саймон с ироничной улыбкой. — Не так-то легко, друг Оуэн, притворяться, что ничего не знаешь, когда тебе ведомы чужие мысли. Такое искушение, когда разозлишься на кого-нибудь, взять да и выложить все, что знаешь про него. А не выдержишь, так и брякнешь: «Кто трус? Я трус? А не ты ли был готов бежать с поля боя, и бежал бы, если бы командир с мечом у тебя за спиной не стоял?» Ведь на самом-то деле тот, про кого я тебе говорю, бежать не бежал, он шел вперед, а вот про что он думал, шагая вперед, — это только ему да мне было известно. А я проговорился, дурак такой. И еще раз было. Священнику говорю: «Что же вы, святой отец, меня прелюбодеем называете, а сами какие мысли имели насчет жены Тома-пахаря, а?»

Род присвистнул:

— Со священниками так нельзя!

— Нельзя, конечно, да только молод я тогда был и заносчив, вот и думал, что имею власть надо всеми. Я тогда только-только понял, что умею читать чужие мысли, и с радостью предавался этому занятию. Никого не пропускал. Стоило кому-то посмеяться надо мной — и я тут же объявлял во всеуслышание о его самых сокровенных тайнах, срамил его перед всеми! Те, кого я вот так задевал, само собой, злились ужасно, но стукнуть меня при всех не решались — я ведь правду говорил, если на то пошло. Так что они только ругались да глаза отводили, ну а я ликовал, радовался тому, что властен надо всеми!

Род сдвинул брови:

— И долго ли тебе это сходило с рук?

— Трижды. — Саймон скривился, покачал головой. — Только трижды. Обиженные мною позлились-позлились, а потом стали соображать. Они-то помнили, что про свои тайны или про похоть свою никому никогда ни словечка не говорили. Ну и так уж вышло — случайно, — что эти трое разговорились между собой...

— Случайно, тоже мне! Ведь ты каждого из них оскорбил принародно, вот они и стали товарищами по несчастью!

— Вот-вот, — вздохнул Саймон. — Ну и как только они уяснили, что я болтал про такое, о чем они ни разу никому не рассказывали, они почти сразу допетрили, что я — чародей и что я готов им еще немало бед наделать. Слух по всему городку пошел, само собой...

— Само собой, — согласился Род, — тем более что ты задел и священника. А кто станет сомневаться в его приговоре? Даже если он и заглядывался на жену соседа, он ведь к ней, по сути, не прикасался.

— Верно, такое можно было про кого хочешь из его прихода сказать, — кисло усмехнулся Саймон. — Ну да, он тоже заговорил про то, что одержим, дескать, злым духом, и слухи поползли по городку, и все мои соседи ополчились против меня, — с горечью проговорил он. — О, конечно, я это заслужил, и все же, когда все отвернулись от меня, чувство было такое, будто меня предали. Вскоре в меня начали тыкать пальцами и кричать: «Похититель мыслей! Колдун! Сплетник!» Да-да, мне казалось, что меня предали — ведь многие из тех, кто

обвинял меня, и сами прежде пускали какие-то сплетни про меня, но я прощал их.

— Да, но у тебя было оружие, которым они не могли воспользоваться.

— Вот именно. Не могли. Кто знает — отказались бы они им воспользоваться, если бы могли... — горько усмехнулся Саймон. — Думаю, именно поэтому они подняли шум и выгнали меня из города. — Он поежился, закрыл глаза. — Ох, слава богу, что я умею только мысли читать и более никакими талантами не наделен! Я такой злой был тогда, что запросто мог бы развернуться и осыпать моих бывших соседей камнями, огненными шарами и острыми ножиками. Я был готов поднять их над землей, а потом с размаху швырнуть вниз! — Он снова зябко повел плечами и широко раскрыл глаза.

Род ощутил, как снова забурился в его сердце гнев, и поспешно проговорил:

— Полегче. Спокойно. Это было много лет назад.

— И этот урок пошел мне на пользу. Верно. — Саймон вымученно улыбнулся. — Я понял, как надо себя вести, покался и искупил свой грех. Покинув родной городок, я пошел куда глаза глядят — брел, ослепленный обидой и злостью, не разбирая дороги. Сорок лиг прошел, пятьдесят, сто... и, наконец, изможденный, добрел до какой-то пещеры, свалился там без сил и уснул. А во сне меня словно кто-то омыл целительным бальзамом, успокоил мой мятежный дух. И когда я проснулся, я почувствовал себя отдохнувшим, обновленным. Гадая, что же такое могло со мной приключиться, я попытался найти того, кто сотворил это чудо. И я нашел источник святых мыслей, из которого испил во сне, сам того не ведая. То была община монахов. По счастливому совпадению, та пещера, в которой я заночевал, располагалась всего-то в сотне ярдов от их обители. — Саймон задумчиво уставился вдаль. — Моя душа нуждалась в утешении и привела меня к ним.

— Может быть, и так, — согласился Род. — Но я думал, что в этой стране есть только один монастырь — аббатство Святого Видикона, но он далеко на юге.

— Нет, есть и другой монастырь, здесь, в княжестве Романа. Правда, он невелик.

Род кивнул и задумался. Он знал, что главный грамерайский монастырь — это конклав эсперов, которые многое знали о вселенной, о современной технике и непрерывно экспериментировали со своими псионными талантами в попытках найти новые области для их применения. Быть может, этот северный монастырь был такого же типа? Вероятно, нет — если монахи не заметили смятенный дух Саймона в непосредственной близости от обители.

Но с другой стороны, они, быть может, были...

— Так ты говоришь, что душа твоя исцелилась оттого лишь, что ты находился неподалеку от этих монахов?

Саймон кивнул:

— Верно. Мир, царивший в их душах, проник и в мою. Я встал, изготовил метлу и подмел в пещере, устроил себе постель из веток и соломы. Шли дни за днями, и я устроил себе уютное жилище. И все это время спокойствие и чистота, исходившие от святой братии, врачевали мою душу, изгоняли из нее гнев. — Он улыбнулся, глядя в далекое прошлое. — До сих пор жива во мне их чистота и святость — так глубоко они в меня проникли. — Он посмотрел на Рода. — Но по прошествии нескольких недель я стал размышлять о том, почему монахи настолько чисты и спокойны. Откуда сами они черпают эти чувства? Я стал более внимательно прислушиваться к их мыслям и понял, что наиболее прекрасны из монахов те, что жили, употребляя в пищу различные травы и готовили из них всевозможные настойки и эликсиры. С этих пор я пристально следил за мыслями тех, кто трудился над изготовлением этих снадобий.

Ближе к зиме я соорудил дверь, чтобы закрыть свою пещеру от холода и снега, выдубил шкуры зверей и сшил себе шубу. Сидя у огня, я слушал и слушал мысли монахов. Зимой это стало делать проще, потому что большую часть времени все монахи проводили в стенах монастыря. Глубокие снега не позволяли им много ходить по округе. А когда люди томятся в четырех стенах, даже лучшие друзья, бывает, надоедают и начинают злить, верно? Вот и в монастыре без этого не обошлось. Начались ссоры, размолвки. Я слушал и слушал — интересно мне было, сохраняют ли они чистоту своих душ? Изумлению

моему не было границ. Даже тогда, когда дух их приходил в смятение, монахи все же не забывали о своей вере. Они просили друг у друга прощения и прощали! — Саймон вздохнул и покачал головой. — Как это было удивительно!

— Ничего не скажешь! — крикнул Род. — Но уж больно просто получается. Как же у них это выходило?

— Они были верны своему Богу, — с обезоруживающей улыбкой ответил Саймон. — Они все время помнили о том, что Он и Его учение важнее, чем они сами, чем их гордыня и даже чем их честь.

— Чем их честь? — Род уставился на Саймона. — Ну уж нет! Не может быть, чтобы их Бог хотел, чтобы они унижались!

Саймон покачал головой:

— Да нет же, совсем наоборот! Они верили в то, что их Бог этого не допустит!

Рода охватили сомнения. Он склонил голову набок и искаса взглянул на Саймона:

— И как же Он мог этого не допустить?

— Они всегда слышали голос своего Бога, и Он подсказывал им, как они должны себя вести, какой поступок хорош, а какой дурен. И потому даже тогда, когда человек сам не желал совершать чего-то, чего от него хотели другие, он все равно осознавал, что он — человек достойный. Над ним могли посмеяться, но он не испытывал стыда, а, наоборот, был горд. Понимаешь, какое дело... Унижение — оно ведь внутри тебя, в конце концов, а не снаружи.

Род нахмурился:

— Ты что же, пытаешься убедить меня в том, что человек способен сберечь свою честь даже тогда, когда все тыкают в него пальцами и смеются над ним?

Саймон покачал головой:

— Там такого не было. И не нужно это было. Если кто-то желал уйти от ссоры, а другой пытался посмеяться над ним из-за этого, то первый просто говорил: «Мой Бог не желает этого». Тогда второй проникался к нему уважением за его смирение. На самом деле первому даже не нужно было произносить этого вслух, а довольно было в сердце своем произнести: «Мой Бог велел мне любить ближнего моего», — и тогда этот монах

сам не переставал уважать себя, отступив и отказавшись от ссоры. — Саймон посмотрел Роду в глаза. — Потому что та «честь», про которую ты толкуешь, это «лицо», которое ты так боишься потерять, — это всего лишь то, что ты сам про себя думаешь. Чаще всего мы думаем, что так же про нас думают другие, но это не так. А на самом деле мы так мало уважаем себя, что мнение других о нас нам важнее собственного. Вот потому-то мы так и стремимся спасти наши «лица» — то бишь мнение других людей о нас. Нам кажется, что мы должны требовать от других уважения к себе, иначе мы не сможем уважать себя. — Он покачал головой и улыбнулся. — Но ведь это самобман, понимаешь?

— Как ни странно, понимаю, — сдвинув брови, ответил Род. — Если кто-то на самом деле высокого мнения о себе, ему должно быть все равно, что о нем думают другие — лишь бы он знал, что он хороший человек.

Фларан, стоявший рядом с повозкой, нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Он слышал их разговор издалека, и, похоже, ему не нравилось, какой он принял оборот.

Саймон кивнул, сверкая глазами:

— Да, верно! Но на такое способны немногие. Мало кто настолько уверен в себе, чтобы не интересоваться мнением других людей о своей персоне. Чаще всего именно они — люди дерзкие и гордые.

— А это означает, — заметил Род, — что на самом деле у них также невелика вера в себя. В противном случае они бы так не кичились своим превосходством.

— Вернее не скажешь. Вот и выходит, что большинству из нас, дабы знать себе истинную цену, лучше полагаться на кого-то или на что-то, что выше нас, на того, кто бы заверил нас в том, что мы правы. Пусть это будет закон, пусть будет философия, пусть будет Бог. И тогда, если вспыхнет ссора и ты, к примеру, zahахнешься, готовый ударить меня, а моя рука метнется к кинжалу, один из нас должен будет отступить, а иначе прольется кровь.

— Верно, — согласился Род. — Но что, если никто из нас не пожелает отступить? Что, если мы оба побоимся потерять лицо, утратить честь?

Саймон кивнул:

— Но если я смогу сказать: «Я не нанесу удар, потому что мой Бог велел мне любить моего врага», — то я сумею убрать кинжал в ножны, отступить и уйти и не перестану себя уважать после этого. — Он тепло улыбнулся. — Вот так мой Бог способен спасти мою «репутацию».

Род медленно кивнул:

— Как это может произойти — это я понимаю. Умом понимаю. Но для того, чтобы такое было возможно, надо быть истинно верующим человеком.

— Вот именно, — вздохнул Саймон и покачал головой. — На такое способны только святые, а уж я, дружище Оуэн, точно не таков.

Но у Рода на этот счет имелось собственное мнение.

— И все же, живя неподалеку от монастыря, я вдоволь напился тишиной и спокойствием, а когда наступила весна, ко мне неожиданно явился один крестьянин и стал просить каких-нибудь травок для своей коровы. Она должна была вот-вот отелиться, да прихворнула. Я столько времени жил один-одинешенек, что несказанно порадовался приходу этого крестьянина. Я изготовил для него настой из нужных трав и проводил немного. Через несколько недель ко мне пришел другой крестьянин, а потом — еще один, и еще. Я радовался им и всеми силами старался завоевать их расположение, но стремился не забывать о том, чему научился у добрых моих соседей, монахов: о том, что сами люди важнее своих поступков или беспечных слов. Так я научился сдерживать свою злость и никогда не проговариваться в гневе о том, что стало мне ведомо из мыслей тех, кто меня навещал. А ведь бывало и так, что это было нелегко... С губ крестьян слетали учтивые слова, а уж что они думали про странного отшельника-лесовика... — Он улыбнулся. Добродушный хозяин постоялого двора вспоминал о себе в роли аскета-пустынника. — Но я то и дело напоминал себе о том, что это мои ближние, люди безмерно достойные. Как велико было искушение обронить порой словечко-другое про их секреты, которых они невероятно стыдились. Но я строго-на-строго запрещал себе делать это. Я помогал всем — и самым

бедным крестьянам, и деревенскому священнику, который поначалу относился ко мне враждебно, но потом стал уважать.

Род улыбнулся:

— Ясно... Наверное, если сумеешь поладить с теми, кто носит свою гордыню подобно мантии, то тогда уж поладишь с кем угодно.

— Вот-вот. — Саймон сдвинул брови, наклонился вперед. — Мне это удалось, удастся и тебе.

Род с минуту молча смотрел на него, но не выдержал, отвернулся и зашагал к дороге. Саймон пошел рядом с ним.

— Что ты мне советуешь? Чтобы я сдерживал свою злость, даже имея дело с таким законченным подонком, как Альфар? — Он покачал головой. — Не понимаю, как это возможно... Этот подлец принес столько горя столько людям!

Услышав имя Альфара, Фларан прыгнул с повозки и пошел навстречу Саймону и Роду.

— Гневайся на его деяния, — негромко проговорил Саймон. — Но не на него самого.

Род скрипнул зубами:

— Я слышу твои слова, но не могу осознать их значения. Как можно отделить человека от его поступков?

— Памятуя о том, что всякий человек драгоценен и способен отвернуться от творимого им зла, если только он сумеет осознать это.

— «Сумеет», вот именно, — откликнулся Род и еле удержался от хохота. — Но осознает ли? Насколько это вероятно, Саймон?

— Всякий способен заблуждаться.

Род покачал головой:

— Ты думаешь, что Альфар по сути хороший. Что он — самый обычный человек, но поддался искушению — обнаружил, что обладает кое-какими талантами, проникся духом мщения и впал в соблазн.

— Именно так. — Саймон пристально посмотрел на Рода и нахмурился. — Разве не так обычно бывает со всеми, кто совершает дурные поступки?

— Быть может, и так, но ты забываешь о существовании Зла. Настоящего Зла. Злых духов. — Род обернулся и заметил

Фларана, подумал о том, что хотел сказать, и решил в присутствии Фларана об этом промолчать. — Конечно, способность творить добро дана всем людям, но у некоторых эта способность погибает уже тогда, когда им исполняется два года от роду. Она похоронена так глубоко, что ее уж и откопать невозможно. Такие люди вырастают и взрослеют убежденными в том, что на добро не способен никто. Сами они не умеют любить и дарить любовь — вот и думают, что все, кто толкует про любовь, только притворяются. — Он вдохнул поглубже и продолжал: — Но об этом говорить не обязательно. Сейчас лучше всего подходит слово «соблазн». Альфар поддался искушению творить заведомо злые дела, потому что ему приглянулась мысль о власти. И вот теперь, когда он испытал вкус власти, он делает все, что угодно, лишь бы не отказываться от нее. Ему все равно, кого обидеть, сколько человек убить, сколько и кому он принесет страданий. Все кажется ему лучше, чем снова стать таким, каким он некогда был — обычным, неприметным человеком, которого скорее всего мало кто любил.

Фларан замер и смотрел на Рода широко открытыми глазами.

— Но все же не забывай: он — человек, — напомнил Род Саймон. — Разве это ничего не значит для тебя, друг Оуэн?

Род покачал головой:

— Не забывайся, Саймон. Только оттого, что ты его считаешь человеком, он не станет почитать таковым тебя. Он на такое не способен: люди для него — не более чем стрелы для арбалета, нечто такое, что можно использовать, а потом забыть о его существовании. Он, ничтоже сумняшеся, заглядывает в чужие мысли и навязывает людям свои собственные. Неужели он не понимает, что эти люди — живые? — Род покачал головой. — Нет, не понимает, иначе не творил бы столько зла. У него явно нет совести. Он истинный злодей.

— И тем не менее он человек, — робко вставил Фларан. — Человек, а не дьявол, сударь Оуэн.

— Телом, может, и не дьявол, — проворчал Род. — Не думаю, что у него растут рога или хвост. А вот душой...

— Но душа у него есть, — умоляюще проговорил Фларан. — Понимаете... быть может, он злой человек, но все-таки... человек.

Род глубоко, с дрожью вдохнул и медленно выдохнул:

— Друг Фларан... Умоляю тебя, перестань! Я видел деяния Альфара и его прихвостней! Давай не будем говорить о его человечности.

Фларан молчал, только смотрел на Рода широко открытыми глазами.

Род забрался на козлы и взял в руки вожжи. Он ударил ими по спине Векса, и конь-робот тронулся с места.

Когда молчание стало совсем уж неловким, Род спросил у Фларана:

— А тот толстяк крикун, что был во главе толпы, — откуда он узнал о том, что ты — чародей, Фларан?

— Ну... услышал, как про то говорили мои соседи. Наверное...

— Вряд ли, — нахмурился Род. — Он ведь не из вашей деревни. Как же он сумел так быстро выведать все местные секреты?

— Я так думаю, — сказал Саймон, — что у Альфара достаточно помощников из числа ведьм и чародеев средней руки. Наверняка они расхаживают по княжеству и читают чужие мысли, а самая главная их задача — отслеживать тех, кто наделен магическим даром.

— Вот как? — Род насторожился, но постарался не выдать волнения. — Откуда ты про это знаешь? Слышал, что ли?

— Да нет, не слышал. Просто время от времени чувствовал, как словно бы кто-то прикасается к моему разуму, будто ищет кого-то. Не меня, а кого-то вообще. Ну и порой мне случалось перехватывать мысли двоих чародеев про то, что такой-то, дескать, и такой-то наделены магическими талантами.

— Но как же они тебя не выследили? — изумленно спросил Фларан.

Саймон улыбнулся:

— Я ведь уже говорил, что в чародействе не силен. Да и тот дар, которым владею, научился прятать. Стараюсь думать, как думают все, — так, чтобы снаружи, так сказать, мысли мои были спокойные, самые простые. Это помогает держать себя в руках и не проговариваться. Будешь думать, как обычный человек, — и вести себя станешь так же.

Фларан кивнул, не спуская глаз с Саймона:

— Я это запомню. Надо послушаться твоего совета.

— Послушайся. Это избавит тебя от многих бед. Прямо с этой минуты води себя как простак — никогда ведь не угадаешь, в какое мгновение лазутчики Альфара возьмутся подслушивать твои мысли.

Фларан вздрогнул, оглянулся через плечо, весь сжался.

— А уж тебе, дружище Оуэн, бояться совсем нечего, — заверил Саймон Рода. — Ни один лазутчик сроду не догадается даже о том, что ты вообще существуешь!

Фларан изумленно посмотрел на Саймона, перевел взгляд на Рода:

— Это как же?

— Ну я... невидим. То есть для тех, кто умеет мысли читать, — ответил Род как можно более небрежно и постарался сдержать прилив злости. Как же Саймон посмел проговориться! «Так тебе и надо!» — подумал он, стараясь успокоиться. Это было верно: не стоило так откровенничать с первым встречным. Но Саймон был настолько дружелюбным и приятным человеком...

— Вот бы и мне так! — вскричал Фларан. — Скажи! Как ты это делаешь?

— Хороший вопрос, — проворчал Род. — Но ответа нет. Просто, наверное, все из-за того, что я вообще не очень люблю людей.

Фларан в ужасе уставился на него.

— Да-да, так и есть, — подтвердил Род.

После этого заявления разговор на некоторое время прервался. Повозка катилась на север. Все трое спутников были погружены в собственные мысли.

Роду казалось, правда, что оба его спутника готовы погрузиться в *его мысли*. И пусть и Саймон, и Фларан казались ему неплохими ребятами, но Род чем дальше, тем сильнее впадал в подозрительность. Разговоры о ментальном шпионстве насторожили его, и он думал только о том, что и Саймон, и Фларан для него люди чужие, малознакомые.

Волна одиночества окатила его с головы до ног, он посмотрел в небо. Несмотря на тоску, он порадовался тому, что небо чистое, что не видно ни единой птицы. По крайней мере его семейство было в безопасности.

Однако это было странно. Род не привык к тому, чтобы Гвен не слушала его...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Неподалеку от постоянного двора Род заметил на дереве белку. Белка смотрела на него с неподдельным интересом. А когда повозка въехала во двор, голуби, ворковавшие на крыше гостиницы, утихли и повернули головки к Роду. Род спрыгнул с повозки и поморщился — ноги у него затекли после четырехчасовой поездки. Затем он привязал вожжи к столбику возле стойла и, обернувшись, увидел, что Фларан уже тоже выбрался из повозки, а Саймон стоит рядом и осторожно разминает ноги.

— Не переживай, — утешил его Род. — Они еще работают.

Саймон глянул на него и улыбнулся:

— А может, я хочу, чтобы не работали?

— А ты, похоже, весел, — улыбнулся Род и развернулся ко входу в гостиницу. — Ну что, поглядим, как у них с припасами?

Все были голодны, но несмотря на то, что Род мог продать хозяину постоянного двора часть своих овощей и выручить столько денег, что их хватило бы на обед для всех троих, Фларан стал совать ему последний пенни, и Саймон тоже не пожелал оставаться в стороне. Род немного поупирался, но в конце концов согласился взять у них деньги.

Обед был приправлен щедрой порцией сплетен.

— Издалека ли приехали? — полюбопытствовал хозяин, поставив тарелки с едой на стол. — А вот говорят... А правду ли говорят про Альфара?

— Все зависит от того, что ты слыхал про него, — отозвался Род, насторожившись. — Мне про него многое довелось слышать.

— Да вот болтают, что он вроде как сгинул, — охотно сообщил крестьянин, сидевший за соседним столом. — Никто его в глаза не видел после того, как он замок княжеский захватил.

— Да что ты? — наострил уши Род. — А вот это я впервые слышу!

— Ежели это правда, так странно как-то получается, — добавил крестьянин. — Что же он, явился невесть откуда, завоевал почти, считай, все княжество, а потом вдруг взял да и пропал — поминай как звали?

— А говорят, что не так просто он пропал, Дольн, — возразил его сосед по столу, крестьянин постарше. — Слышал я, что его демон похитил.

— Кое-кто, Гарль, вообще говорит, будто он и сам — демон, — опасливо проговорил третий крестьянин — глубокий старик.

— Ну, если так, то тогда понятно, как это он явился из ниоткуда, — рассудительно заключил Род.

Третий крестьянин уловил в его высказывании скептическую нотку и нахмурился:

— Ты что, в демонов не веришь?

— Не верю, — покачал головой Род. — Сам ни разу ни одного не видал.

— Чепуха — вся эта болтовня про демонов, Кенч, — проворчал Дольн. — Зачем бы демонам забирать этого Альфара, ежели он на них работает?

— А я еще слыхал, что он вроде шастает теперь по округе, нарядившись крестьянином.

— А что тут такого? — ухмыльнулся Кенч. — Он ведь и есть крестьянин.

— Да, но он еще и колдун, — напомнил ему Гарль. — Вот и говорят, будто бы он ходит да ищет себе подручных.

У Дольна сверкнули глаза.

— Вот в такое я готов поверить.

— Да ты вот что хочешь поверишь, — буркнул Кенч.

— А может, он невидимкой всюду бродит? — задумчиво протянул Гарль. — Может, изменников выискивает?

Фларан и Саймон насторожились. У Рода по спине побежали мурашки.

Крестьянам эта мысль тоже не приглянулась. Они стали оглядываться через плечо, скрестили пальцы в знак защиты от Зла.

— Вот ведь пакость какая... — покачал головой Гарль. — Прямо не по себе становится, как подумаешь, что кто-то за тобой шпионит, а ты ни сном ни духом...

Род хотел было напомнить крестьянам о том, что хороший шпион всегда только так и делает свою работу, но решил промолчать.

— Можете верить в эти слухи, ежели вам охота, — заметил хозяин. — Что до меня, так вижу только, что в княжестве все в порядке.

Остальные медленно подняли головы и посмотрели на него.

— Это верно, — кивнул Долън. — Это ты не к тому ли сказал, что Альфар, поди, в замке сидит и носа оттуда не высывает?

— Может, и так, — пожал плечами хозяин. — Либо он и вправду там, либо его помощники и без него со всем управляются.

— Это вряд ли, — покачал головой Род. — Когда правит не один, а сразу несколько, ничего хорошего не получится. Кто-то всегда должен последнее слово говорить.

— Ну тогда, — хозяин с усмешкой взглянул на Рода, — выходит, Альфар никуда не пропадал. — Он повернулся и, качая головой, поспешил в кухню. — Вот и верь слухам! Одни дурни им верят!

— Ну, тогда большинство людей — дурни, — тихо сказал Род Фларану и Саймону. — Так что если в народе ходит какой-то слух, для тебя нежелательный, надо запустить другой.

— И ты думаешь, Альфар так и сделал?

— Даже не сомневаюсь. Сами посудите, как все вышло: всякий, кто мог бы замыслить мятеж в отсутствие Альфара, сразу раздумает и напугается. Но с другой стороны, он и вправду может разгуливать по стране переодетым.

— А так он может многих, кто владеет магическим даром, на свою сторону переманить, — усмехнулся Фларан. — Он ведь как раз их-то и должен отбирать, чтобы они ему править помогали.

Сказано это было чуточку громковато.

Гарль вздрогнул, повернулся и буркнул:

— Так ведь все колдуны с ведьмами и так за него! За кого же им еще быть?

Фларан и Саймон сразу насторожились.

Род попытался смягчить ситуацию. Он повернул голову к Гарлю и как можно более небрежно проговорил:

— А почему тогда всем крестьянам его не обожать? По слухам — так он не только колдунов с ведьмами для себя подбирает.

— Ну... это верно, — кивнул Гарль и нахмурился. Было видно, что им овладели сомнения.

Дольн, сверкая глазами, воскликнул:

— И точно! Ведь для того, чтобы княжеством править, одних ведьм с колдунами маловато будет, верно?

— Верно, — с трудом подавив улыбку, кивнул Род.

Дольн довольно усмехнулся и перевел взгляд на своих соседей. Их беседа стала более оживленной. Род не без удивления отметил, что даже грамерайские крестьяне не лишены определенных амбиций. На самом деле это было вполне естественно, и это можно было предвидеть. Род решил в обязательном порядке обсудить этот вопрос с Туаном по возвращении в столицу. Будучи оставленной без внимания, эта проблема могла принести немало неприятных сюрпризов.

Род посмотрел на Фларана:

— Наверняка мы с вами — не единственные, кто про это догадался. Вот смотрите: простые крестьяне вдруг становятся верными подданными Альфара — а все потому, что думают: это поможет им занять место под солнцем потеплее и получше.

— И точно, — усмехнулся Фларан. — Когда еще простолюдинам удача улыбнется, как не в ту пору, когда власть в руках у одного из них?

Род сдвинул брови. Это замечание, на его вкус, было чересчур марксистским.

— Ну да, — кивнул он и уточнил: — Если им повезет и они станут считанными счастливцами из многих тысяч, коих Альфар пожелает взять к себе на службу.

— А я так думаю, что такие счастливцы уже рядом с ним, — заметил Саймон. — Он ведь еще тогда начал вокруг себя прихвостней собирать, когда свои завоевания только замыслил. Думаю, вряд ли он настолько доверчив, чтобы звать новых людей под свое знамя.

Фларан нахмурился. Ему эти слова явно не пришлись по вкусу.

— Но надежда на это может привлечь к нему многих, — возразил Род. — Сама мысль чего стоит: чтобы крестьянский сын стал править княжеством!

— Неужто одних слухов хватит для такого? — ахнул Фларан.

— И не только для этого, — мрачно отозвался Род. — И именно поэтому скорее всего Альфар из замка никуда не уходил.

Фларан вытаращил глаза, потом зажмурился, помотал головой, снова открыл глаза.

— Я, честно говоря, тоже озадачен, — признался Саймон. — Как могут слухи означать, что...

Он умолк, и взгляд его озарился пониманием.

Род кивнул:

— Альфару ничего особенного делать не приходится: он сидит себе в замке и распускает слухи. А как только слухи начинают распространяться, он, с одной стороны, приобретает симпатии крестьян, а с другой стороны, предостерегает всех на предмет мятежных мыслей — а вдруг, дескать, сам Альфар их слышит.

Фларан поежился и быстро обвел взглядом зал. У Рода вдруг противно засосало под ложечкой. На самом деле сейчас Альфар мог находиться среди тех, кто сидел за столами. Он даже мог быть хозяином этого заведения, который, затаившись, поджидал появления кого-нибудь из агентов короля Туана — каковым и являлся, в частности, Род. А значит, Род в любое мгновение мог угодить в западню...

По стопам тревоги подкрался гнев. Именно такой логики ожидал Альфар от агентов Туана! Это называлось «деморализация», и фокус почти удался. Род проникся еще большим уважением к колдуну и одновременно — еще большей неприязнью. Он был по-настоящему потрясен тем, что какой-то средневековый крестьянин мог оказаться настолько изобретателен и изворотлив.

Но с другой стороны, ему, вероятно, оказывали помощь...

Саймон склонился к Роду и пробормотал:

— Ты только не смотри в ту сторону или гляди незаметно... Вон та красotka с нас глаз не сводит с тех пор, как мы вошли.

— Странно как-то, — удивился Род. — Не сказать, чтобы кто-то из нас был так уж неотразим.

— Точно, — хихикнул Саймон. — Но она за нами не только взглядом следит, вот в чем дело.

— Вот как? — Все «датчики» мысленной сигнализации Рода вдруг включились на полную мощность. Он вынул из кошелька монетку и уронил ее — да так, что она «случайно» покатилась в ту сторону, где в то мгновение стояла подавальщица, о которой ему сказал Саймон. Наклонившись и подобрав монету, Род поднял голову и украдкой взглянул на женщину. Он решил, что нет ничего удивительного в том, что она сразу не бросилась ему в глаза. Женщина была среднего роста, обычного телосложения, с миловидным лицом, темноволосая.

Род взглянул на Саймона:

— Не очень она похожа на вашенских ведьм, а?

Саймон нахмурился:

— А по-моему, ведьма как ведьма.

— Это смотря с какой стороны подойти. А еще она очень опытна — сразу не догадаешься, кто ей интересен.

— Вот это верно, — еле слышно подтвердил Саймон. — Только ведь и я в этом смысле не лыком шит, дружище Оуэн. Как только кто-то из нас говорит что-то такое, что ее удивляет, она словно бы опускает свой шит.

Род нахмурился:

— Так почему же тогда она не встала и направилась к выходу, как только мы о ней заговорили?

— Потому что твой разум для нее совсем закрыт, не говоря уже о твоих мыслях, и потому что я говорю про одно, а думаю про другое. — Заметив изумление во взгляде Рода, Саймон улыбнулся. — Не удивляйся. И мужчины могут обучиться тому, что умеют делать женщины. Что же до Фларана... то я говорю так тихо, что он не услышит.

Род мельком взглянул на Фларана. Вид у того был довольно мрачный. Род перевел взгляд на Саймона:

— Значит, опасности по большому счету нет?

— О, она встревожена, — глянув на подавальщицу, сообщил Саймон. — Лучше бы нам отсюда уйти, Оуэн, да поскорее, а не то она позовет еще кого-нибудь из приспешников Альфара.

Род внимательно посмотрел на женщину. Он оценил риск и принял решение.

— А я не думаю, что нам следует бежать, — возразил он и поманил подавальщицу пальцем.

По глазам было видно, как та испугалась, но внешних причин для страха у нее не было. В целях сохранения подлинности своего образа подавальщица медленно, не слишком охотно, но все же подошла к столу:

— Что вам принести, люди добрые? Пива? Или еще мяса?

— Пока ничего не надо, — изобразив дружелюбную улыбку, ответил ей Род. — А ты мне лучше вот что скажи: небось тебе непонятно, как это я не тут, когда на самом деле — тут.

Подавальщица в полном шоке вытаращила глаза, а Саймон пробормотал:

— Отлично. Она почти полностью обезоружена. Можно не сомневаться: она служит Альфару и здесь высматривает ведьм и чародеев.

Род выхватил кинжал и приставил его острие к животу подавальщицы за мгновение до того, как Саймон закончил фразу. Женщина в ужасе уставилась на сверкающее лезвие.

— Садись, — продолжая улыбаться, велел ей Род — вот только улыбка у него стала зловещей.

— Господин... — выдохнула женщина, не спуская глаз с кинжала. — Я не смею...

— Не повиноваться мне? Не смеешь, это точно. А теперь садись.

Вся дрожа, женщина опустилась на свободный табурет. Род взял ее за руку и одарил лучезарной усмешкой.

— Саймон, дружище, покопайся-ка здесь, посмотри, что можно найти. — Придав улыбке некоторое подобие похотливости, Род взял женщину за обе руки, склонился к ней и негромко проговорил: — А теперь, красавица моя, сиди тихонечко и постарайся не обращать внимания на те пальчики, что сейчас начнут рыться в твоём разуме. А если тебе вдруг станет неприятно, то ты вспомни про то, что сама была готова мысленно произнести такие слова, из-за которых сюда бы явились солдаты и убили бы нас. — Он поднес ее руку к губам, поцеловал и снова улыбнулся. — Понимаю: больше всего на свете тебе сейчас хочется вскочить и поднять шум. Но если ты так сделаешь — мой кинжал рядом. Вряд ли ты сумеешь схватить

его мысленно быстрее, чем я — рукой. — Он заметил, как женщина уставилась на кинжал, и предупредил ее: — Уж ты мне поверь, мне и прежде приходилось иметь дело с ведьмами.

Сказал — и тут же понял, что последняя фраза стала для него самым ярким преуменьшением за последний год.

Женщина устремила на него взгляд полный страха:

— А... почему же ты... поцеловал мне руку, если ты — мой враг?

— Потому что на нас смотрят... ну вот, молодой Дольн с меня глаз не спускает... нет, не смотри туда!.. И взгляд у него не самый любезный. Честно говоря, по-моему, он готов у меня сердце вырвать, зажарить и съесть. Но на это ты не надейся: боец-то я получше него буду, намного лучше. — Заметив, каким ужасом наполнились глаза женщины, Род продолжал гнуть свою линию: — Теперь сиди тихо. Не хочешь же ты, чтобы я сделал ему бо-бо, верно?

— Нет, не надо! — вскрикнула женщина, но, поняв, что выдала не только военную тайну, покраснела и потупилась.

— Вот и умница, — похвалил ее Саймон. — Хорошая девочка. Гляди на крышку стола и больше никуда... думай только про то, что она деревянная... какого она цвета...

Девушка вдруг охнула и замерла. Голова ее запрокинулась назад, глаза закрылись, а в следующее мгновение она обмякла и едва не повалилась на пол с табурета.

— Подите прочь от нее! — крикнул Дольн, вскочил и выхватил нож.

Род медленно поднялся, усмехаясь по-волчьи и вертя в руке кинжал:

— А чего ж не отойти? Отойду. А подойти не к тебе ли?

Гарль выругался и встал рядом с Дольном. Однако во взгляде второго были ясно видны сомнения.

— Ну вы полегче, ребята, полегче, — вступил в разговор Саймон. — Она уснула. Спит она, вот и все.

Дольн глянул на него, перевел взгляд на женщину, лишившуюся чувств, и свирепо выпучил глаза.

— Спокойнее, парень, — поддержав линию Саймона, проговорил Род. — Мы ей ничего дурного не делаем. — Он искоса

взглянул на Саймона. — А если я верно понял, так мой приятель ей помочь хочет.

— Что же это за помощь такая, ежели она чувств лишилась? — воскликнул Дольн.

— Да, и верно, что же это за помощь? — округлив глаза, затравленно вымолвил Фларан и втянул голову в плечи.

Кенч смотрел на Рода и Саймона взглядом, от которого запросто очоурилась бы ядовитая змея. Гарль собрался с духом и решительно встал рядом с Дольном. Девушка вздохнула, подняла голову.

— У нее и спросите, — негромко ответил Род. — Через минуту она очнется.

Дольн вперил взор в женщину. А у той затрепетали и разжались веки. Она ошеломленно огляделась по сторонам, а когда поняла, где находится, широко раскрыла глаза и ахнула.

— Марианна! — Упав на колени, Дольн сжал ее руку. — Что они с тобой сделали?

Она опустила глаза, отшатнулась, но, узнав Дольна, немного успокоилась. Обведя взглядом тех, кто стоял и сидел рядом, она задержала глаза на Роде, потом медленно перевела взгляд на Саймона и снова взглянула на Дольна. Ее губы дрогнули в улыбке.

— О нет, не бойся за меня, милый Дольн. Мне хорошо. Так хорошо, как уже несколько недель не было. — Она сдвинула брови, взглянула на Саймона и снова — на Дольна. — Эти добрые люди помогли мне.

Взгляд Дольна метался.

— Это что же за помощь такая, если от нее в обморок падают?

— Лучше тебе этого не знать, — по-дружески проговорил Саймон. — А теперь, будь так добр, постой немного в стороне. Нам надо еще поговорить с твоей Марианной.

— Но я не «его» Марианна, — оскорбленно возразила девушка, но тут же одарила Дольна лучистой улыбкой. — Я и не знала, что тебе есть дело до меня.

Дольн сглотнул подкативший к горлу ком. Он не спускал глаз с Марианны:

— Я... я... за тебя переживаю, Марианна. Хочу, чтобы тебе было хорошо.

— Теперь я это поняла... и благодарна тебе. — Щеки девушки залились румянцем, она сжала руку Дольна и устремила на него взгляд из-под опущенных ресниц. — Уж так я тебе благодарна... Но все же, прошу тебя, послушайся этого доброго человека и отойди в сторонку, милый Дольн, — мне и вправду надо потолковать с ним и его товарищем.

Дольн неохотно, пытаясь, отошел от стола и налетел на Гарля. Тот выругался, развернулся и сел на табуретку. Дольн тоже уселся, но взгляд его был по-прежнему прикован к Марианне, Роду и Саймону. Но вот Кенч что-то пробормотал. Дольн обернулся к нему, сдвинул брови и стал перешептываться с Гарлем и стариком Кенчем, время от времени бросая быстрые взгляды на Саймона и Рода.

На Фларана он внимания не обращал. Да и кто когда обращал на него внимание?

Марианна поглядела на Саймона со счастливой улыбкой и пригладила растрепавшиеся волосы.

— Я тебя за многое должна поблагодарить, — смущенно проговорила она. — Ну, спрашивай. Что ты хотел узнать? Я с радостью отвечу тебе.

Род прикрыл губы ладонью, чтобы спрятать улыбку, и обратился к Саймону:

— Может, расскажешь, что произошло?

— То же самое, что ты видел прежде, — ответил Саймон. — Она трудилась под действием чужих чар, а я эти чары снял.

— Чары, вот как? — Род изумленно воззрился на Марианну. — Так ты — *ведьма*?

— Выходит, да. — Девушка стыдливо потупилась. — Теперь я понимаю, что это так:

Саймон взял ее за руку.

— Тут нечего стыдиться, милая. Нет твоей вины в том, что тебя околдовали.

— Есть вина! — широко раскрытыми глазами посмотрела на него Марианна. — Ведь я скрывала свой магический дар от других людей. Я все время чувствовала себя виноватой — пока не поверила в то, что я лучше них, потому что умею читать мысли и умножать разные вещи одной лишь силой разума, а они — нет. И мне стало казаться, что мы, люди, наделенные

колдовским даром, — истинные аристократы, новые аристократы, которые могли бы и должны править миром, и получше, чем это умеют делать лорды!

— И ты думаешь, что ты одна в этом повинна? — с улыбкой спросил Саймон.

— А разве нет? — Она зарделась и опустила глаза. — Увы, ведь именно так я когда-то думала! Но ни у одной из ведьм в округе я не слышала таких мыслей, как у меня. Никто немышлял о том, чтобы добиться для ведьм и колдунов подобающего места, никто не задумывался даже о том, чтобы поступить на службу к королю и королеве. И вот в ту пору, когда Альфар начал подбираться к нашим вассалам и объявил, что приведет всех, в ком есть хоть крупинка колдовского дара, к власти и славе, я тут же объявила его своим повелителем и принесла ему клятву верности.

— И каких же услуг он у тебя просил?

— Только таких... — Марианна с отвращением обвела рукой зал кабака. — Вот она, моя слава, моя власть. Я должна была работать здесь до седьмого пота и еще — быть настороже и высматривать всех ведьм и чародеев, кому случится заглянуть сюда. Мне следовало слушать их мысли и узнавать, не хотят ли они, часом, взбунтоваться против Альфара. И я делала это — с превеликой радостью. — Девушка закрыла лицо ладонями. — Какая же я была гадкая! Я — подлая, низкая изменница. Я отдала в руки приспешников Альфара трех ведьм, которые только в том и были повинны, что желали спастись бегством! — Она устремила на Саймона взгляд полный боли. — Ведь я искренне верила, что всякая ведьма или чародей, которые не присягнули на верность Альфару, — предатели своих братьев. И вот я позвала на помощь других ведьм из шабаша Альфара... и пришли солдаты, и увели этих трех ведьм прочь, и... — Она снова закрыла лицо руками. — Ой-ой-ой! Что же они с ними сделали, с этими бедняжками!

Плечи Марианны сотрясались от рыданий. Саймон наклонился, обнял ее за плечи:

— Ну, не надо так горевать! Ведь все это ты делала не по своей воле, не по своему выбору!

Марианна взглянула на него. Слезы ручьями текли по ее щекам.

— Но разве могло быть иначе?

— Когда ты впервые задумалась о том, что ты лучше своих соседей, другие колдуны уже начали напускать на тебя свои чары, — объяснил ей Саймон. — Уже те, самые первые твои мысли о том, что ведьмы и чародеи должны править страной, не принадлежали тебе. Эти мысли были тебе ловко навязаны и так переплетены с твоими мыслями, что казались тебе собственными.

— Правда? — не веря своим ушам, спросила Марианна.

Саймон кивнул:

— Не сомневайся. Я сам заглянул в твои мысли — уж прости, что так вышло, — и я все знаю.

— О, я вовсе на тебя не в обиде! — вскричала Марианна. — Но как же мне отблагодарить тебя за то, что ты снял с меня эти злые чары? — И тут глаза ее радостно сверкнули. — Знаю! — воскликнула она и хлопнула в ладоши. — Я пойду на север и сама буду снимать злые чары с добрых людей.

Род и Саймон быстро переглянулись. Род, заметив тревогу во взгляде Саймона, развернулся к Марианне:

— Я... Я бы тебе этого не посоветовал.

— Нет? — сразу же помрачнела девушка. — Но что же мне тогда...

— Да, в общем-то то же самое — только займись этим прямо здесь, — ответил Род и ухитрился улыбнуться. — Делай то же самое, что тебе велел делать Альфар, только трудись на нашей стороне. Продолжай работать подавальщицей и высматривай людей с колдовским даром, которые идут на север. Но когда будешь находить таких, не докладывай о них прихвостням Альфара.

— Но что же это за помощь! — воскликнула Марианна.

— Те, кого ты спасешь, так думать не будут, — заверил ее Саймон.

— Разве это спасение? Ведь все будет так, будто меня тут и нет вовсе!

— Нет, не так. — Род покачал головой. — Если бы ты покинула свой пост, Альфар и его люди очень быстро узнали бы

об этом и послали бы сюда кого-то другого, чтобы он делал твою работу. Защитить беженцев ты можешь, только оставшись здесь и покрывая их.

— Но наверняка я могла бы сделать и что-то поважнее!

Род не удержался — поддался искушению.

— Могла бы, если на то пошло. Ты могла бы найти еще парочку ведьм, которые решили остаться в родных краях.

— Других ведьм? — изумленно воззрилась на него Марианна. — Но чем же это вам поможет?

— Каждая из них найдет еще двух, — пояснил Род, — а каждая из тех — еще двух, и через какое-то время у нас образуется целая сеть ведьм, противостоящих Альфару по всему княжеству Романова.

Марианна нахмурилась, покачала головой:

— А в чем же тут будет помощь?

— Король Туан пойдет походом на север — рано или поздно. И когда он тронется в путь, мы дадим восточку для вас, чтобы ведьмы собрались поближе к полю главного сражения и помогли нам.

— Помочь в бою? — переспросила Марианна, широко раскрыв глаза. — Но как?

— Об этом мы тоже расскажем, но позднее. Просто будьте готовы.

Девушка медленно кивнула:

— Я, правда, не совсем понимаю... но верю вам обоим и сделаю, как вы просите.

— Вот и умница! И не волнуйся, ты сама поймешь многое! Ничего слишком трудного не будет. Надо просто собраться в некоем месте и напасть на некую часть войска колдуна.

— Будь по-твоему, — не слишком уверенно кивнула Марианна. — Но как же я узнаю, что надо делать и когда?

— Кто-нибудь скажет тебе об этом. С сегодняшнего дня тебя зовут... Эсмеральда, и по этому имени тебя будут знать все остальные, кто восстанет против Альфара. Так что... как только кто-то явится и скажет, что принес весть для Эсмеральды от Керна (Род снова пожалел о том, что выбрал для себя это прозвище), ты поймешь, что это весть от меня.

— Но почему я не могу называться Марианной?

— Чтобы никто не мог предать тебя. Если кто-то донесет Альфару об изменнице по имени Эсмеральда, он не поймет, кто это на самом деле.

— А Керн — не настоящее твое имя?

«Хотелось бы верить»; — с тоской подумал Род.

— Имя как имя. Самое главное как раз в том, чтобы мы не знали настоящих имен друг друга. Ну, согласна? Станешь Эсмеральдой и будешь делать то, о чем мы тебя просим?

Марианна медленно кивнула:

— Да. Если вы и вправду думаете, что только так я могу вам помочь.

— Молодчина! — Род сжал ее руку, ощутив небывалое облегчение. У него словно гора свалилась с плеч. Девушка была так юна и нежна, и страшно было представить ее в пыточных камерах Альфара. Лучше было оставить ее там, где бы она была в безопасности. — Ну а теперь... будь так добра, пойдی успокой своего дружка Дольна, ладно? А то у меня такое чувство, будто ему все еще не терпится сунуть мне нож под ребра.

— Да-да, конечно. — Марианна покраснела и поспешно встала. — Спасибо вам, люди добрые.

Она отвернулась и направилась к своему ухажеру.

— Похоже, она тут же про тебя забыла, — едва заметно усмехнувшись, заметил Саймон.

— Конечно. Так и должно быть, верно? — Род смотрел на Дольна, а тот не спускал глаз с лица Марианны. Но вот он взял девушку за руку, и Род со вздохом повернулся к Саймону и Фларану. — О, юная любовь! Разве это не прекрасно?

— Воистину это прекрасно, — согласился Саймон, глядя на молодую парочку через плечо Рода. — Но я все думаю о том, друг Оуэн, что в ее словах была изрядная доля истины... я не о том, что мысли о славе и величии были ее собственными, нет, — а о том, что те семена, что сеет Альфар, падают на благодатную почву.

— Ну да, само собой! Человека трудно загипнотизировать, если он сам того не желает! — Род вдруг перешел на интеллектуальную речь. — А этот дистанционный гипноз не сработал бы настолько безотказно, если бы Марианна не страдала комплексом неполноценности.

— Не... полноценности? — выпучил глаза Фларан. — Но как же так? Ведь колдовской дар возвышает нас над другими людьми!

Род не пропустил мимо ушей местоимение «нас».

— Да, но тем, кто наделен таким даром, так не кажется. Они понимают лишь, что они отличаются от других, что если другие поймут, насколько они от них отличаются, то тогда никто их не будет любить. — Он пожал плечами. — А когда тебя никто не любит, ты становишься неполноценным. Я понимаю, звучит не слишком убедительно, но на деле все так и есть. Так устроен разум человеческий. И поскольку считать себя ничтожеством человеку нестерпимо, довольно скоро чародей начинает себе твердить, что он вовсе не ничтожество и что все косо смотрят на него только потому, что завидуют ему. А люди действительно косо смотрят на ведьм и чародеев уже не первую сотню лет.

— Верно! — ухватился за эту мысль Фларан. — Это так и есть! Дело не только в том, что нам кажется, будто другие нас недолюбливают!

— Конечно! Очень легко ощутить себя преследуемым, когда это на самом деле так. Но ведь это должно означать, что ты — еще хуже, чем ничтожество. — Род описал указательным пальцем обратную дугу. — Если люди смотрят на тебя искоса и если это хорошие люди, которые тебе всегда нравились, а потом вдруг почему-то начали тебя недолюбливать, то получается, что ты почему-то стал человеком второго сорта, гадким, дурным! Но кто способен счесть себя законченным мерзавцем?

— Мерзавцы, думаю, способны, — быстро ответил Фларан.

— Вот именно! — развел руками Род. — Вместо того чтобы сказать себе: «Я — человек второго сорта», люди говорят: «Я мерзавец». Им больше по душе быть первосортными негодями, нежели второсортными добряками.

Фларан окончательно растерялся. Он смотрел на Рода, не мигая.

— Либо! — Род поднял указательный палец. — Либо ты решаешь, что ты — не злодей и что ты при этом — не человек второго сорта, и что не любят тебя исключительно потому, что завидуют тебе. Косые взгляды — лишнее подтверждение того, что ты луч-

ше, чем они. А они просто боятся конкурентов и готовы уничтожить тебя, потому что ты представляешь для них угрозу.

Фларан медленно поднял голову. Род увидел в его глазах огоньки понимания.

Род пожал плечами:

— В какой-то степени таким отношением к жизни и окружающим отличаются все ведьмы и чародеи. Оно называется «паранойя». Однако они стараются не давать волю своим чувствам. Они понимают, что даже в том случае, если их самооценка правдива, то правда есть и в том, что их соседи — люди по большому счету хорошие, что также недалеко от истины. А если у человека, наделенного колдовским даром, есть хоть капля самоуничтожения, то он видит свои грехи столь же ясно, как и свои способности, и тогда ему удается держать свои комплексы в узде. Это нечто вроде попытки удержать равновесие, балансируя между паранойей и реальностью. Но такие люди становятся легкой жертвой промывания мозгов... ну, то есть для чар, напускаемых Альфаром.

Фларан отвел взгляд и уставился на крышку стола. Он сильно побледнел, его руки дрожали.

Род смотрел на него и качал головой, печально улыбаясь.

«Бедный малый, — думал Род, — ни в чем не повинный бедолага». Наверное, в каком-то смысле Фларан предпочел бы остаться изгоем до конца дней своих. Вероятно, довольно-таки болезненно ему было узнать о том, что его чувства если не нормальны, то по крайней мере стандартны для его состояния. Родиться эспером само по себе было не слишком приятно, а еще неприятнее было узнать, что в этом нет ничего исключительного.

Род поймал на себе взгляд Саймона. Тот кивком указал на Фларана и сочувственно улыбнулся. Род улыбнулся в ответ. Оба понимали, как это больно — правда жизни.

Тронувшись в путь, Род и Саймон попробовали было снова завести непринужденную беседу на семейные темы, но разговор не заладился.

Конечно, непринужденности в немалой степени мешало мрачное настроение Фларана, сидевшего по другую сторону от

правившего Вексом Рода. Какое-то время ехали в полном молчании. Неловкость и напряжение нарастали. Наконец Род решил, что с него хватит.

— Послушай, Фларан, — сказал он, — я понимаю: трудно смириться с мыслью о том, что Альфар пытается превратить всю страну в послушных марионеток, но занимается он именно этим. Поэтому нам остается только признать это и попытаться, отойдя чуть в сторону, посмотреть, что мы могли бы с этим поделаться. Понимаешь? От того, что ты будешь посыпать голову пеплом, никому не станет ни жарко ни холодно.

Фларан посмотрел на Рода. Было видно, что мысли его только что блуждали в дальней дали.

— Нет-нет, друг Оуэн, я думал совсем не про это.

Род только и вымолвил:

— О? — Помолчав пару секунд, он осведомился: — А про что же, если не секрет?

— Про то, о чем говорила та подвальщица.

— То есть? О том, что люди, наделенные колдовским даром, обладают данным им от природы превосходством над другими людьми? — Род покачал головой. — Это полная чепуха.

— Нет, в этом есть какой-то смысл, — возразил Фларан и задумчиво воззрился в небо. — И вправду, чародеи и ведьмы должны править миром.

— Да будет тебе! Ты еще скажи мне, что Альфар — славный парень и что на самом деле он вовсе не в неволю берет крестьян, а дарит им свободу!

Фларан вытаращил глаза:

— Правда, правда! Так и есть! Он освобождает крестьян от ига господ!

Род, беззвучно шевеля губами, отвернулся и сглотнул. Он глянул на Саймона и попросил:

— Посмотри-ка, что с ним. Похоже, что его начали окутывать чары.

— Да нет же! — оскорбленно воскликнул Фларан.

Саймон сдвинул брови и на пару мгновений устался в одну точку.

— А я даже того не слышу, про что он говорит, Оуэн. Слышны только мысли о том, как прекрасны поля вокруг нас, как

хороша собой была та девушка, что подавала нам еду. — Он перевел взгляд на Рода. — Нет, это не мысли человека, чей разум опутан чарами.

— С чего вы взяли, что меня околдовали? — вскричал Фларан. — Только с того, что я правду говорю, сударь Оуэн?

— Правду? — фыркнул Род. — Кто-то хорошенько напищал тебе мозги всякой пакостью, если ты считаешь, что это правда!

— Да нет же! Вы сами посудите! — Фларан в отчаянии развел руками. — Простолюдинам непременно нужны господа...

— С этим я мог бы поспорить, — проворчал Род.

— Но сказать бы не посмел! Судя по тому, что мне довелось повидать на своем веку, это правда! — Фларан выгнул шею и посмотрел на Саймона. — А ты что скажешь, сударь Саймон?

— Кто-то править должен, — не слишком охотно согласился Саймон.

— А если кто-то должен править, значит, должен быть господин! — Фларан стукнул себя по коленке. — А разве для крестьян не лучше, чтобы ими правили господа, которые, как и они сами, родились крестьянами, которым знакома боль нищеты, все унижения, испытываемые простым людом? Неужто справедливее и добрее те господа, что привыкли кушать на серебре, носить на пальцах перстни с рубинами, жить в роскошных замках, не ведать, что такое тяжкий труд от зари до зари, что такое нужда? Нет, эти господа не снизойдут даже до того, чтобы глянуть вниз с башни своего замка. О простых людях вроде нас с вами они говорят так, будто мы — презренные черви! Будто мы — вещи, их собственность! Скот! Не мужчины и не женщины, не люди!

Род в страхе смотрел на Фларана.

— Где ты наслушался таких подстрекательских речей? — спросил он.

— А разве в подстрекательских речах не может быть правды? — чуть смущенно, покраснев, проговорил Фларан.

— Не знаю, с кем тебе довелось побеседовать, — пожал плечами Род, — но это явно был не лорд. Большинство из них

таких разговоров не ведут, да и как тебе могла представиться возможность побеседовать с особой благородной крови?

— А у меня хороший слух, сударь Оуэн. Может, язык у меня подвешен слабовато, но уж что-что, а слышу я хорошо. Случалось мне говорить с людьми, которые господам прислуживают, — вот от них я и выведал, как господа про нас отзываются. Я слышал мысли своих соседей, слышал и то, что они порой говорили вслух. Они мучились и изнывали под игом господ, так что я никак не могу рассудить, что они служат самым лучшим на свете господам. — Фларан покачал головой. — Нет, в словах той девушки-подавальщицы был очень даже большой смысл... Ведь кто лучше знает о нуждах людей, как не те, кто способен прочесть их мысли? А кто лучше присмотрит за их трудами, как не тот, кто сам знает, как тяжки эти труды?

— Это все отговорки, — проворчал Род, отвернулся и увидел вдали группу крестьян, идущих по проселку к большой дороге. Одетые в бедную домотканую одежду, крестьяне сгибались под тяжестью дорожных мешков. — Вот! — сказал Род и указал в их сторону. — Вот правда, вот смысл, о которых ты пытаешься толковать! Бедняки бредут по дорогам — потерянные, одинокие, потому что их дома разрушены войной! Есть и иные, чьи дома нетронуты, но и они похватали тот жалкий скарб, который успели собрать, и стремятся спастись бегством, потому что страшатся правления выскочки, коему не доверяют!

— Но во времена войн крестьянские дома всегда горят! — горячо возразил Фларан. — Так всегда бывает, когда господа ведут свои войска в бой! Но на этот раз война может принести крестьянам хоть какое-то облегчение, ибо тот, кто станет победителем, рожден среди них!

— Отговорки, — снова повторил Род. — Подтасовка! — Он развернулся и в упор посмотрел на Фларана. — Да, подтасовка! Позволь, я объясню тебе, что это такое — подтасовка, — с жаром проговорил он, развернувшись к соседу. — Это когда чему-либо придается обличье разумности и справедливости, но на самом деле этого нет и в помине. На самом деле подтасовка нужна исключительно для оправдания того, что ты вознамерился сделать, или того, что ты уже натворил. Тогда твои деяния станут выглядеть благовидными, а на самом-то деле это

вовсе не так. Именно этим ты сейчас и занимаешься: пытаешься приукрасить дурное, заставить его выглядеть хорошим, добрым. Но все твои доказательства можно свести к одной-единственной фразе: «Я желаю власти, и я ее получу». А подлинные причины этого желания — зависть и жажда мести!

Говоря, Род заметил, что крестьяне, нагнавшие их, остановились по обе стороны от повозки. Рода это не огорчило — пусть будут свидетели, пусть слышат!

— Но как же ты можешь так говорить! — Фларан нахмурился и склонил голову набок. — Ведь и ты сам обладаешь огромным могуществом!

Род застыл в испуге. Неужели он проговорился?

— О каком... могуществе... ты говоришь, что-то я не пойму?

— Ну как же! Ведь у тебя истинный талант! Ты умеешь прятать свой разум от других чародеев! Наш друг Саймон так и сказал: для тех, кто умеет читать мысли, тебя как бы не существует вовсе! И даже я заметил это, хотя у меня колдовских силенок совсем маловато!

Род пожал плечами. Объяснять он, естественно, ничего не собирался.

— Ведь это величайший дар! — в неистовстве выкрикнул Фларан. — Как, должно быть, этот дар помогает тебе, когда кто-то желает разыскать тебя, имея недобрые намерения! Будь ты на стороне Альфара, он бы непременно даровал тебе титул князя и поставил тебя во главе своих лазутчиков! — Он улыбнулся и, сверкая глазами, наклонился ближе к Роду. — Ну, сударь Оуэн, разве это не было бы великолепно? Разве ты не пожелал бы стать князем?

— Я бы сказал, что это ужасно, — скрипнул зубами Род. — Да ты хоть понимаешь, что это значит? Это значит, что я бы стал помощником человека, который вознамерился насадить одну из жесточайших тираний, которые когда-либо знало человечество! Остановись, задумайся! — Он поднял указательный палец. — Даже во времена самых страшных диктатур на Древней Терре людям позволялось сохранять один-единственный предмет личной собственности — их разум. По крайней мере мыслить они имели право. Но Альфар собирается отнять у людей и это!

— Подумаешь, какая чепуха! — презрительно махнул рукой Фларан. — Что такое мысли, сударь Оуэн? Да ничего. Мыльные пузыри, паучьи сети! Что такое свободомыслие в сравнении с туго набитым животом, с освобождением от непосильного труда? Что такое свободомыслие в сравнении с избавлением от нужды? Что толку от того, что ты имеешь право на тайны, если король никогда не станет считать тебя равным себе? Но задумайся! — Он вперил взгляд в пространство. Глаза его сверкали. — Представь, какой прекрасной могла бы стать эта страна, если бы ею правили чародеи! В какой земной Рай мы могли бы превратить ее для самих себя и для людей с добрыми сердцами.

Род был до глубины души потрясен энтузиазмом своего тщедушного молодого спутника.

— Ну ладно, — скривив губы в скептической усмешке, проговорил Род и немного откинулся назад. — Говори, а я послушаю.

— Скажу! Чего бы только не смогли достичь ведьмы и чародеи, если бы им было позволено употреблять их дар открыто? Они бы сделали так, что вовек прекратились бы засухи и наводнения, ибо им под силу призывать дождь и прогонять его! Никогда бы не нападал мор на скотину, ибо ведьмы и чародеи, никого не опасаясь, исцеляли бы животных. Да и люди тоже перестали бы умирать от болезней — их врачевали бы все те же чародеи! Крестьяне бы никогда не голодали, им бы не приходилось отдавать почти все плоды своих трудов господам, которые бы окружали себя роскошью и ночи напролет предавались утехам! Безмолвные жалобы людей на нищету слышали бы чародеи и смогли бы придумать, как избавить людей от забот!

— Ну да, конечно, — усмехнулся Род, — если только эти самые крестьяне не начнут роптать из-за того, что правящий ими король-чародей что-нибудь делает не так, как им нравится. А тогда король заткнет им рот... гипнозом!

— О, таких будет совсем немного! — воскликнул Фларан и одарил Рода неприязненным взглядом. — Стоит ли переживать из-за горстки недовольных? Такие находятся всегда!

— Точно, — кивнул Род. — И Альфар — один из них. Но если колдуны придут к власти, недовольных будут не считанные единицы, а большинство людей — обычных людей, кото-

рые будут чувствовать себя неполноценными — ведь они-то лишены колдовских способностей! И они будут противиться правлению тех, кто этим даром наделен, но из страха перед колдунами, которые могут безжалостно уничтожить всякого, кто выступит против них, народ будет безмолвствовать, и жизнь людей превратится в нескончаемую пытку! Я говорю о самых обычных людях, как вот эти, что сейчас стоят рядом с нами! — Он указал на крестьян, которые, сверкая глазами, сходились все ближе и ближе к повозке. — Пожалуй, нам пора трогать, ребята, — заключил Род. — Я с трудом держу себя в руках, а когда чародеи дерутся, случайных прохожих можно задеть шальной магией.

— Ах, так ты все же чародей! — вскричал Фларан.

Род в отчаянии скрипнул зубами, злясь на себя за то, что так глупо проговорился. Тем не менее он предпринял храбрую попытку прикрытия:

— По твоим меркам — да. Разве не ты только что сказал, что моя способность прятать мысли — величайший дар?

— Верно, так я и сказал, но если ты — чародей, то ты — изменник!

Фларан вскочил на ноги, лицо его потемнело от гнева. Он вдруг стал выше ростом и сильнее.

У Рода и у самого настроение было далеко не мирное.

— Придержи язык! — крикнул он. — Я служу королю и верен ему до мозга костей!

— Но ты предатель для колдовского братства! — бушевал Фларан. — Ты всего лишь наемное орудие, ты служишь тем, кто платит, а король платит лучше всех! Ты — игрушка в руках господ! Мы все — их пешки, которые они передвигают по всей стране, наслаждаясь игрой! А ты помогаешь им в этом! Ты, который по праву рождения должен был бы примкнуть к Альфару и противостоять господам! Нет, ты хуже изменника! Ты — презренный раб!

— Хватит! — Род вскочил. Повозка угрожающе накренилась набок. Однако Фларан легко удержал равновесие, и даже такая малость почему-то довела Рода до белого каления. — Кого ты назвал рабом?! Чары Альфара настолько крепко опутали тебя, что ты уже стал его марионеткой!

— Нет! Его глашатаем! — возопил Фларан. Глаза его сверкали с фанатическим блеском. — Ты глупец, если не видишь его величия! Альфар восторгается, а все, кто противостоит ему, будут стерты в порошок или сгорят в огне! Склонись, тупица! — взревел он, вспрыгнул на козлы и наставил на Рода указующий перст. — Поклонись Альфару, принеси ему клятву верности, иначе ты умрешь смертью изменника!

В это мгновение тончайшая ткань самообладания Рода треснула по швам, ярость вырвалась на волю.

— Да кто ты, черт побери, такой, что велишь мне давать какие-то клятвы?! Недоумок, дерьмо собачье! Это тебя уже стерли в порошок, от тебя уже ничегошеньки не осталось! Тебя больше не существует!

— О нет! Я существую, а вот ты скоро перестанешь существовать!

Фларан выхватил куотерстаф у того крестьянина, что стоял ближе других к повозке, сжал палку обеими руками и замахнулся на Рода.

Род пригнулся, увернулся и бросился на Фларана с обнаженным кинжалом, но с десятков рук успели ухватить его и оттянуть назад. Небо закружилось у него над головой в круглой рамке из злобных лиц крестьян. Род увидел, как один из них замахнулся на него дубинкой, и успел заметить, как запахнулся ворот домотканой рубахи у другого и сверкнула кольчуга и зелено-коричневый мундир.

А в следующий миг Род почувствовал страшный удар по лбу. В глазах у него потемнело — словно бы раньше времени наступила ночь.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В мозгу у Рода ровным, пусть и маленьким, пламенем горела паяльная лампа. То ли лампа была не в порядке, то ли тот, кто ею работал, не соображал, что делает, — так или иначе, огонь опалял одну и ту же точку в мозге Рода. Он заставил

себя открыть глаза, надеясь изловить того подонка, что орудовал лампой.

Тьма.

Непроглядная тьма повсюду — и на ее фоне мерцающая оранжевая неправильная трапеция. Род приподнял голову, прищурился, взгляделся в яркое пятно, борясь с пульсирующей болью в голове, и понял, что это всего-навсего отражение пламени на каменной стене. Еще он различил продольные и поперечные пересекающиеся полосы — наверняка то было отражение решетки. Были и другие полосы — кривые, зигзагообразные — следы струек воды. Затем Род разглядел выше хрупкие оранжевые паучьи сети — переплетения тончайших нитей, подсвеченных пламенем.

Связав это все воедино, Род ощутил нечто вроде озарения: он угодил в темницу. Пламя — горящий факел стражника, стерегущего дверь с другой стороны, пятно в форме неправильной трапеции — тень от маленького зарешеченного окошка в двери.

Род вздохнул и осторожно опустил голову. Такое с ним время от времени происходило. Каталажка на Пардопе, «гостевая камера» диктатора на Кэрлете, подземелье под «Домом Кловиса», темница в замке герцога в Тир-Хлисе, где отец Эл обучил его тому, как пользоваться талантом эспера... Перечень можно было бы продолжать и продолжать. Род сдвинул брови и углубился в воспоминания, но это оказалось непосильной нагрузкой для его бедного, несчастного, разбитого вдребезги — как ему казалось — мозга.

Род мысленно отложил в сторонку перечень своих пребываний в местах лишения свободы и медленно, предельно осторожно повернулся набок и приподнялся на локте. Треклятая «паяльная лампа» полыхнула огненным гейзером, который залил пламенем всю голову и верхнюю часть позвоночника. Однако мука продлилась всего пару мгновений и сменилась самой обычной головной болью. Род был вынужден признать, что солдаты обошлись с ним милосердно — могли бы и на смерть забить. Он прижал ладонь ко лбу, вспомнил о кольчугах под рубашами из домотканой ряднины. Он угодил в капкан — в этом можно было не сомневаться. Вот только менее аппетитной наживки, чем Фларан, Род никак не мог себе представить.

И тем не менее он ее заглотил.

Род медленно поднял голову и огляделся по сторонам. По сравнению с другими темницами, в коих ему довелось побывать, эта, безусловно, не относилась к пятизвездочному классу. Но по крайней мере здесь у него были сокамерники: еще двое узников были прикованы цепями к противоположной стене. Один из них за годы плена так исхудал, что превратился в скелет, кое-где украшенный пятнами плесени. Второй узник также был местами запятнан, но это были... лилово-фиолетовые кровоподтеки. Это был Саймон. Он сидел свесив голову на грудь.

Род зажмурился, попытался отрешиться от головной боли и задуматься. Почему Саймон здесь? Ведь он — не шпион. Род продумал этот вопрос досконально, подошел к нему со всех сторон, и тут его осенило: ведь можно было просто спросить! Род кашлянул и проговорил:

— А-а-а... Саймон...

Саймон в изумлении поднял голову. Губы его тронула печальная улыбка.

— А, очнулся!

— Да вроде того. — Род уперся руками в пол и очень-очень медленно приподнялся. Головная боль возмущенно усилилась, и он, охнув, привалился к стене. Однако победа была достигнута — ему удалось сесть. Голову скрутила немилосердная боль, но все же она мало-помалу отступила, ушла «на задний план». Род осторожно выдохнул. — Что... что случилось? Ведь ты же не должен был... попасть сюда... вместе со мной. Что Фларан имеет против тебя?

— Он понял, кто я такой, — вздохнул Саймон. — Когда солдаты повалили тебя, Фларан в ярости набросился на меня и давай кричать: «Кто он, этот Оуэн? Говори, подлый изменник! Как этот человек, не имеющий разума, проник в наши владения?»

— «В наши»? Так и сказал? — сдвинул брови Род.

Саймон пожал плечами:

— Мне повезло: я знал, каких ответов ему хотелось. Я ему так и ответил, а он развернулся к солдатам, ткнул в меня пальцем и прокричал: «Пытайте его! Подвесьте его вниз головой и сломайте ему пальцы, сустав за суставом!» А я крикнул: «Нет!

Мне нечего от тебя скрывать!» И я сбросил все завесы с моего разума.

— А что толку было от этого? Ведь он, как многие из тех, кто наделен способностью читать мысли, почти неграмотен.

— О нет! Он очень даже образован! — Саймон покачал головой и поджал губы. — Не только ты, мой друг, мастерски обманывал его, но и он — тебя. Я ничего не почувствовал, но заметил, что лицо его стало спокойным. Потом в глазах его появилось волнение, но оно тут же сменилось разочарованием, и он с отвращением отвернулся от меня. «Тут ничего нет, — объявил он. — Это всего-навсего старик, который худо-бедно умеет снимать чужие чары. Он мог бы уйти, но он так глуп, что потащился обратно на север, дабы помешать нашим трудам». Тогда капрал говорит: «Так он все же изменник», — и глянул на меня злобно. А глаза — пустые, как будто незрячие.

— Околдованный, — понимающе кивнул Род.

— Точно. Потом капрал спрашивает у Фларана: «Запороть его насмерть?» Тут мне, знаешь, словно бы гвоздей в желудок набили... Но Фларан меня смерил взглядом с ног до головы и говорит: «Нет. Он нам еще, быть может, понадобится. Свяжите его по рукам и ногам. Возьмем его с собой». Потом уставился на меня, глаза выпучил и прошипел: «А если ты попробуешь снять чары с этих солдат, я тебя убью!»

— Вот оно как... — вздернув брови, проговорил Род. — А он, оказывается, вовсе не дурачок, каким представлялся?

— Нет. Он, представь себе, командовал этими солдатами. Он велел им идти вперед, и они его послушались. Через несколько сотен ярдов нас ждали стреноженные лошади. Солдаты развязали их и сели верхом. Для тебя и меня были приготовлены мулы, а для Фларана — прекрасный караковый жеребец с седлом, украшенным серебром.

Род еще на мгновение задержал взгляд на лице Саймона и спросил:

— Так мы не случайно на них напоролись, а?

Саймон иронично усмехнулся:

— На самом деле все было продумано до мелочей.

— Даже в том, что толпа крестьян погналась за Флараном в нужное время — когда мы проезжали мимо! — Род поджал губы. —

Все рассчитал, скотина. Понимал, что мы непременно его пожалеем и возьмем с собой. А с нами он пробыл ровно столько, сколько ему понадобилось для того, чтобы удостовериться в том, что мы — именно те, кем он нас считает. А как только удостоверился — отдал нас на растерзание своим молодчикам.

— Между прочим, для начала он все же предоставил нам возможность поменять наши плащи на форму войска Альфара, — ради справедливости уточнил Саймон.

— Верно. Как это благородно с его стороны! — хмыкнул Род. — Но как он нас вычислил?

Саймон вздохнул и покачал головой:

— Могу лишь предположить, что нас выследил какой-нибудь лазутчик и незаметно следовал за нами.

— Да. Это похоже на правду.

Род вдруг почувствовал острейшие угрызения совести. Альфар запросто мог приставить к нему шпиков с того мгновения, как он пересек границу. Как знать — быть может, внешность Рода была ему знакома, ведь он был не последним лицом в королевстве. А Род никак не рассчитывал на такую проницательность со стороны колдуна.

Но теперь с этим поделаться уже ничего было нельзя. Род встряхнулся и тут же пожалел об этом: головная боль с новой силой напомнила о себе. Постаравшись не думать о ней, Род спросил:

— Долго ли нас везли?

— До конца дня и часть ночи, — ответил Саймон.

— А меня по башке стукнули ближе к полудню... — Род нахмурился. — Сейчас подсчитаю... — Он прижал ладонь ко лбу. Звякнула тяжелая цепь. Род постарался забыть о боли и сосредоточился. — Шестнадцать часов. И все это время я был без сознания?

Саймон кивнул:

— Стоило тебе пошевелиться, и Фларан велел солдатам снова тебя колотить.

— Неудивительно, что у меня голова раскалывается! И сколько раз меня стукнули?

— Больше полудюжины.

Род поежился:

— Еще повезло, что череп не проломили. Хотя... — Он нахмурился, поднял руку, ощупал голову. — Будем надеяться, что этого не случилось. А почему он не желал, чтобы я пришел в себя?

— Он про это ничего не говорил. Я так думаю: он боялся. Не желал рисковать — мало ли, какой силой ты обладаешь.

У Рода по спине побежали мурашки.

— Силой? Ты про какую силу толкуешь? Просто так вышло, что я невидим для чародеев, читающих чужие мысли, вот и все!

— Может, и так. Но я тебе честно скажу, как на духу: на месте Фларана я бы точно так же поступил. Ведь это все равно — нарочно ты свой разум прячешь или ненарочно, а говорит это только о том, что ты наделен могущественной колдовской силой. Нет-нет, сударь Оуэн, ты настоящий чародей — знаешь ты про это или нет. К тому же ты — чародей могущественный, если тебе подвластно так надежно прятать свой разум. — Саймон прислонился спиной к стене. — Так почему же не задуматься о том, что ты делаешь это намеренно? А если так и если бы я, к примеру, был твоим врагом, то я бы не желал мериться с тобой силой, не зная, на что ты способен.

Род не спускал глаз с Саймона. В конце концов он со вздохом отвернулся:

— Ну ладно. Рассуждаешь ты здорово. Да и Фларан, видно, малый не промах. Но все-таки — зачем он и тебя с собой потащил?

Саймон пожал плечами:

— Кто знает? Не сомневаюсь: тебе он еще задаст кое-какие вопросы, а если твоей собственной боли будет маловато и ты не разговоришься, начнут пытаться меня — так я думаю.

Род поежился:

— Ну просто очаровашка наш Фларан, верно?

— Не то слово. Глядит на меня, пальцем тычет. «И не пытайся скрывать свои мысли! — орет. — И не одевай их в другую одежду, а не то я прикажу, чтобы тебя убили на месте!» Я ему пообещал, что делать этого не стану — тем более что и сам понял, что теперь это бесполезно. А что он такого важного мог узнать из моего разума, сам посуди?

— Вот-вот. И что он такого еще не узнал за время странствия рядом с нами, — проворчал Род и порадовался тому, что

в тусклом свете Саймон не видит, как пылают от стыда его щеки. — Послушай, а ведь он может действовать и более обычными средствами... Ну, к примеру, если он, так сказать, не спускает глаз с твоих мыслей, он знает, что я очнулся.

— И верно, — кивнул Саймон. — Не сомневаюсь, вскоре мы его увидим.

— И я не сомневаюсь. Наверняка он все еще ведет наше дело... Так говоришь, он всем распоряжался? Ну, в смысле, приказы солдатами давал, и все такое?

— Да.

Род кивнул:

— В таком случае, вероятно, он и замыслил засаду.

— Похоже на то.

— Следовательно, он вовсе не простачок и не телепат-недоучка, как он сам о себе говорил.

Саймон покачал головой:

— Нет, сударь Оуэн. Он не таков, уж это точно.

— Он никак не обмолвился о том, кто же он на самом деле?

Саймон снова покачал головой:

— Внешне его мысли оставались такими же, как были прежде. Как я ни прислушивался, выходило, что его всегда звали Флараном. И все же разум его был полон восхваления Альфара и раздумий о том, как невысказанно повезло княжеству с тех пор, как он захватил власть.

Род сдвинул брови:

— А насчет нас с тобой он ничего не думал?

— Думал. Он думал про то, как наше пленение порадует Альфара.

— Я примерно так себе и представлял... — Род закрыл глаза, прижался к холодной стене затылком в надежде, что боль отступит. — Что бы мы с тобой ни говорили об этом мальчишке, следует признать: он не дурак.

В замочной скважине со скрипом повернулся ключ. В дверном проеме появился стражник с физиономией, словно бы высеченной из гранита. Стражник не вымолвил ни слова. Он лишь отпер дверь и впустил в темницу господина в роскошном вышитом камзоле, алых лосинах и туфлях под цвет, в парчовой мантии. Шею мужчины обвивал гофрированный кружевной

воротник, на голове сверкала золотая корона. Он стоял, горделиво вздернув подбородок. Род не сразу признал в вошедшем Фларана:

— По одежке встречают... — вырвалось у Рода.

Фларан улыбнулся — вернее говоря, презрительно скривил губы.

— Не только по одежке, — проговорил он свысока. — Еще по тому, что тебе ведомо о власти.

Последняя фраза эхом отозвалась в голове у Рода. Он пристально уставился на Фларана.

— Значит, слухи не ввали. Альфар действительно разгуливал по княжеству, переодевшись крестьянином.

Фларан согласно склонил голову.

— Ну, что же, о могущественный Альфар, — прислонившись к стене, сказал Род. — Я вынужден признать: в роли крестьянина ты был неподражаем. Видимо, подучился на собственном опыте, да?

Глаза Альфара злобно сверкнули. Саймон от страха втянул голову в плечи. Колдун процедил сквозь зубы:

— Верно. Еще год назад я был одним из низших мира сего.

— Но теперь это позади, не так ли?

Род задал этот вопрос чересчур невинно. Взгляд Альфара помрачнел.

— Не заблуждайся. Не считай меня крестьянином! Теперь ты в моей власти, и ты скоро поймешь, что власть моя безгранична.

Род пожал плечами:

— Ну, значит, ты — могущественный и наделенный властью крестьянин. Или... или ты вправду мнишь себя чем-то большим?

— Не мню! Я воистину велик! И ты в этом скоро убедишься!

— Вот как? — Род насмешливо склонил голову набок. — И с кем же я имею честь?..

— С князем! С Альфаром, князем Северного побережья! И ты, раб, должен именовать меня так!

— О... — Род строптиво поджал губы. — Теперь я уже «раб», вот как?

— А как же иначе? — сверкнув глазами, фыркнул Альфар. — Как еще тебя назвать?

Род секунду смотрел на него, затем улыбнулся:

— Но ведь я тоже крестьянин, верно?

— Верно, — сухо отозвался Альфар. — Но кто бы ты ни был, ты — превосходный читатель мыслей, если сумел выяснить, кто я такой на самом деле.

— О, для этого вовсе не нужно уметь читать мысли. Вовсе не нужно. Это я в том смысле, что обо всем можно было просто так догадаться. Кому еще могло взбрести в голову разгуливать по Северному княжеству, переодевшись деревенским дурачком, и при этом проповедовать прелести правления Альфара? Кто при всем том имел бы право командовать солдатами Альфара?

— Ну, например, кто-нибудь из моих военачальников, — поджав губы, проговорил Альфар.

Род покачал головой:

— Ты ни слова не говорил о том, что нашу судьбу решит кто-то рангом повыше тебя. Я сужу по тому, что мне рассказал Саймон. Ты говорил: «наше» княжество». А уж это значило, что ты действительно мог быть одним из высших чинов при Альфаре. Но, судя по тому, что мне довелось слышать об этом человеке, он вряд ли станет с кем-то делиться властью.

— Это ты верно думаешь, — пробурчал Альфар.

— Вот видишь? Оставалось сделать следующий вывод. Ты сказал «наше» так, как говорят короли. И ты ведь вправду метишь на трон, никак не меньше?

Альфар ответил ему язвительной усмешкой:

— Наконец-то ты все понял. Только сдается мне, не просто так ты до всего этого додумался.

— Не переживай и не ломай голову: именно так я додумался, а не иначе. Даже теперь, когда ты рядом со мной, я не способен прочесть твои мысли.

— Довольно! Хватит с меня твоих хитростей! Только могущественный чародей способен так надежно прятать свои мысли, что его как бы и не существует вовсе!

Род пожал плечами:

— Как тебе будет угодно. Но разве этот могущественный чародей сможет читать чужие мысли, если его собственный разум заперт на замок?

Альфар вытарашил глаза и, не мигая, уставился на Рода.

Затем он поднял голову и медленно кивнул:

— Ну, хорошо. — И добавил: — Но ты не станешь отрицать: ты — лазутчик Туана.

— Для тебя он — *король* Туан! А спорить не стану, поскольку все слишком очевидно.

— Вот и славно! Теперь ты сможешь рассказать Туану все про мои темницы — если, конечно, тебе доведется поглядеть на него хоть одним глазком.

Род, конечно, мастерски использовал напускную браваду, но тут ему стало очень и очень не по себе. И все же он нашел в себе силы ответить дерзко:

— Туан уже знает все, что ему нужно знать.

— Вот как? — сверкнул глазами Альфар. — И что же именно?

— Что ты захватил княжество, опутав народ чарами, и что ты нападешь на короля, если он не нападет на тебя первым.

— Неужели? Как забавно! А что еще ему известно?

Род пожал плечами:

— Это тебя не касается — но пусть это тебе не дает покоя.

Альфар стоял неподвижно. Он заметно побледнел.

Через несколько мгновений он резко развернулся и приставил к горлу Саймона нож:

— Еще раз спрашиваю тебя: что ведомо Туану?

Он встретился взглядом с Родом. Саймон побелел, но взгляд его был спокоен и лишен страха.

Род вздохнул и пошел на попятную:

— Он знает все о тебе — с тех пор, как ты околдовал самого первого крестьянина, до твоего сражения с герцогом Бурбоном.

— Ага, — облегченно кивнул Альфар. — Но как оно закончилось, он не знает?

— Нет, — признал Род. — Но догадаться было нетрудно.

— Это все княгиня, да? Ей удалось ускользнуть от моих охотников... Потом мои лазутчики пытались напасть на нее в герцогстве Тюдорском и даже в Раннимеде, но были отброшены могущественными чародеями. — Его взгляд стал мрачным, тяжелым. — Этими чародеями были женщина и четверо детей.

Род испытал небывалое облегчение, узнав о том, что Гвен и дети живы и в безопасности, но позволил себе лишь едва заметно улыбнуться.

— Но ведь ты знал об этом, верно? — ахнул Альфар. — Это ты поручил им охрану княгини, да?

Род прищурился, пригляделся к Саймону, заметил каплю крови на его шее и решил, что от честности сейчас греха не будет.

— Да, это была моя мысль.

Альфар победно процедил сквозь зубы:

— Твоя жена и твои отпрыски сопровождали княгиню и ее ублюдков и охраняли их, дабы те остались в живых!

Рода охватила тревога. Уж не хотел ли этот подонок сказать, что его семья погибла, а княгиня с детьми спасены?

А Альфар продолжал торжествовать:

— А ты — тот, кого зовут Родом Гэллоуглассом, да?

— Да. Я — верховный чародей, — ответил Род и зловеще сощурил налившиеся кровью глаза.

Саймон смотрел на него в полном изумлении.

Альфар разжал губы. Его глаза метали молнии.

— Как ты сделал это? Отвечай, как ты это делаешь? Как ты умеешь оставаться видимым для глаз, но невидимым для чужого разума?

— Тебе ли этого не знать, — процедил сквозь зубы Род. — Ты ведь подслушивал все наши разговоры.

— Каждую минуту, не сомневайся. За тобой я следил с тех пор, как ты купил повозку и выехал на дорогу. А потом твои мысли исчезли и остались только мысли крест'янина.

— Ну у тебя и диапазончик...

— Не знаю, что это за слово, но если ты говоришь о дальности чтения мыслей, то я их читаю за тридцать лиг. Ну и как же ты замаскировал свои мысли?

— И я их не маскировал — тогда, — ответил Род. Ярость переполняла его, но он сумел сдержать ее, поднялся над охватившими его чувствами. — Я просто начал думать как крест'янин.

Альфар вытаращил глаза. Нахмурился:

— Это у тебя отлично получается.

— Мне дали несколько уроков. Потренировался. А к полному исчезновению я прибегнул лишь тогда, когда пересек границу княжества.

На самом деле Роду было забавно водить Альфара за нос. То ли тот и вправду был не слишком хорошим телепатом, то ли сам Род представлял собой гораздо большую загадку, чем думал.

— А, вот когда ты это проделал? Говори как.

Рука Альфара, сжимавшая нож, дрожала.

А Саймон все смотрел на Рода, а не на Альфара, и во взгляде его не было страха — только восхищение.

А ведь он всегда был так добр к Роду, а еще он был ни в чем не повинным посторонним человеком...

Род пожал плечами:

— Да отступил, вот и все. Втянулся, так сказать, в раковину. Решил, что никому не должно быть дела до моих бед.

Альфар несколько мгновений смотрел на него в упор. Потом сдвинул брови:

— И больше тебе нечего сказать?

Род пожал плечами:

— Мелочи всякие. Приемы. Ну, вспоминал я про то время в прошлом, когда мне хотелось уйти ото всех, и дал этим воспоминаниям заполнить меня целиком. Научиться этому невозможно. В первый раз это просто происходит, и все.

Альфар, прищурившись, глядел на него.

Через несколько мгновений он выпрямился, убрал нож в ножны. Саймон испустил вздох облегчения.

Род и сам немного успокоился, но гнев в нем был сильнее других чувств.

— Я так и думал, — самодовольно проговорил Альфар. — Судя по тому, что я слышал про тебя, твое благородство мешает твоему здравому смыслу.

— Не потрудишься ли объяснить? — бархатным голосом спросил Род.

— Но это же так очевидно! Разве важная персона, обладая здравым смыслом, станет рисковать собственной жизнью и самолично браться за опасное дело? Нет! Разумный человек сначала отправит лазутчика. Попадется — так пусть его пытаются и мучают! Но ты кичишься своей честью и благородством (оба слова Альфар произнес так, что они прозвучали как оскорбления), а готов тратить свое драгоценное время на поиски врага!

Род понял Альфара и отозвался, даже не подумав скрыть презрения:

— Что же мне, сидеть в Раннимеде и читать донесения разведки, так, что ли?

— Это было бы мудро, — кивнул Альфар. Он стоял подбоченившись и насмешливо смотрел на Рода. — Неужели ты и вправду веришь, что сам способен добиться большего?

Род рассматривал колдуна. Дерзкая поза, приподнятые плечи, зловещий блеск в глазах. Но почему-то все это не пугало Рода. Он понимал, однако, что показывать это Альфару не стоит.

Поэтому он лишь чуть-чуть вздернул подбородок и с легкой надменностью проговорил:

— Я знаю одно: когда, как я понял, становится по-настоящему опасно, я никому не мог позволить пойти вместо меня.

— Как благородно, — язвительно произнес Альфар.

— И похоже, я был прав, — глядя прямо в глаза Альфару, добавил Род. — Если уж ты изловил меня, то ты тем более изловил бы любого моего лазутчика. И как только тебе удалось меня опознать?

Губы Альфара расплылись в улыбке. Он запрокинул голову, выпятил грудь и горделиво шагнул к Роду:

— Я почувствовал неладное, когда мои разведчики донесли мне о том, что верховный чародей держит путь на север. Но ты странствовал с женой и детьми, и это могла быть всего лишь безобидная прогулка. Однако один из моих лазутчиков сказал мне о том, что незадолго до того, как ты тронулся в путь, у тебя была встреча с Туаном и Катариной.

Род пожал плечами:

— Я то и дело с ними встречаюсь. — Но разговор становился все интереснее. — Стало быть, твой человек не смог подслушать моего разговора с их величествами?

Альфар покраснел и устремил на Рода злобный взгляд.

— Отлично. — Род удовлетворенно откинулся к стене. — Приятно лишний раз убедиться в том, что глушительное поле моей супруги работает настолько надежно.

— Так вот как вы это проделяете! — сверкнув глазами, воскликнул Альфар. — И точно: мысли короля с королевой невозможно отделить от мыслительного гула, коим они окру-

жены. — Он кивнул и одарил Рода расчетливым взглядом. — Твоя жена — одаренная женщина.

Род уловил в тоне Альфара угрозу — тем более что на самом деле Гвен не окружала королевскую чету никаким шумовым полем.

— Так что радуйся, что я ее отослал.

— Быть может, мне и стоит радоваться. Быть может, именно поэтому мне и удалось самолично исправить то, что не удалось сделать моим главным помощникам.

— Главным помощникам? — Род устремил на Альфара недоверчивый взгляд и позволил себе презрительную улыбку. — Хочешь сказать, что тот чародей-недоучка был одним из твоих лучших людей?

Взгляд Альфара стал мрачным.

— Это было сделано нарочно. Ему было велено напугать вас, а не убивать.

— Мудро. Очень мудро, — кивнул Род. — Если бы он хоть пальцем тронул мою жену или кого-то из ребятишек, я бы сразу же прервал свою разведывательную прогулку и немедленно вернулся бы в Раннимед, чтобы сказать Туану о том, что пора сзывать войско. Но ты нас заблаговременно предупредил.

— Верно. А вдобавок оценил твою силу, а также силу твоей жены и всех твоих щенков. И тогда я послал других моих помощников пугать вас еще и еще раз, чтобы изучить ваши способы нападения и ваши слабости. О, поверь мне, если бы твоя жена и дети и дальше шли бы с тобою на север, я бы придумал, как с ними разделаться.

У Рода похолодела спина.

— А я почувствовал, что тучи сгущаются — потому и отослал жену и детей с княгиней.

Альфар кивнул:

— А сам продолжил путь на север. Потом остановился возле крестьянской усадьбы, купил повозку и крестьянское тряпье... и мои люди потеряли твой след.

Вот это уже было совсем интересно! Ведь Род не предпринимал попыток стать ментально невидимым до тех пор, пока не пересек границу!

— Попробую угадать: именно тогда ты и решил, что тебе пора лично взяться за дело.

Альфар кивнул:

— Я, как и ты, нарядился крестьянином и пошел по дорогам на юг — пешком, без охраны. — Он самодовольно улыбнулся, словно хотел сказать: «Зачем Альфару охрана?»

Род удержался от первой представившейся возможности показать этому наглецу, зачем ему охрана, и невинно поинтересовался:

— А почему же ты сразу не направился к границе? Ведь ты мог бы перехватить меня там.

— О, а я не сомневался, что непременно встречу с тобой! Ведь тебе не было нужды пробираться окольными путями — там ходят только жители деревень, и там тебя легко заметили бы мои дозорные. Значит, ты должен был поехать по большой дороге. Но задолго до того, как я встретился с тобой, я столкнулся с отрядом солдат, и что-то показалось мне странным в них. Я глубоко заглянул в глаза и в разум капрала и обнаружил, что он более не околдован! И это при том, что и он, и его подчиненные были одеты в форму моего войска! — Альфар противно усмехнулся. — Я упросил их взять меня с собой — сказал, что нуждаюсь в защите, — а покуда мы шли вместе, заново опутал их разум заклинанием. А когда неоколдованным остался только капрал, я велел солдатам схватить его, и они исполнили мой приказ. Потом я допросил его и узнал все, что мне было нужно, — ведь я читал в его разуме безмолвные ответы.

Род решил, что надо бы изобрести какую-нибудь новую методику ведения допросов. Та, о которой только что сказал Альфар, была настолько проста, что легко могла стать общепринятой.

— И в его разуме, — продолжал Альфар, — я нашел образ человека, который снял с него чары... — Он кивком указал на Саймона. — Но, к своему изумлению, я обнаружил, что его сопровождает жалкий и ничтожный крестьянин.

Род отстранился от стены и возмущенно воскликнул:

— Эй, полегче!

Альфар ухмыльнулся, довольный тем, что его слова задели Рода за живое.

— Поначалу я решил, что чары с капрала и солдат снял лорд верховный чародей. Ведь он был так горд, так надменен!

Саймон настороженно следил взглядом за Альфаром.

Альфар сверкнул глазами:

— А его слуга выглядел полным ничтожеством!

Род не собирался ловиться на одну и ту же приманку дважды. Он пожал плечами:

— Спорить не стану. Относительно ничтожности ты у нас большой специалист.

Альфар вспыхнул. Его рука метнулась к кинжалу.

Род лениво откинулся к стене:

— Ну и как ты поступил с солдатами?

На самом деле он с тревогой ожидал ответа.

Альфар пожал плечами:

— А что я должен был с ними сделать? Я околдовал и капрала и всех отправил на север, чтобы они снова служили в моем войске.

Род удивленно поднял голову:

— Ты не наказал их? Не отправил в пыточную камеру? Не заморил голодом?

Тут настала очередь Альфара удивиться.

— Разве стрелу наказывают за то, что она упала на землю, а твой враг подобрал ее и зарядил ею свой лук? О нет! Лучше поймать ее, пока она не долетела до тебя, и убрать в колчан. О, я послал их на север. Я не мог рисковать. Нельзя было допустить, чтобы они снова повстречались с тобой — вернее, с твоим спутником, умеющим снимать чары. А на следующем наблюдательном посту я показал свой знак власти, — он повертел в пальцах висевший на груди медальон, — и велел солдатам переодеться в крестьян и ждать в засаде в том месте, где проселок выходил к Большой дороге. Затем я вызвал чародея из числа своих подручных и велел ему быть с ними и ждать приказа к выступлению, а приказом должна была служить мысль-пароль о том, что Альфар велик и что все ведьмы и чародеи должны встать на его сторону.

Он мстительно улыбнулся.

Род отлично понимал, как осторожно надо себя вести, когда кинжал в руке у человека с жесточайшим комплексом неполноценности.

— Так вот откуда взялись эти неожиданные ходоки?

— Да! — Альфар просто светился самодовольством. — Я всегда все продумываю до мелочей! А потом я пошел на юг, мысленно прошупывая окрестности, и вот наконец я услышал мысли Саймона. Тогда я разыскал деревенского чародея и велел ему погнаться за мной во главе толпы из ближайшей деревни...

— Ты говоришь о том толстяке коротышке. И уж конечно, ты позаботился о том, чтобы все камни пролетали мимо тебя и чтобы никто не сумел тебя догнать.

— Ну конечно. — Альфар осклабился, радуясь своей сообразительности и хитрости. — И, как я и предвидел, вы не смогли удержаться и взяли под свое крыло несчастного изгоя, за которым гнались волки в человеческом обличье.

— Да. — Род криво усмехнулся. — Мы клюнули, правда? Подобрали тебя, а потом всюду с собой таскали.

— Это было очень большой любезностью с вашей стороны, — проговорил Альфар со сладенькой ухмылочкой. — А мне хватило дня для того, чтобы понять, что чары снимаешь не ты, а Саймон, но что на большее он не способен и что ты, судя по всему, верховный чародей.

— Мое величие и могущество просто-таки просвечивали сквозь рубище, да?

— Можно и так выразиться. Но мне все сказало твое лицо.

— Природное благородство, что ли?

— Нет. Оно всего-навсего было знакомо. Мои лазутчики доставили мне в своем разуме твой образ — более достоверный, чем если бы тебя изобразил художник. О, конечно, крестьянская одежда и грим тебя немного преобразили. Но ведь я и сам кое-что смыслю в обмане и способен заглянуть под маску. Я сразу узнал тебя, как только увидел. Мои глаза видели тебя, а мой разум — нет, и только могущественный чародей способен защититься таким образом.

Род пожал плечами:

— Если хочешь знать, этот талант у меня имелся задолго до того, как я стал заниматься тем, что вы зовете колдовством... Но продолжай.

— Не торопи меня. — Альфар предостерегающе поднял указательный палец. — И даже тогда я предложил тебе воз-

можность стать моим союзником! И только тогда, когда ты решительно и бесповоротно отверг мое предложение, я велел солдатам схватить тебя. — Он в упор посмотрел на Рода. — И теперь я буду рад, если ты все же согласишься встать на мою сторону.

— Несомненно, лишь в том случае, если я докажу, что я действительно этого желаю.

— Конечно. Что мне толку от тебя, если я не смогу безраздельно доверять тебе? — Его глаза блеснули, губы дрожали от плохо сдерживаемого предвкушения победы. — У меня и теперь есть средство добиться твоей верности.

Роду стало страшно, но страх тут же сменился яростью. Он сдержал себя и мрачно поинтересовался:

— А именно?

— Тебе это знать не обязательно. Ведь ты не желаешь соединить свою судьбу со мной.

Род выпустил на волю часть переполнявшей его ненависти.

— Если мне посчастливится найти хорошую рогатину, я тебя прижму к земле, как гадюку, и растопчу твою поганую башку!

Альфар побелел как плат и метнулся к Роду с ножом наголо. Испуг пробудил к жизни новую порцию ярости. Она взорвалась подобно пороху.

Альфара отбросило к противоположной стене. Ударившись о нее, он ополз на пол.

Кандалы на запястьях и лодыжках Рода со звоном треснули, цепи упали на камни.

Род оторвался от стены, поднялся, выпрямился во весь рост. Ярость, которую он периодически брал взаймы у лорда Керна, наполнила каждую клетку его тела. Головная боль пульсировала, затмевала все вокруг, кроме тускло светящегося овала, внутри которого лежал ничком Альфар. Род рванулся к поверженному колдуну, ощущая, как ярость обволакивает его все надежнее, как она завладевает им... Казалось, дух лорда Керна переселился в него, преодолев пространство между мирами. Дух человека, на совести которого было не одно убийство. Род был готов уничтожить колдуна Альфара.

Но вот глаза Альфара открылись. Он увидел лицо Рода, и взгляд его наполнился ужасом. Род протянул руку, чтобы схватить колдуна, но тут темницу сотряс раскат грома... и Альфар исчез.

Род стоял и тарашился на пустое место, где только что лежал колдун.

— Телепортировался, — хрипло проговорил Род. — Удрал, скотина.

Он медленно выпрямился, освободил свой разум ото всех оков и велел ему искать — искать чужие мысли, чувства, что угодно... Нигде не было и следа Альфара.

Род кивнул, испытывая мстительное удовлетворение. Альфар не просто телепортировался из темницы: он убрался из замка, и притом подальше, чтобы никто его не «услышал».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Род отступил, уселся на пол, привалился к стене. Главная причина его гнева исчезла. Эмоции пошли на убыль, но порыв жестокости, жажда драки сохранились, а вместе с ними — злость и ярость.

Это не на шутку напугало Рода. Он попытался загасить безумную ярость и так погрузился в старание, что с трудом слышал голос Саймона:

— Оуэн! Оуэн! Лорд Гэллоугласс! Но нет, уж лучше я буду звать тебя так, как звал прежде! — Саймон схватил Рода за руку, крепко сжал. — Сударь Оуэн! Не откликается... Род Гэллоугласс. Себя потерял, что ли?

— Да... — выдавил Род, пялясь в стену. — Похоже на то. Саймон простонал:

— Неужто от верховного чародея ничего не осталось?

— От какого? — проворчал Род. — От какого верховного чародея?

Саймон с полным изумлением ответил:

— От Рода Гэллоугласса, верховного чародея Грамеря! Какой тут еще может быть верховный чародей?

— Лорд Керн, — пробормотал Род. — Верховный чародей из страны Тир-Хлис. — Он поднялся на ноги и застыл в неподвижности, борясь со звоном в ушах и пульсацией крови в венах. Наконец он выдавил: — А... какой он... этот верховный чародей?

— Который? — в отчаянии возопил Саймон.

— Верно, — кивнул Род. — В этом весь вопрос. Но ты мне расскажи про Рода Гэллоугласса.

— Но ты — это он!

— Расскажи мне о нем! — требовательно проговорил Род.

Саймон потерянно уставился на него. Но какой бы странной ни казалась ему просьба Рода, Саймон сумел справиться с удивлением и откликнулся:

— Род Гэллоугласс — лорд и верховный чародей.

— От таких сведений толку маловато, — признался Род. — Расскажи мне что-нибудь еще о нем.

Саймон в отчаянии вздохнул и попробовал еще раз:

— Он ростом повыше многих...

— Нет, нет, не рассказывай мне, как он выглядит! Уж от этого точно проку никакого! Как он выглядит *изнутри*?!

Саймон, ничего не понимая, смотрел на него.

— Быстрее! — рявкнул Род. — Скажи мне! Скорее же!!! Мне нужен якорь, что-нибудь, за что я мог бы удержаться!

— Так ты совсем потерялся, да?

— Да!!!

Наконец Саймон осознал, насколько серьезно то, что случилось с Родом. Он шагнул ближе и заговорил быстро и искренне:

— Я не так давно знаком с тобой, Род Гэллоугласс, да и то я знаю тебя под именем Оуэна. И все же... судя по тому, что я видел и слышал, я могу заключить, что ты... человек грубоватый, но вежливый. И что сердце у тебя на самом деле доброе. Да-да, ты все время принимаешь близко к сердцу беды тех, кто тебя окружает. — Он сдвинул брови. — Слышал я, как говорили про тебя, будто бы ты горазд над людьми подшучивать и что речи твои умны. Вот только у Оуэна я этого не заметил — ну разве что насмешки порой слышал, да и то ты был готов над собой посмеяться так же, как над другими.

— Хорошо, — кивнул Род. — Очень хорошо. — Он чувствовал, как злость отступает, как он постепенно успокаивается. Но ярость все равно гнездилась в его душе, побуждала к действиям, любым действиям. — То был лорд Керн. Скажи мне... — пробормотал Род и сглотнул. — Расскажи мне что-нибудь такое про меня, что не имеет отношения к Керну... То, о чем ты пока говорил, вероятно, справедливо и для него. Я его не знаю, я видел его лишь однажды. Но все возможно. Скажи мне о чем-нибудь таком, что есть только у меня, что не может принадлежать ему!

— Ну... — растерянно начал Саймон. — Вот — одежда твоя. Он бы разве стал переодеваться крестьянином?

— Не исключено. Еще попробуй.

— У тебя есть... конь.

— Точно! — ухватился за эту мысль Род. — Расскажи мне о нем!

— Огромная черная зверюга, — медленно проговорил Саймон, — стройный, красивый жеребец. На самом деле, если честно, из-за такого коня сразу можно было заподозрить, что ты — не всамделишный крестьянин. Таких коней в повозки не запрягают, о таких конях мечтают рыцари. — Он сдвинул брови, уставился в одну точку. — Вот... вспомнилось мне, что звал ты его «Векс».

— Векс... — Род улыбнулся. — Уж Векса я бы ни за что не забыл! И у Лорда Керна наверняка нет такого коня. Он ведь со мной всю жизнь, с самого моего рождения. Нет, даже раньше. Он служил моему семейству не один век, представляешь?

— Не очень, — признался Саймон. Он с опаской следил за Родом широко открытыми глазами.

— Он не такой, каким кажется, понимаешь?

— Ну чего же тут не понять?

— Нет, не в этом смысле. — Род нахмурился. — Он... он волшебный конь. Но волшебный не по-вашему, а по-моему. На самом деле он вообще не конь. Он мог бы быть кем угодно.

— Пука... Оборотень... — пробормотал Саймон и пугливо отвел взгляд.

— Да нет же! — в отчаянии воскликнул Род. — Он — из железа! Под шкурой он железный... вернее, он из особого сплава. И еще у него разум... такой... отдельный. — Род вспомнил о том, как легко он мог извлечь кибернетический мозг Векса

размером с баскетбольный мяч из стального туловища и перенести в космический корабль, которым затем этот мозг управлял. — Я тебе правду говорю: разум у него отдельный! И он всегда спокоен... ну, почти всегда. И жутко умен. И всегда дает мне хорошие советы.

Ядро ярости сжалось, сморщилось. Род чувствовал, как последние корешки гнева втягиваются внутрь него. Если лорд Керн действительно пропутешествовал между мирами в ответ на гнев Рода, то теперь он понемногу утрачивал власть над ним, а со своей жадой крови и жестокостью Род уж как-нибудь мог совладать. Его губы скривились в невеселой усмешке.

— Спасибо вам, милорд. Я высоко ценю вашу помощь и непременно буду обращаться к вам в пору нужды. Но теперь я — снова я, и мне пора заняться отслеживанием этого злобного колдуна. Я сделаю это так, как умею только я, — здесь, в этом мире, где есть железные кони с машинами вместо мозга.

Саймон, склонив голову набок, оторопело слушал. Но похоже, он мало понимал, что такое бормочет Род.

Род ощутил, как слабеет, тает эманация лорда Керна — а быть может, глыба его собственного гнева, но не уходит до конца. Был ли Керн подлинным, или то была проекция подсознания Рода — прогнать его было не так легко. Род судорожно вздохнул и повернулся к Саймону:

— Спасибо. Ты вытянул меня... из этого омута.

— Я рад, если так, — отозвался Саймон. — Но боюсь, я ничего не понял.

— На самом деле все очень просто... Понимаешь, есть другой верховный чародей, в другом королевстве — очень-очень далеко... так далеко, что и представить невозможно. В другой вселенной — если ты можешь в это поверить.

— Поверить — это что. Вот понять — это другое дело.

— А ты попробуй осознать, — посоветовал Род. — Я же тебе экзаменов устраивать не стану. Ну так вот... Этот верховный чародей — мой двойник. Он повторяет меня во всех мелочах, а я — его. Что он делает в своей вселенной — то я делаю в этой. Мне довелось побывать в его стране, и случилось так, что мне передалась часть его силы. И вот теперь его дух словно бы

пытается дотянуться до этой вселенной и окончательно поселиться в моем теле.

Саймон побледнел:

— Но наверняка он не сумеет сделать такое!

Род пожал плечами:

— Может быть, не сумеет. Может быть, я сам такой: жажду крови, драки, но при этом осуждаю себя за это, и все это называю «лордом Керном». — Он гневно воззрился в одну точку. — Но толку никакого. Ответственность все равно лежит на мне, чем бы я ни оправдывался. Даже если я скажу, что то-то и то-то натворил лорд Керн, все равно поступок-то будет мой. — Он посмотрел на Сайона и печально улыбнулся. — Но лгать себе я научился очень убедительно. Очень здорово умею убеждать себя в том, что я кто-то другой, стоит только захотеть.

— Но... — Саймон нахмурился. — Убедил ли я тебя в том, что ты — снова ты?

Род кивнул:

— Что еще более важно — ты показал мне, что я способен стать самим собой окончательно. Все дело в том, чтобы вспомнить, кто я такой. Сейчас ключом, последней соломинкой стал Векс. Потому что, понимаешь... — Род устало улыбнулся. — Векса не может быть в том мире, где живет лорд Керн.

Саймон нахмурился:

— Почему не может быть — это мне непонятно, но я готов тебе поверить. — Но тут его глаза сверкнули и раскрылись шире. — А пожалуй, что и могу я понять... Твой конь всегда с тобой, верно? Его у тебя не отнять... А если его не может быть в стране лорда Керна, так получается, и тебя там не может быть тоже!

— Верно — если, конечно, меня туда не перенесут силой. — Род вдруг напрягся, отвернулся от Саймона. Ощущение у него было такое, словно его ударило током. — Да... Он неотделим от меня во многом... Компьютерный мозг в теле коня — чем не символ Рода, детища технически развитого мира, посреди средневекового Грамерая...

— Думаю, так оно и есть, — более уверенно проговорил Саймон. — И точно так же, как твой конь — это ключ к тому, чтобы ты снова стал хозяином своим чувствам и деяниям, твой

гнев — это ключ к призыванию этого лорда Керна, которого, как ты говоришь, ты сам придумал для того, чтобы оправдать свои дурные поступки.

Род медленно кивнул:

— Да. И это — ложь. — Он опустил, встал на колени. Саймон сел рядом с ним. — С тех пор как я вернулся из Тир-Хлиса, я то и дело впадаю в ярость — а это страшно, это очень страшно.

— И вот, — подхватил Саймон, сверкая глазами, — ты стал бояться пользоваться своим даром из страха призвать лорда Керна.

Род несколько мгновений молча смотрел на него, затем медленно кивнул:

— Пожалуй, в этом есть смысл... Это ассоциация, и только! Когда я впервые сотворил чудо, у меня в сознании побывал лорд Керн, вот я и боюсь, что, если снова начну колдовать, он вернется. Но тут что-то неправильно, перевернуто, как думаешь?

— Наверное, — растерянно пожал плечами Саймон.

— И все же какая-то логика есть, — усмехнулся Род. — Между тем пользоваться моим магическим даром мне все же приходится. Случалось — он меня очень выручал. Ну вот только что, к примеру, Альфар приставил к моей глотке нож, и мне было уже нечего терять... — Он поежился. — И на этот раз «лорд Керн» чуть было не овладел мной окончательно.

— Точно, — улыбнулся Саймон. — Ты боялся, да? Ты боялся прибегнуть к своему дару, потому что страшился призвать «лорда Керна».

Род невесело кивнул:

— Даже при том, что он скорее всего выдуманная мной иллюзия. Да. Меня до сих пор это пугает.

— И все же ты желаешь применять свой дар, — подняв указательный палец, заметил Саймон. — Кому бы он ни принадлежал — лорду Керну или тебе самому, и пробуждается тогда, когда ты гневаешься, — ты боишься воспользоваться им, но жаждешь впасть в искушение. Ты хочешь, чтобы твои руки сделали то, что тебе ненавистно!

Род кивнул:

— Славно сказано. Отделение мысли от действия. Верно. Я всегда был до некоторой степени шизоидом.

— Ну так сдерживай же те силы, которые ты призываешь, — умоляюще проговорил Саймон. — И ты сможешь соединить свои мысли со своими деяниями, сохраняя себя внутри своего разума. А «лорда Керна» сдерживай так, как обычно сдерживаешь злость. Ведь ты не забыл о нашем разговоре про это самое? Помнишь — после того, как ты...

— После того, как я набросился на несчастный, ни в чем не повинный камень. Да. — Род кивнул и смущенно поджал губы. — Да, я помню. Но никак не могу понять, как ты, к примеру, держишь злость под спудом.

— Да ничего я не держу! — Саймон нахмурился и покачал пальцем. — Если гнев родился в твоём сердце, не пытайся похоронить его, не старайся сделать вид, будто его нет. Осознавай его, но сдерживай.

Род нахмурился:

— А тебе это как удается?

— Пытаюсь отдалиться от того человека, который вызвал мой гнев, — ответил Саймон. — Понимаю, это нелегко. Когда жители деревни подошли ко мне, когда тамошний священник стал мне другом, я забросил свое отшельничество и поселился там. Я построил постоянный двор — с помощью соседей. А потом нашел себе жену. — Он поднял глаза к потолку, погрузился в воспоминания. — Она родила мне славных детишек, и мы вместе трудились, растя их.

— Помню. У тебя есть дочь.

— Две дочери. И сын. Во время минувшей войны он ушел в солдаты и дрался на стороне лорда Борджиа. Он отказался от меня, но я его люблю! А когда он был помладше, он доставлял мне столько боли!

— Я про воспитание мало что знаю, — проворчал Род. — Но учусь помаленьку. Ну и как ты с ним управлялся?

— Я все время думал о том, что он злится не на меня, а на то, чем он меня считает.

— А считал он тебя властью и ограничителем его свободы.

— Верно. И еще — деревом, от которого он желал отпочковаться, иначе он не стал бы самим собой. Но не только это. Он злился не на меня, а на то, что я делал и что говорил.

— Ну, это как раз не очень понятно, — нахмурился Род. — Судя по тому, что ты рассказываешь, это все же была злость, а не ненависть.

Саймон уставился в одну точку:

— Может быть, в этом как раз и суть. Но независимо от того, гневаешься ты, ненавидишь, злишься ли на кого-то или на то, что он сделал, не забывай — если дойдет до самого плохого, нужно только вспомнить, что этот человек и то, что между вами случилось, — это всего лишь часть твоей жизни, а не вся жизнь. Ты можешь потом, разобравшись во всем, выбросить эту часть из своей жизни.

— А что, если не сможешь? — взорвался Род. — Что, если ты накрепко привязан к этим частям? Что, если приходится иметь с ними дело непрерывно, каждый день? Что, если ты их любишь?!

Саймон сидел и слушал Рода серьезно и внимательно. Он кивнул:

— Понимаю. Намного проще держать себя в руках с тем, кого ты видишь за день час-два, не более. Можно уйти домой и забыть про него. — Саймон добродушно улыбнулся. — Помни о том, что те, кого ты любишь, — тоже люди и заслуживают столько же уважения и заботы, сколько те, с которыми ты видишься час-два за день. И если ты плохо относишься к своим домашним, представь себе, что они — твои друзья.

От этой мысли Рода зазнобило.

— Какие же они мне друзья! Они — неотделимые частицы моей жизни, они — части меня!

— Нет! — Глаза Саймона засверкали. Лицо его было подобно лицу сурового проповедника. — Не думай о них так! Пойми: никто не может быть частью тебя. Они тоже целые, и они — отдельно от тебя!

Род стоял и часто моргал, потрясенный пылом Саймона.

Саймон медленно покачал головой:

— Никогда не надо думать, что человек становится частью тебя только потому, что ты его любишь, и перестает быть самим собой.

— Но... но... но ведь это же цель супружества! — выпалил Род. — Когда люди женятся, они становятся одним целым!

— Наглая ложь! — горячо возразил Саймон. — Это всего лишь оправдание для того, кто желает поработить другого супруга, а потом и уничтожить! Твоя жена — другой человек, отдельное существо, любящее тебя, но — отдельное. — Он неожиданно тепло улыбнулся Роду. — Понимаешь, если бы она не была отдельным существом, некому было бы любить тебя.

— Но... а как же... само слово «супружество»? Разве оно не означает, что, вступая в брак, двое сливаются воедино?

Саймон нетерпеливо покачал головой:

— Слово, быть может, это самое и означает. Но ты не обманывайся: двое не могут стать одним. Это невозможно. Звучит, согласен, заманчиво, но разве стоит к этому стремиться?

Род не спускал глаз с Саймона.

— Ты о себе подумай, — посоветовал ему Саймон. — Тебе бы разве понравилось, если бы кто-то взялся тебя переделывать?

— Нет! Я — это я; проклятие! Если бы кто-то взялся меня переделывать, он бы меня уничтожил!

— Значит, и с твоей стороны дурно делать кого-то частью себя, — парировал Саймон.

Род нахмурился и задумался.

— Когда двое вступают в брак, — негромко проговорил Саймон, — они должны наслаждаться обществом друг друга, а не пытаться становиться друг другом. — Он снова мягко улыбнулся. — Как еще можно стать чьей-то частью, если только не уничтожить часть себя или часть другого человека?

Род поднял голову и очень медленно кивнул:

— Понимаю. И это касается не только моей семьи, но и лорда Керна, точно? Он пытается стать Родом Гэллоуглассом, и если это ему удастся, Род Гэллоугласс перестанет существовать.

— Ну вот! — Глаза Саймона победно заблестели. — Наконец тебе стала нестерпимой самая мысль о том, что вы с лордом Керном можете срастись, сплавиться, превратиться в нечто единое, большее!

— Да я бы прикончил того, кто попытался бы уничтожить меня таким образом! — Род в гневе вскочил на ноги. — При чем тут «большее»? Речь идет о похищении моей души!

Саймон только улыбался, глядя на разгневанного Рода.

— Но если мысль о том, чтобы тобой мог вот так завладеть лорд Керн, обитающий в другой вселенной, так ненавистна тебе, то почему же ты готов согласиться с тем, чтобы твоя жена была твоей «второй половиной»?

Род в недоумении вытаращил глаза. Гнев как рукой сняло.

— О чем ты думаешь? О жене? О детях? Или тобой движет страх раствориться в них, перестать существовать?

Род опустил на пол и уселся скрестив ноги.

— Так почему же я гневаюсь только тогда, когда они спорят со мной? Почему не тогда, когда они со мной согласны?

— Потому что когда они не согласны с тобой, есть опасность, что ты будешь поглощен ими. А когда они с тобой соглашаются, ты можешь поглотить их.

Род обдумал это предположение:

— Стало быть, дело в угрозе. Я начинаю психовать, когда появляется угроза.

— Ну конечно, — удивленно подтвердил Саймон. — А для чего еще люди гnevаются?

— Точно. Самосохранение, — медленно протянул Род. — Призыв к драке... чтобы избавиться от угрозы. — Он криво улыбнулся, плечи его сотряслись от неожиданного смеха. — О господи! Неужели мне может угрожать трехлетний сынишка?

— А разве нет? — тихо спросил Саймон.

Род перестал смеяться:

— Это сушая чепуха. Ведь он не может причинить мне вреда.

— Может, — уверенно проговорил Саймон. — Он может ранить твое сердце, твою душу, и притом очень жестоко.

Род не сводил глаз с Саймона.

— Но ведь он так мал, так раним! — воскликнул он и тут же нахмурился. — Проклятие! И точно: мне неприятно вспоминать о том, что после его пророчеств я всегда чувствую себя полным тупицей!

Саймон усмехнулся и сочувственно кивнул:

— Поэтому ты всегда должен быть благоразумен и обязан мысленно повторять: «Он не унижает меня». Ведь именно этого мы больше всего боимся, верно? Того, что наша самость уменьшится и станет такой малой, что мы перестанем суще-

ствовать. Не этому ли мы сопротивляемся, не от этого ли обоняемся, гневаясь?

— Но ведь это чистой воды безумие, — выдохнул Род, — опасаться того, что такой карапуз может ранить меня!

— Несомненно. Вот об этом и думай всякий раз, когда гнев снова попробует овладеть тобой. — Саймон улыбнулся. — Это верно для твоих детей, это верно и для лорда Керна.

Род несколько мгновений сидел и молчал как зачарованный, потом медленно опустил голову:

— Так вот в чем ключ к тому, как научиться сдерживать себя? Всего лишь в том, чтобы помнить, что я — это я?

— И что лорд Керн — не Род Гэллоугласс. Вот и все. — Саймон закрыл глаза и кивнул. — Но это не так просто, лорд чародей. Для того, чтобы не забывать о себе, ты должен принять себя, а для этого ты должен с собой примириться. Ты должен поверить в то, что Род Гэллоугласс — хороший человек.

— Ну, это, я так думаю, у меня получится, — задумчиво проговорил Род. — Тем более что мне всегда казалось, что Род Гэллоугласс становится еще лучше, когда он рядом со своей женой Гвен.

— С твоей женой? — нахмурился Саймон. — Тут ты в корне не прав. Нет, господин чародей. Если ты считаешь на другого человека в оценке себя самого, значит, на самом деле ты не веришь, что стоишь чего-то. Ты должен наслаждаться ее близостью, ее обществом потому, что она — это она, потому что она тебе приятна, а не потому, что вы вместе с нею делаете тебя более ценным, более достойным человеком.

Род сдвинул брови:

— Пожалуй, если так рассудить, в этом есть смысл. Если в оценке себя я завишу от Гвен, то в любое мгновение, как только ей взбрет в голову обнаружить во мне несовершенство, я стану думать, что не стою ровным счетом ничего.

Саймон кивнул. Глаза его радостно блестели.

— А у меня будет возникать ощущение, словно она пытается разрушить меня, уменьшить, и я буду злиться... Мне будет казаться, что я должен драться за себя, драться — чтобы уцелеть.

Саймон еще раз кивнул:

— Точно так же все было и у меня, пока я не понял, почему каждая моя ссора с женой и детьми стала становиться хуже предыдущей. Жена ощущала то же самое: ей казалось, что она должна нападать на меня, чтобы выжить самой. — Он покачал головой, словно мудрый школьный учитель. — С твоей стороны ошибка — превращать жену в оценщицу того, чего ты стоишь. Это твое собственное бремя, и ты должен сам нести его.

Род кивнул:

— Я должен полюбить жизнь в своей шкуре, так?

— Ну да, — весело улыбнулся Саймон. — Но коня своего ты тоже не перегружай.

— Ну да... Векс. — Род наконец вспомнил о том, с чего начался разговор. — Он стал символом, с помощью которого я вернулся к себе. Неужели это значит, что к коню я ближе, чем к жене?

— Я так не думаю, — рассмеялся Саймон. — В конце концов по большому счету твой конь — это вещь, а не человек. У него, конечно, свой характер и перемены настроения, как и у людей, и любая лошадь не похожа на другую, как не похожи друг на друга люди. Но у лошади нет бессмертной души, и поэтому она не способна грозить тебе, унижать тебя. Она способна принизить твое чувство собственного достоинства не более, чем это дано башмаку или лопате.

Род медленно кивнул. В этом был смысл — и даже больший смысл, чем о том догадывался Саймон, потому что Векс был не живой лошастью, а компьютером, помещенным в корпус, напичканный всевозможными механизмами. Конечно, компьютер проецировал кое-какие признаки личности в голос, создаваемый вокодером, но эта личность была иллюзорна, она являла собой шедевр технической мысли, но не более того. На самом деле Векс был всего-навсего металлической машиной, а его личность — таким же фантомом, как его способность мыслить.

— В каком-то смысле мой конь — как меч, — задумчиво проговорил Род.

Саймон негромко рассмеялся:

— Да уж! Не башмак и не лопата, это точно!

— Да нет, я думал о мистических вещах... Для рыцаря меч — символ отваги, мужества и чести. Для человека Средневековья любой меч был уникален, индивидуален, и его владелец наделял его характером и прочими качествами личности, и даже дарил ему имя. Порой в сказаниях мечи даже обладают собственной волей. Вспомнишь о знаменитом клинке — и тут же вспоминается его владелец. Экскалибур пробуждает воспоминания о короле Артуре, Дюрандаль — о Роланде, Грам — о Зигфриде, убивающем Фафнира. Меч был символом рыцаря, владевшего им.

— А твой конь — символ тебя?

Род нахмурился:

— Почему? Это не совсем так... но все же довольно близко к истине. Думаю, в переносном смысле, Векс — действительно мой меч.

— Ну так воспользуйся им. — Глаза Саймона сверкнули. — Обнажи свой клинок и сразись с чудовищем, которое пленило нас.

Пару мгновений Род не в силах был пошевелиться. Он искал страх в своем сердце. Да, был страх. Но была и отвага, способная побороть страх. Но сейчас от одной отваги толку было мало. Сейчас она позволила бы Роду только бездумно броситься на бой с силами, против которых он мог и не устоять. Ну а как насчет уверенности? Мог ли он призвать лорда Керна, наполниться его яростью, но не позволить ему завладеть собой? Род стал думать о Вексе и о своих качествах, символом которых являлся Векс, и наконец в ответ на мысленный образ возникла спокойная уверенность. Он кивнул:

— Я готов. Но если я начну выпадать, поддержи меня, вытащи, ладно?

— С радостью, — отозвался Саймон, и лицо его озарилось улыбкой.

— Ну, тогда держись.

Род встал, положил руку на плечо Саймона и подумал об Альфаре, о его наглости, жестокости, о том, какую угрозу он собой представлял для самого Рода и его детей. В ответ в сердце Рода хлынул жаркий гнев, мгновенно выросший в необузданную ярость. Он почувствовал присутствие лорда Керна, но теперь он трезво осознавал это — осознавал как неотъемлемую часть себя, а не как

нечто привнесенное извне. А при том, что ярость принадлежала Роду, он мог управлять ею точно так же, как пальцами или языком. Он раскрыл свое сознание и сосредоточился на мире мыслей. Мир, видимый глазами, потускнел, у Рода зазвенело в ушах. Только мысли были реальными — дерзкие, яркие мысли ведьм и чародеев... скучные, механические, послушные мысли солдат и слуг... а на заднем плане — непрерывное бормотание того проективного телепата, который загипнотизировал все княжество. Что же могло издавать этот непрерывный поток восхвалений?

Что бы это ни было такое, Род вдруг отчетливо понял, что именно это и есть ключик ко всем амбициям Альфара, к его легким победам. Он мысленно сканировал весь замок, нашел направление, откуда исходил самый мощный поток гипнотических мыслей, и пожелал туда переместиться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Он оказался в небольшой круглой комнате. Стены ее были сложены из серых каменных блоков, свет проникал через три узких высоких окна. В оконные проемы было вставлено... нет, не стекло, какой-то другой прозрачный материал, и воздух в комнате был необычно прохладен. Тут явно работал кондиционер. Род встревожился, глянул на Саймона. Его спутник пошатнулся. Род поддержал его и проворчал:

— Держись, старина. Это нормально. Так бывает, когда чародеи исчезают, а потом появляются в другом месте.

— Я... Мне раньше... никогда не доводилось... такого проделывать, — задыхаясь, выговорил Саймон и, вытаращив глаза, огляделся по сторонам. Наконец он обернулся и восторженно посмотрел на Рода. — Но... тогда выходит, что на самом деле ты — не верховный чародей.

— Попал в точку, — кивнул Род. — Однако я остаюсь твоим учеником в области отцовства и супружества.

— А я твоим — в волшебстве. — Саймон дрожащей рукой указал на металлический ящик, стоявший посередине комна-

ты. Ящик был установлен на тонкой подставке на уровне груди. Сверху, чуть сбоку располагался серый, с радужным блеском цилиндр. С другой стороны из коробки выходил толстый провод, спускавшийся вниз, бежавший по полу, вдоль стены, за окно... Род решил, что за окном скорее всего подвешена передающая антенна.

— Что это, — голосом, дрожащим от испуга, спросил Саймон, — за жуткое творении алхимии?

— Не думаю, чтобы алхимии, — покачал головой Род. — Это некая машина. — От устройства постоянно исходила волна восхвалений Альфара. Мысли слышались намного ярче и громче, чем тогда, когда Род и Саймон находились в темнице. От одного только непрерывного повторения одних и тех же фраз Роду стало не по себе. «Альфар — господин, Альфар велик, Альфар — по праву повелитель всего человечества...» — Думаю, я знаю, что это такое, Саймон. По крайней мере я точно понимаю, что эта штукавина делает. И если я не ошибаюсь, когда я в последний раз такую видел, она была живая.

— Как это? — в ужасе спросил Саймон. — Живое существо не может быть машиной!

— Так же как и машина не может быть живым существом. А вот эта, похоже, является таковым. Если бы ты ничего про нее знал, разве ты не почувствовал бы, что она думает и старается внушить нам кое-какие мысли?

— Кто? Вот *это*? — Саймон скривился от отвращения. — Ну уж нет!

— Заверь меня в этом — мне это может понадобиться. — Род еле слышно проговорил: — Векс. Ты где?

— Здесь, Род, в конюшне при замке, — послышался у него за ухом голосок Векса.

— Закрой глаза, — распорядился Род, — и ни о чем не думай.

Он и сам закрыл глаза, представил себе Векса и стойло, в котором тот стоял. Стойло наверняка было хорошее, крепкое — ведь еще неделю назад конюшни были собственностью князя Романова, как и весь замок... Но все же навести порядок здесь не мешало — сменить солому, убрать навоз. Но Роду был нужен

Векс, очень нужен, нужен здесь... Род отточил эту мысль, превратил ее в приказ.

Раздался громовой раскат, и Векс оказался в комнате. Открыв глаза, Род увидел своего скакуна. Тот дико глядел по сторонам. За ухом у Рода послышался хриплый голос робота:

— Ч-ч-ж-ждо... г-х-х-хде... Я-я-а-а... т-д-делепо... — Вдруг голова его запрокинулась и тут же повисла между передними ногами, а негнувшиеся ноги растопырились в стороны.

— Припадок, — объяснил Саймону Род. — Такое с ним случается всегда, когда он не в состоянии осознать свершившееся чудо.

Но Саймон не ответил. Он не сводил глаз с электронной игрушки, и глаза у него остекленели. Он покачнулся, шагнул к серебристому ящику...

«Ну, естественно, — подумал Род. — В непосредственной близости от источника...»

Он схватил Саймона за плечи и встряхнул.

— Саймон, очнись! — крикнул он и хлопнул в ладоши прямо перед лицом товарища.

Саймон моргнул и пришел в себя.

— Как же... господин чародей! С полминуты я думал... Я был готов поверить...

— Что эту штука думает правильно и что Альфар — отличный парень, — кивнул Род, поджав губы. — Ничего удивительного. Теперь я точно знаю, что собой представляет эта машина, но лучше лишний раз в этом убедиться. — Он развернулся к Вексу, сунул руку под седло, нащупал там кнопку перезагрузки и нажал ее. Послышался тихий щелчок. А через миг голова Векса медленно поднялась и повернулась к Роду. Большие глаза из прозрачного пластика прояснились и приобрели осмысленное выражение.

— У-у-у меня был при...падок, Р-род.

— Был, — подтвердил Род. — Но позволь показать тебе кое-что, с чем ты в состоянии справиться. — Он шагнул к подставке и указал на устройство. — Эта штука осуществляет постоянную трансляцию одних и тех же мыслей. Она то и дело прославляет Альфара, а здесь эта мысль слышна сильнее, чем где бы то ни было.

Робот следил за ним взглядом. Затем Векс и сам подошел поближе к металлическому ящику. Величественный черный жеребец поднял голову и осмотрел ящик сверху, спереди, сзади. Наконец Векс проговорил:

— Имеется объем информации, достаточный для формулирования осмысленного вывода, Род.

— Отлично! Какого же, если не секрет?

— Вывод таков: завоевания Альфара осуществляются при поддержке футурианцев-тоталитаристов.

— Неужто? — сухо хмыкнул Род. — Не желаешь ли подтвердить мою догадку относительно принципа действия этой хреновины?

— Желаю и сделаю это. Данное устройство конвертирует электричество в псионную энергию. Я возьму на себя смелость предположить, что внутри большого параллелепипеда располагается мозг какого-то животного в питательном растворе. К промежуточному мозгу, судя по всему, подведены проводки, передающие энергию от портативного атомного реактора, а другие проводки отходят от коры головного мозга. По ним энергия, имеющая частоту человеческой мысли, передается к модулятору. Судя по всему, модулятором является вот этот цилиндр. Модулированная информация передается по кабелю к антенне, которая, видимо, установлена на вершине башни.

— Благодарю, — кивнул Род и сглотнул подступивший к горлу ком. — Приятно, когда твои догадки подтверждаются. А они шагнули вперед в техническом отношении, не правда ли, — с тех пор, как мы познакомились с Кобольдом?

— Это искусство развивается постоянно, Род.

— Без усталости, я бы так сказал, — буркнул Род и повернул голову к Саймону. — Эта штука издает мысли. Но не живые, понимаешь? Записанные. Они изготовлены с таким же старанием, как люди изготавливают стулья или корабли, как строят замки. Эти мысли записаны так, как ты пишешь чернилами письмо, а потом из этой машины они рассылаются по всему княжеству — снова и снова, и вколачиваются людям в головы. Чародеи и ведьмы хотя бы осознают, что их обстреливают такими мыслями, а вот обычный крестьянин, гнувший спину на поле, ни о чем не

догадывается. Но на самом деле разницы нет — обработке подвергаются все до единого.

— И кто же эту мерзость здесь поставил? — дрожащим голосом спросил Саймон.

— Люди из будущего, — ответил Род сурово. — Люди, которые желают, чтобы вся вселенная была в их власти. — Он обвел взглядом серые каменные стены. — Но где же те, кто построил эту машину? Прячутся, отсиживают в безопасных местечках, куда Альфар делает за них грязную работу. Однако должен признаться: я разочарован. Я полагал, что кто-то из них окажется здесь, на страже.

Он почувствовал, как возмущение подхлестнуло его гнев. Его затрясло как в ознобе.

— Тише, спокойнее, — проговорил Саймон и схватил Рода за руку. — Зачем им тут сторожить? Зачем сторожить то, про что никто не знает и что не надо кормить и поить?

— Верно. Устройство полностью автоматическое. А они вовсе не обязаны были явиться передо мной только из-за того, что я этого ожидал. Но я-то думал, что эти нарочитые мысли исходят от человека — от ведьмы или чародея, подсоединенного к электронному усилителю! Но... оказалось, что всему виной — вот это! — Он протянул руки к машине. — Больше тут ничего нет! Вот он — могущественный чародей! Архимаг! Мятежный колдун фантастического могущества... пока у него не сядут батарейки!

— Но и этого хватает, — сказал Саймон, встав рядом с ним.

— Еще как! — Род развернулся и стал рыться в седельной сумке. — Где тут у меня лежал молоток?

— Позволено ли мне будет заметить, что намного проще и эффективнее было бы просто-напросто отключить это устройство, Род?

Род пожал плечами:

— Почему бы и нет? Я непридирчив и готов расправиться с этой пакостью любым способом. — Он развернулся к машине и осмотрел ее сверху донизу. — Ну и где же выключатель?

— Я вижу кнопку рядом с цилиндром, — сказал Векс. — Может быть, нажмешь ее, Род?

— Конечно, — кивнул Род и нажал на квадратную кнопку. Машина издала шелчок, еще секунду пожужжала, после чего цилиндр подъехал к Роду. Он поднял его и осторожно сжал в вытянутых руках. — Что это?

— Судя по электрической схеме, Род, этот цилиндр, скорее всего — передатчик. Резонно предположить, что заключенный в нем диск содержит записанный текст.

— А, вот оно что! — Род переложил цилиндр в правую руку и поднял ее, целясь цилиндром в стену.

— Могу ли я также высказать предположение о том, — то-ропливо зататорил Векс, — что мы могли бы найти для этого диска иное применение?

Род скривился:

— Это всегда возможно, наверное. Но не очень-то приятно. — Он убрал цилиндр в кошель, притороченный к ремню. — Итак, массовое гипнотизирование населения прекращено. Но как же мы пробудим народ?

— Почему бы не прибегнуть к телепатии? — предложил робот. — Машина действовала, имея в своей основе записанную мысль. Вероятно, столько же эффективно этот прибор передаст и живую мысль.

Род обернулся к спутнику, радостно сверкая глазами:

— Ну, сударь мой Саймон...

Саймон невольно попятился, но совладал с собой и проговорил:

— Чем я могу помочь, лорд чародей?

— Ты должен будешь направить свои мысли на эту машину. — Он кивком указал на устройство. — Но тебе придется прижаться к ней лбом.

Саймон в ужасе вытарашил глаза.

— Не бойся, твой разум от этого не пострадает, — поспешил заверить его Род. — В этом я не сомневаюсь. Эта часть машины только принимает мысли, но сама не передает. — Он развернулся, наклонился и прижал голову к передатчику. — Видишь? Опасности никакой нет.

— Похоже, что так, — затравленно проговорил Саймон. — Но почему бы тогда тебе не передать машине свои мысли?

— Потому что я не знаю, как разрушить чары Альфара. — Род отошел в сторону и снова указал кивком на машину. — Попробуй, а? Ты только прижмись лбом вот к этой круглой пластинке и представь себе, что перед тобой — солдат, с которого ты хочешь снять чары.

Саймон несколько секунд стоял не шевелясь. Потом глубоко вдохнул и шагнул вперед. Род с восхищением следил за тем, как его товарищ прижался лбом к передатчику. Отваги у этого скромного хозяина постоянного двора было не меньше, чем у рыцаря.

Саймон закрыл глаза. Лицо его стало напряженным — он явно начал произносить мысленное контрзаклинание.

Род вздрогнул. Ментальное послание Саймона ударило по нему с полной силой. В нем не было слов — это было всего лишь ощущение, будто бы кто-то добрый слушает его, внимательно слушает все, о чем только может рассказать Род, а потом — потом мягко, дружески, но решительно возражает. Род помотал головой и кашлянул.

— Ну... Похоже, он пробивается, а? — Он обернулся к Вексу. — Но как мы узнаем, получилось у него или нет?

— По реакции Альфара, Род. Он наверняка заметил, что мы отключили его послание, но пока он боится напасть на нас — опасается твоего могущества.

Род запрокинул голову:

— Об этом... я... не подумал.

— А я считаю, что это вполне вероятно, — глубокомысленно изрек Векс. — А вот теперь Альфар, судя по всему, начинает понимать, что мы разрушаем саму основу его власти. И если он не нападет на нас немедленно, он лишится всего, что успел завоевать.

В это же мгновение зазвучали раскаты грома — их было пять. В комнате друг за другом появились Альфар, три ведьмы и еще один чародей. Альфар замахнулся на Рода кривым ятаганом.

Род, весело охнув, отпрыгнул назад. Лезвие просвистело, не задев его, после чего Род вместе с Вексом оказались между Саймоном и сопровождавшими Альфара лицами. Одна из ведьм наставила на них руку, растопырила пальцы... и в друзей полетели острые стальные лезвия.

Векс шагнул влево и заслонил своим телом Саймона и Рода. Дротики со звоном ударились о стальной бок коня, а конь шагнул назад и наступил на ногу другой ведьме. Ты взвыла от боли и отшатнулась, а Альфар снова замахнулся на Рода ятаганом. Но на этот раз Род высоко подпрыгнул и выбил меч из руки колдуна. В это же мгновение Векс встал на дыбы и нацелился передними копытами на чародея и ведьму. Род врезал Альфару по всем правилам каратэ. Тот отпрыгнул — но недостаточно проворно. Род успел ухватить его за ворот, и Альфар взвыл от боли. Ведьма тарасилась на Векса и, дико сверкая белками, медленно пятилась назад. Род ощущал странное ассорти эмоций — злость, страх, смтение, любовь. Ведьма была проективной телепаткой, вот и обрушивала на Векса весь свой арсенал и никак не могла смириться с полным отсутствием реакции со стороны коня.

Это напомнило Роду о том, кто он такой, и о том, что эмоции — это всего лишь иллюзии. Он отрешился от них и приготовился как следует стукнуть Альфара. Но не успел. От стены отделилась каменная плита и устремилась прямо к Роду. Он отступил в сторону, но плита задела его плечо. Нестерпимая боль сковала Рода, а в ответ на боль полыхнул гнев. Прислонившись к противоположной стене, он отчаянно пытался овладеть собой, направить гнев в нужное русло. Он понимал, что злость может отрицательно сказаться на его рефлексах. Еще одна каменная плита полетела в него. Род пригнулся, присел — плита ударилась о стену у него за спиной. Следующая глыба камня стукнула Векса по крупу. Рода охватила тревога. Если бы камень угодил Роду в бок, мог бы пострадать компьютерный мозг!

Этой тревоги хватило для того, чтобы отвлечься и утратить контроль над ситуацией. Род заметил летящий в него камень и увернулся, но немного опоздал. Камень углом задел его бедро, и всю ногу словно пламенем обьяло. Колени Рода подкосились, он упал.

Альфар тут же подскочил к нему и снова занес над ним ятаган. Мерзко ухмыляясь, он нанес удар...

Род откатился в сторону в последнее мгновение. Огромное лезвие вонзилось в каменный пол и выпало из рук Альфара. От

камня отскочил осколок и полетел в физиономию колдуна. Альфар в ужасе вскричал, попятился и, запнувшись за что-то, рухнул на спину.

Род поднялся с пола, встал на колено. Нужно было во что бы то ни стало подняться на ноги. Он присмотрелся, пытаясь понять, какое же препятствие возникло на пути Альфара... О господи! Это был шестилетний Джеффри! Мальчишка ухмыльнулся, вскочил и замахнулся на поверженного колдуна мечом длиной всего-то в восемнадцать дюймов. Альфар ухитрился откатиться в сторону в последний миг. Рука его метнулась, нашла рукоятку ятагана, пальцы обвилились вокруг нее.

К Джеффри полетела каменная глыба. Мальчик увернулся, но Род взревел от ярости при виде того, как близко от сына пролетел камень. Он бросился к ведьме, занимавшейся телекинезом, но дорогу ему преградил Альфар, снова принявшийся размахивать ятаганом. Род отскочил назад, и удар Альфара снова пришелся мимо, а Род нанес ему ответный рубящий удар. Колдун еле успел увернуться.

Ведьма, владевшая телекинезом, окружила себя каменными плитами, налетавшими друг на дружку. Ее губы скривились в злорадной ухмылке, лоб покрылся каплями испарины. Джеффри поднырнул снизу и уколол ведьму мечом. Та вскрикнула, отпрыгнула назад, споткнулась о Джеффри и упала. Неведомо откуда взявшийся Магнус стукнул ее дубинкой по затылку, она обмякла и затихла.

Корделия мстительно воззрилась на другую ведьму, но между ними вдруг возникла колдунья из детских книжек с картинками — во всей красе: в остроконечной шляпе, с помелом, крючковатым носом, с уймой бородавок. С безумным, хриплым кашлем она потянулась к девочке. Рядом с колдуньей возникло мерзко стонущее привидение, а на полу образовалась какая-то пакость с желтыми, горящими глазами и множеством шупалец. Но Корделия презрительно фыркнула:

— Как ты глупа, ведьма! Неужто ты думаешь, что я маленькая?

С этими словами Корделия запустила в ведьму-фокусницу свою метлу. Метла насквозь пронзила колдунью и устремилась к ведьме. Та пискнула от страха, заслонила руками... а кол-

дунья, призрак и чудовище тут же исчезли. Но метла Корделии вертелась и крутилась около ведьмы. Та не знала, куда деваться, а метла колотила ее без жалости по голове, плечам, рукам. Женщина, дико крича, бросилась к двери, но тут от потолка отделилась «взрослая» метла Гвен и угодила ведьме по лбу. У той закатились глаза, и она без чувств повалилась на пол.

Род увернулся от ятагана Альфара и прижался к стене. Боль в бедре чуть было не заставила его снова упасть. Он перенес весь вес на здоровую ногу и обнажил меч как раз вовремя — успел парировать удар колдуна. Затем он сделал выпад и нанес удар — быстрее, чем ожидал Альфар. Колдун отступил. Еще бы дюйм — и Род достал бы его кончиком лезвия... Альфар вдруг увидел, что двое из его подручных валяются без чувств на полу, и в это же мгновение Векс, встав на дыбы, стукнул проективную телепатку копытом по виску. Та повалилась на колени и ткнулась головой в каменный пол. Альфар взвизгнул. Род подскочил к нему, схватил за руку и сумел удержаться на ногах. Альфар развернулся, увидел лезвие занесенного для удара меча Рода и снова вскрикнул. Род вдруг увидел себя в другом месте. Он закрыл глаза и всей душой пожелал не оказаться там, но Альфар уже телепортировался. Род расслышал приглушенный удар грома и понял, что Альфару удалось исчезнуть из комнаты в башне. Он открыл глаза — и увидел, что сжимает руку колдуна и что оба они находятся посреди бесформенных клубов серого тумана, озаренного тусклым светом, исходящим неведомо откуда. Ничего нигде не было — кроме его врага.

Альфар огляделся по сторонам и воскликнул:

— Мы пропали! Нам конец!

Он зажмурился. Род ощутил попытку Альфара перенестись в иное место, которое ему было незнакомо. Он решительно воспротивился этому. Их тела содрогнулись — словно бы от ударной волны, но остались на месте.

— Ты — в Чистилище, — прорычал Род. — И ты не выйдешь отсюда!

Альфар закричал — страшно, гневно, хрипло — и замахнулся на Рода кривым мечом. Но Род подтянул его ближе к себе и нанес удар ногой по руке колдуна, сжимавшей ятаган. От боли Роду стало так плохо, что он чуть было не отпустил

Альфара, но все же удержал. Тот продолжал хрипло вопить. Ятаган выпал из его пальцев и, кувыркаясь, улетел в пустоту. Род вlepил колдуну апперкот под нижнюю челюсть. Тот попробовал увернуться, но не успел. Голова у него запрокинулась назад, но в ответ он заехал коленом Роду между ног. Род от боли согнулся пополам, но руку Альфара не отпустил. Правой рукой он выхватил из-за голенища сапога кинжал и, вложив всю силу в последний удар, уколол Альфара в живот. Альфар согнулся и повис в воздухе, раскинул руки, выпучил глаза. Роду стало совестно. Он выхватил кинжал и нанес последний, милосердный удар — в сердце. Он увидел, как остекленели глаза Альфара, почувствовал, как обмякло его тело. Пару секунд Род не шевелился, не в силах поверить в случившееся. А потом сердце его объяла тоска, а душа содрогнулась от мысли о том, что он убил человека.

— Не я его, так он бы меня... — проскрипел зубами Род, но никто его не услышал — кроме него самого.

Он отпустил Альфара и оттолкнул его от себя. Тело уплыло, медленно вращаясь и роняя капли крови. Вскоре оно исчезло в тумане, оставив только кровавый след.

Род отвернулся. Он не в силах был видеть деяние рук своих. Долгое, немыслимо долгое мгновение он просто парил в пространстве, мучаясь от чувства вины. Да, да, то, что он сделал, было необходимо, оправданно... но все же это было ужасно.

Наконец чувство вины отступило, и Род раскрыл свое сознание для других мыслей. Гвен! Дети! Удалось ли им уцелеть?! И как они вообще оказались там, если на то пошло? Род даже не желал думать о том, что если бы они там не оказались, то лишились бы мужа и отца. Нет! Одна мысль терзала его: как они попали туда, где было так опасно!

Что тут спрашивать — они решили ему помочь. И они должны были снова помочь ему — иначе он никогда не выбрался бы отсюда. Он не боялся этого серого пространства между мирами — он уже бывал здесь.

И домой попасть он намеревался испытанным способом. Род закрыл глаза, раскрыл сознание, прислушался. Вот они! Мысли Грегори — безмолвная тревога за отца, его любовь... тот самый маяк, с помощью которого Род раньше выбирался

домой. Род вздохнул и расслабился, позволив мыслям сына заполнить его разум. Сам же он лишь пожелал оказаться рядом с трехлетним Грегори.

— Неужели все? — Род скрипнул зубами от резкой боли в предплечье.

— Мужайся, супруг мой, — проворковала Гвен и закончила перевязку. — О да. Все отправились в путь: все волшебницы и чародеи из королевского сонма. Даже старуха Агата и старик Гален покинули свою Черную башню. Они перелетали из деревни в деревню и говорили с бедными крестьянами — ведь те, освобождаясь от злых чар, пугались и были страшно растеряны.

— Их можно понять, — проворчал Род. — Я бы тоже небось был бы в шоке, если бы очухался и понял, что уже несколько недель поклоняюсь какому-то самозванцу — в то время как князь нагло свержен. Нет, я бы не на шутку напугался, честно. — Он поморщился — Гвен принялась прибинтовывать его руку к груди. — А это так уж необходимо?

— Так надо, — заявила Гвен тоном, не допускающим возражений. — Всего на пару дней, пока не заживет.

— А я, между прочим, и не заметил этой раны, — сказал Род, скосив глаза на повязку. — Но кость не задета.

— Нет, слава богу, не задета, — кивнула Гвен.

— Лорд чародей!

Род поднял голову.

Они находились в большом зале замка князя Романова — огромном помещении с каменными стенами, восемьдесят футов длиной, сорок шириной и тридцать — высотой. Сейчас зал был пуст — столы были убраны и прислонены к стенам. Теперь пировать тут должны были только вечером. Но стол князя все еще стоял на возвышении, и Род сидел за ним, а рядом с ним — Гвен. Но конечно же, они не заняли мест князя и княгини.

К возвышению, радостно сверкая глазами, торопливо шагал капрал, еще не успевший избавиться от формы войска Альфара.

— Вы нашли изменников? — сурово спросил Род.

— Да, милорд, — кивнул капрал, остановившись перед возвышением. — На стороне колдуна воевали наши тела, а наш

разум спал. И когда мы очнулись, мы сразу поняли, какие из солдат встали на сторону колдуна по собственной воле, — их никто не усыплял!

Род кивнул:

— По странному совпадению это были именно те, кто отдавал приказы.

Нашлось и несколько рыцарей, которые присягнули на верность Альфару безо всякой гипнотической обработки. Род самолично запер их в подземелье — что поделать, надо было блюсти средневековые законы. Один из рыцарей попробовал сопротивляться, но остальные, увидев, что с ним стало, мирно разошлись по темницам. Уж очень это было стыдно и странно — покориться горстке детишек... И все же парочка рыцарей, более быстро среагировав на развитие событий, успела улизнуть. Но Рода это обстоятельство не слишком огорчило: теперь он располагал войском из нескольких тысяч воскрешенных воинов, которым непременно нужно было дать какое-то задание, дабы они могли облегчить муки совести. Розыски пропавших рыцарей — чем не лекарство от тоски?

О простых солдатах, по доброй воле служивших Альфару, должны были позаботиться их товарищи. Но Род велел им оставить изменников в живых.

— Итак, вы нашли самое глубокое подземелье и заперли их там?

— Да, милорд. — Глаза капрала блеснули. — А единственного узника освободили! — Он нетерпеливо обернулся, склонился к поклону, а по проходу к возвышению направился, чуть прихрамывая, бывший узник. Его дублет и лосины были изорваны и выпачканы в крови, лицо и волосы покрыты грязью. Правую щеку рассекала рана, от которой явно должен был остаться шрам. Но плечи мужчины были расправлены, а голова — гордо поднята. По обе стороны от него шагали рыцари. Вид у них было немного растерянный, и все же они также держались подтянуто и торжественно. Следом шел совершенно ошеломленный Саймон.

Род, невзирая на страшную боль в ноге, поднялся. Капрал возгласил:

— Да здравствует мой повелитель, князь Романов!

Род вышел из-за стола и обнял за плечи своего бывшего друга:

— Слава богу, вы живы!

— Слава тебе за мое чудесное спасение! — с поклоном проговорил князь. — Добро пожаловать, лорд чародей! И я, и все мои потомки вечно будем в неоплатном долгу перед тобой и твоим родом.

— Да пожалуй, они более заслуживают благодарности, — усмехнулся Род и кивком указал на детей, которые смиренно сидели на ступенях, ведущих к возвышению. Сияющая от гордости Гвен стояла рядом с ними. — Когда дошло до самого страшного, именно они вытащили меня из пламени.

— Если так, то примите мою сердечную благодарность, леди Гэллоугласс, и вы, отважные дети! — Князь снова склонил голову.

Все четверо залились румянцем, встали и поклонились князю.

Когда князь выпрямился, взгляд его был полон волнения.

— Лорд чародей... а моя жена и дети... Им удалось... бежать?

— Удалось, и моя супруга с детьми позаботились о том, чтобы они благополучно добрались до Раннимеда. — Род посмотрел на Гвен. — Правда?

— Конечно, супруг мой. Мы проводили их до королевского дворца и сделали все, что обещали.

— Вот только оставаться в безопасности вы не обещали, — проворчал Род. — А между прочим, Альфар грозился прибегнуть для вас кое-что...

— Вот как? — Гвен шире раскрыла глаза. — Но значит, он так и не успел осуществить свою угрозу. Еще удивительно, что ты так милосердно с ним обошелся.

— Я никогда не был сторонником долгой и мучительной казни, — буркнул Род, хотя сейчас ему очень хотелось пересмотреть свою точку зрения. — Кроме того, он пытался убедить меня в том, что княгиня и ее сыновья погибли...

— И это вранье, — поспешно проговорила Гвен, не дав князю впасть в отчаяние. — Они в Раннимеде, в безопасности, рядом с их величествами.

— Ну... а для чего еще нужны монархи?

От Рода не укрылось смущение, испытанное князем Романовым: ведь некогда он был в числе мятежных лордов.

— Да мы с ними вместе играли, пап. Еще и три часа не прошло, — заверил Рода Джеффри.

Князь облегченно вздохнул. Наконец он смог сыграть роль отца и хозяина.

— Три часа назад? И ваши дети с тех пор не ели? — Он развернулся к капралу. — Любезный, разыщи поваров! Пусть поскорее приготовят и принесут сюда мясо, вино... и медовые пряники!

Дети сразу заметно повеселели.

— Три часа назад... — Князь сдвинул брови и посмотрел на детей. — Это было в Раннимеде?

Дети дружно кивнули.

Князь повернул голову к Роду:

— Но как же твоя семья могла прийти тебе на помощь?

— Хороший вопрос, — кивнул Род и пристально посмотрел на Гвен. — Здесь действительно было очень опасно, дорогая. Далеко ли отсюда вы находились, будучи готовыми прийти мне на помощь?

— Мальчики были в Раннимеде, супруг мой, — это чистая правда, — отвечала Гвен и глазом не моргнув. — Мы могли оставить их там — ведь они способны перенестись за сотню лиг в мгновение ока.

Род знал, что на самом деле мальчики способны преодолевать гораздо большие расстояния, но счел за лучшее умолчать об этом.

— Сначала, — продолжала Гвен, — мы с Корделией оставались с ними — ведь твои мысли были нам слышны издалека, и мы могли бы прилететь тебе на помощь. Но я ощутила большую тревогу, супруг мой, когда твои мысли столь неожиданно утихли.

Корделия, широко открыв глаза, согласно кивнула:

— Она так плакала, папочка...

— Нет, нет, милая! — Род взял Гвен за руки. — Я же не хотел...

— Конечно, конечно. — Она улыбнулась ему. — Но ты должен понять, как это напугало меня.

Род медленно кивнул:

— Понимаю. Да.

— И тогда я поручила мальчиков заботам их королевских величеств и Брома О'Берина и снова полетела на север. Я обернулась скопой...

Род закатил глаза:

— А ведь я так и знал! Как только увидел этого ястреба-рыболова так далеко от воды, так сразу все понял! — На самом деле он, конечно, понимал, что сама Гвен никак не способна превратиться в птицу. С таким же успехом бабочка могла бы попробовать превратиться в жирафу. Это была всего-навсего спроецированная иллюзия. Людям казалось, что они видят птицу, а не женщину. — Если бы я не закрыл непроницаемым щитом мои мысли, я бы, пожалуй, разглядел и твои чары!

— Если бы ты не спрятал так надежно свои мысли, мне бы не пришлось подлетать к тебе так близко, — возразила Гвен. — И хотя ты замаскировался, я тебя узнала, Род Гэллоугласс.

Это было в некотором смысле приятно слышать.

— Потом, — продолжала Гвен, — мне достаточно было слушать мысли того доброго человека, что странствовал вместе с тобой. — Гвен перевела взгляд на Саймона. — Спасибо тебе, сударь Саймон.

Вид у Саймона по-прежнему был смущенный и неуверенный, но он поклонился Гвен и улыбнулся:

— Рад, что пригодился вам, миледи, хоть и не ведал про то.

— А когда вас схватили, — сказала Гвен, — я позвала Корделию, и мы с ней спрятались в заброшенной пастушьей хижине. А потом, когда ты снял пелену со своего разума, я наконец услышала твои мысли.

— И нельзя сказать, чтобы ты не обратила на них внимания, — проворчал Род.

— Нет, нельзя! — возмущенно вскричала Гвен. — И когда вы оказались в комнате на башне, я поняла, что близок поединок, и мы с ней полетели к башне. А когда мерзкое устройство перестало работать, я поняла, что ты вот-вот вступишь в бой с колдуном, и тогда я призвала наших сыновей, чтобы наше семейство воссоединилось вновь.

— Очень мило, — усмехнулся Род. — Я, конечно, был невероятно рад видеть всех вас, но самое главное для меня было — понять, что дети живы и здоровы.

— Ну конечно, супруг мой! Я бы ни за что не подвергла их опасности!

Род искоса глянул на жену:

— А то, чем мы не так давно занимались, — это что, потвоему, такое? Домашнее задание, да?

— Ой, нет, ты что, пап! Было так весело! — вскричал Джеффри.

— Домашнее задание — тоже весело, — проворковал Грегори.

— Папочка! — возмущенно воскликнула Корделия.

Магнус горделиво вздернул подбородок:

— Подумаешь — самые азы!

— Ведь мы уже сражались с ними прежде, — напомнил Роду Джеффри. — И знали, на что они все способны — кроме Альфара. А его мы оставили тебе.

— Приятно слышать, что вы мне немножко доверяете, — проворчал Род. — Но могло случиться все, что угодно...

— С детьми вечно что-нибудь случается, — вздохнула Гвен. — А тут они хотя бы были у меня под присмотром. А если бы я оставила их одних на кухне...

Род поежился:

— Я все понял. Не будем ставить опытов. — Он повернулся к князю. — Мы вам еще не надоели?

— Нет, папа! — вскричал Магнус. — Мы только помогли вам в окончании этой кампании.

— Верно, — широко раскрыв глазенки, кивнул Грегори. — Правда, мы все-таки не все знали про этого колдуна...

Род заметил, как хитро переглянулись Магнус и Джеффри, но счел за лучшее промолчать.

— Ну так вот, — проговорила Гвен и сжала руки Рода в своих. — Во время последнего боя я все время слышала твои мысли. Ты гневался, но сдерживал гнев. Неужели ты и вправду принял советы этого доброго человека так близко к сердцу?

Она кивком указала на Саймона.

— Принял, — кивнул Род. — На этот раз по крайней мере все получилось.

— Это значит, что ты больше не будешь злиться, папочка? — воскликнула Корделия. Остальные дети устремили на Рода взгляды, полные радости.

— Ничего обещать не могу, — пробурчал Род. — Но пожалуй, сдерживать себя смогу более успешно. Ну ладно. Какие у вас планы?

Но ответить никто не успел. В зал вбежали повара и поварята с подносами, водрузили их на стол, и дети с радостными воплями набросились на еду. Магнус уселся за стол первым, взял с подноса гусиную ногу и передал отцу:

— Пап, держи. Это тебе!

— Ну, спасибочки, — хмыкнул Род. — Приятно осознавать, что у меня тут имеется кое-какой авторитет.

— А я тоже хочу ножку, — заявила Корделия.

— Чего это? Тебе никогда ножки не нравились, — возразил Джеффри и потянулся за ножкой.

— Не тронь! — закричала Корделия. — Я первая сказала!

— А я первый взял!

— А я первый начал разделывать гуся! — заявил Магнус и накрыл рукой «кость раздора». — Первую ножку я отдал отцу, а вторую могу взять себе.

— Так... дети, — негромко проговорил Род. — Потише, пожалуйста.

— Она моя!

— Нет, моя!

— Я старший! Мне положено!

— Де-ти! — чуть громче проговорил Род. — Прекратите!

Гвен предостерегающе сжала его руку. Зря. Ярость наполнила сердце Рода.

Корделия вскочила из-за стола и, подбоченясь, закричала на братьев:

— Вы! Вы! Вы самые гадкие, самые невоспитанные мальчишки на свете, и...

Род стоял не шевелясь, стараясь сдержать забурливший, заклокотавший гнев. И тут он встретился взглядом с Саймоном. Глаза Саймона были спокойны, но в них была удивительная сила. Род вдохнул поглубже и стал мысленно твердить себе: дети имеют право кричать и плохо вести себя только потому,

что они — дети, а у него такого права нет. Если бы он начал кричать на них, он бы уподобился им. Эта мысль обуздала злость. Он был самим собой. Родом Гэллоуглассом, никак не меньше, и никак не хуже — только потому, что его дети в нем сейчас не нуждались.

И он понял, каким образом добиться их внимания. Он протянул руку к блюду, схватился за вторую гусиную ножку и оторвал ее.

Дети тут же развернулись к нему, вне себя от возмущения:

— Папа! Нет! Ты зачем, папуля! У тебя уже есть одна!

— Это несправедливо, — протянул малыш Джеффри, уткнувшись подбородком в сложенные на столе ручонки.

— Можно поспорить, — заметил Род, развернулся к Гвен и с поклоном протянул ей ножку. — Дорогая, — сказал он, — ты героиня дня. Позволь хоть как-то отплатить тебе за это.

— Но, папочка! — Корделия подбоченилась и надула губы. — Ты же должен теперь быть добреньким!

— С чего ты взяла? — усмехнулся Род.

Чародей-странник

2001

2001

2001

2001

2001

2001

ВОЛЬМАР

— Нет, папа! Я уже взрослый! И мне ни капельки не нужно, чтобы кто-то за мной присматривал и охранял меня!

Род решительно покачал головой:

— Вот когда тебе исполнится пятнадцать — может быть. *Может быть.* Но даже тогда ты не будешь достаточно взрослым для того, чтобы позаботиться о восьмилетнем младшем брате, да и десятилетнем, если на то пошло. Не говоря уже о тринадцатилетней сестренке.

— Мне уже десять! — Девочка подбоченилась, сжав кулаки, и дерзко взглянула на отца, строптиво вздернув подбородок.

Род повернулся к ней, с трудом удерживаясь от улыбки, но Гвен уже ласково ворковала:

— Ну, пожалуй, когда тебе будет четырнадцать, моя милая, а твоему братцу Магнусу — шестнадцать, я, быть может, дерзну оставить остальных на ваше попечение. Но пока... — она повернулась к старшему сыну, — тебе, Магнус, всего двенадцать.

— Не так уж это мало! — набычился Магнус. — Уж о себе я точно могу позаботиться. — Он оглянулся на Рода. — Многие другие мальчики, мои ровесники, уже помогают своим отцам во время пахоты и...

— А другие твои ровесники — пажи и получают уроки фехтования у местных рыцарей, — кивнул Род. — Но ты все-таки обрати внимание: и в том, и в другом случае рядом с ними находятся взрослые, и уж эти мальчики точно не хлопчут о младших братишках и сестренках!

— Ну, хватит уже языками-то чесать! — Из-за колена Рода вынырнул эльф росточком в полтора фута, поставил руки в боки и, свирепо нахмутив брови, уставился на детей. — Ишь, разговорились! Ведите себя, как полагается, и слушайтесь меня, а не то вам же хуже будет!

Род вдруг на миг представил, как возвращается домой и застаёт вместо своих детей четырех крошечных лягушат в ночных рубашечках и колпачках. Дети сразу умолкли. Они, конечно, метали глазами молнии и дулись, но молчали. И хотя даже самый маленький из них, Грегори, был вдвое выше Пака, они все отлично знали, что невинные шуточки эльфа порой могут оказаться куда суровее, чем любые наказания, которые были бы способны измыслить их родители.

— Ваши родители желают провести вечерок наедине, — сердито проворчал Пак, — чтобы им никто не мешал. И между прочим, это для вас же лучше, а не только для них. И вы должны понимать, не маленькие уже: как они могут спокойно побыть наедине, ежели то и дело переживают, как бы с вами чего не стряслось? А вот когда с вами на вечерок останусь я, у них душеньки будут спокойны.

Все четверо детей стыдливо потупились. Корделия вычерчивала на полу круги мыском тувельки. Род промолчал. Он смотрел на эльфа с уважением — тот его здорово удивил своими воспитательскими способностями.

— А теперь пожелайте папе с мамой доброй ночи, — распорядился Пак, — да скажите им, что вам будет хорошо и весело, покуда вы будете вверены, так сказать, моему попечению.

Дети неохотно друг за дружкой подошли к родителям, не слишком искренне торопливо поцеловали их в щеку (что касалось Корделии и Грегори), а Магнус и Джеффри по-мужски пожали руку отца и чмокнули мать.

— Ну, теперь ступайте, — сказал Пак Роду и Гвен, — и не тревожьтесь за судьбу ваших детишек. Я позабочусь о том, чтобы с ними ничего не случилось, даже если против них дерзнет ополчиться целая дюжина рыцарей, потому что тогда на их защиту выступит целый легион эльфов!

— Не говоря уже о том, что ты самолично без особого труда сумел бы одолеть эту самую дюжину рыцарей, — понимающе кивнул Род. — Спасибо тебе, Пак.

— Будь благословен, Робин, — едва заметно улыбнувшись, произнесла Гвен.

Пак вздрогнул:

— Леди, вы бы поосторожнее! Нельзя же так шутить!

— Но это же я тебя благословляю, — успокоила его Гвен, — и больше никто. Но я тоже благодарна тебе, добрый дух.

— Да мы с радостью, чего уж там. — Пак снял колпачок и галантно поклонился Гвен. — Особенно когда такая красotka просит. Ну, ступайте, ступайте, да поторопитесь, уже вечереет!

Супруги последовали совету эльфа. Род закрыл за собой дверь, и они с Гвен прошли пять шагов по тропинке, считая про себя.

— Шесть, — тихо проговорил Род. — Семь...

Как по команде, из окошка за их спиной высунулись четыре мордашки и послышалось:

— Счастливо прогуляться!

— Доброй ночи, мам!

— Пока!

Род усмехнулся, а Гвен сдержанно улыбнулась. Они помахали детям руками, отвернулись и зашагали дальше по тропинке.

— Нам с ними повезло, — улыбнулся Род.

— Это верно, — вздохнула Гвен. — Но будет так приятно еще разок хоть несколько часов побыть наедине.

Они вошли в сумеречный лес. Род обнял жену. Она довольно улыбнулась, чем несказанно его порадовала.

— И куда же ты меня поведешь, супруг мой и господин? — проворковала она.

Род улыбнулся ей:

— Я тут как-то раз встретился с одной сухонькой, маленькой старушкой — она шла из лесу и несла тяжеленную вязанку дров. Спотыкалась, бедняжка, ругалась на чем свет стоит, каждые десять футов от усталости опускала вязанку на землю. Вот я и предложил ей сесть верхом на Векса, а дрова донес сам до скрещения дорог, где старушку поджидал сын. Она была так рада, что и не передать, и чтобы хоть как-то отблагодарить меня, устроила мне небольшую прогулку и показала маленькую полянку с чудесным озерцом. — Он вздохнул. — Призна-

юсь, никогда не видел ничего более красивого неподалеку от нашего дома — исключая, конечно, тех, кто в нем живет.

Гвен удивленно взглянула на мужа, но он заметил в ее взгляде мечтательность и погрозил ей пальцем:

— Нет-нет, только не говори мне, что теперь все точно так же, как в те дни, когда я за тобой ухаживал! Ведь мы познакомились в разгар маленькой гражданской войны!

— Верно. Но мне вспомнились те дни, что за ней последовали.

— Сразу после окончания войны мы поженились.

Она потерлась щекой о его грудь:

— Вот это самое мне и вспомнилось.

Род взглянул на жену, улыбнулся, опустил голову, прижался щекой к ее легким, пушистым волосам.

Неожиданно лесная тропинка оборвалась. Раздвинув ветви, супруги вышли на поляну, и перед ними предстало прекрасное озеро, вода в котором сверкала как драгоценный камень. Камни пологими уступами спускались к берегу, поросшему цветами. Ветви деревьев смыкались над озером подобно зеленому куполу.

У Гвен вырвалось:

— О, как красиво!

И тут она увидела единорога.

Он вышел из тени у края пруда, опустил голову к воде и стал пить.

Род затаил дыхание, но даже при том, как он был очарован этим зрелищем, разум его автоматически отметил, что вода в озере, судя по всему, необыкновенно чиста, если ее рискнул пить единорог.

Но вот сказочный серебристый зверь поднял голову и посмотрел на людей.

Гвен изумленно ахнула и медленно, зачарованно пошла к озеру.

Род пошел за ней, едва смея дышать.

Стоило Гвен подойти ближе к берегу, как единорог отступил в тень деревьев. Гвен растерялась.

— Прости, милая, — прошептал Род.

— Я никогда не буду жалеть об этом, — негромко отозвалась она. — Но, господин мой, в его глазах был не только испуг. В них была мольба. Не могло ли быть так, что он нуждался в нашей помощи?

— Что он нас нарочно разыскал, ты это хочешь сказать? — Род нахмурился. В глубинах его сознания сработала сигнализация. — Гвен... но даже на Грамерае единороги не водятся...

Гвен покачала головой:

— Не забывай о «ведьмином мхе», милый. На Грамерае стоит только какой-нибудь старенькой тетушке вообразить такого зверя, когда она рассказывает сказку, — он тут же возникает, а она и не догадывается, что она — колдунья.

Но Род ничего не ответил жене. Он оглядывался по сторонам, насторожив все чувства, и старался понять, что здесь не так. Он не упускал ничего и быстро, но внимательно осмотрел всю поляну целиком, пригляделся к тому, в какие краски закат окрасил колючие кусты, прислушался к шелесту листвы и наконец различил поскрипывание кожи и звяканье металла у себя за спиной...

Он резко развернулся и выхватил из ножен меч, и брошенная кем-то пика просвистела около его плеча и упала на землю.

— Берегись! — крикнул он, но как только Гвен обернулась, ее ударили по голове дубинкой. Она рухнула на землю, и Род гневно взревел, наполнившись безумием берсеркера. Ему казалось, что чудесная лесная поляна окрасилась в цвет крови. Дико крича, он бросился вперед и принялся размахивать мечом, лезвие которого разгорелось подобно пламени. Его противник отскочил назад. Глаза у него сверкали, он был настороже, но явно не испытывал страха.

С трех сторон подступали его напарники. Род догадывался, что позади него — еще один негодяй, и позволил себе оглянуться и бросить на того взор, пылающий яростью. Вспыхнуло пламя, кто-то вскрикнул. Род отразил удар, нанесенный первым мерзавцем, и зыркнул на того, что наступал на него слева. Тот отлетел назад, стукнулся спиной о ствол дерева и упал на землю, но тут справа на Рода бросился другой разбойник и нанес Роду сокрушительный удар по макушке. Ощущение у Рода было такое, словно весь мир наполнился его болью. Видя

все сквозь кроваво-красную дымку, он пошатнулся, но все же заставил себя поднять руку и взмахнуть мечом, и мерзавец взвыл и рухнул наземь. Его щека, рассеченная лезвием меча Рода, обогрилась кровью. Но Род забыл о том, что есть еще один негодяй — у него за спиной. Просвистела в воздухе веревка, заброшенная петля обожгла шею Рода, он не удержался на ногах и упал. Сверху на него рухнуло чье-то мягкое тело и прижало к земле с такой силой, что Род чуть не задохнулся. Потом его и того, кто лежал на нем, поволокли по земле, и Род не без труда догадался, что лежит на нем Гвен. Род взвыл и попытался разрубить мечом опутавшую его и жену сеть, но лезвие запуталось в ней. Он яростно вцепился в сеть, попробовал разорвать ее и тут услышал, как кто-то прокричал:

— Ага, попались! А теперь тащите их! Еще два метра!

Род отчаянно пытался упереться в землю ногами и встать. Что бы там ни находилось — в двух метрах, он знал, что это ему вряд ли понравится.

И тут он увидел... странную ребристую конструкцию на выдвижных опорах, обрамлявшую треугольную арку, в проеме которой сверкал слепящий солнечный свет. Род узнал эту конструкцию. Это были те самые ворота или точно такие же, как те, через которые однажды он и все его семейство, за исключением Грегори, угодили в альтернативную вселенную, на планету под названием Тир-Хлис. Род яростно и испуганно взревел, направив всю силу своего гнева на эту мишень...

Он опоздал всего на мгновение. Сеть врезалась ему в спину, его рывком подняли на ноги и швырнули вперед, и только тогда конструкция межпространственных ворот позади него озарилась пламенем.

Рода замутило. Он наконец сумел упереться ногами в землю и встал. Сорвал с себя сеть, ошарашенно огляделся по сторонам.

До самого горизонта тянулась поросшая травой равнина. Пахло свежестью, приятно грело солнце. Место явно находилось не на возвышенности — земля была ровной, как шахматная доска. Род повернулся, потрясенный царившей здесь тишиной, которая тем более изумляла, что нарушали ее только щебетание птиц да жужжание насекомых. От того места, где

Род оставил опутанную сетью Гвен, земля постепенно шла на подъем и переходила в цепь холмов. Вдалеке, на самом горизонте, синели вершины горного кряжа. И повсюду, повсюду росла трава — высокая, до пояса.

Это был не Грамерай.

Род в отчаянии осматривал окрестности, мучаясь от осознания собственного бессилия. Все было очень ловко задумано. Его и жену заманили в ловушку и...

Злость сменилась страхом. Да, засада была превосходно спланирована. Первым делом отключили Гвен... Жива ли она?! Род опустился на колени рядом с женой, распутал сеть, осторожно приподнял голову Гвен, бережно пошлепал ее по щекам:

— Гвен! Очнись! Приди в себя, пожалуйста! Гвен, ты жива? Очнись!

Род прижал губы к губам жены, ощутил ее дыхание и облегченно вздохнул. Она была жива. Все остальное было не так уж важно — главное, она была жива!

С опозданием Род вспомнил о своих экстрасенсорных способностях, но это было неудивительно — ведь он овладел ими по-настоящему всего-то два года назад. Он замер, напряг сознание — и услышал сон Гвен. Род улыбнулся, добавил свой образ в этот сон и попросил жену проснуться и заговорить с ним — что она и сделала.

— Нет-нет, мне уже хорошо, — пробормотала она. — На миг только стало дурно, а...

— Да не на миг, пожалуй. — Род бережно прикоснулся кончиками пальцев к ее макушке. Она какое-то время лежала неподвижно... и вдруг ахнула. Род кивнул. — Шишка величиной с гусиное яйцо. Ну... пока с яйцо малиновки, но будет с гусиное, это точно.

Гвен подняла руку, опасливо потрогала шишку и, поморщившись, спросила:

— А что случилось, господин мой? Я помню только, что ты обернулся и издал боевой клич...

— На нас напала шайка разбойников. Сначала они одним ударом лишили чувств тебя, а меня превзошли числом. Потом нас опутали сетью и швырнули в проем межпространственных ворот.

Гвен улыбнулась:

— Сетью опутали, вот как? А твоя голова, видно, оказалась для них слишком крепкой.

— Ну, спасибо, — усмехнулся Род. — И потом, не исключено, что им был дан приказ не убивать нас, а драться куда труднее, когда тебе велено только оглушить кого-то, но при этом оставить в живых.

Гвен нахмурилась:

— А почему ты решил, что они не хотели нас убивать?

— Потому что они орудовали не пиками, а дубинками. Но живыми им нас взять не удалось, и тогда они решили вышвырнуть нас из нашего места и времени. — Род сдвинул брови, огляделся по сторонам. — А это означает, что где-то поблизости запросто может сидеть в засаде еще кто-нибудь из наших врагов, выжидая возможности совершить вторую попытку.

— Верно, господин мой. Если они желали сохранить нам жизнь, стало быть, у них для того была веская причина. — Она пристально посмотрела на мужа. — А что это за «межпространственные ворота», о которых ты говоришь? Почему-то при упоминании о них мне вспомнился Тир-Хлис.

Род кивнул:

— Не зря он тебе вспомнился. То самое и есть. Но как футурианцы узнали, где подстеречь нас? Ведь ворота, должно быть, были установлены заранее.

— Та старуха... — пробормотала Гвен.

Род стукнул себя кулаком по лбу:

— Конечно! Все было подстроено! На самом деле она вовсе не нуждалась в моей помощи... а была агентшей футурианцев!

— Они знали, что ты никогда не откажешь человеку в подмоге.

Род кивнул:

— А я, всегда готовый прийти на выручку ближнему, помог старушке и проглотил наживку. Она показала мне дорогу к западне, которую сама же и расставила. — Он покачал головой. — Напомни мне, чтобы я больше никому никаких услуг не оказывал.

— Никогда такого не пожелаю, — решительно заявила Гвен. — Однако впредь следует задумываться о том, что может сулить доброта.

— Верно, — согласно проговорил Род. — Подарки судьбы лучше распаковывать, держа их под водой. — Он огляделся по сторонам и нахмурился. — Интересно, в какую альтернативную вселенную нас забросили на этот раз?

Вдруг прозвучало залихватское улюлюканье, и три десятка лиловокожих мужчин в юбках из звериных шкур поднялись из травы в ста ярдах от Рода и Гвен.

Род и Гвен вытарашили глаза от изумления.

В воздухе просвистело копье и вонзилось в землю в полуметре от ног Рода.

Род охнул и выпалил:

— Где бы мы ни очутились, нас тут явно не ждут с распростертыми объятиями. Бежим, милая!

Они вскочили, развернулись и побежали прочь. Гвен на бегу подхватила подол юбки.

— Наши похитители могли бы нам позволить хотя бы метлу с собой захватить!

— Да, это они плохо придумали, — бросил Род и закусил губу. — Но между прочим, ты, пожалуй, права, милая. Давай-ка попытаем счастья... Ты готова? — Он обнял жену за талию. — Полетели!

Они взмыли ввысь. Род употреблял все старания для того, чтобы сохранять вертикальное положение. Аборигены стали маленькими и далекими. Род и Гвен парили на высоте футов в двадцать.

— Развернись, — посоветовала мужу Гвен.

Род последовал ее совету, оставив вопрос «зачем» на потом. Покуда он еще был новичком в левитации и потому согласен был оставить за Гвен роль штурмана.

А у Гвен появилась дерзкая мысль. Супруги Гэллоугласс помчались вниз, прямо на аборигенов, словно разъяренные фурии.

Дикари замерли в неподвижности — отчасти от удивления, но больше от страха. Тем, кого они рассматривали как добычу, атаковать было не положено.

— Издай-ка боевой клич, — предложила Гвен.

Род ухмыльнулся и произвел вопль, которым с легкостью посрамил бы мятежников в Дикси*.

* Дикси — общее название южных штатов США. — *Примеч. пер.*

Это было ошибкой. Что-то родное и знакомое, видимо, слышалось дикарям в этом вопле. Оправившись от потрясения, они сомкнули ряды перед летящими на них Гэллоутглассаами.

— Неверная тактика, — проговорил Род. — Держись покрепче. — Он всеми силами пожелал оказаться выше и пролетел над головами дикарей, значительно перекрыв расстояние полета стрелы. А потом они с Гвен опустились ниже.

— А зачем так низко, супруг мой? — поинтересовалась Гвен.

— А вдруг горячего не хватит, — пошутил Род.

Гвен побледнела:

— Если нам предстоит удариться о землю, господин мой, я бы предпочла не лететь так быстро.

— Не волнуйся, малышка. Если что, я приторможу...

Земля шла под уклоном вверх. Род, естественно, летел параллельно земле, а развопившиеся дикари быстро уменьшались в размерах. Все дальше и дальше улетали Род и Гвен, и вскоре аборигены остались за изгибом горного кряжа.

— Они остались в полумиле, не меньше, позади, господин мой, — возразила Гвен. — Разве не время им отказаться от попытки захватить нас в плен.

Род кивнул:

— Как скажешь, милая. Надеюсь, они слышали, что ты сказала.

Он сбавил скорость, и они с Гвен плавно опустились на землю. Коснувшись ее ступнями, Гвен улыбнулась:

— Ты делаешь большие успехи в использовании своего дара, мой господин.

— О, знаешь — все дело в практике, — с наигранной небрежностью ответил Род, однако от него не укрылось, что похвала жены несколько насмешлива. — Должен, однако, признаться: я сильно удивлен, что не вызвал законного ужаса у этих охотничков.

— Верно, — нахмурилась Гвен. — Что же они за люди?

— Ну... Похоже, дикари средней руки.

— Но они... они лиловокожие!

— Люди вообще очень разные, — философски изрек Род. — Но с другой стороны... как знать: не смоется ли эта красочка с них после первого дождя?

Гвен вытаращила глаза:

— Не желаешь ли ты сказать, что они красят себя с головы до ног?

Род кивнул:

— Не так уж это необычно. На самом деле, если бы не их цвет, я бы сказал, что мы с тобой угодили по ту сторону Адрианова вала в стране под названием Британия, где держали оборону племена пиктов году примерно в сотом до нашей эры.

— И что же, они вправду были такие?

— Были, были, милая, можешь удостовериться в этом, заглянув в любой учебник истории — если, конечно, тебе удастся его раздобыть. Пикты размалевывали себя синей краской. — Род сдвинул брови. — Правда, это было невероятно давно, и тема, казалось бы, должна быть закрыта...

Ветер снова донес до них боевые вопли.

Род обернулся.

Они появились на вершине цепи холмов — точно такие же лиловые, вооруженные копьями и оружием, как эвмениды*.

— Пора сматываться! — заключил Род и снова крепко обнял Гвен за талию.

— Только на этот раз не так высоко, господин мой, прошу тебя.

— Чего не сделаешь, лишь бы тебе было приятно, — отозвался Род и сосредоточился. На несколько мгновений перед глазами у него поплыло, и они с Гвен снова взмыли ввысь.

— Вперед, — пробормотала Гвен.

Они полетели вперед, никуда не сворачивая, быстрее, чем летает копье (так, на всякий случай).

— С техникой у них явно не шибко, но тактика явно терранская. Похоже, они решили зайти с тыла.

— Именно так. И долго ли они будут так себя вести?

Род обернулся, оценил обстановку:

— Поглядим... Они не в кольцо нас взять пытаются, а пустились следом за нами.

— Неприятно. И долго они смогут бежать?

Род пожал плечами;

* Прозвище, данное греками фуриям, дабы не называть их истинным именем — эриниями.

— Думаю, столько же, сколько мы будем лететь.

— А мы сколько сможем лететь, господин мой?

Род снова пожал плечами:

— Я недавно поужинал. Часов шесть-семь, по меньшей мере. — Он взглянул на Гвен. — Какие будут предложения относительно направления?

Гвен покачала головой:

— Наверное, все равно, когда не знаешь, куда хочешь по-
пасть.

Род кивнул:

— Это я понимаю. Я тоже когда-то был молод.

Гвен глянула на него:

— Ты, похоже, не очень-то испуган, господин мой.

— Нет, не очень. Эти ребята пока не изобрели противовоздушную артиллерию... А ты как? Боишься?

— Нет, — ответила Гвен, запрокинула голову и умиротворенно вздохнула.

На горизонте появились яростно вопящие размалеванные дикари.

Род выпучил глаза:

— Интересно, как они ухитрились так быстро сюда добраться?

— Нет, это другое племя. Эти выкрашены в желто-зеленый цвет.

— По-моему, это называется «салатный» — но ты права. — Род нахмурился. — Что-то неохота снова идти в атаку. Ты тоже так думаешь?

Гвен кивнула:

— Поверни в другую сторону, господин мой. Не хотелось бы кровопролития.

Род развернулся на сто восемьдесят градусов, и как раз в это мгновение с этой стороны, из-за холмов, показались их предыдущие преследователи.

— Разворот, еще разворот, — скомандовал сам себе Род. — Пилот — навигатору: взять курс перпендикулярный направлению преследования. Вперед, согласно вычерченному вектору!

Гвен оглянулась назад:

— Они объединились в погоне, господин мой.

— Плохо дело, — невесело усмехнулся Род. — А я-то надеялся, что они друг на дружку накинются.

— Нет, все вместе бегут, — вздохнула Гвен. — А почему мы не повернули налево, супруг мой?

— Я либерал. Сторонник правых взглядов.

— И что?

— Почему бы не направо? Я ведь не знаю, куда лететь... Погляди-ка, а что это там впереди, на возвышенности, а?

— Еще дикари, — ответила Гвен.

— Вполне веская причина для того, чтобы сделать правый поворот, — заключил Род, что и сделал.

— А эти какого цвета были, дорогая?

— Оранжевого, господин мой.

Род пожал плечами:

— Да, цвета тут у них разнообразные... Между прочим, если у нас на пути попадется еще одно племя, считай, нас окружили.

— Молю тебя, лучше не говори об этом, господин мой.

— Ладно, не буду. Но на всякий случай приготовлюсь к восхождению по горам. Ты уверена, что не можешь лететь сама?

Гвен сокрушенно покачала головой:

— Без метлы не смогу.

— Ох уж этот мне устав профсоюза, — вздохнул Род.

Над его головой просвистело копье и вонзилось в землю в десяти футах впереди. Род проводил его взглядом:

— Пожалуй, хорошо, что ты рядом со мной. Целятся они паршиво, так что для нас с тобой плюс, что мы представляем собой раздвоенную мишень.

Гвен проводила взглядом второе копье, описавшее дугу у них над головами. Оно пролетело футах на двадцать выше.

— Сдается мне, что они нас слишком низко ценят как врагов, господин мой. Не отборные войска послали они драться с нами.

— Отборные не отборные, но уж отменно размалеванные — это как пить дать. Не возражаешь, если я прибавлю скорость, милая?

— Нисколько не возражаю, — оглянувшись, отозвалась Гвен. — Копий в воздухе нет, господин мой.

— О'кей, вперед! — выкрикнул Род, и они помчались вперед над высокой травой так, словно за ними гнался призрак Карактака*. Вопли дикарей, быстро стихая вдаль, сменились разочарованным воем.

— Ну, ладно, — облегченно вздохнул Род. — Из западни мы, можно сказать, выбрались — если только никто не выскочит из-за следующей горы.

Они поднялись выше, перелетели через холм и увидели ровную, прямую линию, протянувшуюся поперек равнины вдоль горизонта.

— Стена! — воскликнула Гвен.

— Не может быть! — вытаращив глаза, вскричал Род и задумчиво сдвинул брови. — Кто знает, как близко могут находиться параллельные вселенные? Гвен, я буду наблюдать за тем, чтобы по нам не выпустили каких-нибудь летающих зарядов, а ты попробуй заглянуть в мысли тех, кто находится за стеной, и попытайся выяснить, на каком языке они разговаривают.

Взгляд Гвен на миг стал отстраненным, но тут же прояснился, и она сообщила:

— Они говорят на нашем наречии, господин мой.

Род еще сильнее нахмурился:

— Странно... но стены строили не только римские завоеватели. Еще их строили китайцы... а если задуматься, то стены возводили и на некоторых планетах Терранской Сферы в пору их освоения...

— Кажется, я догадываюсь, о чем ты говоришь...

— Все объясню подробно, когда за нами не будет погони. Видишь что-нибудь, с виду напоминающее ворота?

— Вон там, — указала Гвен. — Бревенчатые, похоже.

То, на что указывала Гвен, оказалось темным прямоугольником посреди камней. Вскоре стали видны переминышки и створки.

— Точно, ворота. Туда и направимся. Забавно, что там, за стеной?

— Вот и узнаем, — пробормотала Гвен.

Стена неумолимо приближалась.

* Карактак (Карадок) — вождь бриттского племени силуров (1-я половина I века н.э.).

— Снижаемся, — сказал Род. — Сделай вид, будто бежишь, — посоветовал жене Род и усиленно заработал ногами, как опытный бегун на длинные дистанции.

Гвен подобрала юбки и весело «побежала» рядом с ним.

Род снизился окончательно и, опустившись на землю прямо перед воротами, забарабанил кулаком в бревенчатую створку:

— Эй! Помогите! Откройте! Впустите нас! Погоня! Стреляют! Враги!

Он опустил руку и прислушался. Тишина. Никакой реакции. А вопли дикарей позади приближались к пределу Допплера*, да и просто приближались.

Род отступил назад и посмотрел вверх, на край стены:

— Тут что-то не так. Не вижу ни одного дозорного.

Гвен сдвинула брови, и ее взгляд снова стал задумчиво-отстраненным.

— За стеной — люди, господин мой. Но они очень осторожны.

— С чего бы это? Только из-за того, что никогда раньше нас не видели, и теперь боятся, что наше появление — уловка, рассчитанная на то, чтобы заставить их открыть ворота? — Он склонил голову набок. — Вообще-то, если задуматься, я слегка смахиваю на Улисса...

— Не знаю, кто это, господин мой, но может, и так. Однако не мог бы ты попытаться убедить их в нашей честности?

— А как насчет того, чтобы не тратить так много слов? — Род изо всех сил стукнул по воротам сапогом. — Эй! За нами гонятся дикие индейцы! Откройте же! Выпускайте кавалерию!

— Хватит стучать, трусливый сосунок! — слышался сверху зычный бас.

Род отошел от ворот и задрал голову.

Сверху вниз на него и Гвен смотрел свирепого вида мужик в просторной рубаше, небритый и явно с жестокого похмелья. Он прижал ладонь к виску:

* Допплер Кристиан (1803—1853) — австрийский физик и астроном. Обосновал явление изменения частоты акустических и оптических колебаний при движении источника колебаний и наблюдателя относительно друг друга.

— Вот так-то лучше. А то барабанит, барабанит, а у меня башка раскалывается.

С этими словами небритый детина исчез за стеной.

— Вот это здорово! — взревел Род. — Вернись ипусти нас, а не то я сейчас разнесу эти ворота в щепки!

— Придется подождать, пока мы доиграем кон, — слышался приглушенный бас из-за стены. К нему присоединилось еще несколько грубоватых мужских голосов, явно выразивших согласие.

— Но... но... но... — Род сдался и обратился к жене: — Но что же там, за стеной?!

— Мы уже не одни, господин мой, — сообщила Гвен.

Род обернулся и увидел разноцветных дикарей, выстроившихся в шеренгу на горизонте. Аборигены стояли опершись на копья и наблюдали за развитием событий.

Издав тягучий стон, створки ворот распахнулись. В проеме стоял, осклабясь, тот самый небритый тип, который разговаривал с Родом со стены.

— Фул хаус, — сообщил он. — Я сцапал неплохой куш.

— Оно и заметно, — многозначительно отозвался Род и оценил взглядом внушительное пузо незнакомца. Подняв взгляд к его физиономии, он разглядел багровый нос, яснее всяких слов говорящий о том, что его обладатель — страстный любитель рома, а рядом с носом — лиловый шрам. Голову детины венчала густая черная шевелюра. Рубашка на нем была белая — вернее, со следами былой белизны. Пузо подпоясывал черный ремень, поддерживавший зеленые форменные штаны, заправленные в черные ботинки, отчаянно нуждавшиеся в чистке.

— Ладно, — пробасил детина. — Чего торчать тут да лаяться. Входите, ежели уж вам так приспичило.

— О да, — только и ответил Род и, из предосторожности обняв Гвен за талию, вошел в ворота.

Глазки детины при взгляде на Гвен зажглись, но все же он махнул рукой, дав знак кому-то, находившемуся на стене. Ворота начали закрываться, но до того, как они захлопнулись, детина успел еще раз махнуть рукой — на этот раз он дал знак дикарям. Огромный дубовый засов, которому следовало бы водвориться в тяжеленные железные скобы, валялся на земле у

ворот, но детина и не подумал на него взглянуть. Он обернулся к гостям и снова уставился на Гвен. Похмелье немного отступило перед интересом к женщине, и он оценивающе смерил ее взглядом с ног до головы. Гвен покраснела и одарила детину гневным взглядом.

Род громко кашлянул.

Детина глянул на него и заметил его возмущение. Похмелье вступило в сражение с похотью и проиграло. Чтобы спасти чувство собственного достоинства, детина проворчал:

— Где это вы разжились этими обносками?

— А ты где разжился спиртным? — парировал Род.

Во взгляде детины появилась осторожность. Его глаза стали непрозрачными.

— Ладно, считайте, мы вас впустили, — буркнул он и отвернулся.

Род недоуменно вытарашил глаза:

— Эй, минутку!

Детина остановился, обернулся, в отчаянии воззрился в небо:

— Ну, чего еще?

— Куда нам идти?

— Куда хотите, туда и топайте, — проворчал детина и снова отвернулся.

Род несколько секунд простоял, открыв рот от изумления.

Наконец он пожал плечами и посмотрел на Гвен:

— Наверное, стоит пойти за ним.

— Наверное, — согласилась Гвен, и они зашагали по длинному наклонному пандусу, который вел к стене.

Поднимаясь по пандусу, Род обратил внимание на то, что он изготовлен из литого пластикрита — полимерного бетона. Как, впрочем, и сама стена. Пластикрит был местами выщербленный, местами в заплатах, но от этого не переставал быть пластикритом.

— Да... хороши римляне, ничего не скажешь, — пробормотал Род.

— Господин мой?

— Этот материал называется «пластикрит», — ответил Род. — И изобрели его не раньше две тысячи сорокового года нашей

эры. Значит, мы никак не в Британии времен ее завоевания римлянами. Это было на тысячу шестьсот лет раньше.

— Я об этом ничего не знаю, — нахмутив брови, отозвалась Гвен. — Верю тебе на слово. Но что же это за мир, если так?

Род потер подбородок, огляделся по сторонам:

— Может быть — только может быть, — мы находимся в нашей вселенной, Гвен. Нет, это, конечно же, не Грамерай. Это другая планета, обращающаяся вокруг другого солнца. — Он взглянул на жену. — Но безусловно, это не может быть Терра.

— Что такое «Терра»?

Род изумился не на шутку. Чтобы женщина-терранка даже не знала названия планеты, давшей жизнь ее роду!.. Но он сдержался, вспомнив о том, что на Грамере историческая наука никогда не была особенно развита. На самом деле обитатели этой планеты не имели понятия о том, что существуют другие миры, помимо их собственного.

— Терра — это мир, откуда родом твои предки, милая, — планета, откуда изначально родом все люди. Эта наша родина.

Гвен несколько мгновений молчала, переваривая эти сведения.

А пока она молчала, они с Родом поднялись на самый верх Стены. Во все стороны, насколько хватало глаз, тянулся этот высокий крепостной вал. На четыре фута ниже края пластиковых стенок лежал бетон.

Несколько мужчин стояли на коленях или сидели у костра неподалеку от того места, где на Стену выводил пандус. Как тот детина, что открыл Роду и Гвен ворота, эти мужчины тоже были в белых рубашках, зеленоватых штанах и черных ботинках, но на большинстве из них также были зеленые куртки, застегнутые на все пуговицы. На рукавах курток виднелись у кого нашивки, а у кого — более светлые пятнышки на тех местах, где нашивки были прежде.

«Военная форма, — догадался Род, а следующая догадка была такая: — Это солдаты!»

Гвен широко открыла глаза. Она прекрасно слышала мысли мужа.

Однако эти солдаты не производили впечатление слишком вымуштрованных. Либо тут действительно никто не требовал от них соблюдения строгой воинской дисциплины, либо в данный момент не велось военных действий. Род услышал шелестение карт и шелканье фишек.

Солдаты обернулись, заметили Гвен и выпучили глаза.

Она улыбнулась — вежливо, но неприступно.

Солдаты разразились звуком, похожим на мурлыканье изголодавшихся котов. Сидевший ближе других к Роду и Гвен сержант поднялся. Ростом он оказался дюймов на восемь выше Рода и дюйма на четыре шире его в плечах. На три четверти он состоял из мышц, а в остальном — из жира. Физиономия у сержанта красотой не блистала. Неприятно, по-хозяйски ухмыляясь, он шагнул навстречу к Гвен.

Род предостерегающе поднял руку. Его ладонь коснулась груди надвигающегося сержанта. Тот удивленно зыркнул на Рода, на пробу несколько раз подряд попытался продвинуться вперед, после чего изумленно заявил:

— Не пускает! — И одарил Рода одобрительным взглядом. — А ты крепыш, хоть и коротышка!

— Ну, спасибо, — чуть насмешливо улыбнулся Род. — А теперь... почему бы вам не вернуться к игре?

Остальные солдаты с неподдельным интересом наблюдали за происходящим.

Сержант злорадно ослабил и покачал головой:

— Не надо грубить, малый. — Он смерил Рода взглядом с головы до ног, присмотрелся к камзолу и лосинам. — Актер, видно. Или клоун. Ну так я вот что тебе скажу, парень: бабы у нас тут, на Стене, общие.

С этими словами он развернулся к Гвен, попытавшись отбросить руку Рода.

Но это у него не получилось.

Род ухватил сержанта за куртку:

— Вернитесь к игре, сержант. Будьте хорошим мальчиком.

— Гостям так себя вести не положено, — слышался откуда-то сбоку голос небритого детины.

— А хозяевам — тем более, — возразил Род. — Это что же, называется, гостеприимство, когда ты в гостях, а хозяева намереваются изнасиловать твою...

— Изнасиловать??? — выпучил глаза сержант-здоровяк. Он запрокинул голову, разразился раскатистым хохотом, а потом согнулся в пояс и обхватил трясущийся живот. — На Стене — баба, и ее надо изнасиловать!

— Они не такие, — пояснил небритый. — Они явились... ну, добровольно — да, добровольно, скажем так.

Род приподнял сержанта и оттолкнул его. Здоровяк попятился назад, продолжая хохотать. Род тоже отступил и принял боевую стойку.

— Эта женщина, — проговорил он мрачно, — ни в чем таком не нуждается.

Сержант резко перестал хохотать и зловеще прищурился.

— Поучи-ка его хорошим манерам, Талер, — басом прорычал небритый.

«Господин мой, — прозвучал в сознании у Рода мысленный голос Гвен. — Тут неподалеку на земле валяются камни. Я могла бы...»

«Ни в коем случае!» — мысленно воскликнул Род. — Не хочешь же ты, чтобы здесь началась «охота на ведьм»! Аборигены видели, как мы летали. Наверняка они верят в чудеса. А эти парни цивилизованные! Эти привыкли убивать все, что им непонятно.»

Вслух он проговорил:

— Что останется, можете собрать с помощью аптечки первой помощи.

Глазки Талера весело сверкнули. Он хохотнул раз, другой, третий... и повалился наземь. Несколько мгновений он катался по бетону, держась за живот, но вскоре издал боевой вопль, вскочил, как на пружине, продолжая хохотать, и поддел Рода макушкой под подбородок.

Род отлетел назад и ударился спиной о стенку.

Талер наступал, размахивая кулаками.

Род увернулся, нырнул в сторону и повалился на спину.

Талер осклабился и кинулся к нему.

Род приготовился врезать ему сапогами в нижнюю челюсть. Он вложил в удар всю силу, но Талер в последнее мгновение вывернулся, отступил и сам заехал успевавшему вскочить Роду ботинком по челюсти. Род пошатнулся, но удержался на ногах,

отступил в сторону и, сделав Талеру подножку, успел заметить, как ладонь сержанта летит прямехонько к его переносице.

Род пригнулся, и удар пришелся ему по лбу. При всем том он оказался необычайно силен. Род, у которого помутилось в глазах, в ужасе догадался: этот удар был первым из двух, а второй мог оказаться смертельным.

Да, похоже, тут и вправду недолюбливали чужаков.

Талер снова замахнулся и ударил. Его удар предназначался для того, чтобы перебить Роду гортань, но в последнюю секунду Род все же отскочил в сторону, и удар Талера пришелся по пластикриту. Тот взвыл от боли, а Род, вновь приняв боевую стойку, врезал ему в солнечное сплетение каратистским ударом. Но Талер успел разгадать его тактику и в последнее мгновение отпрыгнул назад. Это избавило его от силы удара, но все же ее хватило для того, чтобы он на миг задохнулся, а Роду только и нужен был этот миг.

Он заработал кулаками. Талер еле успевал отбиваться и отступал так быстро, как мог. Успех придал Роду лишнюю уверенность, и в какое-то мгновение он слишком широко расставил ноги. Талер этого момента не упустил и сделал Роду подножку, одновременно въехав ему по уху кулаком размером с двойную порцию телячьей грудинки.

У Рода закружилась голова, он пребольно ударился о пластикрит, но он успел опустить подбородок и потому ударился не так сильно, как мог бы.

Мир бешено проносился перед его глазами, но он все же успел заметить подошву опускавшегося на него ботинка Талера. Род ухватил противника за ногу, вывернул ее и отшвырнул верзилу. Талера отбросило назад. Чертыхаясь и воя, он пытался удержать равновесие.

Род сгруппировался, рывком вскочил на ноги. Треклятый ботинок вновь устремился к его лицу.

Что и говорить — видок у Талера был такой, что можно было четко определить: высоких баллов при определении КИ он явно не получал, но зато драчуном был опытным и потому вряд ли бы стал применять тот же прием во второй раз. Однако такое уже имело место. Род схватил его за ногу, но пригото-

вился к уловке, и уловка незамедлительно воспоследовала: Талер врезал ему кулаком по затылку.

Род отпустил его ногу, шагнул вперед и, выставив перед собой руки, сжал их в «замок».

Удар пришелся Талеру снизу по челюсти.

Глаза у того остекленели, он закачался.

Род отступил и нанес ему сокрушительный апперкот с правой.

Голова у Талера запрокинулась, ноги подкосились, и он плашмя рухнул на пластикрит.

Род стоял над ним, тяжело дыша. У него болела голова от полученных ударов. Он быстро огляделся по сторонам, в любое мгновение ожидая нападения со стороны товарищей Талера.

Но те сидели на своих местах — только злобно поглядывали на Гвен и потирали щеки.

Род недоверчиво посмотрел на жену.

Гвен возмущенно обернулась.

«У них нет ни совести, ни чести, господин мой! Они были готовы напасть на меня, покуда ты меня защищал!»

Как ни было Роду больно, он не удержался от усмешки. Ему было искренне жаль любого мужчину, который дерзнул бы прикоснуться к его любимой жене.

— И что ты с ними сделала?

— Всего лишь отвесила каждому по пощечине, господин мой.

По пощечине, сила которой значительно возросла за счет телекинеза, догадался Род. Он удивился, как это никто из мужиков еще не отправился в больницу.

— Превосходно, — прозвучал холодный, удивленный голос.

Род резко обернулся.

Высокий стройный молодой мужчина стоял, прислонившись к наружной стенке. Его форма была аккуратно отглажена, на голове красовалась фуражка с блестящим черным козырьком. Нашивок на рукавах не было, но на погонах блестели маленькие медные бритвочки.

Этот явно был сфицером.

Он повернул голову и обратился к небритому типу:

— Сержант.

— Сэр!

Невероятно, но небритый вытянулся по стойке «смирно».

— Вы одеты не по форме, а то, что на вас надето, и одеждой не назовешь. К тому же вы совершенно непотребно выглядите.

— Да, сэр, — согласился детина и добавил, защищаясь: — Но все-таки я тут.

— Это верно, и потому вы получаете десять минусов, а не пятьдесят.

Небритый дрогнул:

— Сэр! Да это же все мое следующее жалованье!

— Вам так мало платят? Жаль, жаль. Однако наберитесь мужества, старина. Приведете себя в порядок, начистите до блеска ботинки и через несколько месяцев вернете с лихвой все, что потеряли. — Он отвернулся и, подойдя к поверженному Талеру, легонько пнул того носком ботинка. — Бедняга. Но что от него было ожидать? — Наконец офицер повернулся к Роду. — А вы профессионал, должен вам заметить.

Род пожал плечами:

— Просто немного специальной подготовки. А дисциплина тут у вас, я бы сказал... исключительная.

Офицер пожал плечами.

— В принципе не так уж она плоха, если учесть, что наш Вольмар еще девять лет назад был тюремной планетой. Почти все, кого вы здесь встретите, осужден за то или иное преступление.

Род остолбенел от удивления. Отчасти это было связано с известием о том, что все эти люди — преступники, а отчасти — с названием планеты. Он знал о ней не слишком много, но название помнил из учебников истории. В конце концов он был агентом АБОРТ — Ассоциации по борьбе с нарождающимися ростками тоталитаризма, и пока его не отправили на поиск планет, некогда колонизированных Террой, где местные власти склонялись к этому самому тоталитаризму, с ним провели краткий инструктаж, в ходе которого рассказали понемногу обо всех колониях, связь с которыми была утрачена в то время, когда к власти на Терре пришла ПИСК — Пролетарская изолированная социалистическая коммуна. Вольмар был одной из этих планет и одной из самых далеких от Терры. Воль-

мар оставался ссыльной тюрьмой до тех пор, пока ПИСК не прекратила с ним всяческие контакты и отказала планете в снабжении.

Это означало, что они с Гвен угодили не только в свою вселенную, но и за пятьсот лет до того, как родились на свет.

Гвен, естественно, слышала его мысли. Она шагнула ближе к нему, взяла ее за руку. Род поразился этому — близость жены сейчас была как нельзя кстати. Вдруг их с Гвен маленький уютный домик на Грамерае стал таким далеким, и их души обдало ветром одиночества.

Талер со стоном пошевелился, с болью приоткрыл глаза. Офицер, глядя на него сверху вниз, покачал головой и поцокал языком:

— Стыд и позор, сержант! Двое невооруженных гражданских лиц ищут у нас защиты, а что делают их спасители? Беззащитно нападают на них!

Талер сел и простонал:

— Он не был... невооружен, лейтенант.

Лейтенант глянул на меч Рода и округлил глаза:

— Вы про эту гигантскую зубочистку? Не смешите меня, дружище! Отправляйтесь в казарму и ждите вызова с рапортом!

Талер побледнел, но, всеми силами стараясь сохранять достоинство, с трудом поднялся на ноги и развернулся. Проходя мимо Рода, он зыркнул на него, вложив во взгляд всю ненависть, на какую только был способен. Род проводил его взглядом и решил для себя, что впредь всегда будет оглядываться по сторонам — нету ли где Талера.

Он посмотрел на лейтенанта и позволил себе немного расслабиться. Оговорки, высказанные Талером, были вполне естественными. Так повел бы себя любой сержант при разговоре с заносчивым юнцом-лейтенантом, вот только этот лейтенант уже не был неоперившимся юнцом и держался так уверенно, как может себе позволить только очень опытный человек. Было что-то такое в том, как он себя вел, что яснее всяких слов говорило: его приказы исполняются вовсе не потому, что подчиненные считают с его званием.

— Примите мои извинения, сэр и госпожа, — сказал он и учтиво поклонился Роду, а затем — чуть более учтиво — Гвен. —

Прошу у вас прощения за это недоразумение. Прошу вас, рассчитывайте на наше гостеприимство независимо от того, с чем вам довелось столкнуться.

— Ну, спасибо. — Род склонил голову, гадая, почему лейтенант не вмешался в драку, не прекратил ее. Может быть, потому, что все выглядело так, что соперники не собирались, того и гляди, прикончить друг друга?

— Вы очень учтивы, — проговорила Гвен и сделала едва заметный реверанс.

Глаза лейтенанта столь же едва заметно сверкнули. Род прибавил ему очко за самодисциплину, задумавшись, насколько эта дисциплина принадлежала самому лейтенанту.

— Не могли бы вы сообщить мне ваши имена, сэр и госпожа?

— Родни Гэллоугласс, — ответил Род. Было у него искушение назвать свое настоящее имя — Родни д'Арман, но он решил этого не делать. Взяв Гвен за руку, он добавил: — А это моя жена, Гвендилон.

Гвен удивленно глянула на него, и Род услышал ее мысль, не высказанную вслух:

«Почему ты не назвал своего титула, господин мой?»

«Разные страны, разные обычаи, — безмолвно ответил ей Род. — Люди такого сорта скорее отвергнут лорда, нежели окажут ему подобающую честь».

— Лейтенант Корриган, к вашим услугам. — Молодой офицер пришелкнул каблуками и склонил голову. — А теперь, гражданин Гэллоугласс, я был бы вам крайне признателен, если бы вы объяснили мне причину присутствия наших уважаемых противников. — Он указал в сторону главных ворот. Род посмотрел туда и увидел толпу дикарей, которая дружно выкрикивала одно и то же слово. Род в ужасе понял, что это за слово.

— Спра-вед-ли-вость! Спра-вед-ли-вость! Спра-вед-ли-вость!

— Нельзя сказать, что они негостеприимны, — объяснил Корриган, — но мне хотелось бы знать, какой вопрос я буду с ними обсуждать.

— Боюсь, я и сам не знаю, — признался Род. — Мы просто... стояли посреди равнины, говорили о своем, и тут они выскочили из-за гор и погнались за нами.

— Ага, — понимающе кивнул лейтенант. — Значит, дело всего лишь в требовании выкупа, можно не сомневаться. Надеюсь, вы извините меня. Я сейчас же пойду и выясню с ними этот вопрос.

Он слегка поклонился, прищелкнул каблуками и зашагал вниз по пандусу.

В сознании Рода прозвучал мысленный голос Гвен:

«Так значит, он дворянин?»

«Нет, — отозвался Род. — Не думаю, что тут вообще есть дворяне. Но кто-то должен брать на себя дела, которые исполняли бы дворяне, имейся они здесь. Он облечен подобной властью. Он кто-то вроде рыцаря».

«И что же дает ему такое право?»

«Подготовка, — ответил Род, — знания и ум. А порой всего лишь опыт».

Тяжелые створки ворот распахнулись, и молодой офицер вышел к дикарям.

Скрестив руки на груди, он коснулся плеч кончиками пальцев и слегка поклонился. Вперед вышел один из желто-зеленых дикарей и ответил таким же жестом.

— Наверное, это у них такое приветствие, — заключил Род.

До него и Гвен донесся голос лейтенанта:

— Приветствую тебя, мастер-следопыт.

Мастер-следопыт ответил:

— Желать тебе солнечный, значит, день, Лейтенант.

— Благодарю за пожелание. — Голос лейтенанта зазвучал четче. — Однако хотя я и польщен вашим визитом, он меня удивляет. С каких это пор благородные воины нападают на гражданских?

— Они, значит, не быть гражданский. И еще они от нас... упорхнуть!

— Я бы тоже, пожалуй, упорхнул, если бы увидел, как твои свирепые воины меня преследуют. Так почему они стали преследовать этих людей?

Мастер-следопыт осклабился, а его воины захохотали.

— Мы же не взаправду. Просто, значит, для шутка.

— Ничего себе шутка! — вырвалось у Гвен.

— Ну же, будь справедлива, — пожал плечами Род. — На самом деле так ведь оно и было.

— Вот как? — В тоне лейтенанта появилась холодность.

Мастер-следопыт заискивающе усмехнулся:

— Мы когда они увидеть, подумать: вот, значит, парочка зеленушки. Почему, значит, думать, не пошутить с они?

Лейтенант холодно улынулся:

— Стало быть, вы не намеревались причинить им зло?

— Какой зло? Никакой зло! — нахмурившись, воскликнул мастер-следопыт. — Но им не бывай чего делать за Стена! Они не бывай торговцы!

— Это ты верно заметил, вынужден признать. И все же, должен заметить, ваша манера контакта с этими людьми была далека от уважительной.

Аборигены начали бормотать, переговариваться друг с другом, а мастер-следопыт только пожал плечами:

— Могли быть и хуже — по законы. Что, значит, будет сказать Шаклар?

Лейтенант помолчал и вздохнул:

— Губернатор-генерал сказал бы: если не причинено большого вреда, следовательно, не стоит слишком сильно обижаться.

Род нахмурился:

— «Губернатор-генерал»? Не ослышался ли я?

— Так и быть, — торжественно произнес мастер-следопыт и поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем. — Уговоры есть уговоры. Только все равно я обращаться с жалобы — с официальный жалобы! За нарушение граница владения!

Лейтенант снова помолчал и снова вздохнул. Он вытащил из кармана блокнот и стал что-то записывать.

— Хорошо, если ты так настаиваешь. Однако речь идет о гражданских лицах. Придется посетить генерала-губернатора.

— Отлично, значит, — осклабился мастер-следопыт. — Он всегда угощай хороший кофе. — С этими словами он развернулся к своим воинам и замахал на них руками. — Ступай, ступай, ходи опять в дозор!

* По-английски «генерал-губернатор» — governor-general, то есть на оборот.

— Скуотища бывай эта дозор, — проворчал один из воинов.

— А ты, значит, очень сильно хотеть, чтобы, значит, солдаты топтайся, значит, по вся, значит, наша планета? — рывкнул мастер-следопыт. — Дозор — очень полезный занятий! В дозор закаляйся характер!

Воин вздохнул, и все войско дикарей развернулось и понуро зашагало прочь от ворот. Мастер-следопыт повернулся к лейтенанту и вновь довольно ухмыльнулся:

— А мы ходи к Шаклар, значит?

Лейтенант провел гостей в кабинет размером тридцать на тридцать футов с большими окнами, которые, как заметил Род, снаружи закрывались стальными ставнями. У одной стены стоял письменный стол, у другой — мягкие кресла. Вся мебель имела несколько топорный вид, словно ее сработал из местных материалов столяр-любитель. Между тем мебель была изготовлена из настоящего дерева. Род подумал было, что это говорит о высоком статусе владельца кабинета, но тут же вспомнил о том, что на фронтирных планетах дерево куда дешевле пластика. Пол в кабинете также был деревянный, полированный. Большую его часть покрывал тканый ковер, сплетенный из оранжевых, лиловых, желто-зеленых и ярко-синих нитей. Род задумчиво прищурился.

Мужчина, сидевший за письменным столом, казался здесь как бы не на своем месте. Он был одет по форме, его стол был завален множеством бумаг, но выглядел он чересчур молодо для важного начальника: на вид ему было никак не более сорока. Он был поджарый, долговязый, темноволосый. На вошедших он взглянул с мягким любопытством и приятной улыбкой. Между тем во взгляде его явно обнаруживался недюжинный интеллект, и именно поэтому он так странно выглядел на фоне непрезентабельной обстановки своего кабинета.

«Он — здешний правитель», — услышал Род мысленный голос Гвен.

«Пожалуй, она права, — подумал Род. — Может быть, младший сын младшего сына?»

— Генерал Шаклар, — сообщил лейтенант. — Губернатор.

Ах вот как. Этим и объяснялось, почему звание произносилось шиворот-навыворот.

Генерал поднялся, гостеприимно улыбнулся и, обойдя стол, направился к гостям. Лейтенант встал по стойке «смирно» и отковырял. Генерал ответил ему тем же и, остановившись перед местным жителем, скрестил руки на груди и поклонился:

— Да будет твой день солнечным, мастер-следопыт.

— И твоя тоже, — осклабился абориген. — Кофе, значит?

— Конечно! Лейтенант, будьте так добры, принесите кофе. — Но как только молодой офицер отвернулся, генерал окликнул его: — Минутку! Вы забыли представить мне наших гостей.

— Да, сэр. — Лейтенант вернулся. — Мистер Род Гэллоу-глас и его супруга, Гвендилон.

— Очень рад. — Генерал взял руку Гвендилон и отвесил ей поклон. Та улыбнулась, довольная его обходительностью.

Лейтенант занялся приготовлением кофе.

— Не припомню, чтобы я был оповещен о вашем прибытии, — пытливо взглянул на Рода генерал.

Род догадывался, что этот человек должен знать о каждом, кто прибывает на его планету — тем более что он здесь был в некотором роде начальником тюрьмы. Начальником тюрьмы размером с целую планету. И не сказать, чтобы Род и Гвен были так уж свободны от подозрений.

— Мы... совершили вынужденную посадку, генерал. Приземлились посреди равнины. У нас не было никакой возможности вернуться домой.

Шаклар нахмурился:

— Не припоминаю ни единого сообщения о сигнале бедствия.

— Мы не могли подать сигнал бедствия.

До сих пор по большому счету Род не врал и надеялся, что это сработает.

Сработало. Шаклар снова одарил его пытливым взглядом. Он явно усмотрел в объяснениях Рода погрешности, но указывать на это не стал.

— Примите мои соболезнования. Это случилось сегодня утром?

— Вскоре после зари, — объяснила Гвен. — Только мы пришли в себя, как эти...

Она растерялась, и Шаклар помог ей:

— Вольмарцы. Так они себя называют. Их предки были романтиками, противниками цивилизации, которые бежали с Терры, чтобы жить жизнью благородных дикарей. Они придумали свой вариант туземной культуры. Она основана большей частью на романах и киносценариях.

Понятно. Этим объяснялись многие странности в поведении аборигенов.

— Насколько я понимаю, они обнаружили вас практически сразу и устроили за вами погоню?

— Верно. А мы умчались от них. Полетели быстрее ветра.

Род напрягся. Зачем Гвен понадобилось говорить так буквально? Но с другой стороны, Гвен была права. Теперь, если вольмарец примется утверждать, что видел, как они «летали», Шаклар решит, что тот выражается образно. Какая же умница у него жена. Род просто засиял от гордости.

К счастью, Шаклар этого не заметил. Сн печально покачал головой:

— Как неудачно! Очень вам сочувствую. Видите ли, согласно нашему договору с вольмарцами, ни один колонист не имеет права находиться за пределами Стены, кроме как по официальным или торговым делам. Вы должны понять, почему они отреагировали на ваше присутствие на своей территории столь резко. Но вреда они вам не причинили — они лишь высказали свое право на территорию, не более.

— Да, это вполне понятно, — пожала плечами Гвен. — Я не могу их слишком сильно винить.

— Вот и чудесно, — лучисто улыбнулся Шаклар. — Ну а теперь... Надеюсь, вы извините меня, но теперь я желал бы послушать, что мне скажет мастер-следопыт.

Он отвернулся. Гвен негромко обратилась к Роду:

— Не хотел ли он сказать, что эти люди просто играют в дикарей, господин мой?

— Нет. Но вот их предки играли, а у них это уже успело войти в плоть и кровь. Однако у меня такое чувство, что здесь закипела самая настоящая война, когда Терранское правительство вознамерилось устроить здесь ссыльную тюрьму. Скорее

всего терране не посоветовались предварительно с вольмарцами, и те возмутились. И не просто, а с применением силы. — Он пожал плечами. — А кто бы их в этом обвинил?

Генерал повернулся к ним:

— Мастер-следопыт понимает ваше неведение, но тем не менее обвиняет вас в нарушении территориального права. — Он вздохнул. — На самом деле он проявил чрезвычайную терпимость в этом вопросе. Он мог бы применить к вам целый ряд более или менее суровых мер наказания, а вместо этого вместе со своими людьми гнал вас к Стене.

Гнал?!

«Гвен, ты знала, что нас гнали?»

«Нет, но теперь понимаю, что это так и было».

Генерал озабоченно нахмурился:

— В чем дело, дружище? Вы и не догадывались, что вас подгоняют в определенном направлении?

— Представьте себе, не догадывался, — ответил Род и против воли улыбнулся. — И... генерал, прошу вас, передайте мастеру-следопыту мои извинения и самую искреннюю признательность.

— О, вы ему сами сможете все это передать прямо сейчас! Хотя... — Генерал потупился, потер нос кончиком указательного пальца. — Но откровенно говоря, я бы вам этого не советовал. Просто извиниться и выразить благодарность — нет, мастер-следопыт воспримет это исключительно как свидетельство слабости.

— О. — Род поджал губы. — Понимаю. И в каком же выражении он предпочел бы принять мои извинения?

— Прекрасно, мистер Гэллоутласс, — тепло улыбнулся генерал. — Всегда приятно иметь дело с человеком, понимающим истинную природу дипломатии!

— Так в каком виде он желает получить дипломатию? Золотом или Терранскими купюрами?

— Золото — это, конечно, было бы неплохо, но думаю, будет достаточно обычных квачасов*. — Генерал невесело ус-

* Квачас — денежная единица, выдуманная автором. Один квачас соответствует одному киловатт-часу потребляемой электроэнергии (см. Кристофер Сташеф, «Скорость побега»).

мехнулся. — А вот денежные единицы ПИСК, боюсь, вряд ли подойдут. Вольмарцы им не доверяют.

— Понимаю, — улыбнулся Род. — Прimitивные цивилизации отличаются консерватизмом.

— Верно. — И снова — пытливый взгляд. — И так! В данном случае извинения могут быть приравнены к... — Шаклар вынул из кармана небольшой кожаный блокнотик, открыл его. — К пятистам квачасам.

Род вытаращил глаза:

— К пяти...стам?

«Это очень много, господин мой?»

«Не так уж много, когда располагаешь такой суммой. Как у тебя с превращением свинца в золото, милая?»

Взгляд Гвен вдруг стал задумчиво-отстраненным.

Генерал внимательно наблюдал за супругами, но по-прежнему приятно улыбался.

— Насколько я понимаю, вы несколько обескуражены? У вас сложности с деньгами? — спросил генерал. — Мы могли бы устроить вам беспроцентную ссуду, мистер Гэллоугласс. У нас на Вольмаре есть банк, и он сейчас открыт.

— О нет, с деньгами у нас никаких проблем. А, Гвен?

Род запустил руку в кошель, притороченный к поясу. Там лежало всего-то несколько грамерайских монеток. Они были из чистого серебра, вот только было бы сложно объяснить наличие на монетках портретов Туана и Катарины.

— Да, деньги нас никогда не тревожили, — согласилась Гвен и искоса глянула на мужа. — Я их так давно не видела, что даже забыла, как они выглядят!

Род остолбенел и с трудом сглотнул подступивший к горлу ком. Конечно, Гвен не могла и понятия иметь о том, как выглядят денежные знаки Межзвездной Федерации. Она никогда не видела никаких денег, кроме грамерайских.

Но если на то пошло, Род тоже понятия не имел о том, как они выглядят. Межзвездная Федерация приказала долго жить за пять лет до его рождения.

— Вы знаете, генерал, — проговорил он, — пожалуй, я соглашусь насчет ссуды. Не могли бы вы ссудить мне купюру в двадцать квачасов... на пару минут.

Генерал непонимающе нахмурился, но все же достал бумажник и подал Роду купюру:

— Пожалуйста.

— Благодарю, — кивнул Род и передал купюру Гвен. — Это деньги, милая.

Гвен вытаращила глаза. Она была не на шутку потрясена:

— *Бумага*, супруг мой? *Это* деньги?

— Ну... да, милая, — подтвердил Род. Гвен, естественно, никогда не видела никаких денег, кроме монет. В Средневековье на экономику смотрели иначе. — Это деньги. Здесь это деньги. — Род усмехнулся. — Гм-м-м... Прошу прощения, генерал. Знаете, мы не привыкли пользоваться наличными.

— Вы пользуетесь кредитными карточками, — понимающе кивнул генерал.

Роду очень не хотелось развеивать эту иллюзию.

— Господин мой, — пробормотала Гвен, — я не могу...

— Ничего, ничего, милая, просто попробуй, — прошептал Род и погладил руку Гвен. — Никогда не узнаешь наверняка, что можешь, а чего не можешь, пока не попробуешь... Уж я-то знаю...

Род снова запустил руку в кошель — так, словно это была шахта глубиной десять миль. На лбу у него выступили бусинки испарины.

Что-то зашуршало. Его пальцы коснулись бумаги. Бумаги было много.

Он медленно вытащил купюры из кошель, облегченно усмехнувшись:

— Вот, пожалуйста, генерал, двадцать пять купюр по двадцать квачасов. — Он взял из онемевших пальцев Гвен оригинал. — О, и, конечно же, та, которую вы мне одолжили.

Генерал слегка округлил глаза, но наличность принял без комментариев.

— Я не любитель возить с собой крупные купюры, — объяснил Род.

— Но ведь вы вроде бы сказали... — Шаклар поджал губы. — Нет-нет, ничего. Это вовсе не мое дело... — Он снова одарил Рода пытливым взглядом. — Но разве удобно таскать с собой такую кипу денег?

— Неудобно, — согласился Род, — но не было времени помянуть.

Генерал сложил купюры в аккуратную стопку:

— Насколько я понимаю, вы покидали дом в спешке.

— Можно и так сказать.

Генерал развернулся к лейтенанту и мастеру-следопыту. Последний улыбнулся от уха до уха и поспешил крепко пожать руку Рода:

— Рад я видеть, что ты бывай из хорошие парни!

— О, ничего особенного, — пробормотал Род. — Спасибо за понимание.

— Конечный, конечный! Гуляй теперь, значит, за Стена, в любой время. — Мастер-следопыт сложил руки на груди, отвесил Роду поклон и, отвернувшись к двери, возле которой стоял лейтенант Корриган, послунывил палец и принялся пересчитывать купюры. — Славный было гоняйся за тебя! — добавил он, обернувшись.

— Когда вам будет угодно, — небрежно махнул рукой Род, ощущая себя до некоторой степени глупо.

Лейтенант с нескрываемым облегчением закрыл дверь за аборигеном.

Род обернулся к генералу и покачал головой:

— Забавно — как это получается, что сообщества, стоящие на ранних ступенях развития, первым делом постигают один и тот же аспект нашей цивилизации, правда?

— Совершенно верно. — Генерал вернулся к своему столу. — Итак! По крайней мере с этим недоразумением покончено.

— Да. И это радует, верно? — Род взял Гвен за руку и направился к выходу. — Спасибо, что все устроили, генерал. Если мы когда-нибудь сможем быть вам чем-нибудь полезны...

— На самом деле, — негромко проговорил Шаклар, — вы могли бы ответить на несколько вопросов...

У Рода препротивно засосало под ложечкой. Он остановился, но по инерции наклонился к двери и глянул на Гвен.

— Нам следует соблюдать правила хорошего тона, господин мой.

— В следующий раз лучше останавливай меня словами, ладно? — укоризненно проговорил Род и развернулся. — О, конечно, генерал? Какие вопросы вы хотели нам задать?

Генерал поджал губы. Было видно, что он с трудом удерживается от улыбки.

Род сдвинул брови и заметил кое-что, что упустил ранее. Он шагнул к столу генерала и взгляделся в нашивку на рукаве форменной куртки Шаклара. На ней был изображен посох Асклепия.

— Вы — врач!

— Точнее — психиатр, — улыбнулся генерал. — Несомненно, это вполне соответствующая профессия для начальника бывшей исправительной колонии, правда?

— А-а-а... да, пожалуй, — проямлил Род и нахмурился. — Я просто не ожидал ничего настолько логичного.

— А я и не уверен, что изначально в этом была какая-то логика. — Улыбка Шаклара стала менее приятной. — Но думаю, в итоге все оказалось к лучшему. У меня ощущение, что я здесь на своем месте.

— Да-да, конечно, это так очевидно. — Род выпрямился, кашлянул. — Ну, так какие у вас к нам вопросы, генерал?

— Вопросы такие... Не откажетесь ли вы поведать мне о том, как вы потерпели крушение на Вольмаре?

— Не откажусь, — кивнул Род и подумал: «Если придумаю как».

Шаклар сплел пальцы:

— Легкая амнезия?

— О нет, нет, — поспешно проговорил Род. — Никакой амнезии, просто... гм-м-м... — Он вдохнул поглубже и принялся со страшной скоростью импровизировать: — Я понимаю, это может показаться странным, но... мы летели на костюмированный бал пассажирским лайнером с... — Он отчаянно пытался вспомнить название какого-нибудь корабля, пропавшего без вести ближе к окончанию эры Межзвездной Федерации. На память пришел только самый знаменитый. Род мысленно выругался и поспешно мысленно извинился перед Гвен. — Мы летели на «Альфреде» с Фидо — ну, вы знаете... это четвертая планета в созвездии Гончих Псов. Корабль направлялся на Туонелу, пятую планету шестидесят первой Лебеда...

— Но до цели не добрались?

Род кивнул. В конце концов «Альфреда» покинула Фидо, унося на своем борту кучу знаменитостей, но с тех пор об этом

звездолете не было ни слуху ни духу. Это давало Роду возможность излиться в лирических отступлениях.

— Мы ощутили жуткий толчок — просто страшный! У меня весь камзол был перепачкан черной икрой... а потом члены экипажа всем велели забраться в спасательные капсулы и запрограммировали их как попало, в надежде, что рано или поздно мы доберемся до каких-нибудь терранских колоний.

— Что вам, к счастью, удалось. — Шаклар вынул трубку и сжал губами ее мундштук. Улыбался он или нет, видно не было, но около уголков его глаз собрались морщинки.

— Вот так мы сюда и угодили, — заключил свое повествование Род. — Наша капсула приземлилась на территории вольмарцев, и... а-а-а... но вы... мне не верите.

— Да нет, я этого вовсе не говорю, — тепло улыбнулся Шаклар. — Просто таких фильмов по трехмерным телеканалам давно не транслируют.

— Что ж, если вы сомневаетесь, можете проверить записи. «Альфреда» исчезла по пути из созвездия Гончих Псов к шестидесяти первой Лебедя...

— Да, этот случай я прекрасно помню. На борту звездолета находилось столько политических бонз, что возник нешуточный скандал. — Шаклар очаровательно улыбнулся Роду. — Это по крайней мере чистая правда. Что же до остального... Гм... Я не собираюсь оказывать на вас давление, мистер Гэллоугласс. Мы тут, на Вольмаре, вообще не имеем обыкновения копаться в чужом прошлом. Однако я высоко ценю любой творческий потенциал. Особенно меня впечатлил фрагмент относительно костюмированного бала.

— О да! Моя супруга должна была исполнять роль Нелл Гвин*, а я... Сирано де Бержерака!

— В таком случае я — король Англии, — пробормотал Шаклар, с трудом удерживаясь от улыбки. — Однако, как я уже сказал, чужое прошлое на Вольмаре никого не интересует. Без причины сюда никто не попадает, и, как правило, все желают, чтобы эта причина оставалась никому не известной. В

* Нелл (Элинор) Гвин (1650—1687) — английская актриса, фаворитка Карла II.

конечном счете я здесь не только потому, что я — психиатр, а еще и потому, что я — мазохист.

Род вытаращил глаза, но тут же взял себя в руки:

— Вот как?

— Да, — улыбнулся Шаклар. — Я умею сдерживать свои наклонности, но все же они вызывали определенные сложности с вышестоящим начальством. А здесь моим людям, похоже, до этого особого дела нет.

Род медленно кивнул:

— Я начинаю догадываться, почему вам здесь нравится.

— Да, что-то есть в том, когда тебя положительно оценивают, — лучисто улыбнулся Шаклар. — Однако даже в том, что я рассказал вам об этом, присутствует легкий налет эксгибиционизма. Безусловно, от других я этого не требую. — Он наклонился к столу и взглянул на дисплей компьютера. — Однако я вас слишком долго задержал. Наверное, вы страшно проголодались после долгого пребывания в анабиозе. Тут неподалеку есть превосходная кафешка.

— Ну... спасибо, генерал, — вымученно улыбнулся Род.

Он повернулся к двери и открыл ее, дав дорогу Гвен.

— Если вам что-то будет нужно, дайте только знать.

— На самом деле, мистер Гэллоугласс, ваша супруга могла бы сделать мне маленькое одолжение.

Род застыл на пороге. У него снова жутко засосало под ложечкой.

Он развернулся. Гвен оглянулась и в испуге уставилась на Шаклара.

— И чем же я могла бы вам помочь, сэр?

— Отстегать меня.

Род поставил на столик небольшой поднос и подал Гвен тарелку с вареными сосисками и булочками и кружку пива.

— Негусто, милая, но боюсь, это самое лучшее, что подадут в этой забегаловке под названием «У Чолли». — Он сел и, пригубив пиво, удивленно вытаращил глаза. — А знаешь, совсем недурно.

Гвен сделала маленький осторожный глоток:

— И -вправду недурно! Но почему он такой холодный, этот эль?

— А? — Род удивленно взглянул на жену. — О... ну, просто тут любят пить его холодным, дорогая. Вот и все. — Он откинулся на спинку стула, обвел взглядом кафешку. Дощатый пол, грубо сработанные столы и стулья. — Да-а-а... — протянул он. — Уж конечно, не так я собирался провести с тобой свободный вечер.

Гвен улыбнулась:

— О, конечно, нет! И все же... о господин мой! Это все так ново и так удивительно!

— Да?

— Да. — Гвен склонилась к столу. — Но скажи мне — что означают все эти странные здешние манеры и вещи? Кто здесь правит? Почему все тут носят леггинсы, а доспехов совсем не носят? И что за дивные предметы висели на поясах у мужчин на Стене? И почему здесь ни у кого таких нет? Как загораются огни в этой таверне? И где бочонки, из которых наливают эль?

Род заслонился рукой:

— погоди, дорогая. Начнем по порядку. — Он не успел подумать о том, каким удивительным, странным и новым покажется Гвен мир, полный всевозможных чудес техники. Но в конце концов его жена была детищем Средневековья. Втайне он благодарил судьбу за то, что они оказались на фронтальной планете, а не одной из суперцивилизованных, ближе к Терре.

Но как же все это ей объяснить? Он вдохнул поглубже, гадая, с чего начать.

— Начнем с власти.

— Ну, тут ничего нового нет, — пожала плечами Гвен. — Как только ты сказал мне о том, что здесь нет господ, мне стало ясно, что здешние крестьяне делятся на более и менее властных, как эти вольмарцы, что преследовали нас поутру. Такое принято даже у диких народов, которые нападают на города — как те зверолоуды, что напали на наш остров Грамерай десять лет назад.

Упоминание об истекшем с тех пор времени налетело на Рода подобно ударной волне.

— О господи! Неужели это действительно было целых десять лет назад? — Он судорожно вдохнул. — Ну конечно. Тогда у нас был только один ребенок, а теперь четверо, а Магнусу

уже двенадцать. — Он внимательно взгляделся в лицо Гвен. — А ты совсем не изменилась.

Она покраснела и потупилась:

— Приятно слышать от тебя такие слова, господин мой, однако порой я замечаю морщинки то здесь, то там на моем лице и проседь в моих волосах.

— Что же тут удивительного, с нашими-то четырьмя сорванцами? Но видимо, седых волос у тебя совсем немного — я пока ни одного не замечал! Что же до морщин, то у меня своих полным-полно.

— Ты же не женщина, — пробормотала Гвен.

— Как мило, что ты мне об этом напомнила... Но давай вернемся к разговору о планете, на которую нас занесла судьба. Теперь поговорим о силе, которая...

— О силе? — Гвен изумленно посмотрела на него. — О волшебстве?

— Нет-нет, не о волшебстве. О той силе, которая заставляет предметы двигаться.

Гвен непонимающе нахмурилась.

Род набрал в легкие побольше воздуха:

— Послушай. В Грамерае есть четыре разновидности силы, которые выполняют работу для нас: сила мышц — наших собственных или домашних животных, сила ветра, которая движет по морю корабли и вращает крылья ветряных мельниц, сила воды, которая вращает мельничные колеса, и сила огня, который обогревает наши дома, на котором мы кипятим воду и готовим еду. Вот, собственно, и все, что мы там имеем.

Гвен нахмурилась:

— Но что же тогда за сила дана арбалету, из которого вылетает стрела, способная убить человека?

Род покачал головой:

— Это та же мышечная сила, только сохраненная. Видишь ли, когда лучник натягивает тетиву, он просто-напросто передает силу своей руки и своего плеча пружинящей древесине, из которой изготовлен лук. Но лучнику нужно несколько минут для того, чтобы его арбалет вновь приобрел эту силу, — он делает это, наматывая тетиву. Затем, когда он нажимает на рычаг, с помощью которого натягивается тетива, вся эта сила

высвобождается резко и быстро — и потому стрела, пущенная из арбалета, летит быстрее и бьет сильнее, чем стрела, выпущенная из обычного лука.

Гвен медленно кивнула. Она жадно впитывала каждое слово мужа.

— И потому простой лучник быстрее пускает стрелу, чем воин бросает копье?

— Конечно! — Род расправил плечи, удивленный тем, как быстро Гвен уловила суть того, о чем он говорил. — Конечно, и к тому же стрела легче копья. Это тоже важно.

Гвен опять сдвинула брови:

— А также важно и то, что сам лук длиннее рук копейщика, да? Я замечала, что чем длиннее лук, тем дальше летит пущенная из него стрела.

— Ну... да, — ошеломленно проговорил Род. — Чем длиннее рычаг, тем больше он умножает силу... А концы лука и рука копейщика — это все рычаги.

— И хотя более длинный лук крепче, его все равно можно согнуть?

— А-а-а... да, верно. — У Рода по спине побежали мурашки. Гвен соображала слишком быстро. — А арбалет более мощен, потому что намного более крепок.

— Но тот, кто из него стреляет, затрачивает на выстрел меньше собственной силы, — кивнула Гвен. Казалось, она чуть ли не сердится на себя за то, что так сосредоточилась на этих мыслях.

— Правильно, — подтвердил Род и сглотнул подступивший к горлу ком. — Ну, так вот... На этой планете существуют другие источники силы, но самый главный из них — тот, что зовется электричеством. Это как... — Он запнулся, задумался, ища объяснение. — Оно невидимо, но течет, как вода. Только оно течет по металлу. Это... — Он снова умолк, и вдруг его осенило. — Это почти так же, как тогда, когда ты заставляешь предметы двигаться силой своего сознания. — Он взмахнул рукой. — Ты этого не видишь, но можешь почувствовать, если прикоснешься к проводу, по которому течет электричество. Еще как почувствуешь! — Род нахмурился. — Хотя с другой стороны, я не совсем прав, говоря, что увидеть электричество нельзя.

Ты когда-нибудь видела молнию, дорогая? О, конечно же, видела! И зачем я спрашиваю! — Один случай помнился Роду очень живо... Они с Гвен спрятались в пещере и смотрели, как грозовые молнии раздирают небеса. А когда гроза их окончательно ослепила... Он кашлянул. — Молния — это электричество. Один из видов электричества, точнее.

— Не может быть! — выдохнула Гвен, широко раскрыв глаза. — Эти люди приручили молнию?

Род кивнул, не на шутку потрясенный догадливостью жены:

— И придумали, как заставить электричество делать множество работ.

Гвен смотрела на него, не отрывая глаз.

— Так, стало быть, огни в этой таверне — это прирученные молнии?

— Можно и так сказать, — медленно кивнул Род. — Но электричеством пользуются и для многого другого. Те предметы, которыми были вооружены солдаты на Стене, называются «бластеры». В них электричество заставляет драгоценный камень — рубин производить огненный луч, подобный клинку.

Гвен, не моргая, смотрела на мужа. Род снова кивнул:

— Электричество можно употреблять для многого, очень многого. Какую работу ни возьми, дорогая, — и скорее всего окажется, эти люди придумали, как ее делать с помощью электричества.

— Забота о близких, — немедленно проговорила опытная мать.

Род несколько мгновений молчал, не отрывая от нее взгляда. А потом улыбнулся и взял Гвен за руку:

— Ну, конечно, мне следовало догадаться, что ты скажешь именно о том единственном, на что электричество не способно. Нет, нет, только пойми меня правильно: у них тут есть множество машин, которые могут заботиться о человеческом теле — обо всех физических потребностях человека. Электричество питает машины, которые стирают белье, готовят пищу, прибирают в домах. Но чтобы возникло такое чувство, что кто-то заботится о тебе, что о тебе заботится другой человек... — Он покачал головой. — Нет. — Машины, конечно, могут создать такую иллюзию... но в глубине души все понимают, что

это не так. О людях по-настоящему могут заботиться только другие люди. Пока никакой замены для такой заботы не придумано.

Гвен долго смотрела на мужа, и ее взгляд был полон волнения и согрет самой важной заботой — заботой о нем.

Может быть, поэтому ее глаза всегда так завораживали Рода. Казалось, они занимают целиком все поле зрения, зовут, ласкают...

— Что-то мне вдруг вспомнилась история насчет обезьяны и питона, — негромко проговорил он.

— Правда? — пробормотала Гвен.

— Ага. Вот только не могу понять, кто из них — я... — Неожиданно поле его зрения расширилось, и он заметил коренастого широкоплечего, сутулого мужчину неподалеку от входа. — Кто это?.. Вот этот, который только что вошел?

Гвен испустила мученический вздох и обернулась:

— Ты про того воина с каштановой гривой? О боже! Быть не может!

— Почему же — не может? Мы же знаем, что он странствует во времени, и не говори мне, что такого не бывает, потому что я этим тоже занимаюсь!

— Ничего я тебе такого не говорю. Но как он здесь оказался? Род пожал плечами:

— Место как место, не хуже и не лучше других. В конце концов два года назад он сложил с себя полномочия наместника — вице-короля страны зверолодей.

— Это верно — хотя Туан возмущался и твердил, что он ему все еще нужен.

— Да... Жаль только, что сам вице-король этого не слышал, — вот бы посмеялся!

— А как он мог об этом узнать? — пожала плечами Гвен. — Он ведь попросту исчез.

Человек с физиономией гоблина медленно обшаривал взглядом зал кафешки, свирепо нахмутив кустистые брови. Наконец он заметил Рода и, радостно ослабившись, затопал к нему, раскинув руки:

— Господин!

Половина завсегдатаев кафешки обернулась. Мысли бешено метались у Рода в голове. Следовало что-то предпринять. Он вымученно улыбнулся, встал и протянул руку Йорику.

— *Господи, Йорик!* — произнес он, как бы вторя старому знакомцу. — Как же я рад тебя видеть!

Завсегдатаи, ворча, вернулись к прерванному занятию — распитию пива. Вопрос о присутствии в зале «господина» был снят с повестки дня. Конечно, им попросту послышалось. Род похлопал Йорика по плечу и кивком указал на свободный стул:

— Садись! Выпей пива! И расскажи нам, что ты тут делаешь?

— Вот спасибо! Отчего же не сесть? Можно и сесть. — Неандерталец придвинул стул к столу. — Небось здорово удивились, увидев меня здесь, а?

Род неторопливо уселся на свое место, стараясь оправиться после пережитого шока.

— Честно говоря — да, очень удивились. Ведь до твоего исчезновения с Грамерая — еще добрых пять сотен лет. — В голову ему пришла неожиданная мысль, и он нахмурился. — Но с другой стороны, минуло и почти сорок тысяч лет с тех пор, как вымерли все твои сородичи.

Йорик кивнул:

— Ну, так почему бы мне не объявиться здесь? Какая разница?

— Вот-вот, какая разница? — подхватила Гвен и склонила голову набок. — Как ты оказался именно здесь?

— Не без труда, — ответил Йорик. — Прямо скажем, не без труда. Понимаете, когда вы в ту ночь не вернулись домой, ваши ребятишки разволновались, но Паку все же удалось уложить их спать. Но когда вы не появились и утром, разволновался и он и обо всем доложил своему боссу.

Род мысленно содрогнулся. Бром О'Берин был не только королем эльфов, он еще был отцом Гвен — вот только об этом никто не знал, кроме него самого и Рода. Удивительно, как это, узнав о пропаже дочери, Бром О'Берин послал в эту забегаловку не всю эльфийскую рать, а неуклюжего неандертальца в единственном числе.

Гвен улыбнулась:

— И Бром забил тревогу?

Йорик кивнул:

— Он отправил на разведку отряд эльфов. Сотня этих маляток-ишеек без труда напала на ваш след. Эльфы быстро добрались до озера и там обнаружили неопровержимые свидетельства драки, после которой двоих сначала куда-то волокли, а потом они попросту исчезли.

Род не слишком довольнo усмехнулся:

— Приятно узнать о том, что эти ребята, футурианцы, не догадались замести следы. Самоуверенность порой творит великие чудеса.

— Да нет, следы-то они замели, — возразил Йорик. — Травку притоптанную приподняли, распушили, и все такое прочее. Разве их можно винить в том, что они не подумали про то, какие эльфы классные следопыты?

— Это было бы несправедливо, — согласилась Гвен.

Йорик согласно кивнул:

— Я готов об заклад побиться: даже если бы муха посидела на травинке, эльфы бы нашли ее след.

Роду вспомнилось, как Пак всегда настаивал на том, чтобы пить нектар только из тех цветов, на которых собирали взятки дикие пчелы, — и само собой, цветы эти он находил уже после того, как пчелы улетели.

— Это просто фантастика. Но как же они догадались, куда мы подевались?

— Следы выглядели слишком похоже на те, которые вы оставили в последний раз, когда растворились в воздухе.

Род понимающе кивнул, вспомнив о недобровольном путешествии своего семейства на Тир-Хлис.

— Вечно я недооцениваю Брома. Ну и как он себя повел?

— Так же, как в прошлый раз, — меня вызвал.

Род нахмурился:

— Но ведь ты тоже числился пропавшим без вести.

Йорик пожал плечами:

— Он все Коригу сказал. Помните его? Верзила такой, со здоровенной нижней челюстью.

— Твой заместитель. — Род кивнул. — А он знал, как с тобой связаться?

— Ну, само собой, знал, а как же? Неужто вы думали, что я вот так возьму и брошу бедного малого на произвол судьбы? А если бы ИДИОТ или ВЕТО снова попытались учинить произвол в неандертальской колонии?

— Футурианские подразделения, занимающиеся путешествиями во времени, — понимающе склонил голову Род и сделал мысленную заметку о том, что в стране звероловцев по-прежнему существует машина времени. Она принадлежала Обществу охраны прав индивидуумов — ООПИ, компании, которая также занималась странствиями во времени, но ею управляли демократы. Как бы то ни было, при этом агрегат оставался машиной времени. Мог и пригодиться в один прекрасный день.

— И Кориг вызвал тебя?

Йорик кивнул:

— А я связался с Доком Ангусом. На самом деле Док первым получил известие — меня на месте не было. Улаживал одно небольшое недоразумение. Понимаете, у короля Карла Лысого* появились нехорошие замашки — прямо скажем, деспотические...

— И как ты уладил это недоразу... Нет! Лучше не говори! Давай ближе к нашим делам.

Йорик пожал плечами:

— Как скажете. Ну, в общем, Док Ангус провел небольшое расследование.

Род вспомнил, как однажды мельком увидел этого ученого — белогривого коротышку, горбуна, изуродованного болезнью — главу корпорации ООПИ и еще одной организации — ЗУБ — общества защиты униженных бизнесменов.

— Какое такое расследование?

— Пришел, увидел и понял, что вас победили. По крайней мере победы вашим врагам хватило для того, чтобы вас похитить. Конечно, вы могли и погибнуть, но Док — любитель смотреть на вещи оптимистично. Вот он и решил, что вас забросили в прошлое.

Род нахмурился:

— А почему не в будущее? Почему не в альтернативную вселенную?

* Карл II, король франков (IX в.).

— Можно было и просто передатчик материи употребить, — пожал плечами Йорик. — На самом деле случиться могло все, что угодно, но для начала он проверил гипотезу о применении машины времени, поскольку это для него было самое легкое.

Род медленно покачал головой, не отрывая взгляда от Йорика:

— Но ведь ему пришлось переворошить восемь тысяч лет истории человечества, не говоря уже о доброй сотне тысяч лет доисторического времени, а до этого еще миллиард лет... Как же ему удалось?

Йорик снова пожал плечами:

— Да очень просто. Он велел своим агентам, которые у него расставлены везде и всюду на линии времени, выяснить, не появлялись ли вы где-то — ну и конечно, оказалось, что у нас и на Вольмаре свой агент имеется. И этот агент обратил внимание на то, что отряд вольмарцев гонится за какой-то парочкой в костюмчиках тюдоровской эпохи. Агент тут же послал весточку, попросил помощи — ну и как только я разобрался с франками, Док отправил меня сюда.

— Да... Но все-таки давай по порядку. Почему нас забросили сюда? На Вольмар? На эту заштатную маленькую планетку на задворках Галактики? И зачем доктору Мак Арану понадобилось держать здесь своего агента?

— Потому что эта планета крайне важна для возрождения демократии, — объяснил Йорик. — Генерал Шаклар понимает, что выжить здесь можно только при том условии, что вольмарцы и колонисты будут сотрудничать.

— Я уже начал догадываться об этом, — кивнул Род. — Добиться того, чтобы два столь разных сообщества достигли стадии мирного сосуществования — это поистине грандиозный успех.

— Особенно если учесть, что всего-то десять лет назад они были готовы друг дружке глотки перегрызть.

Род и Гвен дружно вытарашили глаза.

Йорик кивнул:

— Да-да, милорд и миледи. Тут шла всамделишная, неприкрытая, кровопролитная война. Она продолжалась с десятков лет, а потом сюда прислали Шаклара.

— И как же ему удалось остановить ее?

— Ну... у него было преимущество, — пожал плечами, ответил Йорик. — Обе стороны к тому времени жутко устали воевать. И ему оставалось только придумать веское оправдание для прекращения войны, а прекратить огонь противники были готовы. Безусловно, Шаклар и не пытался уговорить их сложить оружие — это было бы чересчур.

Гвен нахмурилась:

— Но ведь тогда получается, что война в любое мгновение могла бы вспыхнуть вновь?

Йорик, кивнув, сказал:

— Этому препятствует система, которую Шаклар здесь внедрил для разрешения любых противоречий.

— Угу, — буркнул Род. — Мы ее нынче в некотором роде испытали на себе. — Он переглянулся с Гвен. — Но у меня возникло такое ощущение, что система несколько... хрупкая.

— Определенно. Шаклару предстоит еще многое сделать, пока обе стороны окажутся в безопасности друг от друга. Ему нужно слить их в единое политическое сообщество, в котором все были бы равны и уважали бы друг друга.

— Означает ли это, что у вольмарцев и у воинов будут общие суды чести? — спросила Гвен.

— Что ж, наверное, это было бы очень недурно, если бы удалось объединить их под эгидой единой системы юриспруденции, — задумчиво проговорил Род и поджал губы. — Но для этого нужно создать и единый законодательный орган.

Гвен непонимающе сдвинула брови:

— Что значат эти слова, господин мой?

— Гвен, понимаешь, ты — послушная подданная их величеств, но... милая, бывает так, что люди сами издают для себя законы.

— Не может такого быть!

— Может, может. Конечно, нужно быть заранее уверенным в том, что люди с этими законами согласятся, а иначе их будет крайне трудно провести в жизнь.

— «Ни один князь не может править без согласия подданных», — процитировал Йорик.

Род раздраженно зыркнул на него:

— Большое спасибо, Ник Макиавелли.

— А между прочим, не такой уж плохой он был малый. Он просто пытался смотреть на вещи реалистично, вот и все.

— О? И когда ты с ним последний раз беседовал по душам?

Йорик раскрыл рот и уже был готов дать ответ на этот вопрос.

— Нет! Не желаю этого знать, — остановил его Род, предостерегающе подняв руку. — Скажем так, милая: наилучший способ добиться того, чтобы люди не возражали против новых законов, — дать им возможность самим выбирать законодателей.

Гвен молча смотрела на него.

— Это возможно, — пробормотал Йорик. — Знаю, звучит невероятно, но это возможно.

Гвен перевела взгляд на него:

— И ты сумел свыкнуться с этим?

— Кто, я? — Неандерталец развел руками. — Да у нас и законов-то никаких не было совсем. Просто все были во всем согласны...

— Стало быть, — Гвен снова перевела взгляд на Рода, — на этой планете нет короля.

Род покачал головой:

— Только генерал Шаклар — со стороны колонистов. Думаю, у вольмарцев тоже имеется какой-нибудь вождь, вот только вряд ли они наделяют его королевскими полномочиями.

— И все же они сами правят своей страной?

— Ну... думаю, Шаклар над этим работает. Но такое происходило и в других местах — правда, их было очень немного. Фактически люди выбирают короля, но на его долю достается только подписание законов, придуманных законодателями. Он даже не судит людей, повинных в преступлениях, не разрешает споры. Для этого существует система судов и судей.

— Вот как, стало быть... — Гвен задумчиво уставилась в одну точку. Род прекрасно слышал ее мысли. Мало-помалу они выстроились в стройную логическую цепочку. — И все это для того, чтобы не начался мятеж, — негромко проговорила она.

— Верно, милая. Именно это я и стремлюсь сделать на Грамере.

Гвен пристально посмотрела на него. В ее взгляде появилось понимание.

— Однако ты долго медлишь!

— Приходится, — покачал головой Род. — В таких делах быстро не получается. Нужно, чтобы люди сами до этого додумались, иначе долго никакая демократия не продержится. Есть тысяча различных способов, как этого добиться, — по одному для каждого общества, которое добилось самоуправления. Самоуправление должно вырасти, как дерево. Его нельзя навязать людям.

— То, что навязано, не прививается, — негромко добавил Йорик.

— А если и прививается, то только тогда, когда порочная система близка к гибели. На самом деле отчасти именно это ее и добивает.

— А мы присутствуем при самом начале ее гибели, — ухмыльнулся Йорик. — О коррупции пока не может быть и речи — она еще не зародилась.

— Но все же удивительно, сколь многое уже удалось сделать Шаклару, — обратившись к неандертальцу, сказал Род. — И каким же образом он намеревается сплотить обитателей планеты в единый политический союз?

— Как он добился того, чего добился? — Йорик пожал плечами. — Прошу прощения. Я не досконально ознакомлен с информацией о Вольмаре. Краткий брифинг — и я уже в кабине машины времени. Но наши ребята с линии времени говорят, что он непременно сделает все, что задумал, если мы одолеем агентов ИДИОТ и ВЕТО, которые пытаются уничтожить его самого и его систему.

Род вытарашил глаза. «Инициаторы движения за искоренение объединения телепатов» — это была организация, возглавляемая путешествующими во времени анархистами, а «Верные тоталитаристы», само собой, были верными тоталитаристами. Именно из-за них он и оказался в свое время на Грамере, именно они и не давали ему покоя все это время, постоянно строили всяческие козни.

— Они и за ним охотятся?

— Конечно. Ваша планета — не единственная, имеющая особо важное значение для становления демократии в будущем, милорд.

— Но чем так уж важен Вольмар?

— Большей частью тем, что он является одним из немногих островков демократии, которому суждено продержаться на протяжении всех лет правления ПИСК. По крайней мере благодаря Вольмару не погибнет сама идея демократии. Но его важность объясняется так же и тем, что здесь находится штаб системы образования.

Род несколько мгновений не сводил глаз с Йорика. Потом зажмурился, тряхнул головой и снова открыл глаза.

Йорик кивнул:

— И поэтому нам непременно нужен здесь свой агент — чтобы не допустить саботажа системы Шаклара со стороны ИДИОТ и ВЕТО.

— Теперь понятно!

— Но если тут есть кто-то из твоих соратников, — возразила Гвен, — почему он не может позаботиться о нас?

— А кто сказал, что это «он»?

— Но... — Гвен быстро взглянула на Рода. — Я думала, что...

Йорик покачал головой.

— Нам нужно только, чтобы агент делал свое дело.

— Стало быть, ваш агент — женщина?

— Нет, я этого не говорил, — предостерегающе поднял ручищу Йорик. — И говорить не собираюсь. Главное, что наш агент долго работал для того, чтобы обеспечить себе надежное прикрытие, и снимать это прикрытие вовсе ни к чему. Ну, сами подумайте, можете вы догадаться, кто это такой?

Род несколько секунд пристально смотрел на неандертальца.

— Ты прав, — покачав головой, отозвался он. — Я догадаться не могу.

Гвен обвела взглядом зал, уставилась в одну точку.

— Эй, эй, миледи! — запротестовал Йорик и укоризненно покачал пальцем. — Мысли читать — это нечестно. Для нас всех лучше, если вы не будете знать, кто это. В конце концов, чего не знаешь, про то и не проболтаешься.

— Итак, сюда послали специального агента — тебя, — заключил Род. — Ведь если слетит твое прикрытие, большой беды не будет.

— Я так или иначе больше своим прикрытием пользоваться не собирался, — согласно кивнул Йорик.

— Значит, ты здесь для того, чтобы помочь нам вернуться домой!

Йорик снова кивнул:

— Собираюсь попробовать по крайней мере. У меня с собой временной маячок. Мне нужно только кнопку нажать — и по всей линии времени зазвучит сигнал. Как только он доберется до штаба Дока Ангуса, он точно узнает, где мы и в каком времени, и сумеет переправить нам запчасти для сборки машины времени. Ну а потом я ее соберу, нажму кнопку и... voila*! Вы окажетесь дома!

Род сдвинул брови:

— Но почему он не может нажать кнопку и вытащить нас отсюда? Тебя-то он сюда забросил без приемной машины времени?

— Верно, но в обе стороны эта система не работает. — Йорик пожал плечами. — Только не спрашивайте почему. Я в этих штуках ничегошеньки не смыслю, милорд.

— Ты бы лучше перестал называть меня «милордом», — попросил Род Йорика, окинув зал нервным взглядом. — Думаю, здесь этого не поймут.

— Заметано. — Йорик, правда, пожал плечами. — И как вы желаете, чтобы я вас называл?

— Ну, скажем... «майор». И между прочим, это чистая правда — только я служу в другой армии, вот и все.

— Как пожелаете, майор.

— Благодарю. — Род склонился к столу и сдвинул брови. — А теперь вернемся к путешествиям во времени. Почему они срабатывают только в один конец?

— Я же сказал: не спрашивайте меня об этом, — болезненно скривился Йорик. — Что я могу об этом знать? Я — всего-навсего необразованный пещерный человек. Но на мой взгляд, это может выглядеть примерно как... Ну, скажем, если вы броси-

* Здесь: «пожалуйста!» (фр.).

ли копые, вы же не станете ждать, что оно к вам возвратится, правильно? Понятно?

— К копыю можно и веревку привязать, — возразил Род. «Моби Дика» он помнил почти что наизусть.

— Веревку, да? Длиной в пятьсот лет? Слабовато придумано, майор. К тому же пятьсот лет — это ерунда в сравнении с тем, откуда меня перебросили.

Род почувствовал, что им овладевает приступ упрямства.

— Все равно это должно быть возможно.

— О'кей, но даже если это возможно, Док Ангус до этого пока не додумался. И у меня такое впечатление, что до этого никто никогда не додумается.

— Поосторожнее с такими опрометчивыми заявлениями. — Род покачал указательным пальцем. — Может быть, ребяташки, которые находятся на линии времени впереди нас, пока просто-напросто не просветили тебя на этот счет.

— Возможно, — признал Йорик, — но маловероятно. Мы боремся с одними и теми же врагами, и если бы умники из ИДИОТ увидели шанс переплюнуть ВЕТО, можно не сомневаться: они бы этого шанса не упустили. А ежели бы такая возможность представилась парням из ВЕТО, они бы ею тоже наверняка воспользовались.

— И они, наверное, чрезвычайно возрадовались бы, получив преимущество перед этим вашим ООПИ, — добавила Гвен.

— Зуб даю, вы правы, леди!

— Что ж, видимо, придется поверить Мак Арану на слово. — Род отодвинул стул от стола и поднялся. — Пойдемте, ладно? Думаю, будет непросто разыскать в этой колонии местечко, где мы сможем остаться втроем на пару часов.

— Ну, скорее, не на пару, а часов эдак на шестнадцать, — уточнил Йорик. — Нужно примерно такое время, чтобы перебросить запчасти. Не говоря уже о сборке машины. — Он повернул голову к Гвен. — Надеюсь, вы извините нас, миледи...

— Нет, не извиню, — твердо объявила Гвен, которая уже поднялась и обошла столик. — Куда идет мой муж, туда иду и я.

— О. Думаешь, я не в состоянии сам о себе позаботиться, да? — усмехнулся Род. — Или просто боишься выпустить меня из поля зрения?

— Пожалуй, и то и другое, — улыбнулась Гвен и взяла его под руку. — Как бы то ни было, я тебя одного никуда не отпущу. Ведите, господин Йорик.

— Как прикажете, миледи, — учтиво кивнул пещерный человек и, положив на столик несколько купюр Межзвездной Федерации, развернулся к выходу.

Род одобрительно взглянул на деньги:

— Ты прибыл сюда подготовленным по всем статьям, как я погляжу.

— А? — Йорик обернулся и увидел, куда смотрит Род. — О, это всего-навсего джентльменский набор для выживания, майор. У нас такие имеются для любого времени и места.

Род направился к двери следом за Йориком.

— А знаешь, вообще-то это довольно странно, что на этой заброшенной планетке до сих пор пользуются бумажными деньгами Межзвездной Федерации, в то время как правительственная организация, выпускавшая их, давным-давно померла.

— А что тут странного? Между прочим, это не бумага, а очень прочный пластик. Он вечный — ну, или по крайней мере способен сохраниться пару столетий.

— Ну, допустим. Но все равно сами по себе эти бумажки никакой ценности не имеют. Цена им — как тому правительству, что их печатало.

— Да, но пока все верят в эти деньги, они и имеют хождение — а в них верят. Этому в немалой степени помогает то, что эти денежные единицы основаны на энергии. Основной денежной единицей в Межзвездной Федерации была ВТУ*. Сколько-то ВТУ равняются квачасу — одному киловатт-часу, а сколько-то квачасов — одному терму. Как только становится больше энергии в межпланетном масштабе, увеличивается и денежная масса.

— Ну да, если правительство не запускает печатные станки на повышенных оборотах!

— Верно, но правительства больше не существует, — подняв указательный палец, заметил Йорик. — Так что инфляция никому не грозит.

* ВТУ — Board of Trade unit — Брит. киловатт-час.

— Шутка хороша, — отметил Род с улыбкой. — Валюта Межзвездной Федерации более прочна теперь, когда правительство, выпускавшее эти деньги, исчезло, чем тогда, когда оно было живо и трепыхалось.

— Большой частью трепыхалось — по крайней мере ближе к концу своего существования. Это я к тому, что они пытались сделать все возможное для того, чтобы вышвырнуть сюда Чолли — и только из-за того, что он высказывал кое-какие бредовые идеи.

— Чолли? — Род обернулся и посмотрел на бармена. — Неужто такой записной «мистер Славный Малый» мог кому-то навредить? И зачем властям Межзвездной Федерации понадобилось его вышвыривать?

— Да не то чтобы это были, строго говоря, власти... Только партия ЛОРДов — та самая, которая, став парламентским большинством, устроила переворот и создала Пролетарскую Изолированную Социалистическую Коммуну.

— Еще до того, как они пришли к власти?

Йорик кивнул:

— А ИДИОТ и ВЕТО до сих пор пытаются завершить начатое ЛОРДами дело. И одна из самых важных обязанностей нашего агента состоит в том, чтобы защищать Чолли и его завешение.

— А что такого важного в этой забегаловке?

— О, кафешка — это всего-навсего фасад. Главное — это идея Чолли и метод, основанный на опробованной системе. Люди, которым нужен смысл жизни, пользуются его методом, а потом сами занимаются тем же делом. — Йорик усмехнулся. — ПИСК из-за этого просто с ума сходит. Они пытаются допетрить, как работает его организация — кто дает распоряжения, как эти распоряжения передаются, — но никакой организации нет! Только идеи...

— Звучит просто фантастически. И в чем же состоит его настоящая работа?

— В массовом просвещении — при том, что массы и не догадываются о том, что их просвещают. Чолли — это Чарльз Т. Бармэн, майор.

Род застыл на месте, не спуская глаз с симпатяги бармена.

— Это он?! Это... тот самый человек, который создал систему образования, которая в итоге породила Децентрализованный Демократический Трибунал?

— Он самый, но пока он ее только начал создавать, а до возникновения ДДТ еще должно пройти пятьсот лет. Если что-нибудь случится с Чолли, «революция», которая приведет к зарождению ДДТ, может никогда не произойти. Вы должны понять, почему мы ни в коем случае не можем подвергать риску нашего здешнего агента. Не надо так тарашиться, майор, — это может вызвать подозрения. Так мы идем?

— А-а-а... да, конечно. — Род отвернулся. Он чувствовал себя не в своей тарелке. — Да, пойдем.

— Вот это вряд ли, — буркнул сержант.

Сам по себе он не производил такого уж внушительного впечатления, но группа солдат, сопровождавших его, целиком заполнила дверной проем. Род от удивления выпучил глаза: это был детина со Стены, дружок Талера. Правда, с ним произошла поистине невероятная метаморфоза. Скорее всего он даже душ принял. Форма на сержанте была чистенькая, аккуратно выглаженная, его щеки были гладко выбриты, а шевелюра — причесана.

— Поразительно, — пробормотал Род.

Чолли, трудившийся за стойкой, обернулся и заметил, что происходит у двери.

— Эй, там! — крикнул он, и в кафешке сразу стало тихо. — Тут драться запрещено!

— Это ты ему скажи, — проворчал преобразившийся сержант. — Пойдет к генералу подобиру-поздорову, так и драки никакой не будет.

Род нахмурился:

— К генералу?

— Ага. Вы арестованы.

Род не двигался с места. Сержант ухмыльнулся.

— Не сказал бы, чтобы это входило в мои планы, — пробормотал Йорик.

— А за что мы арестованы? — спросила Гвен.

Сержант пожал плечами:

— Это вам генерал скажет. Ну так пойдете тихо-мирно или как?

Судя по блеску его глаз, он ожидал отрицательного ответа.

Род вздохнул и капитулировал:

— Пойдем. Я всегда готов к сотрудничеству с властями.

— Вернее — почти всегда, — еле слышно проговорил Йорик.

— С генералом было очень приятно беседовать, — спокойно сказала Гвен.

Солдаты дружно злорадно ухмыльнулись.

— Ну, тут у вас, как я погляжу, женщине ничего нельзя сказать просто так, чтобы вы не поняли ее слов превратно, — вздохнул Род. — Вам, конечно, и в голову не пришло, что это за женщина, если ей общество вашего генерала-мазохиста могло показаться приятным.

Ухмылки исчезли. Солдаты в ужасе выпучили глаза.

Род довольно кивнул:

— Думаю, тебе тут нечего бояться, дорогая. Ну а теперь пойдем.

Может быть, эти солдаты и были, в военном смысле, отбросами, однако строевым шагом ходили неплохо. Конвой, сопровождавший супругов Гэллоуглассов и Йорика, браво прошагал по улице до здания штаб-квартиры губернатора. Конвой остановился у двери кабинета Шаклара. Сержант постучал в дверь, и секретарь (человек, поскольку это была фронтирная планета, и мужчина, поскольку это была военная тюрьма) официально сообщил ему о том, что он может войти. Затем конвойные все тем же строевым шагом протопали в кабинет и остановились перед письменным столом генерала.

Генерал оторвал взгляд от бумаг, разложенных на столе, и тепло улыбнулся.

— Отлично, сержант, — откозырял он главному конвоиру. — Вольно. Вы свободны.

Сержант выпучил глаза:

— Но, генерал... эти люди... они же...

— Они очень приятные собеседники, — заверил его генерал. — Я уже имел удовольствие беседовать с ними нынче утром. Уверен, никаких проблем не будет — в особенно при том, что здесь присутствует Верховный Вождь.

Он кивком указал на лилового вольмарца, стоявшего рядом с письменным столом.

Сержант оценивающе смерил вольмарца взглядом с головы до ног, но, похоже, не удовлетворился этим зрелищем.

— Если вам, конечно, не все равно, сэръ...

— Боюсь, действительно не все равно, — резковато, но не выходя из рамок вежливости, оборвал подчиненного Шаклар. — Это все, сержант. Благодарю вас за заботу.

Сержант и конвоиры обвели вольмарца, Рода и Йорика опасливыми взглядами, а на Гвен глянули чуть ли не с испугом. Однако сержант рывкнул:

— Кру-у-гом! Ша-гом марш!

Конвойные четко исполнили его команду и маршевым шагом покинули кабинет. Сержант на миг задержался на пороге и бросил на задержанных еще один злобный взгляд, но Шаклар этот взгляд поймал, и сержант тут же развернулся и исчез за дверью.

Но дверь при этом за собой не прикрыл.

Шаклар на это ровным счетом никакого внимания не обратил. С лучистой улыбкой он приветствовал супругов:

— Чрезвычайно рад вновь видеть вас, мистер Гэллоугласс и миссис Гэллоугласс. — Йорика он одарил вопросительным взглядом. — А с вами я, пожалуй, не имел удовольствия познакомиться?

Род указал на неандертальца:

— О, это...

Но Йорик опередил его:

— Андер Таль, генерал. Но в свое время я выступал в одной не слишком известной комической труппе, и там меня прозвали...

— Йориком, — закончил за него Род и сглотнул подступивший к горлу ком. — А-а-а... скажите, генерал, вам не кажется, что вы поставили себя в несколько опасное положение?

— Не обеспечил себе численное преимущество, в смысле? А вы оба вооружены? — Шаклар кивнул. — Это мне известно.

— И тем не менее... вас это не пугает.

— Не особенно. Я полагаюсь на вашу порядочность, дружище.

Род смотрел на генерала широко раскрытыми глазами. Наконец он произнес — таким тоном, словно желал сообщить Шаклару новость:

— Между прочим, вы дурак.

— Это мне также известно, — с улыбкой ответил ему Шаклар.

Йорик в упор уставился на Рода. Его мысли читались без труда.

«Этот человек — крайне важная фигура для становления демократии, майор. И если вы его хоть пальцем тронете...»

Затем мысли Йорика нарисовали Роду очень и очень неутешительную картину его будущего.

В принципе никакие угрозы Роду были не нужны. Он взглянул в открытое, дружелюбное лицо Шаклара и вздохнул:

— Я не имею обыкновения убивать дураков до ужина — плохо, знаете ли, сказывается на пищеварении.

Род с тоской вспомнил о том, как сам не раз разыгрывал точно такой же гамбит, но у него это получалось, и он таки действительно завоевывал доверие... Вот и теперь получилось.

Он решил, что в этом кабинете дурак не только Шаклар.

Легкая улыбка тронула краешки губ генерала. Он расслабился:

— Полагаю, вы не знакомы с этим человеком? Это вождь Гвун из племени «лиловых». В данное время он также является Верховным Вождем всех вольмарцев.

— Нет, не имел счастья познакомиться, — отозвался Род, мучительно пытаясь вспомнить, как вольмарцы здороваются. Вроде бы следовало скрестить руки на груди, коснуться плеч кончиками пальцев...

Но прежде чем он успел изобразить приветствие, рослый вольмарец заявил:

— Они, значит, это сделать — эти мужчина и эти женщина в потешный, значит, одежда.

Род непонимающе уставился на вождя.

— С любезностью у него не ахти, верно? — выговорил он наконец.

— А... — Йорик оглянулся на Рода и быстро перевел взгляд на генерала. — Я понимаю, дело, конечно, не мое... но о чем таком говорит этот вождь? Что такое, по его мнению, сделал ма... мистер Гэллоутгласс?

Род обратил внимание на то, что Йорик чуть не проговорился и не назвал его «майором», но все же поправился, за что

Род добавил ему очков за сообразительность. Неандерталец, видимо, понял, как опасно будет, если Шаклар решит, что может командовать Родом, как старший по званию.

— Да мы нарушили вольмарскую территорию, — объяснил Род Йорику и обратился к Шаклару: — Однако этот вопрос, если не ошибаюсь, мы уже благополучно выяснили и закрыли пару часов назад.

— Это верно, но Верховный Вождь снова выдвигает против вас обвинение.

Род нахмурился:

— А это, случаем, не называется «повторным привлечением к ответственности по одному и тому же делу», а?

— Вовсе нет, поскольку в этом преступлении вы прежде не обвинялись.

— И что же это за преступление?

— Убийство.

Род поставил кружку пива на столик перед Гвен и вернулся к стойке.

— Пару порций пойла, которое тут у вас считается виски. Двойной.

— Есть такое дело, — кивнул Чолли и, водрузив на стойку два стакана с толстым дном, стал наливать в них из бутылки коричневатую жидкость. — Так, выходит, он вас отпустил под честное слово?

— Угу, — ответил Род и пожал плечами. — Мы просто пообещали никого не убивать до завтрашнего рассвета, а он сказал: «Отлично. Почему бы вам не осмотреть город, покуда вы здесь...» Хватит!

— Как скажете, — отозвался Чолли, но стаканы наполнил почти до краев и только потом поставил бутылку на стойку. — Следовательно, судить вас будут завтра на рассвете, я так понял?

— Если это можно так назвать, — ответил Род и сдвинул брови. — А вам не кажется, что с нами обошлись слишком милостиво? Все-таки нас подозревают в убийстве.

Чолли кивнул:

— Слишком, пожалуй, — даже для нашей планеты. Думаю, генерал не верит в вашу виновность.

— И что же — надеется, что мы деру дадим или еще что-нибудь в этом роде вытворим?

— А куда вам бежать?

— Верно подмечено, — сказал Род и поджал губы. — Стало быть, нам действительно позволили расслабиться и насладиться жизнью, так, что ли?

— Либо так, либо это время вам дано для того, чтобы вы постарались найти доказательства своей невинности. Когда сидишь в камере, это, знаете ли, сделать трудновато.

Род нахмурился:

— Вообще-то да, если честно. Мы, кстати, и сами об этом подумывали.

— Ну вот! — просиял Чолли. — Генерал в людях отлично разбирается, верно? Скажите, если я чем-то смогу помочь.

— Спасибо, всенепременно, — поблагодарил его Род и вернулся к столику. Один стакан он поставил перед Йориком, сам уселся напротив Гвен и сделал смелый глоток. Затем несколько минут он сидел неподвижно, дожидаясь, пока голова перестанет кружиться.

— Из чего они *это* делают? — наконец сумел выдохнуть Род.

— Из чего-то почти соответствующего терранским ингредиентам по биохимическим показателям, я так думаю, — глубокомысленно изрек Йорик, взгляд которого тоже на несколько мгновений помутился.

Род вдохнул поглубже и на этот раз глоток сделал очень осторожный. Поспешно поставив стакан на стол, он медленно выдохнул и откинулся на спинку стула.

— Итак! — изрек он и по очереди глянул на Гвен и Йорика. — Вы были рядом со мной и слышали все то же, что слышал я. Что значило то, что мы услышали?

Гвен пожала плечами:

— Мы случайно оказались неподалеку от того места, где был убит человек, господин мой.

— Да, но все же я сильно сомневаюсь, что мы действительно были где-то рядом с этим «Местом Приветствия Солнца», или как оно там еще называется. Кроме того, я не верю в совпадения — особенно если они настолько удобны.

Гвен нахмурилась:

— И для кого же они удобны?

— Для наших врагов.

— Я за это выпью, — заявил Йорик, подняв и кружку, и стакан.

— Ты за что угодно выпьешь, — проворчал Род, но с Йориком чокнулся. — Выпьем за врагов — чтоб им пусто было.

— Кем бы они ни были, — добавил Йорик, прикончил виски, стукнул стаканом по столу и склонился ближе к Роду. — Но я с вами согласен, майор. Кто-то действительно пытается до вас докопаться.

Род вытаращил глаза:

— Когда это я такое говорил?

— Когда мы возвращались из замка, — ответила Гвен.

— О, вот как... — Род покачал головой. — Да, вроде бы я и правда что-то такое сказал.

— С ним часто такое бывает? — осведомился Йорик.

— Время от времени, — ответил Род, а Гвен заверила Йорика:

— Только тогда, когда он думает о важных делах.

— Ага, понятно, — кивнул Йорик. — И в такие моменты вами еще и паранойя овладевает?

Гвен нахмурилась:

— Что означает это слово?

— Подозрительность, — объяснил Род. — Он хочет сказать, что мне кажется, будто все ополчилось против меня.

— О! — воскликнула Гвен. — Нет, я была права. Он всегда такой.

— Но на этот раз он не ошибается.

Все трое в изумлении обернулись, услышав незнакомый голос.

Та, что произнесла эту фразу, была худенькой и стройной, и хотя одета была в ту же самую форму, которую тут носили все солдаты, ухитрилась выглядеть в ней женственно. При этом волосы у нее были подстрижены очень коротко, по-мальчишески, и все же и в этой стрижке, и в том, как она держалась, и в мягких чертах лица безошибочно угадывалась женщина.

— Это мое профессиональное мнение, — добавила незнакомка. — За вами действительно охотятся.

— Кто? — требовательно спросил Род, а Йорик негромко осведомился:

— А какая у вас профессия?

— Секретный агент, — небрежно бросила женщина. — Шпионка. — Вновь обратившись к Роду, она сказала: — А на свой вопрос вы могли бы ответить лучше меня. Кто желает вам смерти? В принципе это не важно. На этой планете всякий, кто попал в беду, — мой друг.

Род смотрел на женщину, раскрыв рот. Гвен подвинула к ней стул:

— Садись, в ногах правды нет.

Женщина села и усмехнулась:

— Забавно вы разговариваете.

Род наконец обрел дар речи:

— Не хотелось бы выглядеть невежей, но все-таки — кто вы такая?

— Меня зовут Шерши Чорной, и вам лучше выслушать меня от начала до конца. Пять лет назад я была правительственной шпионкой.

— Пять лет назад... — сосредоточенно сдвинул брови Род. — Это значит — примерно в то время, когда произошел переворот, устроенный ПИСК, если я верно помню... — Он сумел исправить ошибку вовремя: — Нашу историю.

— Вы верно помните историю, — кивнула Чорной. — Я была секретным агентом партии ЛОРДов. Собирала для них информацию и помогала им в устранении кое-кого из самых заклятых врагов. Я понимала, что пособничаю убийцам, но своими глазами я ни одного убийства не видела, и потому это меня не очень волновало. И не думала, что когда-нибудь станет волновать. — Ее лицо стало бесстрастным, равнодушным. — Но после переворота мне вдруг стало ясно, что я — сотрудница тайной карательной полиции. Однажды мои боссы дали приказ моему подразделению арестовать одного профессора. — Она болезненно скривилась. — Это был симпатичный старичок, тихий и робкий. Стоило только войти к нему в дом — и сразу стало ясно, что они с женой обожали друг друга и нежно друг о друге заботились. А мы вытряхнули его из постели посреди ночи, выволокли из дома и засунули в темную кабину флайера. Он был напуган, просто дрожал

от страха, но нас ни в чем не винил. Не ругался, не возмущался, только смотрел на нас широко раскрытыми испуганными глазами. Было видно, что он все знает, все понимает... — Чорной поежилась. — Ну а мои подчиненные из-за этого так жутко разозлились, что принялись колотить его и жестоко избивали всю дорогу до штаб-квартиры. Мне еще повезло: я вела флайер, но все равно, конечно, все слышала...

Потом мы приземлились на крышу здания нашей базы, и мне пришлось помочь подчиненным внести профессора внутрь. Его лицо так распухло и было залито кровью, что я бы его не узнала. Мы уложили его на стол и приготовили к пыткам. — Она снова скривилась. — О, у них это называлось «допросом», но это самые настоящие пытки. Верно, они не пользовались пыточными тисками, а подсоединяли к телу электроды, но муки оставались муками. Мне не нужно было оставаться и смотреть на это, но настроение у меня было препаршивое: казалось, я участвую в чем-то жутком, бесчеловечном. Мне сказали, что я могу вернуться к себе, но я пошла к боссу и объявила ему, что ухожу в отставку.

А он откинулся на спинку стула в своем кабинете с пластиковыми стенами и столом из нержавеющей стали и расхохотался мне в лицо.

— Уволиться из тайной полиции нельзя, Шерши, — заявил он. — Отсюда уходят только вперед ногами. Я все сказал.

И я пулей вылетела из его кабинета и направилась к главному входу. Я шла быстро, но не бежала — это могло вызвать подозрения. Босс между тем не шутил: я была уже недалеко от выхода, когда дорогу мне загородил человек с бластером, Я продолжала идти, а он прицелился и взял меня на мушку, но я в последнюю долю секунды метнулась в сторону. Он упустил время, а когда выстрелил в меня, то промахнулся. Я развернулась и врезала ему ногой в нижнюю челюсть. Его голова запрокинулась назад, послышался хруст костей, но я мигом перепрыгнула через него и выбежала из двери.

Чорной умолкла, чтобы отдышаться. Йорик негромко спросил:

— И долго бежали?

— Около километра. По крыше. Я заметила, что курьер сажает флайер, бросилась к нему, вышвырнула его из кабины,

плюхнулась на сиденье и подняла машину в воздух. Успела перелететь через парапет и быстро спустилась в город, пока за мной не послали перехватчик. Я оказалась в Старом Городе, где улицы образуют лабиринт. Иногда это очень удобно, и я этим воспользовалась. Скоро я затерялась в улицах.

— Но задерживаться там вы наверняка не стали, — тихо проговорил Род.

— Естественно. — Чорной пожала плечами. — Хотя это было все равно. К рассвету повсюду были выставлены кордоны, а по городу за мной охотились копы из тайной полиции. Я стояла у стойки в кафе. Только успела поставить на нее миску с соевым супом, как на меня набросились.

— Тяжко пришлось? — участливо спросил Йорик.

— Еще как, — зыркнув на него, ответила Чорной. — Но я выжила, — добавила она, поглядев на Рода. — Когда меня через пару часов приволокли к судье, у меня еще кровь текла тут и там. Ну и конечно, копы разыскали шестерых свидетелей, которые поклялись, будто видели, как я убила того, с бластером, хотя никого из них там и близко не было. Наверное, кто-то из них следил за всем происходящим по монитору. Но это, в общем, не имело значения: прокрутили запись с монитора, и судья вынес приговор: «Реформировать ее».

Гвен непонимающе нахмурилась, а Род побледнел:

— Они намеревались стереть вашу память и записать в ваш мозг параметры другой личности?

Чорной кивнула:

— А какая мне была разница? Что умереть, что так... Но до этого не дошло. Меня захихнули во флайер и уже были готовы везти в центр реформации, но флайер даже в воздух не поднялся. В кабине сидел курьер с неким документом. Видимо, все то время, пока шел суд, подонки из тайной полиции осаждали Генерального Секретаря и убеждали его в том, что тайная полиция — это военная организация. Поэтому от реформации было решено отказаться. Меня погрузили на каторжный звездолет и отправили на Вольмар. — Она поджала губы. — Еще тот был полетик, между прочим. Он продолжался целых две недели, а женщин среди осужденных было только три. Мужики, естественно, пытались к нам приставать, но три — это как

раз столько, сколько нужно, чтобы суметь постоять за себя. После того как мы прикончили парочку негодяев, остальные поутихли. Остальные, правда, пытались уговорить ребят из экипажа корабля связать нас, но те заявили, что их дело — управлять звездолетом, а дела осужденных — это исключительно дела осужденных и их нисколько не касаются. — Она поежилась. — Пришлось спать по очереди, но в итоге все-таки нас никто и пальцем не тронул.

— А здесь? — широко раскрыв глаза, спросила Гвен.

Чорной пожала плечами:

— Теперь уже полегче. Две другие женщины, как только поняли, что на этом можно заработать, открыли, мягко выражаясь, собственное дело. Теперь у них собственные дома и они обе богаче любого человека на этой планете.

Гвен побледнела. Дрожащей рукой она подняла кружку и тут же поставила на стол.

— А ты не стала... как ты сказала...

— Открывать собственное дело, — сверкнув глазами, кивнула Чорной. — Но отбиваться поначалу приходилось каждый день. Двое-трое за сутки подваливали ко мне, и так продолжалось до тех пор, пока я не заработала репутацию неприкасаемой. Теперь только двое-трое в неделю отваживаются до меня докопаться. Но те, кто тут живет, — парни смекалистые и при малейшей опасности сваливают, так что убивать мне пока никого не пришлось.

— А... они не пытаются... объединиться против тебя? — испуганно спросила Гвен.

— А я потому и сидела вон там, — объяснила Чорной и кивком указала на столик в дальнем углу. — Оттуда видны и входная дверь, и весь зал, а со спины ко мне никто не подкрадется. Да и не пытались, между прочим. — Она отхлебнула пива, но сморщилась так, словно оно оказалось горьким. — Можно сколько хочешь ругать мужской шовинизм, но когда нас, женщин, так мало, каждая — на вес золота. Всякий из мужиков может подвалить ко мне один, но при этом не пожелает, чтобы кто-то из его дружков увидел, как его отошлют.

— А дружки, само собой, начеку, — негромко проговорил Йорик.

Чорной кивнула, залпом допила пиво и грохнула кружкой по столу:

— Ну, вот так, значит. Сама я по этому городку шагу не могу ступить без того, чтобы ко мне кто-то не полез, и потому всякий, за кем тоже охотятся, — мой товарищ. А особенно женщины. — Она кивнула Гвен. — К тому же твоему мужику я могу доверять. На что ему сдалась я, когда у него есть ты, правильно я говорю? — Она скривилась. — Ой, только не надо на меня так сочувственно глядеть! Я про себя сама все знаю. Я — горячая штучка. — Она повернула голову к Роду. — Может, даже слишком горячая. Я хочу сделать ноги с этой планетки — так сильно хочу, что даже ни о чем другом думать не могу. Вы тут прежде не бывали, а значит, вы не осужденные и, стало быть, можете и смыться отсюда. Пожалуй, вы могли бы и меня прихватить.

Род сдвинул брови:

— Я так понял, что здесь — военная тюрьма и Шаклар — ее начальник, только и всего. Как он может отпустить вас?

— Он может сделать все, что пожелает — теперь, — сказала Чорной и злорадно усмехнулась. — ПИСК бросила нас на произвол судьбы четыре года назад — примерно в то самое время, как я здесь оказалась. Эти подонки заявили, что торговля с дальними планетами убыточна — а она действительно убыточна. Речь шла о триллионах термов. А эта каторжная планетка — и вообще сплошные убытки. Куда как дешевле было бы просто поубивать всех преступников. Короче говоря, Вольмар просто-напросто перестали снабжать. Эта новость поступила к нам, как только прибыл очередной грузовой звездолет.

— Что значит «очередной»? — непонимающе спросил Род. — Вы же сказали, что торговля прекратилась.

— Мы и раньше вели небольшую собственную торговлю с рядом дальних планет, но потом Терра перестала нас снабжать новым оборудованием и запасными частями. Так что наш славный губернатор-генерал очень вовремя заключил мир с туземцами.

— Но теперь вы не в состоянии прожить на самообеспечении?

Чорной кивнула:

— Вольмарцы поставляют нам продукты и пряжу, а наши люди занимаются добычей полезных ископаемых и трудятся на производстве. Но главное, что теперь Вольмар — не каторжная планета, а колония. А Шаклар — не только генерал, но и губернатор, поэтому с нами может делать, что его душевнее угодно. Захочет отпустить — отпустит. Весь вопрос в том — куда? — Она махнула рукой. — За этой треклятой Стеной нет ничего, кроме травы и вольмарцев.

— А планету покидать он не позволяет?

— Да нет, почему — не позволяет... Может и позволить, если решит, что можно, и если это будет кому-то по карману. — Чорной пожалала плечами. — Задаром на звездолеты не сажают, сами понимаете.

Род переглянулся с Йориком.

— Ладно, с этим разберемся. В нужное время мы раздобудем наличные.

Йорик кивнул:

— Думаю, эта дама нам пригодится, майор. Очень даже пригодится.

— Прочисти мозги, парень, — огрызнулась Чорной. — Я вам помощь предложила, а не сервис.

— А я ни о чем таком и не думал, — невинно возразил Йорик. — Я имел в виду помощь в плане информации. Я кое-что знаю об этой планете и о ПИСК...

— А кто не знает? — скривила губы Чорной.

— Да, но... Ладно, давайте поговорим о Вольмаре. Вы тут прожили несколько лет и знаете, что здесь и как, и при случае могли бы сориентироваться на местности. Всегда полезно иметь на своей стороне местную жительницу.

Чорной пожалала плечами:

— Я такая же местная, как все прочие. Но по крайней мере знаю, кто здесь кто и где тут принято хоронить покойников. И вдобавок я общалась с вольмарцами.

Гвен сдвинула брови:

— Как это вышло?

— А просто они показались мне безопаснее солдат — и между прочим, это подтвердилось за тот год, что был назначен мне в качестве испытательного срока. За год я побывала во

всех местных племенах и смогла ощутить почву под ногами и немного успокоиться. — Чорной пожала плечами. — Что еще сказать? Получилось.

— Итак, — задумчиво проговорил Род. — Вы готовы помочь нам — если мы поможем вам?

— Да, если вы поможете мне смыться с этой планеты.

— Если получится.

— Да, само собой — если получится. — Чорной нетерпеливо мотнула головой.

— Но если нам удастся покинуть планету, — столь же задумчиво продолжал размышлять вслух Род, — из-за вас мы станем, в некотором роде, мечеными. Это я к тому говорю, что у ПИСК наверняка есть хотя бы один агент на Вольмаре, и если вы исчезнете, он непременно дунет в свисток. И тогда... не успеете вы отлететь дальше одного светового года, как вам «на хвост» сядет наемный киллер.

— Я это отлично понимаю, — резко отозвалась Чорной. — И не стану вас винить, если вы не пожелаете рисковать.

Род пожал плечами.

— Это меня не слишком волнует, — сказал Род и мысленно добавил: «Тем более что мы собираемся смыться отсюда с помощью машины времени». — По крайней мере пока мы на Вольмаре, киллеров нам опасаться нечего, а без вашей помощи мы вряд ли сумеем покинуть планету.

Чорной согласно кивнула:

— Пожалуй, что так. Вы же сами сказали: убийство вольмарца уж больно здорово подгадано. Вполне возможно, что это специально подстроено для того, чтобы вы и ваша жена оказались за решеткой... или безвременно отправились на тот свет.

— Да, у нас есть враги, — согласился Род. — И их гораздо больше бы устроил второй вариант.

— Нас чрезвычайно возрадует твоя помощь, — вступила в разговор Гвен.

Чорной опять одарила ее подозрительным взглядом.

— Благодарю вас, — проговорила она. — Ну, так что мы имеем? — прищурившись, спросила она у Рода.

Род пожал плечами:

— Лиловый труп. — Он с невеселой усмешкой добавил: — И это — подумать только! — при том, что все «лиловые» на месте и сосчитаны по головам.

Йорик развел руками:

— Вот и все, что нам известно. Не сказать, чтобы много.

— Не то слово, — согласилась Чорной. — Нужно узнать побольше, чтобы можно было хотя бы строить догадки о том, чьих это рук дело.

Йорик откинулся на спинку стула, скрестил руки на животе, в глубокой задумчивости пошевелил большими пальцами:

— И все-таки, по сравнению с нами, вас можно считать местным экспертом. Скажите, где мы могли бы раздобыть больше сведений?

— На месте преступления, естественно, — не задумываясь, ответила Чорной.

— О, это не так уж срочно, — протестовала Гвен. — Наверняка у вас много своих забот!

Вероятно, именно слово «заботы» заставило молодого рядового удвоить старания.

— Ой, да будет вам, мэм! Я же с Браксы родом! Мы там только то и делали, что метлы да веники вязали с утра до ночи. — Он оглянулся через плечо и улыбнулся Гвен. — А то как бы еще наши мамы в домах прибирали? — С этими словами он продолжил работу по изготовлению метлы для Гвен. — Вот тут она... одна веревочка развязалась... а нужен хороший квадратный узел завязать. А вы прижмите вот тут, пожалуйста, пальчиком... Ага, вот так...

Гвен сделала, как ее попросил рядовой. Конечно, для этого ей пришлось наклониться и оказаться в непосредственной близости от молодого человека. Рядовой шумно сглотнул скопившуюся слюну и так дернул веревку, закрепляя узел, что та чуть не порвалась.

Покуда Гвен таким образом отвлекала часового, Род бесшумно подбросил вверх веревку так, чтобы петля на ее конце обхватила один из кольев в дюйм толщиной, которыми шетился край Стены. Проверив крепость веревки, Род поманил к себе Чорной. Та, ловко и проворно перебирая руками, взобра-

лась наверх. За ней последовал Йорик, а за ним — Род. Вниз первым спустился Йорик, за ним — Чорной. Род напоследок обернулся, гневно зыркнул на стоявшего к Стене спиной дозорного, развернулся и прыгнул вниз, крепко сжав веревку. Приземлился он удивительно легко, и Чорной вытаращила глаза:

— Как это вам удалось? В смысле — ноги не переломать?

— Опыт у него большой, — пробурчал Йорик. — Пошли, надо убираться отсюда.

Он быстро зашагал от освещенной полосы земли рядом со Стеной к небольшой темной рощице, расположенной футах в пятидесяти. Сигнализация не сработала — рядовой был явно увлечен своим занятием и дамой, ради которой так старался. Род затаил дыхание, стараясь справиться с охватившей его жгучей ревностью. Но тут послышались шелест и шуршание, и, обернувшись, Род увидел, как Гвен идет на посадку, сидя верхом на метле.

Чорной развернулась и повторила слова, которые только что говорила Роду:

— Как это вам удалось?

Род не стал ей отвечать и, дождавшись, когда она ушла вперед, процедил сквозь зубы:

— Надеюсь, этот юнец впоследствии будет считать себя полностью отмищенным за свою доброту.

— Муж мой, умоляю тебя. — Гвен нежно коснулась его руки. — Какой у нас был выбор? Он ведь ни за что не поверил бы барышне Чорной, если бы она попросила его изготовить для нее метлу.

— Что верно, то верно, — коротко отозвался Род. — Позволь поздравить тебя с успешным флиртом — вернее говоря, с образцово проведенным отвлекающим маневром. Но если я еще раз увижу этого сосунка, я ему самолично вспорю печень и кишки выпущу.

— Воистину, супруг мой, ты несправедлив, — укоризненно покачала головой Гвен. — Не забывай, что этот юноша говорил с грамерайской колдуньей, которая, помимо всего прочего, умеет навевать людям нужные мысли и чувства. Так что он не смог бы сделать мне ничего дурного, при всем его желании.

— Во всех смыслах, — вздохнул Род. — И тебе даже не стоило упоминать о своих способностях. Так у меня нет никакого права на него злиться, да?

— Конечно же, нет, — выдохнула Гвен и теснее прижалась к нему. — Однако мы медлим.

— Интересно, откуда это она, черт бы ее побрал, знает, куда идти? — негромко проговорил Род на ухо Йорику. — Понятное дело, у этой планеты есть парочка лун, и потому почти всю дорогу было более или менее светло. Сначала взошла первая, большая луна, и Чорной заставила нас ждать, пока не взойдет вторая, поменьше. Но даже при этом я вижу не дальше, чем на двадцать футов впереди!

— Ну, я-то, положим, вижу получше, — ухмыльнулся Йорик. — Просто вы, *sapiens*, разнежились порядком, вот и все. Слишком много веков прожили в городах с освещенными улицами.

— А Чорной что же, — проворчал Род, — неандерталка, да? Йорик покачал головой:

— Телосложение неподходящее. Тошная. Да и лицо плоское и угловатое. Правда, похоже, несмотря на такую внешность, малышка она славная.

Что касалось Рода, то он считал, что Чорной обладает классической красотой — вернее, обладала бы, если бы ее лицо непрерывно не искажалось враждебными гримасами. А уж назвать ее «тощей» — ну уж нет! Между тем Род понимал, почему она не соответствовала неандертальскому идеалу женской красоты. Относительно же характера и истинной сути этой дамочки он пока сомневался и с Йориком соглашаться не торопился.

— Наверное, ты видишь глубже, чем я.

Йорик пожал плечами:

— Ну, тогда вы, *sapiens*, почти совсем слепые.

Род задумался: уж не вложил ли Йорик в это высказывание двойной смысл?

— Пошли поскорей, — сказал Йорик и зашагал быстрее. — У нас куча важных дел.

Чорной размашисто и легко шла впереди — так легко, словно даже не замечала, что поднимается по склону под углом в

тридцать пять градусов. Когда она наконец остановилась, мужчины догнали ее, задыхаясь и пытаясь. Гвен молча прижалась к плечу мужа.

— Это здесь, — коротко проговорила Чорной и махнула рукой.

Они стояли на вершине гряды холмов, протянувшейся с востока на запад. Вокруг на многие мили под луной раскинулись равнины — бесконечные степи, посреди лишь кое-где темнели бугры небольших рощиц да тянулась линия невысоких деревьев, отмечавшая берег реки.

Род глубоко вдохнул:

— Прекрасное зрелище.

Чорной кивнула:

— Да, днем тут красиво, но думаю, этого дожидаться не стоит. — Она указала в сторону. — Вон оно — то самое Место Приветствия Солнца.

В нескольких шагах от того места, где они стояли, началась вырубленная в камне лестница длиной футов тридцать. На ее вершине была установлена здоровенная каменная глыба. Чорной вынула из кармана куртки небольшой электрический фонарик и направила его луч на этот камень. Сверху камень оказался гладким, с наклонной поверхностью. Дальний его конец поднимался вверх зубцом с восемью глубокими расщелинами. Первая, четвертая и восьмая были глубже остальных.

— Шаманы разных племен приходят сюда по очереди каждое утро, чтобы приветствовать солнце, — объяснила Чорной. — Ритуал это, безусловно, религиозный, но служит весьма практической цели. Каждое утро Шаман Дня следит за тем, насколько близко солнце к одной из более глубоких прорезей. Средняя из них обозначает равноденствие. Здесь год длится шестнадцать месяцев, а две луны за год обращаются вокруг Вольмара по восемь раз. Они по очереди управляют месяцами. Допустим, первая прорезь в камне обозначает день зимнего солнцестояния. Солнце восходит здесь, а здесь оно бывает в день весеннего равноденствия, а к восьмой прорези перемещается ко дню летнего солнцестояния, а потом вновь возвращается к средней прорези во время осеннего равноденствия и вновь уходит к первой прорези.

— Новогодней, — присвоил название первой щели Йорик. Чорной кивнула:

— Тут настает очередь шамана племени «лиловых» наблюдать за солнцем. Когда оно восходит на уровне четвертой щели, он возвращается домой и возвещает, что пришла пора начинать весенний сев. А когда он видит солнце на уровне восьмой щели, он говорит, что настала пора праздника.

— «Сон в летнюю ночь»? — усмехнулся Род.

— Можно и так назвать, — кисло отозвалась Чорной. — Потом солнце начинает обратный путь, и когда оно снова оказывается напротив четвертой щели, шаман говорит своим соплеменникам, что им пора готовиться к уборке урожая.

— А потом — опять зимнее солнцестояние, и так далее, — понимающе кивнул Йорик и опустил на корточки около каменной плиты. — Не могли бы вы посветить своей штуковинной вот сюда, мисс?

— Это можно. Только зови меня «Чорной», ладно? Мы же теперь соратники.

Луч фонарика осветил шероховатую каменную ступень. Йорик провел рукой по камню. Его пальцы замерли около темного пятнышка.

Все на миг застыли и притихли.

Йорик вскоре обнаружил еще одно пятнышко и еще одно.

— Кровь, — негромко произнес Род.

— У меня нет при себе оборудования для химического анализа, — задумчиво проговорил Йорик, — но думаю, ваша догадка очень даже верна. Не поможете мне осмотреть тут все получше, мисс Чорной?

— Ну вот, уже лучше, — проворчала Чорной и медленно повела лучом фонарика вокруг каменной ступени. Тут стояла трава высотой дюйма три.

— Приятно отметить, что траву недавно косили, — сказал Йорик. — Но это практически все, что я вижу.

Род кивнул:

— Никаких следов борьбы. Кем бы ни был настоящий убийца, он сработал на редкость аккуратно.

— Я бы сказал: не по-человечески аккуратно, — уточнил Йорик.

— Не скажите, — поджав губы, возразила Чорной. — Некоторые из моих бывших коллег проявляли потрясающую аккуратность. Я и сама в этом смысле отличалась.

Йорик оглянулся:

— Но кровь на камне указывает на то, что вольмарец встретился со своим убийцей, когда пришел сюда встретить восход солнца.

Род нахмурился:

— Ну да... И что же это... О!

— Вот-вот, — кивнул Йорик. — Кто поднимается к «Месту Приветствия Солнца», чтобы встретить восход?

— Шаман, — выдохнула Чорной.

— Но никто из шаманов не пропал, — заметил Род.

— И что из этого? — пожал плечами Йорик. — Из вольмарцев вообще никто не пропал. Почему тогда речь не может идти о непропавшем шамане?

— А если еще точнее, — негромко добавила Чорной, — почему речь не может идти о самом Гвуне? В конце концов он — шаман племени «лиловых», а они живут ближе всех к этому месту.

— Какая о нем может быть речь, когда он живой? Даже, я бы сказал, слишком живой — на мой вкус, — пробурчал Род и сдвинул брови. — И как, интересно, Гвун может быть одновременно Верховным Вождем вольмарцев и шаманом племени «лиловых»? Слыхал я о работе по совместительству, но слишком ли очевидно это выглядит?

— Тут как раз — никаких проблем, — покачала головой Чорной. — Система правления у вольмарцев — примитивная форма демократии, майор. Очень примитивная. Они просто-напросто садятся в кружок и обсуждают, кому быть вождем. И когда большинство из них соглашается по той или иной кандидатуре, тот человек и становится вождем. Так поступают в каждом клане, и как только клан выбирает себе вождя, он становится лидером. И когда кланы сходятся на собрание племени, в выборах вождя племени принимают участие вожди кланов.

Йорик кивнул:

— И это означает, что вождем всех вольмарцев затем становится вождь одного из племен.

Чорной подозрительно глянула на него:

— У тебя что же, опыт в этом деле имеется?

— Мы, можно сказать, были в этом деле первыми. Ну и, насколько я понимаю, вольмарцы в свое время провели национальное собрание, дабы объединить силы против солдат?

— Нет, ты точно подсматривал. Верно, было такое собрание. Все племена объединились для того, чтобы вести войну.

— Разумно, — понимающе кивнул Йорик. — В конце концов в их истории впервые возник момент, когда им предстояло биться с кем-то еще, а не друг с дружкой.

Гвен поежилась:

— О, неужто мужчинам непременно нужно вечно сражаться?

— Конечно. А как еще мужчине вынудить женщину обратить внимание на него, а не на кого-то другого? — ответил Йорик и снова обратился к Чорной: — Я верно понимаю, что так вольмарцы впервые объединились для чего бы то ни было?

Чорной вытаращила глаза и медленно кивнула:

— Точно. До тех пор, как сюда не начали прибывать заключенные, вольмарцы только тем и занимались, что сражались друг с другом — именно так, как ты сказал.

Йорик кивнул:

— Очень любезно было с вашей стороны помочь вольмарцам в этом плане.

— Вот-вот. Принесли цивилизацию бедным-разнесчастным дикарям, — сверкнул глазами Род. — Меня всегда приводила в бешеный восторг унификация.

Что-то в том, как это было сказано, заставило Чорной скривиться.

— Не заблуждайтесь, майор. Вольмарцы сами решили объединиться, чтобы воевать с нами. Колонисты тут были ни при чем. Это был всего лишь брак по расчету, не более того.

— И наверняка этот брак оказался столь же непрочен, как все подобные союзы. Между тем Шаклар и Чолли, я так думаю, всеми силами старались этот союз упрочить.

— О, само собой, а как же иначе? Шаклару определенно предпочтительно иметь дело с вождем всей нации. Но вольмарцы выбрали вождем Гвуна, а не Шаклара.

— На национальном совете?

Чорной кивнула:

— Сошлись вожди племен — ну, и конечно же, выбрали человека из числа собравшихся. Вот так Гвун, вождь племени «лиловых», стал Верховным Вождем всех вольмарцев.

— Ясно, — кивнул Род. — Но почему вождем избрали шамана, а не генерала... прошу прощения — не полководца? Разве из знахаря может получиться хороший стратег?

Чорной покачала головой:

— Медицина — это только одна часть деятельности шамана, майор. Главное, чем они занимаются, относится к области духовной, ритуальной. Шаман считается избранным, посвященным.

Род брезгливо поежился:

— Не нравится мне, как это звучит. Религия в сочетании с политикой — не самая приятная комбинация.

— Однако именно она очень эффективна, когда стараешься объединить народ, — заметила Чорной. — Это и есть главное занятие Гвуна. А когда дело дошло до войны, к услугам Гвуна были четверо полководцев — по одному от каждого племени. Тактику они взяли на себя, так что за Гвуном осталось последнее слово в плане стратегии.

— Умно, — скривил губы Род. — На самом деле, на мой взгляд, даже чересчур умно.

— Однако избиратели могут в любую минуту взять да и лишить Гвуна его полномочий, — отметил Йорик.

Чорной раздраженно зыркнула на него:

— Все правильно. Но откуда ты знаешь?

— Поглядишь на одну первобытную культуру — считай, что все повидал, — уклончиво ответил Йорик. — Это, конечно, не совсем так, но между ними действительно много общего. Правление по общему согласию — одна из таких общих черт, так же, как и мгновенное переизбрание.

— Точно, мгновенное — с помощью всех имеющихся в арсенале средств. По крайней мере — иногда. На самом деле мне только что пришло в голову, что, вероятно, мы тут имеем дело с импичментом.

Йорик покачал головой:

— Вам, конечно, виднее, но все-таки мне в это верится с трудом. В подобном обществе не одобрили бы столь преда-

тельского убийства. Если бы кто-то пожелал вызвать на поединок главу племени или рода, этот человек так бы и поступил. На самом деле, чем больше было бы у такого человека свидетелей, тем большей поддержкой он бы смог заручиться.

Род кивнул:

— Похоже на правду. К тому же вы сами сказали, Чорной, что некоторые из ваших коллег просто-таки нечеловечески ловки. Дело провернуто настолько аккуратно, что так и хочется назвать это профессиональной работой.

Чорной медленно кивнула:

— Верно. И вооружен убийца был явно неплохо.

Род нахмурился:

— Но при этом не воспользовался бластером. Воспользуйся он этим оружием, крови не было бы.

Чорной покачала головой:

— Киллер-профи ни за что не стал бы применять бластер, майор. Не забываете, все произошло на рассвете. Вспышка бластера была бы заметна. Кроме того, из-за выстрела мог начаться пожар, и тогда уж люди точно бы призадумались. — Она пожала плечами. — Порой гораздо лучше себя зарекомендовывает самое древнее оружие.

— Что ж... — задумчиво протянул Йорик, — в одном можно не сомневаться. — Он встал, выпрямился, отряхнул пыль с ладоней. — Убийца — не вольмарец. Конечно, они — люди вспыльчивые и к тому же ловкие и опытные воины, но в деле убийства они сущие дилетанты. — Он кивнул Чорной. — Это сделал кто-то из солдат. И притом — спецназовец.

— Может быть, и так, — проговорила Чорной, не отрывая взгляда от темных пятнышек на каменной ступени. — Но все же не стоит недооценивать вольмарцев. С тех пор как они начали сражаться с солдатами из числа осужденных, они поднабрались военного опыта. А с тех пор, как Шаклар одержал победу и заключил с ними мир, они и с бластерами неплохо управляются.

— Ничего не понимаю, — пробормотала Гвен. — Никак не возьму в толк: зачем же Шаклар отдает вольмарцам свое оружие, если для него намного выгоднее оставлять такое оружие только у своих воинов?

Чорной пожала плечами:

— Похоже, он думает, что если дело дойдет до войны, колонистов в любом случае сотрут с лица земли — рано или поздно. Вольмарцы настолько превосходят нас числом, что единственная надежда выжить — это надежда на мир с ними.

— А единственный способ обеспечить этот мир, — продолжил ее мысль Род, — состоит в том, чтобы слить две цивилизации в единое, унифицированное общество.

Чорной кивнула и добавила:

— А иметь при этом все бластеры на одной стороне — не самый лучший путь к завоеванию доверия вольмарцев.

— Может быть, так оно и есть, — рассеянно проговорил Йорик, оглядываясь по сторонам. — Но у меня такое чувство, что мы что-то упускаем. Какие-то следы борьбы здесь обязательно должны были остаться. Либо еще какие-то улики, которые ночью не найдешь.

— Совершенно верно, — рассудительно изрек Род. — Если искать с фонариком в темноте, ни за что не разыщешь больше того, что мы уже разыскали. Нужно дождаться утра, чтобы получить ясную картину и увидеть какие-то улики, о которых мы пока не догадываемся.

— Тут есть проблема, — заметил Йорик.

— Верно, господин мой, — подхватила Гвен, устремив взгляд на мужа. — Поутру мы должны явиться к губернатору, в его большой зал. На рассвете.

Род пожал плечами:

— И что? Мы ведь уже удрали из города, верно?

— Верно-то верно, однако он даровал нам свободу, заручившись нашим словом чести.

Чорной остолбенело уставилась на Гвен:

— О чем это она говорит?

— Она хочет сказать, что Шаклар отпустил нас только потому, что мы обещали с утра вернуться, — ответил Род и недовольно поджал губы.

— Это будет бесчестно — если мы не возвратимся.

— Все правильно, но здесь — не Грамерай. Честь тут не очень-то в почете.

Гвен одарила его оскорбленным взглядом. Мало этого, но у Рода мерзопакостно засосало под ложечкой из-за того, что он вдруг почувствовал: он и сам так думает.

— Ладно! Ладно! Придется вернуться в город. Кроме того — одно дело удрать из города, но совсем другое — с планеты.

Гвен нахмурилась:

— Что такое «планета», господин мой?

Чорной не мигая смотрела на Гвен. Род набрал в легкие побольше воздуха.

— Ну... Планета — это мир, милая. Она не плоская, понимаешь? Она круглая, как мяч.

— Не может такого быть! — вскричала Гвен.

Род пожал плечами.

— Пожалуйста, можешь так думать — но прошу, поверь мне на слово. Я явился на Грамерай на «падучей звезде», если помнишь, и уж я-то видел планету с высоты. С очень большой высоты. И она круглая. О, поверь мне, она круглая!

— Он говорит вам правду, — все еще довольно озадаченно подтвердила Чорной. — Мне тоже доводилось видеть планеты из космоса. Они круглые, это точно. Вот как эта, к примеру. — Она указала на одну из лун, которая до сих пор еще светилась на небосклоне. — Это луна, спутник этой планеты. Сама по себе она тоже планета, только очень маленькая. А спутником называется потому, что все время путешествует по небу вокруг Вольмара.

— Вот как... — Гвен сосредоточенно сдвинула брови, стараясь усвоить прежде чуждые для нее понятия. — Но ведь есть и иные миры, верно? Звезды, что тоже странствуют.

— Верно, — кивнул Род. — Это тоже миры. Но большинство звезд — те, что остаются на своих местах. Они называются солнцами, и они похожи на то солнце, что дает нам свет и тепло днем.

— Разве такое возможно? — выдохнула Гвен, широко открыв глаза. — Ну уж нет! Ведь они — всего лишь светящиеся точки!

— Это потому, что они очень далеко, — объяснила Чорной.

— О нет, не может этого быть, — нахмурившись, посмотрела на нее Гвен. — Ведь тогда они должны быть так далеко, что...

Она не договорила. Видимо, у нее голова пошла кругом, когда она осознала, насколько далеко должны находиться звезды.

Чорной, наблюдая на Гвен, медленно кивнула:

— Да, мэм. Это очень далеко. Так далеко, что свет этих звезд доходит до нас за несколько лет.

— Но как же это? — Гвен изумленно переводила взгляд с Рода на Чорной. — Неужто свету нужно время, чтобы странствовать от одного места до другого?

— Все правильно. Свет тоже путешествует. Ты просто поверь нам, милая. Доказать это нелегко. Я хочу сказать... На самом деле это доказано, но доказать это было очень трудно, очень непросто. Свет путешествует со скоростью около ста восьмидесяти шести миль в секунду. За год получается шесть триллионов миль. — Гвен напряженно задумалась. — Не пытайся, милая. Мы не можем себе представить такого огромного расстояния — ни разумом, ни чутьем. От таких попыток только чувствуешь себя униженным и впадаешь в уныние. — Он развернулся к Чорной. — А самая ближайшая к Вольмару звезда отсюда видна очень плохо, правильно?

— Точно. Третья звезда в созвездии Бластера — одного из тех, что мы тут сами наименовали. — Чорной встала рядом с Гвен и указала на небо. — Видите вон там — шесть звездочек образуют неправильный параллелограмм — ну... наклонный прямоугольник.

Гвен посмотрела туда, куда показывала Чорной:

— Да, я вижу эти звезды.

— Это «рукоятка». А от нее под прямым углом тянутся четыре звездочки, видите? Это дуло. Третья звезда от края — наша ближайшая соседка. — Чорной пожала плечами. — На самом деле она никак не называется, у нее просто есть номер на звездных картах. А солдаты прозвали ее «Соседской девчонкой».

— И далеко до нее? — спросил Род.

— Чуть меньше семи световых лет.

— А это значит... — Гвен сглотнула подступивший к горлу ком, — что та звезда, которую я сейчас вижу, на самом деле и не звезда вовсе? Это тот свет, который покинул ее семь лет назад?

— Правильно, — обрадованно кивнул Род. — Мы видим звезду не такой, какая она сейчас, а такой, какой она была семь лет назад. Ты права, права, милая. Может быть, именно сейчас эта звезда взорвалась, но мы об этом не узнаем еще семь лет. — Его жена смотрела в ночное небо, захваченная грандиозностью того, о чем сказал Род. — А планеты, — негромко добавил он, — вращаются вокруг своих солнц, и их путь по форме подобен яйцу.

Гвен обернулась и в изумлении уставилась на Рода:

— О нет! Ведь все наоборот. Это солнце ходит вокруг земли! Я каждый день вижу, как оно восходит и заходит!

Род покачал головой:

— Просто все так выглядит. На самом же деле вокруг солнца вращается планета. — Он описал пальцем кружок. — А теперь представь, что ты вертишься и вертишься вокруг своей оси. Тогда тебе будет казаться, что Йорик вертится вокруг тебя, хотя на самом деле он не двигается.

Гвен посмотрела на Йорика и начала медленно поворачиваться на месте. Сделав два оборота, она сказала:

— Так и есть, — и, остановившись, посмотрела на Рода. — Но если просто смотреть, как же я смогу уразуметь, кто из нас двоих движется — он или я?

Род ахнул. Он знал, что Гвен сообразительна, но все же изумился тому, как быстро она перешла к следующему вопросу. Он не сводил с жены глаз, восторгаясь ее смекалистостью. Наконец он вяло усмехнулся:

— Ну... есть и другие доказательства, милая. Например, если мы посмотрим в телескоп... Если мы посмотрим на другие планеты поближе, мы увидим, как вокруг них обращаются их луны. Тогда становится понятно, почему наша луна вращается вокруг нашей планеты. А уж тогда мы понимаем, что наша планета вращается вокруг солнца — в особенности это становится ясно тогда, когда мы обнаруживаем, что солнце намного больше любой из планет. — Он пожал плечами. — И чем оно больше, тем сильнее оно притягивает к себе.

Гвен долго молча смотрела на него, затем медленно проговорила:

— И по этой самой причине нам столь трудно покинуть эту... планету?

У Рода дыхание перехватило. Он разжал губы, набрал в легкие побольше воздуха и наконец изрек:

— Да. Планета притягивает к себе предметы точно так же, как солнце притягивает к себе планеты.

— А почему же тогда планета не падает на солнце?

— Потому что вращается слишком быстро. Как... — Рода осенило. — Как ты, когда пытаешься поймать Джеффри. Он пробегает мимо тебя, ты успеваешь схватить его, но не можешь притянуть к себе из-за того, что он бежит слишком быстро. С другой стороны, ты держишь его достаточно крепко, и он не может убежать от тебя, и ты держишь его на вытянутой руке. А теперь представь, что он продолжает бежать по кругу, а ты все держишь его. Ты его притягиваешь, и твое притяжение подобно тому, каким солнце воздействует на планеты, а планеты — на предметы на их поверхности. Конечно, с нашей точки зрения это притяжение выглядит падением. Эту силу мы называем гравитацией. Планета притягивает к себе объекты... вот так. — Он притянул Гвен к себе и крепко обнял. — И не желает их отпускать.

Гвен улыбнулась, кокетливо опустила ресницы:

— Но скажи, не притягивает ли и... объект к себе планету?

— Послушай, а ты все схватываешь на лету! Верно, и объект тоже обладает притяжением, но оно слишком слабо, поскольку объект мал. А мы с тобой не слишком различны по размеру.

— Верно, — мурлыкнула Гвен. — Мы хорошо друг другу подходим.

Род успел потерять интерес к лекции по астрономии, но нельзя было забывать о том, что они с Гвен сейчас не одни.

— Ну, так вот... — рассеянно проговорил он. — Ты спросила, почему предмету так трудно покинуть пределы планеты?

Гвен улыбнулась ему:

— А зачем ему этого желать?

— Я и сам не могу придумать зачем, — признался Род. — Но давай представим, что он этого хочет — чисто теоретически. Ну, попробуй.

— Ну, если ты так желаешь... — вздохнула Гвен и рывком отстранилась.

Род немного расслабил руки и позволил жене отойти на несколько дюймов.

— Видишь? Тебе пришлось с силой оттолкнуться от меня. Вот так люди покидают планеты. На летающих кораблях, которые способны с очень большой силой оттолкнуться от планеты.

— Между прочим, они называются «космическими кораблями» или «звездолетами», — вставил свое слово Йорик. — Вы бы, миледи, не позволяли ему говорить с вами как с маленькой.

— У меня и в мыслях такого не было! — с деланным возмущением воскликнула Гвен.

— Корабль, — как ни в чем не бывало продолжал Род, — должен не только с огромной силой оттолкнуться от планеты, но и набрать огромную скорость. Ее называют «скоростью убегания». И как только ты наберешь скорость убегания... — он отпустил руку Гвен, и она покачнулась и по инерции отступила на несколько шагов, — считай, что ты обрела свободу, избавилась от притяжения. Вот так покидают планеты. Понятно?

— Понятно. — Гвен вернулась, пригладила растрепавшиеся волосы. В глазах у нее загорелись боевые огоньки. — Однако не могли бы мы полететь с такой «скоростью», господин мой? Ты и я, вместе?

Род невольно попятился. Еще секунда — и он понял, что Гвен говорит о телекинезе.

— Ну...

За ними со все более нарастающим волнением наблюдал Йорик.

— А-а-а... — вырвалось у него. — Майор, миледи, прошу вас, не принимайте поспешных решений!

— Это возможно, — сказал жене Род. — Мы бы смогли это сделать, милая, если бы соединили наши силы, но тут возникла бы еще одна маленькая проблема. — Он тактично кашлянул и указал на звезды. — Видишь ли, планета притягивает к себе не только нас с тобой. Она притягивает также и воздух, которым мы дышим. — Гвен растерянно смотрела на него. — На высоте около двадцати миль, — указав вверх, продолжал Род, — атмосфера заканчивается. Там — пустое пространство, без ветра, без воздуха. Вот почему Чорной сказала о том, что видела планету из космоса. «Космос» — это и означает пространство. Безвоздушное пространство.

Гвен медленно перевела взгляд на звезды:

— Между ними так много черноты... Но как же там может быть «пространство» без воздуха? Разве воздух — это и не есть пространство?

Род покачал головой:

— Воздух — это вещество, как вода, — только легче и не такое плотное. Воздух покрывает всю поверхность планеты, но только потому, что его удерживает сила притяжения. И чем дальше ты уходишь от поверхности, тем слабее сила притяжения, и в конце концов она становится настолько слабой, что не может удержать даже воздух. И когда это происходит, когда в пространстве нет совсем ничего, такое пространство называется «вакуумом». Это значит также, что в вакууме нечем дышать. Поэтому, милая, даже если бы мы смогли взмыть в такую высь, долго бы мы там не протянули.

Гвен оторвала взгляд от неба и посмотрела на мужа, но в глазах у нее словно бы остались звезды.

— Как дивно, — выдохнула она. — Я готова поверить тебе, господин мой. И все же я верю и в то, что вместе мы могли бы что-то придумать.

Чорной раздраженно покачала головой:

— Неужели вы не можете придумать ничего получше, чем слишком доверять мужчинам?

— Нет, — с улыбкой взглянула на нее Гвен и прижалась к Роду. — И думаю, другим мужчинам мне доверять не придется.

Роду ее слова были очень приятны, тем более что ему стало весьма не по себе из-за того, насколько быстро Гвен схватывала такие сложные понятия. Уж слишком она была сообразительна при том, что все, о чем они сейчас говорили, было совершенно чуждо тому миру, в котором жила Гвен. Роду даже начало казаться, что Гвен умнее его. Одно дело, что он понимал средневековую цивилизацию, но совсем другое — то, что Гвен, женщина Средневековья, понимала его мир.

— Ну, все, хватит болтать про космос, вакуум и преодоление гравитации, — проворчала Чорной. — У нас другая проблема: здесь надо бы осмотреться днем, а вы, майор, и ваша жена должны до рассвета вернуться в город.

— Ну, тут-то как раз все ясно. Должны остаться либо вы, либо я, — вмешался Йорик. — И если вы извините меня за мой мужской шовинизм...

— Не извиню, — резко бросила Чорной. — Я вам уже говорила: у меня есть опыт общения с вольмарцами. Со мной все будет в порядке, можете мне поверить — тем более что я никогда не скрывала от туземцев, что мне не очень-то нравится, как ведут себя колонисты. Вольмарцы меня слушали и мало-помалу стали относиться ко мне теплее. Нет-нет, не то чтобы они стали ко мне подкатываться, не переживайте. У них свои понятия о красоте, и я их идеалу не соответствую.

Род прикусил язык, чтобы ничего не сказать.

— Однако вольмарцы стали смотреть на меня как на возможную союзницу в лагере Шаклара. Нет, конечно, я бы ни за что не предала солдат, — заверила своих новых товарищей Чорной, и по ее лицу пробежала тень, — и надеюсь, этого не произойдет. А еще больше я надеюсь на то, что меня не заставят это сделать... Но как бы то ни было... — Она выпрямилась, ее глаза сверкнули. — Короче говоря, можете быть спокойны: со мной ничего дурного не случится. Увидимся в городе.

— С точки зрения дипломатии это выглядит несколько странно, — нахмурившись, проговорил Род. — С их стороны, в смысле. Подобная государственная изворотливость как-то плоховато сочетается с обычными понятиями о необразованных дикарях.

— Шаклар и Чолли со страшной силой стараются их просвещать, чтоб вы знали, — фыркнула Чорной. — Торговцы Чолли — на самом деле замаскированные учителя.

— Вот оно что! — Род запрокинул голову. В сознании у него начали укладываться на места многие кусочки головоломки. — Вот почему он не слишком много выручает от своего фармацевтического бизнеса.

Чорной кивнула:

— Вроде того. Его торговцы держат очень низкие цены на свои товары, а вольмарцам платят очень хорошо, поэтому те с превеликим удовольствием снова имеют с ними дело и всегда готовы поговорить о том о сем. Торговцы приохотили их к учебе и дают им весьма современное образование, в

курс которого входят и политические науки. Начинают они с Макиавелли.

Род заметил, что Йорик открыл рот, и поспешно проговорил:

— Стало быть, вольмарцам открыта сущность технически развитой цивилизации — включая возможность предательских ударов сзади?

Чорной снова кивнула:

— И еще многое, чего от них и не ожидаешь. Но в этом есть определенное преимущество: перед вольмарцами открывается долгосрочная перспектива.

— И поэтому они проявляют прозорливость и оберегают потенциальную союзницу.

— Верно — покуда сохраняется перемирие. А оно сохранится как минимум до тех пор, пока не завершится суд над вами.

— А вы вернетесь до этого времени?

— Да, — ответила Чорной. — Как только станет немного светлее, я осмотрю окрестности. А сразу после рассвета возвращусь на цивилизованную сторону. Если опоздаю и не смогу присоединиться к вам до того, как вы войдете в зал суда, то приду прямо туда. — Ее улыбка стала строже. — Я вернусь, не переживайте. Вернусь обязательно. А теперь идите, ребята... Ну, чего вы ждете? Ступайте же! Вперед!

Гвен, Род и Йорик медленно развернулись и стали спускаться с холма.

— Как думаете, ей вправду ничто не грозит? — озабоченно спросила Гвен.

Йорик пожал могучими плечами:

— Как знать... Все-таки эти парни — дикари, хоть и синтезированные... А вы что скажете, майор?

— Я думаю, что они — мужчины, — ответил Род. — И еще думаю, что Чорной хорошо понимает, насколько она — женщина, что бы она там ни говорила насчет их понятий о красоте.

— Это верно, — согласилась Гвен. — Кроме того, я не испытываю сомнений в том, что она способна одолеть любого воина, который осмелился бы напасть на нее.

— Да, пожалуй, их силы будут равны.

— Я бы так не сказал, — осклабился Йорик. — Она, как-никак, профессионал.

Гвен оглянулась назад, озабоченно сдвинув брови, и вдруг ахнула и застыла на месте.

Йорик и Род взволнованно обернулись.

Чорной стояла на вершине холма, раздевшись догола. Ее тело блестело, озаренное луной. Она провела кончиками пальцев по плоской коробочке и чем-то намазала предплечье. Кожа сразу стала темнее.

— Краска... — пробормотал Йорик. — Готов побиться об заклад — лиловая, майор.

— А я готов утверждать, что это мы выясним только завтра. — Род отвернулся и покачал головой. — Вперед, друзья. Почему-то теперь я уверен, что с ней действительно все будет в порядке.

— «Говорила ртуть водичке: упардонь, что я плотней», — усмехнулся Йорик, прищурился, посмотрел на Рода, потом — на Гвен и снова — на Рода. — Но позвольте все-таки поинтересоваться: если можно было перебраться таким способом, зачем понадобилось устраивать этот спектакль с дозорным, когда мы выбирались из города?

— Ради того, чтобы Чорной не узнала, что мы — волшебники, — пояснила Гвен и решительно взяла Йорика под руку.

— Вот-вот, — подтвердил Род. — Ты-то знаешь, кто мы такие, а Чорной, наверное, даже не верит в экстрасенсорную перцепцию. Тем более она не догадывается о том, что мы с Гвен ею обладаем.

— Понятно, — кивнул Йорик. — Не стоило шокировать бедную малютку, верно? А то она еще подумала бы, что угодила к врагам.

— И конечно, ее добровольное желание остаться — необычайная удача...

— Еще бы. Теперь я понял: Я вообще-то сообразительный.

— Кое в чем ты очень сметлив, — подтвердила Гвен.

— Ладно, ладно, у всех нас есть свои слабые места, — торопливо проговорил Род. — Ну а теперь, скажи мне, Йорик, как агент агенту: как ты думаешь, удастся ли Чорной разузнать больше того, что мы уже знаем?

Йорик неуверенно пожал плечами:

— Трудно сказать. Честно говоря, я и не особенно рассчитывал на то, что мы обнаружим какие-то улики на месте преступления, но кто знает?

— Верно, верно, — кивнул Род, не отрывая глаз от верхнего края стены. — С другой стороны, она явно решила опросить нескольких вольмарцев.

— Ну да, по крайней мере — Гвуна, — рассудительно произнес Йорик. — Он ведь обязательно должен явиться туда на рассвете, чтобы приветствовать солнце.

Род болезненно поежился:

— Как подумаю про этого малого — так мурашки по коже.

— Верно, от него веет холодом, — подхватила Гвен.

— А ведь это странно — для человека из родоплеменного общества, — отметил Йорик. — Что-то в нем есть такое... не совсем человеческое, я бы так сказал.

— Кто бы говорил, — хмыкнул Род.

— Может, обойдемся без расовых намеков, а? — буркнул Йорик. — Но я так думаю: кто бы он ни был, хоть и рыба, Чорной выудит из него все, что он знает, до последней унции. В конце концов мужчина есть мужчина.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — согласился Род, — и ни на секунду в этом не сомневаюсь. Я всего лишь опасаясь, что ей не придется слишком долго выуживать из него информацию только потому, что ее слишком мало, вот и все.

— И то правда, — кивнул Йорик и, задрав голову, посмотрел вверх, на Стену. — Главная информация находится там. Вот только бы узнать, где ее искать. Но давайте подумаем, майор и миледи, кто, кроме вас двоих, мог желать смерти вольмарца?

— Прежде всего замечу, что как раз у нас-то никаких причин желать ему смерти не было, — фыркнул Род. — Но самый очевидный ответ: ВЕТО или ИДИОТ.

— А может, и те и другие, — буркнул Йорик.

— Словом, какие-то футурианцы. Они попытались прикончить нас с Гвен, но мы оказали им настолько достойное сопротивление, что в итоге они решили забросить нас в прошлое.

— И это не самое неразумное решение с их стороны, — заметил Йорик. — В том смысле, что без посторонней помощи вам очень трудно вернуться в будущее.

— Ну уж нет! — возразила Гвен. — Рано или поздно мы бы непременно вернулись в тот год, из которого нас похитили. Но вернувшись, мы были бы людьми, умершими пять сотен лет назад...

— Ну, согласитесь, это создает определенные проблемы, — кивнул Йорик. — В таком состоянии веселенького мало. Но тут возникает вопрос о том, почему вас зашвырнули именно сюда и именно в это время.

— Вольмар, — сосредоточенно сдвинул брови Род. — Сразу после переворота, учиненного ПИСК... — Он уставился в одну точку. — Хороший вопрос...

— Ежели ты спрашиваешь, стало быть, у тебя имеется ответ, — не спуская глаз с Йорика, проговорила Гвен.

Йорик искоса глянул на нее:

— И где вы ее только раздобыли, майор?

— Мне просто повезло, наверное... Ну, так каков твой ответ?

— Это было сделано для того, чтобы легче было предпринять еще одну попытку покончить с вами, — сказал Йорик и усмехнулся. — А для этой цели как нельзя лучше подходят первые годы правления ПИСК. Межзвездная тоталитарная администрация только-только взяла бразды правления в свои руки, она полна сил. Множество агентов состоит на службе у этой власти, но пока они не собраны в организацию типа тайной полиции, подчиняющейся центральным планетам.

Род кивнул и, запинаясь, проговорил:

— Верно... При таком раскладе... преимущества на их стороне... Но почему они выбрали одну из фронтирных планет? Почему не Терру?

— Там намного труднее было бы скрыть покушение на вашу жизнь. Слишком много лишних свидетелей.

— Допустим, но кому на Терре какое дело до нас?

— Правильно подмечено, — рассудительно изрек Йорик, — но следует обратить внимание и на то, что чем больше народу на планете, тем легче вам было бы там затеряться. А вас футурианцы слишком хорошо изучили для того, чтобы полагаться на вашу неосмотрительность.

— Хорошо, пусть так, — согласился Род. — А здесь, среди бескрайних степей, нам затеряться намного труднее.

— И даже в городе, — добавил Йорик, — каким бы он ни был.

— Однако они уже пытались нас убить, — отметила Гвен, — но это им не удалось. Не разумно ли им было бы испытать нечто похитрее?

— Типа обвинения нас в убийстве? — кивнул Род. — Пожалуй, ты попала в точку, милая.

— Само собой, хорошенький маленький смертный приговорчик их устроил бы на все сто, — глубокомысленно протянул Йорик, — тем более что банда дикарей наверняка будет настаивать на том, чтобы казнь ни в коем случае не заменяли чем-нибудь погуманнее — типа пожизненного заключения.

Род фыркнул.

— Дело ваше, — чуть обиженно проговорил Йорик. — Но гипотезы лучше этой у меня нет. А у вас есть на примете какие-нибудь кандидатуры, майор? Кто еще мог бы стоять за инсценировкой этого убийства?

Род не отрывал гневного взора от верхнего края Стены. Наконец он выдавил:

— Шаклар.

По Стене прошел часовой. Его силуэт на фоне звездного неба казался непроницаемо черным.

Все трое замерли и молча следили взглядами за часовым, покуда тот не скрылся за поворотом Стены.

— Вперед! — прошипел Род и, закрыв глаза, сосредоточился на ощущении легкости. Через пару мгновений его ступни оторвались от земли. Гвен, стараясь не отставать от мужа, поднялась вверх, сидя верхом на метле. Они набрали скорость и поднялись выше... еще выше. Йорик скрипнул зубами.

Вскоре они перелетели через стену и пошли на посадку, крепко держа Йорика под руки. Как только ноги неандертальца коснулись земли, он поспешно отдернул руки — так, будто его держали раскаленными щипцами. Затем он встряхнулся, шумно выдохнул и повернулся к Роду с радостной улыбкой:

— Ну вот! Так почему вы заподозрили генерала Шаклара?

— Давай поговорим об этом тогда, когда отойдем подальше от Стены, — предложил Род и бросил опасливый взгляд в сторону пандуса, ведущего вверх. — Пошли, скорее!

Троица быстро пересекла пятьдесят ярдов открытого пространства и оказалась в густой тени, отбрасываемой зданием. Здесь спутники остановились, чтобы отдышаться, и прижались спинами к стене.

— В конце концов, — запыхавшись, выговорил Йорик, — из-за этого дурацкого убийства могло пойти прахом все, чего Шаклар достиг за десять лет. Еще бы чуть-чуть, и он смог бы собрать две стороны под эгидой единого правительства. Зачем бы он стал рисковать и подстраивать это убийство?

— Для того, чтобы завершить свой труд, — усмехнулся Род. Йорик и Гвен недоуменно вытарашили глаза. — А вы подумайте, — предложил им Род, чрезвычайно довольный собой. — Мы с Гвен предоставили ему прекрасную возможность ускорить создание объединенного правительства. Мы тут новички, и никто не станет сильно горевать, если нас отдадут на растерзание вольмарцам. И если это произойдет, доверие дружественно настроенных вольмарцев к Шаклару еще более укрепитя, и он сможет переговариваться с ними, как со сплоченной нацией. Ему нужно будет сделать единственное: показать вольмарцам, что они имеют такое же право на участие в судилище над нами, как колонисты. Вот и будет у Шаклара первый опыт применения объединенной власти, которую он всеми силами старается сформировать.

— Ну хорошо, допустим, что все так, — кивнул Йорик и поджал губы. — Но что, если затея провалится? Что будет, если вам удастся исчезнуть, или вы вдруг ухитритесь доказать, что невиновны, или — мало ли еще что? Тогда он получит гражданскую войну.

— Не сказать, чтобы такую уж гражданскую, — усмехнулся Род. — Думаю, если бы ему это было нужно, он бы смог протащить приговор «невиновны». Сейчас на Вольмаре достигнуто более или менее пристойное равновесие. В некотором роде колонисты и туземцы даже нуждаются друг в друге, в том, что им может предложить противоположная сторона. Шаклару только нужно найти подходящее оправдание для того, чтобы все было забыто.

— Ну да, что-то такое, чтобы спасти лицо, — задумчиво кивнул Йорик. — А вы о дипломатической карьере никогда не задумывались, майор?

Род был готов ответить, но его опередила Гвен:

— Быть может, Шаклар приказал своему наемнику переодеться вольмарцем?

— Да, это не исключено, — отозвался Род, не отрывая глаз от Йорика, и кивнул. — И футурианцы такое вполне могли изобразить.

Йорик кивнул в ответ:

— Очень может быть, майор.

— Что ж, — проговорила Гвен, подбоченилась и глянула поочередно на обоих мужчин. — Мы имеем два заговора, и каждый из них может быть истинным. Но как же мы выясним, какой из них истинный, господа?

— Вполне может оказаться и так, что мы ошибаемся и в первом, и во втором случае, — пожал плечами Род. — Нужно раздобыть побольше информации.

— Вот-вот, мы снова к этому вернулись, да? — рассеянно произнес Йорик и почесал висок указательным пальцем.

— Но как же ты намереваешься изыскать потребные тебе сведения, господин мой? — спросила Гвен.

— Надо отправиться туда, где люди разговаривают, само собой, — ухмыльнулся Йорик. — Выпить не желаете, майор?

— Очень хочу, но... — Род обменялся взглядом с Гвен. — Даже не знаю, стоит ли нам втроем показываться у Чолли.

Йорик развел руками:

— Ну, тогда придется мне взять это на себя. И что же? Я разве боюсь? Я разве робею из-за того, что кровожадные вояки могут принять меня за шпика? Нет! А разве я жажду славы? Разве я прошу благодарности?

— Просишь, просишь. Просишь в десятой степени. О'кей, мы тебе несказанно благодарны. Мы тебя будем восхвалять, превозносить до небес! Мы даже будем готовы написать тебе похвальное рекомендательное письмо! Но как ты думаешь, что такого ты сможешь там услышать, что будет достойно внимания?

Йорик пожал плечами:

— Если бы я это знал, мне бы не пришлось никуда ходить. Но никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. А вдруг кто-то неожиданно разбогател? А если так, то откуда бабки? О, жизнь полна неожиданностей!

Род покачал головой и усмехнулся:

— Все может быть. Но не забывай: все это пока только догадки. Могло быть и так, что вольмарец попросту покончил с собой. О нашем гипотетическом киллере даже слухов не ходит.

— Не волнуйтесь. Со слухами я буду особенно осторожен, — осклабился Йорик. — Ну, все, отбываю в кафешку, майор. С вами встретимся, как только начнет светать.

Он учтиво поклонился Гвен, развернулся и исчез в темноте.

— Надеюсь, то будет свет истины, — пробормотала Гвен.

— Славно подмечено, — признал Род. — Как ты думаешь — не последовать ли нам за ним? Тайно, само собой.

— Несомненно, — решительно кивнула Гвен. — Кто еще способен последовать за человеком более тайно, как не мы с тобою? — С этими словами она взяла мужа под руку, и они углубились в ночную тьму и пошли по мысленному следу Йорика.

— Но нет ли тут великой опасности, господин мой? Ведь, если на то пошло, мы могли бы преспокойно устроиться в каком-нибудь убежище и слушать разумом своим.

— Это верно, — кивнул Род и, подняв голову, на миг заглянул в окно кафешки «У Чолли». — Но понимаешь... не могу удержаться — ужасно хочется поглядеть на этого клоуна-здоровяка в действии. К тому же мы находимся по другую сторону от входа и скрыты темнотой. Здесь нас никто не увидит. Здание оборудовано канализацией... Я хотел сказать: помои тут на улицу не выливают и уборная тоже внутри, так что вряд ли кто-то выйдет из задней двери.

А Йорик тем временем мало-помалу подводил разговор все ближе и ближе к теме политики.

— Выпьем за наших вольмарских братьев! — предложил тост широкоплечий капрал и поднял кружку.

— Ага, и за наших вольмарских сестер, — подхватил рядовой.

Капрал пожал плечами:

— Считай их сестрами, ежели тебе так охота. Что до меня, то я предпочитаю более близкие отношения.

Его шутка была встречена общим дружным хохотом, только пожилой сержант пробурчал:

— Отношения, не отношения... Понимал бы чего! Насчет случайных связей у этих вольмарцев ой как строго! Соблазнитель-тей пристреливают на месте.

Йорик воспользовался моментом и предложил свой тост:

— Выпьем за женщин. Да не откажутся они от тех, кто их достоин!

Кто-то хихикнул, но тут же умолк. Наступила гробовая тишина. Солдаты молча переглянулись.

— Да ты, видать, не знаешь тут ни хрена? — хмуро проговорил сержант.

Йорик сдвинул брови, пожал плечами:

— Я тут недавно. Ну распахнутся вольмарцы маленько — и что с того?

— Что с того? Он спрашивает — что с того! — проворчал один из рядовых постарше. — Не было тебя здесь, приятель, когда мы взаправду воевали, вот что я тебе скажу. Не видал ты, как эти паршивцы шли против нас со своими треклятыми копиями и выпускали нашим ребятам кишки!

— Во-во, и руку тебе не отрубали, — проворчал безрукий ветеран.

— Вот именно, — кивнул седоватый сержант. — А еще ты не слыхал, как они дико вопят — так вопят, что уши закладывает. И не доводилось тебе уйти в бой с сотней ребят, а возвращаться за Стену с десятком. Возвращаться! Позорно драпать, а кругом копы да стрелы свистят!

— Так что не надо их недооценивать, — буркнул капрал. — Дерутся они как звери.

— Да уж, и не трусы они, это точно, — пробасил другой. — А стрелами и копьями вольмарцы людей убивают так же верно, как можно прикончить лучом бластера, парень. И не увернешься от них, когда они налетают тучей.

— Какие у нас были потери? — рассеянно проговорил седой сержант и уставился в свою пивную кружку. — По десятку в день? По шестьдесят человек в неделю? Или по сотне?

— Вот так и тянулось — год за годом, год за годом! — воскликнул другой сержант, которому на вид было под сорок, и брякнул кружкой по стойке. — И мы не желаем, чтобы это жуткое время вернулось. Ни за что на свете не желаем! Ни за какие деньги!

Род в ужасе узнал в нем Талера.

— Ну... — задумчиво протянул седой сержант, — даже я бы не стал такого заявлять. Я бы, пожалуй, от кое-каких бабок не отказался бы.

— Да и я бы тоже, — признался сорокалетний. — Но чтобы вся эта жуть не повторилась, не грех кое-что и приплатить. — Он огляделся по сторонам. — Что такое какие-то две жизни в сравнении с теми тысячами, которые отнимет война? А? Я вас спрашиваю: что такое какие-то две жизни?

В зале стало тихо. Наконец голос подал седой ветеран.

— Верно-то оно верно, — протянул он. — Да только отвертятся они на суде, как пить дать.

— Ну, это только ежели они невиновны, — поспешил встать Йорик. — Я, само собой, Шаклара, в отличие от вас, знаю недавно, но надеюсь на его справедливость.

— Виновны они, не виновны, кому какое дело? — прорычал Талер и развернулся к Йорику. — Если их отпустят, вольмарцы взбесятся и тут же сполчатся против нас. И уж на этот раз у каждого из них в руке будет бластер, а не копье!

По бару пробежал взволнованный ропот. Большинство вояк поежились. Стало тихо.

А потом кто-то заявил:

— Убить их надо, вот что.

И снова наступила сдавленная пауза.

— Точно, — нарушил тишину еще кто-то.

— Верно, прикончить их — и дело с концом!

— Что такое какие-то двое замухрышек, когда будут спасены тысячи!

— Да! Отдадим вольмарцам поутру их трупы, и они уберутся прочь!

Седой сержант нахмурился и покачал головой:

— Но когда Шаклар узнает...

— Не станет он шуметь, — злорадно осклабился Талер. — Что такое мертвецы в сравнении с живыми? Ну побледнеет наш Шаклар, но сказать — не-а, ничего не скажет.

— Но они же ни в чем не виноваты! — горячо возразил Йорик.

— И те, кто во время войны погибнет, тоже не виноваты ни в чем! — гаркнул Талер. — И сравни-ка сам, малый: два невинных или тысяча? Смекаешь?

— Но как же справедливый, беспристрастный суд? — не унимался Йорик. — Вы что же, самосуд решили учинить?

— Они — это не я, — осклабился Талер. — И никто из нас. Ответом ему был дружный, согласный гомон.

— Но... — постучал по стойке пальцем Йорик. — Если вы их продадите ради мира, что же будет, если в один прекрасный день в чем-то обвинят кого-то из вас?

— Ой, вот заладил... — проворчал седой сержант.

— Ну, ты чего, хмурик, нарываешься, да? Войны захотел? — Талер смерил Йорика взглядом с головы до ног, словно хотел понять, какой длины тому потребуется гроб. — Ага, небось повоевать захотелось — мочи нет как охота. Ты ж никогда пороха не нюхал, да? Желаеться, чтобы кровь тебе пустили?

— Ничего я такого не желаю! — огрызнулся Йорик. — Мне самому тоже досталось по полной программе. Повалялся по больницам не с одной царапиной, а что получил я их во время «полицейских операций» — так это только так называется.

— А я ни одному твоему словечку не верю, — заявил Талер, прыгнул с табурета возле стойки и подошел к неандертальцу вплотную. Его глазки налились кровью. — Что-то мало ты смахиваешь на драчуна. А вот на того, который пожелал бы, чтобы за него другие передохли, ты очень даже смахиваешь.

— Хватит болтать! — крикнул кто-то. — Пойдем схватим их!

— Да!

— Ага! Схватим и поджарим!

— И поднесем вольмарцам на тарелочке!

— Точно!

— Ты попался, малый, — процедил Талер сквозь зубы, сверля Йорика глазами. — Пошли с нами, а иначе мы посчитаем, что ты против нас, что ты готов предать всю колонию!

— С вами? — вытаращил глаза Йорик, но тут же проворно слез с табурета. — Да я не только с вами пойду! Я видел эту парочку, когда сюда шел. Они искали, где бы им спрятаться. Пойдемте, и я покажу вам, где их искать.

Талер выпучил глаза, но в следующий миг расплылся в улыбке:

— Пошли!

Йорик протолкался сквозь толпу и направился к выходу.

Род и Гвен быстро обменялись ошеломленными взглядами, вскочили и припустили от кафе на полной скорости.

«Куда, господин мой?» — прозвучал в сознании у Рода встревоженный голос Гвен.

«Куда угодно, — мысленно отозвался Род и в отчаянии огляделся по сторонам. — *Вон туда!* — Он указал на две большие пустые бочки, лежавшие на боку. — *Сядь на корточки!*»

Гвен послушно опустилась на корточки, прижала к себе метлу, зажмурилась. Род поднял бочку и бережно накрыл ею Гвен. Затем он присел рядом и, уставившись на вторую бочку, сосредоточился на ней, напрочь забыв обо всем остальном. Бочка медленно оторвалась от земли, поднялась в воздух и накрыла собой Рода. Род расслабился, уселся поудобнее, прислонился спиной к стенке бочки. Закрыв глаза, он весь обратился в мысленный слух. На происходящее он смотрел как бы глазами одного из не самых смысленых солдат.

Йорик выбежал из кафешки во главе толпы линчевателей.

— Пошли! — крикнул неандерталец. — Я покажу вам, где видел их в последний раз!

В сознании у Рода зазвучали мысли Гвен:

«Как только он мог так быстро предать нас и переметнуться на сторону врагов?»

«Не знаю, — угрюмо отозвался Род, — но я уже придумываю для себя новое увлечение. Резьбой, к примеру, можно заняться...»

Гомон толпы стих вдаль, но мысли вояк продолжали звучать в сознании у Рода и Гвен. Солдаты некоторое время очумело бежали вперед, но затем замедлили шаг — порыв энтузиазма начал иссякать. В мыслях у «среднего» солдата появились сомнения типа: «Что это я такое творю? Куда-то бегу посреди ночи, а зачем?»

Но тут впереди прозвучал голос Йорика:

— Вон они! Скорее, за ними!

«Средний» солдат тут же прибодрился. Горя от волнения и кровожадно вопя, он бросился следом за своими товарищами. Они свернули влево, выбежали на темную улицу и бежали по ней еще несколько минут. «Средний» солдат изможденно, хрипло дышал. В голову ему снова полезли сомнения.

Йорик прокричал:

— Туда! Между вон теми двумя домами! Я видел, как они туда побежали! За ними, быстрее!

Солдат снова взбудоражился и помчался вперед вместе с соратниками. В крови его бушевал раж погони.

Толпа бежала по улице... и бежала... и бежала...

Род направил поток мысли на бочку. Бочка приподнялась. Род повернул голову и увидел, как бочка, под которой пряталась Гвен, тоже взлетела вверх и, упав, опрокинулась набок. Супруги виновато переглянулись.

— Как только мы могли в нем усомниться? — смущенно пробормотала Гвен.

— Легко. Я никогда не доверял тем, у кого всегда хорошее настроение. Но в данном случае я ошибся. Смертельно ошибся.

— О, хвала Небесам, не смертельно!

— Но уж точно глупо. — Род поджал губы. — Что же со мной станет, если я буду продолжать сомневаться в своих истинных друзьях?

— Мы отплатим ему, — заверила мужа Гвен, — тем, что останемся в безопасности.

— Верно, — согласился Род. — Ведь именно этого он сейчас и добивается. И кстати говоря... — Он обернулся, посмотрел на кафе, и его глаза задорно сверкнули. — А ведь он, можно сказать, купил для нас время, верно?

Гвен в первое мгновение удивилась, но тут же улыбнулась:

— Верно, супруг мой. Однако не слишком ли ты петушишься? Стоит ли так искушать наших врагов?

— Насчет «петушиться», — усмехнулся Род, — это ты хорошо сказала. Знаешь, что-то во рту пересохло ужасно. Давай промочим горло, а?

— Конечно, если ты так хочешь, господин мой, — отозвалась Гвен и решительно взяла мужа под руку.

— Ведь, если на то пошло, все, кто жаждал нашей крови, оттуда убрались, правильно?

Супруги Гэллоугласс обошли здание бара, подошли ко входу, расправили плечи и одновременно, твердо и бесстрашно переступили порог. Бармен, возившийся за стойкой, поднял голову, чтобы посмотреть, кто вошел, и вытаращил глаза от изумления.

Пятеро-шестеро завсегдатаев, оставшихся за столиками, дружно обернулись, чтобы выяснить, что могло так удивить Чолли — ну и, само собой, глаза у них тоже полезли на лоб.

Чолли же тем временем справился с собой и возобновил прерванное занятие: принялся протирать стойку.

— Рад вас приветствовать, мистер и миссис! Чего желаете?

— По пинте пива, — ответил Род и забрался на высокий табурет возле стойки. Гвен устроилась рядом с ним, положила руки на стойку: ни дать ни взять — воплощенная невинность. Род с ухмылкой обвел взглядом посетителей, и у тех явно дух перехватило. Они ухитрились, правда, ответить ему вымученными усмешками и поспешно возобновили процесс распития спиртного.

Чолли водрузил на стойку перед Родом и Гвен кружки с пышными шапками пены, и Род устремил свой взгляд на пиво, которое в этот миг казалось ему намного приятнее и важнее, нежели что-либо и кто-либо еще. Он отпил чуть не полкружки одним глотком и, довольно выдохнув, осведомился:

— Ну, какие тут у вас новости?

Завсегдатаи еще более сосредоточенно стали употреблять заказанное пиво и виски.

— О, — пожал плечами Чолли, — ничего такого особенного. Те ребята, что дежурят на Стене, поговаривают, будто бы вольмарцы подтягиваются и встали лагерем на расстоянии выстрела из бластера... Ну, что еще? Человек эдак двадцать — тридцать из них вопят, крови жаждут... Генерал отправил к Стене командиров, чтобы те напомнили ребятам, где их боевые позиции...

Род кивнул:

— Ночь богата событиями, да?

— Не то слово, — хмыкнул Чолли. — То и дело приходят новые слухи.

— Да-да, вот, кстати, о слухах... — Род многозначительно поднял указательный палец. — О Шакларе ничего не слышно?

Чолли озадаченно глянул на него:

— О генерале-то? А что про него должно быть слышно?

Род пожал плечами:

— Ну, так... Если вы меня спросите, так я скажу, что он довольно-таки спокойно, даже, я бы сказал, хладнокровно все воспринимает.

— А мы — нет, — встрял в их беседу молодой солдат.

Род снова пожал плечами:

— Это понятно. А он что, всегда такой хладнокровный в пору кризисов?

— Вообще-то да, — медленно протянул Чолли. — Помнится, я видел, как он раз здорово расписиховался, когда не мог найти свою плетку, а так, в целом — нет, не замечал, чтобы он сильно тревожился по какому-нибудь поводу.

— Плетку? — переспросил Род и сдвинул брови. — Ведь вы вроде бы говорили, что он запретил телесные наказания.

— Запретил, — глядя на него в упор, ответил Чолли. — Да только кто же может арестовать губернатора-генерала, а? *Quis custodiet ipsos custodes**, молодой человек?

— Ну да, ясное дело — кто станет судить судью, и так далее... — Род понимающе кивнул. — Это я понимаю.

— Но без веской причины генерал никогда никому ничего плохого не сделает, — поспешно заверил его Чолли.

— Никому, говорите? — задумчиво повторил Род. — Это, я бы сказал, радует.

— А как же иначе-то? — осклабился капрал лет пятидесяти.

— Он всегда справедлив, — на всякий случай добавил Чолли.

— Угу. Я бы даже сказал, чересчур справедлив, — проворчал пятидесятилетний капрал.

— И все, что он делает, он всегда делает ради наибольшего счастья почти что всех — как говаривал Иеремия Бентам**.

Роду не очень понравилось ограничение «почти что».

— А мне казалось, что у Бентама было написано о «наибольшем счастье наибольшего числа людей», — возразил он.

— Ну, так ведь это и означает: «почти что всех», разве нет?

— Пожалуй, это даже лучше, чем то, на что надеялся Бентам, — признал Род. — Лишь бы все были живы.

— Прогресс без жертв не обходится, — вздохнул Чолли.

— А прогресс имеется, — пробасил седой ветеран. — Как же с нашим генералом, да и без прогресса? Каждый год наша жизнь все лучше и лучше.

* Кто станет сторожить стражей (*лат.*).

** Бентам Иеремия (1800—1884) — английский философ, экономист, юрист, родоначальник утилитаризма, утверждающего в качестве основания этики и оценки всех явлений принцип полезности.

— У вас — это понятно. А вот у вольмарцев как?

— И у вольмарцев тоже! — не без удивления, вызванного невежеством Рода, воскликнул молодой солдат. — Вообще-то и правда, поверить трудновато, да только он действительно заставляет нас, солдат, ладить с этими дикарями! Постоянно, то и дело!

— Не пойму, почему мне в это с трудом верится? — покачал головой Род.

— Да потому, что скептик — он и на Вольмаре скептик, — вздохнул Чолли.

Род повернул к нему голову:

— Готов побиться об заклад: эта маленькая история с убийством может несколько отсрочить выполнение грандиозных замыслов вашего генерала.

Взгляд Чолли тут же переключился в режим тревоги.

Молодой солдат мотнул головой:

— Вот уж нет!

А пожилой ветеран подтвердил:

— Уж наш генерал придумает, как выкрутиться. Он обязательно сделает так, что всем будет хорошо.

— И колонистам, и вольмарцам? — скептически вздернув бровь, уточнил Род.

— Можете даже не сомневаться! — торжественно кивнул пожилой капрал.

— Да я и не сомневаюсь, — негромко проговорил Род. — Ни капельки не сомневаюсь.

— Ну так что же? — удивленно уставился на него молодой солдат. — Вы сдаетесь или как?

— Да, вы меня целиком и полностью убедили, — подтвердил Род.

Седой ветеран смотрел на него с нескрываемым сомнением. Чолли только округлил глаза, а молодой рядовой радостно улыбнулся.

— Ну что ж, вот и славно! — Он хлопнул ладонями по стойке и решительно спрыгнул с табурета. — Пойду, пожалуй. Если через пятнадцать минут я не брякнусь на койку, не встать мне с утра на дежурство, как пить дать. Правда, у меня на посту тоже гамачок имеется, так что...

— С утра? — Род наострил уши. — Это в котором же часу вам в дозор заступать? Ведь сейчас только... — Он взглянул на висевшие на стене за стойкой часы, — ровно двадцать пять...

Молодой рядовой подмигнул Чолли и кивком указал на Рода.

— А он, видать, совсем ни фига тут не знает? — В нем пробудилось всегдашнее стремление молодых поговорить со старшим в покровительственном тоне. — На Вольмаре день длится двадцать шесть часов, приятель, — охотно сообщил он Роду. — И ежели я лягу спать в двадцать пять, то до пяти утра, когда мне на пост заступать, у меня, считай, шесть часиков — можно и выспаться.

Род сочувственно покачал головой:

— Не самое приятное время для дежурства. Скажите... а вы, случайно, не заметили, чтобы вчера с утра кто-нибудь выходил за Стену?

Парень покачал головой. Он почти не обращал внимания на отчаянные знаки, которые ему делал Чолли.

— Никто не выходил, кроме сержанта Талера. — Солдат приветственно поднял кружку с остатками пива. — Твое здоровье, Чолли.

— И твое, Спар, — вздохнул бармен.

Спар допил пиво, поставил кружку на стойку и направился к двери, по пути утирая губы рукавом. На пороге он остановился, обернулся, помахал всем рукой и удалился.

Род обратился к Чолли:

— А ведь это странно, не правда ли? Насколько я понимаю, Талер не входит в число ваших торговцев?

Чолли уже открыл рот, чтобы ответить, но пожилой капрал опередил его:

— Нет. Да и то, к слову сказать: они-то ближе к полудню возвращаются.

— О, — с полной невинностью воскликнул Род, — правда?

— Талер — сержант, человек ценный, — предупреждающе проговорил Чолли. — Шаклар ему доверяет целиком и полностью, до подошв его ботинок.

— Ну да, — кивнул Род. — Вот как раз это-то меня больше всего и тревожит.

— Господин мой, — заботливо проговорила Гвен и накрыла его руку своей. — Сдается мне, ты уже достаточно выпил эля нынче.

— А? — Род удивленно посмотрел на жену, понял по ее глазам, что она хотела ему сказать, и усмехнулся: — О! — Он на миг нацелил свой мысленный радар на то, что происходило за стенами бара, и услышал недовольные, смятенные мысли людей с пересохшими глотками. Толпа линчевателей возвращалась. — Да-да. Пожалуй, нам пора. — Он выпил оставшееся в кружке пиво, поставил ее на стойку. — Запишите на мой счет, ладно? — сказал он Чолли, слез с табурета, подал Гвен руку и развернулся к выходу. — Спасибо за все, — бросил он через плечо, на ходу обернувшись.

Чолли поднял руку в знак прощания:

— Сохраняйте веру.

«Интересно какую?» — подумал Род, но решил не спрашивать. Как только они с Гвен переступили порог, они проворно обежали бар и уселись под окном со стороны черного хода. Здание бара отделило их от возвращавшихся из неудачного набега линчевателей. Род приподнялся и осторожно заглянул в окно. Через пару мгновений его примеру последовала Гвен.

Толпа ворвалась в кафешку и разделилась на отдельных солдат и отдельные мысли.

— Столько времени даром потеряли! Это ж сколько выпить можно было бы! Эх...

— Да уж... За вымершими зверями — и то, пожалуй, легче гоняться!

— А помнится, когда я в последний раз рыбачил...

— Они, видно, колдуны раз так ловко исчезать умеют! — пробурчал дородный капрал, вперевалочку шагая к стойке.

— Колдуны, как же! — осклабился сержант Талер. — Ну уж нет, тут все как раз очень даже натурально, безо всякого там колдовства. — Он обернулся и злобно зыркнул на Йорика. — Подстава самая натуральная, вот что это такое! Здорово ты нас поводил за дикими гусями, а?

— Кто, я? — Йорик энергично помотал головой — ну просто-таки воплощенная невинность. — Не про ту птичку речь, сержант.

— Да что ты говоришь? — притворно проворковал Талер, соскользнул с табурета и шагнул к Йорику.

Неандерталец прижал руку к сердцу:

— Ни разу в жизни не гонялся за дикими гусями. Я обычно поджидаю, когда они мимо полетят. И кстати, гусятинка очень даже недурна под апельсиновым соусом, с грушами.

— Хватит языком трепать! — рявкнул Талер. — На этот раз твои шуточки не пройдут! — Он ухватил Йорика за куртку на груди и рванул к себе. — Ты с ними в сговоре, ведь так?

Те солдаты, что стояли или сидели ближе, насторожились, враждебно зароптали.

— А я видал его тут вместе с ними ближе к вечеру, — объявил один рядовой.

— Во-во, — подхватил другой. — И между прочим, они, как завязанные дружки, болтали.

— Точно-точно, как старые приятели!

Талер выхватил из-за голенища ботинка нож и приставил кончик его лезвия к животу Йорика.

— Я им бреюсь, между прочим, перышком этим, так что смотри, говори правду. Ты с ними заодно, да? По самые уши, так? И ты хочешь только одного: помочь им бежать.

— Ох. Ой! Тише, тише! — Йорик замахал рукой. — Требую справедливого суда. Давайте во всем разберемся справедливо!

— Не-а, — прорычал пожилой капрал. — Ты че, не соображаешь, что ли? Тут и говорить не о чем! Нам нужны мертвые преступники, а не живые подозреваемые!

— Да я не о них говорю! Я о себе, только о себе!

— А на что тебе сдался суд? И за что тебе такая роскошь? — оскалился Талер. — Ты пытаешься помочь им смыться, а если они смоются, мы получим войну на наши головы! — Он крикнул остальным солдатам: — Он изменник! Он предал колонию и всех нас в придачу!

— Да!

— Да!

Солдаты стали подступать ближе к Йорику:

— Ты что же, хочешь, чтобы все мы подошли?

— Небось ни разу не видал, какого цвета кровь?

— Точно, не видал он! Так давайте ему покажем, какого цвета она у него!

— Есть у кого-нибудь веревка?

— Эй! Не надо! Сдаюсь! — Йорик замахал обеими руками — так, словно стирал написанное на доске. — Сознаюсь! Виноват! Только не наваливайтесь всем скопом, ребята! — Он тяжело вздохнул. — Считайте, поймали вы меня. Ладно. Что угодно, только не веревка и не нож. Я покажу, где они *на самом деле*.

Род и Гвен оторопело переглянулись и поспешно бросились к пустым бочкам.

— Сюда, за мной! — завопил Йорик и бросился к двери. Солдаты от неожиданности расступились и дали ему дорогу. Неандерталец выбежал на улицу, крича: — Теперь мы их изловим с первой попытки! Скорее! Изловим колдунов!

Толпа, дружно взревев во все глотки, устремилась за ним. Шаги прогремели совсем рядом с бочками и затихли вдали.

Бочки взлетели вверх. Род и Гвен встали и выпрямились. Род покачал головой:

— Я должен это увидеть своими глазами. Обязательно должен увидеть.

— Верно, — весело сверкая глазами, кивнула Гвен. — Как же он проведет их на этот раз?

— Не знаю, но что-нибудь придумает, это точно. — Род взял ее за руку. — Он человек с неисчерпаемыми способностями. Да, он не умеет манипулировать образами, но люди — это совсем другое дело. Пошли, а то они далеко убегут!

Супруги на цыпочках, бесшумно пошли в темноте в ту сторону, куда умчалась жаждущая крови толпа.

Своих преследователей Род и Гвен увидели, когда толпа выбежала на широкую площадь, за которой на фоне звездного неба чернела громада Стены.

Йорик резко затормозил и поднял руку.

— Тихо! — проорал он во всю мощь своих могучих легких. — Я слышу, они приближаются! Надо устроить засаду! По местам, быстрее!

Все солдаты на миг остолбенели от удивления, но тут же бесшумно разбежались и мгновенно исчезли за пластикритовыми домами, окружавшими площадь.

По спине у Рода побежали мурашки.

«Неплохо они подготовлены, эти парни, — передал свою мысль Гвен Род. — Нам тоже лучше было бы подготовиться ко всяким неожиданностям. Не хотим же мы, чтобы они нас изловили, правда?»

«Конечно, нет!» — мысленно отозвалась Гвен и растаяла в темноте, и из поглотившего ее мрака донеслась мысль: — Господин мой? Что же ты медлишь?»

«Минутку, — мысленно проговорил Род и поднял руку. — Зачем упускать такую возможность? Давай-ка позабавимся. Передай мне мысли сержанта Талера!»

Губы Гвен тронула медленная улыбка, и она поманила мужа за собой.

Они на цыпочках пошли вперед за домами, позади солдат, чье внимание было приковано к главному проходу к площади со стороны города.

Гэллоуглассы ушли в сторону, затем вернулись и остановились позади главарей. Род выхватил нож, взял его за лезвие, намереваясь стукнуть Талера по голове рукояткой, но Гвен подняла руку и остановила его. Она сдвинула брови и уставилась сержанту в затылок. Талер неожиданно дернулся и застыл с выпученными глазами и разбухшей шеей. В следующее мгновение глаза у него закатились, и он рухнул на спину, но шума при этом не произвел, поскольку не успел коснуться земли — Род подхватил его в последнее мгновение, поднял, взвалил на плечо, развернулся и на цыпочках пошел прочь.

Гвен почти невесомо коснулась кончиками пальцев плеча Йорика. Неандерталец в испуге обернулся и довольно ухмыльнулся. Гвен поманила его пальцем, и он на цыпочках пошел следом за ней. На площади, озаренной луной, царила тишина.

Через некоторое время кто-то из солдат что-то пробормотал. Другой солдат что-то пробормотал в ответ. Подал голос третий, четвертый, пятый. Голоса зазвучали громче. Затем, один за другим, солдаты начали выходить на площадь и свирепо оглядываться по сторонам.

— Куда же они подевались? — прорычал капрал.

— Очередной дикий гусь, — буркнул великовозрастный рядовой.

— Опять он нас одурачил, — прошипел третий солдат и крикнул: — Сержант! Сержант Талер! Надо прикончить этого подонка!

Солдаты замерли, ожидая звука удара, злобного выкрика Талера — хоть какого-нибудь звука, но на площади воцарилось безмолвие.

— Где же сержант? — оторопело вымолвил рядовой.

— Он вон там прятался, — сказал капрал и указал на тень, отбрасываемую приземистым одноэтажным домом.

Все бросились туда, на ходу набирая скорость.

— Нету никого! И след простыл!

— Не хочешь же ты сказать, что Талер нас предал?

— Да нет, ничего я такого не хочу сказать. — Младший сержант указал на землю. — Гляньте-ка сюда. Тут возня была.

— Он на него набросился! — воскликнул рядовой. — Этот вшивый зубоскал, этот тупоголовый ублюдок вырубил нашего сержанта!

— Небось башку ему проломил, — сверкая белками, уточнил капрал. — Надо найти его.

— Точно! Найдем эту кровожадную мерзкую обезьяну!

— Врассыпную, парни! — взревел младший сержант. — Найдем ублюдка и вздернем его!

— А что толку-то будет? — с сомнением проговорил рядовой и поскреб макушку.

— А хоть душу облегчим — так я думаю, и то дело, — бросил на ходу сержант, и вдруг глаза его хитро блеснули, и он довольно осклабился. — Кстати говоря, чем один труп хуже другого, а? Мы просто скажем вольмарцам, что они ошиблись, обознались, стало быть, а мы, дескать, провели подобающее расследование и точно установили, кто кокнул их распрекрасного воина!

Рядовой расплылся в понимающей улыбке. В глазах его вспыхнул сатанинский блеск.

— Тебе бы, сержант, еще одну нашивочку за твои мозги надо дать! — выкрикнул другой рядовой.

Сержант самодовольно осклабился.

— Быть тебе лейтенантом, сержант! — гаркнул тот капрал, что был помоложе.

Сержант смущенно пожал плечами:

— Да будет вам, парни. Не надо делать из мухи слона. — И тут же проорал: — Вперед! Найдем засранца!

Солдаты издали боевой клич и бросились за сержантом, размашисто зашагавшим в сторону проема между двумя домами. Видимо, сержант почему-то решил, что искать пропавших Талера и Йорика надо именно в той стороне.

— Добро пожаловать в список объявленных в розыск, — усмехнулся Род и похлопал Йорика по плечу.

— Благодарю, майор, — издав могучий вздох, отозвался Йорик. — Немного стыдно, правду говоря, за то, что пришлось так горько разочаровать этих резвых гончих.

Род сочувственно кивнул:

— Трудно найти след, когда добыча упорхнула у тебя из-под носа — в буквальном смысле упорхнула.

— Ага, — обрадованно улыбнулся Йорик. — Спасибо, что подвезли, миледи.

— Не стоит благодарности, — ответила ему с теплой улыбкой Гвен. — Мое помело — всегда к вашим услугам.

— Боюсь, моя летная практика не слишком велика, так что... — Йорик вымученно усмехнулся. — Но было... очень забавно, правда.

— И теперь мы там, где им никогда не придет в голову нас искать, — прошептал Род и, запрокинув голову, прислушался к шагам, звучащим над головой.

Йорик прислонился спиной к стене и выпустил изо рта кольцо сигарного дыма.

— Следует отдать вам должное, майор. Уж если вы беретесь за дело, так делаете все, как надо.

Род пожал плечами:

— Это все — результат многолетней практики. — Он поддел ногой неподвижное тело Талера, лежавшее на земле между ними. — Как думаете, что нам с ним делать, Чолли?

— Будьте милосердны, — посоветовал бармен. — Если у вас еще есть какие-то кровожадные намерения, то лучше уходите и уносите эти намерения с собой во мрак ночи. Я вас

сюда пустил только потому, что не желаю, чтобы пролилась невинная кровь.

— Это Талер-то невинен? — выпучив глаза, спросил Йорик.

— Не менее, чем вы, — с укоризной глянул на него Чолли.

— Протестую, — прижав руку к груди, заявил Йорик. — Я невиновен! Я чист! Я...

— ...весь такой, — закончил за него Чолли. — А мне нужно быть за стойкой к тому моменту, когда развеселая солдатская компания вернется в бар с последней неудачной охоты. — Он развернулся к Роду. — Как вы ее провели на этот раз?

— Не я. Его спросите. — Род кивком указал на Йорика.

Чолли перевел взгляд на неандертальца. Пещерный человек развел руками:

— Я, любезный хозяин, всего-навсего дал им то, чего они так сильно хотели. Вот вы разве не тем же самым занимаетесь?

— Это верно, этим самым, да еще и добавляю капельку такого, о чем они и не догадывались. — Чолли покачал указательным пальцем. — Но не забывайте: это мое призвание. А за эту ночь я почти израсходовал все свои ресурсы. Так что теперь сидите тихо, не высовывайтесь. Если они услышат шум и поймут, что вы здесь, внизу, я больше ничем не смогу вам помочь.

— Будем как мышки, — пообещал Род.

— Рядом с котом, — добавил Йорик.

— Не услышите даже скрипа половицы, — заверила бармена Гвен.

Чолли развернулся было к лестнице, но остановился и бросил опасливый взгляд на Талера.

— Он тоже не будет шуметь, — сказал Род с невеселой усмешкой. — Мы же не дураки. Зачем нам так рисковать?

— Это верно, — согласно кивнул Чолли. — Уж в чем вам не откажешь, так это в хитрости. Постарайтесь уснуть. Вам это совсем не повредит.

Лучше бы он этого не говорил. Стоило ему отвернуться и подняться вверх по лестнице, как Род зевнул во весь рот. Он помотал головой, поморгал:

— Ладно, ладно, уж как-нибудь... не заснем. Верно?

— Верно, господин мой. Дать тебе...

— ...мягкое тонизирующее средство? — Йорик порылся в кармане и извлек небольшую коробочку с таблетками. — Берите, майор. Не яд и не наркотик, уверяю вас.

Род подозрительно осмотрел коробочку, вздохнул и проглотил одну таблетку.

— Чего уж там, — проворчал он. — Если бы ты захотел, ты бы мог как минимум четыре раза сдать нас этим мерзавцам сегодня.

Гвен испытующе смотрела на пещерного человека.

Йорик пожал плечами:

— Я на вашей стороне, или вы забыли? Чем я должен это доказать? Сделать так, чтобы вы смертельно захворали, и вылечить вас — так, что ли?

— Нет, не надо, — улыбнулась Гвен, а Род сказал:

— Не то чтобы мы не доверяем твоим поступкам. Было бы намного лучше, если бы мы в них не нуждались.

Гвен посмотрела на Талера:

— Только, молю тебя, не награждай этого человека никакой долгой и тяжелой хворью.

— О, конечно же, нет! — возмущенно воскликнул Род.

— Да нет, это ненадолго, — покачал головой Йорик и легонько пнул ногой бесчувственное тело сержанта. — Ну же, солдат, рога трубят, и все такое. По-о-о-дъем! — Он поддел Талера носком ботинка и перевернул на спину, словно мешок с песком.

Род вздохнул и посмотрел на жену:

— Милая, уж если за дело берешься ты, то ты все делаешь, как надо. Разбуди его сама, хорошо?

Гвен сдвинула брови и устремила взгляд на Талера. Веки у того дрогнули и разжались. Он оторопело огляделся по сторонам, хмурясь и моргая, облокотился о пол, протер тыльной стороной другой руки глаза.

— Как... — вырвалось у него. — Где...

— Я сказал «устроим засаду», — напомнил ему Йорик. — А на кого засада — этого я не говорил.

Талер запрокинул голову и злобно зыркнул на пещерного человека:

— Ты с ними... в сговоре!

— Да нет, всего лишь в подполе. Как и ты, между прочим.

— Угу, — по-волчьи оскалившись, добавил Род. — Теперь ты тоже во всем этом замешан.

Взгляд Талера отчаянно метался между Родом и Гвен.

— Что это вы такое несете? Как это, спрашивается, я могу быть в этом замешан? Это ваших рук...

Он не договорил. Дар речи покинул его, когда он заметил, как смотрит на него Род. Талер, не задумываясь, отполз назад и наткнулся на ботинки Йорика. Сержант в отчаянии запрокинул голову, и его дикий взгляд встретился с непроницаемым взглядом неандертальца. Пещерный человек ухмыльнулся. Зубов у него оказалось немало.

— Не хотелось бы причинять вам неудобства, сержант. Но просто вы говорили о том, что не прочь застегнуть на мне потуже верхнюю пуговицу рубашки. Вот я и подумал, что, вероятно, вы не будете против, если я отвечу вам любезностью на любезность.

— Ублюдки! — прорычал Талер, но при этом побледнел от страха.

Наверху что-то хлопнуло, послышались громкие шаги. Род скорчил гримасу и глянул на потолок.

— То возвратились воины из набега, — сообщила ему Гвен и уточнила для Талера: — Вернулись твои соратники.

Талер сразу приободрился, взгляд его стал не таким затравленным. Он набрал в легкие побольше воздуха, но тут же сглотнул подступивший к горлу ком и, выпучив глаза, уставился на нож, который Йорик приставил острием к его кадыку.

— Тише, тише, спокойнее, — ласково проговорил неандерталец. — Ты же не хочешь, чтобы твои дружки узнали о том, что тебя сцапали, как молокососа-новобранца, а? Да и кто сцапал-то? Те самые ребята, за которыми ты охотился, вот ведь какая незадача! Неужто ты думаешь, что приказам такого сержанта-недотепы впредь будет повиноваться хоть самый последний рядовой?

Во взгляде Талера возникла задумчивость. Он закрыл рот.

— Задние мыслишки сработали? — Йорик кивнул. — Похвально. Мудро. Я всегда догадывался, что ты парень благоразумный.

— Вот-вот. Он своего главного шанса никогда не упустит.

— Ага, — подтвердил Йорик и немножко — совсем немножко — отодвинул нож от горла Талера. — Вот и хорошо, вот и умница, сержант. А теперь, голубчик... вот тут майор говорит, что желает познакомиться с тобой поближе...

— Совершенно верно, — сказал Род и шагнул чуть ближе к Талеру. — Знакомство с вами, сержант, само по себе оказалось на редкость поучительно, но мне бы хотелось отказаться от риторики в пользу получения большего объема информации.

— Он хочет сказать, что желал бы, чтобы ты ответил на несколько вопросов, — перевел для Талера Йорик.

— Вот видите? Он меня отлично понимает, — сказал Род и кивком указал на Йорика. — Поймете и вы. Итак: что вы делали на Месте Приветствия Солнца вчера утром?

— Насчет времени дня я ничего не скажу, — буркнул Талер, но Род ощутил готовый ответ в мыслях сержанта. На подробности сейчас времени не было, тем более что мыслями Талера явно не на шутку занялась Гвен.

Йорик ухватил Талера за запястье, вывернул кисть градусов на сорок пять и завел за спину. Талер дико дернулся, но вырваться от неандертальца не смог.

— Что за манеры, что за манеры! — укорил его Йорик. — Нужно вести себя повежливее. Ну-ка, скажи хорошему, добренькому майору то, что он желает от тебя услышать.

Талер выпучил глаза, но рта не раскрыл. Он крепко сжал зубы и издал стон.

— Да-да. По-дружески было бы лучше, конечно, — проговорил Род и задумчиво воззрился в потолок. — Хорошо, поставим вопрос так: что вы делали, сержант, вчера утром за Стеной?

— Отвяжись, сопляк, — процедил Талер сквозь стиснутые зубы.

Род нахмурился.

«Сопляк»... Уж больно древним было это оскорбление. Он решил попозже выяснить, что оно означает на местном сленге.

— Однако согласитесь, это способно вызвать законное удивление — когда сержант вдруг ни с того ни с сего посреди ночи покидает город. В том смысле, что он, никому ничего не объяс-

няя, проходит мимо часового и направляется в сторону холмов. Невольно задаешься вопросом: куда он идет? Зачем? И кто велел ему туда пойти?

Йорик чуть сильнее вывернул руку Талера. Тот раззявил рот от боли, но в ответ только простонал:

— Не... лзя... говорить...

Однако ответы были видны как на ладони — они всплывали на поверхность сознания сержанта, как только Род задавал очередной вопрос.

— Что ж, в этом ты, может быть, и прав, — рассудительно проговорил Род. — Но все-таки забавно, зачем тебе это вообще понадобилось? Посреди ночи? Почему бы до утра не подождать?

Йорик поводил кончиком ножа перед самыми глазами Талера. Лезвие зловеще сверкнуло. Талер как зачарованный следил глазами за ножом, но ответил только:

— Катитесь вы к черту со своими расспросами.

— Не уверен, что получу от него больше сведений, чем от вас, — усмехнулся Род. — А, что ты сказала, милая?

Гвен потянула мужа за руку, передавая ему свои мысли:

«Я выведала все, что ему известно».

А вслух она сказала:

— Нет смысла долее подвергать его пыткам, господин мой.

— Ты называешь это пытками, дорогая? — ухмыльнулся Род и мысленно добавил: *«Это была всего лишь легкая разминка, милая, дабы показать ему, что мы не шутим. Само собой, мы не собирались доводить дело до конца. Но если бы собрались, тогда мы бы...»*

«Избавь меня от подробностей, — поспешно оборвала его Гвен. — Однако его следует связать, господин мой».

— Ну-с, ладно, — вздохнул Род. — К чему тратить время попусту, если вы не желаете беседовать. Советую вам перевернуться и притвориться мертвым, сержант, чтобы нам не пришлось сделать так, что вам и притворяться не придется. Договорились?

Йорик отпустил руку Талера и принялся заботливо массировать его плечо. Талер отшвырнул его руку и злобно зарычал. Глаза его были полны неприкрытой ненависти.

— Не переживайте, мы собираемся всего-навсего связать вас, — с непоколебимой учтивостью объяснил Род. — Мы можем это сделать сейчас, когда вы бодрствуете, а можем и отключить вас — это дело ваше. Ну, давайте же, не будем создавать сложностей. Будьте хорошим мальчиком, ложитесь на животик. Руки за спину... Вот так.

Талер гневно зыркнул на него.

А в следующее мгновение он неожиданно вскочил на ноги и замахнулся на Рода кулаком. Род успел увернуться в последнее мгновение, но этого оказалось недостаточно. Кулак Талера задел-таки его скулу, и Род покачнулся и попятился, автоматически встав в оборонительную стойку. Злоба и ярость полыхнули в его сердце, разогревшись до белого каления, но он ухитрился направить эти чувства на Талера и заблокировать его следующий удар. Род умело уклонился от удара ногой, отскочил в сторону, сгруппировался и пошел в атаку. Талер закрылся, но Род нашел огрех в его обороне и врезал ему кулаком в солнечное сплетение. Талер согнулся в поясе, выпучил глаза, издал беспомощный стон. Йорик подтолкнул его сзади, и сержант рухнул ничком на земляной пол. Неандерталец проворно пригвоздил его к полу коленом, свел вместе его запястья, а Род быстро обмотал их веревкой.

— Вы бы потише, сержант, — с притворным участием проговорил он. — Сами же понимаете, мы хотели бы по-хорошему.

— Но с другой стороны, — заметил Йорик, — могли бы и по-плохому. Между прочим, майор, я еще не развлекся как следует.

Род отрезал еще кусок веревки от мотка, что лежал на полке.

— Странно, как это Чолли не поберег тут магнитофонных кассет.

— Зачем? — пожал плечами Йорик. — Это не из его оперы. Он таким не занимается, в смысле.

— Ну да, пожалуй, ты прав. — Род наклонился, чтобы связать лодыжку Талера. Тот попытался лягнуть Рода, но Гэллоугласс этого удара ожидал. Он ловко ухватил сержанта за ногу и, согнув ее в колене, прижал к ягодице.

— Ну-ну, будет вам, сержант! Неужто вы вправду полагаете, что мы так глупы? Будь так добр, Йорик, затяни потуже веревку, которой связаны его руки.

Неандерталец притянул запястья Талера к лопаткам. Сержант взвыл и выпрямил ноги. Род обмотал их веревкой и соединил ее конец с той, которой были связаны руки. В итоге пятки Талера снова оказались прижатыми к ягодицам.

— Ну а теперь я завяжу пару-тройку узелков из числа тех, в которых я последнее время практиковался.

— Перемены! Нововведения! Рационализация! Все бы вам развиваться, — проворчал Йорик. — Все вы, sapiens, такие! Не уж, спасибочки, я ограничусь добрыми старыми, испытанными узелочками.

Род краем глаза глянул на работу Йорика:

— Ну, знаешь, если *это* у тебя называется «старые узелочки»...

— Так я же про самые старые говорил! Вы-то, sapiens, их вязать так и не выучились! Вот... так! Теперь, можно сказать, все у нас аккуратненько упаковано. Ну-ка, красавчик, перевернись-ка на спинку! — Он сам перевернул Талера и ушипнул за то место, где у сержанта было побольше мышц. Сержант от одного только изумления раззявил рот, и Род проворно сунул туда смятый носовой платок. Йорик обхватил голову Талера, а Род быстро обвязал его губы еще одним носовым платком и скрепил его на затылке квадратным узлом.

— Прости, что тебе придется помучиться от жажды. Обидно, правда, когда наверху — море пива. Но ты не переживай сильно. Кто-нибудь непременно тебя разыщет. После завтрака.

Йорик подsunул руки под плечи Талера, Род — под колени, после чего они подняли сержанта и перенесли под лестницу, где было темно и прохладно.

В сознании у Рода зазвучал расстроенный голос Гвен:

«Неужто вправду нужно было вести себя так жестоко?»

«Боюсь, что так, милая, — мысленно ответил ей Род. — Разве ты не видела, что стала вытворять его психика, как только ты его пробудила?»

Гвен, минуту помолчав, отозвалась:

«О да, истинно так. Им овладело чувство беспомощности, полной незащитности»

Род кивнул:

«Вот-вот. Так что так ему будет безопаснее, нежели от твоего ментального нокаута, хотя для нанесения оногo ты и не

пользуешься никакими наружными средствами. Это он переживает. Это для него привычнее. — Род пожал плечами. — *Но надо же было, чтобы все выглядело убедительно, понимаешь?»*

«Что тут скажешь. Надеюсь, ты прав, — вздохнув, мысленно произнесла Гвен. — *Ну, рассказать тебе, какие у него были мысли?»*

«С превеликим удовольствием послушаю», — отозвался Род, перешел к Гвен и, поманив пальцем Йорика, уселся на почти-тельном расстоянии от Талера. Неандерталец устроился рядом с ним, и Род прошептал:

— Говори вслух, но тихонько — так, чтобы наш дружок слышал, а его жертва — нет.

— С чего это вдруг — *моя жертва?* — возмутился Йорик.

— Я, кстати, кое-что засек во время допроса, — невозмутимо продолжал Род, — но детали упустил.

— Ах, так вот вы чем занимались! — усмехнулся Йорик. — А я еще диву дался, что это вы так быстро сдались.

Гвен непонимающе посмотрела на мужа.

— Я тебя не обманывал, милая, — покачал головой Род. — Мы действительно обошлись с ним крайне милосердно.

— Ну... относительно да, — согласился Йорик. — Но если на то пошло, все на свете относительно, правда? Вот, к примеру, согласно мнению антропологов, мы с вами состоим в родственных отношениях.

— В дальних. В очень дальних, — торопливо прервал это лирическое отступление Род.

— А-а-а, понятно, — кивнул Йорик. — Вам подавай исключительно прямые родственные связи!

— Конечно, — пожал плечами Род. — Это же моя родословная, как-никак. У нас был общий предок, но вы, ребята, отпочковались от древа человечества, и ваша ветвь зачахла, не дав плодов. Это был тупиковый путь развития...

— Ну, если мы сто тысяч лет «чахли»... — фыркнул Йорик. — Что же касается «тупикового пути», то мы, перед тем как вымереть, хотя бы Терру в приличном состоянии оставили.

— Господа! — прошептала Гвен и закрыла ладонями рты спорщиков. — Не желаете ли вы узнать о том, что делал наш сержант за Стеной вчера поутру?

— Да-да, неплохо было бы наконец узнать об этом. — Род перевел все внимание на супругу. — Он ведь и близко не подходил к Месту Приветствия Солнца, верно?

— Верно, — кивнула Гвен. — Он и на лигу к этому холму не приближался. Даже на десять лиг, если на то пошло.

Йорик сдвинул брови:

— Если можно, без хождений вокруг да около. Так что же он делал за Стеной?

— Он был кем-то вроде гонца, — пояснила Гвен. — Губернатор-генерал послал его с вестью к племени «салатных». — Она задумалась и, покачав головой, сказала: — Все-таки очень странное название для племени.

— Как захотели — так и назвались, — пожал плечами Род. — И что же он сказал вождю?

— Вот-вот, — заинтересованно кивнул Йорик. — Из-за чего он поперся туда посреди ночи?

— Из-за того, что вождь племени «салатных» взял займы крупную сумму денег у генерала... «из банки» — он ведь так говорил, да?

— Не «из банки», а «из банка», дорогая. Банк — это место, где люди хранят свои сбережения.

— Банк... Странное слово, да и сама мысль очень странная, — проговорила Гвен и, повернув голову к мужу, сдвинула брови. — Почему же эти люди не хранят свои деньги при себе? Зачем они отдают их другим, дабы те хранили их?

— Слишком велика вероятность быть обворованными, — объяснил Род. — А когда деньги лежат в банке, воров бояться нечего. Тревожиться можно только за банкира, а где банкир, вкладчики всегда знают.

— Почти всегда, — уточнил Йорик.

— Да, да, ты прав, — кивнул Род. — Но все равно так надежнее.

— Ну ладно, если ты так говоришь, — недоверчиво пожала плечами Гвен. — Но пожалуй, я быстрее пойму про эту вашу «гравитацию», нежели про «банки».

— Ты просто думай о настроении вольмарцев. Итак, племя «салатных» задолжало вольмарскому банку крупную сумму, да?

— Да, но при этом у них в банке хранились деньги, которыми они могли бы расплатиться. И они послали в банк человека, дабы

тот узнал, какова разница в про... центах по ссуде и в про... центах по вкладу. — Гвен непонимающе нахмурилась. — Что это за «проценты» такие, господин мой? Не связаны ли они как-то со степенью уважения между вождем и банкиром?

Род сглотнул подступивший к горлу ком.

— Пожалуй, можно и так сказать, милая. Но если точнее, то значит это то, сколько банк платит племени «салатных» за то, что пользуется их деньгами.

Гвен вытаращила глаза:

— Но зачем же банку пользоваться чужими деньгами?

— Да за тем же самым, зачем ими пользуются все остальные, — со вздохом сообщил Йорик.

— Для вложений капитала, — объяснил Род. — Ну, вот, например... Скажем, капитан собирается в торговое плавание и хочет отправиться не через десять лет — а именно за это время он бы скопил денег на путешествие сам, — а сейчас. Вот банк и вкладывается в его предприятие.

— Чтобы потом получить от капитана больше денег, чем было вложено?

— Совершенно верно. Намного больше. И к тому же банк имеет дело со многими капитанами, а не с одним.

Гвен, сдвинув брови, долго изучала мужа испытующим взглядом. Наконец она вздохнула и сказала:

— Хорошо, как скажешь. Смысл слов, которые ты говоришь, мне понятен, но неясна мысль, вызывающая эти слова.

Род признался:

— Я и сам в этих банковских дебрях путаюсь.

— Но почему же банк платит племени «салатных» за то, что использует их деньги, а племя «салатных» платит банку за то, что пользуется деньгами банка? Это же все равно что ходить по кругу вновь и вновь, господин мой. По моему разумению, это лишено всякого смысла.

— Честно говоря, мне тоже так кажется, — кивнул Род. — Но я думаю, все выглядит примерно так: если вольмарцы имеют двенадцать процентов — по двенадцать BTU за каждую вложенную в банк сотню, а платят всего десять процентов за ссуженные им деньги, то за счет вложений в банк они получают двухпроцентную прибыль, но при этом не используют свои вложения для выплаты ссуды.

Гвен вытаращила глаза, глубоко вдохнула и сказала:

— Но ведь тогда выходит, что банк теряет эти самые два процента, про которые ты говоришь! Зачем же он платит больше, чем получает?

— И в этом я тоже ничегошеньки не понимаю, — сокрушенно проговорил Род. — Единственное, что приходит в голову, так это то, что Шаклару нужно держать банк и он сознательно идет на убытки, чтобы вольмарцы от него зависели. В конце концов, если кто-то держит под замком все твои денежки... трудно пойти... против такого человека войной! — воскликнул Род и широко раскрыл глаза. — Ну конечно же! Он их просто-напросто покупает!

— И все же, если вольмарцы решили поинтересоваться насчет этих своих... процентов, не значит ли это... — Гвен тоже округлила глаза. — Они решили забрать свои деньги, чтобы затем свободно объявить войну!

— Да так, чтобы не прогадать, — мрачно добавил Род. — Что ж, у Шаклара была вполне веская причина отправить к «салатным» гонца посреди ночи. Но что этот гонец должен был сказать «салатным»?

— Что процентная ставка выросла на пять единиц, — ответила Гвен, не понимая, о чем говорит.

— Пятипроцентный подскок ставки, это надо же! — изумился Род, а Йорик присвистнул:

— Что ж, вождь «зеленых» умеет торговаться! Только угроза войны могла заставить генерала так щедро раскошелиться.

— Щедро — это не то слово, — кивнул Род. — И чем ответило на это предложение племя «салатных»? Вежливым «да» или расходным ордером?

— Сержант Талер должен был от их имени поблагодарить генерала Шаклара за его честность, и более ничего «салатные» не передали.

— А это значит, что денежки свои они таки оставили на депозитном хранении, — заключил Род и с чувством выдохнул. — Между прочим, должен заметить, что и Шаклар тоже поторговаться не дурак. Что такое какие-то пять процентов по вкладам по сравнению с войной? Думаю, он был очень прав, когда в свое время решил приобщить вольмарцев к благам современной цивилизации.

Правда, Род не думал, что к этим самым благам стоит приобщать Гвен.

— Сюда, сюда! — послышался со стороны лестницы голос Чолли. — Осторожнее, мистер и миссис! Тут кое-кто с вами поговорить желает!

Род почувствовал, как хлынул по жилам адреналин.

По лестнице спускалась Чорной. Ее щеки заливал яркий румянец.

Гвен улыбнулась:

— Тебя как будто щеткой отскребли.

— Само собой, — буркнула Чорной. — А чем же еще?

— У-у-у! — расстроено протянул Йорик. — А тебе так шел этот цвет!

Род расслабился. Концентрация адреналина пошла на убыль.

— Ага, — кивнул он, — он сочетался с вашей истинной сущностью.

— Ой, заткнулись бы вы! — сверкнув глазами, рявкнула Чорной.

Род на миг опешил и вытаращил глаза:

— Да что такое, не пойму? Вам не понравилась роль вольмарки?

— А вы как думаете? — фыркнула Чорной. — Не так-то просто быть женщиной из племени «оранжевых».

Йорик ногой подвинул к Чорной пустой ящик.

— Садись. Расскажи нам, что происходит под открытым небом, на воле.

— Не обращай внимания на их издевки, — посоветовала девушке Гвен. — На самом деле они безмерно радуются, видя тебя целой и невредимой.

— Ну, значит, они очень умело скрывают свою радость, — проворчала Чорной.

— Благодарю, — церемонно склонил голову Род. — А теперь расскажите нам, что случилось.

Чорной фыркнула и села на ящик:

— Ничего. Ровным счетом ничего.

Остальные несколько мгновений молча смотрели на нее.

Наконец Род вздохнул и прижался спиной к стене:

— Наверное, нам и не стоило ожидать чего-то другого. Но ведь кто-то должен был явиться на Место Приветствия Солнца!

— Да явился он, явился. Гвун и явился, кто же еще?

— Но сразу заподозрил неладное, да? — Род стукнул себя кулаком по лбу. — Конечно! Что же это я! Он ведь знает в лицо каждого члена своего племени! И почему только я не...

— Не переживайте. Я это предусмотрела, — спокойно проговорила Чорной. Уголки ее губ опустились вниз. — Он — вождь племени «лиловых», потому я и выкрасилась оранжевой краской. И разыграла я все, как по нотам. Он явился в предрасветных сумерках — только-только начало розоветь небо на востоке, а я в это время стояла на коленях и горько плакала. — Она уставилась в одну точку, медленно, с улыбкой кивнула. — Да, это у меня здорово получилось. Ну, пришел он и несколько минут стоял, ничего не говорил, ничего не делал. Я сделала вид, что не замечаю его. Тогда он наклонился и положил руку мне на плечо. — Она поежилась. — Вернее говоря, схватил меня за плечо, и надо сказать — крепко. Просто-таки стальные пальцы у него!

— Надеюсь, он не причинил тебе боли? — заботливо осведомилась Гвен.

Чорной покачал головой:

— Не думаю, что он этого хотел. Наверное, с его точки зрения, он так проявил сочувствие ко мне. «Женщина, — сказал он, — почему ты плачешь?»

— Минуточку! — прервал ее Йорик и поднял указательный палец. — Он даже не спросил, как тебя зовут?

Чорной покачала головой:

— Это для него не имело значения. Я была из другого племени — вот и все, что ему нужно было знать. И чужих владений я не нарушила, потому что пришла на священную землю, открытую для всех. И я ответила ему, что плачу о том человеке, которого убили вчера утром. А Гвун сказал: «Но ведь он — не из твоего племени».

— Так и сказал? — нахмурившись, переспросил Род и медленно запрокинул голову. — А это означает, что в то время, как Гвун нашел труп, на том еще сохранилась краска.

— А уж это, в свою очередь, означает, что затем Гвун смыл с несчастного краску, — свирепо сдвинув брови, добавил Йорик.

— Точно. Для того, чтобы никто не узнал, из какого племени жертва, — подхватил Род и нахмурился. — Но зачем это ему понадобилось?

Но Чорной покачала склоненной головой и помахала руками, выставив их ладонями вперед:

— Нет! Хватит! Помолчите! Вы оба упускаете главное!

— То есть? — насторожился Род.

— То, что Гвун старается объединить все племена, а мертвый вольмарец для этого — чуть ли не идеальное средство. Но для этого намного лучше, чтобы никто не мог определить, из какого он племени.

Пару мгновений все молчали. Наконец Род медленно кивнул:

— Да... Это вероятно.

— Это более чем вероятно, — фыркнула Чорной.

— И все же он сказал тебе, что ты не из одного племени с погибшим? — уточнила Гвен.

Чорной кивнула:

— Ну да. Так почему, спрашивается, я плачу? Мне нужно было соображать с бешеной скоростью, сами понимаете! И я сообразила. Я сказала ему, что плачу обо всех вольмарцах сразу, что я плакала бы о любом, кто пал бы от рук подлых колонистов! — Она сдвинула брови. — Потом я ждала, что он велит мне подняться, но он молчал.

— Ну, и еще вы, конечно же, ждали, что его сердце дрогнет при виде плачущей женщины.

Чорной сердито зыркнула на него:

— Я вам, кажется, уже говорила, что я не соответствую вольмарским идеалам красоты!

Род и на этот раз в это не поверил.

— Пусть так. Все равно: вы были женщиной, и притом — женщиной, искренне горящей. К тому же молодой. Вы же ожидали чего-то вроде рыцарской реакции, или я не прав?

Чорной задержала на нем взгляд, скривила губы и призналась:

— Да, ожидала. Но никакой реакции не последовало. Даже намек на реакцию не было.

Йорик усмехнулся:

— Ну, ты же знала, что вольмарцы — это большая шайка мужчин-шовинистов.

— Точно, — вмешался Род. — Любая первобытная культура патриархальна.

— Не любая, не надо, — подняв руку, возразил Йорик. — Но у этих ребят здесь точно патриархат. И проистекает такое общественное устройство, вне всякого сомнения, из попыток имитировать дешевое чтиво. — Он развернулся к Чорной. — Ну, я так понимаю, что ты еще немножко поплакала и встала, да?

Чорной раздраженно пожала плечами:

— А что было делать? У меня шея затекла.

— Итак, ты поднялась, — поторопил ее Род. — Наверняка ты проделала это медленно, скорбно, картинно поеживаясь, правильно?

Глаза Чорной сердито полыхнули, но она промолчала.

— Не сработало, да? — негромко спросил Род.

Чорной немного сбросила злость и не очень охотно кивнула:

— Он только начал меня уговаривать. Сказал, что мне не стоит это принимать так близко к сердцу, что я, как благоразумная женщина, должна понять, что для меня пользы от колонистов куда больше, чем вреда.

Род усмехнулся:

— Это он с насмешкой говорил или серьезно?

Чорной покачала головой:

— Нет... Судя по тону, каким он разговаривал, он просто констатировал факты, рассуждал логически, понимаете?

— Ох, уж чего-чего, а здравого смысла представителям первобытных цивилизаций не занимать, — вздохнул Йорик. — Ну и как ты на это ответил? Шерши? В конце концов женщин на Вольмаре больше, вследствие чего здесь царит полигамия. — Он нахмурился. — Хотя это странно, честно говоря — чтобы вождь столь беззаботно предлагал женщинам из своего народа вступать в любовные связи с врагами.

— Вот-вот, и я об этом же самом с ним заговорила. Я устроила грандиозную сцену, стала кричать про то, что ни одна истинная вольмарка не пожелает иметь мужчину только для себя одной, если этот мужчина не вольмарец, а колонист. Но Гвун продолжал бесстрастно разглагольствовать и убеждать меня в том, что гораздо разумнее иметь одного, личного мужа, если уж подворачивается такая возможность.

Род покачал головой:

— Надо же... А я думал, что Гвун старается всячески препятствовать связям вольмарцев с колонистами.

— Я тоже так думала. Я шагнула чуть ближе к нему и гневно заявила, что на Вольмаре было бы гораздо больше мужчин, если бы солдаты-колонисты не перебили бы такое число наших сородичей во время войны. Но Гвун возразил мне и сказал, что смертность среди девочек в младенчестве всегда на два процента ниже, чем среди мальчиков... Хотела бы я знать, кто у них тут ведет такую статистику?

Йорик покачал головой. Вид у него был озадаченный.

— Да, странные тут, однако, представители родоплеменного строя...

— Вероятно, все дело в Чолли и его просветительской деятельности, — пожав плечами, предположил Род. — Я еще удивляюсь, как это Гвун не процитировал вам итоги последней переписи населения в Межзвездной Федерации.

— Нет, этого он не сделал, но в конце концов принялся восхвалять мой патриотизм. А потом довольно долго распространялся на тему о том, как дописменные культуры всегда погибают под давлением тех сообществ, где развита письменность. Первые либо поглощаются вторыми, либо их представители гибнут в сражениях.

Род на несколько мгновений лишился дара речи. Обретя его, он, запинаясь, выговорил:

— Не сказал бы, чтобы я признал в этих словах призыв к войне.

— Да нет, можно было бы и признать, если бы Гвун не вещала, будто бы какой-то треклятый профессор!

Род гадал, с чего бы это Гвун так раздражалась. Нет, она всегда была резка, но...

— Ну, так что же он сказал, чтобы утешить вас?

— Ничего, — буркнула Чорной и с отвращением отвела взгляд в сторону. — Он вдруг резко развернулся и взбежал вверх по каменной лестнице. И знаете, что я вам скажу: из него получился бы превосходный спринтер!

— Представители примитивных цивилизаций всегда поддерживают хорошую физическую форму, — заверил ее Йорик.

— Но не настолько хорошую! Клянусь, он бы на скачках выиграл у лошади! — Чорной в отчаянии покачала головой. — Но поспел он — тютелька в тютельку! Только он приблизился к ритуальному камню, как взошло солнце.

— Он, видимо, обладает природным чувством времени, — понимающе кивнул Йорик.

— Которое у некоторых людей напрочь отсутствует, — хмыкнул Род и одарил Йорика недвусмысленным взглядом.

Чорной обреченно посмотрела на Рода:

— Считаете, ночь потрачена даром?

— Ну, это как сказать, — поджав губы, отозвался Род. — По крайней мере теперь мы точно знаем о том, что Гвун не желал, чтобы люди знали, из какого племени убитый. А это что-то да значит.

— Не так уж много, — бросила Чорной, а Гвен прищурилась и мягко улыбнулась:

— Тебе не стоит так сильно горевать только из-за того, что он не поддался на твои женские чары.

Род, изумленно вздернув брови, взглянул на супругу.

Чорной замерла и побледнела:

— Ну ладно, все так и есть. Моя женская гордость была уязвлена. А вам-то про это откуда знать, мэм?

Гвен пожала плечами:

— По тону твоего голоса, по наклону головы. Ты ведь хорошо владеешь искусством дамских чар, верно?

— Да, я его неплохо освоила, — согласилась Чорной, — с тех пор, как обнаружила, что у вольмарцев в отношении женщин существуют очень строгие моральные законы — в особенности в отношении незамужних женщин. Знаете, это было на редкость приятно — такой контраст с моими собратьями, колонистами!

— С вольмарцами вы чувствуете себя безопаснее, да? — догадался Род.

Чорной энергично кивнула:

— Ко мне относились с уважением, и не только потому, что я проявляла к ним равнодушие. Вероятно, вольмарцы размышляли о том, что из меня могла бы получиться неплохая лишняя жена... Трудно сказать. Но так здорово, когда впервые

за столько лет к тебе относятся как к леди. Ну, вот я и научилась флиртовать по полной программе, — закончила она объяснение таким тоном, словно сама удивилась сказанному.

Род нахмурился:

— Но если их моральный кодекс настолько строг, что они даже не пытались соблазнить вас...

— О, я же этого не говорила! — воскликнула Чорной и одарила Рода ледяным взглядом. — Конечно же, пытались все и каждый! Это-то как раз и было самое приятное! Я могла флиртовать с ними сколько моей душеньке угодно, а потом взять и сказать: «Нет!» — и они с этим мирились! И даже если им этого совсем не хотелось, они тут же прекращали свои поползновения.

— А Гвун вас соблазнить не попытался?

— Ни капельки. В его манере обращения со мной не было и намека на флирт. Он не улыбался, не подмигивал мне, не строил глазки.

Род склонил голову набок:

— И это при том, что вы его, похоже, заинтересовали.

— О да! Ему было очень интересно, кто я такая и почему оказалась на Месте Приветствия Солнца, но кроме этого... Честно говоря, у меня было такое ощущение, что он даже не замечает, что я — женщина!

Йорик покачал головой:

— Странно. Очень странно. Я бы даже сказал: ненормально. Такого поведения можно было бы ожидать от человека цивилизованного общества, но не от...

— Тише! Молчи! — подняв руку, раздраженно воскликнула Чорной. — С чего это ты взял, что вольмарцы нецивилизованные?

— С того, что слово «цивилизация» предполагает наличие городов, — дерзко ответил Йорик. — Давай уж хотя бы с терминологией определимся, что ли.

— Однако почему же такое поведение скорее надо искать в городах, нежели в деревне? — удивилась Гвен.

— Потому, что для того, чтобы строить города, нужна более высокая степень развития техники, — ответил ей Йорик. — Пожалуй, мне следовало сказать «технически развитое» общество, а не «цивилизованное». Разве можно назвать поселение

городом, если в нем живет сто тысяч человек, но при этом нет ни одной фабрики.

— Это верно, — убежденно подтвердил Род.

Йорик пожал плечами:

— Ну ладно, мы все-таки скатились к определениям. Лично я под словом «город» подразумеваю индустриальное уродство: ну, знаете... паровые двигатели, электростанции-гиганты, сети проводов, железные дороги, заводы...

— Нет, не знаю, — прервал его Род и покачал головой. — Я не настолько глубоко изучал археологию. Но я могу поставить вопрос ребром: с чего ты решил, что представитель промышленно развитого общества не должен признавать в женщине женщину?

Йорик нахмурился:

— Ну, я не то чтобы прямо так уж «решил», но по крайней мере я бы такому не удивился. Прогресс индустриально развитой цивилизации, майор, происходит за счет того, что там любая вещь укладывается на свое место на полочке, дабы в случае необходимости ее можно было с полочки снять и использовать в сочетании с другими вещами при сборке какого-либо нового устройства. Но все, что можно сделать с помощью инструментов, орудий, то можно сделать и мысленно. И вот человек индустриального общества начинает рассматривать «эмоции» как одно свойство сознания, а «интеллект» — как другое, и для первого, и для второго отводит полочку в своей душе. Эмоции и интеллект полеживают на этих полочках и друг дружке не мешают. Поэтому не следует удивляться, что вождь, которого в данный, конкретный момент занимала куда более важная проблема, не подумал заглянуть на ту полочку, где у него хранятся сексуальные запросы.

— Но неужели же он рассудителен до такой степени, что даже в женщине женщину не признал? — возмущенно воскликнула Чорной.

— Признать-то он признал, наверняка, но при этом проигнорировал.

— Так проигнорировал, что даже не отреагировал на присутствие женщины как мужчины?

Йорик пожал плечами:

— Ну, что я тебе могу сказать? Это возможно. Однако вольмарская цивилизация не промышленная. Здесь царит родоплеменной строй, и техникой вольмарцы обладают самой примитивной, в основе которой лежат принципы целостности и индивидуальности. Для этих людей все на свете сплетается в единую огромную конструкцию, и секс для них — столь же естественная часть жизни, сколь и любая другая. Мысли и чувства у членов такого общества натуральным образом сливаются. Одно ведет к другому, а из другого вытекает третье. Это бесконечный круг.

Род поджал губы:

— Ты хочешь толковать мне, что Гвун вел себя как образцовый верховный вождь племени?

Йорик застыл с разинутым ртом. Закрыв его, он, запинаясь, вымолвил:

— Ну да. Вроде того. Точно.

— Ладно, допустим, что в этом ты не промахнулся. Но есть еще кое-что, что тревожит меня в поведении этого типа. — Род уставился в одну точку и на несколько минут предался мысленному пережевыванию собственных соображений. В конце концов он сокрушенно вздохнул и пожал плечами. — Увы, не могу поймать смысл.

— Не горюй, — посоветовал ему Йорик. — Погуляет-погуляет, да и вернется домой.

— Это уж точно, — кивнул Род. — И вдобавок к тому времени у него хвост вырастет.

Наверху стукнула дверь. Род тут же вскочил и сжал в пальцах рукоятку кинжала.

— Нет-нет, господин мой, — взяв его за руку, возразила Гвен. — Это скорее друг, нежели враг.

На лестнице первым делом появились ботинки, в которые были заправлены просторные зеленые штаны. Потом — белый фартук, повязанный поверх внушительного живота, затем — грудная клетка размером с добрый пивной бочонок и могучие плечи и, наконец, усмехающаяся физиономия Чолли, который спулся к «подпольщикам» со здоровенным подносом, уставленным всякими аппетитными дымящимися вкусностями.

— Вот, подумал да решил, что вы проголодались. Как-никак, ночь того и гляди истает.

— А с ней и наше время, — вздохнул Род и протянул руки, чтобы помочь Чолли с подносом.

— Нет-нет! Не надо мне помогать! — Чолли отвел поднос в сторону. — В нашем деле на дилетантов полагаться нельзя! Садитесь, садитесь! Для того чтобы получить удовольствие от еды, мало, чтобы она была вкусная и приготовленная по всем правилам. Важно и то, как ее подают.

Род поднял руки.

— Я невиновен, шериф! — театрально поклялся он и сел.

— Вот так. Так-то лучше будет, — усмехнулся Чолли и подвинул ногой на середину подпола перевернутый ящик. На него он и водрузил поднос, после чего принялся накладывать на тарелки яичницу, колбаски, оладьи, тосты, отбивные и жареную картошку. — Эти яйца несут местные птицы, а не какие-нибудь стандартные терранские курицы. Славные пташки и очень гордятся своим трудом. Кстати, и холестерина в этих яйцах поменьше, чем в куриных будет. — Чолли поставил тарелку на колени Йорику. — А кем была в прошлой жизни эта отбивная, я вам рассказывать не буду. Расслабьтесь и кушайте на здоровье.

— М-м-м... вкусно, — пробормотал Йорик, прожевав кусок мяса.

Род проводил подозрительным взглядом колбаски на тарелке, отправившейся мимо него к Чорной:

— А что за колбаски?

— Свиные, — ответил Чолли, нагружая едой тарелку для Рода. — Добрая старая свининка, майор. Где люди, как говорится, там и свинки. А почему бы нет? — Он передал тарелку Роду и принялся накладывать еду на следующую. — Они вкусные, не слишком большие, а питаются нашими пищевыми отбросами. Ну и что с того, что они не слишком опрятны и отличаются дурным нравом? Обеспечьте их парой-тройкой грязных луж, и они будут счастливы и благодарны вам. — Он передал тарелку Гвен и обернулся к Чорной и Йорику, чтобы подложить тем еды, но оказалось, что они уже сами себя обслужили. — Ну, вот и славно, — вздохнул он и устремил любовный взгляд на Гэллоуглассов, с аппетитом уплетающих

обильное угощение. — Люблю смотреть, когда кто-то хорошо кушает. Это зрелище согревает мое старое сердце.

— Да будет вам, Чолли, — укорил его Род. — Какой же вы старик? Вам наверняка всего на несколько лет больше, чем нам.

— «Наверняка» — это ты зря, парень, — шутливо погрозил ему Чолли указательным пальцем. — Мне уже пятьдесят, так-то вот.

— О, он на десять лет старше меня! — обрадованно воскликнула Гвен.

— Да, это, конечно, жуткая древность, — усмехнулся Род. — Но готовите вы отменно, и потому, так и быть, мы станем называть вас дряхлым старикашкой.

— Ну, это как пожелаете, а мне все равно приятно смотреть, как люди с аппетитом угощаются моей стряпней, — заключил Чолли и тут же нахмурился. — А вы, как я погляжу, беззаботная парочка.

— Что? — удивленно уставился на него Род. — О, это вы так подумали из-за того, что мы не выглядим чересчур обеспокоенными? — Он пожал плечами и вернулся к процессу поедания содержимого тарелки. — На самом деле это не так.

— Но почему мы должны беспокоиться? — невинно, широко раскрыв глаза, спросила Гвен.

— Ну... — Чолли деликатно кашлянул в кулак. — Есть такая малость, как то, что вашей крови жаждет примерно миллион обезумевших дикарей.

— Дорогая, тебе не кажется, что он чересчур бесстрастно описывает сложившееся положение дел?

— О да, господин мой. Сухо и безо всяких эмоций.

— А вас это не волнует, — заключил Чолли, наклонился ближе к Гэллоуглассам, вздернул брови.

— А что нам волноваться? — пожал плечами Род. — Если на то пошло, мы всегда можем удрать.

— Да, мы большие мастера по части быстрых исчезновений, — подтвердила Гвен. — Главное — улучить время.

Чолли явно изумился не на шутку:

— Так почему же вы не удираете прямо сейчас?

Род покачал головой:

— Не хотелось бы создавать неприятности.

Гвен согласно кивнула:

— Мы бы предпочли обратиться в бегство, уверившись в том, что здесь не начнется война.

— Если мы не явимся на суд, — продолжал Род, — что станет с политическими взаимоотношениями между вольмарцами и колонистами?

Чолли пару секунд молчал, глядя в одну точку перед собой. Наконец он изрек:

— Это хорошая мысль. И с вашей стороны крайне любезно проявлять заботу об этом. Но разве вам не стоит и о себе позаботиться?

— Мы заботимся, заботимся, — заверила его Гвен.

— Мы сказали вам чистую правду, — добавил Род. — Если нас здорово прижмут, мы всегда можем исчезнуть, превратиться, образно говоря, в деревья. Но остается маленькая проблема — как убраться с этой планеты.

Чолли уселся поудобнее, почесал щеку на месте бывшего бакенбарда.

— Угу. Тут, конечно, кое-какие сложности имеют место быть. Ведь по большому счету именно поэтому целую планету сделали тюрьмой — это я так, к слову говорю. Имейте в виду, на Вольмаре полным-полно мест, где можно надежно спрятаться, — к примеру, кое-где в горах, куда не наведываются даже вольмарцы. А дичи там водится предостаточно для того, чтобы прокормилась супружеская пара и даже семейство с детишками.

Гвен покачала головой и сглотнула подступивший к горлу ком.

— Нет. Дело как раз в детишках, раз уж вы о них упомянули. Поймите, я должна вернуться к нашим детям.

Чолли некоторое время молча смотрел на нее, выпятив нижнюю губу.

— Да, — кивнул он в конце концов. — Это мне понятно. Но где ваши детки, миссис?

Гвен уже разжала губы, готовясь ответить ему, но Род опередил ее:

— На другой планете, далеко отсюда.

— Как все дети на свете! — вздохнул Чолли, подбоченился и уставился на потолочные балки. — Что тут скажешь? Это

дело серьезное. Но в плане отлета с Вольмара мне вам помочь нечем. Мои ребята делают только черную работу.

— Да чего там, — пожал плечами Род. — Мы ведь и не ждали ничего такого.

— И все же с вашей стороны было очень любезно предложить нам помощь, — заметила Гвен.

Чорной оторвала взгляд от тарелки и передвинула кусок отбивной языком за щеку.

— Кстати говоря, насчет тех, кто прячется на вольмарской территории...

Чолли вперил в нее пронзительный взор.

— Говори, — в командном тоне произнес он.

— Дело касается чужаков. — Чорной прожевала кусок и проглотила. — В последний месяц я много времени провела среди вольмарцев...

— Это мне известно, — оборвал ее Чолли. — И я не стану спорить с тем, что они более участливы и более тактичны, нежели наши колонисты, и если дама говорит «нет», они не настаивают — все так. В конце концов у них хватает женщин. Но как ты разузнала про чужаков?

— Для этого вполне достаточно хотя бы одного увидеть, — пожала плечами Чорной. — Уверена, вольмарцы их не раскусили, а вот я увидела, можно сказать, насквозь. Может быть, потому, что смотрела со стороны.

— Да... — протянул Чолли. — И чем же занимались эти фальшивые вольмарцы?

— Да ничем таким особенным. Являлись в племя, просили поесть и дать им приют на несколько часов. Вольмарцы, естественно, проявляли законное гостеприимство...

— Причем пришельцы наверняка были с той же окраской, что и те, у кого они просили приюта, — выдохнул Чолли.

— О, конечно. Если бы они были из другого племени, это выглядело бы, как если бы лошади одной масти наведались к лошадям другой! А вольмарцев одной и той же окраски всегда усадят для беседы на зеленый ковер...

— То есть на траву? — уточнил Род.

— Естественно. — Раздраженная тем, что ее прервали, Чорной сердито зыркнула на него. — Гости попросту усаживались на траву, пили, ели и обсуждали с хозяевами мировые проблемы.

— Они проводили в гостях несколько часов?

— Два-три. Потом они куда-то уходили, продолжали свой путь. Но после их ухода мне случалось слышать, как тот или иной вольмарец дурно отзывается о генерале Шакларе или колонистах вообще.

— Я бы не назвал это позитивным симптомом, — заметил Йорик.

— Уж это точно, — покачала головой Гвен.

— Что же их не устраивало? — спросил Чолли. — Ведь чуть ли не с самого начала вольмарцы нарекли Шаклара «голосом разума». Им недовольны только на Терре, да и Терра-то возмущалась только из-за того, что генерал перестал в ней нуждаться!

— Вот так всегда с женщинами, — вздохнул Йорик, а Чорной одарила его одним из самых презрительных взглядов, на который только была способна.

— Правда, в последнее время Терра ни на что не жалуется, — уточнил Чолли. — Да и как она может жаловаться, если она порвала с нами окончательно и бесповоротно?

Йорик был готов что-то сказать, но Чорной опередила его.

— Может. Она все может, — буркнула она.

Род пожал плечами:

— О'кей, итак, за Стеной имеется энное количество нитков. Но почему это должно тебя беспокоить? Недовольные есть всегда и везде.

Однако, судя по виду Йорика, эта новость и его навела на нехорошие подозрения, а Чолли, покачав головой, сказал:

— Недовольные, как правило, посиживают в своих деревнях, а мисс Чорной видела таких, которые шастают из поселения в поселение.

Чорной кивнула:

— Именно так. И ко всему прочему, они были из разных племен. То из одного, то из другого.

Чолли снова покачал головой:

— Попахивает организацией.

— Ага, — согласился Род. — И еще — ведрами краски, которой тут принято мазать тело. Вполне вероятно, что это — одни и те же агенты, только они каждый раз перекрашиваются.

— Очень даже может быть, — кивнул Чолли. — Надо будет непременно оповестить об этом генерала.

— Если надо — оповести, конечно, — отозвалась Чорной и вдруг напряглась, натянувшись как струна. — Только не уточняй, кто тебе об этом рассказал, ладно?

— Расслабься, — успокоил ее Чолли. — Я всегда говорю «сообщили мои осведомители», и генерал мне больше никаких вопросов не задает.

— Ну... понятно, — кивнула Чорной и, вняв совету Чолли, успокоилась и расслабилась. — У тебя такая уйма торговцев. Какая разница, кто из них принесет ту или иную новость?

— Для генерала разницы никакой, — нахмурившись, ответил Шаклар. — А для меня кое-какая есть. — Он посмотрел на Рода и Гвен. — В общем, я понял, о чем она говорит. Это не пустяк, на мой взгляд. Я так думаю, для вас это может иметь значение.

— С какой стати? — глянул на него Род. — Из-за того, что тогда можно было бы объяснить наличие трупа при том, что никто из вольмарцев не погиб и не исчез?

Чорной покачала головой:

— Погибший был самым настоящим вольмарцем.

Род нахмурился:

— А как это можно определить? По татуировкам?

— Да, по татуировкам и еще по кое-каким племенным знакам.

Чолли согласно кивнул:

— Есть такие знаки. Они, если их не искать специально, незаметны. И тем не менее для вас есть шанс использовать эти сведения, дабы отсрочить вашу казнь. Попробуйте потребовать, чтобы Гвун доказал, что убийство совершено не кем-то из его людей и не кем-то из самозванцев-подстрекателей.

Губы Рода расплылись в улыбке, а Гвен сказала:

— Но они точно так же могут потребовать от нас, чтобы мы доказали, что к этому могут быть причастны фальшивые вольмарцы.

— Естественно, — согласился Род. — Но зато никто не станет требовать от нас дать показания против настоящих вольмарцев, верно? — Он улыбнулся Чорной. — Спасибо вам, леди. Это поможет нам выиграть время.

— Никакая я вам не леди, — фыркнула Чорной.

Но прежде чем Род успел произнести следующее слово, стало слышно, как наверху хлопнула входная дверь бара и над головами всей компании протопала дюжина пар армейских ботинок.

— Ох, — вздохнул Чолли и посмотрел в потолок. — Боюсь, прибыл ваш эскорт.

Солдаты отвели Гвен и Рода не в кабинет Шаклара, а в здоровенный деревянный дом, стоявший между кафешкой Чолли и административным зданием.

— Это что? — спросил Род у лейтенанта. — Городское собрание?

— Типа того, — проворчал лейтенант и распахнул дверь. Род и Гвен вошли в дом, расправив плечи и горделиво подняв подбородки. Конвойные вошли следом за ними.

Род быстро огляделся по сторонам. Находясь внутри, трудно было бы сказать, что дом выстроен из бревен. Стены были затянуты панелями и отштукатурены, а мебель отполирована до такого блеска, что казалась пластиковой.

Гвен и Род оказались прямо перед красивым столом высотой футов шесть. Шаклар, несомненно, оказался бы под ним, если бы не восседал на высоченном резном стуле, обитом, как успел отметить Род, самой настоящей, натуральной кожей. Что ж, колонистам приходилось работать с теми материалами, которые имелись в их распоряжении.

По обе стороны от стола судьи, за которым восседал Шаклар, стояли столь же натуральные деревянные столы, но на фут ниже. За тем столом, что стоял слева, сидели пятеро вольмарцев, а за правым — пятеро военных с офицерскими лычками на погонах.

Внимательнее осмотрев зал суда, Род обнаружил подставку для конституции.

Перед столом Шаклара появился лейтенант, ударил об пол дубовым шестом с меловым наконечником и возгласил:

— Встать! Суд идет!

Поскольку суд в лице Шаклара уже находился на месте, вставать смысла не имело — тем более что Род и Гвен и так уже стояли. Уловив мысли мужа, Гвен с трудом удержалась от улыбки.

— Обвиняемые, пожалуйста, подойдите, — спокойно проговорил Шаклар.

Род посмотрел на Гвен. Гвен посмотрела на Рода. Супруги дружно пожали плечами и одновременно сделали шаг вперед.

— Каковыми вы себя признаете? — полюбопытствовал Шаклар.

— Виновыми или невиновными? — подсказал лейтенант.

— Невиновными, — твердо и решительно объявил Род.

— Доказательства! — вскочив на ноги за вольмарским столом, возопил Гвун. — Какой такой они представлять доказательства? Пусть давай доказывай, что не они совершай убийство!

— Честно говоря, если на то пошло, я что-то не припомню, чтобы я упоминал о совершении убийства, — задумчиво произнес Шаклар. — Это чудовищное упущение с моей стороны. Но на самом деле, старина, если вы желаете выступать от имени пострадавшей стороны, вам следует выйти из-за стола и встать перед судьей.

Гвун несколько секунд таращился на Шаклара, затем кивнул и изрек:

— Это, значит, разумный быть.

Род не спускал заинтересованного взгляда с вольмарца, а тот вышел из-за стола и занял место перед ним. Практически добровольное согласие исполнить указание Шакрала как-то плохо вязалось с образом строптивого и враждебного вольмарского Верховного Вождя. Почему он так быстро согласился поступить так, как ему велел Шаклар?

Позади, ближе к двери, послышались шаги. Род скосил глаза в ту сторону и заметил, как в зал тихонько вошли Чорной и Йорик. Род недовольно закусил губу. Ему не хотелось, чтобы эти двое так открыто демонстрировали свою поддержку. Военные запросто могли заподозрить заговор.

И все же, как ни крути, появление товарищей Рода порадовало.

Гвун шагнул к Роду и Гвен и одарил их гневным взглядом:

— Вы говорить, что вы быть невиноватые! Давай, значит, доказательства!

Род неожиданно понял, что ему и Гвуну следовало незамедлительно решить, каким было вольмарское право в своей

основе — наполеоновским или британским. Если оно было наполеоновским, то суд должен был исходить из презумпции о том, что обвиняемый изначально виновен и должен, оправдываясь, доказать свою невиновность. Сие означало, что права человека не станут самым важным элементом грядущей конституции на Вольмаре.

— Нет, — негромко отозвался Род. — Мы не обязаны доказывать, что невиновны. Это вы должны доказать, что мы виновны.

Гвун не мигая смотрел на Рода, и взгляд его был настолько холоден, что Род готов был поклясться: он ощутил симптомы обморожения.

— Это верно.

Верховный Вождь резко развернулся к столу, за которым сидели военные-колонисты. Один из них, стройный молодой офицер, поднялся. Род не без изумления узнал в нем того лейтенанта, что был так любезен с ним и Гвен на Стене прошлым утром.

— Лейтенант Корриган, — вмешался Шаклар, — на каком основании вы высказываете согласие с обвиняемыми?

— Почему бы и не высказать? — добродушно улыбнувшись, пожал плечами Корриган. — В конце концов обычный здравый смысл подсказывает, что это логично. Нам ничего не известно об этих людях, кроме того, что к городу их пригнал вольмарский патруль. Если это о чем-то и говорит, так только о том, что вольмарцы были настроены против них. Мы обязаны со всей ответственностью углубиться в поиски причины, из-за которой они могли бы быть обвинены в совершении уголовного преступления.

— Ваша точка зрения мне ясна и представляется справедливой, — кивнул Шаклар и обратил взор к столу, за которым сидели вольмарцы.

— Те из нас, кто присутствовал на слушании дела вчера утром, с соображениями такого рода ознакомлены, но тех, кто на слушаниях отсутствовал, неплохо было бы с этими соображениями ознакомить. Давайте все вместе послушаем еще раз.

Род испустил вздох облегчения — победил британский вариант. Все же вольмарские законы базировались на презумпции

невиновности, и суд обязан был доказывать вину подсудимого. А это означало, что права человека займут достойное место в зарождающейся конституции этой планеты. Неожиданно термин «отцы основатели» наполнился совершенно новым значением.

Шаклар перевел взгляд на Корригана:

— Однако и вам, лейтенант, я вынужден сделать такое же замечание. Если вы решили выступать от имени обвиняемых, прошу вас выйти из-за стола.

Тем самым, как заметил Род, было установлено численное равновесие, а также распределены функции обвинения и защиты. Оставалось только надеяться на то, что Шаклар окажется столь же осторожен в суждениях, как в установлении прецедентов.

Корриган вдохнул, выдохнул, расправил плечи и вышел из-за стола.

Шаклар обратился к Гвуну:

— Прошу вас, представьте ваши доказательства, Верховный Вождь. Почему вы считаете, что эти двое людей убили вольмарца?

Гвун довольно-таки тупо таращился на генерала и молчал.

Шаклар откинулся на высокую спинку стула, сложил руки на животе. Вид у него был самый что ни на есть безмятежный.

Наконец Гвун изрек:

— Они быть там. — Род облегченно вздохнул. Английский вариант работал на все сто. — Вчерашний утро, — продолжал Гвун. — Они быть за Стена. За Стена, значит, посередине равнина. А кто знать, где они бывай раньше?

— Совершенно верно, — подхватил Корриган. — Кому это известно в точности?

Гвун его вопрос напрочь проигнорировал.

— Волмарец быть найден, значит, мертвый. Мертвый на Место Приветствия Солнца. Я, значит, самоличным находить труп! Кто бы стать убивай вольмарец? Только колонист! — Он ткнул пальцем в сторону Рода и Гвен. — Только этот двое люди бывай за Стена безо всякий надобность. А потому... — Он горделиво сложил руки на груди. — Они, значит, убивай вольмарец.

— Послушайте, послушайте, — заторопился Корриган. — Так дело не пойдет! За Стеной находились и торговцы, и

вольмарцы из других племен. Даже если предположить, что этого несчастного убил не его соплеменник... — Корриган развернулся к столу генерала и многозначительно покачал указательным пальцем: — А между прочим, такой вопрос еще не ставился, сэр! — Затем лейтенант снова обратился к Гвуну: — Так вот, если — повторяю: если этого человека не убил кто-то из его же племени, это вовсе не значит, что его не мог убить вольмарец из другого племени!

Гвун все это время не сводил глаз с Шаклара.

— Вольмарцы мирный люди. Не кровожадный.

Шаклар сидел почти неподвижно. У других офицеров лица стали как каменные. Род готов был поклясться, что слышит сдерживаемый ими смех, а уж их мысли-то он слышал точно:

«Вот уж никогда бы не подумали!»

— Вольмарец не убивай другой вольмарец! — громоподобным голосом возвестил Гвун.

Лица офицеров так и остались каменными.

«Интересно... А чем же тогда вы таким занимались здесь, когда мы сюда прибыли, а? Товарищеские пикнички устраивали?»

Шаклар ухитрился выразить все свои чувства шумным вздохом и склонился к столу:

— Пусть так... Обвиняемый!

— Гм. Да? — с любопытством взглянул на генерала Род.

— Были ли вы или ваша супруга на Месте Приветствия Солнца вчера утром?

Род покачал головой:

— Я ничего не знал об этом месте и не видел его вплоть до вчерашней ночи, когда мы отправились туда с целью самостоятельного поиска улик.

Гвун взметнул голову и гневно зыркнул на Рода, а Шаклар резюмировал:

— И при этом вчера ночью никто убит не был. — Он повернул голову к столу, за которым восседали вольмарские вожди. — Не знает ли кто-то из вас, случайно, где были впервые замечены эти двое людей?

— Посередине Лошадиный Равнина, — ответил вождь племени «лиловых».

— Они шли пешком? — поинтересовался Корриган.

— Пешком, — подтвердил вождь.

— А ведь это в добрых десяти километрах от Места Приветствия Солнца. В какое время твои воины заметили обвиняемых, вождь?

Вождь пожал плечами:

— Солнце тогда, значит, совсем недавно всходит.

— То есть вскоре после рассвета, — перевел Корриган. — Солнце уже целиком появилось над горизонтом?

Вождь кивнул.

— Насколько высоко?

Вождь показал руками:

— На две пальцы.

— На два пальца над горизонтом при замере вытянутой рукой. — Корриган воспроизвел жест вождя, прищурился. — Пожалуй, это было через полчаса после рассвета... — Он опустил руку и перевел взгляд на Гвуна. — Я утверждаю, что моим подзащитным было бы крайне затруднительно убить человека на Месте Приветствия Солнца и через полчаса после этого оказаться посреди Лошадиной Равнины — то есть в десяти километрах от места совершения преступления.

Гвун, пару мгновений помолчав, буркнул:

— Они могли убивать раньше.

— Верно, *могли*, — кивнул Корриган, сделав ударение на последнем слове. — Но *сделали* ли они это, вот вопрос! Есть ли у вас хоть мало-мальски достоверное доказательство того, что мои подзащитные вообще встречались с погибшим, не говоря уже о том, что они причастны к его смерти?

Гвун одарил его долгим ледяным взглядом, развернулся к своим собратьям, вождям, приосанился и проговорил:

— Военные говорить неправда. — Он снова указал пальцем на Рода и Гвен. — Это два убивать человек! Ясный, значит, как день, для все и каждый! — Гвун развернулся к Шаклару. — И все и каждый смотри и понимай, что военный не бывай честный и справедливый с вольмарцы! О, они честный, когда продавай нам товар и плати деньги за трубочник, но только не тогда, когда мы, значит, говори про жизнь и смерть! Тогда никакой солдат не бывай честный!

Другие вожди вытарашили глаза, начали перешептываться и бросать злобные взгляды на Шаклара и стол, за которым сидели офицеры. Те напряглись, и лица у них опять стали непроницаемые.

— Отдавать! — прогрохотал Гвун, подняв руку и развернув ее ладонью вперед. — Отдавать эти двое люди вольмарцы! Отдавать убийцы наш брат в наши руки, чтобы мы подвергай их справедливый казнь здесь и сейчас!

— Справедливость! Это ты говоришь о справедливости, лживый святоша? — воскликнула, вскочив на ноги, переполненная праведным гневом Чорной. — Не справедливости ты жаждешь. Ты жаждешь найти козла отпущения! Ты отлично знаешь, что если ты перестанешь нравиться вождям племен, тебя быстренько сбросят! А ты им точно разонравишься, если выяснится, что это вольмарец убил своего собрата вольмарца! Потому что если это окажется так, то племя, из которого родом убийца, станет выгораживать его, а то племя, из которого убитый, возжаждет мести! И тогда настанет конец вашей симпатичной маленькой Конфедерации!

— Не бывай так!

— Вольмарский закон!

— Все племена поднимайся!

Но Гвун быстро утихомирил вождей.

— Справедливость! Мы желай только справедливость!

— Справед-ли-вость! — передразнила его Чорной и стремительно подошла к нему. — Как же это тиран может желать справедливости? А ведь ты именно тираном мечтаешь стать, правда? Королем всех вольмарцев! Тираном! Диктатором! А на самом деле ты всего лишь машина, движимая жаждой власти.

Род вздрогнул, напрягся. У него было такое ощущение, будто его позвоночник превратился в раскаленную проволоку. В сознании у него мгновенно соединились, сплывались друг с другом разрозненные факты.

— Машина! — дерзко выкрикнула Чорной.

Гвун взмахнул рукой настолько проворно, что она словно бы растаяла в воздухе. Сильнейший удар тыльной стороной ладони пришелся по подбородку Чорной. Та отлетела назад и ударилась спиной о стол, за которым сидели колонисты.

Род взревел. Потаенная ярость вырвалась наружу, и он бросился на Гвуна. На счастье, в последний момент Род успел вильнуть в сторону, и кулак Верховного Вождя просвистел рядом с его ухом. Род похолодел при мысли о том, что от этого удара он мог и погибнуть. Началась драка не на жизнь, а на смерть!

К черту правила и кодекс чести!

Род разогнулся, крутанулся на месте и заехал Гвуну коленом в пах. Удар был сопровожден...

Негромким треском.

Род взвыл: колено у него словно бы огнем обожгло.

Все, кто присутствовал в зале суда, вскочили и замерли в неподвижности, наэлектризованные этим звуком.

Рука Гвуна метнулась к горлу Рода, но Род не устоял на ногах и рухнул на пол. Пальцы Гвуна сжали воздух. Рода охватил страх, и в ответ на это чувство из его сердца бурным потоком наружу хлынула мощная, всепобеждающая ярость. Род сосредоточил ее силу в правой руке, приподнялся, встал на одно колено, транслировал всю энергию ярости в ребре ладони, пожелал, чтобы его ладонь уподобилась мечу или боевому топорiku и при этом нанесла удар настолько быстро, что никто бы не заметил, что она приобрела характерный блеск вороненой стали. Удар пришелся по подбородку Гвуна. Вольмарца подбросило вверх, и приземлился он прямо перед столом, за которым находились вожди.

Род опустил на колени, его рука безжизненно повисла. Тяжело дыша, широко раскрыв глаза, он дивился своему поступку.

«Я не мог ударить его так сильно!»

«О нет, мог!»

Род оглянулся и увидел, что в глазах его жены отражается блеск стали.

Но Гвун поднялся на ноги...

...и к его голове устремился тонкий алый луч, и рассек ее.

На мгновение, показавшееся невероятно долгим, все как бы замерло вокруг. Род только успел проследить за лучом и понял, что тот соединяет голову Верховного Вождя с бластером в руке Шаклара. Бластер выглядел настолько же органично, как безупречная аккуратная военная форма генерала.

Мгновение наконец закончилось. Луч света угас. Гвун рухнул на пол.

Вольмарцы смотрели на него, не в силах вымолвить ни слова.

А в следующий миг они выбежали из-за стола и выхватили из-под балахонов бластеры.

— Пролитый кровь! — вскричали они.

— Справедливости!

— Измена!

— Убивай!!!

Но Шаклар пулей вылетел из-за своего судейского стола и в одно мгновение оказался рядом с телом Гвуна и сорвал с того набедренную повязку. Остальные вольмарцы глухо, злобно взвыли, однако возмущение их быстро улеглось, они остолбенели и вытаращили глаза. Несколько секунд в зале суда царила абсолютная тишина.

А потом из глоток четверых вольмарцев вырвались стоны. В ужасе смотрели они на тело своего Верховного Вождя. Никакие выпуклости не нарушали гладкую, ровную линию паха. У Гвуна не было гениталий.

Род бросился к Гвуну, выхватил кинжал. Собрав волосы поверженного вождя в пучок, он ловко надрезал кожу и оттянул назад. Он не увидел ни крови, ни подкожной жировой клетчатки. Перед ним предстал безупречной формы бежевый череп с лобными прорезями, образующими правильный квадрат.

Вожди все еще не в силах были пошевелиться и стояли, не отводя глаз от погибшего Гвуна.

Род просунул кончик лезвия кинжала в одну из трещинок и поддел теменную кость. Квадратик, хоть и не сразу, приподнялся, подобно хорошо пригнанной крышечке. Перед изумленным взглядом Рода предстало созвездие бриллиантов, сверкающих в темноте черепной коробки.

— Это, естественно, молекулярные микросхемы, — объяснил Род. — Каждый из этих «бриллиантов» был компьютером, с помощью которого можно было бы управлять системой жизнеобеспечения небольшого городка.

Он поднял кружку, чтобы глотнуть пива, а Чолли осведомился:

— И как же вы догадались, что он — робот?

— Легко, — с хитрой усмешкой ответил Род. — Честно говоря, я сам удивляюсь, как это я раньше не догадался. Начнем сначала. Был убит вольмарец, так? Но при этом никто из вольмарцев не пропал. Что бы это могло значить? Только одно: что откуда-то взялся один лишний вольмарец. — Род развел руками. — Но это невероятно. Затем мы знакомимся с Гвуном. Он не выражает никаких эмоций, кроме злости, но при этом, обратите внимание, его злость характеризуется необычайной холодностью. Таков Гвун во всем: очень холоден, очень прагматичен. Видимо, именно его странная логика и сбила меня с толку.

— Угу, — кивнул Йорик и почесал макушку. — Ума не приложу, как же это компьютерные мозги могли измыслить такую глупость, что вы с леди Гвен виноваты только потому, что в то утро находились за пределами Стены!

— Тем более что в это же самое время за пределами Стены находилось полным-полно всякого другого народа, — уточнил Род и многозначительно поднял указательный палец. — В-первых — Талер, во вторых — торговцы. Сколько их там бродило по деревням — кто знает?

— Точно. Ну и как же могло так получиться, что Гвун не понял, что подозревать вас попросту глупо?

Род пожал плечами:

— Он мог мыслить только в рамках заложенной внутрь него программы, по системе «что заложишь, то и получишь». А мне следовало еще тогда заподозрить неладное, когда Чорной сказала нам о том, что Гвун никак не отреагировал на ее попытки пококетничать с ним в то время, как любые другие вольмарские мужчины обожали ее кокетство и отвечали ей ухаживаниями, а она могла не опасаться за свою честь. Такое холодное поведение Гвуна должно было меня насторожить. А уж главной уликой против него, естественно, было то, что он прервал разговор с Чорной и помчался к камню с прорезями буквально за мгновение перед тем, как взошло солнце.

Йорик сдвинул брови:

— Ну и?..

— Как он мог знать, что солнце, того и гляди, взойдет? — вырвалось у Гвен.

Йорик несколько мгновений молчал и смотрел в одну точку, потом медленно запрокинул голову.

Род кивнул:

— В его программе был заложен календарь восходов солнца. Следовало, следовало обратить на это внимание! Но все эти факты не соединялись у меня в сознании в связную картину до того, как Чорной в суде обозвала Гвуна машиной. Вот тогда-то я понял, чем могут объясняться все странности в его поведении.

— И тогда ты догадался, что убийство совершено роботом? — спросил Чолли.

Род снова согласно кивнул:

— В этом нет ничего невероятного, если робот запрограммирован на убийство. Вот почему столь суровы законы, лежащие в основе промышленного изготовления роботов. Но наши приятели футурианцы на эти законы, как видно, поплевывают с высокой колокольни.

— Использовать бластеры для убийства людей тоже противозаконно, — проворчал Йорик. — И все же среднему убийце не по карману использовать робота в качестве киллера. Часто тебе встречались киллеры-андроиды?

— Этот — первый, — ответил Род. — Все прочие роботы, которых я когда-либо видел, были запрограммированы на защиту людей.

— Быть может, именно поэтому, господин мой, — растерянно проговорила Гвен, — ты и не заподозрил с самого начала в убийстве того, которого ты назвал... «роботом»?

Род, немного помедлив, скованно кивнул:

— Да, дорогая. Наверное, как раз поэтому. Ты ведь меня хорошо знаешь, правда? — Он улыбнулся Гвен. — И ты совершенно правильно произнесла это слово. «Робот» в буквальном переводе означает «работник». Это машина, которой специально придана форма человеческого тела. Роботы служат для того, чтобы выполнять вместо людей разные работы.

— Но как же вышло так, что этот робот настолько походил внешне на настоящего Гвуна?

— Вот тут-то мы с вами и добрались до разговора о подлинном злодее, — сказал Род и поджал губы. — Кто-то, оче-

видно, спланировал все заранее — и следует отметить, спланировал самым старательным и предусмотрительным образом. Некто — вероятно, один из тех самых фальшивых вольмарцев, которых заприметила в деревнях Чорной, — сфотографировал Гвуна, а затем изготовил точно такую же голову для робота. Затем злоумышленник отправил робота туда, где тот наверняка мог встретиться с Гвуном наедине.

— На Место Приветствия Солнца, — подхватил Йорик. — А потом мерзавцу нужно было только позаботиться о том, чтобы программа, заложенная внутри робота, включала не только само убийство, но и шумиху вокруг него.

— Итак... — безглаголиво скривившись, проговорила Чорной. — Настоящий Гвун отправился на гору, чтобы произнести утренние молитвы, и как только он встал лицом к восходящему солнцу, робот нанес ему удар. — Она поежилась. — По крайней мере Гвун умер быстро.

Йорик опустил голову:

— Все было сделано предельно аккуратно.

— Очень профессионально, — согласилась Чорной. — Но кто же тот подонок, что запрограммировал робота?

— Боюсь, этого мы не узнаем, — с сокрушенным вздохом проговорил кто-то.

Все удивленно обернулись и увидели, что к их столику шагает Шаклар.

— Похоже, мой выстрел вышиб у этого андроида память вместе с жизненно важными функциями и даже саму программу.

— Не сказал бы, что я изумлен до глубины души, — хмыкнул Род. — Программа для робота и есть жизненно важная функция.

— Именно так. — Шаклар опустил руку на спинку стула. — Позвольте присоединиться к вам?

— Конечно, мы будем только рады, — улыбнулась генералу Гвен.

Род бросил на нее свирепый взгляд.

Шаклар отодвинул от стола стул и сел.

— Имейте в виду: я не извиняться за содеянное пришел. Это чудовище следовало остановить немедленно, а для этого существовал один-единственный способ. Нам еще повезло, что

главная компьютерная деталь размещалась у него в голове, куда я первым делом и выстрелил.

— Нам не просто «повезло», — улыбнулся генералу Род. — Вы ведь были почти уверены в том, где именно располагается его компьютерный мозг, да?

Шаклар усмехнулся:

— Как правило, телеология не подводит. Если мы производим машину в образе и подобии человека, ее компьютерный мозг мы помещаем в черепную коробку, потому что именно там находится наш собственный головной мозг, несмотря на то что в грудной клетке для него места куда как больше. На самом деле второй выстрел я намеревался сделать именно в грудную клетку робота.

— Но к счастью, это не потребовалось, — с улыбкой кивнул Род. — Имейте в виду, генерал, лично я особенно рад, что вы так поступили, поскольку именно меня пытались убить эта треклятая электронная тварь.

Шаклар ответил ему добродушной улыбкой и понимающим кивком.

— Боюсь, что теперь мы никогда не узнаем, что же за программа была в него заложена. Ну и, естественно, не сумеем догадаться, кто запрограммировал робота таким образом и зачем.

Род пожал плечами:

— Можно поразмышлять на этот счет.

— Верно. — Шаклар улыбнулся шире. — Поразмышлять всегда можно. Но следует помнить, что мы всего лишь строим гипотезы.

— Тем не менее, — напомнила ему Гвен, — наша неповинность доказана.

— О, совершенно верно, — подтвердил генерал. — Это не вызывает ни малейших сомнений. А стоявшая передо мной проблема, заключавшаяся в необходимости усмирения вольмарцев, благополучно разрешена.

— Угу, — осклабился Йорик. — Как только майор показал им, что под черепушкой у Гвуна, так они тут же уверились в том, что убийство — дело рук робота.

Шаклар согласно склонил голову:

— А «мертвого» андроида можно было вернуть вольмарцам, что я и сделал. Так что теперь, если у них и были какие-то сомне-

ния, они могут покопаться в нем и разделить между собой его детали, убедившись в том, что он — всего лишь машина.

— А уж это они всенепременно сделают, — заверил своих посетителей появившийся Чолли и поставил на стол перед ними полные кружки пива. — И только представьте себе: сколько они при этом узнают о кибернетике!

— Я уже подумал об этом. — Шаклар с улыбкой поднял кружку. — Более того, «убив» андроида, я, похоже, стал героем в глазах вольмарцев.

— «Истребитель злых духов» — что-то в этом роде, да? — ухмыльнулся Йорик.

Шаклар кивнул.

— Ну, тогда все в ваших руках, — объявил Род и деловито хлопнул ладонями по столу. — Можно считать, что уже создана Вольмарская Федерация — прообраз будущего правительства, состоящего из вольмарцев и колонистов, которые будут, оставаясь независимыми, решать общие проблемы. Собственно говоря, сегодня нечто в этом духе уже произошло.

Шаклар удивленно уставился на него:

— Мистер Гэллоугласс, вы чрезвычайно наблюдательны. Уж не занимаетесь ли вы сами чем-то подобным?

Род только успел рот открыть, как его опередила Гвен:

— Случалось, он сталкивался с подобными обстоятельствами. Стало быть, его догадка верна?

— Еще как верна, — ответил Шаклар. — На самом деле я уже давно набросал первый, предварительный вариант конституции. Он у меня в файлах давно томится. Я все ждал подходящего момента.

— Ну а мы в некотором роде этот момент ускорили, — усмехнулся Род.

Генерал кивнул:

— Экземпляры проекта конституции уже разосланы во все четыре вольмарских племени, а также офицерам и рядовым — членам нашего парламента.

— А с вашим новым статусом, полученным благодаря праву над роботом, — вставил Йорик, — вы можете сильно не переживать за то, примут или не примут вольмарцы новую конституцию.

— Да, пожалуй, я приобрел в их глазах кое-какой авторитет.

— Да будет вам приbedняться-то, — усмехнулся Йорик. — Вы теперь для них — полубог.

— Само собой, — расплылся в улыбке Чолли. — Наш союз будет тем крепче, при том что вдохновителем и организатором всего, что случилось, были не вольмарцы и не колонисты.

— Мы вам очень признательны, — сказал Род и церемонно склонил голову.

Чорной возмущенно глянула на него:

— А откуда вам знать, что думает по этому поводу ваша жена?

Род смутился и не знал, что ответить, а Гвен шутливо проговорила:

— Не сомневайтесь, он точно знает, что я думаю.

Чорной обрушилась на нее:

— А вы, если на то пошло, откуда это знаете?

— Знаю, и все, — улыбнулась Гвен. — Просто он ответил первым.

— А я жалею, — поспешно вмешался Род, — о том, что так и не понял, к чему стремился тот злодей, что запрограммировал робота: к саботажу вызревающей республики губернатора-генерала или к тому, чтобы разделаться с нами?

— А почему бы не предположить, что он желал и того и другого одновременно? — развел руками Йорик.

Чорной кивнула:

— Вот-вот. И какое это имеет значение, по большому счету?

— Ну, в принципе никакого. Но если бы мы узнали, чего этот тип хотел, тогда мы бы поняли, зачем ему это понадобилось.

— Здорово подмечено, — похвалил Рода Шаклар. — Однако, на мой взгляд, лучше сосредоточить наши помыслы на практическом аспекте сложившейся ситуации. Какова бы ни была истинная цель этих мерзавцев, я бы, старина, сказал так: вас кто-то пытается отправить на тот свет.

— А я бы... сказал... что ваша догадка... вполне логична, — не сводя глаз с Гвен, с паузами проговорил Род и медленно, понимающе кивнул.

— И поэтому, — продолжил свою мысль генерал, — нам разумнее как можно скорее отправить вас с Вольмара, пока

ваши потенциальные убийцы не подстроили такую ситуацию, при которой туземцы таки разорвут с нами отношения.

Род кисло улыбнулся генералу:

— Ради нашего с вами общего блага, да?

— Скажем так: в этой точке наши с вами интересы пересекаются.

— Мы не в обиде, генерал. Мы и сами мечтаем о том же. Не подскажите ли, каким образом можно дать деру с каторжной планеты?

— О, здесь больше не тюрьма, — напомнил Роду Шаклар и покачал указательным пальцем. — С тех пор как Пролетарская Изолированная Социалистическая Коммуна на Терре лишила нас благ своего централизованного правления, мы, волей или неволей, стали самостоятельной, независимой государственной единицей. Безусловно, я отдаю себе отчет в том, что среди тех, кто здесь живет, имеется некоторое количество самых что ни на есть подлинных маньяков-человеконенавистников, и я не имею права выпустить их на волю — они представляют нешуточную опасность для Галактики. То же самое относится и к любому из моих подопечных — садомазахистов. — Он поежился, глубоко вдохнул. — Ну и особо закоренелых, преданных своему любимому делу грабителей. Между тем, как вы уже, наверное, знаете, мы ведем кое-какую торговлю сырьем для фармацевтической промышленности...

— Генерал говорит о местном растении под названием «трубочник», — пояснил Чолли.

— Да-да, именно о нем. И оказалось, что мы действительно можем иметь, пусть и небольшую, прибыль, торгуя с другими планетами, которые, как и мы, оказались брошенными на произвол судьбы.

— И этой торговли хватает для того, чтобы вы обеспечивали себя тем немногим, что вам действительно необходимо?

Шаклар кивнул:

— Наши главные торговые партнеры — Гаскервиль и Отранто.

— Отранто? — нахмурился Род. — Но ведь это же планета-курорт! — Даже пятьсот лет спустя, в то время, когда родился и

жил Род, эта планета сохранила свою славу и репутацию. Но через мгновение он понимающе усмехнулся. — А-а-а, так вот о какой фармации вы говорите...

— Нет, не совсем так, — улыбнулся Шаклар. — Просто дело в том, что к Отранто летит очень много кораблей — туда направляются любители отдыха и удовольствий со всей Террайнской Сферы. Эти корабли обычно всегда готовы захватить небольшой груз. Одна фармацевтическая компания открыла на Отранто фабрику, сырье для которой доставляется с нескольких дальних планет. На фабрике из привозного сырья выделяют нужные химические вещества, после чего их переправляют на центральные планеты для дальнейшей обработки и последующего экспорта. Вот так нам и удалось сохранить кое-какой объем торговли.

— Отверженные ухитрились остаться цивилизованными людьми, невзирая на изоляцию, так? — Род не смог удержаться от улыбки.

— Ну, если вам так уж необходимо говорить банальности... — вздохнул Шаклар. — На самом деле один из грузовых кораблей и привез нам весть о перевороте на Терре, устроенном ПИСК...

Род вдруг понял, к чему ведет этот разговор.

— Думаю, я не ошибусь, если предположу, что в данный момент грузовой корабль — на приколе?

Шаклар кивнул:

— На нашей луне. Вы должны понять, что из-за местной специфики — из-за того, что у нас здесь все-таки тюрьма, добраться от нашего космопорта до луны не так просто. На самом деле еще со времен ПИСК здесь сохранился целый ряд изощренных мер предосторожности, которые я счел за лучшее сохранить. Однако, поскольку я не имею сведений о том, что кто-то из вас является преступником, я не вижу причин вас удерживать на Вольмаре.

— И наоборот, имеете массу причин помочь нам тронуться в путь, так?

— Так вы поможете нам отправиться в странствие? — спросила Гвен.

— Почту за честь, — церемонно склонил голову Шаклар.

Род на миг затаил дыхание, собрался с духом и решил испытать судьбу:

— Безусловно, мы не сможем согласиться покинуть планету без нашей... проводницы.

Йорик сначала сделал удивленные глаза, но тут же улыбнулся:

— Вот-вот. Пожалуй, мы не обойдемся без ее опыта, куда бы мы ни отправились.

Шаклар устремил на Чорной долгий, испытующий взгляд и неторопливо кивнул:

— По большому счету ей с самого начала здесь было не место.

В глазах Чорной вспыхнули искорки надежды.

— Несомненно, я не вижу причин долее удерживать здесь и вас, мадемуазель, — еще более учтиво поклонился Шаклар. — А для того чтобы к вам не имели претензий другие официальные лица, я снабжу вас легальными документами.

Род со вздохом облегчения откинулся на спинку стула.

— Генерал, ваша помощь поистине неоценима. — Неожиданно он сдвинул брови. — Однако имеет место такая маленькая неувязочка, как плата за проезд. Боюсь, у нас не хватит денег на билеты.

Йорик хотел было что-то сказать, но Шаклар, глядя в одну точку, закивал и проговорил:

— Уверен, это можно будет устроить. Я же вам говорил, что мы имеем какую-никакую прибыль от торговли. Уверен, Банк Вольмара сможет выделить сумму, необходимую вам для следующего этапа вашего путешествия.

— Примите нашу глубочайшую благодарность, — сверкнув глазами, с чувством произнесла Гвен.

Генерал несколько мгновений не в силах был отвести от нее взгляд. Пусть он всегда был холоден и спокоен, но иммунитета против женских чар у него явно не было.

А Род сидел и гадал, так уж ли сильно Шаклар жаждет от них избавиться или все-таки не очень?

ОТРАНТО

Гвен, озадаченно сдвинув брови, расстегнула страховочные ремни.

— О, ну это было совсем не страшно! То есть... совсем не страшно в сравнении с тем ужасом, какой собой явило странствие с планеты до ее луны. — Она повернула голову к Роду. Ее глаза светились от волнения. — Воистину ли мы в небесах, господин мой?

— Воистину, — заверил ее Род.

— А тот огромный пустой зал, в который мы попали, выйдя из корабля, воистину ли он был на луне? Вправду ли мы опустились на светящийся в ночных небесах круг?

— Все так и было, дорогая. Но на самом деле этот «светящийся круг» — это каменный шар пять тысяч миль в поперечнике.

Гвен откинулась на спинку кресла и зачарованно покачала головой.

— Как дивно! — воскликнула она, опустила глаза, внимательно рассмотрела кресло. — А этот трон! Сколь невероятно мягок он и какой чудесной тканью обит! — Она снова взглянула на Рода. — Эти корабли — они не только для аристократов?

— Ну... в принципе нет, — ответил Род и нахмурился. — Хотя... всякий, кто способен позволить себе космический перелет, должен быть богат, как аристократ.

— Или как преступник, — с усмешкой добавил Йорик, сидевший по другую сторону от прохода между креслами. — В таком случае вообще ничего платить не надо.

— Верно, но только тогда не будешь лететь с таким комфортом. Кроме того, преступников везут совсем не туда, куда бы желали направиться они сами.

— И то правда, — рассудительно проговорил Йорик. — А вообще-то, когда сматываешь удочки из тюрьмы, выбирать особо не приходится.

— На самом деле это далеко не самый роскошный корабль, — объяснил Род жене. — Это помещение — всего лишь небольшая каюта внутри огромного, вместительного грузо-

вого корабля. Пассажиров на таких судах перевозят только по необходимости.

— Или по возможности, — добавил Йорик. — От нас дохода на один кубический метр пространства гораздо больше, чем от любого груза.

— Это радует, — кивнула Гвен и устремила взгляд на мужа. — Однако поясни мне еще раз, откуда взялось то странное ощущение, которое мы только что испытали, когда казалось, что низ стал верхом, и когда мне на миг показалось, что мы оказались в небе, снаружи корабля?

Род покачал головой:

— Даже не знаю, удастся ли мне объяснить это, дорогая. Слова, которыми пользуются для описания этого явления, мне знакомы, но что они означают — в этом у меня уверенности нет.

— Ну, так скажи мне эти слова, — умоляюще проговорила Гвен.

— О'кей. Ты, надеюсь, помнишь, что самая большая скорость — это скорость света, да? Но единственная причина, по которой свет движется настолько быстро, состоит в том, что он состоит из бесконечно малых частиц, называемых фотонами...

— Они поистине ничтожны, — вставил Йорик.

Род кивнул:

— Можно и так сказать. Фотоны ничего не весят, у них нет содержимого, «массы». Если мы с тобой забрались в космический корабль и попытались лететь все быстрее и быстрее — так, чтобы в конце концов достичь скорости света, наш корабль стал бы укорачиваться все сильнее и сильнее и становиться все тяжелее и массивнее. И чем больше бы становилась масса корабля, тем больше энергии ему требовалось бы для того, чтобы увеличивалась скорость его движения.

— И в конце концов случилось бы так, что из каждой частицы энергии получалось бы столько единиц массы, что корабль не смог бы лететь быстрее?

— Совершенно верно! — воскликнул Род, потрясенный сообщительностью супруги. При этом у него засосало под ложечкой. Как она могла так быстро все схватывать при том, что в ее времени, в той культуре, продуктом которой она была, никто не располагал необходимыми для подобных размышлений базовыми по-

нятиями. — Фактически, правда, мы будем все время лететь чуть быстрее, и еще немного быстрее, и еще самую малость быстрее, но скорости света достичь так и не сможем.

— Да, это и вправду очень трудно понять, — сокрушенно вздохнула Гвен и откинулась на спинку кресла. — Но раз ты так говоришь, господин мой, я верю тебе на слово.

— Ну вот и славно. Но если я не ошибаюсь в твоих способностях, милая, ты очень скоро хорошо поймешь это. А уж потом сама будешь решать, веришь ты в это или нет.

— Но ты, Йорик и барышня Чорной говорили про «другое пространство», в которое мы якобы перешли. Что же это за пространство такое?

— О... — Род округлил глаза и поджал губы. — Видишь ли, какое дело, милая... Отранто, та планета, к которой мы отправляемся, находится примерно в сорока пяти световых годах от Вольмара. Расстояние, которое свет способен преодолеть за год, — это около пяти миллиардов восьмисот восьмидесяти миллионов миль. Умножим это расстояние на сорок пять — и получим что-то около двухсот шестидесяти пяти триллионов миль. Вот приблизительно каково расстояние от Вольмара до Отранто.

Гвен ошеломленно повела головой из стороны в сторону, вытаращила глаза:

— В это нет сил поверить!

— Совершенно с тобой согласен. Даже представить себе столь громадное расстояние невозможно. Это всего лишь цепочка цифр.

— Однако самое главное здесь то, — вмешался Йорик, — что даже если мы будем лететь почти что со скоростью света, нам все равно придется тащиться до Отранто около пятидесяти лет.

— И я уж не знаю, как вы, — хмыкнула Чорной, — а лично я нашла бы себе дела поприятнее, нежели пятьдесят лет торчать внутри звездолета и резаться в шашки.

— Поверь мне, я бы тоже предпочла заняться чем-либо иным, — поежившись, отозвалась Гвен.

— Но быстрее мы лететь не можем, — напомнил ей Йорик. — Не можем, если хотим остаться целыми. Нельзя превышать скорость света.

— Поэтому мы движемся, как принято говорить, со скоростью близкой к скорости света.

Гвен крепко зажмурилась, потрясла головой:

— Нет! Просто в голове не укладывается!

— У меня тоже, — признался жене Род. — Но в задней части корабля установлено устройство под названием «изоморфер». Как только пилот включает это устройство, мы становимся изоморфными — то есть одинаковыми по структуре — с гиперпространством. Что такое гиперпространство — этого я в точности не знаю, но догадываюсь, что это некое пространство, не вполне являющееся частью этой вселенной.

Гвен нахмурилась:

— И мы — часть этого... гипер... пространства?

— Ну, нет, не то чтобы его часть... — Род откинулся на спинку кресла, прищурился, уставился в потолок салона, поджал губы. — Мы просто отождествляемся с ним — точка к точке, атом к атому. Вот где мы сейчас находимся, — сказал он и обвел взглядом салон.

— Но я не ощущаю никакой разницы! — вскричала Гвен. — И во мне не произошло никаких перемен!

— Ни в ком из нас никаких перемен не произошло, — покачив головой, успокоил жену Род. — Мы несколько не изменились — относительно этого корабля и относительно друг друга, потому что мы все сейчас изоморфны, однородны с гиперпространством. Но как только корабельный компьютер решит, что пора выбираться из гиперпространства в обычное пространство поблизости от Отранто, он отключит изоморфер, и тогда мы станем обычными частицами обычной вселенной.

— Это просто чудо, — решительно заявила Гвен.

— Лично я с тобой целиком и полностью согласен, — кивнул Род и вздохнул, — но тот человек, который все это втолковывал мне, уверял меня в том, что все это совершенно естественно и доступно для понимания.

— Как, — усмехнулась Гвен, — и мой магический дар.

— Только на Грамере, милая, помни об этом. — Род сжал руку жены. — А тут, я так думаю, всем ясны и понятны такие вещи, как изоморфизм и гиперпространство. — Он повернул голову к Йорику. — Думаю, вряд ли доктор Мак Аран спосо-

бен перебросить нам детали для сборки машины времени, куда мы пребываем в таком состоянии?

Йорик покачал головой:

— Он не смог бы определить наше местонахождение, майор. Как бы они ни работали — его машины времени, но уж что не через гиперпространство — так это точно.

— Я так и думал, — со вздохом проговорил Род. — И это очень печально, потому что в гиперпространстве мы будем пребывать почти полпути — то есть дня два, не меньше. Но как только мы окажемся в обычном пространстве, он мог бы нам помочь.

— Что ж, он может предпринять такую попытку, — нахмурившись, кивнул Йорик. — Но как раз об этом я и пытался с вами заговорить у Чолли, когда вы толковали с губернатором-генералом. Переброска чего бы то ни было на движущийся объект размером меньше планеты — это очень рискованная операция. Если Док Ангус промахнется, то те детали для сборки машины времени, которыми он будет пытаться нас снабдить, пропадут зря, а стоят они столько, что мало не покажется. Даже для Дока Ангуса это очень чувствительно.

Несколько мгновений Род не сводил глаз с Йорика и молчал. Наконец он изрек:

— Ты пытаешься сказать мне, что несмотря на то, что у нас будет пара дней между точкой выхода из гиперпространства, сорок восемь часов чистого времени, безо всяких помех, ты все равно не сможешь собрать для нас эту треклятую машину времени?

Йорик покачал головой:

— Простите, майор. Это не по правилам. Так не принято.

— И наверное, никогда не будет принято, — горестно вздохнул Род. — А ведь когда мы торчали в ангаре в ожидании «челнока» на Вольмаре, который тоже в некотором роде движущийся объект, ты не сомневался, что там это было возможно!

— Да, но это был стационарный объект, неподвижный относительно громадной массы планеты. Двигалась только сама планета, а на планету детали можно перебросить без труда и без риска. Вся проблема только в том, чтобы верно нацелиться на небольшой объект, находящийся в неподвижности относительно

крупного. — Йорик пожал плечами. — Вы же знаете, майор, что гравитационное поле планеты выделяет с пространством-временем. Это поле искривляет пространство и выполняет большую часть фокусировки за вас. Вам нужно только приноровиться к вращению планеты, а дальше — никаких проблем. А здесь... — Он развел руками, как бы охватив весь корабль. — Да весь этот грузовик — не более километра в длину!

— Ну а ты чего ждал, собственно? — буркнула Чорной. — У дальних планет больших кораблей в арсенале не имеется, знаешь ли.

Йорик ее замечание проигнорировал.

— Полкилометра, два километра — какая разница? Все равно это — пылинки в сравнении с размерами целой планеты. Этого недостаточно для того, чтобы произвести хотя бы минимальное искривление пространства! — Он помотал головой. Вид у него стал печальный, чуть ли не обреченный. — Нет, простите меня, но я ничем не смогу вам помочь, покуда мы в пути.

— Ну ладно, можно было это предвидеть, — проворчал Род и вздохнул. — Хорошо, если мы не можем обзавестись портативной машиной времени здесь, придется разыскать какое-нибудь укромное местечко на Отранто, где можно будет ее собрать.

Йорик кивнул:

— Там с этим никаких проблем не будет, майор.

— Так ведь и на Вольмаре с этим, по идее, никаких проблем не должно было быть, — буркнул Род и укоризненно глянул на Йорика. — Вряд ли на Отранто где-нибудь стоит стационарная машина времени, которая только и ждет, чтобы мы ею воспользовались.

Йорик покачал головой:

— Я по крайней мере о такой не знаю. На самом деле я знаю о единственной стационарной установке в этом времени... — Он вдруг сдвинул брови. — А ведь нельзя сказать, что я о ней *знаю*...

— Да *где* же она, проклятие? — взорвался Род.

— Хорошо, хорошо! — Йорик примирительно поднял обе руки, заслонился ими. — Только не надо так орать, ладно? Мы почти на все сто уверены в том, что партия ЛОРДов, то есть тех, кто

правит Пролетарской Изолированной Социалистической Коммуной на Terre, воспользовалась помощью и поддержкой неких футурианцев в подготовке правительственного переворота. Весьма вероятно, что на всем протяжении периода пребывания этой группировки у власти связь между ЛОРДами и футуриантами сохранялась. Я это к тому говорю, что ПИСК могла и случайно заранее знать о том, на какой планете должен был вспыхнуть мятеж и когда, но почему-то, как ни странно, всегда так получалось, что боевая флотская эскадра всякий раз оказывалась в непосредственной близости от мятежной планеты.

— Да, пожалуй, это действительно странно, — согласился Род. — Следовательно, напрашивается такой вывод: где-то в штаб-квартире ПИСК на Terre стоит стационарная машина времени?

— Точно, — едва заметно улыбнулся Йорик. — Но подбаться к ней не так-то просто. Она принадлежит оппозиции, и ее охраняют как зеницу ока.

— Ох... Что и требовалось доказать, — сокрушенно проговорил Род. — Плюс на минус, как говорится. Но между прочим, я всегда мечтал посетить древнюю прародину человечества.

— Ой, это так здорово! В том смысле, что вам там так понравится, майор! Да это же... — Неандерталец вдруг в ужасе выпучил глаза. — О господи! Чорной! Нам не следовало обсуждать все это при ней!

— И я так подумала, — согласно кивнула Гвен. — Бедняжка так ужасно устала. Вот я и решила, что ей лучше будет немного вздремнуть.

Йорик, выгнув шею, обернулся, заглянул за спинку своего кресла и увидел, что Чорной, уронив голову набок, ровно и медленно дыша, крепко спит.

— О, какое счастье! — выдохнул Йорик. — Вот спасибо вам, леди Гэллоугласс! А мне надо не спускать глаз с моего языка. — Он нахмурился. — Ой, нет, кажется, я что-то перепутал, надо бы не так сказать...

— Не важно, не переживай, смысл мы уловили, — успокоил его Род.

— Вы должны мне рассказать про эту вашу «Терру», — напомнила спутникам Гвен.

— Иначе эта планета называется «Земля», — отозвался Род. — Это то самое место, откуда родом твои самые далекие предки — да и мои, конечно. Всех людей, всего человечества. Это планета, где человечество зародилось и прошло свой эволюционный путь. Это единственное место, где просто-таки кожей ощущаешь, что ты — дома.

— Да нет, теперь уже нет, — горько вздохнул Йорик и покачал головой. — Теперь там все сплошь одето в бетон и сталь. — Он сдвинул брови. — Ну, есть, правда, пара-тройка парков...

— Стало быть, мы отправимся туда? — взволнованно спросила Гвен.

— Сразу не получится, — ответил Род. — Этот грузовой звездолет летит к Отранто. Но вероятно, там нам удастся разыскать корабль, стартующий к Терре.

— Но вполне может быть, что нам это и не понадобится, — заметил Йорик. — Если нам удастся хотя бы на время удалиться на Отранто в укромное местечко, Док Ангус сможет перебросить мне детали для сборки машины. — Он вздохнул. — Правда, есть еще одна маленькая сложность...

Род испытал привычное при таких словах ощущение: по спине у него побежали мурашки.

— О? Что же это за сложность?

— Футурианцы. Не следует забывать о том, что, во-первых, они вас похитили. Затем они воплотили в жизнь хитроумнейший замысел, согласно которому на Вольмаре почти все участвовали в попытке казнить вас.

— Да, но это было на Вольмаре, — возразил Род. — К тому же в этом времени люди еще не изобрели сверхсветового радио, поэтому скорость передачи информации здесь ограничена и нужные сведения доставляют лично курьеры, летающие на сверхсветовых кораблях.

Йорик согласно кивнул:

— Но у ВЕТО и ИДИОТ есть машины времени. Поэтому они запросто могут послать сообщение с Вольмара на Отранто и получить его там на следующий день. — Он нахмурился. — Или днем раньше, если на то пошло, — тоже не исключено. — Род вытаращил глаза. — Это я к тому говорю, майор, что нас, быть может, будут встречать.

Род откинулся на спинку кресла, попытался расслабиться:

— Погоди... Мне нужно время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

— Понятно. — Йорик тоже уселся поудобнее, сцепил руки и принялся вертеть большими пальцами. — Времени у вас навалом. Двое суток как минимум.

— Сил нет ждать. С ума можно сойти, — проворчала Чорной.

— Ах, ожида-а-а-а-нье! — пропел Йорик.

Мир вывернулся наизнанку.

А потом вернулся в первоначальное состояние. Гвен охнула и схватилась за живот. Род прикрыл рот ладонью. С болью сглотнув слюну, они обвели взглядом небольшой пассажирский салон. Чорной слегка позеленела, Йорик хватал ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Да, — выдавил он наконец. — Ну... чудеса... современных путешествий... во всей красе, верно я говорю?

Род кивнул:

— Плата за скорость и все такое прочее.

Неандерталец выбрался из кресла и прошел по проходу к монитору:

— Ну вот, теперь мы снова там, где можно что-то увидеть, так давайте посмотрим, что там, снаружи, вместо этой сладенькой мелодрамы, которую все равно и так никто из нас не смотрел.

С этими словами Йорик нажал на кнопку, и программа трехмерного телевидения сменилась видом неба, усеянного немигающими звездами.

— Эй! — возмущенно крикнула Чорной. — А как же я теперь узнаю, помешает ли Чак Элисон выйти замуж за Тони, потому что у нее должен родиться ребенок от Томми, но она не желает, чтобы Карен заполучила Тони, хотя на самом деле та мечтает выскочить за Чака?

Однако она тут же умолкла, замороженная великолепием панорамы, представшей перед ее глазами. Компьютер, естественно, приглушил яркость солнца, иначе люди не смогли бы смотреть на него даже при том, что оно сейчас выглядело маленьким диском посередине огромного экрана. Крошечные шарики, вращав-

шиеся вокруг солнца, были подсвечены и подкрашены с помощью электронных средств, и в целом впечатление возникало просто потрясающее. Гвен ахнула от восторга:

— Ах, господин мой! Так вот как воистину выглядит солнце и окружающее его миры!

Род кивнул:

— Это все настоящее, милая. Конечно, если бы ты посмотрела на солнце невооруженным взглядом, оно оказалось бы намного ярче, и планет из-за его сияния видно не было бы. Не так просто их сосчитать, поскольку они вращаются вокруг солнца с разной скоростью и не могут быть вытянуты в одну линию, но все же попробовать можно. Давай-ка поглядим... Вот одна — маленькая точка рядом с солнцем. Скорее всего это планета. А вот и вторая — чуть дальше от солнца, а вот и третья...

— А что же это за точка, которая вырастает столь быстро?

Род нахмурился:

— Да, это, прямо скажем, забавно...

— Вот уж ничего забавного! — вскрикнул Йорик, развернулся и проворно бросился к своему креслу. — У этого шарика полным-полно шипов! Пристегивайтесь все, да поскорее. Нас хотят перехватить!

Род выпучил глаза, но, придя в себя, бросил озабоченный взгляд на Гвен. Напрасно он волновался: она еще не успела расстегнуть страховочные ремни после перегрузок, связанных с выходом в обычное пространство. Да и он, между прочим, тоже их расстегнуть не удосужился.

— А чего это вы так переполошились? — недоуменно вздернув брови, обвела всех взглядом Чорной. — Ну, допустим, нас решили перехватить. А ведь это означает, что нас не пристрелят.

— Это бабушка надвое сказала, — процедил сквозь зубы Род. — Они уже дважды пытались нас прикончить, или ты забыла?

Чорной уставилась на экран, округлив глаза.

Гвен, непонимающе сдвинув брови, посмотрела на мужа.

— Что происходит, супруг мой? — озабоченно спросила она.

— Другой корабль, — объяснил ей Род. — И пока невозможно понять, кто им управляет.

Йорик, заметно нервничая, выговорил:

— Думаю, этот же вопрос сейчас пытается выяснить наш капитан.

Светящаяся точка приобрела очертания космического корабля, летевшего навстречу грузовому. Неожиданно встречный корабль «выплюнул» луч ярчайшего света, сиянием которого залило весь экран. Грузовик тряхнуло. Где-то в недрах корабля послышался звон гигантского гонга.

— Мать твою! — не удержался Йорик. — Ничего себе сигнальчик тревоги! У них что тут, радио не работает?

Род почувствовал, что его желудок неумолимо отползает в сторону левой почки.

— Всем оставаться на местах! — выкрикнул он. — Наш пилот не желает получить второй удар!

Атакующий корабль на экране переместился в верхний правый угол. Он снова выпустил слепящий луч — но траектория выстрела прошла где-то за пределами экрана.

— Мимо! — воскликнул Род и довольно сжал кулак. — А теперь сматывайся, шкипер! Увиливай!

Его желудок провалился вниз и устремился, как показалось Роду, к копчику. Гвен ахнула, Чорной застонала. Атаковавший грузовое судно звездолет сместился в нижний левый угол. Влево сместилось и солнце.

— Крепись, дорогая, — проговорил Род, сжав руку жены. — Когда-нибудь это закончится. Будем надеяться, что в нашу пользу...

— Не так уж... это... невыносимо, — выдохнула Гвен. — Я привыкну к этому, господин мой.

— Надеюсь, у тебя не хватит на это времени...

Вражеский корабль выпустил еще один огненный луч. Сияние озарило верхний правый угол экрана. Диск солнца уплыл вправо.

— Опять промахнулся, — удовлетворенно кивнул Род. — У нас отличный пилот!

— Скорее, отличный компьютер, — буркнул Йорик. — Ни одно человеческое существо не способно реагировать так быстро. Так что пилоту нашему скорее всего приходится только нажимать на кнопку с надписью «обходной маневр».

Род недовольно зыркнул на неандертальца:

— Вот обязательно тебе надо было это сказать? Промолчать никак не мог?

Йорик усмехнулся:

— Ну что тут скажешь? И у homo sapiens есть свои пределы.

— Я бы на твоём месте не стал так уж сильно радоваться по этому поводу... О-о-о! Держитесь!

Нападающий корабль метнулся к центру экрана, диск солнца совсем исчез.

— Что он вытворяет, этот маньяк?

— Пытается занять позицию между вражеским кораблем и планетой. — Род поднял руку, заметив, что Гвен хочет прижаться к нему, но это у нее не получилось — страховочные ремни удержали.

— Молодец! — невольно вырвалось у Чорной. — Умно придумал. Если ему удастся оказаться достаточно близко к поверхности планеты, этот мерзкий бандит, быть может, не осмелится стрелять, опасаясь поджарить невинных людей.

— А я... не думаю... что это его... остановит, — процедил сквозь зубы Род. — Но он может привлечь к себе внимание местного констебля.

— Ты что же, думаешь, я должна обрадоваться встрече с копами? — возмутилась Чорной.

— А почему бы и нет? Ты же служила в полиции...

Пиратский корабль на экране снова выпустил огненный залп. Превратившись в гриб, огонь залил весь экран ослепительной белизной. Обшивка зазвенела, как рояльная струна. Сквозь рваную дыру в потолке стали видны звезды.

— Надо прыгать за борт! — вырвалось у Йорика. — Или... как там еще говорится в подобных случаях?

Но Род не ответил ему. Он уставился в одну точку и сосредоточился на своей псионной энергии. Он пытался представить себе пассажирский салон не таким, каким он стал после выстрела, а таким, каким желал его видеть. Перед мысленным взором Рода предстала небольшая капсула, отделившаяся от грузового корабля. Затем он представил себе, как тонкая мембрана затягивает пробитую обшивку и тот бок, которым салон соединялся с кораблем.

Йорик в ужасе вертел головой:

— Эй! Ничего не понимаю! Я почему-то до сих пор дышу! Как же так? Почему мы до сих пор не в вакууме? Почему у нас

кровь не вскипела и не хлынула носом из-за отсутствия давления воздуха?

Чорной бросился в глаза отстраненный взгляд Рода:

— Майор! Чем вы занимаетесь?

Для Рода ее голос прозвучал как бы издалека. Осторожно, боясь потерять достигнутый успех, он ответил:

— Я... удерживаю воздух... внутри...

Чорной так выпучила глаза, что стали отчетливо видны белки.

— Гвен?

— Да, господин мой?

— Мы... падаем.

— Наш корабль направлялся к планете в то время, как пиратское судно отстрелило наш салон от грузового звездолета, — объяснил Йорик. — Так что мы продолжаем движение к планете.

Гвен перевела взгляд на мужа, снова посмотрела на Йорика:

— Но разве мы не желаем туда попасть?

— Да, желаем... но не так... быстро, — ответил Род. — Опустим нас, дорогая... вниз... но медленно-медленно...

Гвен огляделась по сторонам и наконец взглянула вверх.

— Но... — ахнула она, — тут никакого «низа» нет, господин мой. Только есть над нами какая-то огромная выпуклость... какой-то голубой купол с белыми пятнами!

— Это и есть... Отранто, — скрипя зубами от напряжения, вымолвил Род.

— Пока мы не так близко к планете, чтобы она казалась нам находящейся внизу, — объяснил Йорик. — Но мы неумолимо движемся к ней. Просто сейчас она наверху, только и всего.

Гвен широко раскрыла глаза:

— Но как же можно падать вверх?

— Гравитация, — коротко отозвался Йорик.

Гвен еще шире открыла глаза:

— Это примерно так, как тогда, когда я подбрасываю вверх мячик? Он падает, потому что земля притягивает его к себе?

Йорик кивнул:

— Что-то вроде того. Но и мячик притягивает к себе землю.

Гвен улыбнулась:

— Полет может получиться не таким уж гладким, — предупредила его Гвен.

— Ну и пусть! Я все равно очень доволен, леди Гэллогласс! — Йорик поднял руку. — Как бы резко у вас ни получилось с посадкой, она наверняка будет намного лучше той, какую я уже успел себе представить.

На самом деле с этого мгновения всем, можно сказать, даже стало скучно. Замедление движения кабины у Гвен получалось как нельзя лучше, но нужно было значительно сбросить скорость, и потому на это ушло немало времени. Время от времени предметы в салоне начинали разогреваться, и Гвен хмурила брови и сильно сосредоточивалась до тех пор, пока предметы не остывали. Йорик обследовал салон и обнаружил парочку аварийных генераторов кислорода, но даже несмотря на это, Род уже предполагал, что в самое ближайшее время ему, вероятно, придется попытаться заняться расщеплением двуокиси углерода на углерод и кислород, а ему не очень-то хотелось, чтобы воздух наполнился черной угольной пылью, которая могла испачкать золоченую вышивку на его новеньком камзоле.

В какое-то мгновение Род проговорил:

— Милая... планета... вращается... под нами... Надо... уравнять... скорости...

— Он говорит о том, что надо привыкнуть к скорости вращения планеты вокруг ее оси.

— А как же я могу этого добиться? — озабоченно спросила Гвен.

— Найдите какую-нибудь подробность рельефа, — посоветовал Йорик и устремил взгляд на экран монитора. — Трудно что-то сделать. Энергетическое обеспечение отключилось, как только мы отвалились от корабля. Остался только небольшой аварийный запас энергии для освещения, воздухооборудования и обогрева. Для настройки видеооборудования ничего не остается.

Гвен, сдвинув брови, в упор уставилась на экран, и... экран ожил! По нему с огромной скоростью помчался рельеф планеты, из-за быстроты подернутый дымкой, и к тому же в значительной степени спрятанный под покровом темноты.

Йорик вытаращил глаза:

— Как же вам это... удалось? — Однако он тут же зажмурился и помотал головой. — Нет-нет, не надо ничего говорить.

Думаю, мне не стоило спрашивать. А теперь постарайтесь найти на планете что-нибудь большое, леди Гэллоугласс, и сбрасывайте нашу скорость до тех пор, пока этот объект не окажется посередине экрана.

· Картинка пейзажа планеты «замедлила» ход. На экране появились озаренные лунным светом горные хребты, за ними — темное пространство. Видимо, то была равнина.

В центре нее светилось множество точек.

— Цивилизация! — вскрикнула Чорной. — Это, наверное, город! Столько света может быть только там, где живут люди! Скорее, леди Гэллоугласс, сажайте нас там!

Гвен сосредоточила свое внимание на экране:

— Сейчас попытаюсь...

Чорной наклонилась к самому уху Йорика:

— А как же так получается: она может разговаривать во время... работы, а он — нет?

— Просто она лучше владеет своим мастерством, только и всего, — ответил Йорик и развел руками. — Что я могу тебе сказать? Она-то в этих делах упражнялась с тех пор, как появилась на свет, а он только три года назад обнаружил, что владеет псионной энергией.

Чорной запрокинула голову, устремила на неандертальца вопросительный взгляд:

— А как это получилось, что тебе так много известно о них?

— Я друг семейства, — ответил ей Йорик. — И если бы ты увидела их ребятишек, тебе тоже захотелось бы оказаться с ними на дружеской ноге.

— Вот так... — с напряжением произнесла Гвен. На лбу у нее выступили бусинки пота. — Господин мой Йорик, все так, как вы желали?

— Красотища... — вырвалось у Рода, по-прежнему занятого проблемой удержания атмосферы в дырявом пассажирском салоне.

Йорик посмотрел на экран. А на экране картинка замерла в неподвижности — ну, как будто кто-то повесил поверх монитора карту. Неандерталец заморгал:

— Ничего себе... Как это вам удалось, леди Гэллоугласс? А я ничегошеньки не почувствовал!

— А я замедлила не только наше судно, но и нас вместе с ним.

Йорик оторопело глянул на Гвен:

— Понятно... — Он встряхнулся. — Ну, ясное дело. Что такое инерция, в конце концов? Она существует только в рамках относительности...

— Ну, тогда взгляните на эту рамку, — сказала Гвен и указала на экран. — Там посередине темное пятно с ровными краями. Что это такое?

Йорик наклонился вперед, прищурился, но покачал головой:

— Пока сказать трудно, леди Гэллоугласс. Может быть, когда поближе подлетим.

Маленький темный квадратик стал вырастать в размерах и разбухал, пока не заполнил собой весь экран. В свете луны стали видны детали.

— Это верхушки деревьев! — воскликнула Чорной.

Йорик вытаращил глаза:

— Вы... опустились ниже или просто картинку увеличили?

Чорной ткнула пальцем в сторону экрана:

— Видите — вон там? Серебристая полоска, извивающаяся среди деревьев. Это скорее всего река.

— Я так думаю, это парк, леди Гэллоугласс, — заключил Йорик.

— Стало быть, там не может быть слишком много людей, — обрадованно проговорила Гвен, — и это — хорошее место для посадки.

Изображение парка на экране выросло в размерах. Стали видны отдельные деревья, которые, по мере увеличения в размерах, сдвигались к краям экрана.

Гвен сосредоточила на экране все свое внимание.

Река становилась все шире и шире. Она заполняла собой уже всю середину экрана. Затем она сместилась вправо и окончательно исчезла из поля зрения.

Чорной и Йорик несколько секунд, не мигая и затаив дыхание, глядели на монитор. Дырявый салон вдруг очень сильно трянуло, и всех четверых прижало к спинкам кресел. Некоторое время все сидели неподвижно.

А потом заговорила Гвен. Голос ее в полумраке, нарушаемом только огоньками аварийного освещения, прозвучал негромко и глухо.

— Прошу прощения. Я не думала, что мы ударимся оземь с такой силой.

— Нет-нет, все отлично! — подняв руку, заверила ее Чорной.

— Превосходно! — с нескрываемым энтузиазмом кивнул Йорик. — Поверьте мне, леди Гэллоугласс, посадка получилась куда более мягкой, нежели мы ожидали.

— На самом деле любая посадка в данных обстоятельствах — чудо, — добавила Чорной.

Йорик отстегнул ремни и встал с кресла.

— Позвольте за вами поухаживать, — сказал он и подал Гвен руку. Она, опершись на его руку, поднялась:

— Весьма вам признательна, господин Йорик.

— Да что вы, не за что. А... Ой! Майор? С ним все в порядке?

Род сидел откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Грудь его тяжело вздымалась.

— О да, он здоров.

Род приоткрыл один глаз.

— Ага, — проговорил он, открыл второй глаз и склонился на Йорика. — Все нормально. Просто я немного устал.

— Он помогал мне в движении нашего судна, — пояснила Гвен.

— «Немного устал», — понимающе проговорил Йорик и кивнул. — Само собой, майор. А-а-а... кстати, как насчет того, чтобы немного вздремнуть до того, как мы что-либо предпримем?

Род покачал головой, расстегнул ремни и не без труда выбрался из кресла:

— У нас нет времени на сон. Нужно убраться отсюда до рассвета.

Йорик попытался удержать его:

— Нет, майор. Вам не стоит...

Но Род уже прошел мимо него и решительно направился к люку.

Йорик, пожав плечами, поднялся:

— Ну что ж — в чем-то он прав. Мы приземлились неподалеку от терминатора, если судить по последней картинке на экране монитора.

Чорной поспешила следом за Родом.

— Но, — взволнованно проговорила она, — откуда нам знать, пригоден ли здешний воздух для дыхания?

— Оттуда, что им дышат около двух миллионов колонистов, — отозвался Йорик, догнав ее. — Да и потом, у нас в крыше дыра. Попытка недурна, леди, но нашего майора такими подножками не остановишь.

Род навалился всем весом на рычаг запорного устройства люка. Крышка подалась, открылась и утащила с собой Рода. Наполовину выпав, наполовину выпрыгнув наружу, он почувствовал себя так, будто летит сквозь патоку. Как только его ступни коснулись земли, рядом с ним оказалась Гвен и поддержала его под локоть:

— Осторожнее, господин мой, прошу тебя!

— Осторожнее? О чем мне беспокоиться, если ты смягчаешь мои приземления? Спасибо, дорогая.

Гвен улыбнулась и покачала головой:

— Не стоит ли тебе отдохнуть, господин мой? Но если ты говоришь, что нам нужно уйти, мы, конечно, уйдем отсюда. Однако не забывай о том, что ты очень устал, молю тебя!

Род ласково улыбнулся жене:

— Ну, если я стану валиться с ног от усталости, ты всегда сможешь подхватить меня и понести по воздуху, милая. Сам-то я в воздух подняться не смогу... — Он обвел взглядом окрестности. — Эй! А тут совсем не плохо!

Одна луна стояла высоко в небе, вторая только-только поднялась за горизонтом. Света обеих лун было достаточно для того, чтобы можно было разглядеть аккуратно подстриженные газоны, обрамленные древесными «скульптурами». На клумбах-партерах благоухали цветы, на ночь закрывшие лепестки. В нескольких сотнях ярдов сверкало зеркало пруда.

— О... как тут красиво! — вырвалось у Гвен, когда она огляделась по сторонам.

Йорик, прыгнув на землю, встал рядом с Родом и, поддев его локтем, указал на Чорной. Та молчала и стояла неподвижно. Лицо ее исказила гримаса боли, смешавшейся с радостью. Затравленным взглядом она впитывала окружающую ее красоту.

Род оглянулся, посмотрел на Чорной и понимающе кивнул:

— Угу. Я рад, что нам удалось вызволить ее с каторжной планеты.

— Ах, бедная девочка! — не сдержалась Гвен. — Такая дивная красота обрушилась на нее после стольких лет жизни посреди жалких окрестностей...

— Мы все снова можем оказаться посреди этих самых жалких окрестностей, — буркнул Род, — если в самое ближайшее время не уберемся отсюда. — Род обвел придирчивым взглядом деревья и кусты колючих живых изгородей. От слабости он был готов рухнуть на землю, но на ногах его удерживал выброс адреналина. — Трудно сказать, за каким кустиком здесь установлена потайная видеокамера. Может быть, она даже оборудована звукоулавливающим устройством.

Йорик кивнул в знак согласия с опасениями Рода:

— Кто-то мог заметить нашу посадку.

— Ну, так давайте сматываться, покуда сюда не направили комиссию по встрече, — предложил Род. — Йорик, будь так добр, пробуди Чорной, ладно?

Йорик осторожно, бережно прикоснулся к руке Чорной. Она вздрогнула, резко обернулась. Йорик на всякий случай предусмотрительно отступил назад.

— Не хотелось бы отвлекать вас, мисс, — вновь перейдя на «вы», смущенно проговорил Йорик, — но нам пора идти, иначе очень скоро мы обзаведемся компанией, и вряд ли это будет самая приятная компания.

Чорной крутанулась на месте, обозрела парк широко раскрытыми глазами.

— Вот-вот, — подтвердил Йорик. — Откуда они могут нагрянуть — никто не знает. Но что они спешат сюда — это факт.

— Мы не можем быть в этом уверены на все сто, — возразила Чорной. — Но рисковать было бы, конечно же, глупо. В какую сторону пошел майор?

Йорик указал, и Чорной устремилась следом за Родом и Гвен с такой скоростью, что неандертальцу пришлось чуть ли не бежать, чтобы не отстать от нее.

На мошленную булыжником улицу они вышли, когда начало светать. Все вокруг залил тусклый свет, исходивший неведомо откуда. К уличному освещению примешивался остаточный лунный свет. Это было то самое время, когда ночь еще не умерла, а день еще не родился, время между двумя реально-

стями, когда все на свете неопределенно и все на свете возможно. Время фантазий, когда случиться может что угодно.

Да и пейзаж был для этого самый подходящий. Туман поднимался от земли выше колен спутников, его щупальца тянулись вверх, пытаясь обхватить цепочку домов, нижние этажи которых были сложены из бревен, а верхние, нависавшие над мостовой, оштукатурены. Вывески магазинов позвякивали на ветру. Вдали слышалось тявканье какого-то зверя.

— О, совсем как у нас дома, — широко раскрыв глаза, проговорила Гвен.

— Да, пожалуй, — кивнул Род и сдвинул брови. — Но я гадаю: что же здесь не так?

— А почему мы так тихо разговариваем? — шепотом спросила Чорной.

— А кто бы в таком месте стал разговаривать громко? — еле слышно отозвался Йорик.

— Помимо всего прочего, мы можем разбудить горожан, — сказал Род, размял и распрямил плечи и решительно добавил: — А нам не нужно, чтобы они нас увидели. По крайней мере пока.

— А почему?

— Потому что скоро будет обнаружена капсула, в которой мы добрались до поверхности этой планеты, а не в наших интересах, чтобы какой-нибудь праздный зевака, наделенный любовью к драматическим переживаниям, объявил властям, что видел нас неподалеку от парка нынче утром.

— Вас понял, — кивнул Йорик. — А то ведь кто-то посообразительнее может, чего доброго, заключить, что мы-то в этом самом дырявом обломке корабля и прибыли.

— Но почему нам следует это скрывать, никак не пойму? — удивилась Гвен и, пожав плечами, добавила: — Мы ведь и вправду на нем прилетели.

— Верно, дорогая, но тот, кто палил в наш корабль, решил, что мы погибли. Мы же не хотим развеивать его иллюзии, правда?

— Его. Или ее, — вставила Чорной.

— Но когда найдут пустое судно, они же поймут, что мы выжили!

— Да, но они не будут знать, как мы выглядим.

— Камуфляж, леди Гэллоугласс, — пояснил Йорик. — Скорее всего тот мерзавец, что напал на нас, не знает, каковы мы собой — ну разве что в самых общих чертах. Он поймет, что мы уцелели и сбежали, но больше он ничего не выведает до тех пор, пока нас не увидит кто-то на Отранто. Но вот если наш враг сумеет разжиться детальным описанием нашей внешности от непосредственного свидетеля...

— Погодите! — Чорной подняла руки, словно футбольный судья. — Хватит! Время поджигает! Вы оба предполагаете, что пират охотился за нами. Но ведь он вполне мог охотиться и за самим кораблем!

Род взглянул на Йорика. Йорик — на Рода.

— Ладно! Хорошо! Я все поняла! — проворчала Чорной и подняла руки — на этот раз в знак того, что сдается. — Пошли отсюда!

С этими словами она размашисто зашагала по улице.

Род пошел за ней:

— Ну что я могу поделать, если я циник?

— Неужто тебе вправду хочется им быть? — покачала головой Гвен.

Когда позади осталось четыре квартала, Род неожиданно резко остановился:

— Нет, вы только полюбуйтесь! Полное впечатление, будто бы планировщик городской застройки провел тут черту, а городской совет объявил это место границей зоны.

— Может быть, так и было, — строптиво проговорила Чорной.

— Здесь кончаются окраины, — вздохнул Йорик.

— И начинаются деловые кварталы, — закончил его мысль Род.

— Но какие тут вершат дела? — с интересом вымолвила Гвен.

— Древнейшие женские, — буркнула Чорной.

— О, не только, — поджав губы, возразил Род. — Я вижу как минимум три казино и пять салунов.

— А также пять эротических театров, три танцевальных зала, две опиумных курильни и ломбард, — добавил Йорик, более пристально всмотревшись в дома, стоящие дальше вдоль улицы. — Я ничего не упустил.

— Ты, может, и упустил. А вот они — нет.

На всем протяжении улица представляла собой единую массу сверкающих, извивающихся, шевелящихся голографических картин в ярких, кричащих тонах. Эти картины, а вернее говоря — голографические шоу, рекламировали все мыслимые и немыслимые виды развлечений, предназначенных для смертных мужчин и женщин.

— А интересно, как выглядят сами дома? — задумчиво произнес Йорик.

— Кто знает? — пожав плечами, отозвался Род. — Даже если бы удалось увидеть настоящий дом, трудно было бы сказать, настоящий он или нет.

Чорной утвердительно кивнула:

— И между прочим, насколько я слышала, это относится ко всей планете.

— А я думал, это курорт, планета для отдыха.

— Так и есть. Но поистине удивительно, какой отдых выбирают люди при наличии денег.

— Отранто... — рассеянно проговорил Род, вспомнив о том, какой репутацией славилась эта планета даже в его время, то есть через пятьсот лет. — Не здесь ли родился девиз: «Наше дело — делать вам приятно»?

— Еще нет, но этот девиз здесь непременно родится, — заверил его Йорик и, вдохнув поглубже, предложил: — Ну что ж, братцы, придется пройти через все это, а?

— Да, — кивнул Род, расправил плечи и мужественно шагнул вперед. — Советую дышать через каждые пять шагов, друзья.

Это оказалось не так легко. Вывески и витрины были рассчитаны не только на визуальные эффекты. Некоторые из них были озвучены, а некоторые даже снабжены запахами. Мало того: кое-какие были и вполне осязаемы. Спутники продвигались через ассорти звуков и ароматов, а на их органы чувств обрушивались изысканнейшие атаки, предпринимаемые по последнему слову техники и искусства. Зазывно покачивали бедрами и манили к себе голографические мужчины и женщины, отовсюду струились запахи благовоний, всевозможные символы богатства и роскоши кружили голову. Голографические торговцы вразнос хватали спутников за рукава. Род, Гвен, Йо-

рик и Чорной скрипели зубами и заставляли себя идти вперед, отмахиваясь от любых соблазнов, любых желаний, которые ими когда-либо владели.

Стройный, невероятно красивый молодой человек переступил порог. Под его смокингом дыбились натренированные мускулы. В одной руке он держал букет роскошных штамбовых роз, а в другой — сверкающее алмазное кольцо. Чорной потянулась к нему, словно иголка к магниту.

— Погоди, сестренка, — удержал ее Йорик. — Это всего лишь иллюзия, или ты забыла? К тому же он стоит немалых денежек.

Чорной встряхнулась, очнулась от наваждения и ахнула:

— Ой... Спасибо. Знаешь, я почти купилась.

— Почти, — согласился с ней Йорик. — Будьте мужественной, леди. Осталось совсем немного.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Чорной.

— На самом деле я ничего не знаю, но не может же такое продолжаться вечно!

— Оптимист, — фыркнула Чорной.

Однако Йорик был прав: колония на Отранто была еще молода, и потому квартал развлечений пока раскинулся здесь всего на четверть мили. Оказавшись за пределами этого миража, этого облака ароматов и звуков, друзья с наслаждением вдохнули свежий утренний воздух.

— Я бы, пожалуй, больше не выдержал, — признался Род, прислонившись к фонарному столбу.

— А ведь у тебя даже денег не было, в отличие от меня, — заметил Йорик, решившийся наконец вынуть руку из кармана штанов. — У меня, похоже, пальцы затекли — так крепко я сжимал бумажник. У-у-у, больно как!

— Вы страдаете, друг мой? Вам доставляет боль этот бранный мир, полный мещанских радостей?

Спутники дружно вздрогнули и оглянулись.

Перед ними стоял монах — самый настоящий, подлинный монах в коричневой сутане, подпоясанной витой веревочкой. Правда, тонзура у него на макушке выбрита не была.

— О, да он совсем такой же, как наши монахи! — воскликнула в изумлении Гвен.

— Гм... На самом деле не совсем такой, дорогая. — Род смущенно почесал кончик носа. — Он просто похож на наших монахов.

— Да нет же! Погляди, у него точно такой же знак, как у наших! Разве ты не видишь?

Род присмотрелся получше. И действительно, сутана была снабжена нагрудным карманом, а из кармана торчала желтая рукоятка маленькой отвертки.

— Вы — катодеанец!

Монах приветственно склонил голову:

— Брат Джозеф Смиренный. Но мои знакомые обычно называют меня братом Джоуи. А вас, позвольте полюбопытствовать, как зовут?

— Гвен и Род Гэллоутласс, — указав на супругу, представился Род. — Гвен, моя жена. А это, — представил он остальных, — Йорик и Чорной.

— Рад знакомству с вами, — отвесив легкий поклон, сказал брат Джоуи. — Полагаю, никто из вас не жаждет обращения в веру?

— М-м-м, — смущенно протянул Род и опасливо посмотрел на Гвен. — Мы... скажем так... уже давно обращены, благодарю вас. Насколько я понимаю, вы священник?

— Нет, но стремлюсь стать им.

Род пристально взглянул на монаха. Тот был не так уж молод.

— Вы, видимо, дьякон?

— О да, почти. Правда, я еще не успел дать последний обет. — Брат Джоуи вздохнул и покачал головой. — Просто... я не совсем уверен, что я гоюсь для этого.

— Для чего? Для жизни священнослужительства?

Брат Джоуи кивнул:

— Понимаете... я — непоседа. Я уже посетил девять планет, но как миссионер не преуспел. Покуда на моем счету всего двое обращенных, но и первого и второго можно назвать религиозными рецидивистами. — Вдруг он просиял. — Но я — отличный инженер.

— Ваши сложности мне понятны, — сочувственно проговорил Род. — Но вам не кажется, что Отранто — довольно-таки странное место для проповеднической деятельности?

— Естественно, странное, но я подумал, что тут интересно будет «поохотиться». Надеюсь, вы меня понимаете? В том смысле, что здесь девственная целина в плане духовности. И уж если есть планета, где люди нуждаются в религии, так это Отранто!

— Готов с вами согласиться, но если учесть, сколько денег большинство этих людей тратят на то, чтобы прилететь сюда и искупаться в удовольствиях, а также и то, какие деньги зарабатывают те, кто их этими удовольствиями обеспечивает, то мне не кажется, что Отранто — то место, где от людей можно ждать угрызений совести и покаяния.

— Что сказать? Вероятно, вы прозорливее меня, — вздохнул монах. — А мне показалось, что это — такая превосходная идея!

— Но ведь не всем же священникам обязательно становиться миссионерами, — мягко, заботливо проговорила Гвен. — Быть может, вам больше подошла бы деревенская церквушка.

— Послушайте, — вмешался Род, — а вы не могли бы продолжить свой разговор на ходу? — Он оглянулся назад. — Нет, я согласен: для того чтобы выследить нас посреди этого моря ароматов, надо обладать талантом и нюхом блаухаунда, но все же мы будем слишком бросаться в глаза, стоя здесь в столь ранний утренний час. Мне хотелось бы где-то отдышаться на вольном воздухе.

— Что ж, здесь поблизости непременно такое место отыщется, уверяю вас, — пообещал Роду брат Джоуи и устремился за ним.

Род был вынужден с ним согласиться. Жилые дома, если их можно было так назвать, стояли на большом расстоянии один от другого, и каждый из них был окружен несколькими акрами земли. За безупречными зелеными лужайками белели подъездные дорожки. Ближайшей постройкой оказался довольно мрачного вида особняк в тюдоровском стиле, а следующим — готический замок. Напротив размещалось довольно небрежно выстроенное поместье в стиле георгианской эпохи. Достаточно далеко от него белели средневековые развалины.

— Странные у них тут соображения о градостроительстве, — заметил Род. Сдвинув брови, он огляделся по сторонам и принял. — Похоже, дождь собирается.

— Здесь всегда в это время собирается дождь, — заверил его брат Джоуи. — И небо всегда затянуто тучами. Они развеиваются только на полчаса перед рассветом. Как раз хватает для того, чтобы те, кто обожает рассвет, успели им насладиться.

— Да, удивительные вещи теперь вытворяют с управлением погодой, — сказал Род и восхищенно покачал головой. — Но ради чего — вот вопрос?

— Для того, чтобы сделать Отранто особенной планетой, — объяснил брат Джоуи. — Развлекательных планет пока всего полдесятка, но даже при этом между ними — жестокая конкуренция. В конце концов число очень богатых людей в Терранской Сфере ограничено.

Чорной кивнула:

— И большая часть из них предпочитает летать на Орландо.

— Да, Орландо — почти монополист в области развлекательного туризма. Их девиз — «понемножку для каждого», и все такое. Насколько я понимаю, у них там каждый вид развлечений сосредоточен на отдельном континенте.

— Скорее, речь идет о довольно крупных островах, — уточнила Чорной. — Но на Орландо их великое множество.

Брат Джоуи кивнул:

— Поэтому другим развлекательным планетам тоже придется специализироваться. Они привлекают к себе небольшой процент посетителей, но этот небольшой процент за год вырастает в миллиард. Привлечение же клиентов осуществляется за счет специализации, разработки какой-то одной тематики, но уж эту тему разрабатывают во всех вариантах, насколько позволяют размеры планеты.

— О... — Род обернулся, посмотрел на готический замок, на мрачноватые особняки, на тяжелое серое небо, нависшее над постройками. — Насколько я понимаю, Отранто специализируется на готической романтике.

Брат Джоуи кивнул:

— Ради этого даже саму планету переименовали*. Раньше она называлась проще: четвертая планета звезды Дзейн.

* Планета названа «Отранто», судя по всему, в честь замка Отранто, места действия одноименной готической повести английского писателя Горация Уолпола (1717—1797), считающегося зачинателем предромантического готического «черного» романа.

Чорной добавила:

— Здесь выстроили дома с привидениями, залили злое-щие трясины, разбили псевдостаринные кладбища с мрачными склепами. Туристам предоставляется полная возможность осуществлять любые фантазии, одеваться в средневековые костюмы, бродить по взятым напрокат фамильным особнякам и слушать, как звенят цепи и стонут призраки.

— Следовательно, — сделал вывод Род, — здесь нам может встретиться орда аристократов-декадентов, за которыми гоняются фамильные привидения?

Чорной кивнула:

— А также собрание скупых домоправительниц, горстку напыщенных деревенских сквайров, обуреваемых Weltschmerz*, а еще — широкий выбор всевозможных монстров.

— Но самые роскошные из здешних аттракционов, конечно, — добавил брат Джоуи, — это так называемые дома сновидений.

— Верно, — подтвердила Чорной и устремила вдаль мечтательный взгляд. — Ложишься, принимаешь таблетку, которая вводит тебя в транс...

Род резко остановился, в ужасе уставился на нее:

— Зомбирующее зелье?

— Нет, нет! От этой таблетки просто-напросто отключаются физические ощущения, а психические, суггестивные усиливаются. Зомбирующее зелье рассчитано на полное отключение передних долей мозга, и тогда у клиента не остается никакой свободы выбора! А выбор в этом деле играет очень важную роль — ведь клиент должен реагировать! Безусловно, все его реакции укладываются в рамки сюжета, если только это не какой-нибудь жуткий извращенец...

— Сюжета, вот как? — нахмурился Род. — А я думал, что речь всего лишь о собственных снах клиента!

— Верно, клиент спит и видит сон, но этот сон передается в его головной мозг прямо из компьютера. Сон запрограммирован, и клиент играет роль героя или героини. Я слышала, что это потрясающее развлечение — волнующее, эмоциональ-

* Мировой скорбью (нем.).

ное, яркое, наполненное живым звуком, всевозможными ароматами и вкусами. Даже прикосновения — и те ощущаются как реальные. — Чорной поежилась. — Но телесные сны стоят баснословных денег.

Гвен слушала ее, не веря собственным ушам.

— А насколько мне известно, — вставил брат Джоуи, — в этих снах все происходит еще более живо, нежели в реальности.

— О нет! — воскликнул Род и зажмурился. — Почему мне вдруг стало так жалко тех, кому довелось пройти через такое?

— Вероятно, потому, что большинство из посетителей «домов сновидений» не удовлетворяются собственной жизнью после того, как переживут подобный сон. В результате им нестерпимо хочется снова погрузиться в это состояние, и снова, и снова... — Брат Джоуи зябко поежился. — В этих обстоятельствах их вполне можно назвать наркоманами, хотя их зависимость и не носит физического характера.

— Никогда и ни за что, — решительно объявила Гвен, — я не пожелаю испытать подобное.

— О, но в этом нет никакой опасности, — воскликнула Чорной. — И не может быть опасности, иначе «дома сновидений» давно лишились бы посетителей!

Род покачал головой:

— Давайте забудем о самих сновидениях. Там что же, приходится лежать по несколько часов?

— Нет, — ответила Чорной. — В реальном времени минует всего несколько минут. Ну, час — максимум.

— Час. — Йорик повернул к ней голову, задумчиво сдвинул брови. — И во сколько же влетает такая эмоциональная конфетка?

— Всего-то в пару сотен квачасов...

— В пару *сотен*? И это меньше, чем за *час*?

— Я же о реальном времени говорю, — пылко возразила Чорной. — А в сновидении ты проживаешь, бывает, и несколько недель, а порой и несколько месяцев.

— Следовательно, платишь фактически за несколько недель наслаждения, — заключил Род и скептически скривился. — Но заведение на твоё обслуживание тратит всего несколько минут. Прибыльное дело.

— А при круглосуточной-то работе... — мечтательно проговорил Йорик и уставился в одну точку, подсчитывая барыши. — Веселье, волнение, любовь — и все в одном сновидении...

Род помотал головой:

— Да что у нас тут такое, а? Бюро рекламы «домов сновидений»? Главное в том, что покуда твой разум наслаждается обманом, иллюзией, твое тело лежит на кушетке совершенно беззащитное!

Чорной кивнула:

— Вот именно поэтому в «домах сновидений» клиентам гарантируется безопасность.

— Да как она там может гарантироваться? Ведь покуда ты спишь, с тобой можно сделать... — Он в ужасе вытарашил глаза. — Тебе в разум можно вложить какие угодно мысли, тебя можно как угодно обработать!

— Нет, это невозможно, — поспешно проговорила Чорной. — То есть возможно, но это противозаконно. Законы, регламентирующие деятельность «домов сновидений», очень суровы.

— И очень тонки, — добавил брат Джоуи.

Род пожал плечами:

— И что из того? По-моему, не так давно я упомянул о том, что убийство противозаконно, но при этом людей почему-то убивают.

— Но исполнение *этих* законов обеспечивается! И притом очень строго!

— Как и исполнение законов, запрещающих убийство, — упорствовал Род. — Трупам от этого не холодно и не жарко.

Чорной строптиво запрокинула голову:

— Говорите что хотите. Эти «сновидения» безопасны. Даже полицейским не разрешается беспокоить «спящих».

— Вот оно как? — Род лучисто улыбнулся. — Следовательно, «дома сновидений» — идеальные убежища для беглых преступников.

— Покуда у них есть денежки, — констатировал Йорик.

— Церковь в свое время являлась лучшим убежищем, — с печалью в голосе заметил брат Джоуи.

— Не станете же вы отрицать, что «домом сновидений» можно было бы вполне воспользоваться для отдыха! — указав на Рода пальцем, требовательно проговорила Чорной.

Род парировал:

— А вы не станете отрицать, что у нас напряженно с личностью. На самом деле мы вряд ли наскребем сумму, которой нам хватит на полет до Терры.

— Конечно, — поджав губы, задумчиво произнес Йорик, — мы могли бы добиться того, чтобы местные власти очень пожелали поскорее избавиться от нас...

— Ну, не то чтобы *очень*, — торопливо возразил Род.

— Прошу прощения, — послышался вдруг чужой голос, и компанию обогнал высокий, темноволосый и жутко бледный молодой человек. — Нам надо поспешить, — взволнованно шепнул он своему спутнику, — иначе мы опоздаем к началу.

— Не слишком ли рано ты так вжился в роль? — спросил его спутник, едва поспевая за ним.

Чорной выгнула шею, глядя им вслед.

— А вам не показалось, — оторопело проговорила она, — что у того парня — слишком длинные зубы?

— Мне показалось, — вырвалось у Йорика, — что я уже видел его раньше.

— Граф *Дракула*?! — выдохнул Род. — А тот, второй, что был с ним, — это кто такой?

— Тот, с морщинистой физиономией? — уточнил Йорик. — На какой-то миг я подумал, что это какой-то его родственник.

— То был оборотень, — ахнула Гвен.

— Причем еще не успевший окончательно превратиться из волка в человека, — заметил Род и вдруг очень ярко вспомнил о своей встрече с оборотнем на Грамерае. Тогда ему пришлось сражаться с чудовищем, и это было несладко. — Брат Джоуи, вы вроде бы говорили, что туристы здесь любят облачаться во всевозможные костюмы?

— Да, но не в такую же рань!

— Тем более что малый, нарядившийся вампиром, старательно пытался вжиться в роль, — подхватил Йорик. — В конце концов, того и гляди может взойти солнце, которого вампиры жутко боятся.

— Я хочу узнать, куда они направляются, — заявил Род и решительно устремился вслед за парочкой. — Как хотите, можете называть меня доверчивым глупцом, но я *должен* увидеть, куда они идут!

Гвен и Чорной переглянулись и одновременно пожали плечами.

— Почему бы и нет? — сказала Чорной.

— И я такого же мнения, — сказала Гвен.

— Я пойду с вами, если вы не возражаете, — предложил брат Джоуи. — В конце концов особо важных дел в данное время у меня нет...

— А у кого из нас они есть? — вздохнул Йорик.

Вскоре они оказались на городской площади, к которой с трех сторон примыкали полубревенчатые магазинчики. Впереди, в нескольких сотнях ярдов на искусственном возвышении стоял мрачноватого вида замок. Дорога к нему вела по каменистому холму, кое-где поросшему живописными корявыми деревьями.

— Тут потрудился талантливый ландшафтный архитектор, — отметил Род.

— Или декоратор, — уточнил Йорик. — Поглядите.

— Господин мой, что это за люди? — изумленно спросила Гвен.

— Это называется «массовка», милая, — ответил жене Род. — Похоже, тут снимается фильм.

Площадь была запружена народом. Большинство людей разгуливало в баварских крестьянских костюмах. На паре-тройке красовались деловые костюмы девятнадцатого века. Среди них попадались и одетые в самые современные платья. Большинство из них собрались около длинного стола, буквально ломящегося от всевозможных угощений.

Мимо спутников торопливой походкой шла женщина, которой на вид было чуть более двадцати лет. Голова ее была повязана платком, а глаза закрывала прозрачная лента. Похоже было, что она в очках, — и в самом деле прозрачная лента исполняла ту же функцию, что очки, только вместо них работали энергетические линзы, сгущавшие и фокусировавшие воздух около глаз женщины. В левой руке она сжимала портатив-

ный ноутбук. На ходу она искоса глянула на спутников и вдруг резко остановилась и, нахмурившись, уставилась на Рода и Гвен:

— Почему костюмер выдал вам это тряпье? На триста лет не соответствует эпохе! Это же елизаветинские костюмы, если я не ошибаюсь! Ступайте к костюмерам да скажите, что вам нужна баварская одежда девятнадцатого века. — Затем женщина развернулась к брату Джоуи и смерила его взглядом с ног до головы. — Вы смотрите сносно, но монахи все одинаковы. — Брат Джоуи собрался было возразить, но женщина остановила его жестом. — Нет, не вздумайте со мной спорить. — Монах — значит, монах, и все тут. Хватит, наслушалась. Правда, не могу припомнить, чтобы я заказывала монаха.

— Может, кто-то другой?.. — подсказал ей Йорик, широко улыбнувшись.

Женщина обреченно вскинула руки:

— Продюсеры! Ну чего они ждут от ассистентки, когда делают, что им только в голову придет, и сами заказывают людей для массовки? Стро-га-нов! — выкрикнула она, умчалась и исчезла среди толпы.

— Строганов... — растерянно проговорил Йорик. — Может быть, бэфстроганов? — Он обвел взглядом стол. — Немного странновато — на завтрак.

— Думаю, это чья-то фамилия, — возразил брат Джоуи и указал вперед. — Видите, она с кем-то разговаривает. Ну, с толстяком, вон там? В пальто из серой фланели.

Йорик кивнул:

— Наверное, отчитывает его за то, что тот запросил монаха, когда по сценарию никакие монахи не нужны.

— Ты, похоже, в восторге, — с укором проговорила Чорной.

— А что такого-то? — хихикнул Йорик. — Обожаю чужие ошибки!

— У вас нет ощущения, что мы угодили на съемочную площадку? — спросил Род у брата Джоуи.

— Конечно, есть, — подтвердил монах. — Где бы еще столько людей, наряженных в разные исторические костюмы, могли чувствовать себя в своей тарелке?

— Что такое «съемочная площадка»? — поинтересовалась Гвен.

— Место, где снимают трехмерные телефильмы, — автоматически отозвался Род. — Всякий бред, основанный на фантазиях, взятых из реальности, которой никогда не существовало. Понимаешь... — Он задумался, как бы объяснить попроще. — Кино — это как бы рассказ... Вернее — показ всяких историй. Тебе показывают историю, и тебе кажется, что ты видишь ее наяву.

— Да, но *эти* истории куда более интересны, — сказал брат Джоуи и весело улыбнулся, глядя на перемещения актеров. — Я за этими людьми уже дня три-четыре наблюдаю. Просто удивительно... Они тратят так много времени на то, что, казалось бы, настолько просто!

— Что ж, если они добиваются простоты, то это сделать и впрямь непросто, — заметил Род. Ему довелось управлять войском, и он отлично знал, что организовать даже сотню людей — это маленький ночной кошмар.

— Господин мой, — спросила Гвен, — а что это за люди со странными устройствами, которые они держат на плечах?

— Это операторы, дорогая, — ответил Род. — А эти пластиковые штуки — голографические камеры. Когда начнется съемка, операторы наденут особые очки, которые улавливают мельчайшие движения актеров. Сигналы с этих очков будут передаваться в глазные мышцы операторов, а с них — в камеры. И камеры будут автоматически «смотреть» туда, куда смотрят операторы.

Чорной сдвинула брови:

— А я думала, что эти исторические фильмы снимают на Луне.

Брат Джоуи удивленно посмотрел на нее.

— О нет! — покачав головой, воскликнул он. — Уже не снимают — с тех пор как режим ПИСК захватил власть на Терре и отказался от неприбыльных планет. Но те, на которых еще велись торговые операции, сумели приспособиться к новым условиям, и притом очень быстро! И покуда они приспособлялись, они нашли способы сами создавать для себя всевозможные развлечения. А вы действительно ничего не знали об этом?

— Дело в том, что я... на некоторое время отошла от дел, — уклончиво отозвалась Чорной.

— Вернее говоря, ее отодвинули, — уточнил Род.

Чорной свирепо зыркнула на него, но брат Джоуи кивнул с таким видом, будто бы все понял:

— О, временное отступление? Что ж, тогда позвольте, я вам объясню, как было дело. Видите ли, мне тоже в свое время все растолковали знающие люди из числа тех, что сейчас трудятся здесь. Нет, это была не юная дама с компьютерным блокнотиком. Она вечно занята и всякий раз меня не узнает. Просветили меня ребята из массовки — так называются те, что наряжаются крестьянами и толпятся около съемочной площадки и ждут, когда их позовут.

— Им что же, *платят* за это?

Брат Джоуи кивнул:

— У них всегда полно времени, и они рады поболтать с кем угодно.

— Но как же компания может себе позволить такие расходы? — изумился Род. — Это ведь, должно быть, очень дорого.

— Так и есть, — подтвердил брат Джоуи. — Очень дорого! Поэтому когда ПИСК отказала киношникам в финансировании, им пришлось придумывать, на чем сэкономить. Главным источником экономии им представилась специализация: каждая кинокомпания, снимавшая голографические телефильмы, стала работать в определенном жанре. В итоге одни киношники обосновались на одной из развлекательных планет, другие — на другой, и так далее. В зависимости от антуража.

— Следовательно, эта кинокомпания снимает готические ленты — фильмы ужасов, — заключил Род. — Но неужели ПИСК не пожелала сохранить за собой развлекательные планеты?

— Нет. Развлечения стоят денег, и потому это не прибыльно.

— Для посетителей таких планет — конечно, нет, — сухо улыбнулся Род. — Но каковы барыши у хозяев...

— ПИСК этим не интересуется. Этот режим, знаете ли, отличается пуританством.

— Как большинство диктатур на раннем этапе.

— ПИСК обратила внимание только на то, сколько денег жители Терры тратят на этих «иноземных» планетах, и потому власти прервали всякие отношения с ними. Они решили так:

если терране не смогут посещать развлекательные планеты, деньги останутся на Терре.

Улыбка Рода стала по-настоящему теплой.

— Насколько я понимаю, это привело всего лишь к росту цен на перевозки до этих планет?

— Верно понимаете. Из-за этого число людей, которые могут добраться до курортов с Терры, действительно уменьшилось.

— Погодите, позвольте мне угадать: большинство счастливых — большие шишки из бюрократического аппарата ПИСК.

— Точно. Но как вы догадались? Как бы то ни было, вы правы. Самые богатые люди всегда сохраняют свои привилегии, кто бы ни восседал на троне. Но тем, кто здесь живет, пришлось туго. Времена тут не самые легкие.

— Но вряд ли тут кто-то голодает, — заметил Род.

Брат Джоуи покачал головой:

— Нет. Дела идут — за счет горстки терранских богачей и еще некоторых завсегдатаев, прибывающих с каждой из планет фронта.

— Получается, что Отранто — что-то вроде одного из многих связующих звеньев между дальними планетами и сжавшейся Терранской Сферой.

— Да, — ответил брат Джоуи, глядя Роду прямо в глаза. — Кое-какой бизнес сохраняется. Торговля еле теплится, но все же она есть. Двусторонняя.

Йорик усмехнулся:

— Неудивительно, что наш грузовик летел на Отранто.

— Курорты стали центрами торговли. — Род медленно кивнул, начиная осознавать происходящее. О том, чем были развлекательные планеты в его время, у него было совсем другое мнение: Род считал их логовами греха и источниками обогащения торговцев наслаждениями. Ему и в голову не приходило, что все началось совсем иначе.

— И поэтому, — продолжал Йорик, — мы оказались здесь.

— О... — удивленно проговорил брат Джоуи. — А вы хотели попасть на Терру?

Род только собрался ответить монаху, как невысокий поджарый мужчина с морщинистым лицом и седыми волосами вдруг громко крикнул:

— Мирейн!

— Я здесь, Вайти! — откликнулась девушка с ноутбуком, нырнула в толпу статистов и стала проталкиваться к старику.

Когда она добралась до него, он проворчал:

— Не пора ли начинать, а?

— Восемь часов, — кивнула Мирейн. — Все либо на местах, либо сообщили о том, что опаздывают.

— Опаздывают? — вздернув брови, недовольно проговорил Вайти. — И много опаздывающих?

— Всего-то парочка статистов, — ответила Мирейн и нажала несколько клавиш на панели микроноутбука. — Пожилой крестьянин и бабуля.

— Ну, без них можно и обойтись, — заявил Вайти и устремил взгляд в небо. — А вот тучки явно не желают с нами сотрудничать. О чем, интересно, думает этот малый, что управляет погодой? Ведь договорились же! Он обещал нам сплошную облачность, грозовые тучи, а мы что имеем? Пасмурно — не более!

— Да, а заплатили мы за эту услугу предостаточно, — проворчал толстяк по фамилии Строганов. — Мирейн, будь так добра, справься, выясни, что там такое с облаками.

Девушка снова забарабанила по клавишам, а потом вынула из сумки на поясе мобильный телефон и, недовольно поглядывая на небо, стала с кем-то разговаривать.

Толстяк нервно ходил из стороны в сторону.

— Проклятие! — ругался он. — У нас снимаются три звезды, пять актеров второго плана и еще сотня статистов! Мы не можем себе позволить тратить время на какого-то кондиционерщика, который не смыслит в своей работе!

— Ну так подай на него в суд, — посоветовал Вайти, прислонился спиной к стене магазинчика и сунул руки в карманы куртки. — Ты слишком много нервничаешь, Дейв.

— Должен же кто-то нервничать, — зыркнул на него Дейв. — Тебе хорошо говорить, ты не продюсер!

— Зато я сценарист и режиссер, — напомнил ему Вайти. — Мы тратим мои денежки. Так что будет тебе, Дейв. Расслабься.

Дейв горестно вздохнул:

— Ох, Вайти, как у тебя все просто! Но елки-палки, мне же надо не выбиваться из графика съемок! Если мы будем каждый

день даже самую малость запаздывать, в конце концов наберется целый съемочный день, и тебе это обойдется в пару термов! Кроме того, после двадцать седьмого улетает Гавейн.

— Ну и что? — пожал плечами Вайти. — Надо просто будет позаботиться о том, чтобы до этого срока были отсняты все сцены, в которых он занят.

— Хорошо, хорошо! Так позаботься же об этом, ладно?

— Договорились. — Вайти со вздохом поднялся и подошел к женщине лет пятидесяти, стоявшей за некоей сложной конструкцией. Пару минут он вел с ней деловой разговор, затем развернулся и выкрикнул: — О'кей! Гавейн, Герман и Клайд! Пока мы ждем погоды, давайте-ка пройдем первую часть сцены — до того, как толпа бросается на вампира.

— С того места, где я бросаю платок? — осведомился коротышка в темно-синем балахоне и остроконечном колпаке, украшенном знаками зодиака.

Вайти кивнул:

— Давайте вернемся немного назад, к тому эпизоду, когда Гавейн выходит из гостиницы и видит Германа, который ждет его на противоположной стороне площади.

— Хорошо. — Светловолосый молодой человек в твидовом костюме подошел к Вайти. — Я только что проснулся и обнаружил, что завтрак еще не готов, верно?

— Все правильно, Гавейн. А такому благовоспитанному юноше, как доктор Вейлин, и в голову не придет будить кого-нибудь, чтобы ему приготовили чашку кофе.

— Поэтому я выхожу из дому перед рассветом, чтобы подышать свежим воздухом.

Вайти кивнул:

— Все верно. Вы выходите слева от камеры, делаете глубокий вдох, оглядываетесь по сторонам и замечаете графа Дракулу.

— Вон там. — Молодой человек указал на вампира и нахмурился. — Ну, хватит тебе читать, Герман! Ты всю ночь штудировал этот сценарий!

— Просто хочу еще раз пробежать глазами текст. — Вампир захлопнул крышку микроноутбука и передал его брюнетке в рабочем комбинезоне, после чего развернулся к Гавейну и поправил высокий воротник. — Итак... Не правда ли, как он хорош? Воздух моей Трансильвании?

— Ближе к рассвету воздух чище, — согласился Гавейн. — Но не проявляете ли вы излишнюю беспечность, милорд? В самом скором времени вас могут коснуться первые лучи восходящего солнца.

— Что такое существование без риска? — усмехнулся вампир. — Всего лишь скучный, бесконечный круг абсурдности. Однако пока мне нечего страшиться. Немного времени у меня еще осталось.

— Тринадцать с половиной минут, — буркнул коротышка в синем балахоне.

— О, мой коллега всегда точен, — проворковал Дракула. — Вы, кажется, незнакомы? Доктор Вейлин, позвольте представить вам знаменитого колдуна, Ванескина Плошайе.

Гавейн отвесил колдуну легкий поклон:

— Очарован.

— Пока нет, — ухмыльнулся колдун. — Пока еще нет.

— И никогда не буду, — решительно заявил Гавейн с самым серьезным видом. — Слова Аристотеля защитят меня от ваших иллюзий, магистр Плошайе.

Колдун-коротышка каркаяще расхохотался, а Дракула ослабиллся:

— Неужто вы и вправду верите, что ваши никчемные науки могут сравниться с нашим могуществом, молодой человек? Вы теперь не в своей родной Германии, она далеко отсюда, на северо-западе! Вы также и не в Италии, этом средоточии Веры, и не в Греции, родине Разума! О да, обе эти страны... — Он вдруг умолк и развернулся к режиссеру. — Проклятие, Вайти! Неужели я должен говорить так, чтобы это звучало реалистично?

— Нет, конечно, — отозвался Вайти. — Это фантастическая история, в конце концов. Лишь бы было более или менее правдоподобно.

Герман вздохнул и развернулся к Гавейну.

— О да, — продолжал он, — обе эти страны граничат с моей, и надо сказать, что они — довольно-таки беспокойные соседки. Но теперь вы находитесь в Трансильвании, на родине колдовства и ужасов! На северо-востоке мы граничим с Австрией, на юго-западе — с Россией. Мы сдавлены странами, где

правит Разум, но здесь, в стране феодального мрака, ваша наука бессильна!

— Вот уж нет, — чуть ли не весело улыбнулся доктор Вейлин. — Наука правит вселенной даже здесь, в этом крошечном, всеми забытом уголке, ибо наука — это описание Порядка, и Порядок исходит от Добра. И ни одно порождение Зла не выстоит против символа Добра! — С этими словами он извлек из нагрудного кармана распятие и торжественно поднял его. Граф Дракула взвизгнул и закрылся руками, чтобы не видеть священный крест. Однако его приспешник, колдун, проворно забежал вперед, закрыл собой вампира, выкрикнул заклинание и что-то бросил на мостовую.

Это был шелковый шарф. Он упал к ногам колдуна.

— Стоп! — прокричал Вайти и обратился к женщине, управлявшей замысловатым оборудованием: — Ну, в чем дело? Это был волшебный платок. Что случилось, Хильда? Он должен был пролететь над площадью и накрыть собой распятие!

Хильда ожесточенно нажимала на кнопки пульта. Вид у нее был самый что ни на есть разнесчастный.

— Прости, Вайти. Все дело в генераторе статических разрядов. Десять минут назад он исправно работал, клянусь тебе!

— Не надо, — посоветовал женщине Вайти. — Это дурной тон. Лучше поскорее выгони из генератора гремлинов, ладно?

— Тучи! — Дейв ударил Вайти по плечу и указал на небо.

Зловещие черные облака плыли по небу во всем своем величии и великолепии.

Вайти обернулся и одарил Мирейн лучистой улыбкой:

— Ты таки дозвонилась!

Девушка кивнула:

— Это была всего лишь ошибка служащего. Они пообещали, что через пятнадцать минут будет настоящая предгрозовая картина.

— Отлично, — усмехнулся Вайти. — Наконец можно приступить к работе! — Она развернулся к Хильде. — Как скоро ты сможешь отладить этот треклятый статический генератор?

Хильда насупилась:

— Вайти, между прочим, я — оператор спецэффектов, а не ремонтный рабочий!

— Специалисты! Сплошные специалисты! — Вайти сделал большие глаза. — Упаси меня от них, господи... или Девид. Ты ближе. Поговори с ней, ладно? — Он снова обратился к Мирейн: — Что еще мы можем сейчас снять?

Строганов испустил вздох и направился к Хильде:

— Ты разве не знаешь, как работает эта штуковина?

Хильда пару секунд молча смотрела на Строганова, а потом покраснела и покачала головой:

— Прости, Дейв. Я только нажимаю на кнопки.

Вайти отвернулся от Мирейн и прокричал:

— Всем занять места для сцены номер сто двадцать три!

К Мирейн подошел Строганов:

— Где тут можно быстро найти инженера-электроника?

— Их тут полным-полно, — отвечала Мирейн. — Должен же кто-то следить за тем, чтобы работали все эти голографические эффекты. Но все инженеры получают зарплату, Дейв, и работают по часам. Вряд ли нам удастся разыскать инженера быстрее чем через день.

— Проклятие! — выругался Строганов. — А я-то надеялся, что сегодня мы закончим съемку с участием Германа и Клайда! Что ж, ничего не поделаешь. Придется отказаться от этой сцены. Доснимем ее завтра.

Мирейн нажала несколько клавиш и хмуро уставилась на экранчик микроноутбука.

— Еще один съемочный день Клайда и Германа будет тебе стоить по полтора терма на каждого. А оплата лишнего дня работы съемочной бригады — восемьсот сорок три квачаса.

Строганов побледнел:

— Так мы выбьемся из бюджета.

— Гм-м-м... Прошу прощения, — смущенно проговорил брат Джоуи, подходя к Строганову. — Я невольно подслушал ваш разговор.

— Ничего удивительного, — проворчал Строганов. — Мы не секретничали.

— Быть может, я смог бы вам помочь, — сказал брат Джоуи и вытащил из кармана отвертку. — Я неплохо разбираюсь в электронных устройствах.

Строганов испытующе уставился на него и улыбнулся улыбкой мученика.

— Вряд ли с такой работой может справиться любитель, парень.

— Между прочим, когда-то я этим на жизнь зарабатывал, — заметил брат Джоуи. — Чинил голографическое оборудование на космических лайнерах.

Тут уж Строганов откровенно вытаращил глаза. Его губы расплылись в радостной усмешке.

— Но вы — не член профсоюза! — недовольно выкрикнула Хильда.

— И не обязательно ему быть членом профсоюза, — торопливо успокоил ее Строганов. — Мы теперь не на Луне. — Он злорадно усмехнулся. — И вообще ни на одной из планет Терранской Сферы, если на то пошло. Нет у нас пока никаких профсоюзов.

— А жаль, — буркнула Хильда.

— Почему, Хильда? — поинтересовался один из операторов. — Если бы у нас был профсоюз, то ты бы не получила эту работу. Да и никто из нас не получил бы — ну разве что Гарве. Он единственный, у кого в профсоюзе киношников дядюшка.

— Взятчики, — фыркнула Хильда. — Вшивые профсоюзные бонзы.

— Да нет, жертвы, — злорадно осклабился Гарве. — Нас тут не так много, Хильда. Так что можем требовать премии.

— Похоже, здесь, — заключил брат Джоуи, открыв панель доступа и засунув туда голову. — В смысле, здесь поломка. Чип сгорел.

— Но как вы догадались? — поинтересовалась Гвен, опустившись на колени рядом с открытой панелью и с неподдельным любопытством заглянув внутрь генератора.

Род с нарастающим трепетом слушал, как брат Джоуи объяснял его супруге принцип работы тестера. Интерес Гвен к технике начал его пугать.

— Обострение паранойи? — осведомилась Чорной, выглянув из-за плеча Рода.

— Я хроник, что поделатъ, — проворчал Род.

— Отключите генератор, будьте так добры, — попросил брат Джоуи, выбравшись из люка и глянув на Хильду. — Пусть он остынет.

Строптивно поджав губы, Хильда нажала на кнопку. Контрольные лампочки погасли.

Брат Джоуи встал, отряхнул руки и обратился к продюсеру.

— Этот чип, — объяснил он, — выходит из строя при перегреве. Нужно отнести блок к специалисту по микросхемам, пусть вставит новый чип.

Строганов схватился за голову:

— Вы хотите сказать, что нам все-таки придется отказаться от съемок этой сцены?

— Нет, конечно. Можно решить эту проблему проще. Пошлите кого-нибудь в супермаркет, пусть купят там микрофризер. Знаете, есть такие маленькие электрические палочки для охлаждения martini? С его помощью я охлажу этот чип до того, как вы приступите к съемкам. День продержится, я так думаю.

— Мой спаситель! — Строганов с чувством обнял монаха.

— Нет-нет, какой же я Спаситель. Спаситель — мой босс, — покачал указательным пальцем брат Джоуи. — Но я не тружусь даром, знаете ли. Приходится подрабатывать. Наша контора слишком далеко отсюда, чтобы выплатить мне жалованье.

— Получите по штатному расписанию профсоюза с доплатой! — пообещал Строганов и развернулся к Мирейн. — Пошли курьера за фризером, пожалуйста!

— Уже послала.

— Вот умница, девочка моя! — Строганов отвернулся слишком быстро и потому не заметил, как зарделась Мирейн. — С этой сценой придется немного подождать, Вайти.

— Я и так собирался отложить ее съемку, — кивнул Вайти и обвел взглядом толпу крестьян-статистов. — Эй, минуточку! Кто это поставил монаха посреди крестьян?

Мирейн, нахмурившись, подошла к режиссеру:

— Он в костюме. А его костюм годится для любой эпохи — начиная с тысяча сотого года, естественно.

— Да, но наш бедолага вампир ни за что не выстоит, если в толпе будет священнослужитель. А ты полюбуйся на эту желтую отверточку в его нагрудном кармане! Откуда возьмется отвертка в Трансильвании в девятнадцатом веке? — Вайти устремил испытующий взор на Строганова. — Кто нанял его для этой сцены?

Строганов только успел открыть рот, а брат Джоуи ответил:

— Никто.

Мирейн снова принялась терзать клавиатуру своего микроноутбука.

— Он прав. Я проверила список статистов, его там нет. — Она, сдвинув брови, посмотрела на Рода. — И никто из вас там не значится, между прочим.

— Мы этого и не говорили, — подтвердил Род.

Строганов нахмурился:

— Гм-м-м... Будьте настолько добры, подойдите сюда.

Род и Гвен переглянулись и подошли к продюсеру.

— Не хотелось бы выглядеть невежливым, — пробормотал Строганов, — но если вы не должны участвовать в съемках, что вы здесь делаете?

Род пожал плечами:

— Просто смотрим.

— Туристы! — мученически простонал Строганов. — Как же нам от них избавиться? Послушайте, братцы, мне очень лестно, что вы проявляете такой интерес к нашей работе, но мы не можем позволить, чтобы вы слонялись по съемочной площадке среди актеров и статистов. У нас тут и так правовых проблем по горло.

— Ну, ясное дело, — понимающе кивнул Йорик. — Шоу-бизнес.

— Наша карьера кинозвезд оказалась недолгой, — картинно вздохнул Род.

— Однако она была приятной, — возразила Гвен.

— Гм-м-м... Не подумайте, что я вас прогоняю, тем более что мы только что взяли на внештатную работу вашего приятеля, — вежливо проговорил Строганов и кивком указал на брата Джоуи. — Если желаете, можете и дальше наблюдать за съемками. Только, пожалуйста, встаньте позади операторов, ладно?

— Всенепременно понаблюдаю! — решительно заявила Гвен, подошла к брату Джоуи, снова опустилась на колени рядом с ним и стала внимательно следить за его работой.

У Рода от волнения по спине побежали мурашки.

— Разобрался? — спросил подошедший к Строганову Вайти.

— Да. И назначил этих людей нашими гостями, — улыбнулся Строганов и представил Вайти: — Это наш режиссер. Его зовут Тод Тамбурин.

Чорной вытаращила глаза. Род тоже. Даже Йорик, похоже, впечатлился.

— Да-да, — вздохнул Строганов. — *Тот самый* Тод Тамбурин.

— Поэт, лауреат самой престижной литературной премии Терранской Сферы? — ахнула Чорной.

— Уже нет, — успокоил ее Вайти. — ПИСК отняла у лауреатов все лавры. Им мои стихи не нравятся. Лидеры ПИСК считают, что я восхваляю индивидуализм. А также такие ужасные, аморальные понятия, как «свобода» и «права человека».

Чорной побледнела:

— ПИСК дошла до такого?

— Эй! — окликнул ее Йорик и сочувственно положил руку на ее плечо. — Не принимай этот на свой счет. Не ты же это сделала.

— Нет, и я тоже, — выдохнула Чорной. — И я.

— Как все, кто проголосовал за наделение Первого Секретаря чрезвычайными полномочиями, — фыркнул Вайти. — Но не стану же я винить каждого из избирателей. — Он пожал плечами. — Кроме того, теперь они за это расплачиваются. Несчастные сосунки, вот и все.

— Верно, — прошептала Чорной. — Все правильно. Поделом нам.

— Ой, да будет вам сокрушаться! Если слишком усердно ругать себя за то, что сделал вчера, не останется сил на завтра! И потом... — Вайти опять пожал плечами. — Мне никогда не было особенно уютно под именем «Тод Тамбурин». Всегда предпочитал свое прозвище — Вайти Вино.

Чорной удивленно уставилась на него. Немного помолчав, она расправила плечи и решительно поджала губы.

— Что ж! Всегда рад поклонникам! — Вайти развернулся к Роду и пожал его руку. — Ну, что скажете о моем шоу?

— А-а-а... — Род искоса глянул на Гвен. — Вы написали сценарий этого фильма?

— Да, я, — нахмурившись, подтвердил Вайти. — А что? Вам не нравится?

Род сделал глубокий вдох и уклончиво проговорил:

— Несколько многословно, на мой взгляд.

— Гм, — хмыкнул Вайти, не спуская с Рода недовольного взгляда. Затем он повернул голову к Мирейн. — Позови сюда Гавейна, Клайда и Германа.

Он рассеянно уставился в одну точку.

Род уже был готов принести Вайти извинения, но Строганов жестом остановил его:

— Тс-с-с! Он работает!

Подожли актеры. Вайти ожил.

— Герман, ну-ка начни с фразы: «Вы теперь не в своей родной Германии, она далеко отсюда, на северо-западе», будь так добр.

Герман нахмурился:

— «Вы теперь не в своей родной Германии, она далеко отсюда, на северо-западе! Вы также и не в...»

— Хорошо, стоп! — Вайти рубанул рукой воздух. — Остановимся здесь, Герман. Что там дальше сказал бы твой герой?

Герман недоуменно уставился на режиссера, но тут же улыбнулся и процитировал:

— «Неужто вы и вправду верите, что ваша никчемная наука способна противостоять *мне*, молодой человек?»

Мирейн озадаченно глянула на актера и вывела на экранчик текст сценария.

— «Вы теперь у меня, в Трансильвании, а не в своей родной Германии, где царствует логика! — продолжал Герман. — Теперь вы угодили в промежуток между западными Верой и Разумом и восточными колдовством и предрассудками...»

— Отлично. — Вайти вновь остановил актера резким жестом. — Я все понял. Я переусердствовал с географией. Давай-ка попробуем вот как... М-м-м... Вот так будет лучше: «Вы угодили в ловушку, молодой человек, в трансильванскую ловушку. С запада — немецкая логика, с востока — русские суеверия».

— Дракула непременно сказал бы «моя Трансильвания», — негромко возразил Герман.

Вайти кивнул:

— Пожалуй. Да, верно. — Он пылко взглянул на Рода. — Всегда не грех прислушаться к актерам, потому что они знают своих героев лучше, чем сценаристы.

— Но ведь сценарист создал этих героев! — возразила Чорной.

— А актеры их по-своему воссоздают, — поправил ее Вайти. — Если я прошу актера создать характер моего героя, он перестает принадлежать мне. Он становится характером этого актера, иначе плох актер. — Он с усмешкой посмотрел на Германа. — И все-таки последнее слово за мной.

— Только потому, что ты нанял продюсера, — фыркнул Клайд. — Между прочим, это аморально, старина, чтобы исполнительный продюсер сам ставил собственный фильм.

— Деньги мои, и тратить их я буду, как пожелаю, дружище. Итак... «Вы угодили в ловушку в Трансильвании... в *моей* Трансильвании, в стране суеверий... нет, не так... в стране Суеверий и Колдовства... Нет, не так... Суеверий и Черной Магии... где наука бессильна!»

Несколько минут работа продолжалась в таком духе. Вайти снова и снова вносил коррективы в текст. Когда наконец он удовлетворился качеством диалога, Мирейн напомнила ему:

— Мы собрались пройти сцену с крестьянами.

— Ах да, конечно! — Вайти стукнул себя кулаком по лбу. — Сколько времени мы потратили зря?

— Ни секунды, — заверил его Строганов. — Мы все переснимем заново, потому что так будет лучше. Но нам нужно снять все сцены, запланированные на сегодня, Вайти.

— Отлично! Все по местам! — Вайти порывисто подошел к операторам. — Джордж, ты пойдешь к южной стене. Гарве, ты встань вот здесь, рядом со мной!

— Вот один из недостатков совмещения должностей сценариста и режиссера, — сокрушенно вздохнул Строганов, открывенничая с Родом. — Будь у нас отдельный режиссер, он бы снимал другую сцену, покуда Вайти проходил с актерами эту.

— Но как же он может! — воскликнула Чорной. — Как же он может позволять, чтобы его бессмертную прозу вот так кромсали!

Вайти услышал ее, вернулся и протестующе поднял руку.

— Каюсь, — театрально признался он. — Признаюсь в том, что время от времени пишу бессмертную прозу, и даже порой — нетленные стихи. Но когда я этим занимаюсь, я делаю это в одиночестве — ну разве что в компании с хорошим красным вином, и занимаюсь этим для себя, исключительно для себя. Безусловно, это носит характер выдачи индульгенций самому себе, «искусства ради искусства». Для меня это — возможность доказать самому себе, что я действительно на что-то способен. О, я вовсе не имею ничего против того, чтобы это читали другие люди, и хорошо, если им нравится. Да, я ценю похвалы в свой адрес. В конце концов я тоже человек. А это... это всего лишь побочный продукт, отходы производства. — Он обвел взглядом толпу актеров и киношников. — Это совсем, совсем другое дело. Ничего похожего. Этот сценарий я написал для других людей, и потому я для них в некотором роде хозяин. Если никто этого творения никогда не увидит и не услышит, будем считать, что оно не удалось. Более того, без зрителей это абсурдно, нелепо. — Он развернулся к Герману и Гавейну. — О'кей. Мирейн все отшлифует и распечатает для вас новый текст. Но сейчас давайте отснимем все так, как было сначала, — просто на всякий случай.

Вампир и главный герой радостно кивнули и вернулись на свои места. Колдун-коротышка, довольно бормоча, поплелся за ними.

— По местам! — проговорила Мирейн в микрофон, вмонтированный в перстень на указательном пальце, и ее голос послышался из динамиков. — Тишина на площадке!

— Туман, — негромко распорядился Вайти.

От земли начали подниматься клочья искусственного тумана, окутали Германа и Клайда.

— Свет, — дал следующую команду Вайти.

Одновременно вспыхнули шесть высоких софитов. Двое операторов отошли в сторону и развернулись к актерам.

— Повтор, — выкрикнул Джордж.

— Камеры, — кивнув, отозвался Вайти.

— Есть камеры, — подтвердил мужчина за пультом рядом с Вайти.

— Мотор! — крикнул Вайти.

Еще мгновение на площадке царила тишина. Гавейн вышел из гостиницы, огляделся по сторонам с мечтательной улыбкой и блаженно вдохнул.

— Хорош, не правда ли? — послышался надтреснутый голос человека, говорившего с сильным акцентом. — Воздух моей Трансильвании?

Туман начал рассеиваться. Проступили фигуры высокого человека в плаще и уродливого коротышки рядом с ним.

— Ближе к рассвету воздух становится чище, — согласился Гавейн.

Сцена пошла по сценарию.

Вайти не двигался с места — спокойный и подтянутый.

Наконец Клайд шагнул вперед и подбросил шелковый платок. Хильда напряженно, нервно следила за своим пультом. Она сдвинула несколько рычажков, нажала на кнопку, и платок полетел к Гавейну и накрыл распятие. Герман осклабился и обнажил свои клыки. Все замерли. На площадке снова стало тихо.

А потом Вайти вздохнул и распорядился:

— Стоп.

Все расслабились. Из тумана вышел Герман, усмехаясь и болтая с Клайдом. Гавейн довольно улыбнулся и отвернулся, чтобы перекинуться словом с какой-то девушкой. Поднялся невообразимый шум — будто бы заговорили все разом, освобожденные от обета молчания.

Вайти обернулся к Роду, вздернул брови:

— На этот раз немного лучше?

— А? Да, да! — потрясенно проговорил Род. — Со спецэффектами гораздо лучше!

— Это верно. — Вайти кивнул и огляделся по сторонам. — Но с новым диалогом будет еще лучше. — Он с улыбкой взглянул на Рода. — Ведь это намного натуральнее — когда чары не разрушаются.

Род отозвался не сразу:

— Не понимаю... Вы хотите сказать, что при старом диалоге зрители чувствовали бы, что они просто смотрят шоу?

— Вероятно, — согласился Вайти. — Если в качестве среднего зрителя рассматривать вас, то можно прогнозировать, что

фильм получится развлекательный. Тогда можно было вообще сюда не прилетать и не начинать съемок. — Неожиданно Вайти улыбнулся. — Но я не думаю, что новая версия получится развлекательной. Нет. Люди будут полностью захвачены, вот как будет!

Род нахмурился:

— Почему это вас так волнует? Разве не достаточно просто знать, что вы хорошо выполнили свою работу?

Вайти покачал головой:

— Если зрители заскучают, просматривая фильм, пойдут слухи, что он гроша ломаного не стоит, и никто не будет покупать голографические кубики с его записью, а если их никто не будет покупать, мы не получим прибыли. А если мы не получим прибыли, мы не сможем снять новые фильмы.

— Но главная причина не в этом, — догадался Род.

— Нет, конечно же, не в этом, — с усмешкой отозвался Вайти. — Давайте вернемся к началу: если никто не будет смотреть фильм, не имеет смысла его снимать.

— О каком смысле вы говорите? — вспылил Род. — Вы были лучшим поэтом своего времени! Вам гарантировано место в истории, и наверняка у вас хватает денег, если вы можете себе позволить тратить их на киносъемки! Зачем же вам ронять свою репутацию, стряпая третьеразрядные голографические киношки?

— Затем, что люди должны приобретать знания, — просто ответил Вайти. — Иначе они сами не заметят, как станут добычей рабовладельцев — как стали фактически терране при режиме ПИСК. А меня эта мысль угнетает, потому что мне хочется, чтобы все имели право читать то, что я пишу. Мне вовсе не улыбается такая перспектива, чтобы какой-то цензор арестовал мою рукопись и не позволил никому ее читать. Вот я и хочу научить людей тому, что им следует знать, дабы они стремились к свободе.

— С помощью фильма ужасов? С помощью очередной жуткой истории о графе Дракуле? — воскликнул Род.

— Совершенно верно, — не моргнув глазом подтвердил Вайти. — Даже с помощью такой дешевой развлекательной работы этого можно добиться. Что из этого фильма могут почерпнуть

зрители? Отвечу? Минимум разрозненных знаний о географии Терры. В конце концов многие даже не знают, где находилась Трансильвания, откуда взялась легенда о Дракуле, и потому мы снабжаем зрителей этими фактами. Помимо этого, в фильме присутствует, в качестве фона, история феодальной Европы на Терре, представлена борьба крестьян за то, чтобы сбросить оковы феодализма. Совсем немного фактов — всего-то десяток за два часа. Но если люди будут получать по десятку фактов за два часа каждый день в своей жизни, они научатся кричать «Нет!», когда кому-то вздумается въехать на лошади в Сенат.

— Так вы... учитель!!! — воскликнул Род. — Это просто... такой хитрый прием! Подспудное просвещение!

— Вынужден вновь признаться и покаяться, — усмехнулся Вайти. — Но признаюсь и в том, что честь этой выдумки принадлежит не мне. Большую часть данной методики я почерпнул у одного старого изгнанника с фронтирной планеты.

— У Чолли!

— О, так вы с ним знакомы! — снова улыбнулся Вайти. — По-настоящему его зовут Чарли Т. Бармэн.

— Да-да, я слышал...

— Просветитель-изгой, — кивнул Вайти. — Единственный из ныне живущих профессоров, кого не волнует прибыль. Бизнес, пожалуй, волнует — но не прибыль. Мы с Дейвом прожили год у него, на Вольмаре. Очаровательный малый. Просто не поверите, сколькому я у него научился — в моем-то возрасте! — Он покачал головой. — Но не сказать, чтобы и он от меня ничего не взял. Мы с Дейвом тоже кое-чего напридумывали.

Но Род вдруг перестал его слушать. Он вспомнил о том, что человек по прозвищу Вайти Вино был одним из отцов основателей массового просветительского движения на этапе становления ДДТ — Децентрализованного Демократического Трибунала. Именно эта деятельность в конечном счете привела к свержению ПИСК и приходу к власти ДДТ в то время, откуда родом был Родни. Однако в учебниках истории не слишком подчеркивался тот факт, что Вайти Вино и прославленный талантливый поэт Тод Тамбурин — один и тот же человек.

Род слишком долго молчал, и Вайти вернулся к работе. Отвернувшись, он созвал массовку, велел статистам выстро-

иться полукругом и встать лицом к камерам. Полный мужчина в коричневом комбинезоне засновал между статистами, стал раздавать им кнуты и вилы.

— А вы двое в данный момент продолжаете вашу беседу, — крикнул Вайти, махнул рукой и расставил по местам актеров. — Давайте, по местам! Вот так... Ну, вы помните: вы должны стоять вполоборота друг к другу! Тот, что стоит дальше, говорит первым. Давайте пройдемся по тексту!

— Не знаю даже... Может, не стоит... — шевеля пышными, как у моржа, усами, проворчал актер, игравший роль трактирщика.

— Надо попытаться, — мотнув головой, напористо проговорил старик крестьянин и потрогал зубец своих вил. — Оу! Острые!

— Что попытаться-то? — раздраженно спросил трактирщик. — Уколоть его в задницу? Какой от этого вред вампиру, а?

— Ты говоришь как старуха, — фыркнул крестьянин. — Подцепим его вилами да веревкой свяжем.

— А он кусаться станет, — предупредил трактирщик.

Крестьянин пожал плечами:

— Да? А Люгорф уже будет наготове с сачком для ловли бабочек. Рано или поздно мы проткнем этому злодею сердце осиновым колом.

— А что потом? — Трактирщик развел руками. — Ну пролежит он в своем гробу лет двадцать — тридцать. Раньше ли, позже ли, явится какой-нибудь молодой остопоп, спустится в склеп, крышку откроет. Ну и что с нами тогда станет? То же самое, что и теперь.

— Мы раньше так делали, — упорствовал крестьянин. — И опять сделаем.

— Опять, опять и опять, — простонал трактирщик. — Сколько же раз нам придется это пережить?

— А нашим предкам сколько раз пришлось? — проворчал крестьянин. — Пятьсот лет на них горбатили!

— Пятьсот лет? — Трактирщик сдвинул брови. — Ты про первого Дракулу говоришь. Тогда то был титул, а не фамилия.

— Ну да, это слово означало «дракон», так ведь? Не повезло драконам — и за что их так обозвали!

— Драконы хотя бы людей ради забавы не убивали, — согласился трактирщик. — По крайней мере, говорят, первый Дракула убивал.

— Владом его звали. А потом стали звать «Посаженным на кол».

— Помню, — кивнув, проговорил трактирщик. — А наша горная страна тогда была горсткой маленьких королевств, верно?

— Точно говоришь. Каждое королевство — сто миль в одну сторону, сто — в другую, но все-таки их правители называли себя королями. — Крестьянин сокрушенно покачал головой. — Ну и жизнь была у наших бедных предков! Приходилось трудиться на крошечных клочках земли, чтобы хоть как-то прокормиться — да и то время на труды выдавалось не часто, а только тогда, когда их король не гнал их на очередную войну!

— Да, то и дело дрались, — проворчал трактирщик. — Да и сто лет спустя было не лучше, когда Дракулу в первый раз пробудили...

Род слушал как зачарованный, а актеры за время трехминутной болтовни вкратце пересказали историю Балкан, увиденную глазами двух трансильванских крестьян. Это выглядело глупо, даже безумно... но это работало!

— Так что если мы насадим его на осиновый кол, то получим... лет двадцать мира и спокойной жизни, — напомнил крестьянин трактирщику. — Может, для тебя это и ерунда, а вот мой скот начинает хиреть, когда мало народу, кто желает покушать мяса.

— А ты как думаешь, куда не заглядывают эти самые люди, желающие покушать мяса? — буркнул трактирщик. — Ко мне в трактир они не заглядывают! Что ж, пожалуй, ты прав. С какой стороны ни погляди, а нашему делу граф — помеха.

— Вот-вот, так что надо его сызнава проколоть, — вздохнул крестьянин и поднял вилы. — А как минует двадцать лет с этой поры, придется нашим сыновьям то же самое сделать. Ну? Чтобы жить, надо что-то делать, верно я говорю?

— Верно, — согласился трактирщик. — Каждому поколению приходится убивать своего собственного вампира. Не перестанешь же ты сеять из-за засухи, правда?

— Правда, — кивнул крестьянин. — И ежели...

Краем глаза Род заметил, как размахнулся актер, игравший роль крестьянина, как швырнул вилы...

— Пригнись! — крикнул Род, бросился к Чорной и повалил ее на землю. Та возмущенно вскрикнула и принялась колотить Рода кулаками. Ему наконец удалось приподняться и схватить Чорной за руку. Повернув голову, Род увидел воткнувшиеся в землю вилы. Их рукоятка еще вибрировала.

Род отпустил руку Чорной и прокричал:

— Остановите его!

Он вскочил на ноги, развернулся к толпе статистов и успел увидеть, как «крестьянин» исчезает среди них. Род свирепо взревел и бросился за ним.

Толпа почтительно расступилась, и Род увидел, как «крестьянин» нырнул в проулок между домами.

Гвен выхватила метлу из рук зазевавшегося статиста, оседлала ее и, взмыв в воздух, устремила в погоню за «крестьянином».

Хильда проводила ее изумленным взглядом, помотала головой и уставилась на кнопки пульта:

— Интересно, как это у нее получилось?

Род промчался сквозь толпу, вбежал в проулок и успел заметить, как «крестьянин» скрылся за углом. Род набрал скорость и бросился в ту сторону.

«Крестьянин» неожиданно развернулся и побежал ему навстречу. Род не сразу понял почему, но мгновенно взмыл в воздух, намереваясь напасть на врага сверху. Однако «крестьянин» заметил его маневр и в последнее мгновение отскочил в сторону, и Род с яростным воплем упал на мостовую. Он успел сгруппироваться и падение совершил по правилам дзюдо, но все равно сильно ушиб бок.

— Пригнись! — слышался крик Гвен.

Род старательно изобразил лежащий на тротуаре блин. Гвен верхом на метле пронеслась над ним.

Род порывисто поднялся, тряхнул головой и, прихрамывая, устремился следом за женой.

Он успел оставить позади квартал, когда увидел идущую навстречу с метлой в руке Гвен.

— В чем дело? — крикнул Род. — Почему ты возвращаешься? И почему ты несешь метлу? Мне казалось, что она должна была нести тебя?

— Не хотелось пугать тех, кто тут живет, — объяснила Гвен.

— Милая, пойми: это — единственная из всех планет Терранской Сферы, где таким никого не удивишь. Тебя просто могут спросить, как ты произвела подобный спецэффект. Насколько я понимаю, этот тип смылся?

Гвен кивнула:

— Там дальше — большая площадь. От нее во все стороны расходятся улицы.

— Так... Надо взглянуть.

Род захромал рядом с женой. Улица изгибалась дугой и выводила на площадь, от которой между приземистыми домами вились пять узких улочек.

— Все верно, леди, — кивнул Род. — Он мог побежать по любой из них.

— Да, — сокрушенно проговорила Гвен. — Мы его потеряли.

Род, сверкая глазами, переводил взгляд с одной улочки на другую, вспоминая о воткнувшихся в землю вилах.

— Этот подонок чуть было не прикончил Чорной. И ведь как быстро нас разыскал, а?

— Успокойся, муж мой, — ласково сказала Гвен и накрыла руку Рода своей. — Дело не в нем. Ты мог бы убить его, но потом появилась бы еще дюжина таких же, как он.

— Ну да, как воины из зубов дракона, — согласился Род. — А нам надо найти того, кто их на нас направляет. Но ведь мы даже не знаем, на кого они работают!

— Но разве это не наши старые враги из завтрашнего дня?

— ИДИОТ и ВЕТО? Я думал, что это так, но этот псевдостатист охотился не за нами, а за Чорной.

Гвен широко раскрыла глаза:

— Кто-то из ее бывших хозяев?

— Из тайной полиции ПИСК, — кивнул Род. — Очень может быть. Я был прав, когда говорил, что мы станем клейменными, если возьмем ее с собой.

Гвен крепко сжала руку мужа:

— Но мы не могли ее бросить.

— Не могли, — признал Род. — Кроме того, нам по-прежнему нужен проводник, знающий это время. Допустим, мы могли бы найти кого-нибудь, за кем не гоняются, как за Чор-

ной, но все равно у нас на хвосте ИДИОТ или ВЕТО, а может, и те и другие сразу.

— Но ведь ты желаешь узнать, почему за нами гоняются, — с укором проговорила Гвен, — И ты ни за что не бросишь человека в беде.

— Вероятно, — хмыкнул Род. — Порой мне хотелось бы быть о себе столь же высокого мнения, какое обо мне имеешь ты.

Гвен улыбнулась и взяла мужа под руку:

— Тут я не ошибусь, господин мой. Можешь мне верить.

— Придется, — улыбнулся Род. — И постараюсь ответить тебе взаимностью.

— Не переоценивай меня, — проворковала Гвен, прижавшись к Роду. — Слишком велика ответственность, когда тебя так высоко ценят.

— Ну так спустись с пьедестала на минутку, — негромко проговорил Род, и их губы слились в долгом поцелуе.

Через пару минут Гвен пробормотала:

— Нам нужно спасти этих бедных людей от Йорика.

— Верно, — со вздохом отозвался Род и, крепко сжав руку жены, тронулся в обратный путь. — Следует уберечь этих несчастных горожан от гнева разбушевавшегося пещерного человека.

На подходе к съемочной площадке супруги услышали протестующий голос:

— Но мы вовсе не собирались...

— Допустим, не собирались, и что теперь? — мрачно ответил Вайти. — Что-то мало верится в ваши запутанные объяснения. Давайте-ка еще разок, только теперь говорите правду.

— Как хотите, — со вздохом проговорил Йорик. — Только вы все равно не поверите.

— Ну, говорите. Интересно, что нового я услышу на этот раз.

— Понимаете... Двое моих друзей... они... Они родились примерно через пятьсот лет. Существует межзвездная организация, которая за ними охотится. Их похитили в их времени и забросили сюда.

Вайти вытарашил глаза.

— Вы правы, — обретя дар речи, вымолвил он. — Я вам не верю.

— Тогда давайте так, — процедила сквозь зубы Чорной. — Я была шпионкой партии ЛОРДов. Да, да, в частности, из-за меня началась вся эта заварушка! Но после переворота я поняла, какие это аморальные, беспринципные типы, и я попробовала выйти из игры, и меня сослали на Вольмар. Гвен Гэллоугласс и ее муж помогли мне выбраться с этой планеты, и теперь я пытаюсь помочь им попасть на Терру.

Вайти не мигая смотрел на нее. Он, будучи альбиносом от природы, и так-то был бледен, но теперь его лицо покинули какие-либо следы окраски. Наконец он проговорил:

— Вот в это я верю. — Он развернулся к Строганову. — Дейв, пора сворачивать работу. Что-то мне вдруг захотелось размяться.

— Знаешь, и меня тоже что-то в дорожку потянуло, — признался бледный как плат Строганов и поискал глазами Мирейн. — Отправь всех по домам.

— По домам? — ахнула Мирейн. — Да вы что, с ума посходили? Ведь у каждого из них контракт, по которому с ними следует расплатиться за полный съемочный день!

— Вот и расплатись, — угрюмо проговорил Вайти. — Это выйдет дешевле, чем гроб.

Мирейн несколько секунд ошарашенно смотрела на него, а потом в отчаянии швырнула в сторону свой микроноутбук. Развернувшись к актерам и массовке, она прокричала:

— О'кей, на сегодня съемки закончены! Все свободны!

Пара-тройка статистов встретили это объявление обрадованными выкриками, но актеры и технические работники не сразу поняли, в чем дело. Однако в конце концов и они, ворча, принялись собираться и упаковывать аппаратуру.

Мирейн на некоторое время задержала на них взгляд. Обернувшись к Вайти, она сказала:

— Хорошая у тебя команда. Впервые в жизни вижу, чтобы киношники предпочли работать, нежели получить выходной.

— Они славные ребята, — согласился Вайти. — Но я бы предпочел поработать с ними завтра, чем принять их на собственных похоронах. — Одарив Рода, Гвен, Йорика, Чорной и брата Джоуи серьезным взглядом, он заявил: — Думаю, вам лучше отправиться со мной.

— Знаешь, Мирейн, даже не знаю, что тебе посоветовать, — смущенно проговорил Строганов. — Не знаю, где безопаснее: с нами или без нас.

— Я тоже не знаю, — отозвалась девушка, — но одной бо-
язно.

Строганов кивнул:

— Понимаю. Тогда пойдем с нами.

И они поспешили, чтобы догнать остальных.

— Почему вы считаете, что нам следует пойти в казино? — спросил Род у Вайти, когда с ними поравнялись Строганов и Мирейн.

— Самое надежное и безопасное место, — объяснил Вайти. — За исключением «дома сновидений». Понимаете, там мы будем на людях, а хозяева таких заведений не любят неприятностей.

— Мне кажется, лучше было бы пойти в «дом сновидений», — высказала свое мнение Чорной и устремила вдаль мечтательный взор.

— Мне тоже так кажется, — проворчал Вайти. — Кто бы там за вами ни гонялся: агент ПИСК или еще кто-то, он в данный момент находится на свободной планете и обязан соблюдать местные законы. А хозяева «домов сновидений» очень хорошо умеют избавляться от нежелательных клиентов. — Он обратился к Роду: — Мы со Строгановым тоже не пользуемся большой любовью ПИСК.

Строганов кивнул:

— Они знают про наши съемки. И еще они знают, что система просвещения — злейший враг диктатуры.

— А самый простой способ прекратить ваши съемки — это остановить вас.

— Вот-вот, — вздохнул Вайти. — Как часы. Так что если какой-то агент охотится за вашей подружкой Чорной, он, вероятно, и нас не упустит.

Чорной резко остановилась.

— Ну все, всем пока, — сказала она и развернулась в противоположную сторону.

— Вернись, — позвал ее Йорик, протянул руку, но тут же отдернул, потому что Чорной ударила его. — Ну вот, видишь? Я же знал, что сумею остановить тебя.

— Не стоит вам разгуливать в одиночестве, мисс, — сказал Вайти. — Если по планете бродит наемный убийца, мы все в опасности. Если вы будете с нами, мы хотя бы сможем догадаться, где он.

Чорной растерялась.

Строганов кивнул:

— Легче пригнуться, когда знаешь, откуда в тебя полетят ножи.

— Вот речи истинного революционера, — пробормотал Йорик.

— Между тем «дом сновидений» исключается, — заявил Вайти. — Есть, видите ли, такая маленькая проблемка, как наличность. У меня ее при себе недостаточно.

Строганов кивнул:

— Все деньги вложены в съемки.

— У нас тоже с деньгами туговато, — признался Род.

— Когда ПИСК захватила власть на Терре, — продолжал Вайти, — они наложили лапу и на мои сбережения. Нет-нет, не то чтобы они их присвоили, нет, но мою переписку просматривают, и если я попрошу моего агента выслать мне чек, ему этого сделать не позволят. Так что денежки мои преспокойно полеживают на Терре, и, несомненно, моим потомкам они очень пригодятся лет эдак через пятьсот, но сейчас мне от этого, как вы понимаете, не холодно и не жарко.

Род задумчиво уставился в одну точку и проговорил:

— Вы предлагаете пойти в казино?

— Выбирайте, — с сухой усмешкой обернулся к нему Вайти. — Отранто ими, можно сказать, кишит. Как любая развлекательная планета. — Однако от него не укрылось выражение глаз Рода, и он вдруг усмехнулся и шлепнул себя по бедру. — Ну конечно! Если ваш дружок, священнослужитель, способен наладить статический генератор, он и рулетку расщелкает как нечего делать!

Брат Джоуи побледнел:

— Вы предлагаете мне испортить колесо рулетки? О боже, но ведь это будет воровство!

— А вы думаете, чем занимается это заведение? — требовательно спросил Вайти. — Пойдемте, брат. Мы вас о многом

не попросим. Лишь бы эта машина пару раз сыграла в нашу пользу, и все.

— Нет, — ответил брат Джоуи и решительно вздернул подбородок. — Я ни за что не совершу ничего такого аморального.

— Ну хорошо, сохраняйте свою безгрешность, — вздохнул Вайти. — Это очень похвально, брат, что вы держитесь своих принципов. Но тогда у нас нет никаких шансов попасть в «дом сновидений».

— Вовсе не обязательно. — Род устремил взгляд на жену. — На самом деле на уме у меня было вовсе не это.

Взгляд Гвен стал отстраненным.

— Речь о том, чтобы заставить какое-то вращающееся колесо остановиться тогда, когда мы этого пожелаем? Или чтобы пара костей упала так, как мы захотим?

— Да, милая, только и всего. Как думаешь, ты справишься?

— Буду рада попробовать, — ответила Гвен с улыбкой, из-за которой Род поежился. В конце концов он отлично знал, на что способна его супруга, если приняла решение.

Вайти сдвинул брови:

— Она что же, владеет телекинезом?

— Помимо всего прочего, — негромко проговорил Йорик.

— Славно, *славно!* — разулыбался Вайти и предложил Гвен руку. — Позвольте сопровождать вас, миссис Гэллоугласс!

— «Леди», — поправила его Гвен.

— А разве я могу появиться в обществе с кем-то еще? По крайней мере в таких местах, где меня могут увидеть репортеры. Пойдемте?

С этими словами Вайти под руку с Гвен направились к ближайшему казино. Род, Чорной, Йорик и брат Джоуи устремились за ними. Строганов и Мирейн переглянулись и пошли следом.

— *Les jeux sont faits*, — объявил крупье с широченными пышными бакенбардами, одетый в атласный смокинг. На плече у него красовалось чучело черного ворона. По крайней мере Роду показалось, что это чучело, а не живая птица, хотя она поворачивала голову и следила за ним рубиновой бусинкой глаза. Наверняка это был робот. Может быть, глаз был объективом камеры наблюдения?

— Les jeux sont faits, — повторил крупье. — Ставки сделаны.

— А может, «кости брошены»? — предложил Род.

— Non, monsieur*, — чопорно отозвался крупье. — За этим столом мы играем в рулетку, а не в кости.

— О, прошу прощения. — Род прикусил губу. Меньше всего на свете он желал, чтобы крупье его узнал.

Колесо рулетки завертелось, и Род зачарованно уставился на него. Он успел проиграть большую часть из тех десяти термов, что ему дал Йорик, к тому времени, как начал осваиваться с тем, как управлять шариком с помощью мысли. Но малопомалу он начал отыгрываться и теперь уже выиграл семь игр из тринадцати. Этого хватило для того, чтобы вернуть проигранное и даже немного получить в плюс. Медленно, но верно Род увеличивал выигрыш, но не настолько резко, чтобы привлечь к себе внимание.

Поскольку этот кон Род решил проиграть, он обвел взглядом зал в поисках своих спутников. Их было легко разглядеть в толпе «оборотней», «вампиров», «фамильных привидений» и «аристократов-декадентов». Больше всего в казино оказалось последних. Похоже, в этом году они были в моде. Род не мог понять, что более привлекательно для туристов — аристократизм или декадентство.

А спутники Рода были одеты обычно — не считая Гвен, красовавшейся в платье эпохи Возрождения. Безусловно, это выглядело подозрительно, и это тревожило Рода, но поделать с этим он ничего не мог.

Однако его товарищи вели себя осмотрительно и крупных сумм не выигрывали. Вайти всех заранее самым тщательным образом проинструктировал. «Почаще проигрывайте, — сказал он. — Но время от времени выигрывайте столько, чтобы покрыть проигрыш и в целом не остаться внакладе. Но выигрывайте не более десятка термов за один раз. Когда мы сложим все наши выигрыши, нам хватит для того, чтобы купить себе надежное убежище».

Все старательно следовали заветам Вайти, и пока все вроде бы шло хорошо. Гвен была одной из множества игроков за столом для игры в кости. Стопка фишек у нее росла, пожалуй,

* Нет, мсье (фр.).

немного быстрее, чем у других, но на это никто не обращал особого внимания. Йорик устроился за покерным столом и неплохо выигрывал. Вайти играл в вист и старательно доказывал, что игрок из него лучше, чем банкомет. Строганов и Мирейн резались в парный бридж и при этом отчаянно проигрывали — должен же был кто-то из компании проигрывать. Брат Джоуи с рассеянным видом расхаживал по залу.

Род с довольным видом развернулся к столу. Все шло по плану.

— Двадцать один, красное, — выкрикнул крупье, и Род устремил взгляд на стопку фишек, которую тот подвинул к нему лопаточкой. Затем он пожал плечами, сгреб фишки в пригоршню и отвернулся от стола.

— Мсье? — вежливо окликнул его крупье.

— Хочу остановиться, пока я в плюсе, — объяснил Род. — Я сейчас не рассчитывал на выигрыш. — С этими словами он удалился. Крупье проводил его взглядом. — Двадцать один, красное, — пробормотал Род, и это число ему кое о чем напомнило. Он направился к столу для игры в «блэк-джек». Его всегда интересовало, по-честному ли играют в эту игру в казино. Вот и представился шанс выяснить это. Кто еще мог лучше сыграть в «блэк-джек» против заведения, чем телепат?

За стойкой бара в дальнем конце зала вдруг погас экран большого головизора, что вызвало бурный протест у тех немногих посетителей, которые смотрели на редкость занудную мелодраму. Затем экран вспыхнул вновь, и на нем появилось огромное — три фута высотой — лицо красивого добродушного мужчины с сединой на висках.

— Сограждане, — с самым серьезным видом проговорил мужчина. — Власти Отранто получили предупреждение о том, что четверо опасных преступников совершили нелегальную посадку на поверхности нашей добропорядочной планеты вчера, под покровом ночи.

Род запрокинул голову, несколько секунд смотрел на экран, затем оправился от неожиданности и устремил взгляд к столу для игры в «блэк-джек». Боковым зрением он заметил, что его спутники сделали то же самое — все, кроме Гвен и Вайти, которые были настолько поглощены игрой, что, похоже, не услышали объявления.

— Эти преступники — беглые заключенные с каторжной планеты Вольмар, — продолжал диктор. — Верховный Вампир только что подтвердил это сообщение. Он полагает, что преступники беспрепятственно разгуливают по Отранто.

На экране появилось изображение Рода. Сходство было потрясающим. Наверняка его засняли в тот момент, когда он куда-то бежал. Слева в профиль он всегда на фотографиях получался неважно, однако Род, сердце которого учащенно забилося, вынужден был признать, что вышел он на снимке вполне узнаваемо.

— Этот человек, — продолжал диктор, — главарь банды беглых преступников. — В настоящее время он скрывается под именем Гэллоугласс.

Изображением Рода сменилось снимком Гвен. Даже на фотографии она была необыкновенно хороша.

— А это, — продолжал диктор, — его сообщники: женщина, выдающая себя за его жену...

Род быстро обвел взглядом зал и с облегчением убедился в том, что остальные завсегдатаи казино все свое внимание уделяют играм — вернее говоря, почти все. Никто из крупье на экран не смотрел. Банкомет за столом для «блэк-джека» сидел цепко сжав губы, но смотрел исключительно на карты. Наверняка служащие казино имели четкие распоряжения на случай подобных отвлекающих моментов и понимали, что могут вытворить шулеры, стоило бы им отвести взгляд от карт, рулетки или костей.

На экране тем временем возникло изображение Чорной.

— ...молодая женщина, — продолжал диктор, — которая, без сомнения, не понимает, в какую компанию угодила...

— Двадцать одно, — признал банкомет и передал Роду фишку.

— А-а-а... благодарю вас, — отозвался Род, сложил фишки в кошель и встал. — Пожалуй, стоит выпить по такому поводу.

— ...и наконец, четвертый член банды беглых преступников — мужчина на редкость отталкивающей внешности, — закончил перечисление диктор, как только на экране появилось изображение Йорика. — Пожалуй, он даже похож на животное.

— Между прочим, это о тебе говорят, — шепнул Род на ухо Йорику.

— Ни слова правды, — автоматически отозвался пещерный человек. — Не хотелось бы обижать вас, майор, но у меня такие карты пришли, что... А? Что вы сказали?

— Судя по всему, преступники вооружены и очень опасны, — сурово и торжественно объявил диктор, вновь появившись на экране. — Прошу вас, если вы считаете себя допорядочными гражданами, ценящими собственную безопасность и безопасность нашей любимой планеты Отранто, немедленно сообщите в службу Общественной Безопасности, как только заметите кого-то из этих опасных преступников.

Диктор продолжал дальше вещать в том же духе. Йорик мрачно проговорил:

— Кажется, я начинаю схватывать...

— Он тоже, — заметил Род. — Схватить могут нас обоих не говоря уже о...

— И не говорите, — оборвал его Йорик и быстро обвел взглядом зал, выпрямился. Губы его тронула едва заметная усмешка.

— Проклятие! — прошипел Род. — Ты, похоже, ловишь кайф от всего этого!

— Нет, но меня это будоражит. Будь у меня другой характер, я бы сменил работу. — Он, прищурившись, посмотрел на Рода. — Послушайте: моя физиономия красовалась на экране. Меня могли узнать, вас тоже, а также Чорной и леди Гэллоугласс. Придется положиться на наших местных приятелей — надеюсь, они помогут нам выбраться из этого дерьма.

Род пристально уставился на Вайти, сидевшего за столом для виста:

— Думаешь, ему можно доверять?

— Вам история его жизни известна не хуже, чем мне, майор. Кроме того, как упоминали они со Строгановым, они тоже на крючке, как и мы.

— Ну, хорошо. Значит, мы им можем доверять — настолько же, насколько любому другому из здешних. — Род хлопнул Йорика по плечу. — Пожалуй, тебе стоит обналичить свои фишки.

Йорик кивнул:

— В конце игры. Не хотелось бы вызывать подозрения.

Это было все равно как если бы волк объявил, что не желает выделяться посреди стада овец, но Род смирился и перешел к столу для виста, где Вайти в это время страстно торговался. Его глаза горели боевым огнем. Род наклонился к нему и еле слышно пробормотал:

— Вечеринка закончена.

— Вы с ума сошли, — пылко возразил Вайти. — Мне такие карты пришли!

— Скоро сюда придут местные полисмены. Только что меня и троих моих спутников продемонстрировали в экстренном выпуске новостей, назвав опасными преступниками.

— Понял. Я заканчиваю игру, — объявил он партнерам, положил карты на стол «рубашкой» вверх, собрал фишки и встал. Банкомет одарил его изумленным взглядом, но Вайти уже решительным шагом направился к кассе, по пути бросив Роду: — Вам бы лучше собрать свою команду. А я позову Дейва и Мирейн.

Род кивнул:

— Встретимся у выхода. — Он направился к столу для игры в кости и протиснулся к красивой женщине, не спускавшей глаз с игральных кубиков. Она стояла прикусив нижнюю губу. Прядь волос прилипла к взмокшему от испарины лбу. — Прости, что отвлекаю тебя, милая, но, пожалуй, тебе пора заканчиваться.

— Я и сама хотела, но у них тут так много денег, что даже не знаю, как их все собрать.

— Вот слова настоящей хозяйки дома. — Род глянул на гору фишек на столе рядом с Гвен и в ужасе вытаращил глаза. — О боже! Нас ни за что не выпустят отсюда со всем этим!

— Уж конечно, ты мог бы сделать так, чтобы эти кружочки исчезли, а потом появились в другом месте, где мы могли бы их найти, — беспечно проговорила Гвен и потрясла кубики в кулаке.

— Нет! — прошипел Род. — Ты забыла, что говорил Вайти: если мы выиграем слишком много, у нас все отберут!

— Не отберут, пока я жива!

— Они справятся. Да им и напрягаться не придется. Только что в казино передали сообщение о том, что наша компания — беглые каторжники. И показали наши портреты.

Гвен побледнела и замерла:

— А почему же я не слышала этой вести?

— Ты... немного отвлеклась.

Гвен пару секунд помолчала, кивнула и проговорила:

— Верно.

Свободной рукой она резко подвинула половину фишек на середину стола. Крупье несколько мгновений изумленно таращился на нее. Но тут Гвен разжала пальцы, кубики покатались по столу и остановились. На кремовой слоновой кости чернели одинокие черные пятнышки.

Крупье шумно выдохнул и проговорил:

— Змеиные глаза!

— О! — С притворным отчаянием Гвен сжала кулаки. — Я проиграла! — Она шагнула ближе к столу и сгребла фишки в фартук. — Что ж, разумнее остановиться, пока это возможно.

— Да нет же, вы можете отыгаться. Удваиваю ставку, — стал подначивать ее крупье.

Гвен решительно покачала головой:

— Благодарю вас, но я бы желала попытать счастья в той игре, где маленький шарик катается внутри колеса.

Крупье облегченно вздохнул, едва заметно улыбнулся:

— Ясно, леди. Хотите сыграть в рулетку. Ну, удачи вам.

И он осклабился, обнажив длинные клыки.

Гвен поспешила прочь рука об руку с Родом.

— Но почему же этот человек не узнал меня, если показывали наши портреты, как ты говоришь?

— Служащие казино предусмотрительно не обращали внимания на экран. Они могли подумать, что это чья-то уловка, что кто-то запустил фальшивую запись, чтобы другие в это время обчистили столы. — Род заметил, что Йорик отходит от зарешеченной кассы, убирая в карман куртки несколько чеков. — Ты должна отдать свои фишки человеку, который сидит за зарешеченным окошком, дорогая. Он даст тебе вместо них чеки.

— Но почему он в заточении?

— Решетка защищает его от нас, а не наоборот. Как только получишь деньги, ступай к выходу, я встречу тебя там. А мне нужно вывести Чорной.

Род провел жену к кассе и оставил там, после чего отправился на поиски четвертого члена команды, но вскоре заметил около Чорной Йорика, который что-то шептал ей на ухо. Чорной выслушала его сообщение не моргнув глазом, но решила закончить кон. Род оценил ее поведение: Чорной не желала привлекать к себе внимание, невзирая на опасность. Обернувшись, он увидел Вайти, разговаривавшего с Мирейн, которая на глазах становилась все бледнее. Строганов задумчиво осматривал зал, делая вид, что его крайне заинтересовал рисунок обоев. Наверняка он искал взглядом выход.

И тут на глаза Роду попался брат Джоуи. Монах махал рукой, стараясь привлечь внимание Строганова. Судя по всему, катодеанец разыскал служебный выход. К Роду подошла Гвен, обескураженно покачивая головой и глядя на полученные у кассира чеки.

— Не могу поверить, что эти бумажки с чернильной надписью чего-то стоят, — призналась Гвен.

— Не сомневайся. Главное — успеть их потратить, пока нас не поймали. — Род взял жену под руку. — Давай пойдем к брату Джоуи, милая. Похоже, он обнаружил черный ход.

Гвен нахмурилась:

— А почему мы не можем выйти там же, где вошли?

— Ты говоришь о главном входе? Нельзя. Не исключено, что он охраняется. И потом, помнишь привратника? Ну, этого парня, наряженного призраком, с выбеленной физиономией и скучающим взглядом? Очень может быть, что он-то как раз видел выпуск новостей, даже если больше его никто не смотрел. Нет, лучше нам удалиться тем путем, какой нашел наш благочестивый брат.

Они были уже в десяти футах от двери, когда кто-то у них за спиной вдруг ахнул и вскричал:

— Это они! Те самые, которых по ящику показывали! Хватайте их!

— Все-таки нашелся кто-то особо наблюдательный! — простонал Род.

С десяток псевдо-Рочестеров и псевдо-Джен* оглянулись и уставились на Рода и его спутников, но повели себя на редкость учтиво и пальцами тыкать в них не стали. А вот их соседи — несколько дюжин псевдо-Байронов** и Уолстонкрафт*** оказались не настолько вежливыми. Они дружно оскалились и принялись выкрикивать:

— Кто это такие?

— Преступники! Мы только что видели их в выпуске новостей!

— По головидению?

— В выпуске новостей?

— Преступники?

— Скорее! Нельзя дать им улизнуть!

— Держите их!

— Вон они!

За пару секунд компания лошених, утонченных посетителей казино превратилась в вопящую толпу, бросившуюся на Рода и его товарищей.

— Следовало бы предположить, — процедил сквозь зубы Род, — что со скуки люди и не на такое способны. Нужно что-то делать!

Гвен, успевшая уйти вперед, вернулась к мужу:

— Но им не устоять против нас, господин мой. Их всего-то сотня, не более!

— Но этого слишком много для того, чтобы мы случайно не убили кого-то из них! Кроме того, если мы начнем усыплять их, они могут, падая, задеть тех людей, которые пытаются нам помочь!

Род заметил, что жена растерялась.

— Мне не по нраву бежать от подобных типов, господин мой.

* Главные герои романа Шарлотты Бронте «Джен Эйр».

** Надо полагать, образ великого английского романтика Джорджа Гордона Байрона на Отранто популярен в связи с тем, что Джон Полидори, служивший некоторое время его домашним врачом, первоначально опубликовал свою повесть «Вампир» под именем Байрона, оттолкнувшись от фрагмента, написанного Байроном в качестве баловства. Эта история послужила поводом для скандала.

*** Фамилия по матери Мэри Годвин (в замужестве — Шелли), автора «Франкенштейна».

— Понимаю, что ты имеешь в виду, но в данном случае осторожность превыше всего. Нам надо упорхнуть, дорогая!

К счастью, Гвен не поняла его буквально, но у выхода они оказались так быстро, как будто они действительно пустились в полет. Супруги Гэллоугласс остановились между Чорной и Мирейн как раз в то мгновение, когда брат Джоуи нажал на стенную пластину с надписью: «Посторонним вход воспрещен».

— Никогда так не мечтал оказаться посторонним! — воскликнул Род и подтолкнул к двери Мирейн и Чорной.

Мирейн остановилась у входа в «дом сновидений».

— Не нравится мне это, — недовольно проворчала она.

— Мне тоже не очень. На мой взгляд, тут слишком переусердствовали с элементами рококо, — проговорил Вайти, нахмурившись разглядывая фасад здания. — А уж все эти жирные ангелочки и вообще вне какого бы то ни было стиля. Но мы намерены купить услуги этого заведения, а не его декор.

— Ты прав. Мне в высшей степени безразлично, как это заведение выглядит. Мне не нравится эта идея, Вайти. Мне нестерпима мысль о полной незащитности!

— Угу, — буркнул Вайти. — Я понимаю, что ты имеешь в виду. Но увы, выбор у нас невелик.

— Да нет же никакой опасности! — возмущенно зыркнула на Вайти Чорной. — Можете считать, что в «доме сновидений» вы будете под такой же надежной охраной, как любой из служащих! Не сомневайтесь, мисс!

— Но почему же тогда меня бросает в дрожь при одной только мысли об этом?

— Потому что ты боишься развоплощения, — объяснил Строганов и заботливо обнял Мирейн. — Мы все этого порой боимся. Но в данном случае бояться глупо. Законы, оберегающие клиентов «домов сновидений», Мирейн, очень строги, и их соблюдение обеспечивается со всем старанием.

— Прости, что ты угодила в переделку вместе с нами, — сокрушенно проговорил Вайти, — но если агенты ПИСК и вправду попробуют обрушиться на нас, не исключено, что и тебе достанется.

— Ну, честное слово, вам не о чем волноваться, — лучисто улынувшись, заверила девушку Чорной. — Будет здорово, вот

увидите! Если хотя бы половина того, что я слышала о «домах сновидений», правда, то вы поймете, что никогда в жизни еще так не развлекались.

Мирейн явно еще терзали сомнения, но она решительно прижала к груди свой микроноутбук и вместе с остальными переступила порог «дома сновидений».

Сотрудница заведения, одетая весьма легкомысленно, встретила компанию в фойе, весело улыбнулась, оценила гостей опытным взглядом профессионала и осведомилась:

— Вам отдельные сны или групповой?

Йорик нахмурился:

— Что такое «групповой сон»?

— Вы все будете подсоединены к одному компьютеру, — объяснила сотрудница, — и будете смотреть один и тот же сон. Прототипами героев будут только двое из вас, но участвовать будете вы все.

Вайти с опасением глянул на своих спутников.

— А как компьютер решит, кто из нас будет героем, а кто — героиней. Путем случайного выбора?

— Нет, компьютер производит выбор в соответствии с характером клиента. Но когда сны заказываются на группу, это стоит дешевле, в пересчете на каждого клиента.

— Дешевле? — насторожилась Мирейн. — И как же у вас определяется стоимость?

— За персональный сон каждому из вас придется уплатить по девятьсот тридцать семь квачасов, — пустилась в объяснения сотрудница. Не обратив никакого внимания на то, как при этом известии ахнул Род, она продолжала: — За всех получится около семи тысяч пятисот квачасов. А вот групповое сновидение стоит три тысячи квачасов на компанию до тринадцати человек.

— А нас восемь, — негромко сказала Мирейн Строганову. — Если мы закажем групповое сновидение, пожалуй, нашим беглецам еще и на полет до Терры останется.

— Не волнуйтесь за нас, — прошипел Род.

— Вот спасибо, Дон Кихот, — фыркнул Вайти. — Не забывайте: чем скорее вы уберетесь с Отранто, тем безопаснее ситуация для нас.

— Ну почему об этом говорят всюду, где бы я ни оказался, — жалобно вздохнул Род.

— Размышления оставим на потом. — Вайти учтиво кивнул сотруднице. — Мы решили остановиться на групповом сновидении, мисс.

Сотрудница взяла деньги и препроводила их в просторное помещение с низким потолком, где стояли десять кушеток с обивкой на разные вкусы, и предложила всем лечь, что спутники и сделали, бросая опасливые взгляды на установленное рядом с кроватями сложное электронное оборудование.

— Лежите спокойно, — посоветовала сотрудница. — Не бойтесь, больно не будет.

Все замерли в неподвижности, а сотрудница надела всем по очереди шлемы.

— Не волнуйтесь, — успокаивала она клиентов по ходу дела. — Никакие электроды вам в мозг не вживляются. Они только прикасаются к коже. Сновидения будут проникать в ваш мозг через черепные кости.

Не сказать, чтобы эти объяснения звучали вдохновляюще, однако все члены компании послушно выполнили рекомендации сотрудницы и приняли снотворное снадобье как хорошие мальчики и девочки. Снадобье оказалось густым и вязким, как сироп, а на вкус напоминало гранат.

— Теперь постарайтесь расслабиться, — распорядилась сотрудница. Однако снадобье подействовало настолько быстро, что все расслабились еще тогда, когда она еще не успела закончить эту фразу. Всех охватила приятная дремота. Спутники погрузились в блаженный сон.

Девушка огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не подсматривает, и проворно шагнула в тень, отбрасываемую раскидистым деревом, что-то пряча за спиной.

— Сюда! — крикнула она. — Этот мерзкий насильник вырвался на волю! — Она вышла из-под дерева, и стало видно, какая у нее невысказанно большая грудь. — Проклятие, Девиз, и за что только мне достались такие здоровенные груди? Ведь у некоторых девушек их почти совсем нет!

Ее скотчтерьер смерил ее оценивающим взглядом и согласно гавкнул.

Девушка нервно осмотрелась:

— Проклятие, Девиз! Наверное, нам не стоило уходить с нашей улицы! Ох, не нравится мне эта старая окраина! — Она сглотнула подступивший к горлу ком. — Может быть, я бы не так боялась, если не была девственницей. Но все эти дома с привидениями стоят далеко от дороги... А как страшны эти костлявые деревья с коричневыми и грязно-серыми листьями, которые отрываются от ветвей и летят к земле, как призраки тоски. — Она нахмурилась и стукнула себя по лбу кулаком. — Да что это со мной? Никогда в жизни так не разговаривала!

Послышался заливистый лай. Девушка порывисто обернулась и увидела, что Девиз скачет за тусклой призрачной белкой.

— Девиз! — вскричала девушка и бросилась за собакой. Ее пышные юбки развевались на ветру. — Нет, Девиз! Туда нельзя!

Но пес, не разбирая дороги, мчался за скачущей белкой, а та, прыгая по толстому слою подгнившей опавшей листвы, добралась до полуразрушенного забора, перескочила через него и запрыгала дальше, по растрескавшимся камням извилистой дорожки, ведущей вверх по склону холма к дому весьма зловещего вида.

— Нет, Девиз!

Девушка попробовала открыть заржавевшие ворота. Это у нее не получилось, и она перелезла через забор. Подол ее юбки зацепился за один из ржавых железных кольев, но она отцепила юбку и, прыгнув вниз, устремилась вдогонку за собакой.

Она уже почти нагнала пса около крыльца, но неожиданно распахнулась дверь, и белка юркнула в дом, а собака вбежала туда следом за зверьком. Девушка бросилась было за ними, но резко остановилась, увидев даму, стоявшую в дверях.

— Добрый вечер, милочка, — проговорила дама — высокая, стройная и бледная. Пожалуй, на щеках у нее было слишком много румян. Ее блестящие черные волосы каскадом падали на плечи, их кончики едва заметно изгибались кверху. Девушка вытаращила глаза, зажмурилась, снова открыла глаза. Возможно, она ошиблась, но ей показалось, что клыки у дамы чуть длиннее, чем следовало бы. И к тому же они были очень острыми.

— Входи же, — мурлыкнула дама и отступила назад.

Девушку охватил страх, но в доме находилась ее любимая собака, поэтому выбирать ей не приходилось. Медленно, неохотно она переступила порог.

Хозяйка дома закрыла дверь, пожалуй, чересчур проворно.

— Меня зовут ЛЬ'АЖ д'Ор*, — представилась она. — А тебя?

— Петти, — смущенно, неуверенно ответила девушка. — Петти Пьюр**. — Она огляделась по сторонам. — Вот это да! Сколько у вас тут всяких старинных диковинок!.. Мамочки! А эта диковинка... пошевелилась!

— О? Да, это мой дядюшка. — ЛЬ'АЖ взяла за руку скрюченного, горбатого старика с редкими желтоватыми волосами, в блестящем черном костюме. — Петти Пьюр, позволь представить тебе Сукара Блутштайна***.

Старик уставился на Петти выпученными глазами и широко ухмыльнулся. С одного из его длинных клыков стекла струйка слюны. Петти поежилась.

— Ах, как я посмотрю, ты обратила внимание на его прикус? — с улыбкой проговорила ЛЬ'АЖ и обнажила собственные клыки. — Это у нас семейное.

— А-а-а... ну... Рада познакомиться с вами, — проямлила Петти.

— Я тоже очень, очень рад, — прошамкал Блутштайн.

— Не раскрывай пасть слишком широко, старый тупица, — прошептала старику на ухо ЛЬ'АЖ, — не то отпугнешь ее. — Обратившись к Петти, она сказала громко: — Быть может, присядешь и отдохнешь? Сейчас я прикажу, чтобы принесли чаю.

Довольно скоро вошел дворецкий, и Петти ахнула от ужаса. Это был великан ростом футов семь, не меньше, и все, что на нем было надето, ему было мало. Ноги у него тоже были неимоверной величины, а его квадратную физиономию покрывали шрамы. Волосы свисали скомканными клоками разной длины. Веки великана были полуприкрыты, по обе стороны от шеи тянулись электрические проводки. Он угрюмо ухнул.

— Чаю, — резко распорядилась ЛЬ'АЖ и лучисто улыбнулась Петти. — Тебе со сливками или с лимоном, милочка?

* L'Age d'Or — «Золотой Век» (фр.).

** petty — простушка, pure — чистая (англ.).

*** Blutstein — кровавый камень (нем.).

— А-а-а... со сливками, пожалуйста. И с сахаром.

Петти в страхе прижалась к спинке высокого стула.

— А мне... мне томатного сока, — велела Ль'Аж. — И пирожных к чаю, конечно. Да... это все, Франк.

Дворецкий рыкнул и, шаркая, вышел из комнаты.

Петти опасливо, медленно отстранилась от спинки стула и выпрямилась.

— Кто... он такой? — дрожащими губами спросила девушка.

— О, всего лишь игрушка, которую я изготовила в часы досуга, — ответила, небрежно махнув рукой, Ль'Аж. — Ну а теперь, милочка, расскажи мне о себе. Есть ли у тебя родственники?

Дворецкий, шаркая и ворча, вошел в кухню. Тетушка Дилювиэн — потная толстуха в ярком, вырви глаз, платье до пола, оторвала взгляд от котла, в котором помешивала какое-то варево.

— Что, говоришь, она велела принести... Чаю? С чего бы это? Гостя? Невинная девушка? Ну еще бы! Конечно, они встретили ее с распростертыми объятиями! За много лет наконец-то — настоящая еда. А то ведь госпожа наша своим сыном сколько времени питалась, а уж чем господин, и подумать страшно... Родерик!

Дядюшка Родерик, старик горбун, занятый выдавливанием сока из помидоров, обернулся:

— А?

— Сбегай наверх да нацеди мне парочку унций.

— Но он уже давал вам пить сегодня, — возразил дядюшка Родерик.

— Особый случай, — буркнула тетюшка Дил. — Придется еще немножко нацедить.

— Она его вконец обескровит, — проворчал Родерик, но все же взял с полки небольшой кувшинчик и поплелся вверх по лестнице.

Одолев первый пролет, от миновал дверь, ведущую в спальню хозяйки, и вошел в соседнюю комнату. Комната была просторная и обставленная по-спартански. Дошатый пол без ковров, пустые бежевые стены. В углу стояла засохшая, всеми забы-

тая рождественская елка с разбитыми и растрескавшимися шарами и потускневшей и порванной мишурой.

Посередине комнаты стояла покрытая пылью старая кровать с пологом, а на ней лежало чье-то желтушное тело. Глаза человека были закрыты, его грудь едва заметно вздымалась и опадала.

— Бедняга, — проговорил со вздохом дядюшка Родерик, подойдя к кровати. Он уселся на стул с высокой спинкой и повторил: — Бедняга. — Затем он взял беспомощную, вялую руку молодого человека и повернул рычажок на канюле, вставленной в вену. Темно-красная жидкость закапала в кувшинчик. Как только стеклянный кувшинчик наполнился до отметки «2 унции», дядюшка Родерик перевел рычажок в первоначальное положение, вытер канюлю носовым платком и уложил руку юноши на кровать.

— Ну, ну, — проговорил он, хотя отлично понимал, что Мак Черч* его не слышит.

Когда горбун поднялся, его кости захрустели. Он со вздохом направился к двери, но на пороге обернулся, чтобы бросить взгляд на необыкновенно красивого молодого человека, чьи мускулистые плечи облегла простыня. Тот по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Дядюшка Родерик вздохнул, сокрушенно покачал головой и закрыл за собой дверь.

Когда он спустился вниз, там его уже поджидал Сукар Блютштайн. Он чуть ли не набросился на горбуна. Жадно сверкая глазами, он спросил:

— Набрал? Она у тебя?

— О да, господин Блютштайн, — горестно вздохнув, отозвался Родерик.

— О, счастье! О, блаженство! — вскричал Сукар Блютштайн и, роня слюни, протянул к кувшинчику изогнутые пальцы с длинными ногтями. — Дай-ка я погляжу! Дай попробую... — Он умолк, когда Родерик поднял кувшинчик повыше и продемонстрировал хозяину две унции темно-красной жидкости. Блютштайн уставился на содержимое кувшинчика, в страхе поджал губы, заслонился руками. — А-а-а-а-ай! — вырвалось у него. — Унеси ее прочь! Унеси скорее прочь!

* Church — церковь (англ.).

С этими словами он развернулся и, пошатываясь, направился к гостинной.

— Эх, бедолага, — вздохнул Родерик. — Тяжко ему придется. Каково это — быть вампиром и чтоб тебя выворачивало при виде крови!

Сокрушенно качая головой и прихрамывая, Родерик вошел в кухню.

— Набрал? — осведомилась тетушка Дил.

— Само собой, — проворчал Родерик и подошел к жене. — Что, ты думаешь, он бы вскочил и принялся со мной драться, да? Уж два года, как он лежит без чувств. Бедный малый!

— «Бедный малый»! Нет, вы только послушайте! Чья бы корова мычала! Не ты ли нанес ему удар, от которого он похолодел, а? Не ты?

— Ну я, да только кто же думал, что он никогда не очнется? И потом, что же мне было делать, когда его матушка и его дядя явились к нам в дом и объявили, что теперь это их дом и что теперь мы им будем прислуживать?

— Ну и само собой, ты врезал по башке дубинкой как раз тому, кто нам и не думал угрожать!

— Так ведь он показался мне единственным из троих, кто мог быть опасен, — продолжал оправдываться Родерик. Он подтащил к двери стремянку и забрался на нее, держа под мышкой две доски и шнурок.

— А теперь ты что удумал, старый дурень? Сам ведь знаешь, от твоих ловушек толку чуть!

— Но надо же попробовать-то, а? — Родерик многозначительно глянул на варево, которое продолжала помешивать жена. — Или может, ты бросишь варить свое колдовское зелье?

Тетушка Дил подбоченилась и встала, закрыв собой котелок.

— А что же мне еще делать-то, как не зелье варить? Я же колдунья, как-никак!

— Вот и нет. Ты гадалка. — Родерик уложил одну доску поверх другой. — Всего-навсего старая цыганская гадалка. Вот почему небось от твоих зелий толку никакого нету. Но ежели ты не будешь хулить мои ловушки, так и слова не скажу про твои зелья. Ну, что ты туда подмешала на этот раз?

— Серебряную соль, — буркнула тетушка Дил. — А что в ведре у тебя?

— Вода, — ответил Родерик, поднялся повыше и водрузил ведро на импровизированную полку. — Всего лишь вода.

— Ну и что от нее проку?

— Может, и никакого, но все остальное я уже перепробовал. — Родерик привязал бечевку к ручке ведра и прижал другой ее конец к дверному косяку кнопкой. — И потом, в детстве я читал одну историю, так там...

— Там была ведьма, тупица ты старый, а не вампир!

— Ах, так вот почему ты подсыпала в свое варево соль серебра! А почему бы просто серебра не положить?

— Осторожно! — выкрикнула тетушка Дил, но створка двери уже распахнулась, и дядюшка Родерик рухнул на пол. Упало и ведро. Воды из него вылилось совсем немножко, после чего оно нахлобучилось на голову переступившего порог великана. На миг тот озадаченно замер, а потом с возмущенным ревом сорвал с себя ведро.

— Ох, ох, вот беда! — заахала тетушка Дил и бросилась к великану, стараясь заслонить собой Родерика. — Ты, племянничек, не обижайся. Понимаю, Франк, не больно-то приятно, когда тебя вот так окатывают водой, но она предназначалась не для тебя, а для старой злыдни и ее дядьки.

Монстр ворчал и рычал, протирая контакты на шее.

— Да, конечно, я понимаю, могло получиться короткое замыкание. Не сомневаюсь, дядя очень сожалеет, что все так вышло. — Тетушка Дил обернулась через плечо. — Ты сожалеешь, Родерик, да?

— Еще как... сожалею, — пробормотал Родерик, кряхтя, поднялся и принялся растирать ушибленную спину.

Монстр одарил его гневным взглядом и что-то неразборчиво прорычал, затем развернулся к тетушке Дил и проревел нечто вопросительное.

— Томатный сок? Да-да, он готов.

Тетушка Дил вылила содержимое кувшинчика в небольшой стаканчик и поставила его на поднос с чайными принадлежностями. Затем она взяла шейкер и уже была готова чего-то подлить в стаканчик, но Франк схватил ее за руку и, покачав головой, прорычал нечто отрицательное.

— Ну ладно, ладно, обойдемся без мышьяка, — проворчала тетушка Дил. — Но нужно еще лимонные дольки положить. Будь умницей, Франк, возьми их в холодильнике, ладно?

Монстр отвернулся, а тетушка Дил проворно схватила аппетичный пузырек.

— Вот так! Крошечную щепоточку нитрата серебра... — Она вдруг замерла и прижала ладонь ко лбу. — Но! Что это со мной? Почему я так себя веду? Я бы ни за что до такого не додумалась!

— Угу, — мрачно кивнул ее супруг. — Я понимаю, о чем ты. — Он зажмурился, немного постоял и снова открыл глаза. — Знаешь, — признался он, — у меня почему-то такое чувство, что я как бы и не Родерик. Как будто меня зовут как-то похоже, но не так...

— Ох, порой у всех нас бывают такие ощущения, — прозвучал вдруг ровный, аристократического звучания голос. — На самом деле тревожиться положительно не о чем. Это всего лишь фокус, который выделяют наши нейроны, только и всего. Нечто вроде *deja vu**.

— О нет! — воскликнул Родерик и в страхе закрыл лицо руками. — Это же старина Ник**!

— Не так уж я стар, — учтиво возразил весьма доброжелательно настроенный демон, поглаживая козлиную бородку. — К тому же я не сам старина Ник, а сын старины Ника. Но вы можете называть меня «Баззабиз».

— Что ж, тебе очень даже подходит, — заключил Родерик и сосредоточенно сдвинул брови. — А вот мне как себя называть?

— Родериком, — ответил дьявол, и в голосе его послышалась сталь. — И не смей даже думать о каком-нибудь другом имени! — Он тут же усмехнулся и смягчился. — Я хорошо знаю, как это бывает: каковы эти вспышки, проблески чувства, будто ты — кто-то другой. Не позволяйте этим ощущениям овладевать вами. Это всего лишь проявления внутреннего конфликта. У меня и у самого они случаются. Вы не поверите, но

* «Уже было» (*фр.*). Термин, используемый психоаналитиками для описания синдрома ложной памяти.

** Old Nick — дьявол (*англ. разг.*).

время от времени я ловлю себя на том, что говорю на церковной латыни!

— Что верно, то верно, — проворчал Родерик. — Слабо верится.

— Верите вы в это или не верите, значения не имеет! Вы будете делать то, что вам положено! — вскричал Баззабиз и обвел всех трюих свирепым взглядом. — Я желаю, чтобы одно осталось ясным: вы — в моей власти и будете поступать, как я вам велю!

— Чертовски верно, — фыркнул Родерик.

— Хватит, наслушался! — проскрипев зубами, воскликнул Баззабиз, наставил на Родерика указательный палец, и на лбу и щеках у того появилось множество мелких красных точек. Родерик взвыл от боли, попятился и закрыл лицо руками, а Баззабиз расхохотался. — Псевдошершни! — довольно констатировал он. — И так будет всякий раз, когда ты посмеешь меня послушаться. Ну да не переживай. Немного укусных примочек и льда — и ты избавишься от боли... Эй, эй! — окликнул он тетушку Дил, которая пыталась незаметно выбросить шейкер в мусорное ведро. Наставив на нее указательный палец, демон велел: — Ну-ка, иди сюда и брызни-ка немножко в стаканчик! — Он повел пальцем, и, повинуясь этому движению, рука тетушки Дил против ее воли подняла шейкер и опрокинула часть его содержимого в стаканчик с кровью. Баззабиз довольно кивнул и похвалил старуху: — Вот умница. Теперь ты! — Он наставил указующий перст на Франка. — Неси немедленно поднос дамам!

Франк, что-то нечленораздельно бормоча и стеная, потоптался на месте, но поднос все-таки взял и развернулся к двери.

— Вот так-то лучше, — довольно кивнув, отметил Баззабиз. — Намного лучше. Итак, с этих пор вы все делаете, как вам говорят. И чтобы больше никакого этого тайного индивидуализма, понятно? Потому что я смотрю за вами и все вижу!

С этими словами он описал рукой круг над собой и исчез. Несколько мгновений в кухне слышалось приглушенное жужжание, но вскоре оно затихло. Франк вышел из кухни.

Родерик, испуская жалобные стоны, обклеил лицо маленькими пластырями, после чего вновь приставил к двери стремянку и поднялся по ней, держа ведро и две доски.

— Ты воды налить забыл, — ворчливо напомнила ему те-тушка Дил.

Родерик простонал и спустился со стремянки.

Громко шаркая, Франк вошел в гостиную и поставил под-нос на маленький столик, за которым сидели Ль'Аж и Петти.

— Хорошо, — бросила Ль'Аж. — Можешь идти.

Франк, ворча, удалился.

Дядюшка Сукар наклонился к столику, облизывая губы.

— Спокойствие, дядя, — строго остановила его Ль'Аж. — Ты получишь свое угощение. Но сначала — наша юная гостья.

— О, конечно, — еле сдерживаясь, кивнул Сукар. — Конечно...

— Какая красивая посуда, — восхищенно проговорила Пет-ти. — Фарфор, да?

— О, благодарю, ты очень любезна, милочка, — улыбнулась Ль'Аж, наливая сливки в чашку Петти. — Да, это фарфор. Серебро, знаешь ли, это так безвкусно... — Она подала Петти тонень-кую, почти прозрачную фарфоровую чашку и блюдце. — Пей, угощайся. А я, прости, чай пить не стану.

— Она должна выпить свой томатный сок, пока он не свер-нулся, — пояснил дядюшка Сукар.

— А, понятно, — кивнула Петти и тут же нахмурилась. — Чего-чего?

— Гм. Франк! — поспешно окликнула Ль'Аж.

Дворецкий, как всегда, немилосердно шаркая, вошел в го-стиную.

— Дай мне огня, — распорядилась Ль'Аж и вставила длин-ную сигарету в еще более длинный мундштук из слоновой кости.

Неприятно скалясь, Франк взял с каминной полки старин-ное огниво и кремь. Он ударил стальным огнивом о камень, искра попала на пучок ликоподия, и тот загорелся магниевой вспышкой.

Яркий свет озарил поверхность томатного сока в стакане, и подсыпанная туда соль преобразилась в картинку, изображав-шую юношу прекрасного телосложения, который лежал на кро-вати в комнате наверху. Петти уставилась на дивное лицо это-го Адониса и ахнула.

— А-а-а... — пробормотала она. — Надеюсь, вы меня извините, мне нужно... в туалет, попудриться.

Она отставила чашку и встала из-за стола.

— О, но здесь, внизу, у нас тоже есть туалет, — сообщила ей Ль'Аж.

— Почему-то мне кажется, что тот, что наверху, лучше, — отговорилась Петти и торопливо пошла к широкой витой лестнице, которая начиналась за аркой на выходе из гостиной.

— Франк, что же ты стоишь?! Скорее! Догони ее! — вскричала Ль'Аж.

Франк взревел, развернулся и неуклюже побежал следом за Петти. Но Петти оглянулась, в страхе вскрикнула и опрометью бросилась вперед.

Ль'Аж, однако, вовсе не имела намерений пассивно наблюдать за происходящим. Она поспешила вслед за медлительным Франком и, вбежав в коридор, ухватила за рычаг, укрепленный на стене возле лестницы. Как только Петти ступила на лестницу, Ль'Аж нажала на рычаг, и первые три ступеньки провалились — под ними открылась потайная панель. Крик падающей в глубокий подпол Петти вскоре стих внизу.

— Вниз! — скомандовала Ль'Аж, устремив на Франка пылающий гневом взор и указывая на отверстие в полу.

Протестуяще бормоча, Франк уселся на край дыры и свесил туда ноги — одну за другой.

— Быстрее, чудовище! Поторопись!

Франк проворчал что-то наподобие «нехорошо».

— Не смей меня поучать! — взвизгнула Ль'Аж и отвесила Франку пинок по заднице. Франк взвыл и исчез в дыре.

Он грохнулся на пол как раз в то мгновение, когда Петти в ужасе начала взбираться по лесенке, ведущей вверх из подпола. Франк испустил тяжкий вздох, с трудом поднялся на ноги и похромал к лесенке. Он добрался до нее тогда, когда Петти уже была наверху. Она, крича, стала барабанить в дверь и дергать засов. Франк дождался, пока она отдышится, и прорычал:

— Поверни.

— Что? — Петти уставилась на свою руку и поняла, что дергает дверную ручку. — О! Вот спасибо! — выкрикнула она, повернула ручку и выбежала в прихожую. Франк в это время добрался до середины лесенки.

— Лови ее, Франк! Держи, хватай! — неистовствовала ЛЬ'АЖ, но Петти уже повернула за угол и, добежав до лестницы, сиганула через дыру в полу. — Неужели никто здесь не способен сделать хоть что-то, как надо? — заорала ЛЬ'АЖ и изо всех сил навалилась на второй рычаг.

Со страшным грохотом ступени пришли в движение. Конечно же, они задвигались вниз. Петти в отчаянии вскрикнула и побежала вперед с удвоенной скоростью, но эскалатор успел набрать скорость, и девушке, при всех ее стараниях, удавалось только оставаться на месте.

— Лови ее, Франк! — вопила ЛЬ'АЖ. — Хватай же ее!

Франк наконец выбрался из подпола, страшным рыком выражая свое отвращение к погоне, и, повернув за угол, устремился к лестнице. Неловко перескочив через отверстие люка, он угодил на движущиеся ступени и предпринял отчаянную попытку взобраться по ним вверх. Он шагал широко, размахисто, но догнать девушку не мог, как ни старался. К слову сказать, старался он не-то чтобы очень.

— Неумехи! Дилетанты! — возопила ЛЬ'АЖ. — В этом сюжете все сплошные дилетанты!

Она задрала голову и устремила взгляд на тяжелую бронзовую люстру, висевшую над лестницей, метнулась к стене и рывком открыла черную дверцу. Злобно скалясь, ЛЬ'АЖ нажала на рычаг рубильника и вдела руки в металлические перчатки. Заработали потайные электромоторы. Бронзовые гербы, служившие украшением люстры, вдруг превратились в две огромных руки, которые опустились вниз на цепях и потянулись к Петти. Вдруг бронзовые руки рванулись к девушке. Металлические пальцы скрючились. Петти с криком отскочила в сторону, и пальцы схватили воздух. От страха у Петти открылось второе дыхание, и она одолела еще две ступеньки. Великан беспомощно протягивал к ней руки.

А в кухню тем временем вбежал скотчтерьер и принялся ожесточенно лаять и рычать на Родерика. Родерик, стоявший на стремянке, нахмурился и глянул на пса сверху вниз:

— Что-что? Как ты сказал?.. Логическое несоответствие? Это в чем же оно, к примеру, проявляется?

Пес оскалился и один раз отрывисто тявкнул.

— Ага! — Родерик глубокомысленно вздернул брови, выпятил нижнюю губу. — Ну, если так рассуждать, то и мне, пожалуй, кажется, что...

Пес трижды гавкнул и зарычал.

— Франк не может долго работать без подзарядки, это ты верно говоришь, — согласился Родерик. — И действительно: очень странно, что парочка вампиров не закусала насмерть тетушку Дил и меня в то время, как они безраздельно завладели нашим домом...

Девиз отчаянно и гневно залаял.

— Проснуться? — Родерик нахмурился, покачал головой. — О чем ты толкуешь, не пойму? Мы вроде и не спим.

Лай скотчтерьера стал душераздирающим.

— Да о чем ты? Что это значит — «мы просто спим»? — Родерик опять озадаченно помотал головой. — Никак в толк не возьму.

— Не понимаешь, да? — язвительно проговорила его жена. — А вот я очень даже хорошо понимаю!

С этими словами она выбежала из кухни, а Девиз с победным лаем устремился за ней.

Тетушка Дил выбежала в прихожую, крича:

— Франк! Франк! Ох, кто бы ты ни был на самом деле! Ты должен проснуться! Ты слышишь меня? Слышишь! Так послушай! Франк, ты должен проснуться!

— Он занят делом! — взвизгнула Ль'Аж. — Зачем ты его отвлекаешь? Что это ты вздумала?

Франк продолжал рычать и беспомощно топтаться на движущейся лестнице.

— Он — очень примитивный андроид, — объяснил, появившись ниоткуда, Баззабиз. — Он не способен выполнять одновременно более одной команды. А вот ты — можешь! Сейчас же возвращайся на кухню, твое место там!

И он указал на дверь, ведущую в кухню.

— *Мое место?* — возмущенно вскричала тетушка Дил. — Только потому, что я — женщина? О нет! Ты узнаешь, кто я такая! Я леди и владею огромной силой!

— Вот повезло-то, — фыркнул Баззабиз. — Кухарка-активистка! Ну ладно, давай. Попробуй!

— Сгинь, провались! — выкрикнула тетушка Дил и швырнула в Баззабиза огненный шар.

Демона окутали синеватые искры. Он спокойно выдержал атаку, дождался, пока искры угаснут, и шагнул к кухарке, на глазах вырастая в размерах и приобретая все более угрожающий вид.

— Но... как же... Почему... — вскрикнула тетушка Дил и попятилась к дверному проему.

— Да потому, что ты всего-навсего...

Дверь кухни качнулась.

— Ой! — взвизгнул Баззабиз, когда дверь ударила по его физиономии. Улучив удобный момент, он переступил порог. Потирая ушибленный нос, он вперил взор в тетушку Дил. — Так вот... Все потому, что ты всего-навсего колдунья, старая ты крыса!

— Это неправда! — возмущенно вскричала тетушка Дил.

— Да-да, ты всего-навсего колдунья, а я — демон. Стопроцентный дьявол в расцвете лет и сил, и я намного более злобен, чем любая обычная колдунья... — Он вдруг прижал ладонь ко лбу и пошатнулся. — Что я такое говорю? Я не могу быть злобным... Я не должен! Я не должен поддаваться... О нет, я должен! Если кто-то и обязан творить здесь всяческие переполохи, так это я! — Он опустил руку и уставился на... Гвен. — На чем остановился-то?.. Ах да! — Баззабиз довольно осклабился. — Демон более злобен, чем любая колдунья, и потому я более силен. Вот, черт подери, в чем все дело!

Но тетушка Дил и не подумала уstrasиться. Она выпрямилась, горделиво запрокинула голову и устремила на демона гневный взгляд.

— О нет! Зло не может быть источником силы! Я по крайней мере черпаю силу не у Зла! Ибо я — никакая не тетушка Дилювиэн, а Гвендилон Гэллоугласс, самая могущественная из колдуний Грамерая!

Родерик вздрогнул и уставился на нее. Зажмурился, энергично помотал головой.

— Я — Гвен Гэллоугласс, — вскричала старуха гадалка, — и я не потерплю подобных выхонок и...

— Заткнись, идиотка! — взвизгнул Баззабиз. — Ты угробишь всю систему!

Он поднял руку, и в его пальцах возникла шаровая молния.

— Осторожнее, Гвен! — выкрикнул старик горбун, бросился к жене и оттолкнул ее плечом в сторону. Огненная сфера просвистела в воздухе, а кухарка нырнула головой вперед в кухонный лифт.

Родерик взвыл, вскочил на ноги, ухватился за веревку лифта. Кабинка поплыла вверх.

— Нет уж, за эту веревку ухвачусь я! — рявкнул Баззабиз и оскалился, но тут зазвенел колокольчик, а Родерик прокричал:

— Второй этаж! Постельное белье и мебель для спален! Все выходят! Лифт дальше не идет!

— Прочь с дороги! — проорал Баззабиз. — Пусти меня к этому лифту!

Родерик захлопнул дверцу лифта и, развернувшись, встал лицом к лицу с демоном, выпрямился и сложил руки на груди.

— К какому такому лифту?

— А вот к этому, к этому лифту! К тому самому, к которому ты прислонился!

Родерик покачал головой:

— Сроду тут никакого лифта не бывало. Это всего лишь плод твоего воображения.

— Что ты несешь?! — взвыл Баззабиз. — Я его видел своими собственными глазами!

— Да? Но разве можно доверять ощущениям? Это ведь могла быть всего-навсего галлюцинация, понимаешь?

— Странно... — озадаченно нахмурился демон. — Но если так рассуждать, то потом ты заявишь, что вся вселенная — это *майя*, иллюзия!

— А разве нет? — требовательно спросил Родерик. — Так и есть — если ты, конечно, праведный индуист.

— А я не индуист! Я праведный католик! — Баззабиз застыл на месте, ошарашенный собственными словами. — Что я такое... говорю?

— Что ты праведный католик, — спокойно ответил Родерик.

— Да, да! Я праведный католик!.. Да нет же! Я хотел сказать, что я — неправедный католик! Нет!!! Я хотел сказать...

— Ты хотел сказать, что *ничего* не существует, — подсказал демону Родерик.

— Вот-вот! Ничего не существует! Никого из вас! Вы все — всего лишь продукты моего воображения! И все это — только сон! НЕТ! Я не мог такого сказать!

— Вот видишь? Даже твои собственные слова — и те не существуют! — покачав указательным пальцем, сказал Родерик. — Если на то пошло, и тебя самого не существует!

— Что ты болтаешь? Конечно же, я существую!

— Да? А откуда ты знаешь, что существуешь?

— Да оттуда, что я думаю! Я мыслю! *Cogito, ergo sum**! — Баззабиз испуганно прижал ладони к губам. — Ой, мамочки! Это же... латыни!

— Прикуси язык! — посоветовал ему Родерик. — И рот прополощи!

— Какое там — «прополощи»! — махнул рукой Баззабиз. — Сказал бы лучше: «известью почисти». Ну или раскаленными угольями, на худой конец... Как ангел очистил уста пророка Исайи**... О черт! По-мо-ги-те!!!

Баззабиз в ужасе бросился наутек и растаял в воздухе.

— Запашок, доложу я вам, — брезгливо поморщился Родерик. — Тьфу! Теперь я понимаю, почему в храмах используют благовония... Ладно! За работу!

С этими словами он весело захромал в прихожую, где все еще грохотал эскалатор и где Франк по-прежнему безуспешно старался догнать Петти, а та усиленно бежала на месте, то и дело уворачиваясь от бронзовых лап, болтавшихся на цепи, тянувшейся от люстры.

Родерик, прихрамывая, подбежал к лестнице, открыл дверцу сбоку от нее, сорвал с ноги деревянный башмак и прокричал:

— Долой господ!

Затем он проворно швырнул башмак в отверстие за дверцей, захлопнул ее, и внутри механизма что-то взорвалось со звуком, напоминавшим пушечный выстрел. Эскалатор остановился.

Петти стрелой преодолела оставшиеся ступени и влетела в комнату на втором этаже.

* Мыслю, следовательно, существую (*лат.*). Афоризм Рене Декарта.

** Ангел очистил уста пророка Исайи горящим углем, взяв его с жертвенника (Ис. 6. 5—7).

Франк с размаху рухнул на ступеньки во весь рост.

Вбежав в спальню, Петти захлопнула за собой дверь. На шнуре рядом с дверным косяком висел засов с погнутым штырем-предохранителем. Петти вставила засов в скобы и ухитрилась засунуть в отверстие штырь.

— Беги за ней, идиот! — бушевала внизу ЛЬ'Аж.

Франк с трудом поднялся на ноги и зашаркал вверх по лестнице, бормоча проклятия.

— Взломай дверь! — взвизгнула ЛЬ'Аж. — Вытащи ее оттуда!

Франк послушно забарабанил в дверь кулаком.

Предохранитель держался.

Петти развернулась и прижалась спиной к двери. Она тяжело дышала, ее грудь высоко вздымалась и опадала.

Свет керосиновой лампы озарил лицо Сукара. Он стоял на коленях около кровати, глядя руку Мак Черча и стенам:

— Очнись! Очнись же! О, я знаю, это бесполезно, я столько лет пытался пробудить тебя, и все же я не оставлю попыток сделать это! Быть может, в один прекрасный день ты откроешь глаза. Проснись, Мак Черч! Твое имя должно послужить тебе защитой. Признаю, я очень дурно поступил, когда так сильно ударил тебя! Но я никак не думал, что от моего удара ты лишишься чувств! Я не хотел, чтобы так вышло, и заверяю тебя: я не отведал ни единой капельки твоей крови! Я никогда не желал становиться вампиром, но у моей матушки на этот счет были свои планы. Понимаешь, это не моя истинная роль, это не я, я не такой! Нет, я ничего не имею против вампиров, но я не выношу вида крови! По крайней мере мне неприятен вид крови тех людей, которые мне нравятся. — Он вдруг задумчиво склонил голову набок. — А ведь это мысль! А как насчет крови тех людей, которые мне *не* нравятся? Ну вот взять хотя бы ЛЬ'Аж, для примера, — может быть, она пришлась бы мне по вкусу? Быть может, я возжаждал бы ее крови? Что бы я ощутил, если бы мне представился шанс укусить ее? О, это было бы совсем, совсем другое дело!

Петти не отрывала глаз от прекрасного, мускулистого юноши, лежавшего на кровати без чувств. Она восхищенно ахнула. Крючки и петли на ее корсаже не выдержали, застежка треснула, и ее пышная грудь предстала на всеобщее обозрение.

Мак Черч, похоже, услышал треск и пошевелил головой.

Петти этого не заметила, хотя и глядела неотрывно на свой идеал мужской красоты.

Мак Черч заспанно заморгал и вперил взор в полуобнаженную девушку. Наконец осознав, кто перед ним, он проворно скатился с кровати, алчно сверкая глазами. Он был голый, и Петти это заметила, но в следующее мгновение она оказалась в его объятиях. Она не видела ничего, потому что впервые в жизни испытала сладость долгого страстного поцелуя.

Вдруг в стене со стуком открылась дверца лифта, и в комнату влетела тетушка Дил. Она подбежала к Мак Черчу и Петти, принялась трясти их и кричать:

— Проснитесь! Вы должны проснуться! Разве вы не понимаете, что вы спите? Это всего лишь сон, сон!

— Если это сон, то я готова не просыпаться вечно, — пробормотала Петти и крепче обняла возлюбленного.

— Нет! Говорю вам — нет!!! — Тетушка Дил схватила Мак Черча за руку и потянула изо всех сил, пытаясь оторвать его от девушки. Но Мак Черч стоял непоколебимо, словно скалы Гибралтара — как будто его коматозное состояние стало из горизонтального вертикальным. — Нет, нет! — заливаясь слезами, кричала тетушка Дил. — Неужели вы не знаете, как близко страшное мгновение, когда сюда, взломав дверь, ворвется это чудовище, Франк!

— Ну все, все, побаловались и хватит! — крикнул Баззабиз, выбравшись из кабинки кухонного лифта. — Оставьте в покое это тело!

Тетушка Дил развернулась к нему и встала, раскинув руки, заслоняя собой влюбленную парочку.

— А ты как оказался в этих покоех?

— Материализовался, чтобы оказаться подальше от твоего муженька, — отвечивал Баззабиз и направился к ней походкой крадущегося тигра, злобно сверкая глазами. — А теперь ступай на кухню! Твое место там!

— А ты ступай к дьяволу, ибо твое место — там!

— Ах-ах-ах! Конец сцены! — Баззабиз помахал руками перед лицом, крутанулся на месте и указал пальцем на дверь. — Следующая сцена!

Изогнутый штырь засова согнулся окончательно. Дверь с треском упала внутрь комнаты. Франк прошаркал по ней, следом за ним в комнату ворвалась ЛЬ'АЖ, глянула на Петти и Мак Черча и, визжа, метнулась к Петти. Запустив длинные скрюченные ногти в руку девушки, она оттащила ее от Мак Черча и нацелилась клыками в ее нежную незащищенную шею.

Ее подбородок ударился о выставленную руку Мак Черча. Он грубо оттолкнул ЛЬ'АЖ:

— Прошу тебя, мама, не надо! Уж лучше я это сделаю сам. И он вновь прижал к себе Петти.

— Ах, юная любовь! — вздохнул Родерик, заглянув в комнату, и нахмурился. — Однако эта сцена мне что-то напоминает. Хотелось бы вспомнить, что именно...

— Не стоит напрягаться, — поспешно проговорил Баззабиз. — Это всего лишь минутная аберрация...

Обводя взглядом присутствовавших, Родерик остановил его на тетушке Дил. Он изумленно покачал головой:

— Понимаю, звучит забавно, но почему-то мне захотелось сейчас оказаться рядом со своей старушенцией.

Он шагнул в комнату как раз в тот самый момент, когда ЛЬ'АЖ, злобно взыв, бросилась на Петти с кинжалом в руке.

Девиз с лаем кинулся ей под ноги.

ЛЬ'АЖ запнулась и рухнула на пол с воплем такой громкости, что от него проснулись бы летучие мыши, пребывающие в спячке.

Родерик, спеша к тетушке Дил, зацепился за высохшую елку. Елка закачалась.

— Нет! — яростно завопил Баззабиз. — Держите елку! — Он бросился к качающемуся деревцу, но оно упало и обрушилось на ЛЬ'АЖ. Голова у той запрокинулась, глаза выпучились, рот открылся, но она даже крикнуть не успела — замерла в неподвижности.

— Ну кто бы мог подумать, — пробормотал Родерик во внезапно наступившей тишине. — Мишура-то, оказывается, серебряная была.

— Еда! — вскричал Сукар и радостно бросился к ЛЬ'АЖ. — Наконец-то! Наконец появилось нечто, во что я могу запустить мои зубы! — Он схватил безжизненное тело ЛЬ'АЖ за пле-

чи, запрокинул голову, обнажил клыки... и застыл в изумлении. — Ой! — вырвалось у него. — А... как же это делается-то? Столько времени прошло, что я не могу вспомнить!

— Да как раз так, как вы делаете, — поторопил его Родерик. — Обнажите ее шею да кусайте!

— Не надо ему подсказывать! — крикнул Баззабиз, накрыл когтистой лапой рот Родерика, и Родерик брезгливо поморщился от неприятного запаха. — У тебя ничего не выйдет, — заверил он Сукара, — ...без приправы.

— Без приправы? Ах, ну да! Конечно! Я вспомнил! — Сукар сунул руку в карман пиджака и победно извлек оттуда солонку. — Я всегда ношу ее с собой, чтобы подсаживать мой томатный сок!

— Нет! — взвыл Баззабиз. — Не смей касаться ее этим!

— Это почему же? — любопытствовал Родерик.

— Потому... потому... — весь дрожа, отозвался Баззабиз, — да потому, что этого нет в сценарии!

— А что такое «сценарий»? — нахмурившись, поинтересовалась тетушка Дил.

— Всего-навсего предсказание, — заверил ее Родерик. — Ничего такого, что нельзя было бы изменить.

— Нельзя, нельзя ничего менять! — завопил Баззабиз. — Как написано, так и должно быть!

— Но мы не обязаны этому следовать. Мы — хозяева собственных поступков.

— Ересь! — взвизгнул Баззабиз.

Девиз подскочил к Родерику и загавкал.

— Что говоришь?.. Он боится? Да-да, это я вижу... А это значит... что? А-а-а, на самом деле он не должен бояться? А почему?.. Потому, что если бы он и в самом деле обладал властью над нами, у него не было бы никаких причин для страха? Гм! Славно сказано!

Родерик просиял.

Баззабиз уловил ход его мыслей и содрогнулся:

— Я запрещаю тебе думать! Это аморально! Тут за всех думаю я! И буду думать!

— Нет, не будешь, — рассудительно проговорил Родерик и покачал головой. — Ты будешь следовать сценарию. — Он сдвинул брови и уставился на демона. — А что это ты так напрягся-то?

— Не знаю, — ответил Баззабиз, дрожа с головы до ног. — Правда не знаю.

Родерик поджал губы:

— А не может ли быть так, что на самом деле ты *хочешь*, чтобы Сукар воспользовался этой солью?

— Лично я предпочитаю селитру, — ответил Баззабиз. — Ведь я как-никак демон.

— Спасибо за подсказку, — успокоил его Родерик, — я возьму это на заметку. Подумаю.

— Вот этого я и боюсь?

— Чего? Того, чтобы люди думали? — Родерик понимающе кивнул. — Разумно. Ведь тогда трудно предвидеть, что произойдет. Жизнь становится совершенно непредсказуемой. А я как раз сейчас думаю.

Баззабиз, продолжая дрожать, кивнул:

— Ага. И проявляешь собственную волю.

— Ну да, — кивнул Родерик.

— И очень скоро проснешься, — подсказала ему тетушка Дил.

— Похоже, — снова кивнул Родерик и нахмурился. — Просто никак не могу вспомнить, кто же я на самом деле.

— Родерик, — торопливо проговорил Баззабиз. — Всего-навсего старый горбун Родерик.

— Тепло, — сдвинув брови, отозвался Родерик. — Тепло. И даже, пожалуй, слишком тепло.

Сукар прижал ладонь ко лбу:

— А если подумать... Я ведь тоже был кем-то...

— Ты и сейчас такой, — буркнул Баззабиз.

— Нет, — возразил Родерик. — Сейчас он такой, каким ты его желаешь видеть. И делает то, чего ты от него хочешь. Ты, следуя сценарию, желаешь, чтобы все мы просто-напросто выполняли твои приказы.

— Да! Какая дивная жизнь, а? Такая спокойная! Такая гармоничная!

— НЕТ! — вскричали все хором — все, кроме Ль'Аж, которая уже окоченела, и кроме Петти и Мак Черча, губы которых снова слились в продолжительном поцелуе.

Баззабиз в отвращении скривился:

— Какое... возмутительное развитие событий!

— Неплохая мысль! — вскричал Сукар. — Давайте возмутимся! Давайте учиним революцию!

— Заткнись! — прошипел Баззабиз.

Но Сукар не унимался:

— Лично я начинаю вспоминать, что я — на самом деле не я. По крайней мере — не Сукар Блютштайн.

— Заткнись! — вновь выкрикнул Баззабиз.

— Нет, это *ты* заткнись, — поправил его Родерик. — Слово имеет Сукар.

— А кто тут назначил тебя председателем собрания? — ослабил Баззабиз.

— Я сам и назначил.

— А я требую импичмента для Баззабиза! — прокричал Сукар. — Требую его отстранить!

Девиз отрывисто тьякнул.

— Он говорит, что ведет протокол, — пояснил Родерик. — Все согласны?

— Да! — выкрикнули хором тетушка Дил, Родерик и Сукар. Девиз весело залаял.

— Единогласно, — заключил Родерик, — за исключением Ль'Аж, которая не в состоянии принять участие в голосовании, а также за исключением Петти и Мак Черча, которые пребывают в забвении. Решение прошло, и твое время, Баззабиз, тоже.

— Вы не можете этого сделать! — пискнул Баззабиз.

— Насколько я помню, мы только что это сделали.

— А я помню кое-что еще! — крикнул Сукар. — Я помню, что тот, кто меня накормил какой-то гадостью, должен был всего-навсего усыпить меня и повисить мою чувствительность к гипнозу! Но получилось нечто большее: вышло так, что я стал желать поступать так, как мне диктует этот свергнутый тупица!

— Без оскорблений! — возмутился Баззабиз, но тетушка Дил подхватила:

— Я тоже это поняла!

— Присоединяюсь, — подтвердил Родерик.

Девиз тьякнул и зарычал.

— Он говорит, — перевел Родерик, — что тот препарат, который производит такое действие, обычно называют «зомбирующим».

— Я отрицаю это! — выкрикнул Баззабиз и замахал руками. — Все отрицаю! Я этого не делал! Я не давал такого приказа! Никто мне не велел...

— В это я склонен поверить, — кивнул Родерик. — Вероятно, ты — такой же несчастный зомби, как все мы. Но почему-то ты оказался более готов к тому, чтобы все делать согласно сценарию.

— Но ведь это значит, что он выступает в роли того, кто озвучивает сценарий! — воскликнул Сукар.

— Верно, — согласилась тетушка Дил и задумчиво сдвинула брови. — Но на самом деле мы не знаем, что прописано в этом «сценарии», и не понимаем, чего он хочет от нас.

— И потому, — с радостной улыбкой проговорил Сукар, — если нам удастся проснуться, нам не придется больше слушать всяческие глупости про этот сценарий!

— Нет! — возопил Баззабиз с пеной у рта. — Вы не можете! Так вы уничтожите всякое подобие порядка! Это неразумно! Это все равно что играть в кости со вселенной!

— Но зато мы обречем способность поступать так, как сами считаем правильным.

— Ну вот! Договорились! Это же будет полный хаос!

— Но мы все проснемся и перестанем быть зомби, — заметил Сукар.

— Анархия!

— Хватай его!

Все дружно набросились на Баззабиза, а тот слишком поздно осознал, что происходит, и не успел отскочить в сторону. Демон метался, выл и пытался вырваться, но Сукар и Родерик прижали его в полу, а тетушка Дил уселась ему на ноги. Родерик крепко ухватил демона за руки, а Сукар приготовил солонку.

— Вы... не можете... — вопил Баззабиз. — Это... аморально! Это неэтично! Это против всех...

— Желательно, чтобы он рот раскрыл, — заметил Родерик.

— Я не промахнусь, — заверил его Сукар и не промахнулся.

Баззабиз конвульсивно сглотнул, выпучил глаза, замер, начал дико дрожать — и вдруг исчез без следа.

Тетушка Дил шлепнулась на пол и в изумлении уставилась на то место на полу, где только что лежал демон.

— Ой, — вскрикнула она. — Куда же он подевался?

Девиз радостно залаял.

— Он говорит, — объяснил Родерик, — «туда, откуда пришел».

— Но куда именно? — спросила тетушка Дил.

— Этого никто из нас не знает, — сказал ей Сукар и посмотрел на Родерика. — А ты знаешь, откуда ты взялся?

Родерик уставился в потолок, нахмурился и покачал головой:

— Точно не знаю. Никак не могу вспомнить до конца... Он говорит, что про себя все знает, — перевел Родерик. — Он говорит: «Я — нотем-модем четыреста девять, компьютерный блокнот, и я знаю, откуда я взялся. Но откуда взялись вы все, зомби?»

Сукар пожал плечами:

— Честно говоря, я понятия не имею.

— Я тоже, — признался Родерик.

— И я, — подхватила тетушка Дилювиэн. — Однако я знаю, что мы должны проснуться.

— Славно подмечено. — Родерик поднял руку, вытянул указательный палец, указал на раскрытый рот Ль'Аж. — Маэстро, будьте так добры...

— С превеликой радостью, — кивнул Сукар и отсыпал немного соли в рот Ль'Аж.

Вампириша мгновенно испарилась, и все остальные в изумлении уставились на опустевший пыльный дубовый паркет.

— Получилось! — восторженно воскликнул Родерик. — Теперь примемся за более тяжелую работу. — Давай-ка, старушка, хватай его, а я возьму на себя ее, — распорядился он.

— Почему-то мне не нравится, как это звучит, — проворчала тетушка Дил, но ухватила за бицепсы Мак Черча, а Родерик — за плечи Петти.

— Так, Сукар, — распорядился Родерик, — приготовь солонку к бою. — Давайте... На счет «три»... Раз, два, три!!!

Они с тетушкой Дил одновременно рванули на себя влюбленных. Послышался звук наподобие того, который издала бы большущая присоска, оторванная от гладкой поверхности. Петти и Мак Черч, раскрыв рты, уставились друг на друга.

— Есть контакт! — вскричал Сукар и щедро попотчевал их солью.

Влюбленные оторопело закрыли рты, одновременно сглотнули соль и... начали таять. Обиженная Петти потянулась к исчезающему Мак Черчу, но и сама через мгновение пропала, как не бывало.

— Получилось! — потирая руки, прокричал Сукар. — А теперь вы, все трое, в шеренгу — стройсь! Смирно! Рты от-крыть!

Родерик и тетушка Дил вытянулись по струнке рядом друг с другом. Девиз пристроился у ног старушки. Шукар прошествовал вдоль шеренги, угощая всех по очереди солью. С той же очередностью все, включая собаку, исчезли. Сукар с некоторым испугом обвел взглядом опустевшую комнату и впервые услышал, как завывает ветер в пустых углах огромного дома. Оставшись один, Сукар шмыгнул носом, утер набежавшие на глаза слезы и с грустью проговорил:

— Как мне всех вас не хватает...

С этими словами он запрокинул голову, открыл рот, насыпал себе на язык соли и исчез.

Один за другим спящие начали пробуждаться. Они открывали глаза, жмурились от яркого света, а потом стали пытаться подняться с кушеток.

Служащая «дома сновидений» в ужасе смотрела на них. Наконец, оправившись от потрясения, она вскочила и выбежала из комнаты, крича:

— Позовите хозяина! Эти клиенты только что проснулись... Они проснулись до того, как сон закончился!

Род застонал и свесил ноги с кушетки:

— У меня такое чувство, будто в меня только что угодил метеор!

Мирейн, часто моргая, сползла с кушетки и попыталась встать на ноги, но у нее подогнулись колени, и она вцепилась в обивку. Строганов с испуганным криком соскочил со своей кушетки, но Мирейн остановила его:

— Нет-нет, со мной все в порядке. Но... но спасибо тебе, Дейв...

Она смущенно покраснела.

Род нахмурился, гадая, к чему бы этот румянец, но одернул себя и занялся более насущными проблемами.

— Всем вести себя спокойно! — крикнул он. — Помните: шлемы надо снимать осторожно! Думаю, их можно было бы без особых опасений и сорвать с себя, но лучше не рисковать.

Брат Джоуи последовал совету Рода и осторожно снял с головы шлем, подержал его в руках, с отвращением глядя на него, и брезгливо отшвырнул.

А Чорной шлем сняла с явным сожалением.

— А здорово было, между прочим, — проговорила она со вздохом.

Род удивленно уставился на нее:

— Наверное, ты была Ль'Аж д'Ор.

В комнату вбежал приземистый коротышка в рабочем комбинезоне:

— Так, что у нас тут происходит?

Род почувствовал, как волосы в него на затылке встали дыбом.

— А вы кто такой, черт бы вас побрал?

— Я Рокса, директор. Как это, интересно знать, вы проснулись до окончания сновидения?

— О, на этот вопрос ответить очень легко, — отозвался брат Джоуи. — Видите ли, согласно общепринятым суевериям, можно снять заклинание с зомби, насыпав ему в рот соли. Безусловно, затем следует заштопать его губы, чтобы он не выплюнул соль. А когда он очнется от заклятия, он может попытаться убить тебя. Но потом он должен как можно скорее вернуться туда, откуда пришел, — то есть в могилу.

Рокса нахмурился:

— Какое это имеет отношение к вашему пробуждению, хотел бы я знать?

Брат Джоуи пожал плечами:

— Сны — это фантазии, поэтому символы суеверий срываются внутри структуры мира снов. Когда мы во сне осознали, что нас напичкали зомбирующим зельем, мы насыпали соли в рот друг другу — и символика сработала: мы вернулись туда, откуда пришли, — то есть сюда.

— «Зомбирующее зелье»? — переспросил директор «дома сновидений», переводя взгляд с одного клиента на другого. — А кто хоть слово сказал о «зомбирующем зелье»?

— Я.

Все изумленно обернулись. Тоненький голосок доносился с кушетки Мирейн, где лежал ее микроноутбук.

— Я — нотем-модем четыреста девять, и я имею возможность налаживать беспроводную связь с большими компьютерами и взаимодействовать с человеческим мозгом. Я установил симбиоз с моим оператором.

Мирейн побледнела и вытаращила глаза.

Строганов схватил ее за плечи:

— Спокойно, детка. Понимаю, в это трудно поверить, но у любого художника со временем развивается особая связь с его инструментами.

Мирейн схватила с кушетки микроноутбук и прижала его к груди.

— Соответственно, — продолжал разглагольствовать маленький компьютер, — когда мой оператор погрузилась в состояние сна, я участвовал в этом сновидении вместе с ней. Однако, будучи электронным устройством, я оказался неуязвимым к действию вышеупомянутого препарата и потому был способен осознать, что данное сновидение небезопасно и отнюдь не является приятным убежищем, какого искали мой оператор и ее спутники.

— Ну, это я не знаю... — проворчала Чорной.

Строганов покачал головой:

— Грязные игры. Не говоря уже о персонажах.

Рокса вздернул подбородок, сощурился:

— Если вам, гражданин, не нравятся мои сны, то можете создать свои собственные.

— Могу, это точно, — кивнул Строганов.

— Смею вам напомнить о том, что зомбирующие препараты не слишком законны, — заметил Род. — А клиентам, просматривающим сновидения, должен гарантироваться определенный уровень безопасности.

Рокса нетерпеливо пожал плечами:

— Ну, хорошо. Допустим, я не совсем точно выполнил паруртройку правил.

— «Не совсем точно выполнил»?! — взорвался Йорик. — А как насчет их нарушения, а?

Но Вайти предостерегающе поднял руку:

— Спокойнее, пожалуйста. Законы, нарушенные этим человеком, на самом деле не имеют значения.

— Не имеют?!

— В сравнении с тем, какой эффект производят его сновидения сами по себе. — Вайти развернулся к Рокси, угрожающе нагнул голову и, сверкая глазами, проговорил: — Данный сценарий был основан на том, что люди должны выполнять приказы, не задумываясь о них. Если бы мы пробыли внутри этого сновидения подольше, мы бы проснулись обработанными настолько, что стали бы послушно исполнять все, что нам навязывают власти. У нас не возникало бы никаких вопросов, ни единой мысли о сопротивлении!

Йорик присвистнул:

— Вау! Так это же получается... идеальная система промывания мозгов за наши собственные деньги!

Рокса побледнел и попятился:

— Вы не сможете этого доказать.

— О, пожалуй, я смогу это доказать, — возразил Вайти, одарив директора «дома сновидений» ухмылкой, сделавшей бы честь акуле. — Семиотический анализ сюжета, неврологический анализ альтернатив выбора... Да, думаю, это можно было бы доказать очень даже убедительно.

— И что? — На всякий случай Рокса снова вздернул подбородок. — В этом нет ничего противозаконного.

— Только потому, что пока до этого никто не додумался. А скажите-ка, у вас сны такого сорта?

— Я не обязан отвечать на этот вопрос!

Йорик ухмыльнулся и шагнул к Роксе, потирая одной рукой другую, сжатую в кулак:

— Это почему же?

— А потому! — выкрикнул Рокса и распахнул дверь.

В комнату ввалилось двенадцать здоровяков. Восьмеро из них были вооружены дубинками, а четверо — бластерами.

Род указал на их предводителя:

— Ты... ты был крестьянином на съемках! Тем самым, с вилами!

Предводитель мерзавцев шутливо поклонился:

— Верлин Ивз, к вашим услугам.

— Он слишком скромн, — хихикнул Рокса. — Верлин Ивз, доктор философских наук.

— Доктор философских наук? — озадаченно нахмурился Род. — И что вы, с вашего позволения, делаете, руководя шайкой головорезов?

— Не смог, видите ли, устроиться на преподавательскую работу. Да и платят тут получше.

— И в какой же области вы специализируетесь? — поинтересовался Род. — В политических науках?

— Зачем же, — зловеще усмехнулся Ивз. — Как доктор философии, я и специализируюсь в философии.

Род вытаращил глаза от изумления:

— Вы — дипломированный философ?

— А что в этом такого странного?

— Но... вы убиваете людей!

— Это вы верно подметили.

— Но как философ может оправдывать такие ужасные деяния?

— А чем еще занимается философия в наши дни?

— Но какими причинами ваша философия может обосновать убийство людей?

— Да самыми элементарными, — ухмыльнулся Ивз.. — Это выгодно.

— А я считал, что философия по своей природе этична.

— А вы про экзистенциализм никогда не слышали? — пожал плечами Ивз. — Кстати говоря, моя позиция вполне этична. Просто вы не согласны с *моей* этикой, вот и все. — На миг он стал серьезн. — Но если вам действительно так интересно, прежде чем я вышибу вам мозги, я вам все же скажу. Это способ осуществления власти в моей субъективной вселенной.

— Так вы солипсист, — простонал Род. — Я думал, вы действительно философ, а вы — палач. Погодите, еще один, последний вопрос! — Он поднял руку, как только Ивз шагнул к нему, и бандит остановился. — А что произошло бы, если бы мы досмотрели сон до конца?

— О, вы бы проснулись, как все просыпаются, — пожав плечами, ответил Ивз. — Просто, проснувшись, вы бы не увидели нас рядом и были бы связаны по рукам и ногам.

— Однако вышло так, что посетители устроили бунт в вашем приюте, да?

— Как видите, руководство заведения и это предусмотрело, — ухмыльнулся Ивз. — Взять их!

Он поднял бластер.

Гвен нацелила взгляд на бластер и сосредоточилась.

Ивз, победно скалясь, нажал на кнопку разряда. Однако его усмешка сменилась гримасой изумления и испуга. Он вновь нажал на кнопку, еще раз и еще.

Трое его приспешников вскинули бластеры и тоже нажали на кнопки с тем же успехом — вернее говоря, с полным отсутствием успеха.

— Что вы сотворили с нашими бластерами? — ахнул Ивз.

— Вряд ли вам стоит это знать, — заверил его Род. — Это может вас очень огорчить, поскольку в корне подорвет вашу философскую систему.

Ивз злобно сощурился.

— Ладно, тогда используем старый, испытанный способ. Взять их! — снова скомандовал он, и его пособники стали наступать на Рода и его спутников, размахивая дубинками и бластерами. Они быстро окружили компанию.

Вайти закричал и ударил кулаком одного из бандитов. Тот взвыл и выронил дубинку. Чорной свирепо рывкнула и собралась ударить второго мерзавца ногой в пах, но тот закрылся дубинкой, а в следующее мгновение замахнулся на девушку. Чорной увернулась и врезала третьему бандюге ребром ладони по шее. Он камнем рухнул на пол, а Чорной все-таки осуществила задуманное: пребольно стукнула своего первого противника ботинком в пах, после чего, присев, избежала удара от третьего головореза и, издав боевой клич, резко ткнула его кулаком в солнечное сплетение. Затем ей пришлось отбить удар первого бандита, которого Чорной окончательно вывела из строя, врезав ему апперкотом в подбородок. Тот отлетел, ударился о стену, а Чорной уже развернулась к четвертому врагу.

Йорик вел бой гораздо более консервативно. Он пригнулся, когда атаковавший его верзила замахнулся на него дубинкой, ухватил того за запястье и вывернул его руку назад и вверх. Верзила взвыл, а Йорик выхватил у него дубинку и треснул

верзилу ею по макушке, после чего толкнул его на следующего киллера, ухватил третьего за шею и стукнул головой о стену. Развернулся Йорик как раз в то самое мгновение, когда первый из его противников, пошатываясь, поднялся на ноги, и снова уложил его на пол прямым ударом в подбородок.

Получив увесистый удар по голове от Ивза, Род, невзирая на то, что у него на миг потемнело в глазах, ответил ему таким же, и предводитель бандитов выронил бластер и стал обходить Рода слева, закрывшись кулаками и мотая головой. Род врезал ему в живот, в скулу, снова в живот, а потом нанес сокрушительный удар в нижнюю челюсть. Ивз попятился, но Род настиг его и стукнул так, что тот отлетел к стене.

Гвен не спускала гневного взора с троих наемников, сбившихся в кучку и пытающихся защититься от облака летающих в воздухе шлемов и дубинок. Время от времени кому-то из них все же доставалось.

Мирейн спряталась за спину Строганова и лихорадочно нажимала кнопки на клавиатуре своего компьютерного блокнота. Строганов стоял как скала, раскинув руки в стороны и заслонив собой Мирейн. Он во все глаза следил за сражением и лихорадочно повторял:

— Я должен все запомнить! Я должен все это запомнить и использовать, когда мы следующий раз будем снимать драку! Надо все запомнить!

— Это еще не все! — Род втолкнул в комнату Роксу и его сотрудницу и захлопнул дверь.

Женщину он подтолкнул к Чорной, а та пошла ей навстречу, сверля ее взглядом. Подчиненная Роксы в страхе прижалась спиной к стене. Рокса хотел развернуться и вступить в бой с Родом, но тот успел ухватить его за воротник и рвануть на себя. У Роксы выпучились глаза — с такой силой воротник врезался ему в шею. Задышавшись, он все же повернул голову вбок и увидел, что на полу без чувств валяются двенадцать человек.

— Не пугайтесь так сильно, — успокоил его Род. — Только один из них мертв. — Он укоризненно глянул на Чорной. — Ты немного переусердствовала.

Она нетерпеливо пожала плечами:

— Я торопилась.

— Да я тебя не виню.

Йорик покачал головой и поцокал языком:

— Да... непорядочек. И что же нам с ними делать?

— Можно было бы уложить их на кушетки и подсоединить к аппаратам для сновидений, — предложила Чорной.

— Нет! — вскричал Рокса, а страх его подчиненной сменился неподдельным ужасом.

— Да вы не переживайте, ничего страшного с ними не случится, — заверила их Мирейн. — Я внесла кое-какие изменения в программу вашего компьютера.

Рокса и его подчиненная в изумлении выпучили глаза.

— Изменения относятся к проникновению в сознание людей, — пояснила Мирейн.

— Но это невозможно!

— Ничего невозможного. Я дала компьютеру команду ввести новые сюжетные альтернативы, подчеркивающие индивидуальность и скептицизм.

Роксу это явно не порадовало.

— Но ведь мы проснемся в полном замешательстве!

— Нет. Вами всего-навсего будет владеть любопытство, — возразила Мирейн. — Вы станете подвергать сомнению политику властей. У вас возникнет множество вопросов, и вы не успокоитесь, пока не найдете на них ответы.

— Но тогда у нас не останется времени на то, чтобы наслаждаться жизнью! — воскликнула женщина.

— Учиться — это очень здорово, — заверил ее Йорик.

— Или вы предпочли бы не жить? — спросила Чорной, испытующе глядя на женщину.

— Я... пожалуй, соглашусь посмотреть этот сон, — нерешительно проговорила женщина.

Род кивнул.

— Очень мудрое решение, — сказал он и повернул голову к Роксе. — Вы тоже посмотрите этот сон. Весь вопрос в том, сделаете вы это по доброй воле или нет.

Рокса уставился на него и в следующее мгновение, когда Род этого совсем не ожидал, изо всех сил ударил его кулаком под лопатку.

Род от боли согнулся в пояс, а Рокса бросился к двери, но стал удобной мишенью для Йорика, который не замедлил ос-

тановить его ударом в скулу сбоку. Директор «дома сновидений» аккуратно рухнул на пол.

— Потерпи, муж мой, — сочувственно проговорила Гвен, подбежав к Роду. Глядя его по спине, она приговаривала: — Понимаю, тебе больно, но боль скоро кончится.

«И я тоже кончусь», — хотелось сказать Роду — по крайней мере так ему подсказывала боль в диафрагме. С превеликим трудом ему наконец удалось сделать вдох. Он медленно распрямился и посмотрел на Мирейн.

— А ты не могла бы загрузить им ночной кошмар?

— У нас тут нет ночных кошмаров! — поспешно вмешалась женщина-сотрудница.

Строганов недоверчиво зыркнул на нее:

— Пожалуй, следовало бы просмотреть весь ваш каталог.

— У нас нет на это времени, — одернула его Мирейн.

Род кивнул:

— Боюсь, она права. Нужно выдать им самый долгий сон, какой только есть у них в программе, и сматывать удочки. — Он обратился к сотруднице: — Нам нужно что-нибудь для двенадцати человек.

Женщина на пару секунд задумалась:

— Как насчет «Летучего Голландца»?

Род кивнул:

— Как раз то, что надо. Надеюсь, Ивз терпеть не может Вагнера.

Род и Чорной подхватили Ивза и уложили его на кушетку. Чорной нахлобучила ему на голову шлем. Мирейн взяла с полки маленький безыгольный шприц-инжектор с дозой препарата, прижала его к запястью Роксы и надавила на плунжер, после чего развернулась к пульту и уже была готова нажать на клавишу «пуск», но Род остановил ее, взяв за руку:

— погоди секундочку. Мне кажется, он сейчас вполне готов к внушению. — Он легонько шлепнул Ивза по щеке. — Очнись, очнись, старина! — окликнул его Род. — Сеанс связи. Докладывай обстановку.

Веки Ивза дрогнули и разжались, но глаза не мигали и были мутны.

Род отошел подальше, чтобы Ивз его, не дай бог, не увидел.

— Итак, — продолжал он беседу с Ивзом как бы от имени его начальника. — Вы следовали за Гэллоуглассами и их компанией от Вольмара на вашем звездолете и перехватили их на развлекательной планете Отранто. Какие меры вы предприняли для их задержания?

Ивз медленно кивнул:

— Они укрылись в «доме сновидений». Я подкупил директора этого заведения и уговорил его дать им зомбирующий препарат.

Спутники Рода в изумлении следили за происходящим. Род с мрачной удовлетворенностью кивнул и задал Ивзу следующий вопрос:

— Где ты оставил свой корабль?

Ивз нахмурился — видимо, вопрос показался ему странным, однако он все же ответил:

— Около дворца «Монтрезор».

— Какой твой пароль?

Ивз нахмурился еще сильнее, но послушно ответил:

— «Эксельсиор».

— Ну просто-таки последователь святого Бернара, — прошептал Вайти.

Ивз смежил веки. Его губы тронула едва заметная усмешка.

— И когда же ты стал двойным агентом? — негромко спросил Род. — Когда ты начал работать на ИДИОТ?

Ивз удивленно вздернул брови:

— Никогда я на них не работал. Я — агент ВЕТО.

Черты его лица затем смягчились, и он задышал медленно и ровно.

— Тоталитарист, — пробормотал Род. — Можно было догадаться. Они работают командами.

— А что такое ВЕТО? — поинтересовался Вайти.

— Тайная организация, состоящая на службе у ПИСК, — ответил Род и обвел взглядом неподвижные тела киллеров. — Давайте примемся за работу. Пора отправить этих молодчиков в страну сновидений.

Вайти нахмурился, но отошел, и они вместе со Строгановым принялись укладывать на кушетки одного головореза за другим.

Через несколько минут все двенадцать были благополучно водворены на кушетки, получили свою дозу «снотворного» и погрузились в сон.

Род развернулся к женщине-сотруднице. Та попятилась, испуганно глядя ему в глаза.

— Есть пожелания? — осведомился Род.

Девушка смотрела на него, не мигая. Наконец она сумела отвести глаза, и во взгляде ее появилась мечтательность.

— Джен Эйр, — ответила она чуть смущенно. — Всегда мечтала побывать в роли Джен Эйр.

— И чтобы *он* был Рочестером?

Взгляд женщины снова стал серьезным. Она опустила глаза, глянула на Роксу и выдавила:

— А нельзя ли предоставить нам отдельные сны?

Род и Гвен переглянулись, и жена мысленно обратилась к Роду:

«Будь как можно более милосерден, умоляю тебя!»

Род кивнул в знак согласия:

— Почему бы и нет? Пожалуйста, распределяйте сны сами. Я не возражаю.

Женщина немного помедлила в растерянности и медленно, понимая улыbnулась, после чего направилась к пульту. Мирейн, все время пока женщина работала с пультом, не спускала с нее глаз. Взгляд Мирейн был полон искреннего изумления.

Женщина обернулась, весело усмехаясь:

— Я готова. Ну, попробуем?

С этими словами она улеглась на свободную кушетку, нахлобучила на голову шлем и сама сделала себе инъекцию. Затем она бросила шприц на пол, блаженно вытянулась на кушетке и закрыла глаза.

Род смотрел на нее, с сомнением покусывая губы.

— Вообще-то трудно сказать, так ли уж мы были к ней милосердны. Помоги-ка мне поднять этого мерзавца, Йорик.

Когда через несколько минут компания покинула «дом сновидений», Род спросил у Мирейн:

— И какой же сон она ему подсунула?

— «Данвичский кошмар».

* * *

— Поторопитесь, а? — проворчал Йорик. — Время мы себе купили, но оно не бесконечно. Нужно как можно скорее смазываться с этой планеты! Не думаю, чтобы после сегодняшнего кавардака Вайти, Мирейн и Строганову безопасно было бы тут задерживаться.

Вайти поджал губы и кивнул:

— Да. Боюсь, вы правы.

Строганов жалобно простонал:

— Нет! А как же «Дракула пробуждается вновь»?

— Потом отправим кинокомпании наши рекомендации по завершении съемок.

— Но они же все испортят! — воскликнул Строганов. — Они угрожают картину! Ее потом никто не купит!

Мирейн побледнела:

— Вайти, это же все равно что выбросить деньги на ветер! Подумай! Семьсот пятьдесят тысяч термов!

— Могилы обойдутся нам дороже, — невозмутимо отозвался Вайти. — Особенно — на Отранто. Лично я после смерти работать не собираюсь.

Мирейн и Строганов, бледные и расстроенные, последовали за остальными.

Род сжал зубы:

— Это все из-за нас. Если бы мы не свалились вам на голову, вам бы не пришлось улетать отсюда. Мне очень жаль, Вайти. Очень.

— Да ладно вам, не извиняйтесь, — проворчал поэт. — Есть у меня подозрение, что я об этом не пожалею.

Через некоторое время их остановил гид и указал на узкую винтовую лестницу, уводящую под землю:

— Мы как раз собираемся на экскурсию в темницы. Понимаете, дворец «Монтрезор» выстроен над катакомбами.

— Которые были вырыты специально для дворца «Монтрезор», — еле слышно пробормотал Вайти.

— Обратите внимание на солевые отложения на стенах, — предупредил экскурсию гид. — Чуть дальше вы увидите груды костей. Мы уберем часть костей, и тогда вы увидите свежую

кирпичную кладку. За ней, само собой, замурован Фортунато*. Все готовы? Отправляемся!

С этими словами он зашагал вниз по лестнице с горящим факелом в руке. Стены вскоре стали сырыми и темными. Тут и там виднелись пятнышки мха.

Вайти шепнул Роду на ухо:

— Вот если бы По смог разбогатеть, пока был жив!

— Он бы прожил дольше, — кивнув, отозвался Род.

Вайти нахмурился:

— Да... Трудно сказать, что лучше.

Они шли и шли вниз по длинной винтовой лестнице. Время от времени у туристов вырывались восторженные восклицания по поводу антуража подземелий, а Гвен прижалась ближе к Роду, чему тот был несказанно рад.

— Господин мой, — прошептала Гвен. — Тут не очень-то приятно.

— Верно, — подхватила Чорной, бросив опасливый взгляд на стены, покрытые испариной. — Просто мурашки по коже, — призналась она.

— Ну так ведь на то и рассчитано, — объяснил ей Строганов.

— Вы хотите сказать, что люди платят за то, чтобы им стало страшно?

Вскоре экскурсионная группа оказалась в каменном туннеле с низко нависающим потолком. Гид беспечно тронулся вперед, держа в руке факел и весело насвистывая на ходу. Экскурсанты шли следом за пляшущим пламенем. Через некоторое время каменная кладка стен сменилась горной породой. Род и его спутники миновали вырубленную в стене нишу, в которой лежало нечто, завернутое в полуистлевшую мешковину.

Гвен в страхе заглянула в нишу:

— Что это там такое?

— Фальшивый труп, милая. Мы в «катакомбах».

Остальные туристы отреагировали на содержимое ниши приличествующим зрелищу оханьем и аханьем. А одна дама сдавленно захихикала.

Род негромко проговорил:

* Герой рассказа Эдгара По «Бочонок Амонтильядо», замурованный его приятелем из мести в подземелье под парижским дворцом Монтрезоров.

— Я вот думаю: если бы я был Верлином Ивзом, где бы я спрятал свой корабль?

Туннель, постепенно расширяясь, вывел экскурсантов в небольшой зал — метров десять на десять, от которого уходили еще три туннеля. У одной стены до потолка была навалена груда скелетов весьма натурального вида.

Одна из дам-экскурсанток уставилась на кости. В ее взгляде причудливо смешались отвращение и восторг.

— А это... — вырвалось у нее.

— Да, мэм, — торжественно кивнув, удовлетворил ее любопытство гид. — Это — личный склеп Фортунато.

Род вздернул подбородок. Глаза его сверкнули.

— Что вы учуяли, о-наш прозорливый вождь?

— Послушай-ка, — проговорил Род, — будь ты Велином, ты ведь наверняка пожелал бы, чтобы твой кораблик был невидим для посторонних, но при этом находился бы там, где ты мог в любое время найти его, так?

— Они ушли вперед, — предупредила товарищей Чорной.

— Пусть идут, — махнул рукой Род. — Мне здесь интереснее.

Йорик уже ощупывал стену за грудой костей.

— А тут кнопка, — вскоре сообщил он.

— Нажми ее, — кивнув, распорядился Род.

Послышалось урчание заработавшего механизма, и груда костей поползла вперед. За ней открылось довольно обширное неосвященное помещение.

— Спички есть у кого-нибудь? — тихо спросил Род.

— Мы не во времена Шекспира живем, — проворчал Вайти, достал зажигалку и зажег ее. — Иногда полезно иметь пагубные привычки, — усмехнулся он.

Пляшущий огонек зажигалки осветил бездействующих роботов-уборщиков, выстроившихся вдоль одной из стен, груду стройматериалов и... нос изящного звездолета, замаскированного под судно, предназначенное для полетов в атмосфере.

— Вот это да! — ахнул Род.

Он и его спутники зачарованно осматривали корпус звездолета. Он был не так уж велик, но в замкнутом пространстве его размеры казались просто гигантскими.

— «Эксельсиор», — негромко произнес Род.

Вокруг корабля вспыхнули огни. Довольно крикнув, Вайти убрал зажигалку в карман.

— Вы не Верлин Ивз, — слышался голос изнутри корабля.

Род кивнул:

— Ивз не смог вырваться. На самом деле он не сможет вырваться, если мы не позовем кого-то на помощь.

Мгновение было тихо, затем изнутри корабля донеслось:

— К связи готов.

Род закусил губу, не зная, что делать.

— Код, — подсказала ему Чорной. — Враги взломали код.

Род облегченно кивнул:

— Правильно. Мы не можем выйти на связь. Наше сообщение перехватят, а нас возьмут в плен. Нам нужно вернуться на базу и лично попросить о помощи.

Корабль молчал.

— «Эксельсиор», — повторил Род. — Ивз дал нам этот пароль. Откуда бы еще мы его узнали?

В борту корабля медленно открылся люк.

Облегченно вздохнув, Род дал знак своим спутникам следовать за ним.

ТЕРРА

Если какие-то детекторы и заметили старт корабля, они никак об этом не заявили. Как бы то ни было, Род не успокоился окончательно до тех пор, пока корабль не вышел в гиперпространство. Только тогда он облегченно вздохнул и на ватных ногах вышел из отсека управления.

Когда она вошел, Гвен недоверчиво покачала головой:

— Я не понимаю. Как же это людей можно превратить в цифры?

— Не превратить, — поправил ее брат Джоуи. — Всего лишь описать. Я ведь могу описать вас словами, верно? И уж вы мне поверьте, еще более точно я могу описать вас цифрами.

Гвен вздохнула и снова покачала головой:

— Придется поверить тебе на слово, Йорик, ибо мне недостает знаний, чтобы я могла сама судить об этом.

— Понимаю, — хитро улыбнулся брат Джоуи. — В этом и секрет успеха духовенства.

— Но этот «изоморфер», о котором вы толкуете, по вашим словам, превращает меня в цепочку цифр в милю длиной, которую он рисует на стене вечности, именуемую вами «гиперпространством», а затем убирает эти цифры с этой стены, чтобы снова воссоздать меня. Разве это не означает, что я как бы умираю, а затем возрождаюсь?

Род обратил внимание на то, что его супруга не ощутила особого дискомфорта из-за перехода корабля вместе с пассажирами в гиперпространство.

Но брат Джоуи покачал головой:

— Нет. Вы просто изменили форму, вот и все.

Гвен в отчаянии всплеснула ладонями.

— Давайте поговорим о чем-нибудь более спокойном, — предложил Род. — Понимаю, — посмотрев на брата Джоуи, усмехнулся он, — для вас эта тема как раз и есть более спокойная. А остальным приходится непросто. — Род прикоснулся к основанию установки для фильтрации воздуха, и на ее панели зажглись контрольные огоньки. — Можно курить, — объявил он. — Все, кто желает заняться загрязнением воздуха, может приступить к этому процессу. Вайти, прошу вас.

Поэт усмехнулся и пересел в кресло рядом с воздухоочистителем, вытащил из пачки длинную, довольно устрашающего вида сигарету, щелкнул зажигалкой.

— Еще бы винца, если вы не возражаете.

Род просмотрел меню пищевого синтезатора:

— Вам «Шабли», «Либфраумильх» или «Рислинг»?

— «Рислинга», если можно.

— Для меня это всего-навсего разные сочетания клавиш, — отозвался Род и набрал нужную комбинацию. — А тебе чего хотелось бы, Чорной?

— Бурбон. А кто, интересно, вас назначил барменом?

— Так уж как-то само получилось. Йорик?

Через несколько минут, когда все были обеспечены спиртным, а брат Джоуи — минеральной водой, Род с блаженным вздохом водрузил ноги на столик.

— Наконец-то мы в безопасности — хотя бы на время.

Чорной пожала плечами:

— Во время сновидения нам тоже особая опасность не грозила.

— Ну да, не грозила. За исключением того, что в это время банда головорезов готовилась захватить нас и погрузить на этот самый кораблик.

— Но какое это имело значение, куда мы спали?

— Все сны когда-нибудь заканчиваются, — хмуро заметил Йорик. — Вот интересно, а как же был должен закончиться этот — по сюжету?

— О, на мой взгляд, там у них не слабо было все закручено, — отметил Вайти и оценил цвет вина в своем бокале, взглянув через него на свет. — В конце концов парень заполучил девушку.

Гвен не спускала глаз с Мирейн, но у той взгляд был рассеянный.

— А было бы забавно узнать, что случилось со всеми остальными, — мечтательно вздохнул Йорик. — Но как все же в сновидение угодил компьютерный блокнот Мирейн?

— Да он был собакой. Девизом.

— Это я понимаю, — взглянув на Чорной, кивнул Йорик. — Я в том смысле спрашиваю, что не понимаю, как он подсоединился к компьютеру с программой сновидения?

— Через Мирейн, — заключила Гвен, по-прежнему пристально глядя на девушку. — А знаете, милая барышня, похоже, вы наделены кое-какими способностями.

— Моя супруга говорит о психосенсорных способностях, — пояснил Род и успокоил Мирейн. — О, не надо так пугаться! У уймы людей имеются зачатки тех или иных способностей. Просто так уж вышло, что у вас их достаточно для того, чтобы они оказались полезными для всех нас.

Мирейн покачала головой:

— Но как можно прочесть мысли компьютера?

— Ты же сама сказала, что этот... компьютер наделен способностью подсоединяться к разуму человека, — проговорила Гвен. — Не это ли означает ваше мудреное словечко «интерфейс»?

— Да, но для этого я должна была натянуть шлем — передающее устройство.

Йорик покачал головой:

— Вероятно, вы способны передавать свои мысли и без всякого вспомогательного устройства. Проективная телепатия — так это называется, майор?

Род кивнул:

— В какой-то мере телепатия имела место. Ведь сказал же микроноутбук, что была беспроводная связь. Но и для беспроводной связи нужно оборудование.

— Верно подметили, — подхватил брат Джоуи. — Но тут следует обратить внимание на то, что этот самый микроноутбук имеет встроенный конвертер, который преобразует его рабочую частоту в частоту мышления человека. Но лучше не будем гадать, а спросим. — Он громко спросил: — Что скажешь, нотем-модем четыреста девять? Правильно мы говорим?

— Предварительный анализ имеющихся данных указывает на то, что вероятность верной догадки составляет восемьдесят восемь процентов, — послушно ответил компьютерный блокнот.

Мирейн побледнела и крепко прижала к груди свой драгоценный инструмент.

— Итак, — глубокомысленно изрек Йорик, откинувшись на спинку кресла и покачивая стакан, который он держал двумя пальцами. — Мирейн была Петти Пьюр, верно? То есть тем самым персонажем, который был наиболее близок к Девизу.

Мирейн покраснела, но утвердительно кивнула.

— Я так и думал. А я, конечно же, был Франком.

Гвен непонимающе сдвинула брови:

— Почему ты сказал: «конечно»?

— Одному чудищу отвели роль другого, леди Гэллоугласс, только и всего. Легче всего было назначить на эту роль меня.

Род кивнул:

— Видимо, программа сновидений, заложенная в компьютер, подбирала для нас персонажи по складу характера. Но ты вовсе не чудище, Йорик.

— Это вы своему фольклору расскажите, майор.

Гвен снова нахмурилась:

— Но что общего у меня с этой ворчливой старушенцией?

— Она была колдуньей, — объяснил Род. — Или считала себя таковой. Но ты не переживай, дорогая. Мне тоже не больно-то приятно было изображать горбуна-недотепу.

— А мне — демона, — покраснев как рак, признался брат Джоуи.

Род пожал плечами:

— Ну, этот образ по крайней мере имеет хоть какое-то отношение к религии.

— И что еще более важно, — еле слышно пробормотал монах, — я был голосом власти.

Вайти фыркнул:

— Ну, если вам не по душе идея ортодоксальности, брат, то вы уж лучше бы хорошенько подумали, прежде чем давать последний обет. А мне, честно говоря, не очень пришлось по душе роль вампира-неудачника.

— Но при всем том у вас оказалось золотое сердце, — утешил его Род. — Хотя бы в этом вы сошлись с дядюшкой Сукаром, господин поэт.

— Ага, — хмыкнул Вайти. — Вот только вампирские клыки даром пропали. — Он обратился к Чорной: — А неужели вам так уж приятно было играть роль злодейки?

— Представьте себе, да, — печально призналась Чорной. — Жаль, что я на самом деле не такая. Злым людям в этой жизни больше везет.

— Ты слишком долго вращалась в кругах близких к тирании, — нахмурившись, проговорил Род. — Но между прочим, мне казалось, что ты от такой жизни устала.

Чорной, не спуская глаз с собственных рук, поджала губы:

— Эта жизнь стала мне нестерпима. Это верно.

— Ну вот, — вздохнул Род. — И насколько я понимаю, в душе ты готова стать другим человеком. Добрым.

— Получается, — заключил Вайти, — что остался единственный персонаж. — Он испытующе взглянул на Строганова.

Продюсер смущенно заерзал в кресле:

— Ну ладно. Я был Мак Черчем. Валялся без чувств на кровати и только этого хотел. Разве это преступление?

— Не преступление, пока у тебя не возникло кровной тяги к другим людям, — негромко ответил Вайти.

Мирейн напряглась и сердито уставилась на него:

— Это совсем неплохое качество.

— Неплохое, покуда эта тяга не выражается в желании высосать у кого-то всю кровушку, — уточнил Вайти. — Но у меня такое чувство, что и ты, Мирейн, и ты, Дейв, уходите от ответа.

Мирейн и Строганов переглянулись и поспешно отвели взгляды.

— Не твое дело, Вайти, — пробурчал Строганов.

— Конечно, не мое. Вот потому-то я в таком восторге, — ухмыльнулся Вайти и откинулся на спинку кресла. — Просто все остальные в некотором роде пооткровенничали, излили душу, и теперь — ваша очередь. Почему Мак Черч втюрился в Петти с первого взгляда, а, Дейв?

— Мы действовали в рамках сценария, — пробормотал Строганов.

— Как и все мы, — укоризненно глянула на него Чорной. — Все остальные оказались способны в той или иной мере противостоять сюжетному плану — кроме меня. Мне моя роль понравилась. А вот вы с Мирейн... Вы могли бы и не вкладывать столько чувств в...

— Да о каких чувствах вы говорите, когда я был в коматозном состоянии? И потом...

— Строг, прекрати ходить вокруг да около! — оборвал его Вайти. — Ты влюблен в эту даму или нет?

Мирейн еще сильнее побледнела. Строганов тоже изменился в лице, но выпалил:

— Тебя это совершенно не касается, Вайти! Помимо всего прочего... я — старый толстый урод и тупица к тому же, а она... она слишком молода.

— О, благодарю за комплимент, — смущенно выговорила Мирейн, бледность которой сменилась очаровательным румянцем. — Тем более что не так уж я и молода: мне уже тридцать пять. И ты бы это заметил, если бы увидел меня без платка и линз. А вот я считаю, что ты — очень красивый мужчина!

Строганов тарасился на Мирейн, совершенно сраженный. Наконец он быстро огляделся по сторонам, встал, подошел к Мирейн и немного отодвинул от столика кресло, в котором она сидела.

— Гм-м-м... — растерянно и смущенно промямлил он. — Не откажетесь ли пройти ко мне... в кабинет. Нужно переговорить с глазу на глаз.

Мирейн не спускала с него изумленного взгляда. Поднявшись, она горделиво вздернула подбородок, расправила плечи и впереди Строганова зашагала к дальней стене салона. Строганов последовал за ней, пантомимически изобразил, будто закрывает отсутствующую дверь. Прислонившись к стенке, он сунул руки в карманы брюк и начал что-то быстро говорить. Мирейн на спускала с него глаз.

Губы Гвен тронула улыбка — радостная и удивленная одновременно.

«Прекрати подслушивать!» — мысленно одернул ее Род и обратился к Йорику:

— Ну, что ж... Будем считать, нам здорово повезло.

Йорик усмехнулся, хотя смена темы разговора его явно не порадовала.

— Да, — кивнул он. — Мы летим на Терру, и притом — не уплатив ни гроша за доставку.

— Последняя часть вашего высказывания мне особенно греет сердце, — заметил Вайти.

— К несчастью, новости скорее всего летят впереди нас, — вздохнул Род. — Думаю, ПИСК нас уже ждет с распростертыми объятиями и наручниками.

— Но как же это? — непонимающе проговорил брат Джоуи. — Ничто не может опередить сверхсветовой звездолет.

— Кроме еще более скоростного звездолета, — поправил его Род.

Брат Джоуи покачал головой:

— Время, которое мы проводим в гиперпространстве, не является, строго говоря, временем полета, господин Гэллоугласс.

— Просто Род.

— Род. Благодарю вас, — учтиво кивнул монах. — Так вот, как я говорил: на самом деле это не совсем время полета, а скорее поиск и трансляция.

— Ну, тогда можно сказать, что более крупные корабли ведут поиск скорее, чем маленькие.

Брат Джоуи нахмурился:

— Вынужден признать: запасы энергии имеют значение...

— И в итоге более крупные звездолеты быстрее добираются от старта до финиша, — добавил Род. — Наверняка Ивз отправит следом за нами курьерский звездолет, как только прочухается.

Брат Джоуи расслабился:

— Ну, тогда у нас — солидная фора.

— Не спорю. Если только за нами не прислеживал еще какой-нибудь шпик и сам не отправил, куда следует, соответствующее донесение. О, старые добрые деньки азбуки Морзе! — сокрушенно вздохнул Род. — Вот были времена... — мечтательно проговорил он, забросив руки за голову. — Когда-то пилоты могли переговариваться по радио, и их переговоры можно было засечь...

— Да, я помню азбуку Морзе, — усмехнулся Йорик. — Можете себе представить, я ее однажды выучил!

Чорной кивнула:

— Я ее тоже знаю. На самом деле мы ею никогда не пользовались, но она входила в базовый курс подготовки специальных агентов.

Род склонился к столику и забарабанил пальцами по его крышке.

— Спокойствие, ребята, — утешил всех Вайти. — Мне знакомы люди, которые работают над созданием сверхсветового радио.

Брат Джоуи изумленно уставился на поэта:

— И каким же образом они намереваются это осуществить?

Род начал незаметно постукивать краем сапога по ботинку Йорика. Тот сделал вид, что его крайне интересует разговор Вайти с братом Джоуи.

Вайти покачал головой:

— Хоть убейте, не знаю. Я говорю о моей внучке — она у меня компьютерный гений — и о парне, за которого она выскочила замуж. Некоторое время мы вместе путешествовали.

«Как думаешь, власти ПИСК на самом деле могут знать о нашем прибытии?»

— Они, — продолжал Вайти, — обосновались на большом астероиде под названием «Максима» и там нашли уйму родственных душ, которые обожают возиться с компьютерами и при этом терпеть не могут ПИСК.

Род замер. Максима была его родовым гнездом.

«Это совершенно невозможно, — простучал в ответ Йорик азбукой Морзе. — Если бы существовал другой агент, он бы попытался прикончить нас».

— Стало быть, ваша внучка и ее супруг пытаются соединить одно с другим? Они хотят изобрести сверхсветовое радио, чтобы использовать его против ПИСК? — спросил брат Джоуи.

Вайти кивнул:

— Они думают, что это было бы очень логично. Понимаете, они решили, что главная причина, по которой Терранская Сфера погрузилась в пучину диктатуры, состоит в том, что ее территория слишком велика и из-за этого представители Терры на других планетах не смогли своевременно уследить за тем, что происходит дома.

«Ну, тогда, по идее, мы могли бы без особого труда обойти их систему безопасности, — выстучал Род. — В том смысле, что мы летим на одном из терранских кораблей».

«Здорово подметили...»

— И, не зная о том, что происходит дома, эти представители властей напридумывали законов, которые не пришлись по нраву властям, которые их делегировали?

Вайти кивнул:

— И потому эти самые власти пожелали скинуть их.

— Что вполне естественно, — пробормотал брат Джоуи.

«А на Терре есть машина времени?» — простучал Род.

— И единственным способом удержать власть был ее захват, — резюмировал Вайти.

Брат Джоуи понимающе кивнул:

— И с такой глупостью, как демократические выборы, было покончено, да?

«Сколько раз можно повторять, — сердито отстучал в ответ Йорик. — Если бы у ВЕТО не было машины времени в штаб-квартире ПИСК, они бы не могли оказывать помощь этим диктаторам!»

— А, я вижу, вам знакомы эти симптомчики! Ну и естественно, тираны не смогли заставить дальние планеты повиноваться им, поскольку не имели возможности вовремя передать туда свои приказы. Вот и приняли разумное — для себя —

решение: прервали с фронтирными планетами дипломатические отношения.

— А при себе оставили только те планеты, на которых они действительно могут *править*, — вздохнул брат Джоуи. — Что ж, вынужден признать, определенный смысл во всем этом есть.

Вайти улыбнулся:

— Вот и получается, что вся проблема сводится к одному: территория стала слишком велика для скорости связи.

«А если ВЕТО не пособничает ПИСК, — отстучал Йорик, — то я — дядюшка обезьяны!»

«Я думал, что все как раз наоборот», — выстучал в ответ Род.

«Хорошо, хорошо, Дарвин вы наш. Поживем — увидим, в кого еще вы эволюционируете».

— Погодите минутку, — вдруг вмешалась в разговор Вайти и монаха Чорной. — Не хотите ли вы сказать, что если вашей внучке удастся придумать сверхсветовое радио, ПИСК автоматически отомрет?

— Ну, не то чтобы автоматически, и не думаю, чтобы это было так уж легко и просто, но что-то в этом есть, — подтвердил Вайти.

Брат Джоуи, широко раскрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

— Боже мой! — вырвалось у него. — Какой дерзкий замысел! Вайти посмотрел на него, склонив голову набок.

— Такое ощущение, что вы не прочь присоединиться к ним, а?

— Так и есть, вы угадали!

Род, расслышав последние фразы, включился в беседу:

— В принципе мы могли бы вас там посадить по пути.

Брат Джоуи задумчиво уставился в одну точку:

— Инженер-то я получше, чем миссионер, если рассудить...

— Что до нас, то мы намерены на Терру проникнуть путем взлома, — объяснил Род. — По идее, такой шанс у нас есть, поскольку мы летим на одном из терранских кораблей.

Чорной нахмурилась:

— Шанс есть, если только ПИСК не получила сообщение о том, кто на борту этого корабля.

Род пожал плечами:

— Жизнь полна маленьких неожиданностей.

Вайти печально покачал головой:

— Боюсь, я не смогу отправиться с вами, братцы. На Терре я считаюсь персоной, объявленной в розыск.

— Так ведь и мы тоже, — кивнул Род. — Вот только у нас выбора, можно считать, нет.

— А у меня есть, и на этот раз я поведу себя умно и воспользуюсь этим, — вздохнул Вайти. — Высадите меня на Максиме, ладно? — Он посмотрел на возвращающихся к столику Строганова и Мирейн. Те держались за руки и радостно улыбались. — Ну а вы что скажете? Хотите сойти на Максиме?

Мирейн остановилась в нескольких шагах от своего кресла:

— Это там, где веселая компания инженеров и физиков собирают роботов, да?

— Именно так.

Мирейн опустила в кресло.

— Хотелось бы там побывать, да. Мне следует узнать о компьютерах все, что только можно.

— Вот как? — насторожился Вайти. — Интересно... Что же вы такое задумали, а?

— Первым делом — пожениться, — ответил Строганов и так улыбнулся Мирейн, что от этой улыбки лед бы растаял. — А потом отправимся в свадебное путешествие по развлекательным планетам.

— Правда? — Вайти удивленно вздернул брови. — А чем вы собираетесь пользоваться в качестве денег, извините?

— О, нам не придется за это платить, — оскорбленно отозвалась Мирейн. — Платить будет компания.

— Компания? Какая компания?

— Кинокомпания, — уточнил Строганов. — Моих накоплений достаточно для того, чтобы учредить собственную корпорацию, Вайти. Мы будем снимать три-четыре фильма на каждой из развлекательных планет, потом будем перелетать на следующую. Не желаешь ли написать для нас пару-тройку сценариев?

— В принципе можно было бы и настроичить чего-нибудь — все зависит от того, чем вы намереваетесь заниматься на этих планетах помимо съемок.

Мирейн глянула на Строганова:

— Ну, в общем... Мы подумали, что можно было бы посетить все, какие есть, «дома сновидений» и вдоволь наглядеться снов на двоих.

— На троих, насколько я понимаю, — ухмыльнулся Вайти. Строганов кивнул:

— Верно. Я, Мирейн и нотем-модем четыреста девять.

— Ага! — Вайти откинулся на спинку кресла и понимающе усмехнулся. — Додумались, значит?

Мирейн улыбнулась:

— Из-за происков властей ПИСК компьютер в каждом из «домов сновидений» запрограммирован так, чтобы настраивать клиентов на подчинение властям, а это означает, что в конце концов ПИСК приберет к рукам дальние планеты и без помощи военного флота.

— Но ведь нам удалось «испортить» только один сон в одном компьютере, — возразил брат Джоуи.

— Верно, брат, но если удалось так напортачить в одном компьютере, должно сработать и с другими, — заметил Вайти.

— Короче говоря, почему не попытаться? — сказал Строганов. — И как только мы будем выяснять, что к тому или иному «дому сновидений» приложила руку ПИСК, мы с Мирейн будем перепрограммировать этот компьютер.

— А вот я гадаю, какие же мысли будут у господина Ивза, как только он очнется, — задумчиво произнесла Гвен.

— Очень может быть, что такие же самые, — проворчал Род. — Есть у меня такое подозрение, что он с ПИСК связан из чисто личных интересов. — Он повернул голову к Чорной: — Ну а ты как? Желаете сойти на Максиме?

Чорной жутко побледнела, но покачала головой:

— Там мне будет не более безопасно, чем где бы то ни было еще. — Она пожала плечами. — Почему бы не вернуться на Терру? Уж если агенты ПИСК где и будут искать меня, так там — в последнюю очередь.

Род сокрушенно покачал головой:

— Простите, что втянули вас в эту передрыгу.

— Не надо просить прощения. Мы ни о чем не жалеем, — заверил его Строганов и устремил любовный взгляд на Мирейн.

Вайти усмехнулся:

— А я жду не дождусь, когда снова увижу Лону и Дара. Если бы не вы, так я бы еще неизвестно когда нашел время к ним выбраться. Поглядим, как-то они встретят нежданного гостя!

— Должен признать, я тоже очень рад, что все так обернулось, — проговорил брат Джоуи, рассеянно глядя прямо перед собой. — Если бы не вы, неведомо, сколько лет я бы еще слонялся по галактике в поисках своего истинного призвания.

— И вы не будете страдать из-за того, что перестанете обращаться людей в свою веру? — сочувственно поинтересовался Род.

— А я не перестану, — улыбнулся монах. — Я буду обращаться людей в другую веру. И при этом — в гораздо более крупных масштабах...

— Их *столько*?

Чорной кивнула:

— Сотня спутников безопасности, майор, на ста различных орбитах. Они на самом деле там летают, и каждый оснащен всеми видами оружия — от лазерных пушек до небольших тактических ядерных установок.

— Ну ладно, то же самое говорят наши детекторы. Но зачем все это? Чего они так боятся?

— Всего, что бы ни вознамерилось приблизиться.

— Снаружи или изнутри? Для чего предназначены эти спутники? Для того, чтобы отражать атаки интервентов, или для того, чтобы не выпускать жителей с Терры?

— И для того, и для другого.

Род в отчаянии закатил глаза.

— Ну, допустим, пробьемся мы через эту оборонительную сеть, — задумчиво проговорил Йорик. — А где мы могли бы совершить посадку, спрашивается?

Род сдвинул брови. На экране появился бело-голубой шар.

— Должны же где-то быть поля, фермы. Ну, парки, на худой конец!

— На фермах орудуют роботы, — сообщила Чорной, — а в любом парке на каждом квадратном футе стоит камера наблюдения, а то и две.

— Что ж, придется вернуться к первоначальному плану, — печально вздохнул Род. — Похоже, придется блефовать.

Это оказалось не так уж и сложно — вплоть до самой посадки. Как только очередной спутник вызывал корабль на связь, бортовой компьютер совершенно честно и откровенно идентифицировал себя как официальное правительственное судно. Он даже предоставлял сведения о разрешении на беспрепятственный пролет: будучи шпионским звездолетом, этот корабль имел право миновать Луну, где обязаны были садиться все торговые и пассажирские корабли. Оттуда челноки доставляли пассажиров и грузы на Терру. Такая система изобиловала запутанностью, но зато позволяла властям ПИСК держать под контролем всех, кто прибывал на Терру и отбывал с нее.

Ну, вернее — почти всех. Власти никак не могли рассчитывать на то, что враги явятся на одном из принадлежащих им кораблей, и уж тем более — на шпионском звездолете. Поэтому спутник передал запрос о разрешении на посадку некоему человеку, начальнику отдела, а тот распорядился, чтобы корабль приземлился в космопорту, отведенном ПИСК на Терре для служебных судов. И все прошло гладко, без задоринки, и даже сама посадка, — до тех пор, пока четверо спутников не сошли с корабля.

Коротышка в серой рубашке и коричневом плаще, с приклеенной улыбочкой, поспешил им навстречу, протянул руку. Явно это был какой-то чиновник.

— С возвращением, агент И... — Он вдруг остановился, ошарашенно глядя на компанию.

Род не без труда скорчил зловещую гримасу.

— Ну, привет, — выдавил он.

Чиновник развернулся и, прищелкнув пальцами, подозвал одного и мужчин более внушительного телосложения, топтавшихся позади него. Их было шестеро, и все имели вид весьма угрожающий. Физиономии у всех шестерых, одетых в военную форму верзил были самые что ни на есть свирепые. Тот, которого подозвал чиновник, вынул из кармана маленький плоский квадратик и нацелил его на Гэллоутлассов и их спутников.

Чиновник развернулся к четверке с самым бесстрастным видом.

— Где агент Верлин Ивз? — спросил он.

— Гм-м-м... — промычал Род. — Понимаете, он не смог вырваться, — выдавил он, сглотнув подступивший к горлу ком. —

Там все вышло непросто. Ивзу пришлось столкнуться с жуткими преступниками на планете Отранто, не говоря уже о парочке вампиров и женщине-оборотне, а также и об испорченном компьютере в «доме сновидений»...

Чиновник обернулся к первому молодчику.

— Ты заснял их? — осведомился он. — Отлично. Отправь на идентификацию. — С этими словами он развернулся к остальным и кивком указал на Рода и его спутников. — Арестовать их.

— Погодите! Минуточку! — Род протестующе поднял руку. — Вы ведь о нас ничего не знаете! Мы официальные агенты — все, кроме моей супруги, а я не усмотрел ничего противозаконного в том, чтобы взять ее с собой в деловую поездку. Просто мы случайно наткнулись на этот корабль, а надо же нам было как-то вернуться домой, а корабль стоял пустой, ну вот мы и... — Он запнулся и добавил: — Конечно, плохо, что так вышло с Ивзом, но он действительно угодил в переделку.

Верзила, державший в руке плоский квадратик, прижал к уху наушник переговорного устройства, на несколько мгновений замер, глядя прямо перед собой, затем кивнул и сообщил:

— Получено подтверждение. Женщина, подстриженная «под мальчишку», — бывший специальный агент, изменница, подлежащая казни.

— «Под мальчишку»?! — взорвалась Чорной. — Да я тебе башку оторву за твой мужской шовинизм, скотина ты эдакая!

Молодчик проигнорировал ее оскорбления.

— Другая женщина и тот мужчина, что вам отвечал, считаются врагами общества номер один, а коренастый мужчина — главный злодей.

Йорик вытарашил глаза:

— А почему я?

— Это мне неизвестно, — равнодушно бросил чиновник, — но, видимо, у моего начальства были веские причины так вас классифицировать.

— Не переживай, — утешил Йорик Рода. — Веские причины еще появятся.

Чиновник прищурился, глядя на него, и на миг растерялся — но только на миг. Надменно поджав губы, он снова щелкнул паль-

цами, дав знак другому молодчику, у которого на груди висел портативный пульт управления. Тот нажал на клавишу, и воздух вокруг четверки друзей словно бы сгустился. В следующее мгновение они оказались внутри сферы, которая из-за постоянной смены окраски напоминала мыльный пузырь.

— Теперь вы окружены силовым полем, — сообщил чиновник. — Мое начальство уведомило меня о том, что все вы — большие мастера по части избежания поимки, но из этого поля вам не выбраться.

Йорик попробовал пнуть радужную сферу силового поля, но его ступня наткнулась на непреодолимую преграду. Чорной прищурилась и нанесла резкий рубящий удар. Ее рука отскочила, и ребро ладони ударило ее по носу. Чорной взвыла от боли и обиды.

— Я должен сам попробовать, чтобы поверить! — воскликнул Род и произвел прямой удар кулаком. Ощущение у него было такое, будто он стукнул по матрасу. А радужной сфере — хоть бы что.

Чиновник улыбнулся — вполне искренне. Его губы едва дрогнули, но все же это была улыбка.

Гвен прикоснулась к силовому полю кончиками пальцев и задумчиво сдвинула брови.

Чиновник отвернулся и подозвал к себе молодчика с пультом управления.

— Пойдем, — сказал он.

Оператор последовал за ним.

Сфера силового поля покатилась по залу космопорта. Четверо спутников, сбитые с ног, катались внутри нее, крича и взвизгивая.

Чиновник снова улыбнулся.

Гвен с трудом поднялась на ноги, стала передвигать ими, приноровившись к качению шара. Касаясь рукой невидимой стены, она сосредоточенно хмурилась.

Заметив это, Род зябко поежился.

Гвен наклонилась и с необыкновенной легкостью помогла подняться Чорной.

— Откуда берется эта невидимая стена? Как ее производит та блестящая штукавина, которую держит тот мужчина?

— Ну, детали мне неизвестны, — тяжело дыша, выговорила Чорной, — но то, что он держит, — это что-то вроде передатчика. Он создает небольшое магнитное поле, из-за которого возникает локализованное сгущение гравитационного поля. Оно окутывает крошечную сферу магнитного поля, а затем расширяется, в зависимости от того, какой мощностью оператор наделает исходное магнитное поле.

Гвен кивнула и на несколько минут сосредоточила взгляд на затылке оператора. Потом она закрыла глаза — и радужная оболочка исчезла.

Оператор резко остановился и начал лихорадочно нажимать на клавиши и рычажки на пульте.

— Пульт отключился! — в ужасе воскликнул он.

Чиновник развернулся, побледнел, вытаращил глаза. Развернулись и все молодчики, сопровождавшие его.

Род встал в боевую стойку. Он точно знал, что ему и мечтать нечего о том, чтобы разобраться в принципе действия пульта управления силовым полем, — а тут его жена, которая несколько недель назад и не слышала о существовании электронов, в мгновение ока расщелкала, как работает сложнейшее устройство. По крайней мере расщелкала настолько, чтобы ухитриться отключить пульт на расстоянии в двадцать футов.

Гвен весело улыбнулась, щелкнула пальцами, и поле снова окутало ее, Рода, Йорика и Чорной. Род в изумлении вытаращил глаза, протянул руку — невидимая стена снова окружала их.

— Не пугайтесь, — утешила чиновника Гвен, — мы снова внутри оболочки.

Чиновник бросил взгляд на оператора. Тот продолжал нажимать на клавиши и дергать рычажки. Лоб у него покрылся испариной. Он обескураженно помотал головой.

Чиновник обернулся и устремил на Гвен взгляд полный неподдельного страха.

Гвен самодовольно кивнула:

— На сей раз это было мое деяние. И теперь полем управляю я. — Она лучисто улыбнулась Роду и быстрой, ровной походкой направилась к чиновнику.

Чорной и Йорик вскрикнули — сфера покатилась, и они снова не удержались на ногах. Поднявшись, они приноровились к шагу Гвен и Рода.

Чиновник отпрыгнул в сторону, крича:

— Остановите их!

Молодчики тут же выстроились в шеренгу.

Гвен направила сферу силового поля прямо на них.

От удара здоровенные мужики разлетелись в стороны, как пушинки. Двое-трое попадали на пол, но остальные выхватили бластеры и принялись палить из них.

Йорик нахмурился и пощупал невидимую стенку.

— А она вроде попрочнее стала, — с изумлением отметил он.

Гвен, поджав губы, кивнула:

— Мое поле впитывает огонь, выпускаемый их оружием. Я это чувствую.

Род резко повернул голову, взглянул на жену.

— Будь осторожна! — крикнул он.

Невзирая на напряжение, Гвен улыбнулась и взяла его за руку:

— Не бойся, господин мой. Я могу удерживать это поле.

— Может быть, объяснишь, — осторожно поинтересовался Род, — как тебе удалось состряпать этот маленький фокус?

Гвен довольно улыбнулась:

— Я прикоснулась к этому «пульту управления», как вы его называете, своим разумом. Давным-давно, супруг мой, ты научил меня тому, как заставлять крошечные частицы материи ускорять или замедлять движение. Потому для меня не показалось слишком странным ощутить течение частиц еще более мелких. Я направила свой разум по их потоку и поняла, как этот поток образует небольшое поле силы, подобное крошечному шарик, которое затем увеличивается и творит силу более могущественную, проистекающую из самой земли.

У Рода закружилась голова. Все кувырком — и в том числе его эго. За счет одного лишь чутья, руководствуясь минимумом знаний, Гвен догадалась, как создать электромагнитное поле, как использовать его для образования силовой сферы, надежно окружившей всю компанию. Он погладил пальцы Гвен и сказал:

— Я очень рад, что ты — на моей стороне.

Гвен тепло улыбнулась ему:

— Я тоже.

— Она только слегка нагрелась, — отметила Чорной, коснувшись невидимой стенки кончиками пальцев. — Нас обстреливают энергетическими разрядами сумасшедшей мощности, а стенка только самую малость нагрелась!

— Она вскоре разогреется намного сильнее, а мы все еще не нашли себе более надежного укрытия, — проговорила Гвен, у которой от напряжения на лбу выступили капельки испарины. — Ты должна помочь мне, направить меня туда, где мы могли бы обрести безопасность.

— Укрытие? — Чорной в отчаянии оглядывалась по сторонам. Но вдруг ее озарило, и она довольно усмехнулась. — В конце зала надо повернуть налево!

Йорик стал обмахиваться ладонью:

— Постарайтесь выбрать самый короткий путь! Тут становится жарковато!

— У них скоро должен иссякнуть запас энергии в бластерах, — процедил сквозь зубы Род.

Вскоре радужный шар с четверкой спутников внутри докатился до конца зала и повернул налево, откуда уводил широкий коридор. Люди в серых, невзрачных комбинезонах сновали туда-сюда. У большинства из них за спиной болтались ранцы.

Навстречу дерзкой четверке бросились еще шестеро молодых, размахивающих бластерами.

— А я-то надеялся, что у них сядут аккумуляторы... — проворчал Род. — Но не станут же они палить здесь, где такие толпы налогоплательщиков!

— Персоналу космопорта и пассажирам срочно укрыться в безопасных местах! — послышался голос из развешанных по стенам динамиков. — В переходе — опасные преступники! Сотрудникам Службы Безопасности отдан приказ стрелять на поражение! Персоналу космопорта и пассажирам срочно укрыться в безопасных местах!

— Ну вот, и с налогоплательщиками разобрались, — буркнул Род.

Все, кто находился в переходе, с испуганными криками бросились врассыпную.

— Туда! Скорее! — крикнула Чорной и указала на широкую лестницу.

Гвен развернулась и быстро зашагала к эскалатору. Всем удалось поспеть за ней, кроме Йорика, который снова не сумел удержать равновесие и упал, но тут же поднялся и заработал ногами.

Оставшиеся позади мужчины в военной форме разразились паническими воплями.

— О! Движущиеся ступени! — восторженно воскликнула Гвен. — Так это был не просто сон!

— Что? Вы про какие ступени? А, про тот эскалатор, в «доме сновидений»... — Чорной недовольно наморщила нос. — Ох, он меня просто вывел из себя. Но вы не обращайтесь внимания на то, что лестница движется, миссис Гэллоугласс. Продолжайте идти. Они попытаются нас опередить.

— Я готова исполнить твоё пожелание! — крикнула в ответ Гвен и весело побежала вниз по эскалатору. Род оступился, но силовое поле помогло ему совершить мягкую посадку. Ухватившись за руку жены, он поднялся на ноги и выпрямился.

— Почему они так кричат? — спросила Гвен, оглянувшись на охранников и сдвинув брови. Те наконец добежали до эскалатора и ступили на него.

— Потому что то, что мы делаем, опасно, — объяснила Чорной. — Ну вот, наконец мы внизу! Видите эту прозрачную стену, миссис Гэллоугласс? Бегите туда, ладно?

Род только теперь осознал, что происходит, и побледнел.

— Туда, — показала Чорной. — К дверям... Верно! Теперь будем ждать.

Оказавшись в просторном зале, где одна стена была ровная, пластикритовая, а остальные — вырубленными в твердой горной породе, Гвен обернулась и бросила опасливый взгляд на эскалатор:

— А почему мы больше не должны бежать?

Вооруженные охранники, грохотавшие тяжелыми ботинками по ступеням эскалатора, увидели четверку беглецов возле дверного проема, вырезанного в пластикритовой стене, и вдруг в ужасе застыли на месте и выпучили глаза.

— За дверью начинается туннель, прорытый в скальной породе, — линейный ускоритель, — объяснила Чорной. — Он оборудован кольцевыми электромагнитами, которые последо-

вательно включаются и отключаются. Получается, что по туннелю как бы постоянно движется магнитное поле.

Гвен задумалась, осознав услышанное, и наконец понимающе кивнула.

— Прекрасно придумано, — отметила она. — Но для чего служит этот туннель?

— По этому туннелю, миссис Гэллоугласс, курсируют... скажем так, вагоны. Они имеют форму продолговатых труб и лишены колес. Их называют капсулами. Внутри них имеются сиденья, и пол там покрыт коврами. В одну капсулу умещается до сотни людей.

Гвен нахмурилась:

— Необычный способ странствия.

— Не такой уж необычный. Понимаете, эти капсулы мчатся по туннелю со скоростью в несколько сотен миль в час, а туннелей — великое множество, и с помощью этой сети можно добраться практически до любого места на Терре. Если мы войдем в капсулу здесь, на острове Мадейра, мы окажемся в Пуэрто-Рико, откуда рукой подать до обеих Америк, через четыре часа. А дотуда несколько тысяч миль.

— Это невероятно! — ахнула Гвен. Взгляд ее обрел ясность, она сдвинула брови. — И сколько народу сейчас в таких... капсулах?

— Наверное, миллион, не меньше.

— И что, — медленно продолжала Гвен, — произойдет, если эти вагоны так воспламят удерживаемое мною поле, что оно утратит свою форму?

— Тогда вся эта энергия мгновенно высвободится, — еле слышно ответила Чорной. — Будет жуткий взрыв. Все мы, естественно, погибнем, но будет повреждена и эта станция, и ближайший отрезок туннеля.

Гвен медленно кивнула:

— Тогда сила перестанет течь по туннелю.

— Верно, — подтвердила Чорной.

— И все вагоны со всеми людьми внутри них остановятся?

— Да. Медленно, постепенно, но остановятся. В них погаснет свет, отключатся системы, подающие внутрь капсул прохладный воздух. Капсулы в пути разогреваются, миссис Гэллоугласс.

— Значит, получается, что все люди погибнут? — тихо спросила Гвен.

— Не все и не сразу. Но некоторые из них в это мгновение окажутся в сотнях миль от ближайшей станции, и даже в тысячах, под толщей океанской воды. Уйдет много времени, прежде чем их сумеют вызволить, и многие могут умереть от голода. Но еще вероятнее то, что они впадут в панику и перебьют друг друга. Или съедят.

Гвен охватила дрожь:

— Я не способна погубить столько людей.

— Их погубите не вы, а эти охранники. Но они не станут рисковать, потому что понимают, что с ними сделает их начальство. Они ни за что не решатся на такое: ведь сейчас, очень может быть, по какому-то туннелю мчатся в скоростной капсуле важные шишки из правительства ПИСК.

Охранники, естественно, начали ожесточенно переговариваться, при этом продолжая держать четверку беглецов на прицеле.

— А вы встряхните их маленько, — посоветовала Чорной. — Расширьте поле.

Гвен сосредоточенно нахмурилась, и радужная оболочка равномерно отодвинулась от тех, кто находился внутри нее. Поравнявшись с прозрачной стеной, невидимая граница поля прошла сквозь нее.

Охранники остолбенели и вытарашили глаза. Один из них все же прокричал какой-то приказ, и все начали отступать к эскалатору, ведущему наверх. Медленно, один за другим, охранники скрылись из поля зрения.

Когда исчез последний из них, Гвен обессиленно выдохнула:

— Скажите мне, если кто-то знает ответ на этот вопрос: как мне удалось увеличить эту оболочку, наполненную силой, без взрыва, про который ты говорила, Шерши?

Чорной сдвинула брови:

— Не знаю... Может быть, просто вы расширили поле медленно? А можете вы вот так же медленно высвободить всю энергию?

— Да, могу. Но куда она денется, когда я выпущу ее на волю?

Чорной испустила вздох облегчения.

— Она уйдет в стену, миссис Гэллоугласс. Слава богу, в этом ничего опасного нет. Вы просто подведите нас к стене там, где она сложена из горной породы, и там можете отпустить энергию, как вы сказали, «на волю».

Гвен, судя по сомнению в ее взгляде, не слишком поверила Чорной, но медленно тронулась к ближайшей скальной стене, увлекая за собой своих спутников.

— Надо, чтобы граница поля едва коснулась стены, — взволнованно руководила действиями Гвен Чорной. — Вот так. Сейчас размеры шара, внутри которого мы находимся, уменьшаются. Подведите сферу ближе к стене. Вот так. Теперь попробуйте разрядить поле.

Гвен напряглась, сдвинула брови, закусила губу. В тех местах, где граница силового поля соприкасалась со скальной стеной, брызнули искры.

Род восхищенно и немного испуганно наблюдал за тем, как постепенно понижается мощность силового поля. Он гадал, сможет ли теперь когда-нибудь без страха обнять жену.

— Это — скальное ложе, толща породы, — объясняла Чорной по мере того, как радужный пузырь все уменьшался и уменьшался в размерах. Энергия уходит сквозь эту стену к самым глубоким недрам земли. Слой породы большой, миссис Гэллоугласс, очень большой. Его хватит, чтобы поглотить энергию.

— Пожалуй, она поглощается не слишком быстро, — нахмурилась Гвен. — Камень светится.

Приглядевшись, ее спутники заметили, что скальная стена раскалилась докрасна.

— Думаю, стена все равно выдержит, — с надеждой в голосе проговорила Чорной. — В конце концов от сферы почти ничего не осталось, а камень пока еще не начал плавиться.

Род кивнул:

— Да. Пока он только красный, бояться, похоже, нечего.

— Все, — со вздохом сообщила Гвен. Последние остатки энергии ушли в стену со вспышкой и треском, подобным pistolетному выстрелу. — И куда мы теперь пойдём?

— О, конечно же, в скоростную капсулу! — обрадованно улыбнулась Чорной. — Ну, пошли?

* * *

Пять минут спутники ожидали около пластикритовой стены. Эти пять минут показались Роду вечностью. Он то и дело с опаской оглядывался на эскалаторы. Но вот наконец к дверям подкатил поезд, створки разъехались в стороны, и из вагона повалил людской поток.

— Пусть выходят, пусть выходят, — бормотала Чорной. — Чем больше выйдет, тем для нас больше места останется.

Наконец настал долгожданный момент, и все четверо смогли войти в вагон. Там оказалось всего около двух десятков пассажиров, поэтому друзьям удалось сесть парами напротив друг друга, и притом — на почтительном расстоянии от других пассажиров.

Гвен нервно оглянулась на двери:

— А когда мы тронемся?

— Мы уже тронулись, — с улыбкой ответила Чорной. — Плавнo едет, правда?

— О да, очень плавно! — восхищенно воскликнула Гвен. — Но скажи, как же так вышло, что мы уехали? Почему те, кого тот коротышка называл «начальством», не остановили все... капсулы поблизости от нас?

— Они не смогли бы этого сделать, — объяснила Чорной. — Тогда бы им пришлось отключить энергию во всем этом секторе, а это означало бы, что тысячам людей пришлось бы томиться в вагонах, пока бы копы нас отыскиали. А я так думаю, они понимают, что если бы оставили нас в полной темноте в такой запутанной системе туннелей, они бы нас ни за что не нашли.

Род сидел с каменным лицом. Им вдруг овладели смутные опасения. Краем уха слушая, как Чорной объясняет Гвен сложившееся положение дел, Род принялся искать взглядом то, что стало источником его опасений. Уж наверняка то не была ревность.

И очень скоро он нашел этот источник. Это был всего-навсего маленький, диаметром в дюйм, блестящий кружочек в передней стенке капсулы.

— Улыбайтесь, — порекомендовал своим спутникам Род. — За нами следят.

Гвен, Йорик и Чорной повернули головы в ту сторону. А Род прищурился, уставившись на кружочек. Через пару мгновений

ваний из-под небольшой панели в стенке рядом с ним выползли струйки дыма. Пассажиры, сидевшие на передних сиденьях, стали принахиваться, недовольно хмурясь.

— Прекрасно исполнено, — несколько озадаченно проговорила Гвен. — Но зачем ты сделал это, муж мой? Какой вред был от этого кружочка?

— Это был электронный глаз, — объяснил Род. — Камера слежения. А мне бы не хотелось, чтобы на выходе из этой скоростной сосиски нас встретили вооруженные охранники.

— Вот как? Ты замечательно поступил! — Гвен задумчиво обвела взглядом вагон. — Нет, более я ничего подозрительного не ощущаю.

Род вытарашил глаза. Час от часу не легче! Неужели она и электромагнитные поля могла ощущать?

Гвен решительно покачала головой:

— Нет, был только один такой... глаз.

— Похоже на то, — кивнула Чорной. — Вряд ли бы эти жлобы из ПИСК раскошелились на установку более чем одной камеры и микрофона в каждом вагоне.

Род поджал губы. У него, правда, мелькнула мысль о том, что Чорной, вероятно, просто хочет сказать им с Гвен приятное. Как бы то ни было, он раздраженно пошарил взглядом по стенкам и потолку и обнаружил маленькую решетку на потолке. Вперив в нее сосредоточенный взгляд, Род дождался мгновения, когда из нее тоже показался дымок, и только тогда расслабился.

— О'кей, — довольно проговорил он и откинулся на спинку сиденья. — Теперь и микрофон вырублен.

Йорик удовлетворенно кивнул:

— Теперь им ни за что нас не вычислить.

Роду вдруг пришла в голову неожиданная мысль, и он нахмурился.

— Но ведь им и не надо этого делать, кстати. Они могут просто-напросто выставить отряд охранников на каждой станции. — Сколько станций нам предстоит миновать?

Чорной побледнела:

— Только одну. На Канарских островах. А следующая остановка — в Пуэрто-Рико.

— Так, значит... — Род задумчиво пожевал губы. — Значит, у нас единственный шанс.

— Чего переживать? — ухмыльнулся Йорик. — Мне всегда нравилось Западное полушарие.

Род смущенно улыбнулся:

— Что ж, на самом деле любое место подойдет. — Его вдруг озарило. Ощущение было такое, словно внутри у него из бутылки шампанского вылетела пробка. — Эй! — воскликнул он. — Мы дома! Это же Терра! Самая настоящая, истинная прародина человечества! Планета, откуда родом все мы!

Йорик удивленно вздернул брови:

— Вы тут прежде ни разу не бывали?

Род покачал головой:

— Нет. Зато много слышал. Очень много.

Гвен переводила взгляд с одного из своих спутников на другого. Ею, похоже, овладела сильнейшая растерянность.

— Это планета, где зародились люди, миссис Гэллоутласс, — объяснила Чорной. — Наши предки улетали отсюда на космических кораблях во всех направлениях и основывали колонии на тех планетах, где вы живете теперь.

Глаза Гвен наполнились неподдельным восторгом.

— Однако перед нами по-прежнему стоит маленькая проблема, — напомнил всем Йорик. — Как выйти из этой капсулы, чтобы нас не арестовали.

Чорной обвела взглядом вагон.

— У большинства пассажиров с собой багаж, — глубоко-мысленно изрекла она.

— Да? — Йорик выпрямился, пробежался взглядом по вагону. — Где? Ты считаешь, что эти заплечные мешки заменяют чемоданы?

— Естественно. Для того чтобы уложить одежду на выходные, вполне достаточно таких небольших рюкзачков.

— Никогда не привыкну к этой малогабаритной одежонке, которой вы пользуетесь, — вздохнул Йорик. — Я всегда считал, что плетение паутины стоит оставить на долю пауков.

Чорной улыбнулась:

— Ну ты даешь! С какой же первобытной планеты ты родом, а?

— Узнаешь — будешь очень сильно удивлена, — буркнул неандерталец, нахмурился и пробормотал: — Хотя вообще-то должен признать, что это очень удобно: иметь костюм, который можно сложить так, что он будет плоский, как дощечка.

— А что такое дощечка? — недоуменно осведомилась Чорной. Род поспешно вмешался:

— Итак, у всех пассажиров с собой багаж, пусть и небольшой. Только не говори, что я думаю о том же самом, о чем думаешь ты.

— А похоже, так и есть, — хитро усмехнулась Чорной и кивком указала на одного из тех пассажиров, что сидели ближе к компании. — Вот этот примерно вашей комплекции, и у него явно при себе есть лишняя одежда.

— Не забывай, его придется отключить, чтобы ограбить.

Чорной кивнула и скривилась:

— Вот это мне меньше всего нравится. Но я ему ничего ужасного не сделаю. Просто, когда он очнется, он ни за что не вспомнит, что его обокрали вы.

— Мы расплатимся за позаимствованную одежду, — заверил Рода Йорик, вынув из кармана бумажник.

— У тебя есть кредитки ПИСК? — изумился Род.

— А как же? — пожал плечами Йорик. — Что же я был бы за путешественник, если бы отправился из дому без наличных денег той страны, куда намереваюсь попасть?

«Что же я был бы за путешественник во времени», — мысленно поправил неандертальца Род, но вынужден был признать, что Йорик прав. Тому, кто отправлялся в хронологическое путешествие, непременно следовало собираться в путь точно так же, как тому, кто ехал в соседнюю страну. Вот только нельзя было рассчитывать на удачу в плане обмена валюты по прибытии на место назначения...

— Так почему же мы терпели такие муки в казино? — требовательно спросила Чорной и тут же нахмурилась. — Ах да, совсем забыла. На фронтальных планетах никто уже не принимает денежные единицы ПИСК.

— Почему? Потому что они свободны от тирании ПИСК?

— Нет. Потому что они не стоят ни шиша. Законодательство никогда не было слишком прочной базой для курса валюты, майор.

— Вот она, цена скупости, — вздохнул Род, а Йорик смущенно проговорил:

— Не хотелось бы об этом упоминать, но все же придется: а другие пассажиры не заметят, когда мы будем красть пижамку у этого малого?

Гвен на миг расправила плечи и сосредоточенно уставилась в пространство. Один за другим пассажиры мирно засопели. Наконец Гвен расслабилась и с довольной улыбкой ответила на вопрос Рода:

— Нет.

Чорной пару секунд ошеломленно поглядела на Гвен, закрыла глаза, помотала головой и снова открыла глаза.

Йорик шумно выдохнул и облегченно проговорил:

— Есть! — Потом добавил: — Вот это да. — А потом: — Может быть, в один прекрасный день мне удастся привыкнуть к тому, что вы вытворяете, леди Гэллоугласс.

Род очень надеялся на то, что и ему это тоже в один прекрасный день удастся, но вслух он ничего не сказал.

Йорик рывком поднялся с сиденья:

— Давайте поскорее покончим с этим, ладно?

Через несколько минут, после коротких визитов в туалет, все четверо снова уселись на свои места. Четыре рюкзачка значительно похудели, а их хозяева значительно обогатились, пока — сами того не зная.

Гвен потрогала тонкую серую ткань:

— Она настолько легка, что я чувствую себя почти раздетой.

— Я вас очень хорошо понимаю, — кивнула Чорной. — Я тоже себя странно чувствую после брюк в обтяжку и кожаной куртки.

— Значит, ты не шутил насчет пижам?

— Ни капельки не шутил, — печально отозвался Йорик. — Понимаете, на Терре теперь выход на улицу — работа для профессионалов, так зачем еще кому-то морочить себе голову и одеваться в неудобную шерстяную и клеенчатую одежду?

— Вероятно, у меня еще не все в порядке со здравым смыслом, — проворчал Род и с тоской оглядел свою тускло-серую пижаму. — Но почему все одеваются одинаково?

Йорик пожал плечами:

— Стандартный правительственный ход. Ведь это же — Пролетарская Изолированная Социалистическая Коммуна, майор... Эй, Чорной, ну что ты насупилась? Не принимай этого так близко к сердцу! Ты же не знала, до чего они тут додумаются!

— Могла бы и додуматься, если бы повнимательнее слушала их речи, а не выбирала только то, что мне нравится, — прошептала девушка.

Род и его спутники вышли из капсулы вместе с остальными пассажирами — еще четверо в одинаковых легких серых костюмах. Род был очень рад тому, что пижамы были скроены с капюшонами, — это обеспечивало беглецов лишним шансом в пользу того, что их не узнают в лицо. Все четверо взошли на эскалатор и поплыли вверх. Род рассеянно скользил взглядом по рыжевато-коричневой пластикритовой стене. Неожиданно он удивленно нахмурился:

— А ведь уже не пластикрит!

— Верно, — искоса взглянув на него, бросила Чорной. — Пластикрит более тусклый. А этот материал красноватый.

— Да это же камень! — воскликнул Род. Ему нестерпимо хотелось протянуть руку и прикоснуться к стене, но она была в четырех футах от эскалатора. — Самый настоящий камень! Но почему... камень? — Он присмотрелся к пологим ступеням, высеченным в склоне рядом с эскалатором. — И откуда здесь эти ступени?

— Их тут вырубил испанцы, — ответил Йорик.

— Испанцы? — Род обернулся к неандертальцу, недоуменно вздернул брови. — А я думал, что правительство ПИСК международное.

— Все верно, но здешние власти — жуткие скупердяи, если вы не забыли. Зачем отваливать бешеные деньги на постройку новой станции, когда можно воспользоваться тем, что уже построено. Тут добавили, там убавили — и готово.

Род огляделся по сторонам:

— Ты хочешь сказать...

— Все правильно, — угадав ход его мыслей, проговорила Чорной. — Мы в Пуэрто-Рико, майор, где когда-то была ис-

панская колония. Испанцы выстроили на острове множество укреплений. И сейчас мы находимся внутри крепости Эль-Морро, воздвигнутой в семнадцатом веке*.

— Четырнадцать столетий назад?!!

Чорной кивнула:

— И до сих пор стоит. Тогда строили надежно. На совесть.

Дневной свет ударил по глазам спутников подобно иглам. Эскалатор плавно перенес их на движущуюся дорожку. Гвен глубоко вдохнула теплый, напоенный благоуханием воздух.

— О, да это просто рай! — воскликнула она и, увидев темно-синюю полосу за невысокой каменной стеной, спросила: — А что это за лазурное поле?

Род посмотрел в ту сторону и от восхищения широко раскрыл глаза:

— Дорогая, это океан. Вода. Очень много воды.

Гвен некоторое время восторженно смотрела на океан и призналась:

— Редко мне доводилось видеть столь синюю воду.

А Род уже смотрел в другую сторону. Красная стена уходила вверх. Кое-где она обрушилась, но все же производила впечатление неприступной. Огибая мыс, она тянулась дальше — насколько хватало глаз.

— Это соорудили великаны! — прошептала Гвен.

Род огляделся по сторонам. Почему-то ему вдруг стало тесно здесь. Стена была настолько высока, что он ощутил себя беспомощным муравьишкой.

— А ведь это строили люди... — вырвалось у Чорной.

— Да, люди, — кивнул Йорик. — Великое множество людей. И особого выбора у них не было.

Движущаяся дорожка доставила спутников к началу другого эскалатора, и он повез их по туннелю, поднимающемуся под уклоном вверх. Рода привели в изумление его размеры.

— Ты сказала — семнадцатый век?

Чорной кивнула.

— Но для чего был нужен этот туннель? Ведь тогда не было никаких эскалаторов?

* Правильное название этой крепости — «сен Фелипе дель Морро», и выстроена она в 1534—1591 гг.

— Он был нужен для пушек, майор. Для огромных пушек, длиной десять футов, отлитых из железа. Они стреляли железными ядрами величиной с вашу голову и имели огромный вес. Несколько тонн. Заметили шестифутовые бойницы в крепостной стене, обращенной к морю?

Род утвердительно кивнул.

— Вот они как раз и были предназначены для пушек. Но для того чтобы доставить туда пушки, их спускали по настилу, устроенному в этом туннеле. А для подъема использовали лошадей. — Чорной мрачно огляделась по сторонам. Когда эскалатор довез их почти до самого конца туннеля, она кивком указала на нишу в стене, закрытую кованой решеткой. — Там карцер. Когда какой-нибудь несчастный раб или воин нарушал приказ, его там на некоторое время запирали. Там невозможно выпрямиться во весь рост, не говоря уже о том, что негде справить нужду.

— Да еще и видеть, как на тебя глазек все те, кто спускается, — понимающе кивнул Род. — Славные ребята были эти испанцы.

— Угу, — буркнула Чорной, обвела взглядом стены красного камня и поежилась. — Наверное, тогда солдатам казалось, что они — в аду. У них не было ничего, кроме этого каменного острова, а офицеры были их хозяевами.

— Узаконенное рабство, — скривившись, проговорил Род.

Вскоре они снова оказались снаружи. Яркое солнце озяряло просторный внутренний двор. В стенах чернели десятки дверных проемов. Посередине двора стояли два огромных цилиндра.

Чорной кивком указала на них:

— Это цистерны для пресной воды. Они тут всегда были готовы к длительной осаде.

— Осады, пушки... — нахмурилась Гвен. — Зачем такие предосторожности?

— Затем, миссис Гэллоугласс, что остров Пуэрто-Рико служил воротами Карибского моря, ключом к сокровищам всех тех стран, что лежали вдоль его берегов. Там простирается Атлантический океан, и на другом его берегу — Европа, а за излучиной береговой линии — Карибское море. Другие государ-

ства пытались отвоевать у испанцев этот остров и богатства, которые они стерегли. Первыми попытку предприняли голландцы, потом — англичане, вот испанцы и воздвигли эту крепость для защиты от врагов.

Гвен понимающе кивнула:

— Видимо, она послужила им хорошей защитой.

— Это верно, — подтвердила Чорной. — Она была выстроена для того, чтобы отбивать атаки средневековых каравелл. Ну а сегодня она может послужить столь же надежной защитой от любой шайки мятежников, которые попытались бы овладеть скоростным трансатлантическим туннелем.

Род медленно запрокинул голову:

— Так вот почему здесь — конечная станция!

Чорной кивнула:

— А также здесь легко остановить тех, кто попробовал бы проникнуть с диверсионными целями из Европы. Для этого вполне достаточно закрыть вон те большие ворота и открыть пальбу с укреплений — вон оттуда. — Она указала вверх. Отверстия бойниц снизу были едва видны, зато расхаживающие по стене вооруженные солдаты просматривались очень даже отчетливо.

Род поежился и отвел взгляд:

— Не слишком приятная мысль, учитывая наше положение.

— Зря вы так расстраиваетесь. — Со старательно наигранной беспечностью Чорной зашагала к главным воротам. Остальные последовали за ней, облегченно вздыхая.

— А куда мы направляемся? — осведомился Род.

— Туда, — ответила Чорной и указала вперед.

На горизонте возвышалась еще одна крепость.

Гвен смутилась, но все же решительно расправила плечи.

— Надо — значит, надо, — сказала она и ступила на движущуюся дорожку.

— А это единственный скоростной туннель из Европы? — спросил Род.

Компания вошла в ворота в стене, сложенной из красного камня, и оказалась во внутреннем дворе другой крепости. Гвен огляделась по сторонам и заключила:

— Этот замок похож на первый, только он гораздо меньше.
Чорной кивнула:

— Так и есть. И ведь это разумно, не правда ли? В том смысле, что если получилось с Эль-Морро, почему было не попробовать еще разок. Эта крепость называется Сан-Кристоваль*, миссис Гэллоугласс. Да, майор, туннель, заканчивающийся под замком Эль-Морро, — единственный, ведущий из Европы.

— Ко всему Западному полушарию?

Чорной кивнула:

— Конечно, это сопряжено с возникновением «пробок», но зато ПИСК имеет полную возможность держать под контролем всех, кто сюда прибывает.

— Так почему же тогда нас никто не остановил? — недоуменно пробормотал Йорик.

Чорной сдвинула брови:

— Я и сама об этом подумала, и меня это тоже удивило. Ведь наверняка они установили, что мы покинули Канарские острова.

— Зато они не в курсе, что мы вырядились во все серое, — напомнил ей Род.

Чорной покачала головой.

— У всех охранников уже должны быть на руках наши фотографии или голограммы. Мы только одежду сменили, но не внешность.

Движущаяся дорожка медленно везла их по внутреннему двору крепости Сан-Кристоваль. Все четверо размышляли над этой мыслью. Первым подал голос Йорик:

— А не кажется ли вам, что местные охранники вряд ли радуются приказам ПИСК?

Движущаяся дорожка доставила четверку спутников в очередной темный туннель.

Этот туннель оказался низким и не слишком широким. Только в том месте, где движущаяся дорожка плавно перешла в эскадатор, появилось освещение — мягкий, рассеянный свет.

* Полное название — Кастильо де Сан-Кристоваль.

— Похоже, тут обходились без освещения, — пробормотал Йорик.

Чорной резко зыркнула на него, прищурилась.

— Здесь через равные промежутки были заложены пороховые заряды. Вот для чего вырублены эти канавки, — сказал Йорик и указал на прямые ложбинки в дюйм шириной, бежавшие вдоль стен и поперек потолка. — Если враги поджигали дальний конец туннеля, ближний выдерживал. Так что если какого-нибудь несчастного солдатака отправляли сюда посреди ночи, ему не позволялось брать с собой факел.

Род обвел взглядом темные стены, посмотрел вперед, оглянулся назад. Дневного света видно не было — мешал поворот туннеля. Род неприязненно поежился.

Эскалатор закончился, и спутники, пройдя через низкий дверной проем, оказались в небольшом туннеле, уходящем от главного под прямым углом. Род обратил внимание на то, что по пути они миновали еще одну нишу, но только здесь дверь-решетка была открыта.

Вскоре они вышли в длинное помещение, напоминавшее изолированный отрезок туннеля. В дальний конец помещения через небольшой прямоугольник проникал дневной свет.

— Подождем здесь, — сказала Чорной. — Когда придет следующий поезд, спустимся вон по тому эскалатору и сядем на него.

Она указала на пластикритовый портал, который из-за своей геометрической правильности выглядел довольно зловеще на фоне каменной кладки.

Род огляделся по сторонам, заметил отверстие в пластикрите и подошел к нему. Перед ним предстала часть стены туннеля, на которой были грубо нарисованы пять кораблей темно-коричневого цвета. Над ними было нацарапано какое-то слово.

Йорик заметил, что Род с интересом рассматривает рисунок.

— Это нарисовал один молодой офицер. Он возглавил мятеж, и его упрятали сюда на шестьдесят дней и только потом вывели наружу и казнили.

Род быстро обвел взглядом темницу. На миг он вдруг отчетливо ощутил — каково это: оказаться запертым здесь на та-

кое долгое время. День за днем, день за днем, не зная, когда тебя выведут на казнь... Проклинать судьбу и костерить себя за то, что совершил такую глупость... Род покачал головой и отвернулся от дыры в стенке:

— А что означает это слово?

— А вы бы что написали, если бы вас тут заперли на шестьдесят дней?

Чорной подозрительно уставилась на Йорика:

— Интересно, откуда тебе так много известно об этом месте?

Но Йорик только покачал головой, сдвинув свои косматые брови так, что его глаз не стало видно, и пробормотал что-то неразборчивое.

Около эскалатора зажглась зеленая панель.

— Объявили посадку, — негромко проговорила Чорной.

Когда четверка спутников совершала пересадку в Атланте, на станции вдруг вспыхнул экран головизора, и на нем появилось их цветное изображение.

— Эти люди — преступники, — сообщил гулкий голос диктора. — Они угрожают безопасности государства и соответственно безопасности каждого гражданина.

Род возмущенно вытаращил глаза:

— Фу! Никогда не выглядел хуже!

— Просто у вас тут затравленный, испуганный взгляд, — успокоила его Чорной. — Ну а меня, пожалуй, и изловили бы, если бы я не воспользовалась косметикой.

Йорик кивнул:

— У меня вид законченного гангстера.

Гвен ничего не сказала, но ее взгляд был выразительнее любых слов.

— Если вы увидите кого-то из них, — продолжал диктор, — немедленно сообщите в Службу Безопасности.

— Видите — там на заднем плане звездолет, на котором мы прилетели с Отранто? — указала Йорик. — Наверное, тот самый снимок, который велел сделать своему прихвостню тот мерзкий коротышка, крикучий подколотный змей.

Род кивнул:

— Вот только не пойму, почему этот снимок показывают только теперь.

— А кто говорит, что это так? — возразил Йорик. — Может быть, мы подоспели к сотому повтору.

— Не исключено, — согласился Род. — Как бы то ни было, нам лучше сматывать удочки. Пойдем, Гвен. Чорной... Чорной?

Но Чорной уже стояла возле стены и, глядя на опустевший экран, тараторила не своим — противным, пронзительным и гнусавым голосом. При этом она демонстрировала необычайное радостное волнение.

— Ага, я их только что видела! — чуть только не приплясывая от восторга, пискляво прогнусавила она. — Ну да, да, я человек... Я сейчас в Атланте, и я... А? Чего вы говорите? Не-а, я не знаю, почему вы меня не видите. Я вас тоже ни фига не вижу, промежду прочим. А я откуда знаю, эй? Чего вы ругаетесь-то? Я что, виноватая, что у вас тут такой беспорядок? Еще ругаются... Чего? Они-то? Ну да... Я, значит, только что вышла из капсулы, из Флориды примотала, стало быть. Ну, когда я, значит, в Джексонвилле садилась, они выходили!.. Да нет, нет же, я вам говорю! А как, спрашивается, я могла вам раньше звякнуть? В капсуле же нету никаких таких пунктов связи! Да и не слышала я, чтобы чего-то такое объявляли, покуда вот тут в Атланте не оказалась... Чего? Чего?.. А, ну это само собой, само собой! Всегда рада, как говорится, помочь. Еще бы. Я всегда стараюсь быть добропорядочной гражданкой... Ага. Ага. Ну, все, бывайте.

— Это, — отметил Йорик, ухмыльнувшись и покачав указательным пальцем, — поистине гениальная идея. — С этими словами он подбежал к другому пульту связи, накрыл ладонью глазок видеокамеры и сказал: — Соедините со Службой Безопасности. У меня срочное сообщение.

А Род уже тоже занял позицию около соседнего пульта.

— Что говорите?.. Да, я сейчас нахожусь в Атланте... Но понимаете, я этого вашего экстренного сообщения не слышал и не видел до тех пор, пока не пришел на станцию в Пуэрто-Рико, а когда я там ожидал поезда, как раз и увидел, но тут как раз поезд подошел... Проклятие, что вы на меня орете? Я что,

должен был... Ну, да, да! Я их видел! Когда-когда! Да как раз перед тем, как в капсулу вошел!.. Да все я понимаю... Да, это было восемь часов назад... Да уверен я, уверен, говорю же вам!.. Да как я мог ошибиться, когда они так разодеты? Нет, их ни с кем не перепутаешь! У того малого пиджачишко... ну как будто он в тухлых яйцах вывозился!

Гвен накрыла ладонью глазок видеокамеры в соседней будке и сосредоточенно уставилась на сеточку микрофона. Неожиданно она улыбнулась и проговорила:

— Срочное сообщение. — Затем она немного помолчала и заговорила низким, чуть хрипловатым голосом: — Алло?.. Да-да, это были они... Нет, нет, те четверо, которых показывали! Те самые, в жуткой одежде... Да, да, конечно же, я уверена... Где? Да прямо здесь, откуда я с вами разговариваю... А где это, вы спрашиваете? Ой, даже не знаю. Где-то в Мексике... Ой! Моя капсула подошла, извините!

Она прервала связь и обернулась. Род стоял рядом с ней.

— Что ты устроила, рассказывай? — прошептал он.

Гвен лучисто улыбнулась ему:

— Я мысленно проследила за течением..., электронов и ставила каждый из них на секунду задержаться в устройстве, которое стоит за тысячу миль отсюда, а потом разрешила им побежать снова.

Род вытаращил глаза:

— Ты хочешь сказать, что за несколько секунд поняла, каким образом переправить этот разговор через терминал, который стоит на таком расстоянии отсюда?!

— Вовсе нет. С тех самых пор, как нас похитили, я старательно изучаю эти самые «электроны», как ты их называешь.

— Это от меня не укрылось. — Род сглотнул подступивший к горлу ком. У него вдруг жутко пересохло во рту. — Ну и откуда же, как решат полицейские, поступил этот звонок?

— Кажется, это место называется «Акапулько».

Род отвернулся, с трудом скрывая дрожь:

— Похоже, ты уже успела освоиться с местным диалектом. А это тебе как удалось, если не секрет?

Гвен небрежно пожала плечами:

— Это сущая чепуха для того, кто умеет читать мысли.

К счастью, как раз в это мгновение рядом с Родом оказался Йорик, всеми силами старавшийся снова собрать всех вместе.

— Ну все, все! — приговаривал Йорик. — Хватит с нас этих звонков, честное слово! Давайте поскорее найдем какое-нибудь укрытие, пока никто не разгадал нашу маленькую шутку. А то ведь сложат два и два, а получают три! Нужно нам спрятаться или нет?

— Нужно! — кивнул Род, быстро огляделся по сторонам и напряженно задумался. — Туда! — объявил он.

Йорик повернулся в ту сторону, куда указывал Род.

— То, что надо, — заключил он. — Пошли, братцы. Давайте поторопимся.

И он возглавил процессию и направился к витрине с мигающими надписями, ослепительно яркими, кричащими голограммами и анимационными манекенами зазывал. Вход в заведение был оформлен в виде огромного рта. На верхней губе под пиратскими усами красовалась вывеска: АРКАДНЫЕ ИГРЫ.

Чуть ниже — там, где должны были бы располагаться зубы, висело объявление:

**ВХОД С КАЛЬКУЛЯТОРАМИ
И ПЕРСОНАЛЬНЫМИ КОМПЬЮТЕРАМИ ЗАПРЕЩЕН!
ОНИ МЕШАЮТ НАШИМ ИГРАМ**

Как только спутники переступили порог, они едва не оглохли от жуткой какофонии: свиста, визга, писка, скрежета, звона, взрывов, злорадного хохота, зудения и лязга. Гвен зажала уши ладонями.

— Ой! — вырвалось у нее. — Зачем же здесь так шумно? И почему так дымно?

Зал был заполнен дымом, сквозь который едва виднелись огни точечных светильников, направленных на игровые автоматы.

— Наверное, это помогает сосредоточиться, — прокричал ей в ухо Род. — Игроки не отвлекаются на соседние автоматы, потому что почти не видят их.

Гвен только ошеломленно покачала головой в ответ.

Пробираясь по залу, спутники слышали со всех сторон выстрелы из оружия самых разных исторических эпох: буханье мушкетов, резкий треск дробовиков, длинные очереди многозарядных карабинов, стрекотание пулеметов, свист разрядов бластеров. По мере того как Род, Гвен, Йорик и Чорной почти вслепую пробирались между игровыми автоматами, мимо них проплывали названия знаменитых битв. Наконец, охая и тяжело дыша, они вышли к островку относительного спокойствия. Здесь на полу сидели кружками по несколько человек. Они болтали и посмеивались. Один мужчина вел беседу с компьютером.

— Слава богу! — выдохнула Гвен. — У меня такое ощущение, будто я только что прошла через самое страшное в человеческой истории!

Неподалеку ровный, бесстрастный голос задал вопрос:

— Каково ускорение свободного падения на планете Терра?

— Тридцать два фута поделить на секунду в квадрате! — выпалил игрок.

В строке счета на дисплее появилась цифра «двадцать».

— Ответ верный, — промурлыкал компьютер. — Как назывался первый английский роман?

— «Памела» Ричардсона!

Компьютер проворковал:

— Ответ верен. Почему погибла империя Александра Македонского?

Род поинтересовался названием игры. Оно гласило: «Что вы знаете о вселенной?»

— Неверно, — выпалил один из тех, что сидели в ближайшем кружке. — Он не мог воспользоваться двуручным мечом в Британии во времена до ее завоевания римлянами.

Другой игрок нахмурился:

— Это почему же?

— Потому что двуручный меч был изобретен только в начале тринадцатого века.

— И чем же, по-твоему, дрались британцы до этого времени?

— Боевыми топорами.

Молодой человек недоверчиво покачал головой:

— Нет уж. Он мой герой, и он дерется мечом.

— Номер не пройдет, Вольфбей, старина. Игра предусматривает историческую достоверность. Это правило номер три.

— Это кто сказал?

— Это я сказал. А правило номер один тебе известно.

Молодой человек вздохнул и сказал:

— О'кей. Вольфбей выхватил свой боевой топор весом в двадцать фунтов...

— Полегче, полегче! — остановил его, подняв руку, руководитель игры.

— Ну ладно, ладно! Весом в два фунта!

Гвен наклонилась и что-то негромко проговорила одному из игроков. Тот ей ответил. Гвен выпрямилась, кивнула, но вид у нее при этом все равно остался озадаченный.

— В чем дело? — осведомился Род.

— Я хотела узнать, почему правила диктует тот невысокий мужчина, — пожав плечами, отозвалась Гвен. — А этот человек сказал мне, что это потому, что он... господин мой, что означает «диэм»?

— «Диэм»? — нахмурился Род. — По-моему, это латинское слово, и означает оно «день».

— Продул! — в сердцах стукнув кулаком по клавиатуре стоявшего рядом игрового автомата, воскликнул Йорик. — Вот ведь зловредная машина! Три попытки — и три проигрыша подряд!

В следующую секунду рядом с ним оказался аккуратн одетый, подтянутый мужчина:

— Меня зовут Элкин Ларн, я менеджер. У вас проблемы с нашими играми, гражданин?

— Еще бы не проблемы! — возмущенно откликнулся Йорик. — Эта машина должна давать три попытки на каждом уровне, а она мне после первой же попытки заявляет: «Игра окончена!» Я так думаю, джойстик сломан!

Менеджер подошел к автомату и сунул купюру в шель:

— Давайте посмотрим...

Он начал игру.

— Ничего себе — терранское гостеприимство! — фыркнул Йорик. — Я-то тащился сюда из черт знает какой дали — с Вольмара на Отранто, оттуда — сюда... Ну, встретил в баре

одного малого, так он мне присоветовал наведаться в этот зал игровых автоматов, и что же я тут, спрашивается, нахожу? Треклятая машина меня враз побивает!

Род отчаянно делал Йорику знаки, умоляя замолчать.

Менеджер замер, глядя на экран, затем перевел взгляд на Йорика, вежливо ему улыбнулся:

— Похоже, вы правы насчет этого автомата, сэр. Я непременно выплачу вам все, что вы истратили. Для нас крайне важны хорошие отзывы. Не желаете ли пройти в следующий зал, где установлены более продвинутые игровые автоматы?

— Отлично, — ухмыльнулся Йорик. — Отведите меня туда.

Род сомневался, что Йорику удастся набрать много очков даже на детском уровне.

Но менеджер укрепил на забракованном Йориком автомате табличку «НЕ РАБОТАЕТ» и развернулся. Йорик последовал за ним.

Чорной и Род недоверчиво и испуганно переглянулись.

— До сих пор мы ему доверяли, — напомнила им Гвен. — Так почему же мы должны думать, что теперь он совершает ошибку?

— Верно подмечено, — вздохнул Род. — К тому же должен обратить ваше внимание на то, что пока тут не видно отряда вооруженных копов. Пошли.

Они дружно развернулись и поспешили за Йориком и Ларном.

— Игровые автоматы там более совершенные, — говорил на ходу Ларн. — Но должен вас предупредить, что и стоимость игр более высокая.

— Ну, это ясное дело, — пожав плечами, отозвался Йорик. — Тут-то у вас так — для маленьких машинки стоят. А нужно же правительству и обогатиться, правильно я говорю?

— Оно и обогащается, — хмуро подтвердил Ларн. — Отбигает у нас шестьдесят процентов прибыли.

Йорик сочувственно кивнул:

— Но тех сорока процентов, что остаются, вам на жизнь-то хватает?

— Хватает, хватает. На очень даже неплохую жизнь. — Ларн открыл дверь, что вела в дальний зал. — Но у меня помощни-

ков нет. Только двое ночных менеджеров. Так вы говорите, что только что прибыли с Отранто и напрямиком направились в зал игровых автоматов? Честно говоря, немного странно.

— Ну, что тут сказать? — Йорик, пожав плечами, вошел в зал следом за Ларном. — Обрыдла уже эта наша готика, если честно.

Род отступил и пропустил вперед женщин, затем следом за ними вошел в дальний зал с таким ощущением, что добровольно входит в западню. Ларн закрыл за ним дверь.

Гвен обвела взглядом стены:

— Как много книг!

Чорной ахнула:

— Но зачем? Разве не проще хранить книги в виде кубиков с записями?

— Книги во многом более удобны, — ответил Ларн, обошел гостей и указал на удобный стул, стоявший возле стола с настольной лампой. — Но главное здесь — сама атмосфера. Здесь можно спрятаться от всего мира — и двадцать процентов наших посетителей так и делают.

Род все еще оглядывался по сторонам:

— Я не вижу ничего, кроме книг. Где же игровые автоматы?

— Игра состоит в том, поймают нас или нет, — ответил Ларн и, пройдя мимо четверых спутников, поманил их за собой.

Они последовали за ним и вскоре миновали шестерых людей, сидевших за круглым столом. Старший из них проговорил:

— Хорошо, Джерри, но ты исходишь из предположения о том, что замечательная, справедливая политическая система, предлагаемая Платоном, представляет все население.

Тот, кого звали Джерри, нахмурился:

— Но он ведь именно так и говорил. Разве нет?

— Так, — вступил в дискуссию второй студент. — Но на самом деле город выглядел вовсе не так — тот город, на основе которого он создавал модель своей «Республики».

Джерри непонимающе сдвинул брови:

— Как это?

— В составе населения было множество рабов, — дал ответ третий студент. — А они в модели Платона представлены не были.

Ларн провел Рода и его спутников к кубу размером шесть на шесть футов, с прозрачными стенами, небольшим столиком и одним-единственным стулом. Когда все вошли туда, он закрыл дверь и объяснил:

— Это учебная кабинка. Она звуконепроницаема, поэтому учащегося здесь не отвлекают дебаты, которые ведут дискуссионные группы.

— Так здесь все — добровольцы?! — удивился Род.

Ларн кивнул:

— Им всем прискучили игры. Извините, но вам придется пройти обязательную процедуру. — Он вынул из кармана маленькую прямоугольную пластинку и, держа ее на расстоянии примерно шесть дюймов, провел ею вдоль тела Рода, с головы до ног. — Повернитесь спиной, пожалуйста.

Родом овладело недовольство и возмущение, но он все же повиновался. В конце концов помощь нужна была ему, а не наоборот.

— О'кей? — заключил Ларн. — Благодарю вас. — Он повернулся к Гвен. — Если не возражаете, мэм, — обратился он к ней.

С губ Рода уже были готовы сорваться гневные возражения, но Гвен бросила на него решительный взгляд, и возражения так и остались невысказанными.

Ларн с помощью пластинки осмотрел Гвен спереди и сзади, затем осуществил ту же процедуру с Йориком и Чорной. Наконец он кивнул и убрал пластинку в карман.

— Отлично, — сказал он. — Жучков нет.

Гвен непонимающе наморщила лоб.

— Подслушивающие устройства, — объяснила Чорной. — Надзор.

Губы Гвен сложились в безмолвное «О».

— Ну, теперь-то вы должны понять, что это за декорация, майор, — в упор глядя на Рода, проговорил Йорик.

Род встретился с ним взглядом и сосредоточенно сдвинул брови. Но вдруг он широко раскрыл глаза и резко развернулся к менеджеру.

— Господь всемогущий! Вы — ученик Чолли Бармэна!

Менеджер кивнул:

— А великие и могучие правители Пролетарской Изолированной Социалистической Коммуны на Терре издали декрет о

том, что никому нельзя получать образование выше уровня ликбеза — только чтение, письмо и арифметика, вот и вся наука. Нет, конечно, крайне ограниченному числу наиболее одаренных учащихся позволено получить законченное среднее образование и, пожалуй даже, окончить колледж. В любом обществе всегда нужны люди, которые могли бы управляться с техникой и грамотно собирать налоги, но при этом подавляющее большинство населения никогда не прочитает ничего более содержательного, нежели инструкции по приготовлению на пакете с продуктами.

Йорик кивнул в подтверждение слов Ларна.

— И, что интересно, детки высших чинов ПИСК уже почти поголовно включены в этот самый ограниченный перечень «особо одаренных».

— Невзирая на то, что некоторые родители этих детишек — законченные идиоты, — процедила сквозь стиснутые зубы Чорной.

Род не сводил глаз с менеджера:

— Но ведь вы подвергаете себя очень большому риску.

Ларн улыбнулся:

— Думаю, грамотный адвокат смог бы меня выручить. В конце концов тут стоят игровые автоматы — машины. Может быть, посетители нашего зала и обучаются, но ведь никто же их не обучает, верно? И пока знания, которые они получают, весьма и весьма скромны.

— Понимаю, но ведь они проводят здесь по многу часов, и за это время чему-то научиться можно!

Ларн кивнул:

— И они будут продолжать учиться до конца своих дней — я очень на это надеюсь. А это все-таки намного лучше, нежели на всю жизнь остаться на уровне азов, дозволенных законом.

Род нахмурился:

— И многие ли допускаются из игрового зала сюда?

— Всего около двадцати процентов. Большинство вполне устраивают игры, и поэтому нам приходится придумывать все более и более интересные и сложные. Но на фоне игр, исторических фильмов и записей музыки нам, пожалуй, все же удастся обеспечить хорошим, качественным элементарным образованием примерно треть населения.

— Это превосходно, конечно, — отметила Гвен. — А больше ничему вы своих посетителей обучить не можете?

Ларн покачал головой:

— Пока, с помощью той методики, что мы разработали, ничему, хотя мне известно, что некий поэт-пьянчужка, знаемец Чолли, выдвинул какой-то новый подход к съемке исторических фильмов, и за счет этого подхода вроде бы можно вводить абстрактные понятия. Но главным в образовании является обучение думать — а для этого нужен живой учитель, который бы вами руководил.

— А для того чтобы руководить учениками, их нужно приводить сюда.

Ларн снова кивнул:

— Тех немногих, кто проявляет неподдельную интеллектуальную любознательность, мы тихо и незаметно препровождаем в этот зал с книгами, где преподаватели определяют для них круг чтения и в процессе дискуссий постепенно наращивают способность учащихся к самостоятельному мышлению. В конце концов курс образования всегда приводит к общению учащегося с живым учителем. Ничто не заменит человеческого разума.

— И как только ваши посетители начинают мыслить, — заключил Род, — у них не возникает жгучего желания заложить вас с потрохами?

Менеджер усмехнулся:

— Особо жгучего — нет, не возникает. Но если и случается такое, у нас есть классный адвокат, как я уже говорил.

— Но если дело вообще не дойдет до суда, вам никакой адвокат не поможет, — негромко заметила Чорной.

Ларн вздохнул:

— Есть такое дело. Власти ПИСК стремятся осуждать людей даже тогда, когда они не уверены в их виновности. И если на трех по-настоящему виновных за решеткой оказывается один невиновный, кому какое дело?

— Во всяком случае, не тому, что ведет этот счет, — проворчал Род.

— А это значит — властям ПИСК, — мрачно проговорила Чорной.

— Позвольте внести еще одно маленькое уточнение, — встал Йорик. — Насчет решетки. Никто никого за решетку не сажает. Тюрьмы — это слишком дорого. Гораздо дешевле казнить.

— Верно, — с печальной улыбкой подтвердил Ларн. — И старый термин «исполнение наказаний» в этом смысле приобретает новое значение. И все же надежда есть — если, конечно, можно так сказать. По-прежнему сохраняются работы, которые дешевле делать вручную, нежели с помощью техники — да еще при том, что рабочему не надо платить.

— Каторжный труд, — кивнул Йорик, поджав губы. — Что ж, в каком-то смысле он похуже казни.

— Не стоит так думать. Лично мне не хотелось бы это выяснять на собственном опыте. Давайте-ка лучше поразмыслим над вашим положением. Судя по содержанию экстренных выпусков новостей, за вами гонятся вооруженные вояки, а мне вовсе не хотелось бы принять их здесь в качестве посетителей.

— Гонятся, это верно, — подтвердил Йорик. — А по пятам за ними идут шпионы ПИСК. Они хотят нас уничтожить.

— Добро пожаловать в наш клуб, — фыркнул Ларн.

— Я в этом клубе состояла, — с каменным лицом вымолвила Чорной. — Но когда начала понимать, что лозунги типа «более эффективная система власти» в конце концов приведут к полному угнетению людей, я ушла из этой системы.

Ларн покачал головой:

— Из Службы Безопасности можно уйти одним-единственным путем.

Чорной кивнула:

— Они и пытаются предоставить мне этот путь.

Ларн задержал на ней взгляд и вяло усмехнулся:

— Что ж, тогда все понятно. Правда, не могу придумать, как бы я мог вам помочь. Мы не можем прятать вас здесь дольше нескольких часов: это слишком рискованно. Как насчет быстрого косметического сеанса?

— Это было бы очень даже неплохо, — согласился Йорик. — Но на самом деле наша цель состоит в том, чтобы проникнуть в штаб-квартиру правительства ПИСК.

— Что?!

— Понимаю ваше изумление, вполне понимаю, — сказал Йорик и предостерегающе поднял руку. — Но дело в том, что мы угодившие в ловушку путешественники во времени, и мы так думаем, что у ПИСК имеется машина времени, спрятанная где-то в лабиринтах их змеиног гнезда.

С минуту Ларн молча таращил глаза. Наконец он пожал плечами и проговорил:

— Почему бы и нет? Верю же я в возможность массового просвещения... Но у них, ребята, там есть наружная стена и внутренняя стена, и на всех воротах установлены лазерные пушки, которые начинают палить, если вы нажмете не ту кнопку. Посадочная площадка на крыше тоже окружена лазерными пушками по всему периметру. Кроме того, там круглосуточно дежурит десяток вооруженных бластерами охранников. Я мог бы и дальше продолжать в таком же духе, но думаю, основная мысль вам ясна. Единственный способ попасть внутрь штаб-квартиры ПИСК — это... войти туда в качестве пленников.

Йорик посмотрел на Рода. Род посмотрел на Гвен. Гвен и Род посмотрели на Чорной. Все четверо тяжело вздохнули.

— О'кей, — проговорил Йорик, выражая общее мнение. — Ну и какое же преступление мы совершим, братцы?

— До этого мы могли бы и сами додуматься, между прочим, — проворчала Чорной в то время, когда все четверо шагали по переходу.

— Но не додумались, — напомнил ей Род. — Что доказывает: нам нужна была помощь.

Чорной покачала головой:

— Все равно — не нравится мне это. Добровольно дать себя изловить — это противоречит всем принципам полученной мной подготовки.

— Правильно, но это — принципиальное нововведение, — отметил Йорик. — В данном случае поимка позволит нам взять ситуацию под контроль.

— Говори, говори, — проворчала Чорной. — Может, тебе в конце концов удастся меня убедить.

Йорик покачал головой:

— На убеждение нет времени. Если мы хотим осуществить то, что задумали, это надо делать сейчас. — Он остановился, дал

друзьям немного уйти вперед, и прежде, чем те поняли, что он делает, неандерталец прокричал: — Вон они! — и указал на них.

Все люди, шагавшие по переходу в обе стороны, как по команде, остановились и обернулись.

У Рода привычно засосало под ложечкой, а по спине побежали мурашки — такие ощущения он испытывал всегда, когда знал, что в него целятся из бластера.

— Слишком поздно, — прорычал он. — Придется пройти через это! Бегом!

И они с Гвен и Чорной дали стрекача.

А Йорик, отставший от них, продолжал вопить:

— Хватайте их! Это враги общества номер один — эта папочка. А вторая женщина — враг общества номер два! Разве вы не видели их в экстренном выпуске криминальных новостей?

Но прохожие с места не двигались. Они пялились на Йорика, провожали взглядом беглецов, и глаза их были полны страха.

— Ох, до вас, видно, не докричишься! — проскрипел зубами Йорик. — Вот и делай тут хорошие дела... — Он припустил следом за Родом, Гвен и Чорной, продолжая выкрикивать: — Держите их! Хватайте!

Ему удалось догнать беглецов еще до того, как наконец в переходе появились полисмены из Службы Безопасности. Но никто из прохожих и тогда не подумал вмешаться, а большинство из них зашагали чуть быстрее, втянув головы в плечи.

Копы из Службы Безопасности выбежали из-за угла. Те, что бежали первыми, остановились, присели и прицелились из бластеров.

— Вот это уже ни к чему! — выкрикнул Род, и Гвен успела задержать взгляд на бластерах ровно настолько, чтобы ее спутники успели пойти в атаку.

Полицейские, оторопев от изумления, вызванного тем, что оружие отказалось стрелять, уже были готовы отступить, но натренированные рефлексy заставили их защищаться, когда Йорик въехал одному из них кулаком в солнечное сплетение, а Чорной размахнулась, намереваясь врезать второму ребром ладони по ключице. Полисмены автоматически приняли защитные стойки, а их товарищи вступили в бой.

Гвен догнала остальных, развернулась, прижалась спиной к спине Рода. Тот ожесточенно оборонялся и атаковал, то закрываясь, то нанося удары. Гвен удавалось противостоять всем попыткам полицейских напасть на Рода сзади, и если, что удивительно, хрупкая женская рука оказывалась способна отбросить здоровенную ручищу, сжимавшую бластер, то кто мог это заметить в пылу сражения?

Чорной всю орудовала ногами и руками, и трое здоровяков, окруживших ее, держались от нее на почтительном расстоянии, но выжидали момента, когда она раскроется, чтобы сразить ее метким ударом. Порой на долю Чорной выпадали удачи, но ее соперники тоже были профессионалами.

Йорик ухватил одного из полицейских за руку и за ворот и швырнул на одного из его напарников, но третий коп подскочил к нему сзади и, поймав за шею рукой, согнутой в локте, рванул к себе. Йорик опустил на одно колено и резко приподнялся, согнув спину — слишком резко для того, чтобы его соперник смог что-то предпринять в ответ. Он перелетел через голову Йорика, но как только тот распрямился, то получил апперкотом по физиономии от еще одного копа.

Краем глаза Род заметил, как пошатнулась от удара Чорной. От злости у него свело скулы. Он передал жене мысленный приказ:

«Держись, милая. Помни: надо отключать их, если они будут пытаться убить нас и даже если просто начнут наглеть!»

«Хорошо, господин мой», — мысленно отозвалась Гвен и отказалась от обороны: опустила руки и стала опадать на землю еще до того, как ее настиг удар. Род получил кулаком по виску. Страшная боль сменилась темнотой в глазах.

Род очнулся от жуткой головной боли и от страшной жажды. С трудом разлепив веки, он увидел только белые кафельные плитки и почувствовал, что под ним — что-то холодное, очень холодное. Повернув голову набок, он увидел Йорика и Чорной, привязанных ремнями к стальным плитам. Их руки были закованы в наручники, прикрепленные к стене у них за головой. Веки Чорной вдруг дрогнули. Она зажмурилась и с усилием открыла глаза. Йорик лежал с открытыми глазами и

смотрел на Рода. Взгляд у него был самый что ни на есть виноватый.

Род подождал секунду, ощущая огромное, ни с чем не сравнимое облегчение. Потом он посмотрел на Чорной и вопросительно выгнул бровь. Кривясь от боли, та кивнула. Йорик пожал плечами.

Так... Они в порядке. Это хорошо. Но за радостными мыслями в голову тут же полезли тревожные. Где Гвен? Ведь она должна была все время оставаться в сознании, только притворяясь лишившейся чувств.

Позади послышался негромкий стон.

Род быстро запрокинул голову и поморщился от боли, но глаза открыл шире.

Гвен лежала с закрытыми глазами. Род в отчаянии потянулся своим сознанием к ее сознанию, пытаясь ощутить его. Разум Гвен был одурманен огромной дозой наркотиков.

Жуткая, всепоглощающая ярость овладела Родом, но он постарался сдержать это чувство. Пока рано. Скоро ему потребуются эта огненная злоба. Но не сейчас. Не сейчас.

Гнев немного унялся, и Род расслышал неподалеку чей-то голос:

— А почему же никто из них не выкинул никаких штучек, на которые, как мы слышали, они способны?

— Как же «не выкинули», — ответил кто-то другой. — Еще как выкинули! Они ж бластеры заморозили!

— Ну ладно, значит, один номер откололи. Но только один! А я вот слышал про эту шайку, что у них сотня таких номеров в программе!

— Ну струхнули, поди, — насмешливо проговорил второй собеседник. — А может быть, все их так называемые номера — это всего-навсего действие каких-то хитрых устройств, что бы тебе там ни наболтали разные суеверные тупицы.

— Ну и где же тогда, спрашивается, все эти их хитрые устройства, а? — с пристрастием полюбопытствовал первый.

— Где, где... Да батарейки небось у них сели, вот и повыкидывали они их в дезинтеграторы! А теперь тебе бы лучше заткнуться и попробовать выяснить, что им известно об этих самых хитрых штуковинах!

Первый из разговаривавших что-то недовольно буркнул и, развернувшись к пленникам, обнаружил, что четверо из них пришли в себя и смотрят на него.

— Бруно! — крикнул охранник.

Бруно развернулся:

— Чего? А, они очухались! Вот и славно. О'кей, ребята, сейчас я вам все популярно растолкую... Сейчас вы нам быстренько все-все расскажете про все свои хитрые машинки — а особенно про генератор силового поля и про ту штуку, с помощью которой вы стали, так сказать, невидимками. Ну и, само собой, нам очень желательно было бы послушать про революционеров-подпольщиков, на которых вы работаете. А если вы не пожелаете отвечать, то вам придется запастись терпением, потому что вам будет очень, очень больно. Так или иначе — вы нам все равно все выложите, не сомневайтесь.

— Но... Но почему бы вам просто не напичкать нас наркотой? — кривясь от боли, осведомилась Чорной.

— Потому что это не так интересно, — ухмыльнувшись, ответил Бруно, глянул на Рода, заметил, куда тот смотрит, и добавил: — Нет, ты от нее никакой помощи не жди, дружок! Были у нас на ее счет кое-какие сомнения, вот ее мы и накачали наркотиками. Она еще часиков так десять продрыхнет. — Он умолк и, сощурившись, уставился на Рода. Немного помолчав, Бруно удовлетворенно кивнул и шагнул к Гэллоуглассу. — Начнем с тебя. Используем старые, испытанные методы.

Род почувствовал, как охранник снимает с него наручники, и предпринял отчаянную попытку нырнуть в недра собственного сознания, чтобы отыскать там образ своего двойника, которым он обзавелся во время краткого странствия по пространству между мирами, когда они с Гвен и детьми возвращались на Грамерай из Тир-Хлиса. Род понимал, что до того, как его начнут избивать, осталось всего несколько секунд. На фоне такой стимуляции чувств крайне трудно было войти в транс.

Но это ему все-таки удалось. Он утратил ощущение собственного тела в то самое мгновение, когда Бруно рывком поднял его на ноги. Сквозь окруживший его туман Род попытался разыскать сознание Гвен, и наконец увидел его — хрупкую скорлупку на волнах реки забвения, отстраненную и далекую. Род

осторожно приблизился к сознанию жены, слился с ним, проник внутрь него.

«Очнись, — обратился он к Гвен с мысленной мольбой. — Нам всем конец, если ты не очнешься. Может быть, я и сумею одолеть их один, но, может быть, мне это и не удастся».

Ему больно было так говорить, но сказать это он был должен.

«Они могут убить нас, — продолжал мысленно взывать к жене Род. — Мы можем никогда не проснуться».

На этот раз он получил ответ, и ответ этот был выражен одним-единственным коротким словом:

«Вместе».

Ни с чем не сравнимое отчаяние охватило Рода, но он одернул себя и сдержался, напомнив себе о том, что женский романтизм все же поддается излечению. Если уж даже в полном забытии Гвен была способна на романтику, значит, до нее еще можно было достучаться с помощью мысли, которая ей покажется нестерпимой. Род мысленно создал образ Магнуса, обнимавшего горько плачущую Корделию, рядом с которой сидел несчастный Джеффри, прижимающий к себе испуганного Грегори.

«Они останутся совсем одни без нас с тобой, — вновь мысленно обратился к супруге Род. — Неужели ты готова оставить их чужим людям?»

На этот раз он, похоже, пробился. Перед ним тут же предстал образ Титана, вынырнувшего на поверхность вод и гневно оглядевшегося по сторонам. Затем гнев Титана взмыл ввысь и обрушился лавиной.

Род поскорее выбрался из сознания жены. Абстрактный транс вдруг показался ему куда как безопаснее.

Гвен очнется — вот о чем думал Род в эти мгновения. Она очнется и одна покончит с этими садистами. Род заставил себя вновь ощутить собственное тело.

И ощутил. Боль. Дикую боль, которая немилосердно терзала каждый дюйм кожи, мышц, костей. В некоторых местах чувствовалось жжение, как от ожогов. Род обрел сознание и зрение в тот миг, когда Бруно с отвращением вновь швырнул его спиной на стальную плиту.

— Это все бесполезно! — крикнул Бруно. — У этого типа, похоже, и нервов-то нету!

В душе у Рода воспламенилась ослепительная ярость, злость на двоих мерзавцев, которые так поиздевались над его беспомощным телом. И ведь они намеревались подвергнуть таким же мукам его друзей. И его жену! Ярость всколыхнулась, и Род радостно приветствовал ее вспышку. Она была так нужна ему сейчас, потому что только она, эта ярость, могла дать ему столь необходимую силу...

Но в это мгновение рядом с ним со звуком, подобным взрыву гранаты, треснули наручники, и Гвен вскочила на ноги, пылая праведным гневом.

Бруно и Гарри отлетели к стене, впечатались в нее спинами. На какой-то миг Роду показалось даже, что их тела стали плоскими. В следующее мгновение оба палача, лишившись чувств, оползли на пол.

Гвен развернулась. Ее глаза метали молнии.

— Эти негодяи... Они... Они избивали тебя! — вскричала она, бросилась к Роду и стала нежно и бережно прикасаться к его коже руками. От ее прикосновений боль сразу же отступала, жжение в нервах прекращалось. Покуда она занималась целительством, неожиданно в камере послышались дикие, испуганные вопли, а потом все стихло.

Чорной в страхе вытаращила глаза.

— Что, черт побери, это было? — прошептала она.

— Это кричали те люди, что тайком наблюдали за нами, — ответила ей Гвен. — Их голоса донеслись сюда из устройства, которое они использовали для того, чтобы переговариваться с теми двумя мастерами пыточных дел. Но теперь все они крепко спят, конечно.

— Конечно, — ошеломленно, автоматически повторила Чорной.

— Супруг мой, будь у нас время, я бы занималась исцелением тебя целую неделю, — нежно проговорила Гвен. — Но времени у нас нет, и потому ты должен подняться и помочь мне.

— О нет... Ой... В смысле — нет проблем. Нет, не надо... сам встану. — Род бережно отвел руку жены и поднялся на ноги. Боль, конечно, осталась, но по сравнению с прежней была более или менее терпимой. Но руку Гвен Род не отпустил.

Гвен уставилась на наручники Чорной, и те с громким звоном разлетелись на части. Чорной выпучила глаза от изумле-

ния и опасно пошевелила руками, дабы убедиться, что та сила, что взорвала наручники, их не затронула. Покуда она разминала руки, разлетелись вдребезги кандалы, сковывавшие ее лодыжки.

— Вы бы приглядели за шрапнелью, — тихонько посоветовал Йорик.

— Я приглядела, — немного обиженно отозвалась Гвен. — Ведь тебя не затронули осколки?

— Ни чуточки не затронули, — заверил ее неандерталец.

Гвен кивнула и вперила взгляд в его наручники. Они послушно взорвались, а следом за ними — ножные кандалы.

Йорик поднялся, повертел руками.

— Ну, вперед?

Гвен снова кивнула и развернулась к двери камеры:

— Куда мы направим свои стопы, супруг мой?

Род сдвинул брови и, сосредоточившись, пробежался сознанием по мириадам мыслей, клубившихся в недрах запутанного лабиринта огромного комплекса, внутри которого они находились. А их цель, конечно же, должна была находиться где-то внизу — глубоко под землей, в целях безопасности... Вот она! Он нащупал сознание какого-то человека, который в эти самые мгновения размышлял о том, что нечто следует послать вперед. Род сосредоточился из всех сил... Ну, точно! «Вперед» означало «в будущее», а именно — три тысячи пятьсот одиннадцатый год, а значит — во время после жизни Рода. Род довольно кивнул, соединил свое сознание с сознанием Гвен и показал ей дорогу к источнику этих мыслей.

Гвен согласно кивнула.

— Да, я вижу, — проговорила она. — Теперь пойдем, супруг мой.

Дверь с грохотом сорвалась с петель. Петли и болты со звоном разлетелись в стороны. Йорик и Чорной стояли остолбенев и вытаращив глаза.

— Она очень сердится, — объяснил Род. — Не отставайте от нас, ребята.

Чорной и Йорик бросились следом за Родом и Гвен, и вскоре их окутал знакомый радужный муар силового поля. Гвен сотворила его очень вовремя: четверо охранников, стоявших на

посту в коридоре, встревоженно глянули на четверку бывших пленников пыточной камеры и тут же в страхе завопили, отскочили назад и выхватили бластеры.

Бластеры воспламенились у них в руках.

Охранники взвыли от боли, выронили бластеры, превратившиеся в факелы, и сжали здоровыми руками обожженные. Гвен, не обращая на них внимания, зашагала дальше. Род, Чорной и Йорик едва попевали за ней.

Чорной на ходу оглянулась, бросила взгляд на охранников, потом посмотрела на Рода:

— Но она... Ведь я добрее ее человека никогда в жизни не встречала!

— Я же сказал вам, — нетерпеливо буркнул Род. — Она *очень* сильно сердится.

Дорогу беглецам преградила стальная решетка. Гвен устремила на нее взгляд, и решетка рассыпалась на мелкие кусочки. Гвен, не останавливаясь, зашагала дальше. Коридор впереди раздваивался. С обеих сторон была открыта пальба из бластеров. Лишь на краткий миг оболочка силового поля, окружавшего четверку друзей, полыхнула, а в следующую секунду загорелись бластеры в руках у тех, кто осмелился в них стрелять. Охранники разразились воплями и пустились наутек. Гвен немолимо шла вперед.

— Не хотелось бы, чтобы вы поняли меня превратно... — смущенно пробормотал на ходу Йорик. — Но...

— Потому что она любит меня, — угадав его мысль, ответил Род. — К тому же я и сам кое-какими способностями наделен. Будь я один, я смог бы довольно долго продержаться целым и невредимым, неуязвимым для выстрелов.

Вскоре они добрались до лестницы. Наверху выстроились около десяти охранников и загородили беглецам путь с помощью стальных сеток. Гвен прищурилась, и ячейки сеток раскалились добела, и их объяли язычки пламени. Охранники, чертыхаясь на чем свет стоит, побросали сетки. Гвен пошла вверх по лестнице, и граница силового поля настигла охранников и разметала их в стороны. Некоторых прижало к стене, и они стали дико кричать, но Гвен не обращала на них ровным счетом никакого внимания.

Повернув за угол, спутники оказались в просторном вестибюле. Двадцать человек выстроились в две шеренги перед высокими двустворчатыми дверями. Первые стояли, опустившись на одно колено, вторые — во весь рост, и все держали бластеры на изготовку.

Бластеры расплавились у них в руках.

Охранники выронили их, испустив жуткие вопли, а в следующий миг дверь позади них развалилась на куски. Охранники разбежались в стороны, от страха сверкая белками выпученных глаз. Куски стали бесшумно опуститься на пол.

Гвен переступила порог.

Около пульта со множеством клавиш, рычажков и кнопок, рядом с вмонтированным в стену кубом шириной шесть футов, стоял один-единственный оператор. При виде вошедших его физиономию исказила гримаса ужаса, но он проворно развернулся и принялся ожесточенно нажимать на кнопки и клавиши.

Гвен вперила в него гневный взгляд. Невидимая десница оторвала оператора от пульта и подбросила на три фута в воздух, после чего он, лишившись чувств, рухнул на пол бесформенной грудой.

— Он спит, — хладнокровно объяснила Гвен. Радужный муар, окружавший беглецов, растаял.

Йорик подбежал к пульта и принялся орудовать рычажками и кнопками.

Род на всякий случай принял оборонительную стойку. Лишь раз прежде ему доводилось видеть Гвен в состоянии всепоглощающего гнева, но тогда и в помине не было такой мощи, которая была выставлена против нее теперь.

— Ты вправду ведаешь, как работает это устройство? — требовательно спросила Гвен.

— Не бойтесь, — бросил через плечо Йорик. — Стандартные параметры я знаю наизусть.

— Но ведь это же не ваша модель, — возразил Род.

— Не наша, — подтвердил Йорик. — Копия. А вы как думаете, кто изобрел эту хреновину? — Он повернул последний регулятор. — Ага! Это установка даты! А это... — Йорик взялся за рычажок. — Это установка места назначения! — Затем он про-

ворно набрал комбинацию клавиш. — А это у нас пароль! И инструкции, которые следует забыть после прочтения! — Он нажал на кнопку. — А эта, ребята, кнопочка задает время переброски. Скорее, все внутрь! Переброска начнется через минуту!

В дверном проеме вдруг появилось какое-то громоздкое устройство.

— Лазерная пушка! — вскричала Чорной.

— Быстрее, в кабину! — вскрикнул Род и силком толкнул Чорной внутрь тесного куба. Йорик вбежал следом за девушкой, за ней в куб шагнула Гвен, а потом — Род. Он обернулся в то мгновение, когда здоровенное жерло лазерной пушки нацелилось на них. Род в ужасе смотрел в лицо собственной гибели.

Однако эта самая «гибель» неожиданно затянулась пеленой радужной дымки, по которой и пришлось выстрел. Гвен сжала руку мужа в своих руках:

— Более прочного поля я сотворить не могу. Ну же, супруг мой, одолжи мне свою силу!

На это ушел всего один краткий миг. На пути досюда от пыточной камеры они столкнулись с такой энергетической мощью, и вся она теперь металась, можно сказать, без привязи в пространстве. А Гвен уже успела так поднатореть в электронике! Но миг оборвался, и Род вспомнил прекрасную девушку в стогу, и любящую мать с младенцем на руках, и нежную возлюбленную, и его мысли слились с мыслями Гвен.

— Тридцать секунд... — простонал Йорик.

Поток рубинового света озарил силовое поле.

Дверной проем превратился в полотно пламени. Пламя ревели и извивалось. Не было и в помине выстрела или взрыва — это было бесконечное яростное пожарище.

По лбу Гвен бежали струйки пота. Она крепче сжала руку Рода.

Род отдал ей всю свою силу, всю, какая у него только была.

Гвен побледнела, задрожала.

Рода охватила тревога и передалась Гвен — тревога, нежность, любовь.

На смену тревоге пришел жар — ну просто как в полдень в Сахаре, в жерле доменной печи...

Чорной ахнула. Йорик простонал:

— Десять секунд.

Эти десять секунд показались им вечностью. Это были десять секунд агонии, десять секунд страшных мыслей о том, что на этот раз они могли потерпеть неудачу. Пламя немилосердно палило и завывало. Но именно за эти десять секунд сознания Рода и Гвен окончательно слились воедино, и посреди этой огненной преисподней Род ощутил, что рядом с ним — все та же прекрасная возлюбленная...

Пол у них под ногами дрогнул, их швырнуло друг к другу, и откуда-то вдруг хлынул благословенно прохладный воздух. Род пошатнулся, выпрямился, прижался к Гвен и не сразу осознал, что пламя исчезло и что перед ним — просторная комната, где повсюду расставлено электронное оборудование, огромные шкафы, высокие стеллажи...

А прямо перед удачливыми беглецами стоял невысокий мужчина в белом лабораторном халате, с ослепительно белой гривой седых волос и орлиным лицом. Казалось, его голова непропорционально велика. Его взгляд был настолько пытлив и зорок, что Роду стало не по себе, и он поежился, хотя взгляд этот он чувствовал на себе не впервые.

Но он сумел выпрямиться и расправить плечи. Сделав глубокий вдох, Род осторожно вышел из кабины машины времени и проговорил:

— Доктор Мак Аран, я полагаю?

Они все сидели за круглым столом и пили самые настоящие, не синтезированные бодрящие напитки. Вокруг стояло множество столов, а за ними вели жаркие дебаты самые разные люди. Древнеегипетские писцы здесь соседствовали с падинами из девятого века, шумерские крестьяне восседали бок о бок с чиновниками, служившими императорам династии Мин. Исторические эпохи и одежды причудливо перемешались тут, в этой комнате, где одни века встречались с другими и где не смолкали оживленные беседы, ведущиеся на странном наречии. Род не сразу распознал в нем тот язык, что предшествовал английскому его времени.

Выслушав последнее замечание Мак Арана, Род энергично кивнул.

— Да, конечно, — сказал он. — Конечно, я понимаю, что Грамерай имеет первостепенное значение. Если тамошний государственный строй со временем преобразится в конституционную монархию, можно будет наладить ту самую систему связи, которая так нужна ДДТ для поддержания демократии.

— Более того, — улыбнулся Мак Аран. — Ваши сограждане не будут сидеть на месте, майор. Они непременно станут покидать родную планету, и притом — во множестве, и они будут влюбляться, выходить замуж и жениться, где бы они в конце концов ни осели. Пройдет тысяча лет — и половина населения Терранской Сферы будет телепатами. И все из-за жителей Грамерая.

Род изумленно вытаращил глаза. Гвен незаметно сжала его руку, и он ответил ей тем же.

Мак Аран небрежно махнул рукой:

— Но это по большому счету вторично. Главный вклад Грамерая в историю человечества будет состоять в стирании той искусственной грани, которая пока разделяет интуицию и интеллект, людей и технику. Краеугольным камнем этой революции является ваша местная церковь — Орден святого Видикона, но она всего лишь формализует то, что жители Грамерая успешно развивают с тех самых пор, как высадились на этой планете. Безусловно, члены этого монашеского ордена рассматривают то, о чем я говорю, как магию и механику, но они не видят никаких причин, почему бы один и тот же человек не мог бы быть наделен и тем и другим одновременно.

Род перевел взгляд на Гвен.

Та растерянно огляделась по сторонам, взглянула на мужа.

— Господин мой? — непонимающе проговорила она.

— Да нет... ничего. Попозже поговорим, — пробормотал Род, но взял Гвен под руку и крепко сжал ее пальцы другой рукой, после чего снова обратился к Мак Арану: — О'кей, — сказал он. — Следовательно, Грамерай необыкновенно важен для будущего демократии и, пожалуй, даже для будущего всего человечества, и так далее, и тому подобное. Но не для этого же вам понадобилось отправляться на одиннадцать веков вперед? Не только же для того, чтобы повидаться со мной?

Мак Аран явно немного смутился.

— Ну... На самом деле я просто подошел к той машине времени, которая доставила вас сюда, вот и все. А вы сейчас в двадцатом веке, майор. Технически.

Род не без труда закрыл рот.

Йорик вмешался, чтобы снять напряжение:

— Да какая разница по большому-то счету, майор? Эта база для путешествий во времени могла бы находиться в любом столетии. Да так оно и есть на самом деле. Пара тысяч лет туда, пара тысяч — сюда. Так же просто было установить эти временные параметры, как и те, в которых мы находились. Вернее говоря — еще проще. Эти я отлично помнил. А когда сильно торопишься, легче набрать те параметры, которые знаешь как свои пять пальцев.

Род ошеломленно покачал головой:

— Ну ладно, раз ты так говоришь... Но все же...

— Вам безумно хочется узнать, почему мне так захотелось встретиться с вами? — Мак Аран, по обыкновению невесело, усмехнулся. — Да потому, что я очень много слышал о вас, майор!

— Восхитительно. А я имею право выразить свое мнение?

— Нет. Потому что если Грамерай имеет первостепенное значение для развития демократии в галактике, вы имеете первостепенное значение для развития и становления самого Грамерая.

Род окаменел.

Гвен, широко раскрыв глаза, смотрела на него.

— Я?!

Мак Аран кивнул.

— А почему не она?! — воскликнул Род и указал на Гвен. — Она как минимум столь же могущественна, сколь я! И она сделала не меньше меня для того, чтобы Грамерай встал на путь к свободе!

— Верно, но я связала свою судьбу с делом твоей жизни только потому, что связала ее с тобой, — негромко проговорила Гвен. — И я готова и впредь продолжать это дело, даже если... не дай господь! — если бы тебя отобрали у меня. Но если бы я никогда не встретила с тобой, мне бы и мыслей подобных в голову не пришло.

Мак Аран кивнул.

— Ваша супруга родилась и выросла в средневековой монархии, майор, — сказал он. — И она не имела ни малейших понятий о демократии. Да и никто не имел — за исключением тоталитаристов и анархистов, которые вернулись назад во времени, чтобы овладеть Грамераем.

— А еще ваша замечательная жена не узнала бы ничегошеньки о современной технике, если бы футурианцы не похитили вас и не зашвырнули на пятьсот лет назад.

Гвен покачала головой:

— Тут уж ничего не поделаешь, господин мой. Быть может, ты и не тот человек, которому суждено увидеть плоды своих деяний, но ты уж точно тот, на чью долю выпало бросить в почву семена, из которых эти плоды произрастут. — Она зарделась, улыбнулась и посмотрела на Мак Арана. — Знаете, я вдруг подумала... А какое место отведено нашим детям в будущем?

— Очень важное и значительное, — заверил ее Мак Аран. — Но их жизнь станет лишь продолжением того, что делаете вы с мистером Гэллоуглассом. Продолжением и расширением — я бы так сказал. Их четверо, и каждый из них, когда вырастет, превзойдет могуществом каждого из вас. И все же повторяю: им суждено только продолжить то, что начато, что заложено вами. — Холодноватая усмешка вновь тронула его губы. — Даже при том, — добавил он, — что они далеко не всегда будут это осознавать.

Разговор Мак Арана с Гвен дал Роду возможность немного оправиться от потрясения и прийти в себя. Глубоко вдохнув, он выпалил:

— И все равно я не понимаю, почему я здесь и зачем мы с вами беседуем.

— Хотите, чтобы я вам все выложил? — проворчал Мак Аран. — Для этого мне следует знать, на какой вы стороне.

— То есть как — на какой я стороне?! На стороне демократии, естественно!

Мак Аран, сверкая глазами, смотрел на Рода в упор.

— Нет, — медленно выдавил Род, наконец осознав те изменения, которые произошли с им за годы. — Я — на стороне Грамерая.

Мак Аран кивнул.

— Но демократия согласуется с насущнейшими интересами Грамерая!

— Если вы так уверены в этом, — проворчал Мак Аран, — ничто не помешает вам стать членом ЗУБ — возглавляемой мной организации.

Несколько секунд Род сидел неподвижно, пытаясь совладать с очередным ударом. Наконец, обретя дар речи, он осторожно выговорил:

— Но я уже являюсь агентом АБОРТа. Разве это не превращает меня автоматически в члена вашей организации?

Мак Аран покачал головой:

— Между двумя этими организациями нет официального союза и соглашения. У нас всего лишь общие интересы. Мы даже не привязаны формально к Децентрализованному Демократическому Трибуналу. Если на то пошло, никто из тех, кто возглавляет ДДТ, даже не подозревает о нашем существовании, и, честно говоря, нас это очень устраивает. Безусловно, одна из ответственностей для членов ЗУБа — сохранение членства в нашей организации в тайне.

— Само собой, — добавил Йорик, — мы практикуем и внедрение наших соратников в другие организации. Не в вашу, конечно же.

Мак Аран кивнул:

— Некоторые из наших лучших агентов являются оперативниками ИДИОТа. У нас даже в ДДТ есть несколько чиновником и пара-тройка ораторов.

— Да уж... — изумленно прошептал Род.

— Ну, так что скажете вы? — не спуская с Рода испытующего орлиного взора, спросил Мак Аран. — Вы за нас или нет, майор?

Род встретился взглядом с Мак Араном, вдохнул поглубже и ответил:

— Я за вас, но не при вас. Можете считать меня внештатным членом вашей организации.

Мак Аран на миг замер и кивнул:

— Покуда вы за нас, вы не против нас.

С этими словами он поднялся из-за стола и протянул Роду руку. Род тоже встал и пожал руку великого изобретателя и поразился тому, какой тонкой и хрупкой оказалась его рука.

А Мак Аран снова кивнул и улыбнулся своей прохладной улыбкой:

— Приятно было повидаться с вами, майор. Ну а теперь, не желаете ли вернуться туда, откуда вас похитили?

— Я бы очень желала! — вмешалась Гвен. — Как-то там мои малыши!

Род согласно склонил голову и усмехнулся:

— Да. Пожалуй, этой дозы технически развитой цивилизации мне хватит лет на десять. Отправьте нас домой.

Мак Аран обратился к Чорной:

— Ну а вы чем желали бы заняться, о червячок-древоточец?

— *Червячок?! —* Чорной возмутилась и порывисто вскочила. — Какого черта? За кого вы себя принимаете, что плюетесь такими оскорблениями, как лавой?

— Я принимаю себя за вулкан, на склонах которого проживают тираны, — сверкая орлиными глазами, проговорил Мак Аран.

Чорной прищурилась:

— Я совершила ошибку. Жестокую ошибку. И я навредила многим людям. Но все же мне кажется, за время этих приключений я кое за что расплатилась — даже при том, что Гвен и ее муж помогли мне настолько же, насколько я помогла им.

Усмешка Мак Арана стала саркастической.

— О... Так вы больше не любите диктаторов?

— Нет, — буркнула Чорной. — И у меня на то есть личные причины.

— Докажите это, — предложил Мак Аран. — Вступите в ЗУБ.

Чорной ошеломленно уставилась на него, напрочь сраженная этим предложением.

— Он не шутит, мисс, — негромко заверил девушку Йорик.

— Но... но... как вы можете? — взорвалась Чорной. — Ведь если судить по тому, что вам обо мне известно, я, может быть, самая худшая из агентов ПИСК, пытающаяся внедриться в вашу организацию!

Мак Аран кивнул:

— Вероятно. Весьма вероятно — но если бы это действительно было так, вы бы не стали на каждом углу способствовать борьбе с тоталитаризмом.

Чорной непонимающе сдвинула брови:

— А когда это, интересно, я этим занималась?

— Когда помогла предотвратить войну на Вольмаре, — напомнил ей Йорик. — И когда помогла нам одолеть Ивза и его прихвостней на Отранто. Послушай, Шерши, если бы ты и в самом деле была агентшей ПИСК, ты бы всадила нож под ребра Вайти Вино при первой же возможности. Ведь он не менее важен для становления демократии, чем мы.

Род кивнул:

— И Чарли Бармэн тоже, а ведь тебе никогда не приходило в голову поднять на него руку.

— Но я... я... я не знала! Я понятия не имела о том, что эти двое так важны для демократии!

— Верно. А вот если бы ты до сих пор была агентом ПИСК, это тебе было бы очень даже хорошо известно. Помимо всего прочего, ты помогла Гэллоуглассам выбраться из переделки, в которую они угодили.

— Только потому, что они мне понравились — как люди!

Гвен лучисто улыбнулась Чорной.

— И он тоже! — выкрикнула Чорной, ткнув пальцем в Йорика. — Дело не только в Гэллоуглассах!

— Понимаю, — серьезно проговорил Мак Аран. — И готов поспорить: впервые в жизни вы встретились с людьми, которым понравились вы.

Чорной застыла в молчании и неподвижности.

— Я ценю личную верность людей друг другу, — сказал Мак Аран. — Я ставлю ее выше верности идее в любые времена — даже если это верность не мне, а компании.

— Другие ваши люди могут мне и не понравиться так, как мне нравится он, — медленно проговорила Чорной.

— А могут и понравиться, — возразил Мак Аран, и его губы вновь тронула холодная усмешка. — Почему бы вам не задержаться здесь немного и не познакомиться с нашими людьми поближе?

— Вот-вот! — подхватил Йорик. — Погости тут у нас маленько, Шерши, правда! Есть тут у меня приятели, которые, так я думаю, придутся тебе по сердцу.

— Приятели? — ледяным тоном спросила Чорной. — Не женщины?

— Само собой, — пожав плечами, отозвался Йорик. — Я же не сказал: «подружки».

— Не сказал, — кивнула Чорной и усмехнулась.

— Вернее, даже не приятели, а друзья, — поправился Йорик. — У меня здесь есть друзья. И я думаю, ты им понравишься. О'кей? Ну так почему бы тебе с ними не познакомиться?

— Да, — протянула Чорной нерешительно. — Да, — сказала она более уверенно и кивнула. — Да, пожалуй, я так и сделаю.

Йорик довольно ухмыльнулся и предложил ей руку.

Чорной взяла его под руку и обратилась к Роду и Гвен:

— Майор... миледи... Очень рада была знакомству с вами.

Она даже отвесила супругам легкий поклон и улыбнулась. Род усмехнулся и подал ей руку на прощание.

— До встречи в зонах времени, — шутливо сказал он.

Чорной улыбнулась, горделиво вздернула подбородок и, держа Йорика под руку, развернулась. Они остановились, миновав два стола, возле того, за которым сидела компания татаро-монгольских воинов. Йорик представил им Чорной, и они обменялись рукопожатиями.

Мак Аран проводил парочку победной улыбкой, а потом развернулся к Гвен и Роду и пригласил их следовать за ним.

— Вот одна из основ нашей организации, — пояснил он. — Неудачники. Ни у кого из моих людей никогда не было настоящих друзей, они никогда не чувствовали себя кому-то нужными — до тех пор, пока не оказались среди нас. — Он склонил голову набок и добавил: — К вам это, конечно, не относится.

— Ну, я бы так не сказал, — рассеянно проговорил Род.

— Просто ты никогда не был грамерайской колдуньей или чародеем, — возразила Гвен.

— А мог бы, — с обычной холодной усмешкой заметил Мак Аран. — Очень даже мог бы.

Изобретатель привел Рода и Гвен в просторный зал размером тридцать на тридцать футов, где вдоль стен стояли кабины машин времени. Над одной из них висела табличка с надписью готическими буквами:

ГРАМЕРАЙ

Род вздернул брови:

— Нам предоставлена персональная машина времени?

Мак Аран кивнул:

— Я же говорил вам, как важен для нас Грамерай. Она заведена на реальное время, начиная с... — он смущенно кашлянул в кулак, — с того небольшого происшествия с неандертальцами. Ну, вы помните.

— Еще бы не помнить, — нахмурился Род. — Между прочим, я собрался вас расспросить об этом происшествии.

— Как-нибудь в другой раз, ладно? — торопливо проговорил Мак Аран. — А сейчас лучше вспомнить о том, что кое-кто дожидается вас уже целых две недели подряд.

— Верно! И нам нужно как можно скорее вернуться к ним! — воскликнула Гвен и вбежала в кубическую кабину машины времени. — Отправьте нас к ним поскорее, доктор, умоляю вас!

— О, я могу это сделать даже немного скорее... — Мак Аран внимательно взгляделся в показатели на пульте. — Я могу установить параметры времени, соответствующие вечеру того дня, когда вас похитили.

Глаза Гвен радостно сверкнули, а Род сдвинул брови:

— И долго ли нам придется ждать?

— Всего минуту, пока я переустанавливаю параметры, — ответила Мак Аран. — Но само путешествие займет пару часов, потому что временная матрица должна будет перестроиться на новую конфигурацию.

— Я не смогу ждать так долго! — воскликнула Гвен и сжала руку Рода. — Хотя и не сомневаюсь, что за ними хорошо присматривали в наше отсутствие. О, я сгораю от нетерпения — так хочется снова увидеть наших детишек!

Род пожал плечами:

— Думаю, деткам даже на пользу было то, что они немного пожили без нас. Наверняка няньки их немилосердно баловали.

— О! — Гвен прижала ладонь к губам, широко раскрыла глаза. — Робин будет ужасно сердиться на нас за то, что нас так долго не было.

— Верно. Но зато как он обрадуется, когда мы возвратимся!

— Правда, — кивнула Гвен и порывисто обернулась к Мак Арану. — О, отправляйте же нас домой поскорее, доктор, заклиная вас!

Мак Аран пожал плечами:

— Желание клиента — закон для нас.

Он протянул руку и нажал на кнопку.

Род и Гвен ощутили неровный толчок, и только успели справиться с подступившей дурнотой, как оказались в сумеречном лесу. Перед ними простиралось ровное, блестящее зеркало озера.

Род заморгал и изумленно огляделся по сторонам:

— Вот это да! Да ведь это то самое симпатичное лесное озеро, про которое я тебе рассказывал!

— Но, надеюсь, ты не станешь на меня сердиться за то, что я не стану им любоваться? — спросила Гвен и добавила: — Тем более что я не верю в добродетельность той старой карги, что рассказала тебе об этом райском местечке. — Она порывисто обвила руками шею Рода. — О муж мой! Мы дома!

— Верно! — воскликнул Род и с нескрываемым облегчением крепко обнял жену.

Но тут он неожиданно вспомнил о той могущественной энергии, которая оказалась подвластной Гвен, и о том, сколько она успела узнать об электронике, и ощутил, как крадется к сердцу холодок опасений. Страшновато было обнимать женщину, которая была способна устроить такой жуткий кавардак — тем более в мире, напичканном техникой. Роду стало не по себе.

Гвен это почувствовала.

— Супруг мой? Господин мой?

Род нежно отстранил ее:

— Ведь мы теперь не совсем те, какими нас отсюда похитили, верно?

— Почему же? — с испугом и болью заглянула ему в глаза Гвен. — Мы по-прежнему — мы, господин мой. Кем же еще мы можем быть?

— Ну, хорошо, мы это мы, — проворчал Род. — Но мы изменились. И скажем так: в процессе этих изменений ты кое-чему научилась, верно?

— Однако это не помешало мне остаться самой собой и нисколько не изменило тех чувств, которые я питаю к тебе, — горячо возразила Гвен. — Нет, господин мой! Не думай — никогда не думай! — что только из-за того, что, обретая новые познания, умения или могущество, я стану любить тебя хоть на толику меньше!

— Да, но... Понимаешь... Это ведь как бы не совсем твои познания. — Род в отчаянии раскинул руки. Он никак не мог подобрать нужные слова. — Это... это мои познания!

Гвен замерла, пристально глядя на него.

— Вот как... — ошеломленно проговорила она и повторила: — Вот, стало быть, как.

— Да, — пристыженно признался Род. — Те знания и навыки, которыми прежде обладал только я... Понимаешь, мне казалось, что только из-за них ты меня и ценишь и считаешь достойным тебя.

— О, как же плохо ты себя знаешь, Род Гэллоугласс! — воскликнула Гвен, жарко обняла мужа и притянула к себе его голову. — Твоя доброта, величие твоей души столь дивны в сравнении со всеми твоими познаниями и умениями, и даже с твоим могуществом чародея! Я полюбила тебя за твою нежность и заботу и за ту силу решимости, благодаря которой я чувствую себя в безопасности рядом с тобой! Я люблю тебя, а не твои знания! — Она немного отстранилась и склонила голову набок. — И кроме того, ты от меня тоже позаимствовал кое-какие навыки и познания, а не только я от тебя.

— Это верно, — признал Род. — Но это — другое.

— Другое лишь в том, что я несказанно радуюсь этому, а тебя это, похоже, страшит, — возразила Гвен. — Но тебе не стоит ничего бояться, ибо я люблю тебя — я люблю то необъяснимое, неопишемое, невыразимое, что зовется Родом Гэллоуглассом, — и только это! И ни при чем тут твое могущество и

твои знания! — Но тут Гвен нахмурилась, озадаченная новой догадкой. — Или ты любишь меня меньше теперь, зная, что я овладела кое-чем из твоей магии?

Род в страхе устался на жену, но его губы тронула улыбка.

— О нет, я люблю тебя не меньше, но... я действительно боюсь. Надеюсь, правда, что я с этим справлюсь. — Он взял Гвен за руки. — Уж если тебе удалось соединить магию с высокоразвитой техникой, то я научился применять технику в магии!

Гвен запрокинула голову и серебристо рассмеялась. А потом прижалась к груди Рода, и их губы слились в долгом поцелуе.

Наконец Род не выдержал и отстранился, чтобы отдышаться. Он обнял Гвен за талию и указал на тропинку, что вилась между деревьями.

— Нужно вернуться к детям, — с улыбкой проговорил он. — Да и кровать у нас в доме такая удобная...

Гвен лучисто улыбнулась мужу:

— Думаю, нынче ночью дети уснут пораньше, господин мой.

Рука об руку супруги зашагали по лесной тропинке. Рука об руку, соединив сознания и останавливаясь лишь время от времени, чтобы проверить, нет ли поблизости мысленного следа врагов.

Они подошли к дому и распахнули дверь, готовые произнести слова радостного приветствия, но слова застыли у них на губах. Род в ужасе вытаращил глаза. Стол и стулья валялись у стен. Большую часть пола в гостиной занимал поверженный великан ростом не менее восьми футов, а рядом с ним лежали еще двое более обычного роста. На одном из них был темно-синий балахон, вышитый знаками зодиака, и такого же цвета остроконечная шляпа. Второй была красивая девушка лет двадцати, волосы которой были повязаны платком. Все трое были крепко-накрепко связаны друг с другом веревкой из пеньки и выглядели в точности как мумии, которых приготовили к укладке в один саркофаг на троих.

Джеффри стоял рядом с великаном, помахивая дубинкой. Корделия сидела на полу у ног женщины, весело напевая и вышивая носовой платочек. Магнус, подбоченившись, стоял подле колдуна — видимо, следил за тем, как бы тот не выкрик-

нул какое-нибудь заклинание. А Грегори, скрестив ножки, восседал на каминной доске, задумчиво озирая эту картину.

У камина сидел весьма и весьма озабоченный Пак. При звуке голоса Рода он вскинул голову, увидел его и Гвен, застонал, прыгнул в камин и с отчаянным воплем исчез в дымоходе.

Гвен в ужасе стояла, не в силах пошевелиться.

Но Род поспешно приступил к воспитательному процессу:

— Чем это вы тут, интересно бы узнать, занимались, а? — гневно спросил он.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАРОДЕЙ В ЯРОСТИ	5
ЧАРОДЕЙ-СТРАННИК	289

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Сташеф Кристофер
Чародей в ярости
Чародей-странник
Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адашкина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор Н.К. Белова
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП «Издательство
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Кристофер Сташеф — человек, который сумел сказать собственное — бесконечно оригинальное — слово там, где сделать это было уже практически невозможно. То есть — в жанре иронической фэнтези. В мире высоких замков, сильно нуждающихся в ремонте, прекрасных принцесс, из последних сил правящих разваливающимися по швам королевствами, обольстительных и веселых ведьмочек, гнусных до неправдоподобия монстров и — ЧАРОДЕЕВ ПОНЕВОЛЕ. Чародеев, чье единственное оружие в мире «меча и магии» — юмор, юмор и еще раз юмор!

Мы росли на саге о невероятных приключениях достославного сэра Рода Гэллоугласса.

Мы — выросли. Приключения — остались.

Мы никогда не сумеем вырасти из этих приключений!

«Скорость побега»
«Чародей поневоле»
«Король Кобольд»
«Очарованный чародей»

«Чародей в ярости»
«Чародей-странник»

ISBN 5-17-015006-7

9 785170 150069